Lev N. GUMILEV

1

Лев Н. ГУМИЛЁВ

Lev N. GUMILEV

древние тюрки

Лев Н. ГУМИЛЁВ

ФОНД «МИР Л.Н. ГУМИЛЕВА»

Lev N. GUMILEV

СОЧИНЕНИЯ

ТОМ 12

Составитель А.И.Куркчи

МОСКВА
ИНСТИТУТ
ДИ-ДИК

Лев Н. ГУМИЛЁВ

древние тюрки

I

УДК 947.0 (тюрк.)
ББК 63.3 (0=тюрк.)
Г94

Книга издана при финансовой поддержке
Всероссийского общественного-политического движения
«Духовное наследие»

Гумилев Л.Н.

Г 94 Древние тюрки / Сост. и общ. ред. А.И.Куркчи: В 2-х книгах. Кн. 1. М.: Институт ДИ—ДИК, 1999. — 480 с.: ил. — (Серия «Сочинения Л.Н.Гумилева»; Вып. 12).

ISBN 5-87583-068-9

В двухтомник Л.Н.Гумилева «Древние тюрки» вошла его известная книга и ряд статей ученого, исследующих историю тюрков и тюркского каганата. В книге описаны закономерности возникновения, развития и гибели державы древних тюрок. Автор уделил большое внимание широкому кругу исторических проблем (политической жизни тюрок, их быту, религии, культуре), а также географическому размещению кочевников Срединной Азии на рубеже двух эпох — древности и средневековья.

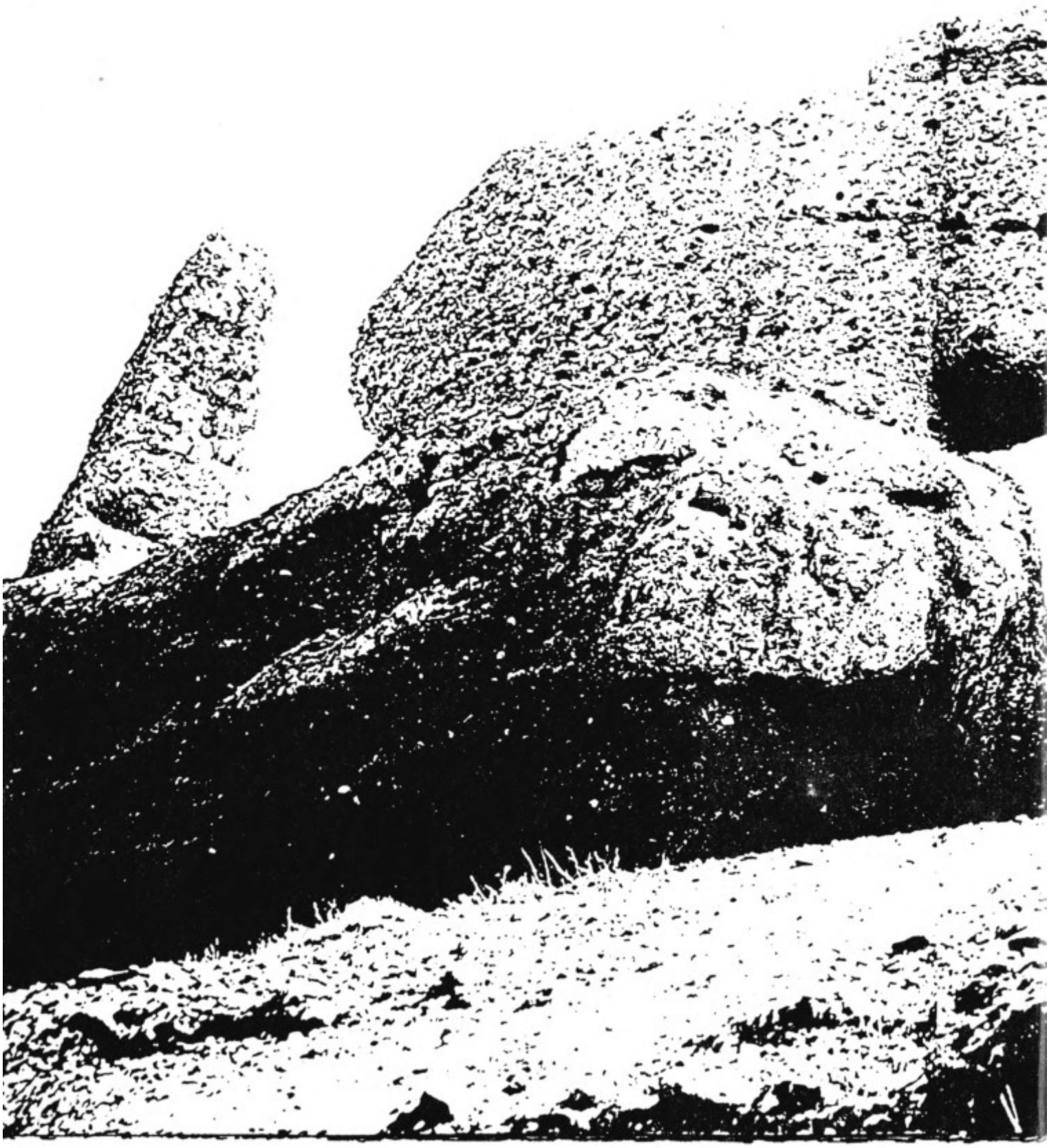
В приложении опубликован ряд материалов известных историков-тюркологов, а также поэзия древних тюрков.

© Институт ДИ—ДИК, 1999
© А.И.Куркчи. Составление. Комментарии. Подготовка и общая редакция Собрания сочинений, 1999
© Ю.К.Курбатов. Обложка. Общий макет серии, 1999

ISBN 5-87583-068-9

Л.Базен
В.В.Бартольд
Н.А.Баскаков
С.Г.Кляшторный
А.Н.Кононов
А.Е.Крымский
Махмуд ал-Кашгари
Ю.Немет
Б.Ринчен
И.Эрдейи

в книге Л.Н.Гумилева
“Древние тюрки”



Содержание

I

Предисловие. 13

ЗАБЫТАЯ ИСТОРИЯ

Удельно-лествичная система у тюрок в VI—VIII веках 21
Алтайская ветвь тюрок-тугю 41
Великая распря в Первом Тюркском каганате в свете
византийских источников 55
Орды и племена у древних тюрок и уйгуров 75
Три исчезнувших народа 86
Эфталиты и их соседи в IV веке 100
Эфталиты — горцы или степняки? 111

БАХРАМ ЧУБИНА

Война 589 г. и Гератская битва 129
Бахрам Чубина. Опыт критики источников 146
Подвиг Бахрама Чубина 165
Статуэтки воинов из Туюк-Мазара 187

ДРЕВНИЕ ТЮРКИ

Часть 1

ВЕЛИКИЙ ТЮРКСКИЙ КАГАНАТ

От автора 213

Введение 214

Глава I. Накануне (420—546) 218

Глава II. Предки 224

Глава III. Создание великой державы рода Ашина (545—581) 235

Глава IV. Шелк и караванный путь 252

Глава V. Внутри каганата 264

Глава VI. Тюркюты у себя дома 277

Глава VII. Религия тюркютов 289

Глава VIII. Мнения и сомнения 309

Глава IX. Великая распря (581—593) 326

Глава X. Поход на Иран 344

Глава XI. Ашина и Суй 360

Глава XII. Западный каганат 374

Глава XIII. Рождение империи Тан 391

Глава XIV. Восточный каганат 405

Глава XV. Мировая война VII века 421

Глава XVI. Десять стрел 439

Глава XVII. Табгачский хан 451

Глава XVIII. Конец тюркютов 467

II

ДРЕВНИЕ ТЮРКИ

Часть 2

ГОЛУБЫЕ ТЮРКИ И УЙГУРЫ,
ИЛИ ЭПОХА ВТОРОГО КАГАНАТА

Глава XIX. Агония Западного каганата
и тибетская экспансия 16
Глава XX. Преображение народ 26
Глава XXI. Восстание Кутлуга 37
Глава XXII. Воссозданный каганат 54
Глава XXIII. Потрясение 80
Глава XXIV. Голубые тюрки о себе 99
Глава XXV. Тибетцы и тюргеши 121
Глава XXVI. Каганат и империя 135
Глава XXVII. Создание Уйгурского каганата 145
Глава XXVIII. Восстание Ань Лушаня 160
Глава XXIX. Тибет в VIII веке 185
Глава XXX. Уйгурия в VII—IX веках 207

Приложение
Синхронистическая таблица 218
Генеалогическая таблица 242
Ономастическая таблица 246

ДИАЛОГ ИСТОЧНИКОВ

В.В.Бартольд
История турецко-монгольских народов. 265

А.Н.Кононов
Опыт анализа термина тӱрк. 299

Н.А.Баскаков
Тюркизмы — социальная терминология
в "Слове о полку Игореве" 307

Л.Базен
Человек и понятие истории у тюрков Центральной
Азии в VIII веке 317
Концепция возраста у древних тюркских народов 332

И.Эрдейи
Авары 350

Ю.Немет
К вопросу об аварах 362

С.Г.Кляшторный
Восточнотюркский каганат и Средняя Азия 369

Хронология и историки. Два мнения о книге 389
С.Г.Кляшторного

Об историческом синтезе. Диспут о древних тюрках
(тюркютах) в ВГО 402

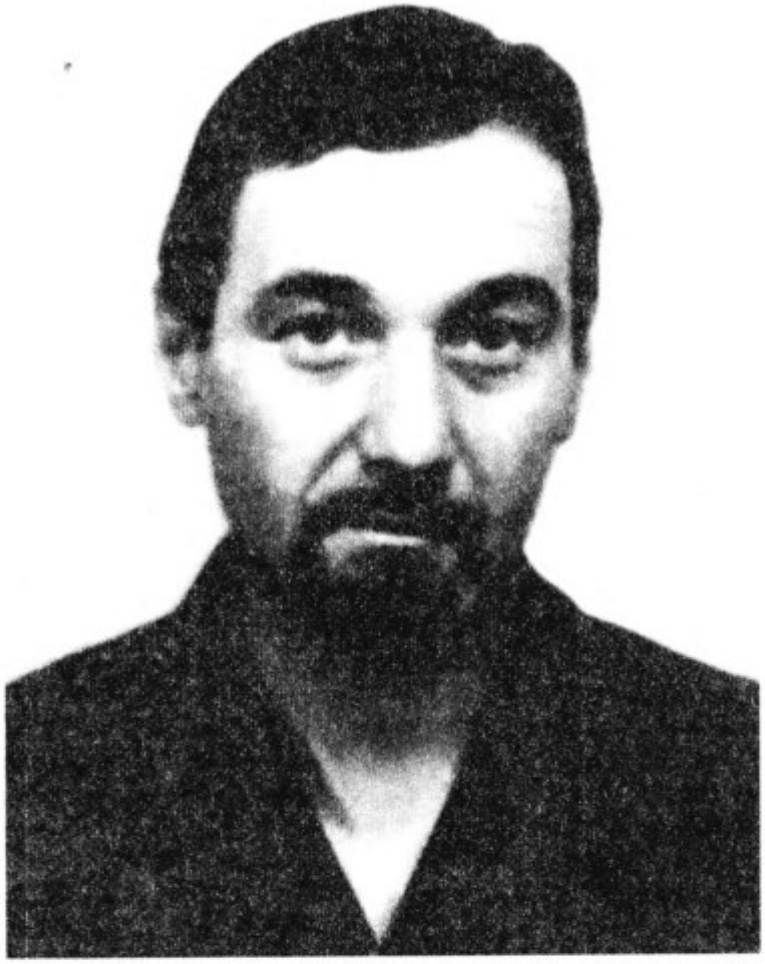
Махмуд ал-Кашгари
Поэзия древних тюрков. Диван лугат ат-турк 420
Перевод Анатолия Преловского

А.Е.Крымский
Тюрки и тюркские народы. 447

Письмо Б.Ринчена Л.Н.Гумилеву 470

Коротко об авторах 475

Первая публикация работ Л.Н.Гумилева 478



Искаженная пространством бесконечность
Может быть, не канет в пустоту;
Может быть, и детская беспечность
Не сорвется на лету.
Может быть, испивши все отравы,
Весь прошедши свет,
Ты запишешь в рукописи славы
Летопись побед.
Сжать судьбу в кулак, швырнуть под ноги,
Растоптать и снова приподнять,
Чтобы други, недруги и боги
Смели лишь смотреть - и трепетать.
Чтобы тьма разверзлась под ударом,
Чтоб огни воскресли в глубине,
Чтобы все загрезили о старом
В сонном царстве, в вечном полусне.

Предисловие

Мы представляем читателю последнюю большую монографию Л.Н.Гумилева «Древние тюрки» — последнюю не по времени написания, а по изданию ее в нашем Собрании сочинений. Далее последуют книги, составленные из статей и неопубликованных работ ученого.

За прошедшие четыре года, со дня издания в 1994 г. первого тома «Поиски вымышленного царства», мы получили множество откликов: писем, рецензий, в том числе и критических. Суммируя мнения, можно сказать, что в целом наше издание оказалось наиболее удачным вариантом подачи сочинений ученого. Мы издавали книги не в соответствии с хронологической последовательностью их прижизненной публикации, но по задуманной нами программе ознакомления читающего мира с логикой историософской концепции Л.Н.Гумилева. Мы не ставили нумерацию на томах Собрания сочинений — каждый волен расставить книги так, чтобы развернуть тексты в соответствии со своими интересами: от ранних работ к более поздним или иначе, от концептуального «Этногенеза и биосферы Земли» к более популярным работам, таким как «Конец и вновь начало» или «Костер планеты».

Прижизненные издания Л.Н.Гумилева имели, естественно, большое значение для подготовки Собрания сочинений, но их оказалось явно недостаточно. Необходимостью стала текстологическая работа, восстановление опущенных фрагментов в изданиях прежних лет, возникших, в том числе, и по цензурным соображениям. Нужны были исправления редакторского характера, уточнение хронологии, выверка транскрипций и написания в соответствии с современными нормами имен собственных, этнонимов, топонимов.

Выпускаемые ныне 12-й и 13-й тома «Древних тюрок» — это «итог и остаток», выражаясь старым слогом, и потому нам остается лишь признать, что упорство нашего издательского проекта в непростых экономических обстоятельствах основывалось на неослабевающем внимании читателей к работам ученого. Фонд «Мир Л.Н.Гумилева» и издательство «ДИ-ДИК» подкрепили этот интерес параллельной се-

рией книг «Мир Гумилева. Арабески истории», перекликающейся со всеми основными темами творчества историка. Совокупно составилась вполне серьезная библиотека с большим объемом информации, начиная от собственно этнологии и истории до истории религии, культуры, археологии. Более ста имен выдающихся исследователей Востока, Юга и Запада России разных столетий опубликовано нами в двух сериях. В дальнейшем мы надеемся превратить параллельную серию в некий универсальный свод, каталог историософии — исторического знания, столь необходимого сегодня. Стержнем этого свода, безусловно, станет духовно-исторический опыт народов Евразии, представляемый уже монографически учеными-русистами, ориенталистами, медиевистами.

Издание сочинений Л.Н.Гумилева не является строго академическим, однако благодаря публикациям привлекаемого дополнительного материала мы приближаемся к типу научных изданий, не имеющих сегодня аналогов. Объем усилий, вложенных в подготовку этого издания, связанных прежде всего с восстановлением авторского текста и авторской идеи, во многом решает принципиальную проблему будущих изданий текстов ученого, поскольку основной корпус сочинений согласован между собой и представляет не спонтанное, но цельное полотно Всемирной истории, рассмотренной в новой, непривычной научной терминологии автора.

Книга «Древние тюрки» имеет долгую биографию: первая статья на эту тему была написана Л.Н.Гумилевым еще в 1935 г. — она публикуется в первом томе. Позже, в 1948 г., в Ленинградском университете были изданы две страницы тезисов на соискание ученой степени кандидата наук. Защита состоялась 28 декабря 1948 г. Называлась диссертация «Политическая история Первого Тюркского каганата 546—659 гг.». Обращает внимание начальная датировка — 546 год: эта дата послужит в дальнейшем, в наши дни, своего рода точкой отсчета в хронологии рождения и становления первой тюркской государственности, которой исполнилось 1450 лет.

Затем последовали годы молчания — о причине знают ныне все, и на следующем жизненном витке, уже в 1961 г. работа под названием «Древние тюрки VI—VIII вв. История Срединной Азии на границе древности и Средневековья» была представлена как докторская диссертация для защиты в Ленинградском университете. Выходные данные: Ленинград, 1935—1961 гг., 753 листа рукописи.

К тому времени уже вышли «Хунну» (1960) и ряд статей о Тюркском каганате. После защиты диссертации последовали годы интенсивных публикаций (1963—1966), и Лев Гумилев стал властителем дум в научной, студенческой, литературной средах. В 1967 г. «Древние

тюрки» под грифом Института народов Азии вышли в свет: 504 страницы текста с картами, тиражом 4800 экземпляров. Примечательно, что диссертационная работа ученого была безоговорочно принята академическими кругами. Темы истории хуннов и тюрок стали общезначимыми; но как только ученый перешел к определенным теоретическим обобщениям, связанным с генезисом кочевнических народов и с более общими проблемами расселения народов на Земле, между ним и общественностью началась эра непонимания, закончившаяся открытой враждебностью ортодоксальной науки к новому типу знания и остракизмом Л.Н.Гумилева.

Выход в свет «Древних тюрок» в 1967 г. подвел черту под целым историческим периодом изучения огромного кочевнического образования, так называемого «Тюркского Эля» (эль — союз, государство). Для многих русских читателей, незнакомых с большими работами французов, немцев, англичан по истории Центральной Азии, книга стала откровением. Еще большей неожиданностью «Древние тюрки» оказались для жителей советских тюркских республик: она повторила роль «Истории Государства Российского» Карамзина, который, по оценке современников, открыл Россию читающему человеку так, «как Колумб открыл Америку».

Действительно, во многом благодаря «Древним тюркам» и Л.Н.Гумилеву на протяжении жизни одного поколения произошло явное открытие страны тюрок. Он описал историю создания империи исчезнувшего народа, но оказалось, что наследниками этого прошлого ощутили себя разнообразные тюркские народы Евразии— России, и не только России, но и Китая, Балкан, Передней Азии. И если в 1890-е годы русские востоковеды изучали языки, обычаи, письменность, фольклор тюркских племен Сибири, Монголии, совершая для этого буквально героические экспедиции, как в колонизуемую индейскую Америку, — в Саяны, на Алтай, Тибет, Джунгарию,— то в 1930-е годы тюркские народы-республики, ставшие субъектами всевозможных государственных начинаний в СССР, превратились в острую проблему, приближаться к которой было опасно. Общая история этих народов, осужденная как «пантюркизм», обжигала, а сами народы частично были депортированы уже в 1940 годы. Таков был фон выхода книги в свет.

Лев Николаевич Гумилев посвятил «Древние тюрки» тюркским народам Советского Союза. Посвящение редкое, если не исключительное. Оно, однако, не было бы полным, если бы ученый (и долгое время политический заключенный) в авторском слове не вспомнил бы с благодарностью о тех, кто помог ему книгу написать — на воле и в лагере. Расшифруем это посвящение.

Григорий Ефимович Грумм-Гржимайло (1860—1936) — учитель и старший товарищ ученого, с 1930 года фактически отстраненный от Академии. Он стал собеседником и наставником молодого Л.Н.Гумилева, их встречи были постоянны и в основном, по выражению Гумилева, «на фоне природы» — то есть на скамеечке Владимирского проспекта или при непродолжительных прогулках.

Николай Васильевич Кюнер (1877—1955) — выдающийся тибетолог, синолог, тюрколог. Памяти своего учителя посвятил Гумилев «Старобурятскую живопись».

Василию Васильевичу Струве (1889—1965) в Ленинградский институт востоковедения Гумилев тайно прислал из лагеря первый текст рукописи «Древних тюрок».

С.И.Руденко, М.И.Артамонов, А.П.Окладников были друзьями и старшими наставниками ученого уже в «мирные» послелагерные годы.

Но без прямого соучастия в его судьбе еще трех друзей и помощников Гумилев не мог бы написать и издать свою книгу. В лагерях он встретил Льва Александровича Вознесенского, племянника знаменитого партийно-государственного деятеля сталинских времен, и дружба и взаимная поддержка двух лагерников продолжалась до смерти ученого.

Важнейшей оказалась встреча в Карагандинском лагере с врачом из Тбилиси Дурмишханом Епифановичем Алшибая (1921—1992), который помогал ссыльному ученому так, как только мог помочь врач в лагерных условиях. Арестованный накануне госэкзаменов, обвиненный в терроризме и получивший 25 лет лагерей, Д.Е.Алшибая, по признанию Л.Н.Гумилева, обреченного на общие работы, то «что-то отрезал, то что-то мне пришивал», давая возможность в больнице писать (часто — на оборотах больничных бланков). Алшибая помогал Гумилеву и переправлять рукописи на волю.

Наконец, Татьяна Крюкова — этнограф, сотрудник Музея этнографии в Ленинграде, описывавшая коллекции С.И.Руденко, женщина, бескорыстно, добросердечно помогавшая вернувшемуся из лагеря ученому.

Структура двухтомника «Древние тюрки» такова: 1-й том составляют три части. Первая часть — «Забытая история» — представляет статьи Л.Н.Гумилева о древних тюрках, предшествующие монографии и подготовившие ее. В них содержится анализ первоначальной истории ранних тюрок — тюрок Первого каганата 546—659 гг. и становления Великого Эля как государства тюрок-тюркютов, начавших свое государственное строительство во времена после великого переселения народов 300—500 годов н.э. Первая часть открывается одной из важнейших статей молодого Л.Н.Гумилева «Удельно-лествичная

система у тюрок в VI—VIII вв.», первый набросок которой относится к 1935 г. Опубликована в 1959 г. как постановка проблемы в этнографической и социологической науках: о становлении ранних форм государственности, в русле энгельсовой теории стадиальности («варварство — оседлость»).

Вторая часть — «Бахрам Чубина» — посвящена выдающемуся полководцу Ирана и представляет фрагмент военной истории — фрагмент тюрко-иранской или, точнее, турано-иранской многовековой борьбы. Четыре статьи ученого вводят в систему политических кризисов, происходивших при становлении Каганата и распадении огромной степной империи на Западную и Восточную в 604 г. Столкновения Сасанидского Ирана и Каганата — канва огромных исторических перемен, происходивших в течение 1000 лет после того, как «первые варвары» — тюрки, перейдя границу Амударьи, вошли в Иран. Далее волны тюркских вторжений заполнили всю историю Передней Азии до конца XVIII века. Гумилев находит первый узел мировой истории в Средневековье — переход тюрок к созданию империй в Иране, Турции, Египте, подобно тому как переход германцев через Дунай ознаменовал создание поствварварской королевской Европы.

Третья часть — это уже публикация монографии Л.Н.Гумилева «Древние тюрки» — «Великий каганат». Вторая часть монографии — история «голубых тюрок» периода второго каганата 659—747 гг. открывает второй том. Как писал Гумилев, вторая часть «Древних тюрок» является синтезом осмысления истории тюркютов, кок-тюрок (официально, по терминологии «голубых тюрок») и уйгуров, в 747 г. окончательно разгромивших большую степную империю. Гибель народа на означала его исчезновения с лица земли. Часть тюрок оказалась в Китае и приняла участие в грандиозном восстании против империи Тан. Сохранить свою цивилизацию, поэзию, свои привычки помогли тюркам письменность и культура.

Полное название второй части «Древних тюрок» — «Голубые тюрки и уйгуры, или Эпоха Великого каганата». Эпоха эта характеризуется непрекращающейся столетней мировой войной: Китай, Тибет и тюрки Каганата, все, исходя из собственных грандиозных планов гегемонии в Азии, в итоге сообща похоронили надежды на главенство в этой части мира. Великую историю Азии заслонила история возникшей арабской империи на Переднем Востоке, а последовавшее военное столкновение китайцев и арабов в Средней Азии оттеснило на второй план битвы тюрок с Китаем. Но история восточной половины Азии не стала от этого менее значимой: возникшая через пятьсот лет в степях Монголии новая империя задала много новых загадок, тесно связанных с тюрками.

Как обычно, значительную часть в нашем издании составляет опорный для понимания важнейших компонентов истории того времени «Диалог источников».

Мы публикуем две историко-филологические статьи о происхождении термина «тюрк», о границах распространения этого самоназвания и тюркского языка и о тюркизмах в русском языке. Это работы академика А.Н.Кононова и Н.А.Баскакова.

Большой объем «Диалога источников» занят итоговой лекцией академика В.В.Бартольда, которая называется «История турецко-монгольских народностей».

Появление авар в Европе, с особым кочевым опытом и неясным происхождением, рассматривается в статьях И.Эрдейи и Ю.Немета, двух венгерских ученых, с которыми сотрудничал Л.Н.Гумилев. Наконец, две статьи французского тюрколога Луи Базена, ученика Ж.Дени, дают представление об историко-мифологических и пространственно-временных характеристиках внутреннего мира кочевников-тюрок и в какой-то мере перекликается с построениями Л.Н.Гумилева — например, с идеями, высказанными им в статьях «Этнос и категория времени», «Этнос как явление», «Древнемонгольская религия».

Мы публикуем фрагмент работы С.Г.Кляшторного «Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии» и дискуссию, возникшую вокруг этой работы; в ней принял участие Л.Н.Гумилев; мы публикуем также материалы дискуссии в ВГО вокруг тюркологических работ самого Гумилева.

Статья академика А.Е.Крымского о связи истории тюрок и литературы, генетических особенностях мировосприятия народов нового круга истории — уже после гибели Каганата и возникновения ряда новых тюркских народов, главным образом, тюрок-османов — интереснейшая тема новой действительности, о которой сегодня у нас, на родине тюрок практически мало что известно.

Замыкает «Диалог источников» публикация стихотворных переводов древнетюркской поэзии, совершенно не известной широкому читателю.

Наконец, последнее, о чем хотелось бы сказать. Два года назад в новой столице Казахстана Акмоле был открыт университет. Первой гуманитарной работой, изданной этим университетом, стало блестящее лингвистическое исследование молодого казахского тюрколога Абая Каиржанова «Palaeoturcica. Исследование в области фразеологии памятников древнетюркской рунической письменности VII—IX веков». На титульном листе книги — гриф: «Евразийский университет имени Л.Н.Гумилева». Дань тюркского народа русскому историку.

Айдер КУРКЧИ

ЗАБЫТАЯ ИСТОРИЯ

Удельно-лествичная система у тюрок в VI—VIII веках (К вопросу о ранних формах государственности)

1

Варварские империи, которые Маркс называл "готическими", имели одну особенность, чрезвычайно важную для понимания их истории: такую империю было гораздо легче создать, чем сохранить в целости хоть сколько-нибудь продолжительное время. Обычно если не дети, то внуки видели уже закат и распад державы. Так было и с империей Карла Великого, и с державой Чингисхана, и с большинством политических образований кочевников более раннего времени. Попробуем разобраться в причинах этого явления и обратимся непосредственно к интересующей нас эпохе — концу VI века, когда возникла великая тюркская держава династии Ашина.

Подобно другим "готическим империям", она создалась быстро и за какие-нибудь 30 лет достигла максимальных размеров, распространившись от Желтого моря до Черного. Тяжелая конница[1] первых тюркских ханов легко разгромила плохо вооруженные и еще хуже организованные соседние кочевые племена и нанесла жестокие удары даже высококультурным соседям: Китаю, Ирану, Византии.

Но эксплуататорская и грабительская власть не могла привязать к себе новых подданных, за исключением согдийских купцов[2], и сепаратистские тенденции отдельных племен не только не угасали, но постоянно вспыхивали до самой гибели державы. И одной из самых острых политических проблем, стоявших перед ханами династии Ашина, была проблема предотвращения отпадения окраин; трудность ее разрешения была чрезвычайно велика.

Прежде всего мы должны учесть, что покоренное племя было верным до тех пор, пока панцирная конница с волчьими головами на знаменах была недалеко. Только наместник, обладающий значительными силами, мог предотвратить отпадение племени.

Но что могло заставить самого наместника сохранить верность, если в его руках были власть и войско и огромные расстояния отделяли его от ханской ставки? Правда, можно было посадить в наместники родственника, но война между родственниками — дело обычное, и одно это положения не спасало. Тогда-то и была принята удельно-лествичная система, знакомая нам по истории Киевской Руси.

Автор Никоновской летописи, определяя порядок престолонаследия в Киевский период, отметил: "Деды наши лествицей восходили на великое княжение". (Лествица — это кожаные четки, гофрированный ремешок, по которому считают число поклонов на молении, перебирая складки одну за другой.) В.О.Ключевский называл этот порядок "очередным", но я предпочитаю сохранить старый термин, как нельзя более соответствующий существу дела, и прибавить к нему лишь понятие удела, так как именно в наличии удела было оправдание той сложности, которая возникала при этой системе. Смысл ее заключался в следующем. Наместник, сажаемый в отдаленную область, должен был быть заинтересован в верности великому хану. Тюркские владыки не имели того цемента, которым для халифов дамасских и багдадских был ислам, а для китайских императоров — развитая бюрократия. Добрые чувства или личные качества наместников не служили гарантией. Необходима была его личная заинтересованность, и таковую могла создать лишь перспектива роста. Эту-то перспективу и давал лествичный, или очередной, порядок занятия престола. Первое время, пока тюркская держава была невелика, в нем не было надобности. Но со времени фактического основателя империи Мугань-хана (553—572) тюрки ввели закон о престолонаследии, по которому младший брат наследовал старшему, а старший племянник — дяде. В ожидании престола близкие родственники хана получали в управление уделы. Таким путем достигался двойной результат: во главе государства не мог оказаться ребенок, не способный к управлению, а удельные князья имели надежду получить верховную власть, что *отчасти* предотвращало возможность отпадения. Конечно, это был паллиатив, но тем не менее система свою роль сыграла, и великая тюркская держава вместо тридцати—сорока лет просуществовала двести.

Текст закона до нас не дошел, так как мы не имеем памятников тюркской письменности VI века, но как отдельные намеки в источниках, так и сам ход внутренней истории древних тюрок дают нам возможность проследить действие закона и причины отступлений от него.

Рассмотрим династические отношения ханов Ашина под этим углом зрения, разумеется, не стремясь исчерпать все многообразие исторического процесса, приведшего тюркскую державу от величия к гибели. Причин для того и для другого было много, и исследуемый нами порядок был одной из них, но, как мы увидим, весьма существенной.

Однако прежде чем перейти к изложению, я полагаю необходимым предпослать краткое замечание о методе исследования. Основным материалом мне послужили имеющиеся переводы китайских летописей Суй-шу, Цзю Тан-шу и Синь Тан-шу[3]. При сличении этих переводов текст восстанавливался точно, в случаях разночтений я сверялся с текстом с помощью китаиста А.А.Штукина. Кроме того, я пользовался извлечениями из различных китайских сочинений, содержащихся в работах западноевропейских авторов[4]. Материал, приводимый в статье, получен в результате критической сверки всех использованных сочинений с переводами китайских текстов.

Другим источником мне служили памятники древнетюркской письменности[5].

Известия армянских и византийских авторов содержат мало материала о тюркском престолонаследии. Нужные сведения по этому вопросу имеются в указанных выше трудах Ж.Дегиня, Э.Шаванна, а также у М.И.Артамонова[6].

В исторической литературе я нашел трех авторов, уделявших внимание древнетюркскому престолонаследию: это Ж.Дегинь, Г.Е.Грумм-Гржимайло и А.Н.Бернштам[7]. Все три мнения заслуживают внимания. Дегинь констатирует, что у древних тюрок был закон (espèce de loi), на основании которого младший брат наследовал старшему[8], но он не объясняет ни причин его возникновения, ни его роли в древнетюркском обществе. Разумеется, это не может быть поставлено ему в вину, так как проблематика такого рода не интересовала представителей "эрудитской школы". Его мнение буквально повторяет Н.Веселовский в курсе истории Средней Азии, указывая на сходство тюркской системы с удельным строем Киевской Руси[9].

Наоборот, Грумм-Гржимайло находит, что "строгого порядка преемства престола у турок не существовало... в действительности престолонаследие находилось в зависимости от воли родовичей, ограниченных, однако, в свободе выбора пределами царствующей династии"[10]. Согласиться с этим мнением невозможно. В источниках мы нигде не встречаем упоминаний о выборах, и у нас нет данных, чтобы толковать вельмож как вершителей судеб империи. Ни разбросанные по степям беги, ни субординированный административный аппарат не могли выступать и не выступали в этой роли. Они только блюли закон и мешали

узурпациям. Разумеется, они не всегда добросовестно исполняли свои обязанности; примешивая к ним личные интересы, они "впадали в ошибку" — измену, но это явление общее для всех народов.

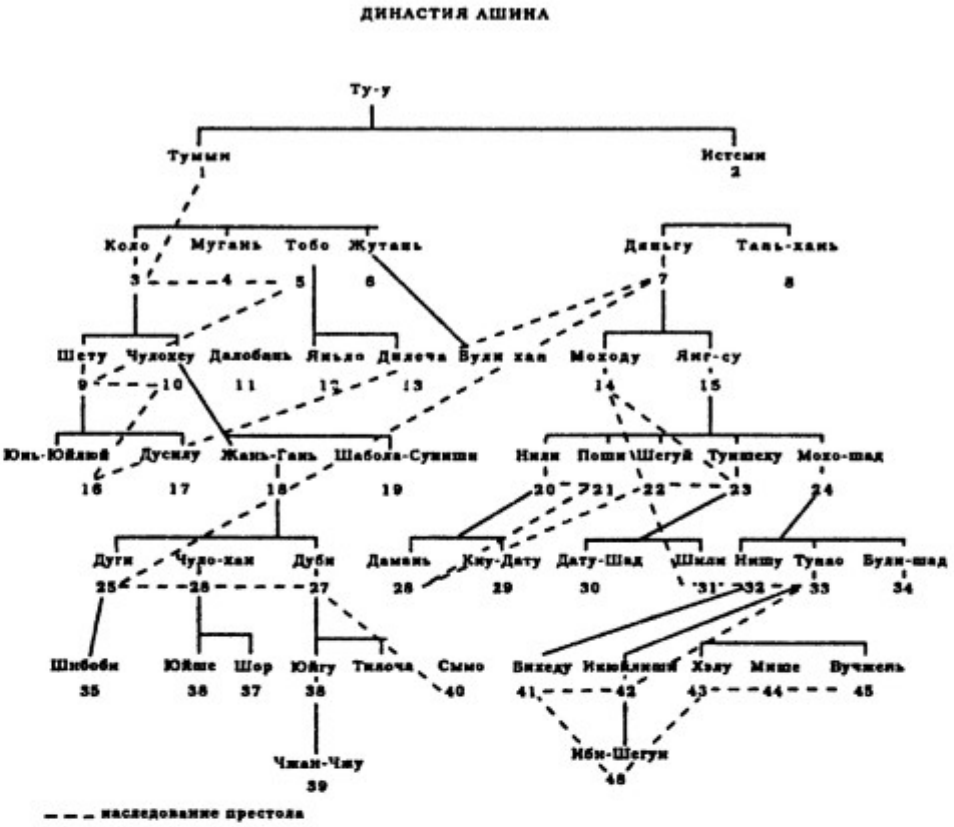
А.Н.Бернштам формулирует свое мнение так: "В турецком обществе наследственность — узурпированное право богатого представителя племени"[11]. Совершенно правильно констатировано им отсутствие выборности, но порядок наследования не отмечен. Что же касается "богатого представителя племени", то это неверно. Конечно, ханы великой тюркской державы были людьми, обеспеченными материально, но что значит личное богатство, когда речь идет о власти над колоссальной империей! Ни один из ханов не был чужим роду Ашина. Даже среди претендентов мы не встречаем лиц, не принадлежавших к ханской династии. В великой тюркской державе знатность, видимо, ценилась выше богатства. Нужно прибавить, что в более поздних работах А.Н.Бернштам этого утверждения не повторяет.

Я сознательно обошел в данной статье вопросы, связанные с социальным строем и общественным развитием древних тюрок. Эти вопросы столь серьезны, что не могут быть решаемы попутно; я исследовал лишь один институт, без учета которого история древних тюрок останется для нас непонятной.

2

Ашина был крупный род в Хэси, с 439 г. обосновавшийся на Алтае и сплотивший вокруг себя окрестные племена. До середины VI века они были подданными жужаней, но в 546 г. Тумын, первый хан тюрок, разбил и присоединил к своему аймаку 50 тысяч кибиток уйгуров, воевавших тогда против его сюзерена, жужаньского хана Анахуаня. Успех окрылил его надеждой, и он обратился к хану Анахуаню с просьбой дать ему в жены царевну. Оскорбительный ответ последнего послужил поводом к войне. Жужани потерпели поражение и бежали в Китай, где были добиты в 555 г. За это же время были покорены кидани, кыргызы и разбиты эфталиты. В 556 г. удачный набег на Тогон заставил и это государство считаться с тюрками. В 558 г. тюркам подчинились огоры. В 60-е годы начинаются войны в Китае, в результате которых обе северные империи — Ци и Чжоу — стали тюркскими данниками. В 571 г. поход на Иран стабилизирует границу на Джейхуне, а в 576 г. тюрки отнимают у Византии Боспор и в 582 г. вторгаются в Лазику.

Это — апогей их могущества. Необходимо отметить, что в этот период внутри тюркской державы не было распрей.



Обращаясь к династическим отношениям в этот период, мы видим следующее. Тумыну, умершему в 552 г., наследует его старший сын Коло с титулом Исиги-хан, хотя младший брат Тумына — Истеми дожил до 576 г. В это время мы видим еще обычный порядок престолонаследия от отца к сыну, но уже в следующем, 553 г., он был нарушен. Гань-му сообщает об этом так: "Исиги-хан скончался. Сын его Нету (Шету) отменен, и младший брат Сыгин вступил на ханство под именем Мугань-хана"[12]. В "Собрании сведений..." Н.Я.Бичурин дает сходную формулировку: "Минуя сына его Нйету, поставили младшего брата Кигиня"[13]. С этого времени закон входит в силу, и 553 г. надо признать датой его "издания". Можно предположить, что в данном случае сыграла роль молодость царского сына, но в дальнейшем это обстоятельство не было решающим.

Мугань-хан умер в 572 г., и, "минуя сына его Далобяня, поставили младшего его брата под наименованием Тобо-хана"[14].

При Тобо-хане были впервые выделены уделы: Шету, его племянник, получил удел на востоке, а Жутань, его брат, — на западе[15]. Но Феофан Византийский сообщает нам, что уже к 569 г. тюркская держава делилась на четыре удела, а в 576 г. посольство Валентина обнаружило, что имеются уже восемь уделов[16]. Так как все удельные князья принимали участие в распре 583 г., то мы знаем их имена[17]. Все они принадлежали к роду Ашина.

3

Тобо-хан умер в 581 г. Он "перед смертию, обратясь к сыну своему Яньло, сказал: "Известно, что самое близкое родство есть между отцом и сыном. Но мой старший брат не уважил этого родства, а мне поручил престол. По смерти моей ты должен уклониться от Далобяня" (сына Мугань-хана)[18].

Этот текст особенно важен. Тут, во-первых, прямо говорится, что новая система престолонаследия никак не связана с понятием родового владения; больше того, она является нарушением прежнего порядка. Во-вторых, автором закона назван Мугань-хан, и, в-третьих, признается, что закон обратной силы не имеет и наследником престола назван не сын Коло Исиги-хана — Шету, а сын Мугань-хана — Далобянь, и тем самым подтверждается дата "издания закона".

Но Шету решил внести в закон корректив. Воспользовавшись непопулярностью Далобяня среди тюркской знати, считавшей, что Далобянь, как сын китаянки, не может стоять во главе государства, он явился на курултай и потребовал, чтобы престол был передан Яньло, сыну Тобо-хана, и в качестве аргументов сослался на "длинное копье и острую саблю"[19].

Аргументация оказалась убедительной, и Яньло был возведен на престол, но, будучи человеком отнюдь не энергичным, он уступил свое место Шету. Шету вступил на престол под именем Илигюйлу Ше Мохе Шаболо-хана или, короче, Шаболио. Далобянь в виде компенсации получил удел на севере и титул Або-хана.

Однако, анализируя ситуацию, создавшуюся в результате воцарения Шаболио, мы прежде всего должны отметить ее неустойчивость.

Тюркская держава распадалась на уделы, причем наиболее крупным был удел не великого хана, а Дяньгу Дату-хана — Семиречье. Дяньгу был сыном Истеми-багадура-джабгу и, значит, приходился великому хану дядей, но прав на ханский престол не имел, так как его отец не был великим ханом[20]. В аналогичном положении были его брат Туркcанф и сын Тобо-хана Дилеча, не говоря уже об Або-хане Далобяне.

Естественно, что, когда после поражения тюркских войск на китайском фронте в 583 г. Шаболио попытался наказать Далобяня, все эти князья встали на сторону последнего. Даже брат Шаболио — Чулохеу примкнул к повстанцам, и трон Шаболио-хана зашатался[21].

Его спасла быстрая капитуляция перед империей Суй, которая, приложив руку к организации мятежа, вовсе не была склонна заменить одного сильного хана другим. Китайский экспедиционный корпус разгромил мятежников и дал возможность Шаболио-хану умереть на пре-

столе в 587 г. И тут получилось новое осложнение: престол оказался вакантным, так как наследник Чулохеу был в стане врагов, а сын Шаболио-хана, Юнь Юйлюй, не решался сесть на не принадлежавший ему трон. Китайский летописец мотивирует отвод Юнь Юйлюя его личными качествами (слабость характера, трусость)[22], но это, несомненно, попытка объяснить непонятное явление, так как в дальнейшем Юнь Юйлюй вел себя смело и энергично. Подобные мотивировки часто приводятся в Суй-шу и Тан-шу, но отнюдь не соответствуют деятельности характеризуемых. Очевидно, китайцы, для которых лествица была явлением экзотическим, объясняли события по-своему, принимая случайное и частичное (т.е. личные качества и возраст) за главное.

Переписка, возникшая между Юнь Юйлюем и Чулохеу, особенно интересна и показательна. Она приводится у Жюльена и Дегиня в разных вариантах; это объясняется тем, что Жюльен цитирует Суй-шу, а Дегинь — Гань-му.

Текст Жюльена гласит: "Юнь Юйлюй отправил посла к Чулохеу. Когда Чулохеу увидел, что его хотят провозгласить ханом, он сказал (Юнь Юйлюю): "Со времени Мугань-хана большое число наших тюркских князей замещали старших братьев младшими, законных сыновей ублюдками. Они не придерживались обычая наших предков и нарушали их закон. Я хочу, чтобы Вы наследовали высшую власть, и не боюсь Вас приветствовать"[23].

Эта речь весьма показательна: снова Мугань-хан назван автором нового порядка, уничтожившего старый обычай. Новый порядок определен совершенно точно, а упоминание "ублюдков", вероятно, намек на претензии Далобяня, к этому времени уже скомпрометировавшего себя.

Юнь Юйлюй снова направил посла к Чулохеу, который передал тому следующие слова: "Мой дядя и отец имели этот корень (обычай). Их тела были как бы соединены в одно. Я не более чем ветвь или лист от этого древа. Как осмелюсь я стать господином, сделать, чтобы корень и ствол дерева снизошли до веток и листьев и чтобы мой дядя, облеченный в высочайшее достоинство, спустился ниже такого ничтожного лица, как я. Могу ли, кроме того, забыть приказание моего отца? Я хочу, чтобы мой дядя не колебался согласиться"[24].

Здесь определенно указана цель лествицы: "...их тела были как бы соединены в одно". Тела здесь, разумеется, понимаются не в физическом, а в политическом смысле, и этим подчеркивается, что удельно-лествичная система возникла отнюдь не из децентрализаторских тенденций, а как раз для противодействия им.

Текст, приведенный у Дегиня, еще яснее и конкретнее: "Как сказал он (Юнь Юйлюй. — *Л.Г.*): "Вы, Чулохеу, который так долго были вра-

гом моего отца, Вы подчинитесь его сыну, еще ребенку. Трон принадлежит Вам согласно *нашему закону* и согласно приказу моего отца, который Вас назначил своим преемником. Вы должны подчиниться"[25].

После долгих упрашиваний Чулохеу стал ханом, и его воцарение оказалось гибельным для Далобяня, так как подданные последнего перешли к Чулохеу[26]. В декабре 588 г. Чулохеу был убит стрелой в западном походе, и престол наследовал, в порядке очередности, Юнь Юйлюй, который заключением мира в 593 г. восстановил целостность державы. Это видно из того, что его антагонист Дяньгу по-прежнему остался удельным князем западных областей (Семиречья) с титулом Дату-хана[27]. Наследником престола оказался младший брат Юнь Юйлюя Жаньгань, получивший титул "тегин", т.е. наследник.

Принцип лествицы оправдал себя и спас государство от распада. Великая тюркская держава снова стала мощной и страшной для Китая на востоке и для Ирана на западе, особенно после того, как в 598 г. был возобновлен традиционный союз с Византией, а отложившиеся было огоры жестоко усмирены.

Тюрки начали готовиться к новой войне против Китая, но Суйское правительство также не дремало.

4

Самый способный из китайских лазутчиков Чжан Сун-шен, щедро рассыпая подарки и обещания, сумел организовать среди тюрок китаефильскую партию и, что особенно важно, поставить во главе ее наследника престола Жаньганя. Поведение последнего настолько походило на измену, что ханы Юнь Юйлюй и Дяньгу внезапным набегом разгромили его ставку. Однако сам изменник сумел бежать и в сопровождении пяти всадников и Чжан Сун-шена прибыл в Китай. Последовавшая за этим война вначале была удачна для тюрок, но Чжан Сун-шен знал их слабое место: уже укоренившийся в сознании легитимизм. Подосланные им убийцы[28] умертвили Юнь Юйлюя в его шатре, и престол снова стал вакантным.

Дяньгу оказался перед дилеммой: подчиниться изменнику или взять власть в свои руки. Он выбрал второе и "сам"[29] объявил себя ханом. Но узурпация не завоевала ему популярности в массах. Агенты Жаньганя возбудили восстание телесских племен и даже самих тюрок. Оставленный всеми, Дяньгу бежал в Тогон, где и умер, а Жаньгань без сопротивления вступил на престол осенью 603 г. Этот ничтожный государь не пользовался авторитетом среди своих подданных и жил в Ордосе под защитой китайских копий.

Естественно, что западные тюрки сочли момент подходящим для утверждения полной независимости. Но хан, занявший престол нового государства, Дамань, правнук Дату-хана Дяньгу, был столь же слаб и неспособен, как и его восточный сосед.

Удачное восстание уйгуров в Тянь-Шане показало, что нарушение принципа лествицы не оправдало себя, и дяди Даманя, Шегуй и Тун-Шеху, заручившись поддержкой китайского правительства (впрочем, только словесной), свергли Даманя, который бежал в Китай и был там убит по требованию Шиби-хана[30], наследовавшего Жаньганю в 608 г.

Энергичные ханы Шегуй и Тун-Шеху подняли значение Западного каганата; одновременно с этим мы видим и возвращение к лествичному престолонаследию.

Шегую, умершему в 616 г., наследует его брат Тун-Шеху. Аналогичное явление мы наблюдаем и в Восточном каганате: Жаньгань, пресмыкавшийся перед императором Ян-ди, стремившийся сменить даже тюркскую одежду на китайскую, а юрты на каменные дома[31], передал престол своему сыну Шиби-хану Дуги.

Но Шиби-хан не был похож на отца. Он сбросил китайский протекторат и начал войну с Китаем, которая не прекращалась до самого падения тюркской державы. Порядок престолонаследия был также восстановлен. Шиби-хану (608—619) наследовали его братья Чулохан (619—620) и Хели-хан (620—630). При Хели-хане тегином, т.е. наследником, был Шибоби, сын Шиби-хана, но он окончил жизнь в китайском плену вместе с Хели-ханом.

Кампания 630 г. отдала Восточно-Тюркскую державу в руки императора Тайцзуна Ли Шиминя, за исключением Халхи, которую захватило племя сеяньто.

Большая часть тюрок покорилась империи Тан, и ханы ставились по назначению Чананьского правительства. Вплоть до восстания 680 г. восточные тюрки для нашей работы интереса не представляют.

5

Западнотюркский каганат благодаря огромным расстояниям, отделявшим его от Китая, просуществовал еще четверть века, но 630 год и для западных тюрок оказался роковым. В этом году Тун-Шеху-каган был убит своим дядей Моходу, который объявил себя Кюйли Сыби-ханом[32].

Легитимисты немедленно подняли восстание. Во главе их был Нишу, племянник Тун-Шеху, сын его младшего брата[33]. Он отказался от предложенного ему престола и выдвинул новую кандидатуру: сына

Тун-Шеху — Шили, который и был единственным законным наследником, так как прочие дети западнотюркских ханов уже умерли. Моходу был разбит и убит, а Шили вступил на престол под именем Иби Бололюй-Шеху (он же Сы-Шеху-каган). Новый хан оказался подозрительным и жестоким. Он хотел казнить Нишу, но тот бежал в Харашар. Вспыхнувшее снова восстание заставило бежать самого хана, и на престол взошел Нишу. Очевидно, легитимный принцип был уже так прочно утвержден, что Нишу не решался принять престол и стал ханом лишь после того, как китайский император прислал ему формальное признание. Нишу умер в 634 г., и ему наследовал его брат Тунво под именем Шаболо-телиши-хан. Шаболо-телиши довершил организацию державы, разделив ее на десять аймаков: пять восточных — *дулу* и пять западных — *нушиби*. Но эта децентрализация не спасла государство от новых потрясений. Виновниками их на этот раз оказались восточные тюрки.

В 638 г. сын последнего восточнотюркского хана Хели, Юйгу-шад, с войском из племен чуюе и чуми появился на границах западнотюркской державы. Он нашел сторонников среди Западно-Тюркских вельмож и нанес Шаболо-телиши-хану ряд поражений. Война закончилась разделом каганата между соперниками, причем граница была установлена по реке Или. Юйгу принял титул Иби Дулу-хана[34]. Однако мир был непрочным: воины Шаболо-телиши-хана бежали к Юйгу. Оставленный всеми, Шаболо-телиши бежал в 639 г. в Фергану и там умер. Сын его Йкюйлиши Иби-хан также вскоре умер, и на престол взошел сын Нишу Дулу-хана — Бихеду в порядке законного престолонаследия.

В 641 г. он был взят в плен войсками Юйгу и казнен. Юйгу успел к 641 г. объединить много племен Западной Сибири и с новыми силами продолжал войну с Китаем, но потерпел ряд поражений, а восстание окончательно подорвало его силы.

Западные тюрки (нушиби) снеслись с имперскими войсками. Это был союз, против которого Юйгу не мог устоять. Новый хан Иби-Шегуй, сын Икюйлиши, внук Шаболо-телиши, был избран в согласии с лествицей. Несмотря на крупные успехи, Юйгу не смог победить ожесточения своих противников. Он бежал в Тохаристан, где и умер. Но Иби-Шегуй недолго наслаждался покоем. Один из бывших сторонников Юйгу, Ашина Хэлу, поднял восстание и овладел Западно-Тюркской державой[35]. Однако его стремление к захватам в Восточном Туркестане вызвало войну с империей Тан, в результате которой Хэлу был разбит и взят в плен в 657 г.

Император Гаоцзун поставил ханами своих ставленников Мише и Бучженя, которые не выходили из повиновения. С этого времени за-

падные тюрки не образуют больше могучей и единой монархии. Попав под протекторат империи Тан, позднее теснимые восточными тюрками и арабами, они перестали играть важную политическую роль, и наконец к середине VIII века совершенно вытесняются карлуками.

6

Восточные тюрки в результате удачного восстания 682 г. восстановили свою независимость.

"Ашина Гудулу (Кутлуг) ограбил девять родов, мало-помалу разбогател лошадьми, почему объявил себя ханом"[36]. Девять родов — это токуз-огузы. Большое количество лошадей, добытых Гудулу в набегах, позволило ему посадить армию на коней и сделать ее мобильной. Это дало ему возможность выдержать борьбу с подавляющими силами Китая, и воссозданная им держава быстро распространилась на восточную половину Великой степи.

Политической реставрации сопутствовала идеологическая, т.е. стремление восстановить "старые добрые времена" господства хищнических ханов Ашина над соседями, но для нас важно лишь то, что, вернув себе независимость, тюрки немедленно восстановили старый порядок престолонаследия. Гудулу-хану наследовал его брат Мочжо, но сын Гудулу Могилянь получил титул *шад* тардушей[37]. Так как Мочжо решил обойти племянника, он дал своему сыну Фугюю титул малого хана, достоинством выше шада[38], и прочил его в наследники. По смерти Мочжо Кюль, младший брат Могиляня, напал на Фугюя и вырезал его ставку, тем самым доставив престол своему брату (716). Г.Е.Грумм-Гржимайло видит здесь борьбу партий китаефильской и консервативной, аргументируя это тем, что о сыновьях Мочжо нет упоминаний в военной истории[39]. Верно, но зато они неоднократно делали карьеру при дворе императоров[40].

Пользуюсь случаем отметить, что узурпация у тюрок — почти всегда след постороннего вмешательства в их внутренние дела. Так, отстранение брата Жаньганя, Шаболо-Суниши, в пользу сына Жаньганя, Дуги, в 609 г. совпадает с кульминационным пунктом влияния династии Суй. Влиянием династии Тан вызвано низложение Иби-Бололюй-хана и замена его Нишу Дулу-ханом в 633 г. Могилянь, сознавая, что он не по личным заслугам возведен на престол, уступал его Кюль-тегину, но тот "не смел принять"41. В эту пору влияния империи не было.

Кюль-тегин умер на три года раньше своего брата, и после смерти Могиляня в 734 г. престол перешел к его сыну Ижаню, единственно-

му законному наследнику, так как потомство Мочжо было начисто уничтожено. Ижаню наследовал опять-таки его брат Дынли-хан (Тенгри-хан). При этом хане вспыхнули междоусобия, во время которых он был убит в 741 г.

Два последних хана — Усу-миши (Озмыш) и Баймей-хан Хулунфу — принадлежат к боковой ветви, происхождение которой неясно. Составленная Китаем коалиция кочевых племен стала теснить тюрок, и оба хана погибли в борьбе — Озмыш в 743 г., а Баймей-хан в 745 г.

На развалинах тюркской державы выросла уйгурская, а тюрки, не пожелавшие подчиниться уйгурам, откочевали на юг и подчинились Китаю. Держава рода Ашина перестала существовать.

Эта эпоха оставила нам значительно больше материала, чем предыдущая: сведения, даваемые орхонскими надписями. По вопросу о престолонаследии там есть два интересных замечания.

Первое прямо говорит о действующем праве: "Когда мой отец, хан, умер, *по существующим обычаям* (курсив мой. — *Л.Г.*) стал ханом мой дядя. По восшествии на престол моего дяди я сам был тегином"[42]. А.Н.Самойлович сообщил мне, что можно читать даже не "обычай", а "закон". Это как нельзя более подтверждает высказанные соображения: младший брат наследует старшему, племянник, будучи наследником, носит титул "тегин". Итак, о наличии лествичного престолонаследия говорят согласно и китайские, и тюркские источники.

Второе высказывание содержит знаменательную ошибку: когда Бумын-каган (Тумын) умер, "после этого его младший брат стал ханом, его сыновья стали ханами"[43]. Младший брат поставлен раньше сыновей, ибо этот принцип так укоренился в сознании, что казалось немыслимым, чтобы он не соблюдался в эпоху Тумына, представлявшуюся в это время идеальной. Насильно введенная реформа стала народным обычаем и пережила систему, ради поддержания которой она была изобретена.

Несмотря на то что дальнейшие судьбы удельно-лествичного порядка выходят за пределы моей темы, я позволю себе сделать экскурс к народам, у которых эта система имела место хотя бы в модификациях или рудиментах.

7

Наследники тюрок, уйгуры и киргизы, крупных государств не создали, а потому и не имели нужды в применении удельно-лествичной системы. Кидани являлись представителями совершенно иной культур-

ной традиции: власть у них была весьма централизована, и ни один их военачальник не мог получить более ста всадников в удел, т.е. в постоянное подчинение себе.

Выродившиеся формы удельной системы встречаются у Караханидов, о которых В.В.Бартольд пишет: "В государстве Караханидов, как во всех кочевых империях, понятие о родовой собственности было перенесено из области частноправовых отношений в область государственного права. Государство считалось собственностью всего ханского рода и разделялось на множество уделов; крупные уделы, в свою очередь, делились на множество мелких; власть главы империи иногда совсем не признавалась могущественными вассалами"[44].

Выше я показал, что удельный порядок у древних тюрок вовсе не был "смешением" частной или родовой собственности с государственными взаимоотношениями. Но вместе с тем влияние культурных соседей, сначала китайцев, а позднее иранцев, всегда вело к нарушению в лествичной системе, и тем сильнее, чем больше было такое влияние. Караханиды, приняв ислам, культурно подчинились блестящей культуре Мавераннахра, и совершенно понятно, что древняя политическая традиция в новых условиях приняла формы, отличные от прежних.

Следы лествичной системы обнаруживаются даже у османов, где она объясняет возникновение жестокого обычая братоубийства.

Но самым интересным является то, что удельно-лествичная система, в наиболее чистом виде, была известна на Киевской Руси при преемниках Ярослава Мудрого.

Наличие такого порядка на Руси впервые констатировано, как уже упоминалось, автором Никоновской летописи: "Деды наши лествицею восходили на великое княжение". С.М.Соловьев[45] и А.Е.Пресняков[46] описали его. Смысл его был тот же, что и в древнетюркской державе, такой же "готической империи". Разноплеменная держава Рюриковичей нуждалась в связующем цементе, и таковым был лествичный (очередной) порядок занятия "золотого стола Киевского". Первые Рюриковичи горьким опытом были научены тому, что нельзя было доверять ни племенным князькам, как, например, древлянскому Малу, ни собственным дружинникам. И те и другие стремились к независимости. Попытки Святослава и Владимира разделить управление между сыновьями также отнюдь не предотвращали распрей и отпадений, но введение лествичного порядка престолонаследия сохранило целостность Русской земли почти до татарского нашествия. Постановление Любечского съезда "каждый держит свою отчину" не противоречит наличию очередного, или лествичного, порядка, так как Пресня-

ков убедительно показал, что это постановление относилось к уделам, но не к старшинству[47].

Не желая вдаваться в подробности отношений между князьями Рюрикова дома, что увело бы нас слишком далеко от нашей темы, я ограничусь некоторыми замечаниями.

Распри в Киевской Руси имели свое начало в первой узурпации: изгнании Изяслава Святославом Черниговским. Факт этот был резко осужден и Феодосием Печерским, и автором Лаврентьевской летописи[48]. Иначе относились к нему жители Чернигова, которые в дальнейшем поддерживали детей и внуков Святослава в их борьбе против Всеволодовичей. По смыслу закона, Святославичи должны были оказаться князьями-изгоями[49], но, естественно, это их не устраивало, и они использовали антагонизм между Киевом и Черниговом для того, чтобы не только удерживать свой удел, но даже добиваться великого княжения (Всеволод I, Игорь II). Аналогичные попытки делались и в династии Ашина, но не получали того развития, как в Киевской Руси, главным образом из-за того, что внешнеполитическое положение великой тюркской державы было куда более напряженным.

Второй тур распрей, когда вступили в борьбу старшие и младшие линии Мономаховичей, также имел реальную подоплеку. Юрий Долгорукий опирался на экономически сильный Северо-Восток и не склонен был признавать гегемонию Изяслава Мстиславовича, тем более что Волынь, главная опора последнего, уже не являлась достаточной базой для гегемонии на Руси. В борьбе против Суздальского князя Изяславу пришлось выставить подставную фигуру Вячеслава, который по своим личным качествам отнюдь не мог претендовать на ведущую политическую роль, но как старший брат Юрия имел право на "золотой стол Киевский".

Исходя из всего этого, можно думать, что Соловьев был совершенно прав, когда констатировал на Руси наличие лествичного престолонаследия. Но объяснение его из родового строя не кажется мне убедительным. Я полагаю, что "Ряд Ярославль", так же как и престолонаследие в роде Ашина, был результатом необходимости сохранить в целости огромную державу со слаборазвитой экономикой.

Другой вопрос: как попала на Русь эта система? Конечно, этот административный порядок мог возникнуть самостоятельно в определенных условиях. Но нельзя ли предположить, что Ярослав, стремясь сохранить единство страны, когда стало ясно, что невозможно сохранить единство власти, учел опыт своих соседей? Общность условий создает общие цели, и в таких случаях заимствование будет следствием не влияния, а примера, которым воспользовались просвещенные советники киевского князя.

Восточные связи Киевской Руси еще недостаточно изучены, но наличие таковых не подлежит сомнению. Достаточно вспомнить, что митрополит Илларион называет князя Владимира «каганом».

Половцы не могли оказаться передаточной инстанцией как потому, что такая система у них не обнаружена, так и потому, что "Ряд Ярославль" по времени предшествует половецкому вторжению. Наша мысль обращается в сторону хазар, у которых, наряду с бессильными каганами и царями, были правители, обладавшие фактической властью в своих уделах. Но, к сожалению, внутренняя история Хазарского каганата так мало известна, что это предположение не находит подтверждений.

Но третий восточный сосед Руси — печенежский племенной союз — имел тот самый строй, который мы отыскиваем.

В VII—VIII веках печенеги, называвшиеся тогда кангар, жили в приаральских степях и низовьях Урала и, следовательно, были в непосредственном соседстве с тюрками. Описывая их строй в X веке, Константин Багрянородный сообщает: "Вся Печенегия делится на восемь колен, имея и столько же главных начальников. Колена следующие: название первого колена Иртим, второго — Цур, третьего — Гила, четвертого — Кулпек, пятого — Харовой, шестого — Талмат, седьмого — Хопон, восьмого — Цопон. В то время, когда печенеги были прогнаны со своих родных мест, они имели вождями в колене Иртим Манцана, в Цуре — Куела, в Гиле — Куркутана, в Кулпеке — Ипаона, в Харовои — Кандума, в Талмате — Костана, в Хопоне — Гиази, в колене Цопон — Ватана. После их смерти власть получили их двоюродные братья, так как у них существует закон и имеет силу древний обычай, что не следует передавать власть сыновьям или братьям, и приобретшим достаточно сохранять власть до конца своей жизни, а после смерти выдвигать или своего двоюродного брата или детей двоюродных братьев, чтобы власть не оставалась всецело у одной части рода, но чтобы честь падала на долю и оставалась и в разветвлениях. Из постороннего же рода никто не входит и не делается вождем. Восемь колен делятся на 40 частей [которые] и имеют меньших вождей"[50].

8

Возвращаясь к древним тюркам, я считаю необходимым осветить еще один вопрос, крайне важный и для нашей темы, и для общей истории Первого Тюркского каганата: значение терминов "толес" и "тардуш" и титулов древнетюркской иерархии.

О том, что такое "толес" и "тардуш", уже существует огромная литература. Томсен, Хирт и Шаванн отождествляют толесов с теле китайских анналов[51]. К этому мнению присоединяется Бернштам[52], хотя в другом месте того же сочинения он называет толесов компонентом тюркского народа[53]. Бартольд[54], Мелиоранский[55], Аристов[56] и Грумм-Гржимайло[57] считают их исконным тюркским племенем. О тардушах существует гипотеза Хирта[58], что в китайском названии сеяньто мы имеем транскрипцию имени сир-тардуш. Бартольд справедливо замечает, что в пользу этого мнения нет ни лингвистических, ни исторических доказательств[59].

Наконец, И.Н.Клюкин формулирует новое мнение: "Существовали два, быть может, совершенно разные по составу племен, народа, которые в административном и военном отношении сохраняли за собой чисто географическое наименование: тардуш для западных племен и их орд, толис для восточных"[60].

Все мои наблюдения только подтверждают эту точку зрения. Прежде всего большая надпись Кюль-тегину при перечислении племен, оплакивающих тюркского хана, не упоминает толесов и тардушей, что было бы невозможно, если бы такие племена существовали[61].

Затем китайская надпись Могилянь-хана содержит текст следующего содержания: "При восшествии на престол моего отца хана славные турецкие беги [расположились в следующем порядке]. Позади [на западе] Тардуш-беги, с Кули-чуром во главе, а за ним Шадапыт-беги; впереди [на востоке] Толис-беги с Апа-тарханом"[62].

Все исторические данные подтверждают показание надписи: Дяньгу, имея удел на западе, носил титул Дату-хана (у Менандра он назван Тарду[63], т.е. хан тардушей). Жаньгань и Шибоби, имевшие уделы на востоке, носят титул Тули-хан, т.е. хан толесов, причем оба эти титула даны вне зависимости от географического местоположения удела или от населяющих его племен.

Обычно наследник престола был удельным князем на востоке, у тардушей же сидел менее высокопоставленный ханский родственник. Это наблюдение позволяет найти выход из затруднения, которое встретил Мелиоранский при переводе текста из большой надписи Кюль-тегину: "Ачім каган олуртукда өзім тардуш ӱзä шад ärтім. — По (?) восшествии на престол моего дяди кагана я сам стал (?) шадом над народом тардуш"[64].

Мелиоранского смутило то, что Могилянь стал шадом 14 лет от роду, в 697 г., тогда как известно, что Мочжо дал ему правление лишь в 706 или 707 г.[65]. Поэтому Мелиоранский отступил от грамматического смысла текста, согласно которому Могилянь уже был шадом[66] после смерти своего отца Гудулу-хана. Но по смыслу лествичной си-

стемы так и должно было получиться: при жизни Гудулу-хана его брат Мочжо был наследником престола, а сын — вторым лицом в государстве, т.е. князем тардушей. По смерти отца Могилянь должен был бы стать наследником престола, но, как указывалось выше, Мочжо прочил престол своему сыну Фугюю, и только убийство последнего очистило Могиляню дорогу к трону. Малолетство же нас смущать не должно, так как наряду с шадом назначался ябгу — высший чин служилой иерархии, который при малолетстве шада был его опекуном.

В отличие от чина *ябгу*, титул *шад* давался только лицам царской крови. Сымо не мог стать шадом, так как подозревали, что он незаконнорожденный, и носил титул "гяби-деле" — ябгу-тегин, т.е. кандидат на чин "ябгу"[67].

Титул *тегин*, как мы уже видели, соответствует титулу "наследник престола".

Примеров этому мы имеем очень много: так, Чулохеу был тегином при Шету, Жаньгань — при Юнь Юйлюе, Шибоби — при Хели-хане Доши, знаменитый Кюль-тегин — при Бильге-хане, своем старшем брате.

Густав Шлегель высказывает мнение о существовании двух титулов — "тегин" и "торе" (тули), причем наследным принцем является именно "торе", а "тегин" был титул, даруемый за геройство[68]. Однако фактический материал, приводимый им, относится к позднейшей эпохе и потому не может быть признан убедительным.

Загадочным является титул "малый хан, достоинством выше шада"[69]. Этот титул дал в 679 г. Мочжо своему сыну Фугюю, который принял ханское имя Кюси-хан, одновременно подчиняясь отцу. Возможно, что этот титул не был органически связан с тюркской титулатурой, а специально создан Мочжо, чтобы возвысить сына.

Титул "ябгу" соответствует нашему "вице-король". Истеми носил этот титул при Тумын-хане, Чулохеу — при Шету Шаболио-хане и т.д. Западные тюрки в эпоху подчинения центральному каганату назывались тюрки-джабгу (ябгу)[70].

Затем по нисходящей линии насчитывалось двадцать чинов меньшего значения. Все должности были наследственными[71].

Такова была мощная и грозная система, с помощью которой хищные ханы Ашина терроризировали соседние кочевые и оседлые народы до тех пор, пока тяжелые поражения и распри не уменьшили тюрок в числе и не ослабили экономически. Тогда великая тюркская держава распалась на свои составные части и исчезла с лица земли.

ВЫВОДЫ

1. Удельно-лествичная система была чисто административным мероприятием и отнюдь не связана с пережитками родового строя. Целью ее было удержать в целости обширную и разноплеменную державу.

2. Удельно-лествичная система была связана с ханским родом Ашина и разрушилась вместе с ним, сохраняясь впоследствии лишь как пережиток.

3. Захватившие территорию древних тюрок народы — уйгуры, киргизы, кидани — не владели обширными территориями и поэтому не имели нужды в применении удельно-лествичной системы.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] О роли тюркской армии в истории Срединной Азии см.: *Гумилев Л.Н.* Статуэтки воинов из Туюк-Мазара // Сб. МАЭ. Т. XII. Л., 1949.

[2] См.: *Толстов С.П.* Тирания Абруя // Исторические записки. 1938. № 3.

[3] См.: *Бичурин Н.Я.* Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Изд. 2-е. Т. I, М.; Л., 1950; *Julien St.* Documents sur les Tou-kiue // Journal Asiatique. 6-me serie. 1864. № 4; *Chavannes E.* Documents sur les Tou-kiue (Turks) Occidentaux // Сб. трудов Орхонской экспедиции. VI. СПб., 1903.

[4] *Deguignes J.* Histoire générale des Huns, des Turks, des Mogols et des autres Tartars Occidentaux avant et depuis J.C. jisqu'à présent. T. I. Ч. II. Paris, 1756; *Gaubil A.* Abrégé de l'histoire chinoise de la grande dynastie Tang // Mémoires concernants les Chinois. T. XV, XVI. Paris, 1778; *Parker E.H.* A Thousand Years of the Tartars. London, 1875; *Грумм-Гржимайло Г.Е.* Западная Монголия и Урянхайский край. Т. II. Л., 1926.

[5] *Радлов В.В., Мелиоранский П.М.* Древнетюркские памятники в Кошо-Цайдаме // Сб. трудов Орхонской экспедиции. IV. СПб., 1897. Параллельные переводы имеются в работах: *Thomsen V.* Alttürkische Inschriften aus der Mongolei // Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft. T. 78. Leipzig, 1824; *Мелиоранский П.М.* Памятник в честь Кюль-тегина. СПб., 1899; *Малов С.Е.* Памятники древнетюркской письменности. М.—Л., 1951.

[6] *Артамонов М.И.* Очерки древнейшей истории хазар. Л., 1937.

[7] *Бернштам А.Н.* Наследственность и выборность у древних народов Центральной Азии // Проблемы истории докапиталистических обществ. 1935, № 7—8. С. 160—174; *Deguignes J.* Указ. соч.; *Грумм-Гржимайло Г.Е.* Указ. соч.

[8] *Deguignes J.* Указ. соч. С. 405.

[9] Литографированный курс его лекций имеется в библиотеке Ленинградского государственного университета.

[10] *Грумм-Гржимайло Г.Е.* Указ. соч. С. 225.

[11] *Бернштам А.Н.* Указ. соч. С. 174

[12] *Иакинф* [Н.Я. Бичурин]. История Китая. VII. Рукопись (см. под годом).

[13] *Бичурин Н.Я.* Собрание сведений... Т. I. С. 228.

[14] Там же. С. 223.

[15] Там же.

[16] *Артамонов М.И.* Указ. соч. С. 71.

[17] Там же

[18] *Бичурин Н.Я.* Собрание сведений... Т. I. С. 234.
[19] Там же.
[20] Ср. русский закон о князе-изгое.
[21] См.: *Бичурин Н.Я.* Собрание сведений... Т. I. С. 236; *Грумм-Гржимайло Г.Е.* Указ. соч. С. 228, сл.
[22] *Julien St.* Указ. соч. С. 504.
[23] Там же. С. 504—505.
[24] Там же.
[25] *Deguignes J.* Указ. соч. С. 405.
[26] *Бичурин Н.Я.* Собрание сведений... Т. I. С. 239; *Julien St.* Указ. соч. С. 505.
[27] *Грумм-Гржимайло Г.Е.* Указ. соч. С. 233; *Julien St.* Указ. соч. С. 511.
[28] См.: *Грумм-Гржимайло Г.Е.* Указ. соч. С. 235, примеч. 3; *Julien St.* Указ. соч. С. 519—520.
[29] У Н.Я. Бичурина ошибочно переведено: "без выбора". См.: Собрание сведений... Т. I. С. 242.
[30] *Бичурин Н.Я.* Собрание сведений... Т. I. С. 283; *Chavannes E.* Указ. соч. С. 52.
[31] *Грумм-Гржимайло Г.Е.* Указ. соч. С. 234; *Julien St.* Указ. соч. С. 503, 534.
[32] *Бичурин Н.Я.* Собрание сведений... Т. I. С. 284.
[33] До этого Нишу был удельным князем в Бухаре.
[34] Э.Шаванн в указанной работе пишет, что Юйгу — сына Хэли-хана не надо смешивать с Юйгу Иби-Лулу — ханом западных тюрок (с. 28), но сам затрудняется установить генеалогию "западного Юйгу" (с. 3). Мои исследования привели меня к мнению, что это одно и то же лицо.
[35] *Бичурин Н.Я.* Собрание сведений... Т. I. С. 288.
[36] Там же. С. 266; А.Н.Бернштам в книге "Социально-экономический строй орхоно-енисейских тюрок VI—VII вв." (Л., 1946) дает другое толкование, полагая, что тут мы имеем случай классового расслоения тюрок, но ни текст, ни ход событий не дают к тому оснований.
[37] *Бичурин Н.Я.* Собрание сведений... Т. I. С. 229.
[38] С.Е.Малов исправил первоначальное чтение В.В.Радлова. Ср.: "Сборник Трудов Орхонской экспедиции". IV. С. 20—23 и "Памятники древнетюркской письменности". С. 30, 38 (текст и перевод).
[39] *Грумм-Гржимайло Г.Е.* Указ. соч. С. 322.
[40] *Бичурин Н.Я.* Собрание сведений... С. 272; *Pelliot P.* La fille de Mo-tch'o qaghan et ses rapports avec Kul-tegin. Leiden, 1912.
[41] *Бичурин Н.Я.* Собрание сведений... С. 273.
[42] "...Ол төрӱдӓ ӱза ӓчім каган алурты" (см.: *Малов С.М.* Указ. соч. С. 30 (текст); Сб. Трудов Орхонской экспедиции. Т. IV. С. 20—21. На с. 38 С.Е.Малов предлагает перевод "над тою властью", однако: *тору* — закон; *уза* — на основании; *ол* — тот, этот; буквальный перевод, следовательно: "на основании того закона" или "исходя из этого закона".
[43] *Малов С.Е.* Указ. соч. С. 36.
[44] *Бартольд В.В.* Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Ч. II. СПб., 1900. С. 282.
[45] *Соловьев С.М.* Взаимоотношения между князьями Рюрикова дома. М., 1847.
[46] *Пресняков А.Е.* Княжое право. СПб., 1909.
[47] Там же. С. 37.
[48] Там же.
[49] "Изгоив троки: поповский сын грамоте не вычится, купец одолжает, смерд от верви отколется; а четвертое — аще князь осиротеет". *Гоить* — жить; *изгой* — человек, лишенный средств и права на поддержку общества.
[50] *Константин Багрянородный.* "О фемах" и "О народах". М., 1899. С. 140.

[51] См.: *Грумм-Гржимайло Г.Е.* Указ. соч. С. 283.
[52] *Бернштам А.Н.* Социально-экономический строй орхоно-енисейских тюрок VI—VIII вв. С. 186.
[53] Там же. С. 82.
[54] См.: *Radloff W.* Die historische Bedeutung der alttürkischen Inschriften // Die alttürkischen Inschriften der Mongolei. Neue Folge, 1897. С. 9.
[55] *Мелиоранский П.М.* Памятник в честь Кюль-тегина // Записки Восточного отделения Русского археологического об-ва. Т. XII. СПб., 1899.
[56] *Аристов Н.А.* Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей // Живая старина. 1903. Отдельный оттиск. С. 67. Ср.: *Грумм-Гржимайло Г.Е.* Указ. соч. С. 283.
[57] Там же.
[58] *Hirth F.* Nachworte zur Inschrift des Tonjukuk. СПб., 1899. С. 129.
[59] *Бартольд В.В.* Рецензия на книгу: *E.Chavannes.* Documents sur les Tou-kiue (Turks) Occidentaux // Сб. Трудов Орхонской экспедиции. VI. СПб., 1903. Бартольд указывает, что "сложное название сир-тардуш в надписях нигде не встречается. Встречается только термин тюрк-сир-будун в надписи Тоньюкука для обозначения всего народа Ильтерес-кагана и его преемников и термин тардуш в надписях Кюль-тегина и Бильге-кагана, для обозначения *западной* (курсив мой. — *Л.Г.*) ветви того же народа. Несмотря на все эти затруднения, толкование Хирта принято В.В.Радловым... У г-на Шаванна мы уже читаем, что в народе сеяньто Hirth a réconnu les Syr-Tarduch des inscriptions de Kosho-tsaidam; таким образом, забыт даже факт, что самое сочетание сир-тардуш является плодом предположения Хирта, а не извлечено им из надписи" (Записки Восточного отделения Русского археологического общества. XV. СПб., 1904. С. 0172). Замечания Бартольда приводятся развернуто для того, чтобы можно было отбросить укоренившуюся ошибку, путающую все представления о тюркском этногенезе.
[60] *Клюкин И.Н.* Новые данные о племени толесов и тардушей // Вестник Дальневосточного отделения АН СССР. 1932. № 1—2. С. 97.
[61] См.: *Мелиоранский П.М.* Указ. соч. С. 65; Малов С.Е. Указ. соч. С. 36.
[62] Цит. по А.Н.Бернштаму (Социально-экономический строй орхоно-енисейских тюрок... С. 135).
[63] *Chavannes E.* Указ. соч. С. 241.
[64] *Мелиоранский П.М.* Указ. соч. С. 68; у С.Е.Малова в указанной работе точнее: "Когда сидел на престоле мой дядя — каган, я сам был шадом над народом тардуш" (с. 38).
[65] Маркварт, исправляя хронологию надписи, дает другие даты: рождение Могиляня — 684 г., смерть его отца — 691/2 г., т.е. Могилянь стал шадом тардушей 8 лет от роду (см.: *Marquart J.* Die Chronologie der alttürkischen Inschriften. Leipzig, 1898. С. 52).
[66] *Мелиоранский П.М.* Указ. соч. С. 111.
[67] *Бичурин Н.Я.* Собрание сведений... Т. I. С. 260.
[68] *Schlegel G.A.* Tegin et Tore // T'oung Pao. VII. 1859. С. 159.
[69] *Бичурин Н.Я.* Собрание сведений... С. 270.
[70] *Chavannes E.* Указ. соч. Титулы *ябгу* и *тегин* совмещались в одном лице. Например, Сымо, прежде чем стал ханом, был *ябгу-тегин*.
[71] *Бичурин Н.Я.* Собрание сведений... Т. I. С. 229.

Алтайская ветвь тюрок-тугю

ПОЯВЛЕНИЕ ТЮРОК В ГОРНОМ АЛТАЕ

630-й год. Борьба Тюркского каганата и Китая закончилась. Китай победил, а Восточный Тюркский каганат перестал существовать. Разбитые тюрки[1] частью сдались китайцам, частью подчинились сеяньто и другим телеским племенам, но одна группа их, довольно многочисленная, вырвалась из окружения и скрылась в горных долинах Восточного Алтая[2]. Ими руководил один из удельных князей, по имени Хубо, принявший титул Ичжу-Чеби-хан[3].

Войско Чеби-хана, по китайским сведениям, исчислялось в 30 тыс. человек раздела толос[4], тогда как южное "ханство", составленное китайцами из захваченных тюркютов, насчитывало лишь "несколько сот разоренных юрт"[5]. Но необходимо отметить, что почти все члены ханского рода Ашина оказались на юге либо как китайские пленники, либо как перебежчики.

Чеби-хан сумел использовать Алтай как естественную цитадель и продолжал вести борьбу с исконными врагами тюркютов — сеяньтосцами, с карлуками, обитавшими на Черном Иртыше, и с киргизами, жившими по склонам Западных Саян. Успех сопутствовал ему до той поры, пока он не столкнулся с Китаем. Военное преимущество танской армии[6] определило в 650 г. легкую победу экспедиционного корпуса Гао-Хуаня. Чеби-хан был взят в плен и отправлен в Китай, а его народ переведен на жительство в горы Юйдугюнь[7], т.е. в Восточный Хангай[8]. Рассказ о переводе народа Алтая в Хангай содержит несомненное преувеличение, хотя бы потому, что весь поход, включая пере-

ход из Китая, через Гоби и Западную Монголию до Алтая, укладывается в один год.

Поверить в то, что Гао-Хуань за это короткое время сумел пленить весь многотысячный народ тюркютов, могли лишь китайские придворные, никогда не видевшие Алтая. Горные долины, отделенные друг от друга высокими перевалами, представляют собой естественные тайники, где можно укрыться от любого врага. Но на Алтае скотоводство возможно лишь по степным склонам долин, а их не так уж много. Поэтому при увеличении поголовья скота и росте населения Чеби-хан должен был искать выхода в степь. Это его погубило, так как в степи танская конница не имела себе равных.

Возвращаясь к тексту источника, мы видим, что Чеби-хан был разбит на равнине и пойман в предгорьях Алтая, прежде чем успел укрыться в горах[9]. Очевидно, тогда Гао-Хуань и счел свою задачу выполненной, перевел захваченных пленников в Хангай и послал соответственное донесение в Чанъань. В результате оказалось, что тюркюты, жившие в горах, уцелели, а жившие на равнине были уведены и впоследствии растворились среди своих соседей.

Алтайские тюркюты сохраняли самостоятельность до середины IX века, так как до этого времени от них приходили в Китай традиционные посольства. Но за 200 лет, проведенных в новой среде, народ не мог не измениться.

Тюркюты были издавна степным, скотоводческим народом. Загнанные в горы, они сохранили стада, но площадь пастбищ была ограничена северными склонами речных долин. Численность стад не могла не сократиться, и тюркюты вынуждены были заняться охотой, но не облавной степной охотой, которая весьма эффективна, а трудоемкой, индивидуальной — лесной. Народ должен был приспособляться к новому типу хозяйства, которое к тому же обеспечивало его значительно хуже, чем прежнее. Не меньшей затраты сил требовала борьба с природными условиями Алтайского нагорья, столь же суровыми, как и климат сибирского Заполярья.

Так воинственные кочевые скотоводы со временем превратились в свободолюбивых оседлых скотоводов. Властители Халхи и Согдианы стали хозяевами Башкауса и Чулышмана. Короче говоря, тюркюты стали телесами, и переход этот падает на середину IX века. Однако небольшой народ телесов еще мог постоять за себя. Несмотря на то, что найманы охватили владения телесов с востока и запада, им не удалось овладеть восточной частью горного Алтая. Это видно из того, что в "Юан-чао-би-ши" телесы упоминаются в числе суверенных племен, покоренных в 1207 г. ханом Джучи[10]. На этом самостоятельность телесов прекратилась, но свою этнографическую само-

бытность они сохранили и под властью монголов, и под игом ойратов. Однако потеря самостоятельности не могла пройти бесследно, и с XIII века начинается новый медленный процесс превращения телесов в теленгитов[11].

Таков ход событий, восстановленный по скудным и отрывочным данным письменных источников. Чтобы заполнить многочисленные пробелы последних, мы должны привлечь новый материал и таким, в первую очередь, будет материал археологический.

ТЮРКЮТСКИЕ ПОГРЕБЕНИЯ ГОРНОГО АЛТАЯ КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

Несмотря на то что Горный Алтай служил пристанищем самым разнообразным племенам и народностям, не представляет никакой трудности выделить тюркютские погребения из числа прочих археологических памятников. Тюркютская культура весьма оригинальна и отлична от прочих кочевнических культур. Кроме того, китайские анналы сохранили нам весьма подробное описание тюркютского погребального обряда. Так как эти подробности позволят дать истолкование деталям погребений, то необходимо привести это описание полностью. "Тело покойника полагают в палатке. Сыновья, внуки и родственники обоего пола закалывают лошадей и овец и, разложив перед палаткою, приносят в жертву; семь раз объезжают вокруг палатки на верховых лошадях, потом перед входом в палатку ножом надрезывают себе лицо и производят плач; кровь и слезы совокупно льются"[12]. В точности сведений китайского автора можно не сомневаться, так как этот обычай описан также мечником Валентином, который на похоронах Истеми-хана в 576 г. принужден был, "согласно обычаю", царапать себе лицо ножом[13]. Возвращаемся к китайском тексту: "Потом в избранный день берут лошадь, на которой покойник ездил, и вещи, которые он употреблял, вместе с покойником сжигают, собирают пепел и зарывают в определенное время года в могилу. Умершего весною и летом хоронят, когда лист на деревьях и растениях начнет желтеть и опадать; умершего осенью или зимою хоронят, когда цветы начинают развертываться. В день похорон, так же как в день кончины, родные предлагают жертву, скачут на лошадях и надрезают лицо. В здании, построенном при могиле, ставят нарисованный облик покойника и описание сражений, в которых он находился в продолжении жизни. Обыкновенно, если он убил человека, ставят один камень. У иных число таких камней простирается до ста и даже до тысячи"[14].

И эти сведения находят подтверждение на этот раз в орхонских надписях. На высоком камне, в ряду камней, тянущихся от могилы Бильге-хана, обнаружена надпись: "Этот каменный балбал шада толосов"[15]. В самих надписях неоднократно встречаются упоминания именных балбалов (памятников); например, во главе ряда камней, поставленных на могилу Кутлугу Эльтерес-хану (Гудулу), был камень, изображающий токуз-огузского Баз-кагана[16], а на могиле его брата, Капаган-хана (Мочжо), — такой же камень, изображающий хана кыргызов[17]. Итак, мы вправе констатировать, что сообщение китайской летописи соответствовало истине, и принять его за основу при установлении даты и принадлежности памятника. Что же касается "нарисованного облика покойного", то точность китайского источника подтверждается параллельным известием тюркского историка XVII века Абулгази Багадурхана, использовавшего для своей компилятивной работы 18 древних рукописей[18]. В первой главе "Родословия тюркского племени" он пишет о древних тюрках-язычниках: "Когда у кого умирал любимый кто-либо, то сын, или дочь, или брат делали похожую на него статую и, поставив ее в своем доме, говорили: это такой-то из наших ближних; оказывая к нему любовь, первую часть от кушанья клали перед ней, целовали ее, натирали мазями лицо, глаза и кланялись ей"[19].

(Любопытно, что память об установке изваяний сохранялась тюрками, уже свыше 500 лет исповедовавшими ислам.)

Могильники, отвечающие вышеописанному погребальному обряду, на Алтае отысканы и изучены: в южной части, по р. Чу — С.В.Киселевым и Л.А.Евтюховой в 1935 г., а в северной, по рекам Башкаус и Улаган, — Н.М.Ядринцевым в 1878 и 1880 гг., Андриановым в 1881 г. и автором этих строк в 1948 году.

Саяно-Алтайская археологическая экспедиция 1935 г.[20] провела большие разведочные и раскопочные работы по всему Чуйскому тракту и в Курайской степи обнаружила каменные курганы VII—VIII веков, что с полной несомненностью удостоверяется сосудами с орхонскими надписями. Однако трупы здесь не сожжены, и это заставляет отказаться от мысли, что захоронения принадлежат собственно тюркютам. Очевидно, их следует связывать с остатками племен чуюе и чуми, хотя и близких к тюркютам, но все же не тюркютов. Против отождествления каменных курганов VII—VIII веков с тюркютскими говорит и факт нахождения их в долине Урсула, где теленгитов не было. Хотя в одном из урсульских курганов обнаружен сосуд с орхонской надписью, но содержание надписи объясняет нам этот факт.

На дне серебряного сосуда написано: "Тюрк-ша серебро подать (дар)"[21], т.е. сосуд попал в виде подарка, что свидетельствует только о связях аборигенов долины Урсула с тюрками.

Более соответствует вышеописанному тюркскому погребению другой тип памятников — "каменные площадки", или "оградки"[22]. С ними связаны как "каменные бабы", так и вереницы врытых вертикально необработанных камней. Под каменной насыпью всегда находится круглая яма, заполненная обожженной галькой, тленом от дерева и золой с углями. Из находок попадаются единичные кости лошади или барана. С.И.Руденко, копавший эти памятники, находил под насыпью железные ножи; те же находки были сделаны А.А.Гавриловой на р. Чулышман в 1948 году.

Отсутствие в оградках человеческих костей заставило Л.А.Евтюхову (не сомневающуюся в тюркской принадлежности каменных изваяний) предположить, что эти площадки являются "местом поминальных жертв, своеобразными алтарями, сооруженными в память погребенных в соседних курганах"[23]. Однако это мнение кажется менее убедительным, чем мнение С.И.Руденко, считавшего их могилами с обрядом сожжения. Вместе с тем Л.А.Евтюхова затрудняется дать точную датировку вереницам необработанных камней и считает необходимыми дальнейшие исследования.

Поэтому будет вполне уместно перейти к анализу наблюдений, сделаны нами на реках Башкаус и Улаган во время работ Горно-Алтайской экспедиции 1948 году.

Между Чуйской долиной, в которой проходили работы Саяно-Алтайской экспедиции 1935 г., и Улаганским аймаком лежит высокий, длинный и труднопроходимый перевал.

За перевалом течет р. Башкаус, приток Чулышмана; в нее впадает небольшая речка Улаган. Обе реки текут в широких долинах, окаймленных пологими горами с травянистыми склонами. Но уже на 7 км выше и настолько же ниже Башкаус зажат лесистыми утесами. Долина Улагана широка и удобна для скотоводства. Лишь в 40 км выше устья начинается ущелье с крутыми берегами.

Летовки теленгитов находятся на водоразделе этих рек.

Примечательно, что древние могильники расположены лишь в тех местах, где ныне находятся или ранее находились теленгитские зимовья, т.е. по степным склонам речных долин. Ни в лесу, ни на горах, ни даже в лесостепных нагорьях нет ни одной могилы. С этим необходимо сопоставить то, что теленгиты и теперь хоронят только в районах своих зимовок; труп человека, умершего на летовке, обязательно перевозят в долину, хотя по алтайским дорогам это отнюдь не легко.

Очевидно, так же поступали и древние обитателям Алтая, населявшие те же районы, что и нынешние (как видно из распространения могильников).

Переходя к описанию самих могильников, отметим, что кроме больших древних курганов (культуры Пазырык) и каменных кругов неизвестного назначения, в исследованном районе зафиксированы два типа памятников: небольшие круглые курганы, содержащие единичные погребения с конем[24], и четырехугольные площадки, огороженные вертикально врытыми плитами. Круглые курганы имеют диаметр от 2 до 8 м (редко больше) и высоту от 0,1 до 0,6 м. По форме они повторяют в миниатюре большие курганы пазырыкской эпохи; расположены они так же, цепочками по пять-шесть курганов, вытянутыми в меридиональном направлении; наконец, материал, из которого они сложены, ломаный камень, точно такой, как и на больших пазырыкских курганах. Единственным отличием между ними могла бы являться величина, но в самой долине Пазырык имеются круглые курганы, значительно меньшие, чем основные, по вещам и обряду погребения, несомненно, принадлежащие к пазырыкской культуре.

Иначе говоря, у нас нет никаких оснований отрывать маленькие курганы от больших; скорее всего, они указывают на этапы развития того древнего народа, который в VII веке был покорен тюркютами.

Позволю себе высказать гипотетическое предположение, что это были бома[25] китайских летописей, в первые века нашей эры обитавшие на Алтае. Остатки их были покорены западнотюркютским Иби-Дулу-ханом около 641 года. Поэтому нет ничего удивительного в том, что С.В.Киселев и Л.А.Евтюхова обнаружили в круглых курганах комплекс вещей VI—VII веков[26], так как насельники Южного Алтая всегда находились в тесном культурном взаимодействии со Степью и не было никаких причин, мешавших им использовать достижения более высокой техники.

Короче говоря, хотя мы можем часть круглых курганов датировать тюркским временем, но, учитывая особенности погребального обряда, расположение на местности, внешний вид и прочие детали (о чем было сказано выше), мы вправе отказаться от мысли, что эти погребения принадлежат тюркютам.

Зато квадратные "оградки", или "площадки", в точности соответствуют китайскому описанию тюркского погребального обряда.

Во-первых, в них часто находят пепел и золу[27] — остатки сожжения трупа. Отсутствие человеческих костей не показательно, так как труп в продолжение полугода высушивался и сгорание, очевидно, было полным. Вереницы необработанных камней, врытые вертикально, балбалы и, наконец, каменные изваяния (открытые нами), связанные с квадратными площадками, дополняют картину.

Квадратные оградки распространены значительно шире, чем круглые курганы. В верховьях Улагана, выше аила Тушагар, на широкой террасе располагается целое кладбище из оградок, хотя ни одного круглого кургана нет. Любопытно, что там встречен вариант оградки — четыре плиты, с вереницей балбалов, но без каменной засыпки в середине. Этот факт весьма примечателен, так как он, с одной стороны, опровергает приведенное выше мнение Л.А.Евтюховой, будто каменные площадки являются местом поминальных жертв в память погребенных в соседних курганах, а с другой стороны, указывает на то, что каменная наброска необязательна. В самом дел, когда площадка расположена вблизи кургана, то, чтобы закрыть ее, легче всего взять готовые камни и забросать ими пепел.

Ниже аила Тушагар, на высоко поднятой над Улаганом террасе, разведочным маршрутом обнаружен третий вариант квадратной могилы. В центре небольшой оградки (1,0 х 1,85 м) вместо каменной засыпки установлены два монолитных каменных обелиска высотой в 1,0 и 0,85 м. К ним примыкает еще меньший квадрат 1,0 х 1,0 м, в котором стоял один такой же обелиск, ныне поваленный. Разведкой обнаружено всего три таких погребения на Улагане и одно на Башкаусе, несколько выше слияния Башкауса с Улаганом. Башкаусское погребение несколько большего размера и засыпано камнями. Оно, собственно говоря, является промежуточным между обычными и вновь найденными оградками, что дает основание причислять те и другие к одному типу. Пристальное изучение обычных оградок установило, что на некоторых из них встречаются камни — остатки разбитого обелиска. Тюркюты, как мы знаем, имели родовую знать, наследственно занимавшую государственные должности[28], и вероятно, что социальное положение учитывалось при сооружении надгробного памятника. А если так, то понятно, почему эти могилы помещены отдельно: погребения знатных людей стремились отделить от остальных погребений. Необходимо отметить и четвертый вариант тюркютского погребения. К некоторым из круглых курганов поставлены балбалы. Мною отмечены 31 подобный случай и четыре случая, когда балбалы поставлены к большим курганам в долине Пазырык. Это, на первый взгляд, может говорить о принадлежности и круглых курганов тюркютам или о большой древности обычая выставления балбалов, однако внимательное рассмотрение этих курганов показало наличие там квадратов, выложенных на поверхности круглых курганов из того же камня. Следовательно, квадратные могилы перекрывают круглые, в насыпях которых следовало бы искать впускное погребение, если бы оно состояло не из одной золы. Необходимо также учесть, что современные теленгиты хоронят своих

покойников в каменной кладке древних курганов, о значении которых они настолько не имеют представления, что обычно называют их просто "корум" (каменная россыпь).

Если наше предположение правильно и теленгиты действительно потомки тюркютов, то погребальный обряд должен был пережить следующую эволюцию.

1. Тюркюты раздела толос в 631 г. приходят на Алтай как отступающая армия. Они лишены и имущества и рабов. Расположившись в долине Улагана, они, чтобы не заниматься тяжелой, непривычной работой (ломкой камня), используют для погребений готовый камень с древних курганов. Погребальные памятники этого времени — каменные площадки.

2. С середины IX века тюркюты становятся телесами — алтайским народом. Древняя традиция постепенно становится анахронизмом, и сложный обряд погребения упрощается. Вместо того чтобы перетаскивать камень, его просто перегруппировывают в древнем кургане над прахом умершего.

3. Монгольское завоевание 1207 г. не могло не вызвать интенсивного проникновения шаманской идеологии в среду телесов, и ранее синкретичных. А это должно было повлечь за собой упадок древней религии и, следовательно, отразиться на обряде погребения. Самое сложное в последнем было полугодовое высушивание трупа и сожжение, ибо оно требует не только массы сухих дров, но и соответствующей вентиляции, иначе труп не сгорит. Сожжение заменяется обожжением трупа и последующим его захоронением в каменной россыпи.

4. Телесы окончательно растворились среди алтайских аборигенов и превратились в шаманистов-теленгитов, утративших даже память о своих предках — тюркютах.

Теленгиты лишь в небольшой мере потомки тюркютов, в значительно большей степени они потомки аборигенов Алтая, с которыми тюркюты-толосы смешались. Отсюда понятно, что теленгитское погребение с конем более сходно с погребением в каменных курганах, чем с тюркютским трупосожжением. Превращением телесов в теленгитов исчерпывается и наша тема.

В рассмотренной нами эволюции погребального обряда тюркютов только 1-й, 2-й и 4-й этапы нашли свое отражение во внешнем виде могил. Установить 3-й этап удалось благодаря раскопкам пазырыкского кургана № 3 (1948 г.). В центре насыпи под каменной кладкой, но на разной глубине обнаружены четыре скелета. Засыпанные тяжелыми камнями костяки деформированы, лишь самый нижний, лежавший на слое погребенного гумуса, в промерзшем песке, сохранил-

ся. Руки скелета закинуты на голову, ноги раздвинуты, под поясницей — большой камень, сломивший трупу позвоночник. От второго скелета сохранились лишь ноги, череп раздавлен камнями. Третий скелет сплющен наваленными на него глыбами, так что ноги находились рядом с головой. Последний лежал на спине, с руками, сложенными на животе. Все скелеты ориентированы в разные стороны, что указывает на небрежность захоронения. Полная обезжиренность и плохая сохранность костей говорят о их сравнительной древности (теленгитский период исключается), а то, что скелеты лежат на разных горизонтах, показывает разновременность их захоронения. Заполнение могильной ямы содержит большое количество углей и крупных головней. Кроме того, к кургану поставлены четыре балбала из серого песчаника.

Присутствие угля позволяет реконструировать обряд погребения следующим образом: трупы засыпались горящим углем и затем заваливались камнями из кладки кургана. Это захоронение вполне отвечает намеченному выше 3-му этапу (захоронение в чужом кургане с имитацией сожжения). Предположительно мы можем датировать это погребение XIII веком, исходя из того, что в это время телесы уже утратили большую часть культурной традиции, но еще не усвоили новой.

Раскопками Алтайской экспедиции Эрмитажа в 1939 г. было открыто аналогичное, но более раннее погребение в пределах Усть-Канского аймака[29]. Там, под курганной насыпью, в небольшой ямке, лежал долбленый ящик с перегоревшими костями человека и предметами из железа.

Аккуратность захоронения при неполном сожжении заставляет отнести его к телеской эпохе (середина IX — начало XII в.), что вполне согласуется с датировкой, предложенной М.П.Грязновым.

Таким образом, мы вправе констатировать, что предложенная схема развития погребального обряда, отражающая постепенное изменение общественного устройства и культуры тюркютов-телесов, находит свое подтверждение в данных, полученных археологией.

БАЛБАЛЫ И КАМЕННЫЕ ИЗВАЯНИЯ НА РЕКАХ УЛАГАН И БАШКАУС

Балбалы, составляющие неотъемлемую часть тюркютских могил, на берегах Улагана и Башкауса весьма многочисленны и разнообразны. Высота их варьирует от 0,1 до 1,9 м, но подавляющее большинство — от 0,5 до 1,0 м. Детальному обследованию подверглись два скопления

могил: 1) в старом русле Башкауса, около автомобильной дороги, и 2) на правом берегу Улагана, от места впадения в него речки Балыктыюл до урочища Пазырык.

Обследование дало следующие результаты. Башкаусский могильник содержит 55 оградок; из них 13 имеют балбалы; общее число балбалов — 87. Если верить китайскому источнику, отождествляющему число балбалов с количеством убитых покойным врагом, то на одного тюркютского воина в среднем приходится шесть—семь убитых врагов.

Могильник Усть-Балыктыюл содержит: 139 оградок без балбалов; 72 оградки с балбалами; 31 круглый курган (с впускным погребением) с балбалами и две цепочки балбалов без могил. Последние, видимо, либо вросли в землю и задерновались, либо камень с них растаскан на дорожное строительство. Общее количество балбалов — 486, т.е. на одного тюркютского воина — четыре—пять врагов. Если же откинуть редкие количества балбалов (например, у одной могилы 51 балбал), то наиболее частым числом будет три—четыре балбала. Могилы без балбалов, вероятно, содержат пепел женщин и детей; они многочисленнее мужских могил. Это вполне понятно, если учесть, что при поражении увезти труп павшего товарища очень трудно и далеко не все мужчины-воины попадали после смерти на приготовленные для них оградки.

Балбалы имеют две резко отличные формы: островерхие и плоские, со стесанной верхушкой. Если учесть вышеприведенные свидетельства орхонских надписей о том, что каждый балбал изображал определенного человека, то такое деление нельзя считать случайным. Скорее здесь учтен важный этнографический признак — головной убор (островерхий малахай, характерный для степняков, и плоская, круглая шапочка алтайцев).

Когда тюркюты в VII веке пришли на Алтай, то их врагами были, с одной стороны, аборигены — алтайцы, а с другой — степные карлуки. Очевидно, тюркюты в VII—XI веках вели борьбу на оба фронта, и это отразилось в изображении балбалов. Если это справедливо, то мы можем отметить, что борьба со Степью была более удачной, так как из 486 балбалов 329 остроголовы, а 157 плоскоголовы.

Не менее важно расположение балбалов. Все они, как правило, вытянуты в восточную сторону, но азимут их колеблется: чаще всего это юго-восток, реже — восток и иногда северо-восток.

Разгадка этого имеется в той же китайской летописи.

В числе предметов, обоготворяемых тюркютами, названа "Страна Солнечного Восхождения"[30].

Очевидно, тюркюты, как и многие другие народы, ориентировались при совершении погребального обряда не на само солнце, а на первые лучи зари, которые весной, действительно, появляются на северо-востоке, а осенью и зимой — на юго-востоке.

При учете всех этих фактов установка балбалов в северо-восточном направлении становится понятной и закономерной.

Кроме балбалов, около квадратных могил обнаружены каменные изваяния, по-теленгитски "киши-таш", т.е. "человеческий камень".

Всего их найдено три—два на Башкаусе и одно на среднем Улагане.

Первое изваяние изображает мужчину с ярко выраженной, даже подчеркнутой монголоидностью. В правой руке он держит чашу, левая лежит на рукояти прямого меча. Материал — черный сланец. Второе изваяние — монголоида, что подтверждается узким разрезом глаз и прямой, но невысокой спинкой носа. Хорошо различим головной убор — клобук, характерный для азиатских степняков, но не горцев. Третья фигура, из красного мергеля, обладает теми же расовыми признаками. Она более похожа на юношу или молодую женщину. Оружия на ней нет: Чашу она держит в левой руке, а правая лежит на поясе.

В заключение необходимо отметить аналогичные статуи из Курайской и Канской степи (фрагмент), хранящиеся в Бийском краеведческом музее. Они также монголоидны, и курайская статуя снабжена традиционной чашей и мечом, характерными для всех фигур этого типа.

Литература о каменных изваяниях Алтая, Монголии и Восточного Казахстана очень обширна[31], но ныне уже не представляет интереса, так как вопрос о их назначении, принадлежности и эпохе разрешен. Они представляют собой портретные изображения тюркютов, пепел которых погребен в квадратных могилах, всегда находящихся при каменном изваянии[32]. Этот обычай также отмечен китайским описанием тюркютского погребального обряда, хотя там сказано, что ставится "нарисованный облик покойного"[33]. Это не только не противоречит данным современной науки, а, напротив, объясняет, почему на тысячу тюркютских погребений обнаружено только три каменных изваяния.

В китайском сообщении "нарисованный облик" фигурирует как обязательный аксессуар погребения, но везде и всегда каменные надгробья были достоянием людей состоятельных.

Надо думать, что тюркюты победнее ставили на могилах деревянные или глиняные раскрашенные изображения, которые, конечно, не сохранились. Таким образом, каменные изваяния следует считать исключениями из общего правила, и малое их количество не должно

смущать или удивлять исследователя. Решающим аргументом в пользу этого соображения является положение статуи относительно могилы. Она всегда стоит спиной к оградке и смотрит на ряд балбалов. Если бы статуя сама являлась балбалом, то она смотрела бы на прах своего победителя. Кроме того, в китайском описании погребального обряда точно указано, что для обозначения убитого врага ставят просто камень, тогда как "нарисованный облик" принадлежит покойнику.

Обычай ставить портретный надгробный памятник сохранился у самой западной ветви древнейших тюрок — у чувашей. На могиле мужчины ставится дубовый столб, а женщины — липовый. Грубо вырезанный треугольник изображает лицо. Этот памятник носит название "юба"; его считают "домом покойника", т.е. вместилищем его души[34]. Очевидно, чуваши принесли этот обряд на Волгу из мест своего древнего обитания, когда их предки были соседями предков тюркютов[35].

Итак, каменные изваяния с чашей датируют квадратные могилы так же хорошо, как и сообщения письменных источников, и мы имеем возможность видеть тюркютов такими, какими они представлялись сами себе. Исследование надгробных памятников дало возможность восстановить общий ход истории алтайской ветви древних тюрок.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] П.Пеллио восстановил звучание слова, переданного иероглифами ту-цзю, как тюркют, т.е. "тюрк" с суффиксом множественного числа монгольского языка. Ввиду того, что термин "тюрк" изменил свое значение, а двойное название "тюрки-тугю" очень громоздко, я считаю целесообразным ввести чтение "тюркют" для тюрок, основавших Первый Тюркский каганат (см.: *Pelliot P.* L'Origine de T'ou-kieu, nom chinois des turcs. T'oung Pao. 1915, отд. оттиск).

[2] В Тан-шу написано: "Чеби ушел на северную сторону Золотых гор (Алтая. — *Л.Г.*). Золотые горы с трех сторон состоят из отвесных утесов; только с четвертой есть проход, по которому можно проехать конному и на телеге. Земли ровные, и Чеби занял их... Он покорил на западе Гэлолу (карлуки. — *Л.Г.*), на севере Гегу (киргизы. — *Л.Г.*)" (см.: *Бичурин Н.Я.* (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М.—Л., 1950. Т. I. С. 22—263).

Указание на то, что местность была окружена со всех сторон горами, а "земли ровные", т.е. степные, доказывает, что Чеби-хан занял не северные склоны Алтая, покрытые лесом и неудобные для скотоводства, а долины Внутреннего Алтая. Туда действительно ведет единственный проход — Сайлюгем. Основная часть владений Чеби-хана, очевидно, располагалась между Телецким озером и р. Катунь, а на востоке он, вероятно, владел частью бассейна Кобдо, как полагает Г.Е.Грумм-Гржимай-

ло (см.: *Грумм-Гржимайло Г.Е.* Западная Монголия и Урянхайский край. Л., 1926. С. 277).

3 *Бичурин Н.Я.* (Иакинф). Указ. соч. С. 263—264, 397; *Грумм-Гржимайло Г.Е.* Указ. соч. С. 277.

4 Толосами называлось восточное крыло тюркютской военно-политической системы (см.: *Клюкин.* Новые данные о племени телесов и тардушей // Вестник Дальневосточного Отдела АН СССР. № 1—2. 1932. С. 97.

5 *Бичурин Н.Я.* (Иакинф). Указ. соч. С. 264.

6 *Гумилев Л.Н.* Статуэтки воинов из Туюк-Мазара // Сб. МАЭ. XII. Л., 1949. С. 232—253.

7 *Бичурин Н.Я.* (Иакинф). Указ. соч. С. 264.

8 *Грумм-Гржимайло Г.Е.* Указ. соч. С. 277.

9 *Бичурин Н.Я.* (Иакинф). Указ. соч. С. 263.

10 *Грумм-Гржимайло Г.Е.* Указ. соч. С. 417; *Козин С.А.* Сокровенное сказание. Л., 1941. С. 175.

11 Теленгиты — потомки телеского племени доланьгэ, обитавшего в VII в. к западу от р. Орхон. На Алтай они попали при разгроме ойратов маньчжурами и включили в свой состав остаток телесов, сохранившихся в их среде как "кость" (сеок) среди прочих сеоков.

12 *Бичурин Н.Я.* (Иакинф). Указ. соч. С. 230.

13 *Менандр.* Византийские историки / Пер. Дестуниса. СПб., 1860. С. 421—422.

14 *Бичурин Н.Я.* (Иакинф). Указ. соч. С. 228, 229.

15 *Радлов В.В., Мелиоранский П.М.* Древнетюркские памятники в Кошо-Цайдаме // Сб. трудов Орхонской экспедиции. Т. IV. СПб., 1899. С. 68.

16 *Мелиоранский П.М.* Памятник в честь Кюль-тегина. СПб , 1899. С. 68.

17 Там же. С. 70.

18 *Березин Н.И.* Библиотека восточных историков. Т. III. Казань, 1854. С. 34.

19 *Березин Н.И.* Указ. соч. С. 10.

20 *Евтюхова Л.А., Киселев С.В.* Отчет о работах Саяно-Алтайской археологической экспедиции в 1935 г. // Тр. ГИМ. Вып. XVI. 1941.

21 Там же. С. 113.

22 *Евтюхова Л.А.* Каменные изваяния Северного Алтая // Тр. ГИМ. Вып. XVI. С. 130.

23 Там же. С. 131, 132.

24 Сообщено С.И.Руденко.

25 Бома (оло-чже или би-це) населяли Алтайско-Саянское нагорье (см.: *Грумм-Гржимайло Г.Е.* Указ. соч. С. 51). Они были народом смешанного динлинско-сяньбийского происхождения.

26 *Евтюхова Л А., Киселев С.В.* Указ. соч. С. 114.

27 Необходимо учесть, что при плохой или поврежденной засыпке дождевая вода выщелачивает золу.

28 *Бичурин Н.Я.* (Иакинф). Указ. соч. С. 229.

29 *Грязнов М.П.* Раскопки на Алтае // Сообщения Гос. Эрмитажа Л., 1940. С. 18.

30 *Бичурин Н.Я.* (Иакинф). Указ. соч. С. 230.

31 *Веселовский Н.И.* Современное состояние вопроса о "каменных бабах" или "балбалах" // ЗООИД Т. XXXII. Одесса, 1915.

32 *Евтюхова Л.А.* Указ. соч. С. 133; *Бартольд В.В.* Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью. СПб., 1897. С. 19; Г.Е.Грумм-Гржимайло считает этот обычай заимствованным у динлинов (см.: *Грумм-Гржимайло Г.Е.* Указ. соч. С. 61—67; *Грязнов М , Шнейдер Е.* Древние изваяния Минусинских степей // Этнографический отдел Русского музея. Т. IV. Вып. II. Л., 1929; *Бернштам А.Н.* Археологический очерк Северной Киргизии. Фрунзе, 1941. С. 63 и табл. X; *Kotwicz W.* Les tombeaux dits "Kereksur"

en Mongolie // Rocznik Orientalistvczny. T. VII (1928), Lwow, 1929; *Его же*. Quelgues remergues sur les statues de pierre dites "baba", "femmes en pierre" // Bulletin international de l'Academie Polonaise des Sciences et des Lettres. Cracowie, 1928.

33 *Бичурин Н.Я.*(Иакинф). Указ. соч. С. 230.

34 *Магнитский В.К.* Материалы к объяснению старой чувашской веры. Казань, 1881. С. 180; *Никольский Н.В.* Краткий конспект по этнографии чуваш // ИОАИЭ. Т. XXVI. Вып. 6. Казань, 1911. С. 579.

35 *Земляницкий Т.А.* Чуваши и монголы // Доклад, прочитанный в Общ. арх., ист. и этн. при Самарском государственном ун-те 20 января 1927 г. Гос. архив ЧАССР, опись 1, фонд 446, № 29, 1929.

Великая распря в Первом Тюркском каганате в свете византийских источников

Попытки использования византийских источников для уточнения темных вопросов истории Центральной Азии делались давно. Однако опыты Дегиня[1] в середине XVIII века имевшие значение для своего времени, ныне устарели. Значительно более удачен комментарий Вивьен де Сен-Мартена к работе Лебо[2], в ряде случаев не потерявший ценности. Середина XIX века была эпохой накопления материала, и только на рубеже XX столетия И.Маркварт[3] и Э.Шаванн[4] занялись сравнением западных и восточных источников и идентификацией содержащихся в них сведений. Однако многие поставленные ими вопросы остались нерешенными. В 30-х годах эту работу продолжал М.И.Артамонов[5], но он не касался непосредственно интересующего нас вопроса, который попал в сферу интересов другого советского ученого — С.П.Толстова[6]. С.П.Толстов привлек для уточнения истории Тюркского каганата сочинения персидских историков Наршахи и Табари и вступил в полемику с И.Марквартом, которая не увенчалась успехом лишь потому, что он оставил без внимания византийский источник — "Историю" Феофилакта Симокатты, являющуюся ключом к решению поставленной задачи. Помимо этого, не все отождествления С.П.Толстова могут быть приняты при строгой проверке.

Последующие работы ученых были скорее шагом назад по сравнению с ранее достигнутыми результатами. Огромная статья Хауссига содержит в себе утверждения сплошь и рядом фантастичные[7].

Еще более печально, что даже давно устаревшее мнение Маркварта, опубликованное в его посмертной книге "Wehrot und Arang" (1938), попало в нашу научную литературу уже не как гипотеза, а как

доказанный факт. Я имею в виду главу "Средняя Азия в VI—VII вв." в "Очерках истории СССР", написанную А.М.Мандельштамом, который отбрасывает как недоказанную гипотезу правильное отождествление Абруя и Абохана, сделанное С.П.Толстовым, и отрывает сведения Наршахи от их хронологического места в истории. Аргументация у него следующая: "Глава пришельцев из Туркестана, т.е. обосновавшихся здесь эфталитов, Абруй, совершил незадолго до падения эфталитского государства переворот, вынудивший знать эмигрировать в Семиречье и основать там город Джамукат. Смысл этих событий заключается в попытке эфталитов в союзе с обедневшей частью общинников ликвидировать основу могущества аристократии, отняв у нее захваченные знатью земли, и возвратить их общинам"[8]. Переворот Абруя А.М.Мандельштам датирует концом 40-х — началом 50-х годов VI века. По существу мы имеем тут концепцию Маркварта, но в ухудшенном варианте, так как Маркварт датировал эти события 60-ми годами, когда тюрки уже заняли Семиречье. Эфталитское происхождение Абруя доказывается тем, что он выходец из Туркестана, но эфталиты заняли Бухару с юга, из Афганистана. Отождествление Кара Джурина Турка Биягу с каганом Истеми, взятое у Маркварта, не подтверждается при проверке, а "социальный смысл" противоречит тексту, на который он опирается. А.М.Мандельштам заявляет далее (с. 352), что при победе тюрок над эфталитами в 565 г., "вероятно, был ликвидирован бухарский узурпатор", а царь эфталитов Гатфар, "очевидно", убит в сражении. Второе неверно, так как в том самом описании, на которое Мандельштам ссылается, указано, что эфталиты Гатфара низложили, а первое противоречит источникам, так как имена Абруй и Гатфар у Наршахи, с одной стороны, и у Табари, Балями и Фирдоуси, с другой, не совпадают. К тому же нет оснований называть узурпатором князя, действовавшего в пользу народа.

Еще больше проблема была запутана в той же книге в главе "Западнотюркский каганат", написанной А.Н.Бернштамом и Ю.А.Заднепровским. Там разделение тюрок на два каганата вообще не датировано и ни к чему не приурочено, якобы из-за отсутствия данных, хотя эти данные есть. По контексту можно понять, что авторы считают, будто в 70-х годах каганат был уже разделен, хотя это противоречит и Менандру, и Феофилакту, и Суй-шу; там же они называют европейских авар жужанями (с. 381), вопреки точному разъяснению Феофилакта Симокатты, что пришедшие в Европу "псевдоавары" ничего общего не имеют с азиатскими абарами[9]. Распри 80-х годов авторы считают внешней войной, а ход ее неясным, хотя для определения его есть две совпадающие версии — греческая и китайская. События 584 г. они считают поводом для "окончательного отделения", а последую-

щее единство каганата относят за счет усиления западного кагана. Все это совершенно не соответствует фактам и источникам, а вместе с тем имеется возможность и датировать сведения источников и, сведя их воедино, восстановить ход событий.

* * *

Мы имеем три описания великой распри 581—583 гг. 1) китайское, которое легло в основу всех имеющихся историй; 2) персидское — текст Наршахи, который, как было доказано С.П.Толстовым в его первой работе "Тирания Абруя", имеет отношение к нашему сюжету и 3) собственно тюркское, сохранившееся в "Истории" Феофилакта Симокатты как письмо кагана тюрок к императору Маврикию.

Это письмо в изложении Феофилакта Симокатты было комментировано Шаванном в 1903 г. Интересующий нас отрывок из него гласит:

"Когда племя огор было окончательно побеждено, каган предал вождя племени колхов на истребление мечу.

Из этого племени во время войны было уничтожено 300 тысяч человек, так что непрерывным рядом убитых была покрыта дорога на расстоянии четырех дней пути. Когда победа столь явно улыбнулась кагану, у тюрок началась междоусобная война. Один человек по имени Турум, по роду близкий кагану, задумав государственный переворот, собрал большие силы. Когда в битве перевес оказался на стороне этого захватчика власти, каган отправил посольства к другим трем великим каганам. Их имена следующие: Спарзевгун, Кунаксолан и Тулдих. Когда все войско собралось у Икара (это местечко окружено большими равнинами) и когда в этом же месте противники выступили против них и геройски сражались, пал в этой битве сам захватчик власти, и союзные силы заставили противников обратиться в бегство. Произошла большая резня, и каган вновь стал владыкой своей земли. Сообщение о всех этих победах каган и послал императору Маврикию через послов. Этот Икар находится на расстоянии 400 миль от так называемой Золотой горы...

Закончив благополучно гражданскую войну, каган тюрок стал приводить в порядок свои дела; он заключил договор с жителями Тавгаста, чтобы, добившись прочного спокойствия, безмятежно установить свою власть".

Разбирая этот текст, Шаванн пишет: "Много пунктов остаются темными в тексте Феофилакта. Кто такие колхи? Кто такие Спарзевгун, Кунаксолан и Тулдих, которые помогли хану, и кто такой его враг Турум? Где находилась местность, называемая Икар, ...и город Тавгаст, название, ставшее у тюркских народов именем, которым они называли китайцев?

Вот сколько вопросов, на которые мы не можем дать научного ответа и которые мы предпочитаем не разрешать при помощи хрупких гипотез"[10].

С того времени, когда Шаванн написал эти слова, прошло полстолетия, и ныне эти вопросы поддаются разрешению.

На последний вопрос, что такое "Тавгаст", ответил Маркварт, который доказал, что этот синоним Северного Китая берет начало от названия части города Чанъань, столицы Бэй-Чжоуской и Танской империй[11]. Само название — этноним древнемонгольского народа "табгач", которое китайцы произносили "тоба". В конце IV века табгачи овладели северной половиной Китая, и еще в VIII столетии тюрки в орхонских надписях именуют китайцев табгачами. О начале тюрко-византийской войны в 576 г. говорит Менандр, и текст Феофилакта Симокатты дополняет его сообщение. Под термином "колх" кроется тот же смысл, что и в древности, хотя этот народ уже назывался "лазы", а страна у устьев Риона — "Лазика". Подтверждение этому мы находим у Феофана Византийца, Прокопия Кесарийского, Менандра и Эвнапия Сардийца[12].

Самый трудный вопрос — о гражданской войне — требует дополнительного исследования.

Прежде всего встает проблема хронологии. Письмо было доставлено в Константинополь в 598 г.[13] и написано, если учесть время на дорогу, приблизительно в 597 г.; это предельная верхняя дата. Восстание Турума вспыхнуло одновременно с кульминационным пунктом продвижения тюркютов на запад. Тюркюты[14] вторглись в Лазику в начале 80-х годов VI века; это нижняя дата. Восстание, следовательно, развивалось в первой половине 80-х годов VI века. Именно тогда произошло восстание Абохана Далобяня, который, как и Турум, был родственником "великого хана".

Обратимся теперь к китайскому источнику и посмотрим, что же именно произошло.

* * *

Пролог трагедии развернулся в степях Монголии в декабре 581 г.[15], когда умирал великий хан тюркютов Тобо-хан. Тогда уже вступил в силу закон о престолонаследии от дяди к племяннику и от брата к брату, и Тобо-хан, обращаясь к своему сыну Яньло, сказал: "Известно, что самое близкое родство есть между отцом и сыном. Но мой старший брат не уважил сего родства, а мне поручил престол. По смерти моей ты должен уклониться от Далобяня"[16] (т.е. уступить место Далобяню). Далобянь был двоюродный брат Яньло, сын Муганьхана, фактического основателя тюркютского могущества, но вельмо-

жи заявили, что мать его "низкого происхождения", и этого было достаточно для того, чтобы они воспротивились его вступлению на престол[17]. Спор был решен вмешательством третьего двоюродного брата, Шету. Явившись на курултай позже всех, он сказал: "Ежели поставите Яньло, то я со своими братьями буду служить при нем, ежели поставите Далобяня, то я буду, охраняя границу (своего удела), с острою саблею и длинным копьем ожидать его к себе"[18].

Это были сильные аргументы, противоречить им никто не решился, и слабый, безобидный Яньло был поставлен ханом.

Но не смирился сам Далобянь. Его сторонники поносили и оскорбляли Яньло, и последний отказался от престола в пользу своего заступника Шету. Вновь обойденный Далобянь получил удел на северных окраинах государства и титул Або-хана (старший хан).

Шету Шаболио чувствовал, что его положение заставляло предпринять решительные действия. Войско, поставившее его ханом, требовало добычи, а, с другой стороны, политические соображения вынуждали его к войне. Китай после долгих неурядиц объединился под властью талантливого боевого генерала Ян Цзяня, основателя династии Суй. Ян Цзянь хорошо знал тюркютов и ненавидел их[19]. Поэтому летом 582 г. Шаболио, поддерживая восстание Гао Бао-нина, правителя пограничного района Ин-чжеу, вторгся в Китай. Далобянь Або-хан и западнотюркютские удельные ханы Дяньгу Дату-хан и Таньхан-хан сопутствовали ему. Китайские пограничные войска были разбиты и отступили, обнажив границу. Только в декабре 582 г.[20] китайцам удалось отразить тюркютов, но тут главную роль сыграла дипломатия: на западе поднялись хотанцы и эфталиты, поддержанные Персией[21], а агент Суйского дома Чжан-сунь Шэн сумел посеять зерно раздора между самими тюркютскими ханами. Дату-хан, сильнейший из удельных князей, обеспокоенный судьбой своих расположенных на западе владений, заключил сепаратный мир и вывел войска из Китая[22].

Лето 583 г. принесло китайцам облегчение: тангуты, напавшие на Линтхао, были наголову разбиты[23], и вслед за этим потерпел поражение Або-хан[24]. Победа самого Шаболио спасла от разгрома тюркютскую армию, но Чжан-сунь Шэн сумел поссорить Шаболио и Або-хана.

Через доверенное лицо он обратился к Шаболио с такими словами: "Не странно ли, что, когда во главе тюркютских войск стоите вы, их всегда ожидает победа, когда же руководство боем переходит в руки Або-хана, то их поражение неизбежно? А между тем численность войск, которыми располагаете вы и Або, в сущности одинакова. Ведь этот позор покрывает стыдом и вашу особу. И что же теперь, когда вы, нанося ежедневные поражения врагу, находитесь в ореоле славы, а

Або, ведя дело к проигрышу кампании, покрывает тюркютов бесславием, вы по-прежнему полагаете возможным ограничиться одними лишь замечаниями? Когда-то вы мечтали уничтожить северное ханство (т.е. удел Далобяня). Не дерзнете ли вы это сделать теперь?"[25]

В то же время Чжан-сунь Шэн внушал Або-хану: "Так как Дату-хан заключил союз с домом Суй, то Шету не в состоянии будет удержать за собой верховную власть над тюркютским народом. Не лучше ли было бы вам поэтому своевременно примкнуть к этому союзу и стать под покровительство императора? Это дало бы вам большую силу и было бы благоразумнее избранного вами пути — терять войска, исполняя волю Шету, и, точно преступник, сносить его оскорбления"[26].

Слухи о возможной измене Далобяня достигли ушей Шету, и он решился на шаг, повлекший за собой гибельные для тюркютской державы последствия.

В феврале—марте 584 г., когда Далобянь находился в походе, Шету напал на его ставку. Во время резни погибла и мать Далобяня, а сам он бежал на запад к Дяньгу Дату-хану. Необузданность и несправедливость Шету, видимо, вызвали возмущение в орде. Дяньгу дал Далобяню войско, сверх того к нему присоединились его сторонники из его бывшего аймака и удельные ханы Таньхань-хан и Дилеча[27]. Далобянь имел под своим начальством такие силы, что Шету не мог надеяться на успех. Даже брат его Чулохеу оказался на стороне повстанцев[28], а кидани в тылу у него готовили восстание[29]. Осенью 584 г. Шету Шаболио-хан обратился с просьбой о помощи к Китаю, принял императорскую грамоту на коленях и признал себя вассалом Суйского дома. Между тем Далобянь овладел Восточным и Западным Туркестаном, от оазиса Хами до Амударьи[30]. Однако разгром Шету не входил в расчеты китайцев. Они признали его ханом и выслали армию, которая осенью 585 г. нанесла поражение Далобяню. В то же время племя абар напало на незащищенную ставку Далобяня и захватило в плен его жену и детей. Китайские войска разбили абаров, отбили у них семью Далобяня и передали ее Шету[31], который снова стал хозяином степей к востоку от Тянь-Шаня. Поражение Далобяня было, несомненно, обусловлено тем, что в 584 г. Дяньгу Дату-хан признал себя вассалом Суйского дома, т.е. стал на сторону врагов Далобяня. Грумм-Гржимайло пишет, что причины, побудившие Дяньгу к такому шагу, нам неизвестны[32], но новый материал, привлекаемый нами, поможет разобраться в сложнейшей политической ситуации в раздираемой распрями тюркютской державе. Мы переходим ко второму акту трагедии. На этот раз местом действия будет город Пайкенд в области Бухара[33].

* * *

Або-хан Далобянь вместе со своими ветеранами оказался в Средней Азии. Резиденцией его стал Пайкенд; имя Або-хана (в форме Абруй) известно Абуль-Хасану Абд-ар-Рахману Мухаммеду ан Нишабури, автору книги "Сокровищница знаний", отрывок из которой вошел в "Историю Бухары" Наршахи[34].

О появлении в пределах Бухарской области тюркютов он рассказывает так: "Люди, приходившие сюда из Туркестана, селились здесь, потому что в этой области было много воды и деревьев, были прекрасные места для охоты; все это очень нравилось переселенцам. Сначала они жили в юртах и палатках, но потом стало собираться все больше людей, и переселенцы стали возводить постройки. Собралось очень много народа, и они выбрали из своей среды одного и сделали его амиром. Имя его было Абруй"[35].

Легко представить себе, как вели себя воины Або-хана на беззащитной, подвластной им земле. О состоянии дисциплины в тюркютской армии нам достаточно определенно сообщил Ян Цзянь, тогда еще генерал Чжоуского государства: "Тюркютские ратники пренебрегают и наградами, и наказаниями, мало уважают своих начальников и по большей части не соблюдают порядка"[36].

Но тюркютские ратники отнюдь не пренебрегали добычей и грабежом. Неудивительно, что Нишабури сообщает нам следующее: "По прошествии некоторого времени власть Абруя возросла, он стал жестоко править этой областью, так что терпение жителей истощилось. Дехканы и богатые купцы ушли из этой области в сторону Туркестана и Тараза, где выстроили город и назвали его Хамукат... Оставшиеся в Бухаре послали к своим вельможам послов и просили защищать их от насилия Абруя[37]. Вельможи и дехканы обратились за помощью к кагану тюрок по имени Кара Джурин Турк, которого за величие народ прозвал Биягу. Биягу тотчас послал своего сына Шири Кишвара с большим войском. Тот прибыл в Бухару, в Пайкенде схватил Абруя и приказал, чтобы большой мешок наполнили красными пчелами и опустили туда Абруя, от чего он и умер"[38].

Китайские летописи относят плен Далобяня к 587 г. и сообщают о нем так: "Чулохеу [брат Шаболио, умершего в январе 587 г.], получив от дома Суй знамена и литавры, пошел воевать на запад против Або. Неприятели полагали, что Чулохеу получил из Китая вспомогательное войско, почему многие перешли в подданство к нему, и Або взят в плен. Чулохеу тотчас донес двору и просил у него разрешения: убить ли Або или даровать ему жизнь? Государь отдал это на рассмотрение чинов. Старший министр Гао-Фань подал следующее мнение: "Когда родные истребляют друг друга подобно ядовитым

насекомым, то надобно щадить их, чтобы показать великодушие". Государь сказал: "Хорошо"[39].

Сопоставляя оба текста и учитывая обстановку VI века, мы легко можем воссоздать происходившие события.

Транзитная торговля, служившая основным источником дохода для тюркютских, в особенности западнотюркютских, ханов, контролировавших участок караванного пути от Хами до границ Персии, была немыслима в условиях военного времени. Дяньгу поддержал Далобяня для того, чтобы ослабить Шаболио, но, как только Далобянь оказался хозяином караванного пути и его голодные солдаты сделали невозможной торговлю, Дяньгу сообразил, что ошибся, и быстро переориентировался на союз с Китаем. В то время война питала войну. Воины Або-хана, не имея средств к существованию, кормились за счет подчиненной области, а когда эта область с осени 585 г. ограничилась южной частью Мавераннахра, то прокорм стотысячной орды стал непосильным бременем. Кто имел средства, эмигрировал к Дяньгу [Кара Джурину Турку, впоследствии принявшему титул Бугя(Бильге)-хана][40]; беглецы просили помощи для борьбы против отрядов Або-хана, которые при всем желании не могли вести себя иначе. Но, вероятно, ненависть Дяньгу к Шаболио задержала решительные действия до смерти последнего[41]. Когда же на престол вступил друг и соратник Дяньгу Чулохеу (начало 587 г.), то судьба Далобяня была решена. Согласно персидской версии, Далобянь был взят в плен сыном Кара Джурина — Шири Кишваром (Шири Кишвар — это персидский перевод тюркского имени Иль-Арслан. С.П.Толстов полагает, что это имя отражено в имени сына Дяньгу — Янсу-тегина)[42].

Как видим, персидская версия не противоречит китайской, согласно которой не сам Чулохеу лично берет в плен Далобяня, а это происходит лишь в его царствование[43]. Лицемерие двора, сделавшего намек насчет ядовитых насекомых, вероятно, определило способ казни Далобяня.

Чулохеу не надолго пережил своего врага. Он был убит стрелой в западном походе, в декабре 587 г., вероятно, подавляя сопротивление последних сторонников Далобяня. Дяньгу, ставший самой крупной персоной империи, посадил в Пайкенд своего внука Нили-хана[44] или, скорее, своего сына Янсу-тегина. Вместе с тюркютским царевичем в Пайкенд вернулись богатые купцы и дехканы. Они стали его "ближними людьми, а бедные люди стали их слугами"[45]. Очевидно, они внушили тюркютскому кагану мысль о смене внешнеполитической линии, так как новая политика полностью совпала с их интересами.

В 589 г. тюркютский каган не только не возобновил войны против Византии, но, наоборот, как ее союзник начал войну против Ирана.

Цель тюркютского князя, именуемого в персидской истории Савэшах, была пройти через Иран в Константинополь для установления прямых и непосредственных торговых связей[46].

Первая война между Ираном и Тюркютским каганатом в 568—569 гг. явилась следствием неудачи посольства в Иран Маниаха, главы согдийских купцов, которые были приближенными тюркютских ханов и стремились добиться отмены ограничений на их торговлю шелком по караванному пути, шедшему через Иран; Маниах, получив отказ, сумел убедить Истеми-хана изменить персидскую ориентацию на византийскую. Но при Хосрое Ануширване Иран был так могуч, что тюркюты не пошли на решительную агрессию.

Однако в 589 г. террор против аристократии и изнурительная война с Византией значительно ослабили позиции Сасанидского дома, и пайкендские купцы сочли момент благоприятным для того, чтобы осуществить свою заветную идею — освободить торговлю от иранских таможен и стеснений.

Попытки обойтись без Ирана, делавшиеся в конце 60-х годов VI века, оказались безрезультатными, так как путь вокруг Каспийского моря не только намного длиннее, но проходит по бесплодным степям. К тому же, Пайкенд оказался бы в стороне от этого пути, что отнюдь не устраивало пайкендских купцов, и мы видим, что через полтора года после прекращения внутритюркютской распри в Средней Азии Савэ идет войной против Ирана.

Разработанный в Константинополе[47] план кампании был тщательно продуман: хазарская и арабская диверсии должны были отвлечь персидскую армию на Кавказ и в Месопотамию, а главные силы Савэ нанести смертельный удар.

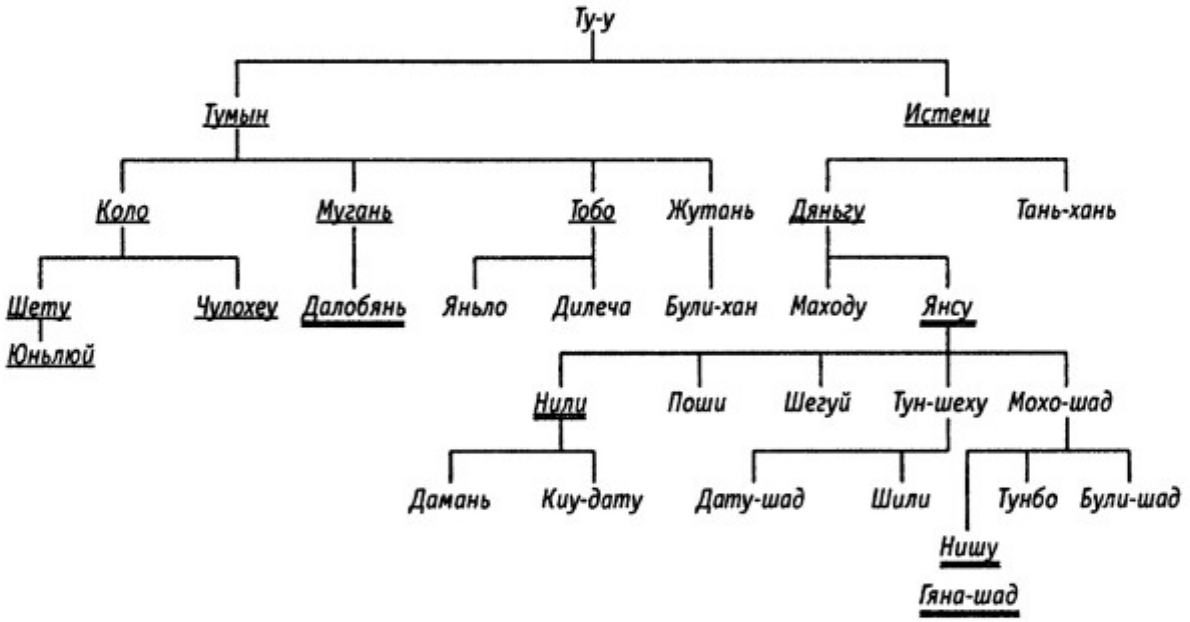
Однако в августе 589 г. персидская армия наголову разбила тюркютов при Герате и, развивая успех, взяла Пайкенд. Савэ-шах[48], которого я отождествляю с Янсу-тегином (см. ниже), пал в бою; пайкендские дехканы поплатились за свои аппетиты; вождь западных тюркютов Дяньгу убедился, что его собственных сил не может хватить на решение всех политических задач, и пошел на полное примирение с сыном Шаболио и преемником Чулохеу — Юнь Юйлюем, который в 593 г. восстановил единство тюркютской державы[49].

Таков ход событий, согласно нашей реконструкции, расходящейся с мнениями наших предшественников. Разберем теперь со всем вниманием их выводы и доказательства, чтобы не оставалось и тени сомнения.

* * *

Исходным пунктом нашего исследования является сумма сведений по истории Тюркютского каганата, почерпнутая из китайской

династической хроники империи Суй (581—619). Родственные отношения между ханами династии Ашина представлены на прилагаемой генеалогической таблице, составленной мною в результате работы на основании всех известных указаний на имена ханов Ашина[50]. Однако трудность пользования этой таблицей заключается в том, что обозначенные в таблице персоны носили не одно имя, а по три и даже четыре: 1) личное имя, которое не всегда известно; 2) княжеский титул; 3) ханский титул; 4) иногда прозвище. Кроме этого, наряду с китайским произношением имен, ставшим уже в науке традиционным, обнаружены в ряде случаев тюркские имена, по звучанию весьма непохожие на китайские искажения. Однако именно тюркские звучания легли в основу имен в персидских и греческих текстах. Здесь фонетика ближе к тюркской, чем у китайцев, но все же имеет различия с прототипом.



Извлечение из генеалогической таблицы рода Ашина древнетюркских ханов.
Подчеркнуто одной чертой — общетюркские ханы;
двумя чертами — удельные князья, владевшие Бухарой

Таким образом, каждый персонаж может носить до шестнадцати имен, хотя практически до этого числа варианты никогда не доходят. В связи с нашей темой нас интересуют не все имена ханов династии Ашина, а только те, которые упоминаются в западных (греческих, персидских и арабских) источниках. Все они так или иначе становились предметом исследования, но общего мнения до сих пор создать не удалось. Разногласия ученых, занимавшихся разрешением проблем идентификации имен, сведены нами в прилагаемую таблицу (табл. 1).

Таблица 1

Разногласия исследователей

Наршахи; Табари; Фирдоуси	Шаванн; Вивьен де Сен-Мартен	Маркварт, II, 1938; Мандельштам, 1958	Маркварт, I, 1898; Толстов, 1938	Гумилев
Кара Джурин Турк Биягу		Истеми-каган Ябгу	Шеху Чулохеу	Дяньгу Бугя (Бильге)
Шири Кишвар		Старший сын Истеми-Иль-Арслан (в хрониках не упомянут)	Янсу-тегин	Янсу-тегин
Абруй		Последний царь эфталитов	Абосхан Далобянь	Або-хан Далобянь
Кана		Гяна-шад (ошибочно назван сыном Даманя)		Гяна-шад, впоследствии Нишу-Дулу-хан (умер в 634 г.)
Шаба (Савэ)	Чжао-ву (титул согдийского князя)	Шаук, кушанский князь	Чулохеу	Янсу-тегин (Янг-соук, Савэ)
Бармуда (Пармуда)	Иль-тегин	Париовк, кушанский князь	Янсу-тегин	Нили-хан (Буюрук)

Как видно из таблицы, идентификация Табари и китайских летописей, предлагаемая мною, резко отличается как от идентификации Шаванна[51] и примыкающей к ней второй версии Маркварта[52], так и от идентификации Толстова[53], опирающегося на первую версию Маркварта[54]. Идентификация данных Наршахи и Суй-шу у Маркварта[55], Толстова[56] и в этой работе также совершенно различна.

Разногласия проходят по двум линиям:

1) кто был Шаба, погибший в борьбе с Бахрамом Чубином, и его сын Бармуда, правивший в Пайкенде после его смерти;

2) кто были Абруй и его враги — Кара Джурин Турк и сын его Шири Кишвар.

Рассмотрим каждый из этих вопросов.

1. Маркварт (I) и Толстов отождествляют Шаба с Мохо-ханом Чулохеу, так же как и с Шаба, убитым стрелой "в западном походе". Однако Шаба был убит на одиннадцатом году царствования Хормизда;

год этот начинается 30 июня 589 г.[57], тогда как Чулохеу был убит в декабре 587 г.[58]. Этого одного достаточно, чтобы отказаться от поисков в этой области и оставить без внимания косвенные доказательства ложности высказанного отождествления.

Предположение Толстова о том, что Бармуда = Иль-тегин = Янсу-тегин и вместе с тем это сын Чулохеу, не находит подтверждения как в генеалогии тюркютских ханов[59], так и в ходе исторических событий: Иль-тегин Бармуда, освободившись из персидского плена, довольно долгое время царствовал в Пайкенде, тогда как Янсу-тегин царствовал всего лишь несколько месяцев, а с 589 по 604 г. царствовал его сын Нили-хан. Сопоставляя Бармуду Табари с преемником Шири Кишвара Наршахи, мы видим, что этот князь был женат на китайской царевне[60]. А на китайской царевне Сянь-ши был женат сын Янсу-тегина Нили-хан, и правил он до 603 г. Поэтому Иль-тегин соответствует Нили-хану китайских источников.

В Гандхаре (Индия) имелся храм Или-тегина, сына тюркютского кагана. В имени этого Или-тегина, может быть, можно узнать Иль-тегина, как его называет Динавери[61], который был не кто иной, как Пармуда, князь Бухары, побежденный и плененный Бахрамом Чубином. Наличие индийских связей объясняет до сих пор темный факт, почему на вооружении войска тюркютского князька оказались слоны.

Это также объясняет, куда делся Янсу-тегин и почему он не царствовал. Янсу — отец Нили-хана, т.е. Бармуды. Значит, он известен Табари как Шаба, и он был убит осенью 589 г., во время борьбы с Бахрамом Чубином. Концепция Шаванна[62] и Маркварта (II)[63], согласно которой Шаба = Шаук = Чжао-ву (мелкий кушанский князек), противоречит титулу Бармуды Иль-тегин и указанию, что этот самый Иль-тегин был сыном "турецкого царя"[64]. Шаванн, по всей вероятности, заимствовал эту гипотезу от Вивьена де Сен-Мартена[65], который полагает, что Шаба арабское = Чжао-ву китайскому, т.е. что это — титул согдийских князьков. Но этот титул был известен арабам не в китайской, а в тюркской форме (-чуб), а такое искажение поэтому не могло возникнуть. Точно так же сын убитого Шабы Бармуда, вступив на престол, этого титула не принял, что определенно показывает, что это — не титул, а имя. Обращаясь к Себеосу, мы видим, что данный автор великолепно отличает кушанских царей от "маскутских", т.е. тюркских (массагеты), с которыми воевал Мехревандак (Бахрам Чубин); к тому же оба кушанских князя, Шога и Париовк, участвуют в событиях много времени спустя, при Хосрое II, так что отождествления Шога Шаба и Париовк-Бармуда отпадают.

Предлагаемые отождествления показывают, что Бахрам Чубин воевал с удельным тюркютским князем на Амударье почти в то же время, когда другой удельный князь вторгался в Дагестан[66]. Тюркютская держава была едина. Палеофонетика подтверждает мое отождествление. По определению А.А.Драгунова и М.Ф.Хвана, иероглиф *су* в суйское время читался как *соу*. Фирдоуси передает имя тюркютского хана как *souh*, Янг-соук по-тюркски значит "Новый (или Большой) мороз" — собственное имя. В стихах оно исказилось на Савэ, в соответствии с ритмом муттакариба.

2. Второй вопрос еще сложнее. Маркварт отождествляет Кара Джурина Турка с Истеми-каганом орхонских надписей, а Абруя — с последним эфталитским царьком и относит события, описанные Наршахи, к 60-м годам VI века. Но кто же тогда Шири Кишвар = Иль-Арслан? Маркварт гипотетически предполагает, что у Истеми-хана был сын с таким именем, и следовательно, старший брат Дяньгу Дату-хана, хорошо нам известного по китайским источником[67]. Основание для этой гипотезы он видит в том, что Менандр среди восьми тюркютских удельных князей старшим называет Арсилу (Арслан)[68], хотя (Арсила) назван единодержцем еще до смерти Истеми в 576 г.[69].

Эта гипотеза не может быть принята. В Арсиле Менандра мы должны видеть Тобо-хана, так как разделение тюркютов на Восточный и Западный каганаты еще не состоялось. Затем совершенно немыслимо, чтобы китайцы при их осведомленности о тюркютских делах не отметили бы такого крупного князя, каким должен был бы быть старший сын Истеми-хана. Наконец, Кана, сменивший в Пайкенде преемника Иль-Арслана, царствовал 30 лет и умер в 634 г.[70] Это Гяна-шад, впоследствии Нишу Душу-хан, личность вполне историческая. Маркварт не может объяснить сорокалетнего хронологического разрыва между предполагаемым временем гибели Абруя при вступлении на престол гипотетического Иль-Арслана и вступлением на престол Гяна-шада в 600-х годах. К тому же Нишу Гяна-шад Марквартом ошибочно назван сыном Нили-хана, тогда как на самом деле он сын Мохо-шада, брата Нили-хана[71].

На основании всего вышеизложенного можно отвергнуть отождествление Марквартa и перейти к разбору отождествлений С.П.Толстова.

Концепция Толстова значительно сильнее концепции Марквартa. Я вполне согласен с тем, что Абруй = Або-хан Далобянь. Но предположение С.П.Толстова о том, что Янсу-тегин был сыном Чулохеу-хана, является необоснованной гипотезой, тогда как мнение Шаванна о том, что он был сыном Дяньгу Дату-хана, покоит-

ся на тщательном исследовании источников. А раз так, то отпадает и сопоставление Кара Джурина Турка с Чулохеу. Толстов полагает, что китайцы словом "Чулохеу" транскрибировали турецкое имя Кара Чури[72], а "биягу" означало "ябгу"[73]. Но Дяньгу, став общетюркским ханом, принял титул Бугя-хан, в понимании Шаванна — Бильге-каган[74], т.е. "Мудрый", а самое его имя, по моему мнению, является не транскрипцией, а переводом. Тюркское слово "чури" значит "гнить, заржаветь, тлеть"[75], *n*, конечное, по определению А.Н.Кононова, — суффикс единичности. Китайский иероглиф, которым передается это имя — Дянь, значит "отлом, трещина в дорогом камне, недостаток". Второй иероглиф "цзюе" означает вторую часть имени "Турк"[76]. Таким образом, мы имеем в имени Дяньгу Бугя-хан перевод прозвища Кара Джурин Турк Бильге-хан[77]. Действия же его против Далобяня-Абруя вполне понятны, если мы учтем, что в 584 г. он перешел на сторону китайцев. Отсюда понятно, что бежавшие от Абруя дехканы направились в сторону Тараза, где была ставка не Чулохеу, а именно Дяньгу, который, расправившись с Абруем-Далобянем, сажает на его место своего сыне Янсу и внука — Нили-хана. Янсу пробыл на троне столь мало, что китайские анналы его не отметили, а сын его Нили-хан действительно правил до самой смерти, происшедшей около 603 г., и его сменил его племянник Гяна-шад, известный Наршахи под именем Кана.

Идентичность безымянного преемника Шири Кишвара с Нилиханом подтверждается одним бесспорным фактом. Известно, как неохотно китайцы давали своих царевен в жены варварам и как тщательно фиксировали подобные случаи. Для нашей эпохи мы имеем один определенно зафиксированный случай — женитьба Нили-хана на китаянке Сянь-ши[78]. Тот же факт описан у Наршахи[79]. Личное имя Нили-хана неизвестно, но, учитывая ход событий, возможно, что оно передано Табари как Бармуда, который недолгое время пробыл в плену у персов и был освобожден Хормиздом. Надо думать, что Бармуда, так же как Шири Кишвар, — не транскрипция, а перевод тюркского имени Буюрук на персидский язык[80]. Дальше, появление в Бухаре не сына Нили-хана Даманя, а племянника, Нишу Гяна-шада, вполне объяснимо, исходя из тюркютского закона о престолонаследии по старшинству. Даман имел ставку в "древней Усуньской земле"[81], а маловажный окраинный удел был поручен его двоюродному брату.

В заключение необходимо вернуться к вопросу о личности самого Савэ-шаха. Ряд косвенных соображений доказывает, что он не кто иной, как Янсу-тегин, западнотюркютский царевич. Пер-

сидская историческая традиция подтверждает это категорически: "Савэ-шах, сын хакана, который был Хормизду дядей по матери"[82]. Хакан — это Истеми-каган, на дочери которого в 570 г. женился Хосрой Ануширван. Но и здесь не обошлось без путаницы. Янсу-тегин, по биографическим данным совпадающий с Савэ-шахом, был не сыном, а внуком Истеми и, следовательно, двоюродным братом Хормизда. Предположение, что Данишвар прав и что в Герате мы видим истинного дядю Хормизда, сына Истеми — Дяньгу Дату-хана, недопустимо, так как последний погиб в Тогоне в 604 г. Следовательно, Данишвар, уделяя недостаточно внимания генеалогии дома Ашина, пропустил одно поколение и сместил систему родства. Это легко могло получиться, если учесть, что в 570 г. замуж выходила младшая дочь Истеми-хана, почти девочка[83], а Янсу-тегин был сыном старшего сына хана, так что весьма вероятно, что они с девочкой были ровесниками, вследствие чего персидские послы решили, что это брат и сестра.

Ошибку, очевидно, усугубило и то, что врагом Ирана был действительно сын Истеми-хана Дяньгу, но он сидел у себя в ставке, а персы, увидев главнокомандующего, облаченного в ханские регалии, приняли его за самого хана. Но во всяком случае путаница, допущенная Данишваром, незначительна и существенных изменений в ход событий не вносит.

Теперь мы можем вернуться к тексту Феофилакта Симокатты. Тождество Турума и Або-хана Далобяня не возбуждает сомнений. Сам Шаванн доказал, что под "великим ханом" надо видеть Дяньгу Дату-хана, так как, во-первых, ставка его помещается в Золотых горах, в которых Клапрот видит Алтай, а Шаванн — Северный Тянь-Шань, а не в Халхе, где кочевали восточные ханы, и, во-вторых, потому, что в 598 г. именно он являлся фактическим главой империи[84].

Турум-Далобянь сначала действительно имел преимущество над противником, но, когда против него объединились и западные, и северные ханы, а это случилось после смерти Шаболио-хана в 581 г., он потерпел поражение в области Бухары, которая в записи Феофилакта Симокатты названа "Икар". Бухара действительно расположена "на широких равнинах" и на изрядном расстоянии от "Золотых гор".

Для того чтобы прояснить вопрос о трех союзниках "великого хана" Дяньгу, необходимо обратиться к изучению уделов в державе тюркютов. Около 582 г. было восемь удельных князей. Из них активное участие в восстании Далобяня приняли двое — Таньхань-

хан и Дилеча; оба они больше ни разу в истории не встречаются. Чулохеу успел вовремя отойти от восстания, и его удел продолжал существовать даже после его смерти — под властью его сына Жаньганя. Также остался улус Шету Шаболио-хана, где правил сын Шету Юнь Юйлюй. У Дяньгу было два сына: младший, Янсутегин, командовал его собственной армией и впоследствии укрепился в Согдиане, но старший, надо думать, имел свой удел. Личное имя его нам неизвестно; в китайских хрониках он назван "богатырь" (моходу хэу). Впоследствии, в 630 г., он вступает в борьбу со своими племянниками, что было бы невозможно, если бы у него не было своей орды. Его удел располагался на Кубани и Северном Кавказе.

Итак, при подсчете мы видим действительно именно трех удельных князей. Наконец, в 90-х годах VI века между тюркютами и китайцами был мир, как и сказано в письме кагана.

Несравненная ценность этого документа заключается в том, что он прекрасно подтверждает факты, известные из китайских и персидских источников. Совпадение трех не зависящих друг от друга исторических традиций свидетельствует о правильности изложения истории великой распри — наиболее темного и запутанного события за все время существования Первого Тюркютского каганата. Остается неясным только одно, как распределить между Чулохеу, Юнь Юйлюем и Моходу-хэу имена Спарзев-гун, Кунаксолан и Тулдих, но это и не так существенно, ибо ход событий ясен.

Как видно из проделанного исследования, наши предшественники не уделили должного внимания сведениям, содержащимся в византийских источниках, что отразилось на достоверности их гипотез и выводов.

Теперь мы имеем право свести все полученные результаты в таблицу отождествлений и согласования всех известных источников, причем письмо кагана к императору Маврикию является связующим звеном (см. табл. 2).

На основании вышеизложенного мы имеем право отвергнуть предложенные нашими предшественниками даты распадения каганата в 50, 70, 80-х годах VI века и остановиться на реальной дате — зиме 603/4 г., когда тюркюты были разбиты китайскими войсками, их хан пропал без вести, а между их восточными и западными кочевьями возникло самостоятельное Телеское ханство[65]. Хотя это ханство оказалось недолговечным (606—619), оно, однако, сыграло свою роль. Пути западных и восточных тюркютов с этого времени оказались разными. Но это уже другая проблема.

Таблица 2

Согласование источников

Суй-шу	Феофилакт Симокатта	Менандр Протиктор	Наршахи, Динавери	Табари, Фирдоуси
Истеми джабгу-каган		Диазивул		Синджибу, хакан тюрков, который был Хормизду дядей по матери
Тобо-хан		Арсила		
Далобянь Або-хан	Турум	Абруй		
Таньхань-хан		Турксанф		
Дилеча = Тегин-шад (титул)				
Дяньгу Дату-хан, Бугя-хан	Каган тюрков	Тарду	Кара Джурин Турк Биягу	
Янсу-тегин			Шири Кишвар	Шаба (Савэ-шах)
Нили-хан			Или-тегин	Бармуда (Пармуда)
Гяна, впоследствии Нишу Дулу-хан. Умер в 634 г.			Кана	
Чулохеу Шеху (Мохэ)-хан	Спарзевгун			
Юнь Юйлюй Дулань-хан	Кунаксолан			
Моходу (богатырь)-хэу (князь)	Тулдих			

ПРИМЕЧАНИЯ

1 *Deguignes.* Histoire générale des Huns, des Turks, des Mogols et des autres Tartars. Occidentaux avant et depuis J.S. jusqu'à present. T. I, II. Paris, 1756.
2 *Lebeau Ch.* Histoire du Bas-Empire. Ed. II. Paris, 1828.
3 *Marquart J.* Historische Glossen zu den altturkischen Inschriften // Wiener Zeitschrift für Kunde des Morgenlandes. Bd. XII, 1898.
4 *Chavannes E.* Documents sur les Tou-kiue (Turcs) Occidentaux // Сборник трудов Орхонской экспедиции (далее — Тр. Орх. эксп.). VI. СПб., 1903.
5 *Артамонов М.И.* Очерки древнейшей истории хазар. Л., 1937.
6 *Толстов С.П.* Тирания Абруя // Исторические записки. 1938. № 3. С. 3—39.
7 *Haussig H.W.* Theophylakts Exkurs über die skythischen Völker. Byz. XXIII. 1953 // См.: *Артамонов М.И.* История хазар. Л., 1961. Примечания.
8 Очерки истории СССР (III—IX вв.). М., 1958. С. 351.
9 *Феофилакт Симокатта.* История. М., 1958. С. 160.
10 Тр. Орх. эксп. VI. С. 251.
11 *Marquart J.* Eranšahr nach Geographie des Ps. Moses Xorenaci // Abhandlungen der Königlichen Gesellschaft der Wissenschaften zu Göttingen. Berlin, 1901. S. 317. О значении слова "Тавгаст" см. также: *Пигулевская Н.В.* Византия на путях в Индию. М.—Л., 1951. С. 210. У Моравчика (*Moravcsik G.* Byzantinoturcica, II. Berlin, 1958. S. 162) колхи названы угорским племенем, но приведенный текст не дает к тому оснований. Там сказано,

что после разгрома угров каган предал мечу вождя народа колхов, т.е. отмечена последовательность, а не тождество событий. В той же работе (t. I. S. 546) при перечислении племен, покоренных тюрками, автор не упоминает колхов, что было бы обязательно, если бы они действительно жили между Нижней Волгой и Уралом в числе угорских племен.

12 *Феофан Византиец.* В кн.: Византийские историки / Пер. С.Дестуниса. СПб., 1861. С. 494; *Прокопий.* История войн римлян с персами. I / Пер. С Дестуниса. СПб., 1862. С. 222; II. С. 278; *Менандр.* В кн.: Византийские историки. С. 320, 339, 340; *Эвнапий Сардиец.* Там же. С. 160.

13 Эту дату приводит Э.Шаванн (Тр. Орх. эксп. VI. С. 245). Моравчик называет другую дату — 600 г., но не обосновывает этого (*Moravcsik G.* Byzantinoturcica. I. S. 546). Датировке Шаванна следует отдать предпочтение потому, что в 599 г. тюркюты вели активную войну в Китае и оба хана, восточный и западный, находились во главе своих войск, а не заключали "договора с жителями Тавгаста (Китая. — *Л.Г.*), чтобы, добившись прочного спокойствия, безмятежно установить свою власть" (*Феофилакт Симокатта.* История. С. 162). Более поздние даты исключены, так как в 604 г. каганат распался и власть ханов восстановилась лишь в 616 г.

14 Тюркютами я называю тюрок Первого каганата, ибо термин "тюрк" ныне стал полисемантичен, и требуется условный термин для того, чтобы избегнуть постоянно возникающей путаницы. Раньше употреблялось их китаизированное название "тукесцы" или "тюрки-тугю", но оно не в духе языка и, как доказал Пеллио, произносилось "тюркют". См.: *Гумилев Л.Н.* Алтайская ветвь тюрок-тугю. СА. 1959. № 1. С. 105.

15 *Иакинф.* История Китая: Рукопись. ИВАН. Фонд 7. См. под годом.

16 *Бичурин Н.Я.* (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. I. М.—Л., 1950. С. 234.

17 *Иакинф.* Собрание сведений... С. 354—355. Анализ текстов см.: *Толстов С.* Указ. соч. С. 11.

18 *Иакинф.* Собрание сведений... С. 235; *Liu Mau-tsai.* Die chinesischen Nachrichten zur Geschichte der Ost-Türken (T'u-Küe). Wiesbaden, 1958. S. 44.

19 *Иакинф.* Собрание сведений... С. 232.

20 *Иакинф.* История Китая.

21 Тр. Орх. эксп. VI. С. 49.

22 *Julien St.* Documents sur les Tou-kiue // Journal Asiatique. 6-me serie. № 3. 1864. P. 365; *Грумм-Гржимайло Г.* Западная Монголия и Урянхайский край. Т. II. Л., 1926. С. 229.

23 *Иакинф.* История Китая.

24 Там же.

25 *Julien St.* Op. cit. P. 365.

26 Ibid. P. 366.

27 *Иакинф.* Собрание сведений... С. 236. Люй Мао-цай (Op. cit. S. 808, 498) транскрибирует это слово как "Тегин-шад" и считает титулом.

28 *Julien St.* Op. cit. P. 257; *Грумм-Гржимайло Г.* Указ. соч. С. 230—231.

29 *Иакинф.* Собрание сведений... С. 237.

30 Там же. С. 279.

31 *Грумм-Гржимайло Г.* Указ. соч. С. 232.

32 Там же. С. 233.

33 См.: *Толстов С.П.* Указ. соч. С. 4.

34 Там же. С. 10—11; *Наршахи Мухаммед.* История Бухары / Пер. Н.Лыкошина. Ташкент, 1897.

35 *Наршахи.* История Бухары. С. 12. Слова "из своей среды" в тексте отсутствуют. Имя Абруя легко понять как композитум, в котором первая часть тюркская, а вторая — перевод ее на персидский язык по типу "султан Малик-шах".

36 *Иакинф.* Собрание сведений... С. 232.
37 По тексту — именно бедняки просят помощи против Абруя, а не богачи, как полагает А.М.Мандельштам. Однако краткость и отрывочность текста не позволяют на одном отрывке строить социологические гипотезы.
38 *Наршахи.* История Бухары. С. 12—13.
39 *Иакинф.* Собрание сведений... С. 239.
40 О тождестве Дяньгу Бугя-хана и Кара Джурина Турка Биягу см. ниже.
41 См.: *Грумм-Гржимайло.* Указ. соч. С. 227.
42 *Marquart J.* Wehrot und Arang. Leiden, 1938. S. 151; *Толстов С.П.* Указ. соч. С. 10.
43 Весьма примечательно, что китайская версия приписывает победу над узурпатором Турумом Далобянем восточному хану Чулохеу, персидская — южному удельному князю Шири Кишвару-Янсу-тегину, греческая — западному хану Дянгу. Все три версии основаны на сообщениях тех государей, которые общались с данными народами и каждый приписывал победу себе.
44 *Иакинф.* Собрание сведений... С. 279.
45 *Наршахи.* История Бухары. С. 13.
46 *Гумилев Л.Н.* Война 589 г. и Гератская битва // ИАН Таджикской ССР. Отд. общественных наук, № 2(23). 1960. С. 72.
47 *Brosset M.* Histoire de la Géorgie. T. I. SPb., 1849. P. 220—221.
48 У Табари он назван Шаба. *Nöldeke T.* Geschichte der Perser und Araber zur Zeit der Sassaniden. Leiden, 1879. S. 269. Anm. 1.
49 Тр. Орх. эксп. VI. С. 50; *Грумм-Гржимайло Г.* Указ. соч. С. 233.
50 *Гумилев Л.Н.* Удельно-лествичная система у тюрок VI—VIII веков // Советская этнография. 1959, № 3. С. 11—25.
51 Тр. Орх. эксп. С. 242—243.
52 *Marquart J.* Wehrot und Arang. S. 145.
53 *Толстов С.П.* Указ. соч. С. 9.
54 *Marquart J.* Historischen Glossen... S. 188—189.
55 *Marquart J.* Wehrot und Arang. S. 145 f.
56 *Толстов С.П.* Указ. соч. С. 9.
57 *Nöldeke T.* Op. cit. S. 269.
58 *Иакинф.* История Китая. По византийским данным, война с Савэ была в 590 г.
59 Тр. Орх. эксп. VI. С. 3.
60 *Толстов С.П.* Указ. соч. С. 14.
61 *Nöldeke T.* Op. cit. S. 272. Anm. 2.
62 Тр. Орх. эксп. IV. С. 242—243.
63 *Marquart J.* Wehrot and Arang. S. 145.
64 См.: *Nöldeke T.* Op. cit. S. 272. Anm. 2.
65 См.: *Lebeau.* Op. cit. T. 9. P. 395.
66 *Артамонов М.И.* Указ. соч. С. 136.
67 *Marquart J.* Wehrot und Arang. S. 148. Менандр называет его Тарду (ср. тюркское тардуш-хан) и родным братом Турксанфа, сына хана, умершего в 576 г., т.е. Истеми-хана (*Менандр.* В кн.: Византийские историки / Пер. С.Дестуниса. СПб., 1861. С. 422).
68 *Marquart J.* Wehrot und Arang. S. 150—151.
69 *Менандр.* С. 418.
70 *Marquart J.* Wehrot und Arang. S. 151; *Наршахи.* История Бухары. С. 48.
71 Тр. Орх. эксп. IV. С. 3.
72 *Толстов С.П.* Указ. соч. С. 8—9. Но это невозможная грамматически перестановка. На самом деле *хоу* = граф (кит.), а *чуло* соответствует *collig* (тюрк) или *чулу* (монг.) — "каменистая пустыня", титул, часто встречающийся. Имя *Чур* китайцы передавали иероглифом *Чжо.*

[73] Там же.
[74] Тр. Орх. эксп. VI. С. 355.
[75] *Радлов В.В.* Опыт словаря тюркских наречий. Т. 1—4. СПб., 1893—1911.
[76] Китайско-русский словарь Палладия и Попова. Т. I. С. 207.
[77] Совершенно неожиданное подтверждение моего предположения имеется у Люй Мао-цая (op. cit. S. 67, 543), где этот хан назван просто Дянь.
[78] *Иакинф.* Собрание сведений... С. 279.
[79] *Наршахи.* История Бухары. С. 14.
[80] Буюрмак = фармудан — приказывать.
[81] *Иакинф.* Собрание сведений... С. 341.
[82] *Mirkhond.* Histoire des Sassanides. Paris, 1845. P. 257; Bel'ami. Chronique de Abou-Djafar-Mohammed-ben-Djarir-ben Jazid Tabari / Traduite sur la version persane d'Abou=Ali Mo'hammed Bel'ami d'après les manuscrits de Paris de Gotha, Londres et de Canterbury par Hermann Zotenberg. T. II. Paris, 1869. P. 248.
[83] Chronique de Tabari. T. II. P. 254—255; *Mirkhond.* Op. cit. P. 259.
[84] Тр. Орх. эксп. VI. С. 250.
[85] *Грумм-Гржимайло Г.* Указ. соч. С. 237. К аналогичному заключению пришел китайский ученый Чэн Чжун-мянь, написавший "Дополнения к материалам по истории западных тукюе (тюркютов)". Шанхай, 1958 (на китайском яз.). К сожалению, его работа для меня недоступна.

Орды и племена у древних тюрок и уйгуров

Вопрос о формах государственности кочевых народов Срединной Азии, ставившийся неоднократно, но до сих пор не решенный, получил новое освещение в работе О.Прицака[1], который попытался нарисовать в общем виде картину создания кочевых "империй". Несмотря на огромное количество учтенных фактов и детальную разработку источников, его выводы вызывают возражения, мешающие принять их полностью. Причин к тому две: общие соображения О.Прицака включают некоторые предвзятые мнения, не полностью преодоленные исследователем, а частные замечания содержат "переходящие ошибки", т.е. гипотетические предположения, впоследствии опровергнутые, но удержавшиеся потому, что опровержение потонуло в море мелких статей, которое превращается в библиографический океан. К числу таких ошибок относится, например, сопоставление сеянто с сиртардушами[2], что является гипотезой Ф.Хирта, полностью опровергнутой В.В.Бартольдом[3], и доланьгэ-теленгитов с телесами, причем сделана ссылка на Аристова, утверждавшего как раз обратное[4]. К счастью, в качестве корректива к труду Прицака мы имеем ныне сводку тюркологических сведений значительно более точную и надежную в труде А.Н.Кононова[5] и можем сосредоточить внимание только на общих положениях О.Прицака, сформулированных им в начале статьи так: "Как возникала степная империя? Когда в степи появлялся талантливый организатор, то он собирал вокруг себя толпу сильных и преданных людей, чтобы подчинить с их помощью свой род, а потом племя и, наконец, тот племенной союз, о коем идет речь. Потом он предпринимал со своими людьми разбойничьи походы. Ес-

ли они протекали успешно, то следствием их было присоединение соседних племен. Следующей задачей было, с одной стороны, уничтожение господствующих родов племенных федераций, с другой — размещение гарнизонов в степных укреплениях, сначала на Орхон-Ононе, потом на Чу.

Обладание священными местами в степи давало основателю новой федерации благодать (харизму), которая придавала его империи силу законности. Так как только принадлежащие к господствующему роду могли рассматриваться как господа, то созываемый на священном месте вблизи от укрепления, курултай, в котором принимали участие старейшины племен, вошедших в эту федерацию, выбирал по старому обычаю кандидата в степные цари. Выбранный принимал, обычно по предложению шамана, царский титул. Этот титул выражал притязание на мировое господство. Кроме титула правителя устанавливалось название для нового государства или федерации[6]."

Основное наше несогласие с О.Прицаком приниципиально. По нашему мнению, степные объединения возникали не одним способом, а несколькими. Отмеченная О.Прицаком выборность хана встречается реже, чем наследственность. Уничтожение знатных родов проведено было Чингисханом, но оно не характерно для тюрок, уйгуров и хуннов. Весьма преувеличена роль религии и "шаманов". (Очевидно, так О.Прицак называет вообще всех колдунов и жрецов, что делает термин слишком широким и для пользования непригодным.) Понятие "благодать" несовместимо с генотеистическими культами, так как помощь племенного божества "тосья" распространялась на членов данного племени, а именно этот культ господствовал в ранне-тюркскую эпоху[7]. Собственно говоря, О.Прицак описал процесс установления "военной демократии"[8], но отмеченное им сочетание дружины и племени, живущего родовым строем, характерно для оседлых племен Европы, а у кочевников та же проблема решалась иначе.

По нашему мнению, плодотворнее искать не сходные элементы в разные периоды истории тюрко-монгольских народов, а различия, на основании которых можно построить классификацию. Для начала остановимся на эпохе кризиса Великого Каганата VII—VIII вв., так как именно эта эпоха в большой мере дала О.Прицаку основание для построения его концепции.

Древние тюрки сложились в V в. из небольшого народа, населявшего отроги Монгольского Алтая, и орды Ашина, пришедшей из Ганьсу в 439 г. Создавшийся таким образом народ получил название "тюрки", произносившееся в то время "тюркют"[9], а прозвище "Ашина" сохранилось как имя династии.

Благодаря нескольким военным удачам ханы Ашины создали в VI в. каганат, объединивший все степные народы Евразии в оазисные княжества Согдианы. Несмотря на отсутствие сильного сопротивления со стороны разобщенных степных племен, завоевание потребовало полной консолидации сил тюркского народа, и он превратился в народ-войско, принужденный держать оружие наготове, так как конгломерат из племен и княжеств, подчиненный только военной силой, всегда был готов к восстанию и отложению. Основным противоречием в Первом Тюркском каганате было антагонистическое противоречие между тюркютской военной демократией и покоренными племенами, находившимися еще в стадии родового строя. За время своего господства тюркютская орда претерпевала изменения: создалась военно-чиновная знать, закрепившая свое привилегированное положение передачей титулов и должностей по наследству, а рядовые воины компенсировались за службу военной добычей. Добычу составляли наряду со скотом и тканями пленники, обращаемые в рабство, но так как при кочевом хозяйстве рабский труд мало применим, то женщин брали в наложницы, а мужчин сажали на землю и облагали податью — продуктами ремесла и сельского хозяйства. Тюркское слово "раб" переводилось на китайский язык как "вассал"[10]. Внутри тюркютской орды царила жесткая дисциплина. Воровство, измена и прелюбодеяние карались смертью, власть тиунов над рядовыми воинами была ничем не ограничена, но сами князья дома Ашина нуждались в преданности своего народа, служившего им единственной защитой от ненависти покоренных и ограбляемых племен. Общая опасность связывала князей и войско в одну господствующую прослойку, что характерно для военной демократии.

Процесс классообразования после разделения каганата протекал различно: в Восточном каганате тюркютские ханы, надеясь на свою боевую мощь, беспощадно подавляли подчиненные племена; в результате, когда Танская империя пошла в контр-наступление на тюркютов, то подчиненные тюркютам племена восстали и держава рухнула в 630 году. На западе ханы Ашина попытались опереться на кочевую племенную знать и согдийскую аристократию, но лишенные сильной сдерживающей руки кочевники начали междоусобные войны и привели каганат в состояние анархии, каковое и было использовано Китаем при завоевании западных тюркютов в 657—659 гг. Процесс классообразования прервался, так как тюркютская военно-чиновная знать была либо уничтожена, либо пошла на службу к китайскому правительству. Средняя Азия досталась арабам и тибетцам, а степь поделили карлуки и уйгуры. Таким образом, мы можем рассматривать Тюркский каганат как незавершенный процесс классообра-

зования, не пошедший далее военной демократии, в условиях окружения развитыми классовыми обществами.

Вопросы этногенеза в Срединной Азии после падения Тюркютского каганата, в 630 г., очень сложны и запутанны. Основная сложность их в том, что там не было понятия, соответствующего европейскому понятию народ, Volk, people или античному — natio и этнос.

Для западных людей народ, как правило, это совпадение сходного происхождения и языка. Что же мы видим во Внутренней Азии? После разрушения грандиозной системы каганата население степи почувствовало, что можно устраиваться по собственным вкусам и наклонностям. И тогда обнаружилось, что наклонностей всего две и, следовательно, возможны два пути развития. Для одних продолжала оставаться идеалом система орды, т.е. стадия военной демократии. Люди этого склада группировались вокруг уцелевших тюркютских царевичей, поступивших теперь на службу к хану табгачей — т.е. императору Китая, и "отдавали свою душу и силу" за добычу и славу. К их числу кроме потомков тюркютов принадлежали остатки разбитых сеянтосцев — сиры (надпись Тоньюкука) и множество разных людей, почему-либо не ужившихся в родной юрте или на китайской службе (например, Ашидэ Юянь-чжень и Тоньюкук). Происхождение их было различно, но говорили они между собой на древнетюркском языке с небольшими отличиями в произношении. Они составляли "budun" — народ, но не в смысле "этнос", а в смысле, близком к понятию "демос", так как budun у противопоставлялись беги /bäglär/. Это видно из контекста фраз: türk bäglär budun — "тюркские беги и народ" или же "народ тюркских бегов" и turk qara budun — "тюркский черный народ", причем qara budun — "масса" — единое понятие без оскорбительного оттенка; Alty bäg budun — "народ шести бегов", т.е. шести подразделений. Отсюда видно, что budun — это рядовой состав орды, а беги — командный и вся система, т.е. орда в целом, понятие не этническое, а военно-организационное. В VI в. тюркютская орда покрывала собой племя, затем расползлась на державу, но теперь, когда военная мощь была сокрушена, а политическое значение уничтожено, орда пополнялась только добровольцами, предпочитавшими военный уклад семейному. Буквальное значение слова орда — ставка, лагерь.

О.Прицак понимает термин "будун" иначе: как раздел улуса — и сопоставляет его с древнемонгольским термином "ирген"[11]. Однако не только вышеприведенное противопоставление бегов будуну, но и разбор А.Н.Кононовым термина "ирген": ер /муж/ + кин /аффикс множественности/[12] показывает, что еркин-ирген — буквально "скопище мужей" — понятие самостоятельное, а "будун" релятивное, т.е. можно быть будуном относительно хана, беков, а народ как этнос

именовался kün[13], попытка же сопоставить слова budun и bu kün, буквально "этот народ", сделанная О.Прицаком, неубедительна ни с филологической, ни с исторической точек зрения.

Второй его аргумент, что "будунами" были толисы, тардуши, тюргеши, карлуки и кидани, разбивается об исследование И.Н.Клюкина, согласно которому толи и тардуш были названиями восточного и западного разделов каганата[14], а прочие перечисленные племена входили в него как неотъемлемая часть, т.е. были "будуном" династии Ашина. Для племенной единицы был свой термин огуз, который О.Прицак понимает то как вариант произношения oq — стрела, то как ответвление основного ядра племени. Разберем и этот вопрос.

Удельно-лествичная система[15], сначала фигурировавшая только как государственное учреждение, постепенно проникла в частную жизнь. Она стала формировать семейные отношения, и это повлекло за собой появление и укрепление племенного быта.

Произошло это так.

Во время Первого каганата степное население весьма обогатилось. Во-первых, добыча притекала со всех сторон, во-вторых, дань из рук ханов попадала к их приближенным, и, в-третьих, замирение степи и прекращение постоянных грабежей повлияло благотворно на развитие скотоводства. Параллельно приобретению богатств шло накопление их, а это было возможно только при наличии организации. Пример таковой подали ханы рода Ашина, управлявшие колоссальной страной сообща. Главы больших семейств стали подражать ханам и управлять своими родственниками, как близкими, так и дальними. Семьи разрастались в семейные общины, перераставшие в племена, но сохраняли свое территориальное и организационное единство. Старейшины использовали свое влияние и стремились даже принять титул хана или идыкута.

Так образовались из развалин каганата уйгуры, карлуки, дулу и нушиби, по этому пути пошли кидани на востоке и гузы и команы, они же половцы, на западе. Врагом племен были орды, интересы их были прямо противоположны и непримиримы. Старейшины племен хотели пасти свой скот и получать от Китая подарки за нейтралитет или поставку наемников. Ханы орд хотели поверстать всю молодежь в боевые отряды, кормить их за счет обложения подчиненных, не служащих в войске, и военной угрозой вырвать у китайцев как дань необходимые им предметы земледелия и ремесла ради роскоши и привольной жизни. Для компромисса не осталось места.

Угрожаемые со стороны соседей, малые племена, которые все-таки не следует отождествлять с родами, стали образовывать союзы, причем названием для племени, входящего в союз, был термин огуз.

Отсюда возникли как этнонимы *токуз-огузы* — 9 "огузов" (малых племен) — уйгуры и уч-огуз = 3 огуза — карлуки[16]. Сходные по типу союзы дулу и нушиби, однако, не назывались огузами, чему причиной было то, что они возникли при иных обстоятельствах: не естественно, а по манифесту тюркютского хана. Поэтому они не перестали быть будунами и назывались on oq budun — десятистрельный народ. Соотношение между терминами "будун" и "огуз" вытекает из следующего: уйгуры, подчиненные тюрками, стали по отношению к ним будуном, но, сохранив свое внутреннее устройство, не перестали быть огузами. Поэтому Бильге-хан имеет основание заявить: "Народ токуз-огузов был мой собственный народ"[17], т.е. токуз-огузы были по отношению к нему — шаду тардушей — будуном, значит, они непосредственно ему подчинялись.

К аналогичному пониманию термина "огуз" пришел А.Н.Кононов, опираясь на критическое изучение всей литературы вопроса. Исходной основой собирательного этнического имени огуз является ог, "род, племя", которое, в свою очередь, находится в прямой связи со старотюркским словом ог, "мать", к этой же основе восходят слова ог, ул — "потомство, сын", и ог, уш — "сородич".

Таким образом, слово огуз первоначально могло значить просто "племена", "объединение племен", которое впоследствии превратилось в этническое имя с собирательным значением, получившим в известных случаях определение как необходимый детерминатив: токуз огуз — "девять (разных) племен", уч огуз — "три (разных) племени"[18].

Впоследствии термин "огуз" потерял свое значение (как и термин "будун") и превратился в имя легендарного прародителя туркмен — Огуз-хана, введенного в число мусульманских пророков[19].

Основным аргументом в пользу предлагаемого истолкования хода событий и развития является несовпадение наименований родовых подразделений у гаогюйцев — дили в IV—V вв. и племенных у телесцев VII—VIII вв. Гаогюйцы, несомненные предки телесцев[20], разделялись на 12 родов: 1) Лифули, 2) Тулу, 3) Ичжань, 4) Далянь, 5) Кухэ, 6) Дабо, 7) Алунь, 8) Моюнь, 9) Сыфынь, 10) Фуфуло, 11) Киюань, 12) Юшупэй. Все это роды патриархальные[21]. Племена телесцев суть: Юаньгэ — уйгуры, сеяньто — составное племя из сиров и яньто /?/, Киби, Дубо — тубалары, Гулигань — курыканы, предки якутов, Доланьгэ — теленгиты, Пугу Байегу-Байырку, Тунло — тонгра, Хунь, Сыгйе, Хусйе, Хигйе, Адйе — эдизы, Байси[22]. За исключением тубаларов, которых можно сопоставить с Дабо, все прочие несопоставимы. Такое переоформление могло произойти только в том случае, если родовая патриархальная система родства была поломана и на месте старых родов возникли новые объединения. Повод для такого переуст-

ройства был: 100 лет тюркюты владели телесцами и "их силами геройствовали в пустынях севера"[23]. Значит, телесцы были будуном и входили в систему орды и ее крыльев толис-тардуш. Тогда и стала, надо думать, заменяться родовая система, не отвечавшая новым условиям жизни, территориально-хозяйственными объединениями — племенами. Это изменение отмечено китайцами, которые называли гаогюйский род — *син* — фамилия, а телесское племя — *бу* — поколение, в переводе Иакинфа — племя.

В такой острой и сложной ситуации удивительно не то, что тюркская держава пала, а то, что она просуществовала 200 лет.

Сами тюрки называли свою систему *эль*. По поводу значения термина "эль" или "il" нет единодушного мнения. А это вопрос первостепенной важности. Не разобравшись в нем, мы не можем продолжать исследование. С.Е.Малов переводит "il" как "племенной союз", но дает также значение: "Государство, народ"[24]. Этого понимания придерживались Радлов, Мелиоранский, Бартольд, Томсен и Хирт. О.Прицак вводит в это понимание уточнение: "иль-улус — федерация племен, различных по расе и языку"[25]. Это весьма существенное уточнение, но оно не исчерпывает вопроса.

Другое понимание термина выдвинул Бернштам. Он считал, что эль — "это объединение аристократии различных племен в организационно сплоченный заимствованными у того же родового строя традициями аристократический строй". "Äl" — выражение государственной организации. Турецкий "äl" — господствующий класс... Турецкий "al" — олицетворение народа, известного нам в истории под самоназванием "türk"[26]. Обе точки зрения при проверке оказались несостоятельными. Разберем их.

Первый тюркский хан Тумын принял титул Иль-хан. Он это сделал не раньше, чем покорил жужаней, т.е. к своему племени присоединил еще другие племена. Однако называть группу завоеванных племен союзом — более чем неточно, скорее просто неправильно. Буквальное значение термина Иль-хан — правитель народов, и в полном соответствии к тому возникает в персидском языке Рашид ад-Дина новый глагол — завоевать, покорять. Этот глагол является варваризмом, но точно передает смысл термина. Для другого значения — соглашения племен — есть другой термин: кур-гур, однозначный на тюркском и монгольском языках. Соответственно этому есть термин гурхан, т.е. хан конфедерации племен. Этот титул носил хан киданей, т.е. их держава была союзом из восьми равноправных племен. Наоборот, иль предполагает подчинение путем силы других племен. Поэтому наиболее адекватным переводом термина "il" будет латинское "imperium" или русское — держава. Самоуправляющееся племя илем быть не может.

Вторая точка зрения опровергается текстами, на которые она должна опираться. Например, "türk budun älin törüsin", т.е. тюркский народ и эль (неверно, надо "эля") узаконивая (скорее — возвышая). Тут очевидно, что эль включает в себя будун, т.е. не ограничивается господствующим классом[27].

Таков же второй текст: "Kämkä älig kazyanurmän" — "для кого я буду добывать или — эли". Но "выражение государственной организации" или "господствующие классы" добывать нельзя, поэтому перевод, предложенный Бернштамом, обессмысливает текст. Самое близкое к действительности истолкование значения термина "эля" предложил С.П.Толстов: "...государство, в античном понимании этого слова, политическом, а отнюдь не территориальном значении"[28]. Но даже при таком понимании необходимо учитывать наличие в эле покоренных племен. Без этого эль не эль. Установив это, мы не встретим никаких противоречий с данными источников.

Итак, эль был формой сосуществования орды и племен. Хотя в идее это существование должно было быть мирным, но оно было настолько тяжело для обеих сторон, что эль был очень нестойкой формой. Что страдали ограбляемые покоренные и что они старались при любом удобном случае отложиться — понятно, но в самой орде было немногим лучше. Необходимость держать в порядке державу лишала бегов и будун покоя и личной жизни. Только постоянная готовность к бою поддерживала существование эля. Военное поражение, дипломатический просчет, единичная измена и даже простое нерадение ставили существование эля под угрозу. Именно по этой причине были так недолговечны политические образования Срединной Азии в раннем средневековье. Элем был Первый Тюркютский каганат, Второй — голубых тюрок и государство енисейских кыргызов, но в титулатуре уйгурских ханов приставка "иль" не встречается.

Уйгуры устроили свою державу совсем на иных принципах, чем тюрки. Девять родов, составлявших собственно племя токуз-огузов, были ведущим, но не господствующим племенем. Подчинив себе басмалов и восточных карлуков, уйгуры приняли их в свою среду, как равных.

Другие 6 телесских племен: пугу, хунь, байырку, тонгра, сыгие и киби — в правах и обязанностях были приравнены к токуз-огузам. Ставка хана находилась между Хангаем и р. Орхон. Границы их на востоке охватывали западную Маньчжурию, на западе Джунгарию. Граница между карлуками и уйгурами была установлена в 745 г. в результате военного столкновения. После разгрома тюрок карлуки вошли в союз с тюргешами против уйгуров, но были разбиты. Вследствие этого восточные кочевья карлуков на Черном Иртыше оказа-

лись в составе Уйгурского ханства и граница между уйгурами и карлуками прошла там же, где ныне граница между Россией и Китаем. По существу это была конфедерация племен, при сохранении наследственной ханской власти. Но даже эта мягкая форма сосуществования столкнулась с сепаратическими настроениями племен. Только путем долгой внутренней войны первые уйгурские ханы добились сохранения единства державы. Однако это же погубило династию. Возникший в 780 г. конфликт с Китаем позволил противникам войны сплотить вокруг себя бегов шести племен и учинить резню, в которой погибли хан, его советники и 2000 человек токуз-огузской знати.

Переворот 780 г. упразднил преимущественное положение племени токуз-огузов. Победившие шесть племен больше всего не хотели, чтобы уничтоженное положение возродилось. Поэтому они хотели слабой власти, не имеющей возможности стеснять их свободу, и они получили ее. По существу уйгурское ханство перестало быть монархией, а превратилось в республику с пожизненным президентом (как Речь Посполитая). Власть фактически сосредотачивается в руках племенных вождей,в которые избирают ханов. Ханы эти настолько бесцветны, что китайский историк не удостаивает их характеристик. С 789 г. по 794 г. правил Пангуань, сын узурпатора. Однако престол он получил не по наследству, а "поставлен" "вельможами"[29]. В 794 г. его отравила жена, и на престол вступил "сам", т.е. без права, младший брат отравленного. Это скорее семейная, чем политическая драма, но вельможи вмешались в скандал, убили престолохищника и малолетнего сына отравленного хана объявили преемником. Однако год спустя хан умер, разумеется не от старости, а ханом был избран приемный сын одного из вельмож — Кутлуг, сделавший военную карьеру при минувшем хане.

Это было не только торжеством выборного начала над наследственным, но тогда же сформулирована и конституция: вельможи, чиновники и прочие доложили: "Ты, небесный царь, сиди спустя рукава на драгоценном престоле, а помощника должен получить, обладающего способностями управления мерой с море и гору; в государственное положение (вникать?); законы и повеления должны быть даны; должно надеяться на небесную милость и благосклонность. Вот о чем мы, чиновники, просим"[30].

Этот текст крайне важен. В нем отмечено ограничение ханской власти, так как хану придавался глава правительства, то, что у арабов называлось визирь, а у китайцев — чэнсян. Второе требование касалось судебной власти, твердая фиксация законов должна была пресечь произвол. Наконец, отмечается категорическое требование сог-

ласовать государственные дела с церковными, т.е. считаться с главами манихейской общины. Хану оставалась только война, и, действительно, мы все время видим хана Кутлуга во главе войска.

Итак, к началу IX в. племенной строй достиг своей кульминации, превратив ханскую власть в фикцию. Но ослабление власти неизбежно повлекло за собой междоусобную борьбу племенных беков, что развязало руки кыргызам и позволило им сокрушить Уйгурскую державу.

Логическое развитие племенного союза повело к тем же последствиям, что и развитие орды — эля, хотя и по иным, своим собственным причинам.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 *Pritsak Omeljan.* Stammesnamen und Titulaturen der Altaischen Völker // Ural-Altaische Jahrbücher. Band XXIV. T. 1—2. Wiesbaden, 1952. P. 49—104.
2 *Pritsak O.* Ук. соч. С. 57.
3 *Бартольд В.В.* Рецензия на книгу: *Chavannes E.* Documents (?) les Tou-kiue (Turcs) Occidentaux // Сборник трудов Орхонской экспедиции. VI. СПб., 1903. Записки Восточного отделения Русского археологического общества. XV.СПб., 1904. С. 0172.
4 *Аристов Н.А.* Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности // Живая Старина. СПб., 1896. Вып. III—IV. С. 20, 67.
5 *Кононов А.Н.* Родословная туркмен. Сочинение Абу-л-гази хана хивинского. М.—Л., 1958. Примечания.
6 *Pritsak O.* Ук. соч. С. 51.
7 *Кононов А.Н.* Опыт анализа термина "турк" // Советская этнография. 1949. № 1.
8 *Энгельс Ф.* Происхождение семьи, частной собственности и государства. М., 1952. С. 170.
9 *Pelliot P.* L'origine de T'ou-kieu, nom chinois des turcs // T'oung Pao. 1915. Отд. отт.; *Гумилев Л.Н.* Алтайская ветвь тюрок-тугю // Советская археология. 1959. № 1. С. 105.
10 *Бичурин Н.Я.* (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. 1. М.—Л., 1950. С. 237—238.
11 *Pritsak O.* Ук. соч. С. 56.
12 *Кононов А.Н.* Ук. соч. С. 100.
13 *Кононов А.Н.* Ук. соч. С. 81; *Малов С.Е.* Памятники древнетюркской письменности. М.—Л., 1950. С. 397.
14 *Клюкин И.Н.* К вопросу о племенах "Толис и Тардуш" // Известия Дальневосточного отделения Академии наук СССР. 1932. № 1—2.
15 *Гумилев Л.Н.* Удельно-лествичная система у тюрок в VI—VIII веках // Советская этнография. 1959. № 3. С. 11—25.
16 *Грумм-Гржимайло Гр.Е.* Западная Монголия и Урянхайский край. Л., 1926. С. 256.
17 *Малов С.Е.* Памятники древнетюркской письменности. М.—Л., 1951. С. 42.
18 *Кононов А.Н.* Ук. соч. С. 84.
19 *Абуль Гази.* Родословная история о татарах. Казань, 1854; *Кононов А.Н.* Ук. соч. С. 84.
20 *Бичурин Н.Я.* Ук. соч. Т. 1. С. 214.
21 Там же. С. 216.
22 Там же. С. 301.
23 Там же.

[24] *Малов С.Е.* Ук. соч. С. 379.
[25] *Pritsak O.* Ук. соч. С. 50.
[26] *Бернштам А.Н.* К вопросу о возникновении классов и государства у тюрок VI—VIII вв. н.э. // Сборник статей к 50-летию книги Энгельса "Происхождение семьи, частной собственности и государства". М.—Л., 1936.
[27] *Бернштам А.Н.* Родовая структура ту-гю VIII в.: К исследованию памятника Кюльтегина // Известия Государственной Академии истории материальной культуры. Вып. 103. Л., 1934. С. 565—566.
[28] *Толстов С.П.* Тирания Абруя // Исторические записки. Т. 3. 1938. С. 52.
[29] *Бичурин Н.Я.* Ук. соч. Т. 1. С. 328.
[30] *Васильев В.П.* Китайские надписи на Орхонских памятниках в Кошоцайдаме и Карабалгасуне // Сборник Трудов Орхонской экспедиции. СПб., 1897. С. 24.

Три исчезнувших народа

ПРОИСХОЖДЕНИЕ НАРОДА ТЮРКЮТ

Тюркоязычные народы в западной части Центральной Азии известны в самой глубокой древности начиная с III века до н.э., но термина "тюрк" тогда еще не существовало.

На заре истории (III в. до н.э.) они назывались "хунну", позднее, в IV—V веках, — "гаогюй", или "теле", но эти названия, по-видимому, охватывают не все тюркоязычные племена, так что единого народа, говорившего по-тюркски, историей не зафиксировано.

Народ, именовавший себя "тюрк" (китайское название "ту-кю"), сложился в начале VI века в Монгольском Алтае, причем этот этноним относился не ко всем тюркоязычным племенам, а лишь к небольшому народу, впоследствии захватившему гегемонию в Срединной Азии. До сих пор возникновение и эволюция этого народа не были исследованы достаточно полно и убедительно.

В XIX веке вопрос об этнической принадлежности народа "ту-кю" решался двояко: французская школа ориенталистов считала их тюрками; русский синолог Н.Я.Бичурин (Иакинф) с той же категоричностью называл их монголами. Открытые Н.М.Ядринцевым орхонские надписи как будто полностью установили идентичность "ту-кю" с тюрками. И тем не менее мы не можем безоговорочно принять эту идентичность.

Прежде всего необходимо заметить, что орхонские надписи составлялись в VIII веке, тогда как народ "ту-кю" существовал в начале VI и даже в V веке. Ханы "ту-кю" принадлежали к фамилии Ашина, что

должно было означать "волк". В "Вэй-шу" и "Суй-шу" имеются легенды о происхождении этого народа.

При этом в двух, несколько разнящихся легендах из этих летописей главное место занимает происхождение предка тюрок от волчицы[1].

Очевидно, когда-то волк был "тотемом" тюрок, так как на их знаменах красовалась золотая волчья голова[2], а в плане кампании, составленном при дворе Гао-цзуна в Чанъани, против западнотюркского хана Хэлу содержится знаменитая фраза: "Таковую следует употребить меру: гнать кочевых и нападать на волков"[3]. Под волками подразумеваются князья рода Ашина и их личные дружины.

Само слово "ашина" не тюркское. По-тюркски волк — "бури", "каскыр", "курт". В истории народов "ту-кю" фигурирует и "бури", однако оно используется для обозначения копьеносцев — гвардейцев, "фули"[4], а не членов ханского рода.

"Ашина" — это трансформированное в китайском монгольское по происхождению слово (по-бурятски волк — "шоно", по-калмыцки — "чоно"). В китайском отсутствует иероглиф, читающийся "но". Начальный "а" — китайский префикс уважения. Таким образом, "ашина" обозначает "благородный, уважаемый волк", что соответствует известному нам смыслу термина[5].

П.Пеллио[6] отмечает, что китайское название тюрок "ту-кю" передает не "тюрк", а "тюркют" ("тюрк+ут"), что является формой монгольского множественного числа. По-тюркски было бы "тюрклер".

П.Пеллио находит в орхонских надписях несвойственные тюркским языкам слова (преимущественно титулы и звания), оформляющиеся монгольским множественным числом. Например: "тархан", мн.ч. — "тархат", "тегин", мн.ч. — "тегит". К этому можно прибавить и термин "багадур"[7] — титул Истеми, брата основателя династии Тумына. Истеми умер в 576 г., но термин "багадур" встречается и в VII веке. Несомненно, что эти термины привнесены в тюркскую языковую среду извне.

Пеллио высказывает гипотезу о том, что тюркская титулатура заимствована у жужаней, но наличие развитой титулатуры у последних не отмечено. Более того, политическая структура Жужаньского каганата как будто исключает необходимость ее существования. В сноске к той же статье Пеллио оговаривает возможность заимствования этой титулатуры у потомков тоба. Это предположение находит подтверждение в историческом анализе. Следует также отметить, что само слово "тюрк", согласно Пеллио и Кононову, значит "сильный, крепкий"[8], что опять-таки подчеркивает происхождение этнонима из политического термина VI века. А.Н.Кононов пришел к этому выводу в результате глубокого филологического исследования. Тер-

мин "турк" он разъясняет как собирательное имя, значение которого было понятно на большой территории и которое "объединяло многие племена различного расового и этнического происхождения"[9]. Вывод А.Н.Кононова подтверждает соображения П.Пеллио о наличии при политическом термине монгольского множественного числа, так как монголоязычные племена входили в состав первого объединения, называемого "ту-кюй" зафиксированного в III веке в Ганьсу[10].

Нет никаких оснований сомневаться в общепринятом положении, что население Алтая в V и VI веках было тюркоязычным. Но были ли тюркоязычны ханы Ашина? В "Суй-шу" приводится история основания их державы, не заключающая в себе ничего легендарного. "Другие сказывают, что дулгасский (тюркютский. — *Л.Г.*) Дом образовался из смешения разных родов, кочевавших в Пхинляне (западная часть Шанси. — *Л.Г.*), он прозывался Ашина. Когда Тхай-Ву, император из Дома Вэй, уничтожил цзюйкюя (439 г.), то Ашина с пятьюстами семействами[11] бежал к жужаньцам и, поселившись по южную сторону Алтайских гор, добывал железо для жужаньцев"[12].

Анализируя этот текст, Г.Е.Грумм-Гржимайло полагает, что часть тюрок во главе с князьями Ашина была переселена хуннами на юг, где и оставалась до изгнания хуннских князей из Хэси[13]. Но в такой гипотезе нет необходимости. В эпоху, предшествовавшую тобаскому завоеванию, кочевники внутри Китая уже не группировались по племенному принципу. Они собирались вокруг вождей, создавая небольшие орды, и так как большинство их были дезертирами из крепных сяньбийских держав — Муюн и Тоба, то межплеменным языком был сяньбийский, т.е. древнемонгольский[14].

Поэтому какого бы происхождения ни были те "500 семейств", которые объединились под именем Ашина, между собою они объяснялись по-монгольски, до тех пор пока перипетии военного успеха не выбросили их из Китая на Алтай. Однако столетнее пребывание в тюркоязычной среде, разумеется, должно было способствовать быстрой перемене разговорной речи, тем более что "500 семейств" монголов были каплей в тюркском море. Надо полагать, что к середине VI века и члены рода Ашина, и их спутники были совершенно отюречены и сохранили следы монголоязычия лишь в своей титулатуре.

Исходя из всего сказанного выше, мы имеем право констатировать, что Иакинф (Бичурин) не был полностью неправ. Тюрки VI века (правильнее — тюркюты) — это сложносоставной народ, сложившийся в результате соединения в единое государство монголоязычной орды Ашина, вынесшей из ордосских степей воинственные традиции своих сяньбийских предков, и тюркоязычного населения

Большого Алтая, которое благодаря развитому кузнечному ремеслу снабдило своих будущих соплеменников оружием.

В середине VI века оба эти элемента слились в единое целое и оправдали свое название "волк". Они создали огромную державу от Желтого до Черного моря, успешно воевали с Китаем, Ираном, Византией и терроризировали окружающие их кочевые племена, пока не погибли сами[15].

Эпоха Первого Тюркского каганата (546—659) имела огромное значение не только для истории Азии, но и для термина "тюрк". Кочевники, подчиненные ханам династии Ашина, понимали название "тюрк" как политический термин, означавший сопричастность с каганатом. В этом смысле они и называли себя тюрками, когда с ними столкнулись арабы. Но мусульмане восприняли термин "тюрк" как общее название для кочевых племен Внутренней Азии, и Махмуд Кашгарский дал новую дефиницию: "Всевышний бог сказал: "У меня есть войско, ему я дал имя Турк; его я на Востоке поселил. Когда я разгневаюсь на какой-нибудь народ, тюркам во владение тот народ отдаю"[16]. Это уже совсем иное значение термина, чем в VI—VII веках, когда еще отмечалось различие между собственно тюрками, т.е. ордой ханов Ашина, и телесцами, дулу, нушиби, чуйскими племенами, хотя и те и другие говорили на одном языке. При этом необходимо отметить, что в VIII веке слово "тюрк" еще не принимало суффикса "лер", хотя уже утеряло суффикс "ут"[17]. Исходя из этого, было бы правильно разграничить смысл терминов и для VI—VII веков восстановить название "тюркют", а для позднего времени сохранить термин "тюрк", но уже как наименование лингвистической группы[18].

Вернемся к рассмотрению тех племен, которые, принадлежа к тюркской группе, не были тюркютами.

История пограничных областей каганата и населявших их племен уже освещена в исследовательской литературе[19], но внутренние районы изучены значительно слабее. Прежде всего это касается Джунгарии и Семиречья. Несмотря на то, что именно здесь был центр двух мощных каганатов — западнотюркского и тюргешского, соотношение племен и их происхождение остается невыясненным. Семиречье населяли "чуйские" племена — чуюе, чуми, чумугунь, чубань, потомки юебань, среднеазиатской ветви хуннов[20]. В Джунгарии обитали "телеские" племена киби и яньмянь, но они не представляют научного интереса, так как их этническая принадлежность и историческая роль уже раскрыты Э.Шаванном[21]. Загадку представляют племена аба и мохэ, они же абары и мукрины.

МУКРИ И ИСТИННЫЕ АБАРЫ

Феофилакт Симокатта, излагая письмо кагана тюрок к императору Маврикию, сообщает, что в 50-х гг. VI века истинные абары (не смешивать с псевдоаварами, проникшими в Европу в это же время) были разбиты тюрками[22].

Племя, называемое "абар" или "апар", упоминается в нескольких источниках. Приск Панийский сообщает, что в 461—465 гг. абары разгромили сабиров, в свою очередь потеснивших угорские племена Юго-Восточной Европы при отходе от наседавших на них абаров[23]. Затем Феофилакт Симокатта предостерегает от смешения истинных абаров с псевдоаварами — вархонитами, пришедшими в Европу в VI веке под давлением тюрок[24]. Абары упоминаются и в большой орхонской надписи в числе племен, пришедших на похороны Бумын-кагана в 552 году[25]. В "Суй-шу" аба названы в числе племен, обитавших в Южной Джунгарии в конце VI века[26]. Абары попали сюда с берегов Балхаша, где в V веке только они и могли граничить с сабирами. Дату разгрома абар тюрками можно рассчитать: к 558 г., когда тюрки вышли на Волгу, абары уже были разбиты. Их поражению предшествовала победа тюрок над эфталитами, но не окончательная, в 569 г., а первая, имевшая место в 555 году[27]. Следовательно, разгром абаров произошел в 556—557 годах.

Об их дальнейшей судьбе Феофилакт Симокатта повествует: "Когда абары были побеждены, то одни из них убежали к держащим Таугаст. Таугаст — знаменитый город, в 500 милях от тех, кого я называю тюрки. Он на границе Индии. Поселившиеся вокруг Таугаста варвары — сильное и многолюдное племя, не сравнимое ни с каким другим племенем в мире. Другие абары, униженные своим поражением, отправились к так называемым мукри. Это племя, самое близкое к таугастам. Они очень сильны на войне вследствие ежедневных телесных упражнений и презрения к опасностям"[28].

Литература об "истинных аварах" критически разобрана автором данной статьи в специальной работе[29]. Таугасты — это сяньбийцы-тоба, в указанное и предшествующее время обладавшие Северным Китаем[30]. Этническая принадлежность народа "мукри" и территория, им занятая, до сих пор не установлены. Решению этой задачи и посвящена настоящая статья.

В исторической литературе по поводу "мукри" высказано два мнения. Маркварт отождествил их с меркитами[31]. Однако с этим мнением нельзя согласиться, во-первых, потому, что перестановка согласных здесь ничем не оправдана, а во-вторых, потому, что меркитов нельзя назвать народом, близким к сяньбийцам-тоба ни этнически,

ни территориально. Э.Шаванн полагает, что мукри — это приамурский народ тунгусского племени, впоследствии называемый китайцами "мо-хэ"[32]. Но в этом случае остается непонятным, каким же образом "истинные авары", разбитые тюркютами около Балхаша и бежавшие от них, смогли попасть на Амур; ведь для этого им пришлось бы пройти через коренные тюркские земли и притом степи без малейшего укрытия. Да и то, что столь значительная по протяженности перекочевка не была замечена в Китае и не внесена в династийную историю, делает эту гипотезу неубедительной.

Вполне естественно, что там, где нет крепостей, от кочевников наиболее целесообразно спасаться в горах. Но так как Алтаем владели сами тюрки, то теоретически единственным местом укрытия для истинных абаров была система Тянь-Шаня, около которой мы и застаем их в тюркское время[33]. Следовательно, народ "мукри" нужно искать именно там.

Обратимся к исторической географии начала I тысячелетия н.э. Оказывается: с конца II по конец IV века эти земли занимала "Западная сяньбийская орда". Сведения о ней содержатся в китайской географической энциклопедии "Дайцин Итунчжи" и публикуются впервые в переводе Н.Я.Бичурина[34]. Основной территорией этой орды была Южная Джунгария. На западе сяньби граничили с Усунью в районе Тарбагатая, на востоке им принадлежали степи вокруг озера Баркуль, на юге они владели оазисом Хами. На этом и исчерпываются сведения о западных сяньби, полученные нами из "Дайцин Итунчжи". В следующую, Северо-Вэйскую, эпоху (V—VI вв.) названные земли уже принадлежат орде Жужань.

Но каково было этническое самоназвание западных сяньби? В VI—VII веках на западной окраине очерченной территории мы застаем тюргешское племя "мохэ", имя которых однозвучно с именем приамурских "мохэ"[35], хотя и передается разными иероглифами. Это далеко не случайно. Во II веке сяньбийский вождь Таншихай покорил западную половину Маньчжурии и затем совершил несколько походов на запад. Подобно всем кочевникам, сяньбийцы включали покоренных в свои войска, поэтому мы допускаем мысль, что западные и восточные "мохэ" одного происхождения. "Западная сяньбийская орда" возникла после распадения державы Таншихая и состояла из дружин, оставшихся на завоеванной территории. Вполе понятно, что члены этой орды сохранили свой этноним, т.е. "мукри". Приведенный фактический материал достаточно убедительно объясняет отмеченную Феофилактом "близость" "мукри" и таугастов-тоба, а также соседство племен "аба", т.е. "истинных абаров", и "мохэ", т.е. "мукри", в VI—VII веках. Длительное пребывание западных "мукри" в новой среде не могло не отра-

зиться на их облике, и потому китайские географы подобрали для обоих разделов "мохэ" разные иероглифы с одинаковым звучанием, характеризующие их быт и культуру. Для приамурских ключом является звериная шкура, для джунгарских — трава.

Итак, теперь мы имеем право сделать вывод, что "мукри" — это не что иное, как смешанное тунгусско-монгольское племя, перешедшее от охоты к кочевому скотоводству. Будучи немногочисленны, они не могли успешно соперничать с жужанями и уступили им свои восточные земли около озера Баркуль и оазиса Хами, а центром района их собственного обитания стал г. Мохэ, находившийся между Гучэном и Урумчи[36].

Предлагаемое здесь восстановление хода процесса этногенеза находит подтверждение в источнике более позднего времени, относящемся непосредственно к народу "мукри".

Рашид ад-Дин сообщает о них следующее: "Племя бакрин, их также называют мукрин. Жилище их находится в стране Уйгуристан, в крепких горах. Они не монголы и не уйгуры"[37]. Согласно Рашид ад-Дину, произношение здесь зависит от разницы диалектов. По той же причине тот же народ называют также "кабрин"[38]. Рашид ад-Дин считает, что относятся они к степным племенам, похожим на монголов, происходящим от племен дядей мифического Угуз-хана. В этот раздел входят кераиты, найманы, онгуты, тангуты, бакрины и киргизы[39], т.е. разнообразные племена, этническая принадлежность которых различна и весьма неясна. В тех же выражениях сообщает о мукринах Абулгази[40], восходя, очевидно, к Рашид ад-Дину. Наконец о мукринах упоминают Плано Карпини[41] и Мин-ши[42].

В монгольскую эпоху область мукринов составляла удел Хайду, внука Угэдэя, и затем, по-видимому, вошла в Чагатайский улус. Когда власть чагатайских ханов пала и в степи организовывался узбекский племенной союз, то в числе вошедших в него племен были и мукрины[43]. Ныне мукринов нет, хотя в 1896 г. Г.Е.Грумм-Гржимайло встретил в Карлыктаге остатки какого-то племени, говорившего на смеси монгольского, китайского и тюркского языков[44], но были ли это последние мукрины или кто другой, решить невозможно.

В прослеженном ходе событий остается неясным один вопрос: объединение двух воинственных племен — мукри и абаров — не могло не создать грозной силы, и эта сила не могла не обнаружить себя после падения Великого Тюркского каганата, т.е. во второй половине VII века. Эту силу мы находим: Тюргешский каганат возник именно в указанное время и на той самой территории, где объединились абары и мукри, — в Западной Джунгарии и Семиречье. Анализ истории Тюргешского каганата подтверждает все выводы, сделанные нами раньше.

ТЮРГЕШИ

Подобно абарам и мукри, тюргеши (правильнее тюркеши, кит. — тукиши) не принадлежали ни к телеской, ни к чуйской, ни к собственно тюркской (тюркютской) группе. Первые сведения о тюргешах относятся ко второй четверти VII века, когда они были перечислены в составе пяти племен дулу[45]. Затем, когда Западнотюркский каганат был завоеван китайцами в 659 г., тюргеши населяли два военных округа: Булоу, в верхней части долины реки Или, где жили роды согэ и мохэ, и Гошань, к западу от Или, где обитали алишэ[46]. "История династии Тан" говорит о происхождении и этнической принадлежности тюргешей только то, что они составляли "особливое поколение" в Западном каганате[47].

Н.А.Аристов[48] и Г.Е.Грумм-Гржимайло[49] считают, что тюргеши пришли с Алтая. Основанием для этого служит показание В.Радлова о том, что среди черневых алтайцев есть отдел тиргеш[50]. Однако звуки "тиргеш" и "тюркеш" имеют сходство лишь для русского уха, но не для тюркского, и сопоставление, основанное на случайном фонетическом сходстве, совершенно неубедительно. Для Н.А.Аристова оно вызвано его стремлением вывести все тюркские племена с Алтая. Вполне понятно, что для нас такая тенденция неприемлема, ибо искать предков тюргешей среди черневых татар нет никаких оснований.

Но политическая история дает нам ключ к разъяснению этого внезапно возникшего этнонима.

В 635 г. в системе Западного каганата пять племен союза дулу получили равные с тюркютами права. Одним из этих племен были тюргеши.

Само слово "тюркеш" можно прочесть как "тюрк+еш"[51], где "еш" — уменьшительный суффикс (теленгитский язык), т.е. в переводе оно будет означать "младший тюрк", "тюрчонок" (словообразование, аналогичное "Малороссия" и "малоросс"). Это наименование было дано населению Илийской долины в знак его приобщения к господствующему племени, т.е. тюркютам, и постепенно новое административное название вытеснило старое племенное.

Подобные приемы в Азии нередки. Например, торгоуты — это калмыцкое племя, которое происходит от ближайших родичей Ванхана кераитского, и само их название "торгоут" значит телохранители[52]. Хезарейцы в Афганистане — монголы, входившие в расквартированную там тысячу. Наконец, мамлюки в Египте, пополнявшиеся сначала только покупкой невольников, захватив власть, превратились в подобие племенной группы.

И все-таки предположение, что тюргеши являются потомками абаров, было бы гипотезой, если бы не два факта, подтверждающих его.

Среди тюргешей отмечен род мохэ. Э.Шаванн доказал, что это китайская передача названия "мукри", того самого, к которому бежали абары от тюркютов в 557 году[53]. Во второй половине VII века мукри фиксируются на том же месте, что и в середине VI века, и в тесном симбиозе с родами согэ и алишэ.

Второй факт тесно связан с первым. История знает немало случаев, что когда куда-либо прибывало много беглецов, то, как бы хорошо они ни были приняты, между ними и старожилами часто наблюдался некоторый антагонизм. Правда, со временем он иногда стирался, а иногда оставался. Если наше предположение о том, что тюргеши были народом, возникшим из смешения мукри и абаров, правильно, то разница между ними должна наблюдаться даже и тогда, когда они уже слились в один народ. И действительно, междоусобная война "желтых" и "черных" родов раздирала тюргешей больше, чем какой-либо другой современный им народ.

Н.А.Аристов, отмечая социальную подоплеку этой войны, указывает, что желтый цвет в Азии — это царский, аристократический цвет, а черный — вообще низкий, худший. В применении к племенам и родам он означает младшую часть племени, например кара-кидани[54]. Аристов также полагает, что черные роды - это дулаты и киргизы, подчиненные тюргешам, но в указанный период дулаты и нушиби продолжают существовать наряду с тюргешами[55]. Поэтому желтые и черные роды нужно искать в составе собственно тюргешей. Здесь они и обнаруживаются.

Основатель Тюргешского каганата Учжилэ был "мохэ дагань" (тархан)[56], т.е. происходил из мукрийцев. Он и его сын Согэ были представителями желтых родов[57].

Согэ был взят в плен восточнотюркским ханом Мочжо и казнен в 711 году. Власть захватил Чеби Шичжо Сулу, происходивший "из отдельного тюргешского рода"[58]. Чеби пал жертвой заговора желтых (738 г.), во главе которых стояли князь Думочжи и опять-таки мохэ дагань[59], т.е. мукрийский тархан[60], личное имя которого не сохранилось. Разделавшись с каганом Сулу, Думочжи попытался продолжать защиту дела черных. Он поставил сына убитого хана, Тухосяня, ханом и атаковал мохэ даганя. Последний, опершись на союз с Китаем, разбил своих противников, захватил власть и восстановил господство желтых родов.

Однако в 742 г. власть вновь захватили черные роды, поставив ханом Эль-этмиш Бильге Кутлуга, которого сменил Тенгри Улуг Мунмиш. В 756 г. желтые роды собрались с силами, и снова вспыхнула междоусобная война, в результате которой тюргеши ослабли настолько, что в 766 г. принуждены были подчиниться частью карлукам, частью уйгурам[61].

Из разбора этих событий следует, что желтыми родами были старожилы-мукрийцы, а черными — пришельцы-абары и что все известные факты подкрепляют предположение, высказанное в виде гипотезы.

Тюргеши были многочисленным народом. В момент кульминации хан Согэ имел 300 тыс.воинов[62]. Эта, вероятно, завышенная цифра, кроме собственно тюргешей, включает в себя вспомогательные войска соседних племен, подчинившихся тюргешам после развала Западнотюркского каганата и пресечения династии Ашина.

Это видно из того, что отец его, Учжилэ, основатель династии, имел только 140 тыс. воинов[63], и то благодаря тому, что "умел успокаивать подчиненных, чем приобрел уважение и доверенность их, и кочевые повиновались ему"[64].

Черные роды не отличались многочисленностью. Н.Я.Бичурин отмечает, что всего у хана Сулу насчитывалось 200 тыс. душ, а не воинов[65], т.е. они составляли примерно треть тюргешского народа.

Применяя обычный коэффициент расчета отношения войска к народу для варварских держав, где каждый взрослый мужчина — воин[66], можно с известной точностью определить численность тюргешей. Она колеблется от 500 тыс. до 700 тыс. По тем временам это очень много, особенно если учесть, что в 754 г. население Китая достигало всего лишь 58 млн и что на этот период приходится максимальный расцвет Танской династии[67]. Но если образование мощного тюргешского народа удовлетворительно объясняется объединением мукрийцев и абаров, то чем же можно объяснить его быстрое падение и полное исчезновение?

Вновь обратимся к рассмотрению политической обстановки VIII века.

Это было бурное время. Четыре могущественных государства боролись друг с другом за господство над Степью и оазисами Западного и Восточного Туркестана.

С востока на Тянь-Шань замахнулась империя Тан, и тюргеши не могли не считаться с ней. Еще большую опасность представляли орхонские тюрки, разгромившие желтых тюргешей в 711 году[68]. Хан черных родов Сулу нашел союзника в лице Тибетской империи и с ее помощью ограбил китайские владения в Восточном Туркестане[69]. Но на западе возник новый мощный враг — арабы.

Захватив власть, желтые роды снова ориентировались на Китай, но уже при условии признания их господства и суверенитета в ущерб последним представителям тюркютской династии Ашина. Китайское правительство пошло на эти требования. Однако ввиду того, что в 742 г. власть опять захватили черные тюргеши, этот союз оказался непрочным[70]. Для последующей расстановки сил это имело решающее значение, так как в битве при Ьаласе в 751 г., когда китайцы

столкнулись лицом к лицу с арабами, на стороне последних выступили карлуки, и Гао Сянь-чжи был наголову разбит Зияд ибн Салихом.

После этого сражения многое изменилось. Китайцы отказались от претензий на Среднюю Азию, а восстание Ань Лушаня окончательно подорвало силы Танской империи. На севере усилилось Уйгурское ханство, парализовавшее тибетское влияние к северу от Тянь-Шаня, а запад достался мусульманам и их союзникам — карлукам. Немудрено, что в таких условиях Тюргешское ханство, раздираемое междоусобной войной, не могло уцелеть. Тщетные попытки снестись с Китаем продолжались до 758 г., но помощи ниоткуда не пришло. В 766 г. карлуки, уже подчинившие себе десять родов (дулу и нушиби), покорили часть тюргешей, а прочие тюргеши поддались уйгурам. И больше имени "тюргеш" в истории Средней Азии мы не встречаем.

Тюргеши унаследовали традиции западных ханов Ашина, и все их культурные связи тянулись к Китаю. Восточнотюркские ханы, враги Китая, были одновременно и врагами тюргешей; согдийские дехканы, древние союзники Китая, пользовались полной поддержкой тюргешей в борьбе против арабов. Не случайно тюркских (в том числе и тюргешских) всадников персы именуют "китайские тюрки"[71], подчеркивая этим принадлежность последних к дальневосточной культуре.

Но решающий удар по тюргешам нанесло изменение экономики, тесно связанное с описанными нами событиями.

Караванная торговля пришла в упадок, так как на западе арабы разгромили согдийских купцов, а на востоке восстание Ань Лушаня привело к полному обнищанию Китая. В результате этого посредническая роль Тюргешского каганата свелась к нулю. Лишенный экономической базы и культурных связей, раздираемый междоусобной войной, он не мог уцелеть и не уцелел. Вместе с ним исчез и его народ. И хотя это явление специфично для этногенеза Центральной Азии, оно вовсе не составляет общего правила. В иных условиях народ переживает, и часто надолго, свою политическую независимость (например, греки под римским владычеством, кавказские народы под властью сасанидских шахиншахов и египтяне под игом арабов).

В те же эпохи процессы созидания и разрушения в Центральной Азии идут гораздо интенсивнее, и народ, теряя независимость, теряет и стимул к существованию.

Тюргеши, подчинившиеся карлукам, стали карлуками, подчинившиеся уйгурам — уйгурами. Этнографическая карта изменилась почти одновременно с политической, и мы вправе прекратить дальнейшие поиски, так как искать больше нечего.

Нами прослежены процессы возникновения, развития и исчезновения тюргешского народа.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 *Бичурин Н.Я.* Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. I. М.—Л., 1950. С. 220; *Julien St.* Documents sur les T'ou-kiue // Journal Asiatique. 6 Serie. № 3. 3. 327—328. Paris, 1864. Сведения мусульманских авторов мы не анализируем, так как под "тюрками" мусульмане подразумевали всю группу тюркоязычных племен, а не тот народ, который назывался "тюрк" в VI в.

2 *Бичурин Н.Я.* Собрание сведений... Т. I. С. 229.

3 Там же. С. 290; *Chavannes Ed.* Documents sur les T'ou-kiue (Turcs) Occidentaux // Сборник трудов Орхонской экспедиции. Т. VI. СПб., 1903. С. 61.

4 *Бичурин Н.Я.* Собрание сведений... Т. I. С. 229.

5 Н.В.Кюнер объяснял префикс "А" требованиями благозвучия (устное сообщение).

6 *Pelliot P.* L'origine des tou-kiue, nom chinois, des turcs. T'oung Pao, 1915 (отд. оттиск).

7 Bahadur, mot turc, d'origine mongole, signifiait originellment "courgeux, brave" // Encyclopedie de la Islam. 10 ème livre. P. 585.

8 *Pelliot P.* La Haute Asie, s. a. P. 12; *Кононов А.Н.* Опыт анализа термина "турк" // Советская этнография. 1949, № 1.

9 *Кононов А.Н.* Опыт анализа термина "турк". С. 47.

10 *Chavannes Ed.* Les pays d'Occident d'àpres Wei-lio. T'oung Pao, 1905; *Грумм-Гржимайло Г.Е.* Западная Монголия и Урянхайский край. Т. II. Л., 1926. С. 210—211.

11 "Пятьсот семейств" нельзя понимать в буквальном смысле. В эпоху Чжоу это был термин, служивший для обозначения административной единицы второго разряда: "пять групп дан образуют округ Чжоу, включавший 2500 семей" (Чжоули, глава Дигуань / Пер. М.Хвана). Следовательно, это место надо читать: "Ашина и его небольшая орда" или "Ашина с немногочисленными сторонниками".

12 *Бичурин Н.Я.* Собрание сведений... Т. I. С. 221.

13 *Грумм-Гржимайло Г.Е.* Западная Монголия и Урянхайский край. Т. II. С. 211.

14 *Shiratori K.* Über die Sprache der Hiungnu und der Tunghu-Stämme. SPb., 1902 (отд. оттиск). Bulletin de l'Académie impériale des sciences de S. Petersboirg. V Serie. Bd. XVII. № 2 (Septembre 1902). Это мнение разделяет и Г.Е.Грумм-Гржимайло, который, указывая на то, что сяньбийцы были смешанным народом, признает их монголоязычие (см.: *Грумм-Гржимайло Г.Е.* Западная Монголия и Урянхайский край. Т. II. Гл. III).

15 О причинах гибели восточной ветви тюрок см.: *Гумилев Л.Н.* Статуэтки воинов из Туюк-Мазара // МАЭ, № 12. 1949; *Гумилев Л.Н.* Алтайская ветвь тюрок-тугю // Советская археология. 1959, № 1.

16 Мусульманский мир. Пг., 1918. С. 40.

17 *Кононов А.Н.* Опыт анализа термина "турк". С. 41.

18 Данное расчленение и уточнение термина было впервые предложено нами в 1949 г. на заседании отдела Сибири Института антропологии и этнографии, а в 1959 г. опубликовано в журнале "Советская археология" (№ 1. С. 105). Целесообразность этого уточнения видна из того, что его, независимо от нас, приняли японские ученые (см.: Der Islam. Bd 35, 1960 // Japanische Arbeiten über Zentralasien. S. 127—129).

19 Сводку и критический обзор литературы по данному вопросу см.: *Гумилев Л.Н.* Подробная политическая история первого тюркского каганата // Диссертация на соискание степени кандидата исторических наук, защищенная 28.XII.1948 г. на Ист. фак-те ЛГУ (рукопись).

20 *Бернштам А.Н.* Древнейшие тюркские элементы в этногенезе Средней Азии // Советская этнография. Сб. статей. 1947. С. 156.

21 *Chavannes Ed.* Documents... P. 123.

[22] *Theophilacti Simocattae.* Historiarum... Ed. Bonnae. Lib. VII. Cap. 7—9. Имеется французский перевод (см.: *Chavannes Ed.* Documents... P. 246—247) и русский перевод С.П.Кондратьева.

[23] Сказания Приска Панийского / Пер. Дестуниса // Ученые записки II отд. ИАН. Кн. VII. Вып. I. 1861. С. 87.

[24] *Феофилакт Симокатта.* История. С. 160—161.

[25] *Малов С.Е.* Памятники древнетюркской письменности. Л., 1950. С. 36.

[26] *Julien St.* Documents sur les T'ou-kiue. P. 499, 529; *Chavannes Ed.* Documents... P. 50.

[27] *Бичурин Н.Я.* История Китая. VII (рукопись; ИВ, фонд 7).

[28] *Феофилакт Симокатта.* История. С. 160.

[29] *Гумилев Л.Н.* Диссертация...

[30] "Таугаст" в тюркском произношении "табгач". См.: *Малов С.Е.* Памятники древнетюркской письменности // История вопроса: *Klaproth S.* Tableaux historiques de de l'Asie. Paris, 1826. P. 213; *Chavannes Ed.* Documents... P. 230; *Radloff W.* Die alttürkischen Inschriften der Mongolei. III. SPb., 1895. S. 428; *Thomsen W.* Inscriptions de l'Orkhon. Mémoires de la Société Finno-Ougrienne 1896. V. P. 139; *Hirth Fr.* Nachworte zur Inschrift des Tonjukuk. S. 35; *Marquart J.* Eranšahr. Berlin, 1901. S. 317; *Pelliot P.* L'Origine du nom de "Chine". T'oung Pao. VIII. P. 731—732.

Только Хауссинг считает, что Табгач — это город в Западном Туркестане, недалеко от Хубдана, основанный Александром Македонским (Theophilacts Excurs uber die skythischen Völker. Byzantion. T. XXIII (1953). S. 275—462; Bruxelles, 1954. S. 339—340).

[31] Eranšahr. S. 54.

[32] *Chavannes Ed.* Documents... P. 230.

[33] В Южной Джунгарии, где они разбили хана Далобяня, отступившего затем в Бухару.

[34] *Бичурин Н.Я.* (Иакинф). Собрание сведений по исторической географии Восточной и Срединной Азии / Под ред. Л.Н.Гумилева и М.Ф.Хвана. Чебоксары, 1960. С. 542, 549, 553.

[35] *Chavannes Ed.* Documents... P. 346.

[36] Ibid. P. 271.

[37] *Рашид ад-Дин.* Сборник летописей. СПб., 1858. С. 129.

[38] Там же. С. 70.

[39] Там же. С. 8.

[40] *Саблуков Г.* История Абульгази. Ч. 1. Казань, 1854. С. 40.

[41] *Карпини Плано.* История монголов. СПб., 1811. С. 35.

[42] *Покотилов Д.* История восточных монголов в период династии Мин: 1368—1634. СПб., 1893. С. 135.

[43] *Грумм-Гржимайло Г.Е.* Западная Монголия и Урянхайский край. Т. II. С. 533.

[44] *Грумм-Гржимайло Г.Е.* Описание путешествия в Западный Китай. Т. I. СПб., 1896. С. 484—485.

[45] *Бичурин Н.Я.* Собрание сведений... Т. I. С. 289.

[46] *Грумм-Гржимайло Г.Е.* Западная Монголия и Урянхайский край. Т. II. С. 269.

[47] *Бичурин Н.Я.* Собрание сведений... Т. I. С. 296.

[48] Аристов Н.А. Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности // Живая старина. Вып. III и IV. 1896. С. 27 (отд. оттиск).

[49] *Грумм-Гржимайло Г.Е.* Западная Монголия и Урянхайский край. Т. II. С. 269, прим. 4.

[50] *Radloff W.* Aus Sibirien. Leipzig, 1893. S. 213.

[51] Е.Прицак считает аналогичными слова тюркют и тюргеш — tur+gi+s, усматривая в k-g суффикс собирательности (см.: *Pritsak O.* Stammesnamen und Titulaturen der altaischen Völker. Ural-Altaische Jahrbücher. 1952. H. 1—2. S. 76.

[52] *Грумм-Гржимайло Г.Е.* Западная Монголия и Урянхайский край. Т. II. С. 570.

53 *Chavannes Ed.* Documents... P. 230.
54 *Аристов Н.А.* Заметки об этническом составе тюркских племен... С. 28.
55 *Бичурин Н.Я.* Собрание сведений... Т. I. С. 296.
56 Там же.
57 Там же. С. 299.
58 Там же. С. 297.
59 Там же. С. 300.
60 "Мохэ" (Э.Шаванн читает "Бага") ни в коем случае не может быть именем собственным, так как еще Учжилэ имел титул "мохэ дагань" (см.: *Бичурин Н.Я.* Собрание сведений... Т. I. С. 296; Сборник трудов Орхонской экспедиции. Т. VI. С. 43 и 79).
61 *Бичурин Н.Я.* Собрание сведений... Т. I. С. 300.
62 Там же. С. 297.
63 Там же. С. 296.
64 Там же.
65 Там же. С. 297.
66 Отношение рассчитано на основании изучения европейских варваров-германцев. Количество мужчин-воинов составляет 20%.
67 *Грумм-Гржимайло Г.Е.* Западная Монголия и Урянхайский край. С. 338.
68 *Бичурин Н.Я.* Собрание сведений... Т. I. С. 297.
70 Там же. Т. II. С. 300.
71 Выражение, часто встречающееся в "Шах-наме" и обозначающее тюрок Первого каганата (тюркютов).

Эфталиты — горцы или степняки?

По поводу появления эфталитов как народа существуют две диаметрально противоположные точки зрения: одна, и к ней принадлежит большинство историков, считает эфталитов центральноазиатскими кочевниками, проникшими в Припамирье с северо-востока; другая — полагает возможным видеть в эфталитах аборигенов долин Гиндукуша. Последнее мнение было высказано в 1959 г. независимо друг от друга автором данной статьи и К.Еноки. В.М.Массон назвал его наиболее гипотетичным из всех возможных, хотя он не привел никаких оснований для обоснования своего категорического суждения. Фр.Альтхейм[1] также высказался за степное происхождение эфталитов, и это заставляет вернуться к рассмотрению проблемы.

Следуя Вивьен де Сен-Мартену, Фр.Альтхейм полагает, что Бахрам Чубин в 589 г. воевал с эфталитами, а не с тюрками, и это недоразумение вынуждает его — вполне последовательно — счесть эфталитами Низак-тархана, а также противников Кутейбы ибн Муслима в 671—672 гг. и врагов Мухаллаба, мешавших ему взять Кеш в 701 г. Иными словами, он, следуя Р.Гиршману, отождествляет эфталитов с хионитами и кидаритами, предполагая лишь, что слово "эфталит" обозначало членов царского рода, а "хионо" — народное название. Этому, однако, противоречат сведения из китайских источников и Масуди об этнической близости эфталитов к юэчжам и согдийцам, также приведенные Фр.Альтхеймом.

Сложность проблемы заключается в недостаточности материала для любой попытки осмысления путем индуктивного метода. Ономастика не дает возможности отличить эфталитские имена от персидских, ну-

мизматика всегда связана с культурными влияниями, археологический материал не может быть приурочен к тому или иному определенному народу, нарративные источники недостоверны и противоречат друг другу. Единственное, что можно предложить, — это перейти к дедукции и рассмотреть историю эфталитского государства на фоне мировой истории V в. с надеждой, что белые пятна исчезнут и разрывы между линиями удастся интерполировать. Привлечем также данные географии, потому что важную роль здесь играют колебания климата. Фр.Альтхейм приводит ряд сведений об исключительных засухах в Сирии, Палестине и Малой Азии в 449—517 гг. На этом основании он предполагает, что степная зона Евразии тоже усыхала, а это и вызвало передвижение кочевников из засушливых районов на окраины Степи. Однако следует учесть гетерохронность повышенного увлажнения Евразийского континента, т.е. надо учитывать, что при усыхании субтропической зоны имело место повышенное увлажнение степей. Действительно, V и VI вв. — эпоха огромного расцвета кочевого хозяйства, и о значительных выселениях скотоводческого населения из Степи не может быть и речи. Например, авары передвинулись в Венгрию только под давлением тюрок и в небольшом числе; хазары — оседлый народ, обитавший в дельте и пойме Волги, а не в степях, ее окружающих и непригодных для земледелия. Хазария — зеленый остров среди степей, такою ее и описывает еврейско-хазарский документ X в.: “Страна наша не получает много дождей. В ней имеется много рек, в которых выращивается много рыбы. Есть в ней у нас много источников. Страна плодородна и тучна, состоит из полей, виноградников, садов и парков. Все они орошаются из рек... Я живу внутри острова. Мои поля, виноградники, сады и парки находятся внутри острова”. Слово “остров” в средневековой арабской литературе применялось также и к рощам среди степей, и для всякого ограниченного пространства. Видимо, здесь оно употребляется в том же смысле.

Древнейшие хазары жили не на Волге, а в равнинном Дагестане. Локализация их представляла ряд трудностей, отмеченных М.И.Артамоновым. Но если мы учтем, что уровень Каспийского моря V в. был на 4 м ниже, чем теперь, то окажется, что местом обитания хазар была обширная площадь, ныне покрытая водой. Природные условия дельт Терека и Волги сходны, и мы можем допустить, что распространение хазар шло с Кавказа, но не через сухие “черные земли”, где их следов не обнаружено, а вдоль тогдашней береговой линии Каспия, в единообразной ландшафтной зоне.

Наши археологические работы 1961—1962 гг. подтвердили это предположение. Все открытые нами хазарские памятники группируются в центральной части дельты, где нами проведены раскопки на

Бэровских буграх (Степана Разина, Казенном, Корне и Бараньем), в районах Зеленгинском и Тузуклеевском. К эфталитам хазары никакого отношения не имели. Точно так же ничего общего с эфталитами не имели сарматские и угро-самодийские племена, населявшие в III—VI вв. южносибирские и североказахстанские степи. От оазисов Средней Азии их отделяла полоса пустынь, которые в III в. н.э. были еще более безводными и непроходимыми, чем даже в XX в. Исходя из этих географических предпосылок, мы имеем все основания для того, чтобы поставить под сомнение гипотезу, согласно которой эфталиты являются выходцами из приаральских степей. Но для того, чтобы получить однозначное решение, обратимся непосредственно к истории эфталитов в той ее части, где она доподлинно известна, и попробуем найти там решение проблемы, волнующей многих ученых уже более полутораста лет.

Внешнеполитическое положение Ирана в середине IV в. было весьма напряженным. Борьба с Римской империей была делом нелегким. После первых удач, закончившихся пленением императора Валериана в 206 г., персам пришлось перейти к обороне. Римляне проводили контрнаступление планомерно и последовательно: в 283 г. они отняли у персов контроль над Арменией, а в 298 г. навязали Ирану невыгодный Нисибинский мир.

Талантливый шах Шапур II (309—379) был вынужден в первую половину своего царствования тратить средства и силы на отражение наступления хионитов[2], но к 356 г. хиониты стали союзниками Ирана[3], и под их натиском пала Амида, форпост римлян в Месопотамии.

Успокоение на восточной границе дало персам возможность отразить наступление Юлиана в 361 г., в результате чего персы снова смогли вмешаться в армянские дела. В Армении шла упорная борьба короны со знатью. Царь Аршак, державшийся римской ориентации, истреблением одного из знатных родов[4] вызвал восстание всех нахараров; к восстанию присоединились даже бывшие сторонники Рима. Воспользовавшись сложившейся ситуацией, персы вторглись в Армению, но армяне сплотились перед лицом врага — и вспыхнула война. К 368 г. персам удалось взять оплот армян — Артагерс, но в 369 г. наследник Аршака, Пап, явился в Армению с римскими войсками и изгнал персидские войска. В 371 г. Шапур попытался снова ворваться в Армению, но был отбит, после чего нажим персов на запад ослабел.

Армению спасло от персов восстание наместника Балха, сумевшего привлечь себе на помощь хионитов. Однако персидский шах заключил союз с эфталитами, которые подавили восстание. В 384 г. эфталитские вспомогательные войска вместе с персами участвовали в осаде Эдессы. Но к началу V в. эфталитское царство усилилось на-

столько, что смогло проводить собственную линию внешней политики, жертвами которой оказались персы, индусы и согдийцы, т.е. все соседи эфталитов.

Наступление эфталитской пехоты[5] облегчилось тем, что они неожиданно для себя получили конных союзников. В 418—419 гг. жужани выиграли войну против среднеазиатских хуннов и остатков юэчжей, державшихся до той поры в Тарбагатае. Жужани навели на последних такой страх, что вождь группы юэчжей Цидоло (т.е. Кидара), желая уйти от опасного соседа, перешел со своим народом на юг и занял город Боло в оазисе Карши[6] (соратники Кидары известны в истории не под своим этническим названием, а по имени своего вождя — кидариты). Здесь они столкнулись с персами и эфталитами.

Кидариты укрепились в Средней Азии около 420 г. Титул Кидары — Kusana sahi — показывает на то, что он сам считал себя родственником кушанов, т.е. юэчжей. Нет оснований отождествлять кидаритов с хионитами или эфталитами. Табари называет кидаритов "турками", очевидно отмечая, что они прибыли в Среднюю Азию из той страны, которая в его время считалась родиной тюрок. Но именно потому и смогли там обосноваться тюрки Ашина в 439 г., что на южных склонах Алтая образовался этнический вакуум из-за ухода значительной части аборигенов на юг. Как показывает ход событий, кидариты были самостоятельным народом, отличным от хионитов (хуни) и эфталитов.

Появление нового воинственного народа на границе Ирана не могло пройти бесследно. В самом деле: отступившие с родных кочевий кидариты, вероятно, нуждались в самых разнообразных товарах и единственным способом приобретения их была война, ибо торговать беглецам нечем. Действительно, в 426—427 гг. Персия подверглась нападению восточных кочевников. В источнике они названы "турками", и их считали иногда хионитами, а иногда эфталитами. Я полагаю, что это были кидариты, так как в это время хиониты уже утратили свое значение, а эфталиты еще не приобрели его. Затем кидариты заняли степи вокруг современного Карши и тем самым отрезали от Ирана и хионитов и эфталитов; наконец, эфталиты упомянуты несколько ниже в указанной связи и названы совершенно иначе, а кидаритов Приск Панийский называет "гуннами", что для V в. стало именем нарицательным, видовым и в X в. переведено как "тюрки".

Вторжение застало персов врасплох; сам шах вынужден был бежать в Армянские горы, но успех усыпил бдительность кочевников. Персидские разведчики следили за ними не переставая и сообщали шаху Бахраму все подробности расположения противника. Однажды, улучив время, Бахрам с войском пересек границу Армении и во внезапном ночном бою наголову разбил кидаритов. Кочевники обрати-

лись в паническое бегство и при этом, естественно, рассеялись; персы убивали их всюду, где находили. Жена кидаритского царя попала в плен к персам и стала служанкой в храме огня.

Развивая успех, персы перешли через Джейхун (Амударью) и вынудили кидаритов просить мира[7]. Поражение несколько охладило пыл кидаритов и заставило их искать союза с эфталитами, которые вторглись в это время в Индию, но тоже неудачно, вследствие того, что персы пришли на помощь индийцам. Тогда побежденные объединились и заключили союз с Византией, в это время поддерживавшей антиперсидские настроения в Армении. Создалось две коалиции: персидско-индийская и греко-эфталитско-кидаритская, которые вступили в долгую и жестокую войну.

Сначала персы и индийцы имели успехи. Преемник Бахрама Гура, Йездигерд II, совершал поход за походом "против гуннов, живших в стране кушанов", т.е. кидаритов, и в 451—452 гг. принудил кидаритского царя бежать в пустыню. Но уже в 454 или 456 г. при очередном наступлении персы были разбиты кидаритами. Балями четко различает кидаритского царя, которого он называет "каган тюрков", от эфталитского, именуемого "царь Китая". Это дает основание заключить, что в описанных событиях принимали участие два народа, а не один, как предполагалось прежде. Хиониты не могли быть в их числе, так как они в это время владели Самаркандом и активно сносились с Китаем, где внешнеполитические события, даже самые мелкие, тщательно фиксировались и большая война отразилась бы в хронике. Можно думать, что хиониты, связавшиеся с торговым Согдом, держались персидской ориентации, так как впоследствии пали жертвой эфталитского нашествия на север, утратив все плоды своих прежних побед.

По смерти Йездигерда в 457 г. возникла распря между его сыновьями. Ормизд захватил престол, а Пероз бежал к эфталитам и при их поддержке низверг брата. В 459 г. он заключил мир и союз с эфталитским царем Хушнавазом, что позволило последнему совершить поход против семиреченских абаров, которые принуждены были искать спасения в бегстве. Разбитые абары в свою очередь потеснили сабиров, которые, покинув свою страну, вторглись в земли северокавказских угров: сарагуров, урогов и оногуров, — и вынудили тех искать союза с Византией. Союз, заключенный в 463 г., был, очевидно, выгоден для сарагуров, потому что они оправились настолько, что подчинили себе племя акациров. Войдя в русло византийской дипломатии, сарагуры и акациры в 466 г. произвели набег на Иран, надеясь, вероятно, на то, что главные силы персов заняты на востоке войной против кидаритов, но набег был отбит, и кидаритов эта диверсия не спасла.

С 465 г. персы повели энергичное наступление на кидаритов, требуя от них дани, которую кидариты обещали платить Бахраму Гуру после разгрома 427 г. В 468 г. преемник Кидары князь Кунха был осажден в своей столице, но, хотя она была взята персами, остатки кидаритов, пробившись, отступили в Индию и завоевали там пять государств[8]. Эфталиты остались один на один с персами, но, несмотря на это, в скором времени распространились до Гургана.

Самое любопытное в дальнейших событиях то, что дошедшие до нас персидские и армянские источники (армяне были в то время подданными Ирана) ничего не сообщают о ходе войны на восточной границе. Учитывая неизбежную тенденциозность средневековых хронистов, следует предположить, что война была для персов неудачной и патриотически настроенные авторы предпочитали о ней умалчивать. Лишь у Лазаря Парбского мы читаем фразу: "В мирное даже время никто не мог мужественно и без страха смотреть на эфталита или даже слушать о нем, не то что идти на него войной открыто". Очевидно, упомянутое выше изменение границ связано с контрнаступлением эфталитов, которые в 70-х гг. V в. выбили хионитов из Согда и, надо думать, овладели территорией современной Туркмении, так как иным путем они не могли бы соприкоснуться с персами в районе Гургана, потому что Хорасан продолжал оставаться персидским. Таким образом, эфталиты обошли персидские укрепленные форпосты с фланга и заняли Дахистан, позицию, позволявшую им в любой момент ворваться во внутренние области Ирана.

Горго (Джурджан) стал восточным оплотом Сасанидской державы, и границы ее чрезвычайно сузились. Именно эта причина повела к возобновлению войны. В 482 г. шахиншах Пероз с многочисленным войском попал, вернее, был заманен в глубокое ущелье, замкнутое тупиком. Узкий вход в ущелье эфталиты преградили отборным отрядом, и все персидское войско оказалось в ловушке без пищи и воды[9]. Среди персов воцарилось уныние, но эфталитский царь Хушнаваз оказался весьма гуманным и умеренным. Он предложил Перозу мир на таких условиях, которые тот с восторгом принял, скрепив клятвой. Однако клятву Пероз нарушил, возобновив войну в 483 или 484 г.

На этот раз персы двинулись через степь. Эфталиты выкопали длинный, широкий и глубокий ров с узкими перемычками и замаскировали его, создав род волчьей ямы. Затем их легкие отряды заманили персов к этому месту, причем вся остальная эфталитская армия стояла за рвом.

Преследуя бегущий эфталитский авангард, персы развернутым строем ударили на эфталитов, и первые ряды попали в ров, будучи не

в состоянии сдержать разгоряченных лошадей. В числе погибших оказался шахиншах со всеми сыновьями. Оставшиеся в живых потеряли бодрость и сдались в плен[10]. Наследник Пероза, Кавад, вынужден был согласиться на уплату дани. Она выплачивалась два года.

Таков рассказ Прокопия, и необходимо признать, что он не невероятен, хотя и требует некоторых пояснений. В первом случае дело происходило, вероятно, в горах Копет-Дага. Как бы ни велико было ущелье, в которое втянулась персидская армия, приходится допустить, что либо армия была ничтожна, либо, скорее, вошла в ущелье не вся. Может быть, в ловушку попал один отряд вместе с шахом, и потому условия, предложенные Хушнавазом, были столь скромны — не было смысла губить Пероза, раз его войска могли, сменив вождя, продолжать войну. Во втором случае приходит на память историческая аналогия. При Ватерлоо атака французских кирасир захлебнулась из-за того, что на ее пути оказался узкий овраг, который французы заполнили трупами своих солдат. Подсчет количества вынутой земли показывает, что рытье такого рва не представляло для эфталитов непосильной работы. Но даже если отбросить подробности, остается фактом разгром персов эфталитами в 483 или 484 г., причем тактика эфталитов ничем не походила на тактику конных кочевников V—VI вв.

В 494 г. эфталиты вторглись в Иран, восстановив на престоле свергнутого законного шаха Кавада. За это им было заплачено золотом. В дальнейшем между персами и эфталитами царило полное согласие, и эфталитские стрелки сражались с византийцами в рядах персидского войска.

Все более активной была эфталитская политика в Индии, однако там их наступление встретило мощное сопротивление. С начала IV в. Северная Индия была объединена в империи Гупта. Один из царей этой династии, Чандрагупта II Викрамадитья, завоевал владения саков в Западной Индии в конце IV и начале V в. и довел границы своего государства до Аравийского залива и Среднего Инда. Однако на юге пограничной рекой оставалась Нарбада. Воинственное племя пушьямитры, жившее в долине Нарбады, в начале V в. напало на царство Гупта, и отражение их потребовало от последнего великого царя — Скандагупты Викрамадитья — напряжения всех сил. Этим воспользовались эфталиты и в середине V в. (до 458 г.) вторглись в Индию. Скандагупта нашел силы для отражения врага, но после его смерти в 467 г. война возобновилась, и инициатива перешла в руки эфталитского вождя Тораманы. Очевидно, скромность эфталитских претензий к побежденному Ирану может быть объяснена тем, что война в Индии поглощала львиную долю их сил и средств.

К началу VI в. Торамана занял большую территорию в Северо-Западной Индии и добрался до Центральной Мальвы. Лишь в 510 г. он был побежден правителем империи Гупта Бханагуптой.

Перед началом своего расцвета государство эфталитов охватывало горную страну по обе стороны Памира, а именно области: Синд, Бост, Ар-Рохадж (Арахозия), Забулистан, Тохаристан, Дардистан, Кабулистан. Индийские земли и Арахозия были добыты эфталитами в результате удачных войн, а горные долины Тянь-Шаня и Хотан — одним походом 495—497 г., после чего эфталиты стали гегемонами Средней Азии.

Теперь мы можем предложить ответ на вопрос, поставленный в начале статьи: где был Hinterland эфталитов — в равнинах Центральной Азии или в горах Припамирья? Историческая география бассейна Тарима в I тыс. н.э. известна достаточно. Там не было ни одного крупного государства, ни одного большого народа, подобного эфталитскому. Само завоевание Хотана, Кучи и Карашара эфталитами произошло в 495—497 гг., причем эфталиты двигались с запада, а не с востока. Горная область Тянь-Шаня и прилегающее к ней Семиречье были заселены в древности саками, потом усунями (II в. до н.э.—II в. н.э.), потом хуннами, отставшими на пути в Европу и получившими название "юебань" (II—V вв.), и наконец телескими племенами (конец V — начало VI в.). Приаральская равнина, доходящая на востоке до Балхаша, обширна, но не пригодна для жизни человека. Западная часть этой равнины сложена суглинками, т.е. водонепроницаемыми почвами, и потому растительность этой страны столь бедна, что не в состоянии прокормить большое население; на востоке же лежит пустыня Бетпак-Дала, где воды нет. Равно исключаются и прикаспийские степи, потому что эфталиты туда вторгались, а не выходили оттуда. Остается только одна возможность — признать горный узел Западного Припамирья родиной эфталитского народа, источником его мощи и цитаделью его культуры. Откуда бы ни пришли предки эфталитов в долину Ефталь, эфталитами они стали именно в ней.

Историческая судьба эфталитской державы удивительно напоминает судьбу средневековой Швейцарии. И там, и тут воинственные горцы добились возможности объединения, используя временный упадок и затруднения соседних монархий; и там, и тут были одержаны блестящие победы, там над австрийцами и бургундцами, тут над персами и индийцами, но в обоих случаях удержать захваченные территории и закрепить успех не удалось. И как впоследствии швейцарские наемники украшали собою гвардию французских королей, так и эфталитские воины умножили ряды раджпутов, облегчив им победу над остатками развалившейся империи Гупта.

Дальнейшая судьба эфталитской державы выходит за хронологические рамки нашего повествования. Но в заключение можно резюмировать изложенные факты.

Эфталиты были народом воинственным, но немногочисленным. Успехи их объясняются глубоким разложением захваченных ими областей. Это же разложение Согдианы обусловило слабость эфталитской державы, так как многочисленных подданных бесполезно было мобилизовать. Сами эфталиты, видимо, не переоценивали своих сил и в авантюры не пускались. Режим, установленный эфталитами в Средней Азии, кажется, был непопулярен, так как при нападении тюркютов в 560—570 гг. согдийцы и тохары никакой помощи эфталитам не оказали.

На основании всего изложенного приходится признать, что гипотеза, выводящая эфталитов из Центральной Азии и считающая их тюркским народом, встречает ряд непреодолимых противоречий с фактами исторической и физической географии. Эта гипотеза возникла в XIX в., когда география Центральной и Средней Азии была еще малоизвестна, а об изучении климатических колебаний не было и речи. В наше время это реликт ранней стадии развития науки, тогда как предположение о том, что эфталиты — припамирские горцы, подтверждается всеми достоверно известными фактами и противоречит только устарелым гипотезам[11].

ПРИМЕЧАНИЯ

1 В.Массон ссылается на работу Р.Гиршмана, где тождество степных хионитов с эфталитами доказывается посредством чтения легенд на монетах. Однако сам Массон не считает чтения Гиршмана обоснованными, чем ставит под сомнение и свою гипотезу.

2 Хиониты, или хуни, потомки сакского племени hyaona, обитали на северном берегу Аральского моря, там, где С.П.Толстов обнаружил "болотные городища". Рядом с хионитами жило племя вар, участвовавшее в войнах сына Аттилы, Денгизиха; граница на северо-западе с уграми, на севере — с сабирами, народом угро-самодийской группы, населявшей в те времена лесо-степную полосу от Урала до Алтая (*Baydu P.* Die ältesten Berührungen zwischen den Samojeden und die jenisseischen Völkern // Acta Orientalia. III. 1953. C. 88 и сл., 99), а на востоке с подлинными аварами, точнее арабами. Абары, кочевое племя, обитало на северных берегах Балхаша и в Южной Джунгарии. На севере они соседили с сабирами, а на юге — с тюркоязычными племенами, которые в IV—V вв. тюрками еще не назывались.

3 Ф. Альтхейм предполагает, что Шапур II уступил хионитам Согдиану за помощь в войне с Римом, и отождествляет, хотя без уверенности, хионитов с хуннами, полагая, что господствующий класс у них назывался эфталиты.

4 Он перебил, взяв крепость Артагерс, всех членов рода Камсараканов.

5 На вооружении эфталитов состояли палицы и секиры — оружие пехоты, а не степной конницы.

[6] Предположение Р.М.Гиршмана, что столица кидаритов помещалась в Балхе, не подтвердилось.

[7] Аналогично описание Динавери.

[8] Фр.Альтхейм сопоставляет Кунху с хионитским царем в Согде и эфталитским царем Ахшунваром Хушнавазом, но ход событий при таком отождествлении необъясним.

[9] Балями передает подробности этого похода несколько иначе. По его версии, персов заманил в бесплодную пустыню лазутчик, намеренно искалеченный для внушения доверия персидскому шаху. Этот рассказ полон литературных реминисценций (ср., например, с легендой о взятии Дарием Вавилона при помощи Зопира) и невероятен по подробностям, тогда как Прокопий сух и деловит.

[10] Этот рассказ тоже повторен у Балями с некоторыми несущественными деталями, вероятно, вымышленными в целях назидания. Ниже он прилагает рассказ о третьем походе, которым якобы с помощью лишь военной демонстрации была достигнута полная дипломатическая победа. Этот рассказ не подтверждается другими источниками и, видимо, является патриотическим вымыслом.

[11] Недавно открытая замечательная фреска на Афрасиабе (Самарканд), согласно определению В.А.Лившица (личное сообщение), изображает эфталитское посольство, прибывшее в Самарканд из Термеза, т.е. с юга.

ЛИТЕРАТУРА

Аммиан Марцеллин. История. Киев, 1908.

Артамонов М.И. История хазар. Л., 1962.

Банерджи А.Ч., Синха Н.К. История Индии. М., 1954.

Бичурин Н.Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. I—III. М.—Л., 1950.

Гумилев Л.Н. Эфталиты и их соседи в IV в. // Вестник древней истории. 1959. № 1.

Гумилев Л.Н. Война 589 г. и Гератская битва // Известия АН Тадж. ССР. 1960. № 2.

Гумилев Л.Н. Великая распря в Первом Тюркском каганате в свете византийских источников // ВВ. XX. 1961.

Гумилев Л.Н. Три исчезнувших народа // Страны и народы Востока. Вып. II. М., 1961.

Гумилев Л.Н. Хазарское погребение и место, где стоял Итиль // Сообщения Гос. Эрмитажа. 1962. Вып. XX.

Гумилев Л.Н. Хазария и Каспий (Ландшафт и этнос: I) // Вестник ЛГУ, сер. геологии и географ. 1964. № 6. Вып. 1.

Гумилев Л.Н. Хазария и Терек (Ландшафт и этнос: II) // Вестник ЛГУ. 1964. № 24. Вып. 4.

Гумилев Л.Н. Соседи хазар // Страны и народы Востока. 1965. Вып. IV.

Гумилев Л.Н. Хазарские погребения в дельте Волги // Сообщения Гос. Эрмитажа. 1965. Вып. XXVI.

Гумилев Л.Н. Биография тюркского хана в "Истории" Феофилакта Симокатты и в действительности // Византийский временник. Т. XXVI. 1965.

Гумилев Л.Н. Диспут о древних тюрках // Доклады по этнографии ВГО. № 1. Л., 1965.

Гумилев Л.Н. Истоки ритма кочевой культуры Срединной Азии // Народы Азии и Африки. 1966. № 4. С. 85—94.

Гумилев Л.Н. Открытие Хазарии. М., 1966.

Дестунис Г.С. Сказания Приска Панийского. СПб., 1861.

Кабанов С.К. К вопросу о столице кидаритов // Вестник древней истории. 1953. № 2.

Кабанов С.К. Археологические данные по истории Нашхеба в III—IV веках // Вестник древней истории. 1956. № 2.

Коковцов П.К. Еврейско-хазарская переписка в X в. Л., 1932.
Массон В.М. Древняя культура Дахистана. М.—Л., 1954.
Массон В.М., Ромодин В.А. История Афганистана. Т. 1. М., 1964.
Патканьян К. Опыт истории династии Сасанидов. СПб., 1863.
Прокопий Кесарийский. История войн римлян с персами / Пер. С.Дестуниса. СПб., 1876.
Толстов С.П. По следам древнехорезмийской цивилизации. М.—Л., 1948.
Тревер К.В. Кушаны, хиониты, эфталиты по армянским источникам IV—VII вв. // Советская археология. Т. XXI. 1954.
Шмидт А.Э. Материалы по истории Средней Азии и Ирана // Уч. зап. Ин-та востоковедения. Т. XVI. 1958.
Altheim F., Striel R. Die Araber in der Alten Welt. Bd. I—V. Berlin, 1969.
Bell Ch. The Religion of Tibet. Oxford, 1931.
Christensen A. Iran sous les Sassanides. Copenhague, 1936.
Droin E. Mémoire sur les Huns Ephtalites dans leur rapports avec les rois Perses Sassanides // Le Museon. XIV. 1895.
Enoki K. On the Nationality of Ephtalites // Mémoirs of the Research Department of the Toyo Bunco. Tokyo, 1959. № 18.
Enoki K. The Origines of the White Huns or Hephtalites // East and West. 1955. № 3.
Ghirshman R. Les Chionites — Hephtalites. Le Caire, 1948.
Gumilev L.N. Les Fluctuations du Niveau de la Mer Caspienne // Camer du Monde Russe et Sovetique. Vol. VI. № 3. Paris-Sorbonne, 1965.
Hannestad K. Les relations de Byzance avec la Transcaucausic et l'Asie Centrale en V et VI siecles // Byzantion. Bruxelles, 1957. T. XXV—XXVII.
Markquart J. Eranšahr nach der Geographie des Ps. Moses Horenacii. Berlin, 1901.
McGovern. The Early Empires of Central Asia. L., 1939.
Nöldeke T. Geschichte der Perser und Araber zur Zeit der Sassaniden. Leiden, 1879.
Zotenberg H. Chronique de Tabari, tr. sur la version persane d'Abou-Ali Mo'hammed Bel'ami. II. Paris, 1869.

Эфталиты и их соседи в IV веке

О народе, называемом эфталиты, мир узнал впервые в 384 г. н.э., когда при осаде Эдессы в персидском войске появились эфталиты, восточные соседи персов[1]. Однако после этого они еще свыше полувека были в тени и не играли значительной роли на арене истории. Зато они это наверстали к середине V века.

Несмотря на то, что по поводу происхождения и этнической принадлежности эфталитов имеется огромная, уже почти необозримая литература, оба эти вопроса не могут считаться решенными. Начнем с имени эфталитов, которых называли "белые хунны". Почему хунны и почему белые? Во-вторых, происходит ли этноним "эфталит" от имени царя (как думал Гиршман), или от места обитания, или же это политический термин? В-третьих, кем были эфталиты в расовом отношении? В-четвертых, где была их исконная земля? Ибо ее помещают и к северу, и к востоку от Согда. И наконец, какое место занимали эфталиты в семье центральноазиатских народов, с которыми они соприкасались гораздо чаще, чем с Ираном и Индией.

Вот вопросы, которые встают перед исследователем и без выяснения которых почти вся история Внутренней Азии в I тысячелетии н.э. остается неясной. Относительно происхождения эфталитов существует несколько гипотез, которые я излагаю кратко. Одни выводят эфталитов от юэчжей. Эта гипотеза находит свое подтверждение в свидетельстве Прокопия: "Хотя эфталиты народ Уннского племени, но они не смешаны и не сносятся с известными нам уннами, ибо ни смежной области у них нет, ни вблизи от них не живут"[2]. Это мнение разделяет наиболее серьезный исследователь эфталитов Вивьен де

Сен-Мартен[3], опираясь на Дегиня[4]. Действительно, очень удобно объяснить название "белые унны" сопоставлением загадочных эфталитов с народом юэчжи, кочевыми арийцами, но это встречает непреодолимое препятствие в свидетельстве Бэй-ши, где наряду с Йеда-эфталитами упомянуты сами Да-юэчжи — индоскифы[5]. К тому же местное население называлось тохары, и источник отнюдь не отождествляет их с эфталитами — йеда, идань (там же, с. 286). При этом китайский автор Суй-шу выводит лишь царствующую династию эфталитов от юэчжей, а отнюдь не весь народ. Вследствие этого гипотеза Вивьен де Сен-Мартена оказывается недоказанной.

По вопросу, откуда пришли эфталиты, также существует несколько точек зрения. Шпехт выводил их из северного Китая[6] и относил их появление ко второй половине V века. Однако известно, что персы воевали с эфталитами уже в первой половине V века. Мнение Шпехта справедливо игнорируется Друэном[7] и Шаванном[8]. По мнению Паркера, эфталиты — это юебань[9], тем самым он причисляет их к тюркам. Сходное мнение высказывают Блоше[10] и С.П.Толстов[11], но это мнение разбивается о прямое указание Бэй-ши, что язык эфталитов не тюркский[12]. Грумм-Гржимайло предлагает гипотезу, согласно которой ветвь юэчжей попала на Алтай, объединилась с тамошними динлинами и в V веке, разрушив Юебань, через Среднюю Азию пробралась в Тохаристан[13]. Однако раскопки Пазырыка показали, что алтайские европеоиды не светловолосые динлины, а темноволосые арийцы[14]. Н.Веселовский[15] относит эфталитов к арийцам, но не поясняет, откуда они взялись.

Из ныне существующих концепций можно привести мнение С.П.Толстова, который выводит эфталитов с берегов Сырдарьи в связи с "общим подъемом варварских племен в IV веке"[16].

Эфталитской проблемы касался Маркварт[17]. Взгляды этого талантливого исследователя с течением времени менялись, но тем не менее сыграли свою роль при разработке целого ряда проблем истории Востока, в том числе и эфталитской.

Уделяли внимание эфталитам Шаванн[18] и Нольдеке[19]. Однако разбор всех этих сочинений увел бы нас от самой проблемы в сторону ее истории. Поэтому я останавливаюсь на новейших работах.

Статья Везендонка[20], построенная исключительно на немецких работах, скорее запутывает, чем разрешает вопрос, и является шагом назад по сравнению с работами Шаванна и Пеллио. Эта статья Везендонка потеряла свое значение также и потому, что данная тема получила остроумное освещение в работе Н.В.Пигулевской[21]. Давая сводку сведений христианских авторов V века, Н.В.Пигулевская обращает внимание на термин "белые гунны", на их антропологическое отличие от монголоидных гуннов Причерноморья, хорошо из-

вестных Приску Панийскому и Аммиану Марцеллину. К "белым гуннам" она причисляет хионитов, кидаритов и эфталитов, отнюдь не смешивая их между собой.

Эфталитской проблемы коснулся также Мак-Говерн[22]. Он выводит эфталитов из Турфана во II веке н.э. и предполагает наличие у них связей с Тибетом. Ниже мы увидим, почему его взгляд не может быть принят.

В "Истории Узбекистана" (1952) нашли отражение взгляды С.П.Толстова. А.М.Мандельштам полностью принял отождествление хионитов с эфталитами, считая, что "это были группы кочевых племен, появившихся в среднеазиатском междуречье приблизительно в середине IV века и подчинивших себе к началу VI века огромную территорию от Северной Индии до Семиречья и от Хотана до границ Ирана"[23]. К сожалению, Мандельштам не заинтересовался вопросом, где в IV веке н.э. мог располагаться столь многочисленный народ, оставаясь к тому же не замеченным ни с востока китайцами, ни с запада греками. При этом А.М.Мандельштам признает, что эфталиты были ираноязычны, а нам известно, что уже в III веке лесостепная граница Западной Сибири и Казахской степи была заселена уграми, и, таким образом, предполагаемая прародина эфталитов должна была помещаться в Голодной степи, а это место малопригодное для прокормления большого народа.

Что же касается гипотезы Гиршмана о тождестве эфталитов и хионитов, то и по наше время остается в силе вывод Шаванна, что хион, вернее, кирмахион — это название для племен между Уралом и Каспием, по соседству с древними угорскими племенами. Китайцы называли их хуни, и нет оснований смешивать их с хунну. О былой культурной близости угров с Ираном недвусмысленно говорит бляха из остякского могильника, воспроизводящая древний образец. На ней изображен крылатый кентавр с луком и в персидской тиаре[24]. Для нас сейчас безразлично, попал ли этот сюжет к уграм через Кавказ или через Среднюю Азию, но важно, что связь угров с Ираном в первые века н.э. имела место. Следовательно, персы должны были иметь специальное свое название для этого народа, а греки — знать персидское название. Поэтому, когда в 563 г. в Константинополь пришло посольство от хионитов, живущих среди авар, то его не спутали с эфталитами. Гиршман на основании нумизматического материала говорит о царях с именем Hephtal. Но имена у эфталитских царей были совсем другие: Торамана, Михиракула, которые читаются с тюркского: герой, раб Митры, или Готфар, Фагониш, Катульф «Шах-наме», происхождение которых неясно. Именно по этой причине нумизматика не может быть опорой для определения эфталитского языка. Монеты, приписываемые эфталитам,

имеют легенды на брахми и пехлеви[25], титулы же, имена собственные и географические указывают на тесные культурные связи с Ираном и Индией (например, Sri Bahmana Vasudeva — там же, с. 645; или Sri Shahi — там же, с. 654). Что же касается титулов, совпадающих с тюркскими (тегин, ябгу)[26], то они скорее заимствованы тюрками у эфталитов, чем наоборот, так как с тюркского языка они не читаются. Возможно, что эфталиты, в свою очередь, заимствовали титулатуру у кушан. Короче говоря, это не путь к решению вопроса.

Пеллио правильно отметил, что нет никаких оснований считать эфталитов тюрками, и в дальнейшем, когда они столкнулись друг с другом, тюрки никак не считали эфталитов сколько-нибудь похожими на себя. Помимо этого, у нас есть прямое указание Бэй-ши, что язык эфталитов отличен от жужаньского, гаогюйского и согдийского. Итак, мы не можем точно сказать, на каком языке говорил народ, но знать и городское население говорили по-персидски (см. Ибн ал Мукаффа и Мукаддаси)[27]. Именно поэтому возникло прозвище эфталитского царя — Хушнаваз[28], которое было причиной крайне превратных мнений об эфталитском народе. Хотя полемика по этому вопросу не входит в план моей работы, однако я хотел бы несколько остановиться на нем.

По легенде, прозвище "Хушнаваз" было дано эфталитскому царю за то, что он, будучи влюблен в одну из придворных дам, так хорошо играл для нее на струнном инструменте навазе, что соловей прилетел и сел на струны[29]. Неважно, насколько справедлива и точна легенда: *хушнаваз* — слово персидское и общеупотребительное, означающее: искусный музыкант. Однако А.Н.Бернштам[30] пишет: ""Кушнаваз" или в древней форме "Кушнавар"...". Эта "древняя форма" — результат описки переписчика, не поставившего точку над *з-* , из-за чего получилось *р-* . Кроме этого, он неправильно транскрибирует первую букву *к*, тогда как нужно х. А.Н.Бернштам пытается сопоставить имя эфталитского царя с названием "кушан", но "кушан" пишется иначе, и звуки здесь разные. Для того чтобы увязать и конец слова с началом, он толкует его как этноним "авар", так что получается "соединение племенных названий кушан + авар" (там же, с. 190). При этом он отождествляет аваров с жужанями, а несколько выше предполагает, что потомки гуннов откатились из Европы в Среднюю Азию, не объясняя, однако, почему они назывались авары. Тут все неверно. Подлинное название αβαρ звучит не авар, а абар — обры. Греческая β передавала одинаково звуки *в* и *б*. Абары не жужани, о чем знал еще Феофилакт Симокатта в VI веке. Отступление гуннов в Среднюю Азию, если бы оно произошло, случилось бы, по словам самого Бернштама, во второй половине V века, а эфталиты появляются в первой. Если выправить эти ошибки, от концепции А.Н.Бернштама не останется ничего.

Теперь вместо унылой проверки более или менее устаревших гипотез мы обратимся непосредственно к тому, что нам известно о Средней Азии 384 года. Большая часть гипотез отпадает сама собой как только мы уточним историческую географию и хронологию Средней Азии на этот год.

Кидариты. Известно, что на восточной границе Ирана до 468 г. находилось царство кидаритов. В 468 г. столица их была взята шахом Перозом[31], и остатки кидаритов откатились в Индию, где "завоевали пять государств"[32].

Вопрос о том, кто были кидариты, какое отношение они имели к эфталитам и персам и когда возникло их государство, излагается разными авторами по-разному.

С.П.Толстов пишет: "Под именами кидаритов и хионитов, как известно, впервые выступают на историческую арену эфталиты"[33]. Гиршман, наоборот, считает, что Кидара был наместником Балха, взбунтовавшимся против Шапура II в 367—368 гг. Его наследники Пиро и Варахран были побеждены персами при помощи хионитов, и государство погибло около 399 г.[34]. Опираясь на текст Фауста Византийца, Гиршман считает также, что Кидара был Аршакид, объединивший вокруг себя кушанов, недовольных персидским господством, и что он нанес персам поражение в 367—368 гг.

Однако в тексте источника Кидара не назван, и приписывание ему победы над Шапуром II есть домысел автора, не только не находящий никакого подтверждения в источниках, но и опровергающийся их показаниями (см. ниже). По мнению Мак-Говерна, кидаритов разбили и заставили бежать эфталиты, вторгшиеся с востока[35]. Но все эти предположения разбиваются о показания источников.

В Бэй-ши указывается, что вождь группы юэчжей Цидоло (Кидоло, ср. с именем юэчжийского вождя, воевавшего с хуннами около 165 г. до н.э., — Кидолу), желая уйти от соседства с жужанями, перешел на юг и занял город Боло[36]. Этот город ныне открыт в Каршинском оазисе С.К.Кабановым, который убедительно доказал, что столица кидаритов помещалась именно там, а не в Балхе[37]. Этим окончательно снимается гипотеза Гиршмана, так как восставший против Шапура наместник сидел в Балхе.

Затем, указание на жужаньскую экспансию на запад дает возможность очень точно определить дату перехода Кидары с его народом на юг, на границу Ирана. Жужани лишь однажды вели наступление на запад от Тарбагатая. Это было в 417—418 гг., когда зафиксирована китайской историей война Жужани и Юебани[38]. Только тогда и могли прийти на юг кидариты, а эфталиты известны уже в IV веке, следовательно, сами они не кидариты и к гибели их касательства не имеют.

Таким образом, установив даты существования царства Кидары: 418—468 гг., мы видим, что этот вопрос выходит за хронологические рамки интересующего нас периода и что гипотезы, связывавшие эфталитов и кидаритов, основаны на том, что хронология Внутренней Азии не была до сих пор достаточно выяснена.

Хиониты. Первые сведения о хионитах содержатся у Аммиана Марцеллина. В 356—357 гг. "Сапор... с трудом отражает в крайних пределах своего царства враждебные народы", которые ниже названы "хиониты и евсены"[39].

Второй этноним удачно расшифрован Марквартом, который исправил текст и прочел вместо "Eusenas" — "Cuseni", т.е. кушаны[40], термин "хиониты" так просто не раскрывается. Обратимся к фактам. Война персов с хионитами закончилась в 358 г. миром и союзом. В 359 г. царь хионитов Грумбат сопутствовал шахиншаху Ирана в походе на Амиду[41], где погиб его красавец-сын (там же, с. 248) на глазах у нашего автора, бывшего участником событий. Этот текст особенно важен, так как именно Аммиан Марцеллин описал монголоидную наружность хуннов, так его поразившую; значит, хиониты этим не отличались.

Определить территорию хионитов и области, где они соприкасались с персами, помогает китайский текст V века, в котором сообщается, что приехали купцы из страны "Судэ", где правит "Хуни"[42]. Как выяснено японскими исследователями, Судэ — это Согд[43], а в "Хуни" нельзя не узнать этноним "хион". Здесь Согд понимается в самом узком смысле как область, прилегающая к Самарканду, и, очевидно, бои персов с хионитами происходили на территории между Мервом и Самаркандом. Но если так, то где была исконная территория хионитов, из которой они в 356 г. вступили в Согд?

Тут на помощь нам приходит текст Феофана Византийца, сообщающий, что в 6055 г. (563) в Константинополь пришло посольство от кермихионов, обитающих среди авар, около Океана[44]. Этот текст был бы непонятен, если бы мы не знали: 1) о существовании племени "Вар", обитавшего рядом с племенем "Хуни"[45], и 2) что византийцы считали Каспийское море заливом Океана, окружающего землю, и не имели представления о северо-восточных очертаниях Каспия, что позволяло им смешивать его с Аралом.

Итак, следуя тексту, мы должны поместить исконную землю хионитов на северных берегах Аральского и Каспийского морей, именно в тех местах, где С.П.Толстов обнаружил целый ряд "болотных городищ", которые, по его мнению, были "созданы сармато-аланскими и массагетскими племенами"[46]. Видимо, здесь помещались хиониты и их соседи вар, граница на северо-западе с уграми, на севере с сабирами, а на востоке с подлинными аварами, точнее, абарами[47].

Описание дальнейшего хода событий мы находим у армянского автора Фавста Бузанда[48]. Он пишет, что во время правления Папа Аршакида, армянского царя 368—374 гг., персы прекратили военные действия против армян, ибо царь кушанов Аршакуни, сидевший в Балхе, поднял войну против Шапура II и нанес ему сильное поражение. В 374—377 гг. война продолжалась, и персы были снова разбиты. Этот текст становится совершенно ясным, если учесть два обстоятельства. Во-первых, в IV веке титул кушаншах давался персидскому наместнику восточной границы[49] и, во-вторых, восточные Аршакиды, своевременно изменив парфянскому делу и примкнув к Арташиру, сохранили свои владения и привилегии[50]. Поэтому совершенно понятно, почему Аршакид, с титулом кушаншах, сидел в персидской цитадели в Балхе. Также неудивительно, что он восстал. Дополняя сведения Фавста Бузанда сообщениями Моисея Хоренского и Моисея Каганкатуйского[51], мы можем внести некоторые уточнения: высшая точка восстания приходится на 375—378 гг., причем Шапур даже снял войска с западной границы и прекратил войну с Римом. Хоны, т.е. хиониты, выступили на поддержку восстания, разорвав союз с Ираном; восстание утихло при неизвестных обстоятельствах, но сразу же вслед за подавлением Аршакида в персидских войсках в 384 г. появляются эфталиты как союзники шахиншаха. Это не может быть случайным совпадением. В самом деле, Балх лежит на границе Иранского плоскогорья и горной области около Памира. Задачей персидского наместника было наблюдение за соседними горцами, и, можно думать, до восстания ему удавалось препятствовать их объединению. Но как только это воздействие прекратилось, горные племена объединились и покончили со своим врагом, чем и объясняется их союз с персидским царем. Степные хиониты, поддерживавшие повстанцев, видимо, были разбиты, так как их нажим на Иран с этого времени прекратился. Таким путем эфталиты вышли на арену мировой истории. Однако для того, чтобы предлагаемая гипотеза получила подтверждение, необходимо признать, что эфталиты были не среднеазиатскими степными кочевниками, а горцами Памира и Гиндукуша. Для этого рассмотрим сведения источников, касающиеся непосредственно эфталитов.

Эфталиты. Несмотря на то что полемика по эфталитской проблеме продолжается уже 150 лет, мы по-прежнему не знаем ни происхождения эфталитов, ни языка, на котором они говорили.

Для решения этих связанных друг с другом вопросов обратимся сперва к Бэй-ши. "Вначале сей Дом показался за северною границею от Алтайских гор на юг, от Хотана на запад"[52]. Меридиан Алтая сходится с параллелью Хотана на озере Лобнор. Но это нельзя понимать буквально. Западнее Хотана находилась населенная область западного

Тибета — Дардистан, а еще западнее — Памир, Вахан и Ишкашим. Дарды — восточные арийцы, праиндусское племя, отставшее на пути в Индию.

Затем, оказывается, что основная территория эфталитов зафиксирована документально. При разгроме их державы тюрками и персами в 567 г. эфталиты, низложив своего последнего царя, подчинились персам[53]. Табари дает перечисление областей, изъявивших покорность шаху Ирана: Синд, Бост, ар-Рохадж (Арахозия), Забулистан, Тохаристан, Дардистан, Кабулистан[54]. Если мы отбросим индийские земли и Арахозию, некогда отторгнутую от Ирана, то останутся горные долины по обе стороны Памира как основные земли эфталитов.

Затем, известно, что племенное наименование эфталитов было *хуа*. Напрашивается мысль, что это слово сохранилось в названии Хутталян. Сопоставив это соображение с предыдущим, мы можем предположить, что в Согдиану эфталиты попали не с севера, как предполагалось нашими предшественниками, а с юга. Затем отметим те этнографические черты, которые сохранила для нас история. В отношении образа жизни эфталитов китайцы и европейцы резко расходятся. В Бэй-ши сказано: "Городов не имеют, а живут в местах, привольных травою и водою, в войлочных кибитках. Летом избирают прохладные места, а зимою теплые"[55]. В противовес этому Прокопий определенно утверждает: "Они не кочевники, подобно другим уннским племенам, но издревле населяют плодоносную страну"[56]. Прокопий об эфталитах знал со слов их непосредственных соседей — персов, и в согласии с ним Менандр, со слов тюркских послов, пишет, что эфталиты — народ оседлый, живут в домах[57]. Видимо, греки правы, а китайские авторы в данном случае ошиблись. Причина ошибки указана тут же: "В 516 г. Мин-ди отправил посольство в Западный край для приобретения буддийских священных книг. При сем посольстве находились два буддийских монаха: Фали и Хойшен. Посольство возвратилось в... 523 г. Хойшен не принес никаких сведений о состоянии пройденных им государств, ни о расстоянии дорог, а кратко сообщил общие понятия", — с досадой пишет составитель Бэй-ши, и я разделяю его чувство. Зато Хойшен не забыл отметить, что в столице эфталитского царя "множество храмов и обелисков буддийских, и все украшены золотом". Обряд погребения — захоронение в земле вместе с личными вещами[58], а по Прокопию, — даже с сотрапезниками, вернее, нахлебниками, которых заводили богатые эфталиты[59].

Общественный строй эфталитов характеризуется тем же Прокопием: "Образом жизни они не похожи на других уннов и не живут, как те, по-скотски, но состоят под управлением одного царя, составляют

благоустроенное гражданство, наблюдая между собою и с соседями справедливость не хуже римлян или кого другого"[60]. Бэй-ши добавляет: "Престол не передается наследственно, а получает его способнейший из родственников. Наказания чрезмерно строги. За кражу без определения количества положено отсечение головы, за украденное взыскивают в десять крат". "Столица есть лишь дворец царя"... около 10 ли в окружности (т.е. 5 км), это роскошный замок".

Особую важность имеет упоминание о форме брака. Эфталиты практиковали полиандрию, причем "братья имели одну жену". Такая форма брака зафиксирована в Тибете и только в среде оседлых тибетцев, а не у кянов III века до н.э., кочевавших в Амдо и истребленных сяньбийцами в IV веке[61]. Так как тибетцы, продвигаясь по долине Брамапутры, достигли припамирских долин довольно поздно, никак не раньше V века, то естественно полагать, что они заимствовали полиандрию у аборигенов, а не наоборот. Видимо, не прошло даром тысячелетнее совместное пребывание их в тесном общении и смешении с туземцами. В связи с вопросом о полиандрии эфталитов и ее распространении необходимо привлечь этнографический материал — одежду[62].

Китайские историки единодушно сообщают, что женщина носит меховую шапку с рогом, имеющим столько отростков, сколько у нее мужей. Крайне важно, что аналогичный головной убор обнаружен у женщин Кафиристана и в северо-западной Индии, т.е. в тех самых местах, где, по нашим предположениям, обитала основная масса эфталитов. В индийской древности этот убор неизвестен, но встречается на монетах кушанских царей, например Хувишки[63], т.е. опять-таки восходит к горной стране Памира и Гиндукуша, что подтверждает автохтонность сложения эфталитского народа.

Существует также местная традиция, согласно которой эфтали — местный народ, так же как и тохары, в отличие от народа, образовавшего империю Кушан, название которого в народной памяти не сохранилось. Мой рассказчик, Алифбек Хийшалов, 44 лет, шугнанец, получивший образование у исмаилитского пира, ссылался на рукописи, прочтенные им в юности. Одну из них мне посчастливилось обнаружить изданной — это Ta'rikh Nama-i-Harat[64]. Там приведена легенда об основании Герата, сообщающая, что некогда некто Тахмурасп, сын Хушанга, притеснял свой народ, живший около Кандагара. Тогда 5 000 человек из его народа ушли в сторону Кабула и стали там жить, но из-за непригодности климата перешли в страну гуров, а оттуда в местность Аубэ; там они рассорились до открытой войны, и часть их ушла в место, называемое Кушан Олвийан, т.е. Высокие Кушаны. Имя предводителя оставшихся было Хаятлэ (там же, с. 30). Я опускаю описание конфликта между уходивши-

ми и остававшимися. Для нас важно другое: в имени Хаятлэ нельзя не узнать этноним Хайтал и hephtal. Топоним Кушан датирует нам событие первыми веками н.э., хотя автор пытается отнести основание своего города в глубокую древность, сообщая: "Это было в эпоху Мусы" (там же, с. 32) и упоминая как современника событий Минучихра, сына Ирэджа, внука Феридуна.

Благодаря вышеприведенному известию мы можем уточнить не только время сложения группы людей, связанных общей судьбой, в народ *хайталь*, но и место, где это сложение произошло. Мы можем даже определить, почему и откуда возникло у этого народа второе название — *эфталиты*. Обратимся к географии. В Бэй-ши сказано: "Вначале сей Дом показался за северною границею от Алтайских гор на юг, от Хотана на запад" (*Иакинф*. Т. II. С. 268). На запад от Хотана лежит Памир, по одну сторону коего находилась населенная область Западного Тибета — Дардистан, а по другую — афганский Ишкашим. Дардистан входил в состав государства эфталитов, что видно из перечисления областей, доставшихся в 567 г. Хосрою Ануширвану, а в Бадахшане в районе Файзабада находится долина Ефталь[65]. Это богатая долина, с прекрасным климатом, но ныне приходящая в запустение, так как река, протекающая через нее, углубила свое дно, так что она теперь течет в глубоком ущелье. Стало затруднительно брать из нее воду для орошения, и сады пропали, остались только богарные поля, отчего, естественно, сократилось население, ибо сады не могут прокормить большое число людей[66]. Ныне в долине Ефталь живет всего около 12 000 человек. От окрестных жителей они отличаются белым цветом лица и говорят на персидском языке, но "предками своими считают афганцев и являются наиболее храбрыми среди афганских племен"[67]. Район долины Ефталь носит название Хафталь, и А.А.Семенов высказал предположение, к сожалению, оставшееся незамеченным, что это название дано еще эфталитами.

В этой долине лежат развалины города, который назывался Зардив, потому что в нем помещались статуи Будды. Видимо, именно этот город описан буддийским монахом Хойшенем, путешествовавшим по поручению императора Мин-ди с 516 по 523 год. Он пишет, что в столице эфталитского царя "множество храмов и обелисков буддийских, и все украшены золотом" (*Иакинф*. Т. II. С. 268).

Итак, территория эфталитов точно локализуется в горной стране вокруг Памира, и нет никакой надобности выводить их из стран отдаленных. Я не решаю здесь вопрос: дало ли племя свое имя долине, или, наоборот, само получило название от места обитания? Для нашей темы это несущественно. Важно другое: эфталиты сложились в народ в горной области Памира.

Надо думать, что в эпоху их расширения и политического господства название "эфталиты" распространялось на всех подданных эфталитского царя, как это постоянно бывает в Азии, но с падением державы оно осталось за жителями долины в окрестностях Файзабада.

Уточнив, насколько возможно, черты быта и строя эфталитов, обратимся к основному вопросу — их этнической принадлежности. Тут мы сразу вступаем в область гипотез. Составитель Бэй-ши сразу предлагает две: "Владетельный дом Йеда происходит от одного рода с Большим Юэчжи. Другие сказывают, что Йеда есть отрасль гаогюйского племени". Вторая гипотеза явно покоится на ошибочном предположении, что эфталиты — кочевники, и опровергается тут же приведенным сообщением: "Язык жителей совершенно отличен от языков и жужаньского, и гаогюйского, и тюркского", т.е. древнемонгольского, древнетюркского и согдийского (Иакинф упорно считает население Средней Азии в любое время тюркским). Правда, некоторые известные эфталитские слова встречаются у древних тюрок, но это заимствованные тюрками титулы: например, *тегин* — царевич, наследный принц и *ябгу* — вице-король.

Обратимся к антропологии горной страны Памира и Гиндукуша, где, по историческим данным, базировались эфталиты. Подавляющее большинство населения там принадлежит к памиро-ферганской расе, но одно из четырех патанских племен — африди — рыжеволосы и голубоглазы. Этот тип часто встречается среди афганцев, памирцев и редко среди горных таджиков[68]. Попытки объяснить это альбиносизмом[69], которые делались 30 лет назад, явно несостоятельны. Тут скрещение двух расовых типов, точнее, двух рас II порядка, но, прежде чем делать вывод, заглянем в историю.

Именно теперь нам необходимы синонимы их названия: 1) белые хунны (византийское) и хуна (индийское) и 2) бади — местное название горных племен Ишкашима. *Бади* ныне этимологизируется от слова (бад)-ветер[70], но это явное осмысление непонятного чужого слова. Этноним *бади* и *байди* мы находим в Западном Китае, причем смысл последнего будет: белые ди, а ди — народность, вошедшая как компонент в состав народа хунну; не отсюда ли "белые хунны"?

Народ *ди* был не китайским. Себя китайцы в древности называли "черноволосыми", а динлины были белокуры и голубоглазы. Одно из их племен называлось *чиди*, т.е. красные ди. Тип их, восстановленный на основании сводки сведений, "характеризуется следующими признаками: рост средний, часто высокий, плотное и крепкое телосложение, продолговатое лицо, цвет кожи белый с румянцем на щеках, белокурые волосы, нос выдающийся вперед, прямой, часто орлиный, светлые глаза"[71]. Китайцы называли их "рыжеволосые дьяволы".

Выводы Г.Е.Грумм-Гржимайло выдержали испытание временем и 30 лет спустя с некоторыми поправками и оговорками вошли в золотой фонд науки[72]. На основании их восстановлена большая часть истории ранних кочевников и их взаимоотношений с Китаем. Общеизвестными потомками красных ди, т.е. чиди, являются древние уйгуры, которых нельзя смешивать с современными носителями этого имени. На китайском рисунке уйгур изображен "человеком с толстым носом, большими глазами и сильно развитою растительностью на лице и на всем теле и, между прочим, с бородой, начинавшейся под нижней губой, с пышными усами и густыми бровями"[73]. Ныне потомки их уцелели только в Наньшане — провинции Ганьсу, на своей прародине. "У них нет косоглазия и желтизны в лице"[74]. Тип племен *ди* характерен также для древних хуннов, лишь позднее вобравших в себя монголоидную примесь. Он характеризуется сочетанием широких скул и выступающего носа. Последний считался даже отличительным признаком хуннов, и когда Ши Минь издал повеление предать смерти до единого хунна в государстве... "погибло много китайцев с возвышенными носами"[75]. Тип этот зафиксирован в барельефе эпохи Хань, изображающем битву хуннов с китайцами[76]. А вот описание типа *африди*: "Высокие, сильные, но худощавые, с выступающими скулами, с резким профилем и с ресницами, загнутыми вверх. Они отличаются от прочих афганцев"[77]. Совпадение этнонима и физического типа вряд ли может быть случайным.

Но мало этого: совпадают даты изгнания белых ди из Китая и их наличия в Гиндукуше. В числе данников персидской монархии названы *апариты*[78], которых считают предками африди[79]. Тем самым отметаются все возможности позднего появления африди в Гиндукуше, и это уже третье совпадение. Первоначальное название пришельцев из Китая — *бади*, можно думать, сохранилось в топониме Бадахшан. Впервые Бадахшан назван в VII веке в описании путешествия Сюань Цзана[80], но В.В.Бартольд указывает, что оно фигурировало и в V веке, так как один из эфталитских царей дал области Джирм, Бадахшан и окрестности Болюра в удел своему сыну[81]. Значит, происхождение этого топонима еще древнее.

До 636 г. до н.э. чиди и байди жили рядом в Хэси, но в указанный год были изгнаны китайским князем Вынь-гуном[82]. Дальнейшая история красных ди, т.е. телеских племен, в частности уйгуров, ясна, но куда девались белые? Так как ни на севере, в Степи, ни на юге, в Тибете, ни на востоке, в Китае, их определенно не было, то остается искать их на западе, и действительно, припамирские бади и африди на склонах Гиндукуша вполне соответствуют типу древних аборигенов Китая, несмотря на примесь черноволосых арийцев средиземноморской и памиро-ферганской рас II порядка.

Опираюсь на прямое указание Прокопия Кесарийского: "Из всех уннов они одни белы телом и не безобразны лицом"[83]. Прокопий знал хорошо кочевых гуннов Причерноморья с их ярко выраженной монголоидностью, которая ему, как и Аммиану Марцеллину и Иордану, представлялась верхом безобразия[84]. Поэтому его замечание особенно ценно, так как он подчеркивает этнические особенности, которые не могут не броситься в глаза. К VI веку вся степная полоса Азии уже была занята монголоидным элементом. Блондины — кыргызы и кипчаки — держались только в Саяно-Алтае и проникнуть оттуда незамеченными на Памир не могли никак, а зафиксированного передвижения не было. Значит, происхождение памирских блондинов надо искать в другое время и в другом месте — таковым окажется Северо-Западный Китай, где в горных пещерах обитали воинственные племена ди, голубоглазые блондины[85].

Однако всего сказанного недостаточно для того, чтобы установить, что эфталиты в узком значении были потомками пришлых байди, а не местным племенем. Этот необходимый корректив вносит синоним — белые хунны (*визант.*) и хуна (*инд.*). Это дает основание отождествить эфталитское ядро с голубоглазыми блондинами африди и искать их предков среди "рыжих дьяволов" Древнего Китая[86].

Теперь уже мы вправе сделать вывод.

Итак, горная область Памира и Гиндукуша была населена арийскими племенами индо-иранской группы. В конце VII века до н.э. к ним пришло светловолосое племя байди с границ Китая. За 800 лет оно акклиматизировалось и отчасти смешалось с туземцами. В Кушанское время, I—II вв., одна из ветвей этого племени, *хуа*, поселившаяся в долине Ефталь, получила новое имя: *йеда* (китайское), *эфталиты* (греческое), *хайталь* (арабское) от названия долины или от имени первого вождя. В конце IV века это уже организованное племя, а в начале V века государство с претензией на гегемонию во Внутренней Азии и Индии. Такое расширение происходит за счет объединения всех горных племен Памира и Гиндукуша, что связано с расширением понятия *эфталит*.

Дальнейшее возвышение их в V и гибель в VI веке выходят за хронологические рамки данной темы и составят предмет другого исследования. Фундаментом для него будет установление того факта, что эфталиты — это горцы, а отнюдь не степняки, что Согдиану они захватывали, следовательно, с юга и что пришлый компонент сросся с местным задолго до того, как возникла этнополитическая целостность, называемая ныне эфталиты[87].

Наконец последний вопрос: куда девались эфталиты, имевшие такое широкое распространение в V—VI веках? Среднеазиатские эф-

талиты подверглись тюркскому влиянию[88]; индийские вошли в состав раджпутов[89], а оставшиеся в горах сейчас считают себя афганцами. Как народ они перестали существовать после тюркского погрома 567 года.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 *Ghirshman R.* Les Chionites — Hephtalites. Le Caire, 1948. С. 82.
2 *Прокопий Кесарийский.* История войн римлян с персами / Перевод С.Дестуниса. СПб., 1876. I. С. 20—21.
3 См.: *Saint-Martin* V.de. Les Huns blancs ou Ephtalitiens des historiens bysantins. P., 1849.
4 *Deguignes.* Histoire générale des Huns, des Turcs, des Mogols et des autres Tartares Occidentaux. P., 1756. T. I. Ч. 2. С. 325—326.
5 *Бичурин Н.Я.* (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Л., 1950. Т. II. С. 266, 268. В дальнейшем цит.: *Иакинф.* Т., сл.
6 *Specht.* Etudes sur l'Asie Centrale d'après les historiens chinois // Journal Asiatique. Сер. 8. II. 1883. С. 349.
7 *Drouin.* Memoire sur les Huns Ephtalites dans leur rapports avec les rois perses Sassanides // Le Museon. 1895. T. XIV. С. 143, 153.
8 *Chavannes.* Documents sur les Tou-kiue (Turcs) Occidentaux // Сб. Трудов Орхонской экспедиции. Т. VI. СПб., 1903.
9 *Parker E.* A Thousand Years of the Tartars. Shanghai, 1895. С. 168.
10 Introduction a l'histoire des Mongoles de F.A.Rachid ed-Din. Leiden—London, 1910. С. 211.
11 *Толстов С.П.* Древний Хорезм. М., 1948.
12 Ср.: *Pelliot P.* L'origine de T'ou-kiue, nom chinois des Turcs. T'oung Pao, 1915. С. 688: "Эфталиты, коих нет никакого основания считать тюркским племенем...".
13 *Грумм-Гржимайло Г.Е.* Западная Монголия и Урянхайский край. Л., 1926. Т. II. С. 197—198.
14 *Руденко С.И.* Культура населения Горного Алтая в скифское время. Л., 1953. С. 66.
15 *Веселовский Н.* Несколько новых соображений по поводу "пересмотра" вопроса о происхождении гуннов // ЖМНП. 1882. Сент. С. 100.
16 *Толстов С.П.* По следам древнехорезмийской цивилизации. М.—Л., 1948.
17 *Marquart I.* Eranšahr nach der Geographie des Ps. Moses Xorenacii. B., 1901; *Marquart* und *de Groot.* Das Reich Zabul und der Gott Zun vom 6—9 Jh // Festschrift Sachau. B., 1915; Wehrot und Arang, 1938.
18 Сб. Трудов Орхонской экспедиции. Т. VI. СПб., 1903. С. 229—233.
19 *Nöldeke T.* Geschichte der Perser und Araber zur Zeit der Sassaniden. L., 1879. С. 99.
20 *Wesendonk O.G. von.* Kušan, Chioniten und Hephtaliten // Klio. Lpz., 1933. Heft 2—3. С. 336—346.
21 *Пигулевская Н.В.* Сирийские источники по истории народов СССР. М.—Л., 1941. С. 47—51.
22 *McGovern.* Early Empires of Central Asia. L., 1939. С. 399—420.
23 *Мандельштам А.М.* О сложении таджикской народности в среднеазиатском междуречье // СА. XX (1954). С. 59—62.
24 *Руденко С.И.* Предметы из остяцкого могильника возле Обдорска // Материалы по этнографии России. Т. II. Изд. этногр. отд. Русского Музея. СПб., 1914. С. 52.
25 *Junker Heinrich F.J.* Die hephtalischen Münzinschriften // Sitzungsberichte der preussischen Academie der Wissenschaften. T. XXVII. B., 1930. С. 641—661.

[26] См.: *Junker.* Указ. соч. С. 655.
[27] *Marquart.* Указ. соч. С. 88—89; *Ghirschman.* Указ. соч. С. 67.
[28] Полемику о чтении этого имени см.: *Прокопий Кессарийский.* История войн римлян с персами. Т. I. С. 31. Прим. 3.
[29] Записано мною со слов Алифбека Хийшалова, шугнанец, 44 лет.
[30] *Бернштам А.Н.* Очерк истории гуннов. Л., 1950. С. 184.
[31] *Дестунис Г.С.* Сказания Приска Панийского. Отрывок 35-й // Ученые записки второго отделения Имп. Академии наук. Кн. VII. Вып. 1. СПб., 1861. С. 98.
[32] *Иакинф.* Указ. соч. Т. II. С. 264.
[33] *Толстов С.П.* По следам древнехорезмийской цивилизации. С. 213.
[34] *Ghirschman.* Указ. соч. С. 79—80.
[35] *McGovern.* Указ. соч. С. 408.
[36] *Иакинф.* Указ. соч. С. 264.
[37] *Кабанов С.К.* // ВДИ, 1953. № 2. С. 201—207.
[38] Дата этой войны рассчитана так: Датань, воевавший с Юебанью, вступил на престол в 414 г., в 415-м он совершил набег на Китай, следовательно, был занят на востоке. Следующий поход на Китай имел место в 424 г. Значит, война с Юебанью падает на этот промежуток. Уточнение достигается привлечением нумизматики. В 417 г. была выпущена монета с именем Кидары, но С.К.Кабанов считает датой основания кидаритского царства 420 г. См.: *Иакинф.* Указ. соч. Т. I. С. 189; Т. II. С. 259; ВДИ, 1956. № 2. С. 172.
[39] *Марцеллин Аммиан.* История / Пер. Ю.Кулаковского и А.Сонина. Вып. 1. Киев, 1906. С. 129.
[40] *Marquart.* Указ. соч. С. 36.
[41] *Марцеллин Аммиан.* Указ. соч. С. 233.
[42] *Иакинф.* Указ. соч. Т. II. С. 260.
[43] *Enoki K.* The Origin of the White Huns or Hephtalites // East and West. 1955. № 3. С. 231—238.
[44] *Chavannes Ed.* Указ. соч. С. 231.
[45] Theophilacti Simocattae historiarum libri octo. Bonnae, 1834. VII. 7—9. Французский перевод Ed.Chavannes. С. 246—247.
[46] *Толстов.* Указ. соч. С. 218.
[47] Сказания Приска Панийского / Пер. Дестуниса. С. 87.
[48] *Тревер К.В.* Кушаны, хиониты, эфталиты по армянским источникам VI—VII вв. // Советская археология. Т. XXI. 1954. С. 133—135.
[49] *Khristensen.* L'Iran sous les Sassanides. Copenghague, 1936. С. 222.
[50] *Патканьян К.* Опыт истории династии Сасанидов. СПб., 1863. С. 9.
[51] *Патканьян.* Указ. соч. С. 28, 29.
[52] *Иакинф.* Т. I. С. 268.
[53] *Firdousi.* Le livre de Rois / Trad. Mohl. Т. VI. С. 312—315.
[54] *Nöldeke.* Указ. соч. С. 156; Ghirschman. Указ. соч. С. 94.
[55] *Иакинф.* Указ. соч. Т. II. С. 268.
[56] *Прокопий.* История войн римлян с персами. Т. I. С. 22.
[57] Сборник "Византийские историки". СПб., 1860. С. 374. Сообщение Менандра, безусловно, должно быть предпочтено сообщению Захарии Ритора (*Пигулевская.* Указ. соч. С. 165), который, перечисляя 13 народов, живущих в палатках, называет среди них эфталитов. Менандр получил эти сведения из первых рук, а Захария Ритор черпает материал из "Писания о народах вселенной" Птолемея Филометра, составленного "за 150 лет до рождения нашего Спасителя" (там же), которое он пополняет. Однако сведения Захарии недостоверны. Например, он пишет, что Гуразн (Грузия), "земля в Армении с языком, подобным греческому", и передает легенду об амазонках и людях-псах. Очевидно, его сведения восходят к раннему источнику, а послед-

ний не мог ничего сообщить об эфталитах, но мог содержать сведения о юэчжи, которые и были, видимо, отождествлены Захарией с известными ему эфталитами. Юэчжи действительно не оставляли кочевого быта (см.: *Иакинф.* Указ. соч. Т. II. С. 257 и *Пигулевская.* Указ. соч. С. 11).

58 *Иакинф.* Указ. соч. Т. II. С. 269.

59 *Прокопий.* Указ. соч. I. С. 24.

60 Там же. I. С. 24—25.

61 *McGovern.* Указ. соч. С. 406—407.

62 *Иностранцев К.А.* Венец индо-скифского царя, тюрбан индийцев в античном искусстве и женский головной убор Кафиристана // Изв. ИАН. СПб., 1909.

63 *Иностранцев.* Указ. соч. С. 138.

64 Ta'rikh Nama-i Harat / Персидский текст. Calcutta, 1944. С. 30—31.

65 *Бурхан-уд-Дин-хан-и-Кушкеки.* Каттаган и Бадахшан. Ташкент, 1926 / Пер. с перс. П.П.Введенского под редакцией А.А.Семенова. С. 108 и сл.; *Ghirschman.* Указ. соч. С. 99. Прим. 5 и 104.

66 Эта подробность записана мною со слов Алифбека Хийшалова. Река Ефталь впадает в реку Кокиа справа (*Бурхан-уд-Дин...* Указ. соч. С. 108.

67 *Бурхан-уд-Дин...* Указ. соч. С. 108.

68 *Longworth M.* Dames. Afganistan // Encyclopedie de l'Islam. 1913. С. 152.

69 В Средние века в Бадахшане голубые глаза считались признаком красоты. Поэт Саади Бадахшанский пишет: "Не черни голубые глаза, они и так хороши". Известно, что черноглазые народы считают голубые глаза уродством. Значит, на Памире было так много голубоглазых, что это было нормой, а не исключением.

70 Записано мною со слов Алифбека Хийшалова.

71 *Грумм-Гржимайло.* Указ. соч. С. 31—35.

72 Эти взгляды разобраны автором в статье "Динлинская проблема" / Доклад на заседании Гос. Музея этнографии, июнь 1956 г. См.: Известия ВГО. 1959. № 1.

73 *Грумм-Гржимайло.* Указ. соч. С. 18. Здесь же приведена литература.

74 *Малов С.Е.* Отчет о путешествии к уйгурам и саларам // Изв. Русск. Комитета для изучения Средней и Восточной Азии. Сер. II. № 1. С. 96—97.

75 *Грумм-Гржимайло.* Указ. соч. С. 15; *Иакинф.* Статистическое описание Китайской империи. Т. II. С. 74—75.

76 Сычуань Ханьдай хуасен цюань-цзи / Составитель Вэнь Ю. Шанхай, 1955. Табл. 1 (на китайском языке).

77 *Longworth M.* Dames. Afridis // Encyclopedie de l'Islam. Т. I. 1913. С. 179.

78 *Геродот.* История в девяти книгах / Пер. Ф.Мищенка. М., 1888. Т. I. С. 268.

79 *Longworth.* Dames. Afridis.

80 *Barthold V.* Badakhshan // Encyclopedie de l'Islam. Т. I. 1913. С. 563—564.

81 *Бартольд.* Туркестан... Т. I. С. 91. Текст восходит к древнему, так как рядом упомянут Болюр, княжество, уничтоженное в VIII веке (см.: *Иакинф.* Указ. соч. Т. II. С. 319—320).

82 *Иакинф.* Указ. соч. Т. I. С. 43.

83 *Прокопий.* История войн римлян с персами. Т. I. С. 22.

84 *Марцеллин Аммиан.* История / Пер. Ю.А.Кулаковского. Т. III. С. 237.

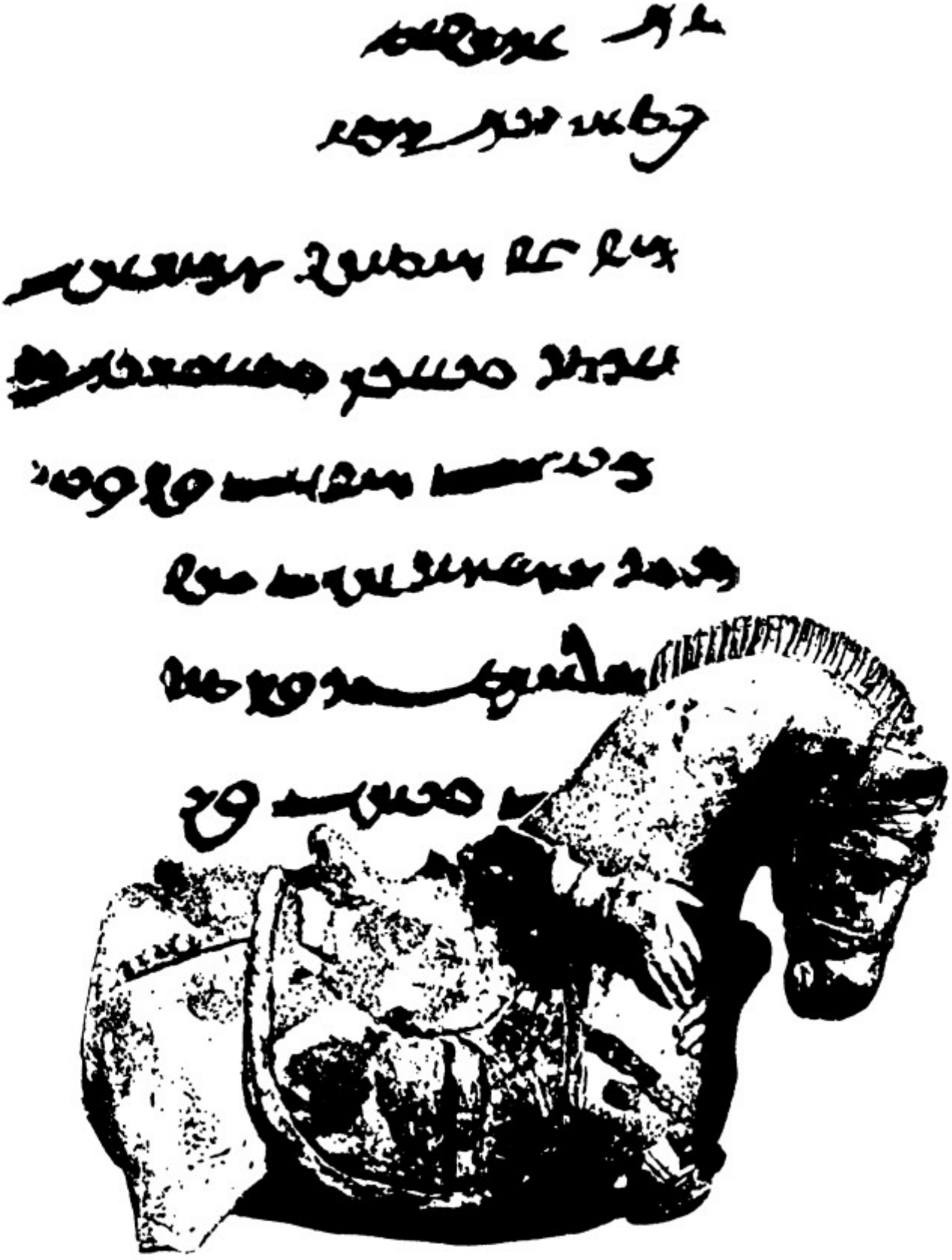
85 *McGovern.* Указ. соч. С. 100, 432.

86 *Гумилев Л.Н.* Становление хуннов // Сб. Трудов Отдела истории первобытной культуры Гос. Эрмитажа.

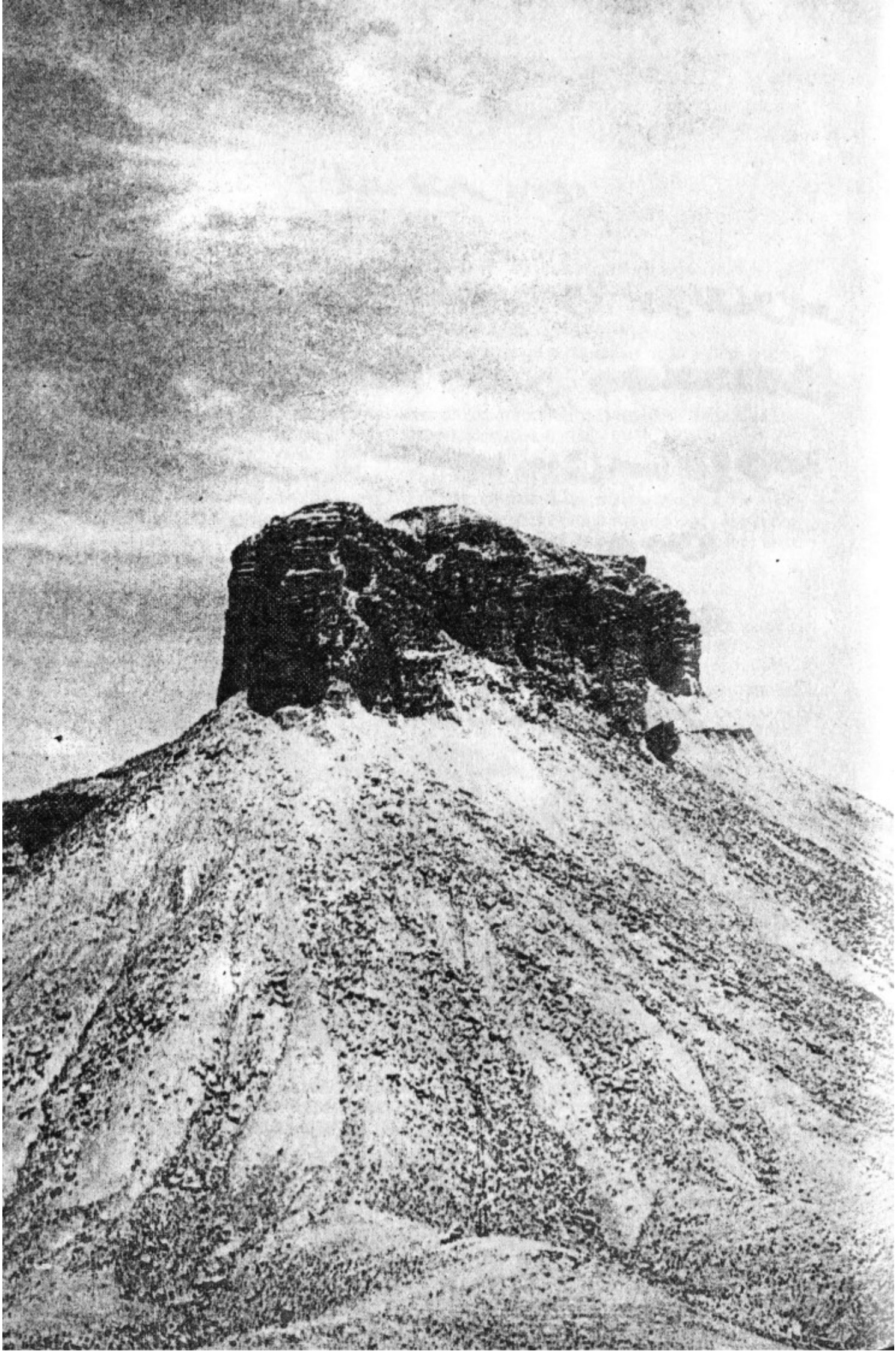
87 Считаю своим долгом отметить, что к сходному выводу пришел японский ученый Enoki; его работа стала мне известна после завершения данной статьи и доклада, прочитанного в ОЗВ Гос. Эрмитажа.

88 Советская археология. Т. XX. 1954. С. 62.

89 *Баннерджи* и Синха. История Индии. М., 1954. С. 94—95.



БАХРАМ ЧУБИНА



Война 589 г. и Гератская битва

В средневековой истории Средней Азии есть еще много неисследованных страниц. Одной из них являются события 589 г., непосредственно предшествовавшие восстанию Бахрама Чубина и тем самым отразившиеся на истории не только самой Средней Азии и Ирана, но даже Византии.

Мусульманские и христианские источники глухо говорят о большом сражении, в котором Бахрам Чубин одержал верх над царем китайских тюрок Савэ.

Вивьен де Сен-Мартен[1], а за ним Шаванн[2] и Маркварт[3] считали это событие пограничной стычкой между персами и кушанскими князьями. Шаг вперед сделал С.П.Толстов[4], показавший, что врагами персов были действительно тюрки. Продолжая его исследование, мне удалось установить, что Савэ — это удельный князь великого каганата, известный китайским хронистам под именем Янсу-тегина[5]. Но этим вопрос не исчерпывается. Все указанные авторы основывались либо на данных византийских источников, либо на арабской версии Табари.

Древняя персидская версия, отраженная у Мирхонда весьма кратко и более подробно у ранних авторов, до сих пор не подвергалась критическому разбору и сравнению, а именно она сохранила и донесла до нас целый ряд чрезвычайно ценных и интересных подробностей, именно у персидских авторов герои событий кажутся не бесплотными, а живыми, страстными и сильными людьми, в которых чувство долга переплетается с безудержным авантюризмом, а храбрость и благородство — с кровожадностью и жестокостью. Уже по од-

ному этому персидская традиция заслуживает внимания, но, помимо того, подробности дают нам возможность более глубокой проверки сообщаемых нам фактов, благодаря которой становится возможным уничтожить еще один пробел и восстановить ход событий, их причины и последствия.

Внимательное изучение этих событий поможет сделать новый шаг к увязке истории Дальнего и Ближнего Востока, и это оправдывает сугубое внимание к ним на общем фоне истории Первого Тюркского каганата.

ДАННЫЕ ИСТОЧНИКОВ

О битве под Гератом 589 г. мы имеем в источниках всего восемь упоминаний. Три принадлежат христианским авторам:

1) Феофилакт Симокатта сообщает, что около 590 г. персы разбили турок (т.е. тюркютов[6]) на востоке и персидским военачальником был Бахрам, позднее взбунтовавшийся против шаха Хормизда[7];

2) в анонимной сирийской хронике 1234 г. рассказывается, что когда персы ослепили своего царя Хормизда, то главнокомандующий восточными войсками возвращался с великой победой и, узнав о свержении шаха, поднял восстание; имя его было Бахрам[8];

3) Себеос пишет[9], что "некто Мерхевандин (Бахрам Чубин), князь восточных стран Персии, храбро поражал войска хуттальского царя и твердою рукою держал Балх и всю землю кушанскую по другую сторону великой реки, называемой Вехрот[10], до места, называемого Казбион... Тогда Бахрам вел войну с великим маскутским царем, который жил в странах по ту сторону великой реки, разбил войско его, а царя убил в битве, схватил и похитил сокровища его царства...".

Несколько более подробное упоминание содержится в истории Грузии[11]. "Тогда император велел передать царю Грузии Гуараму значительные суммы денег, чтобы этот последний привлек войска северных народов и направил их на Персию. Гуарам так и сделал. Созвав осов, дзурдзуков и дидойцев, он дал им в начальники грузинских эриставов, и эти народы вошли в Азербайджан, который они принялись опустошать. Таково было печальное положение персов, отвлеченных другими заботами, когда появился в их стране человек, по имени Бахрам Чубин, который дал битву тюркам, вторгшимся в Персию, о чем подробно рассказано в персидской истории. Он убил царя тюрок и обратил его армию в бегство; а что касается греческих войск, проникших на персидскую территорию, то они отступили и вернулись в Грецию. Остатки людей, посланных Гуарамом, также отступили и разо-

шлись по домам, так как, видя, что персы освободились от тюрок, они опасались, так же как и грузины, подвергнуться нападению (персов)".

Все эти упоминания позволяют констатировать факт большой войны в Средней Азии, закончившейся победой Ирана, но не больше. Мусульманские авторы дают значительно более обильный материал. Классифицируя его, мы можем выделить две версии: малоосведомленную, представленную арабским текстом Табари[12], и хорошо осведомленную:

1) таджикский перевод хроники Табари[13];

2) Саалиби — "История персидских царей", на арабском языке[14];

3) соответствующие отрывки из "Шах-наме" Абу-ль-Касима Фирдоуси[15];

4) компиляция Мирхонда[16], значительно более краткая, чем предыдущие сочинения, но отнюдь с ними не расходящаяся;

5) еще более краткий рассказ содержится в "Муджмаль ат-Таварих в-аль Кысас", анонимном сочинении 1126 г.[17]; он ничего не добавляет к уже имеющимся сведениям.

Все эти сочинения весьма похоже передают ход событий; различия в них несущественны и объясняются, как можно думать, не столько различной осведомленностью, сколько различной заинтересованностью и личными особенностями авторов.

Особенно ценно то, что историк XV века Мирхонд, имевший огромное количество самых разнообразных рукописей и составлявший свой огромный труд со всей серьезностью, считает возможным повторить версию, дошедшую до нас в таджикском изводе Табари и "Шахнаме" Фирдоуси. Очевидно, он считал это повествование наиболее достоверным.

Сравнение версии четырех перечисленных авторов, которую можно назвать "персидской", с "арабской" версией Табари показывает, что, хотя Табари черпал сведения из устных рассказов и имел их меньше, чем персидская версия, ход событий им передается довольно точно. Персидский переводчик Табари прямо мотивирует свое отступление от подлинника тем, что "Мохаммед бен-Джарир не дал историю Бахрама Чубина целиком. Я же нашел ее более полной в книге по истории Персии. Я излагаю согласно этой книге"[18]. По-видимому, здесь имеется в виду "Хвадай-Намак" Данишвара — сочинение, составленное в 632—651 гг.[19] и до нас не дошедшее.

Осведомленность Данишвара не вызывает сомнений, и поэтому первой нашей целью будет возможное приближение к его изложению. Достигнуто оно может быть сравнительным анализом таджикского извода Табари, "Шах-наме" Фирдоуси[20] и "Истории персидских царей" Саалиби, т.е. авторов, по-разному перелагавших Данишвара.

Сочинения Табари и Мирхонда являются для нас прекрасным коррективом, но, так как они недостаточно подробны, в основание изложения мы их не кладем.

Однако ограничивать критику источника сравнением недостаточно. Сам Данишвар нуждается в проверке. Факты, полученные нами, должны найти подтверждение в географии, исторической этнографии и исторической обстановке конца VI века. Только тогда можно будет признать, что наука получила новый факт вместо туманной легенды.

АНТИПЕРСИДСКАЯ КОАЛИЦИЯ

Изложение исследуемых нами авторов содержит три эпизода: 1) положение в Иране перед началом войны летом 589 г.; 2) поход Бахрама Чубина на восток и собственно битва под стенами Герата и 3) дальнейший поход Бахрама, закончившийся полной капитуляцией тюркютов.

Разберем их в том же порядке.

Летом 589 г. положение в Иране было весьма напряженным. На западной границе шла нескончаемая война с Византией, и, несмотря на частичные успехи персов, которым незадолго перед этим удалось овладеть Мартирополем, дела их ухудшились вследствие поражения под Сисавраном, близ Низибии. Византийцы осадили Мартирополь и разрушили Окбу, крепость на берегу реки Нимфия, к востоку от Мартирополя[21].

Одновременно из пустыни выступили два арабских шейха: Аббас Кривой и Амр Голубоглазый[22]. Они разграбили страну вплоть до берега Евфрата и, что особенно тяжело ударило по персам, уничтожили таможни, на которых собиралась пошлина с проходивших караванов[23].

Одновременно "по хазарской дороге"[24], т.е. через Дербентский проход, вторглись в Армению и Азербайджан тюрко-хазарские войска, и с востока выступил Савэ-шах, глава "тюрок Китая"[25], дядя иранского шаха Хормизда[26].

Решить вопрос, было ли это наступление согласованным, на основании имеющихся источников представляется возможным. Арабы двинулись в набег, очевидно, если не по подстрекательству, то по попустительству Византии[27]. Хазары в это время были подданными тюркютского хана и производили диверсию, несомненно, с его ведома. Но была ли договоренность между Византией и тюркютским ханом? На этот вопрос нам утвердительно отвечают грузинские летописи.

Мы знаем, что с 576 г. дипломатические отношения между Византией и Тюркютским каганатом были прерваны[28] и до 582 г. между этими государствами шла война. До сих пор считалось, что новый союз был заключен лишь в 598 г.[29] Но, оказывается, координация действий византийцев и тюркютов достигнута уже в 589 г. при посредстве грузинского царя Гуарама, ставленника Византии[30]. Заключив этот союз, "враги окружили Персию, как тетива концы лука"[31]. Внутри Ирана было также неблагополучно. Хормизд большую часть своего царствования вел борьбу с аристократией, широко применял казни; число казненных достигло огромной цифры — 13 тысяч человек[32]. Так как аристократия представляла в Иране военное сословие и командный состав армии комплектовался из родственников казненных, то понятно, что активность армии весьма ослабела и границы государства оказались значительно хуже охраняемыми[33]. Чрезвычайно знаменательную картину рисует Фирдоуси, описывая совет, на котором Хормизд изложил бедственность положения. Марзбаны, склонившись, сказали: "Мы все не стоим одного мобеда, а ты убил мобедов и писцов и отошел от закона и веры"[34]. И действительно, уцелевший мобед дает нужные советы. Он рекомендовал немедленно заключить мир с Византией, уступив опорные области, отступление арабов купить посылкой им продовольствия[35]. Хазары, обремененные добычей, побегут перед персами из страха потерять награбленное[36]. Единственная опасность — это Савэ-шах; "когда тюрк приходит из-за Джейхуна, то не следует медлить"[37]. Совет был приведен в исполнение и якобы дал блестящий результат. Византийцы удовлетворились уступками, арабы, получив продовольствие и деньги, вернулись в пустыню, а хазарские шайки в панике бежали перед персами[38]. Сомнение вызывает только одно обстоятельство: византийские историки не отмечают мира 589 г. и уступок, сделанных персами. Феофилакт Симокатта сообщает версию еще более невероятную, согласно которой Бахрам в сентябре 589 г. был разбит греками на берегах Аракса. Этот вопрос будет разобран ниже.

Главные силы персов были двинуты на восток против тюрок Савэшаха. Во главе их был поставлен Бахрам Чубин. Согласно персидской традиции, войско Бахрама состояло всего лишь из 12 000 человек, но это были ветераны, в возрасте от сорока до пятидесяти лет[39]. Арабская версия, наряду с этой цифрой, дает другую — 70 000 человек, отправленных на восток[40]. Кажущееся противоречие отпадает, если учесть, что еще до наступления Бахрама в Хорасане действовала персидская армия, но она была обращена в бегство тюркютами, захватившими Хорасан, Талекан и территорию Герата и Бадгиса[41]. Бахрам, назначенный главнокомандующим всех сил восточной границы, привел с со-

бой подкрепление, которое по качеству весьма превосходило обычный уровень персидских войск. Также легко объяснимо, почему Бахрам предпочел пожилых людей молодым. Основной силой того времени были стрелки из лука. Перестрелка, а не рукопашная схватка решала судьбу сражения. Персидские стрелки в VI веке уже достигли вершин мастерства и тетиву притягивали не к груди, а к уху[42]. Стрела летела на 700 м и при наличии хороших, закаленных наконечников имела высокие пробивные качества. Необходимо также учесть, что панцири тюркютов делались из низкосортного алтайского железа, содержавшего большой процент серы, тогда как на Ближнем Востоке уже выплавлялись высокосортные стали и стрелы пробивали панцири[43]. Поэтому вполне понятно желание Бахрама укомплектовать свою армию искусными стрелками, а так как стрельба из лука требует долголетней практики, то таковыми могли быть только вполне взрослые и закаленные люди. Дальнейшее покажет, что Бахрам был прав и что его ветераны оправдали себя.

МЕСТО БИТВЫ

Армия Савэ, согласно Табари, достигала 300 000 человек[44], а согласно Фирдоуси — 400 000[45]. При этом на вооружении тюркютов состояли военные слоны[46] и львы[47], т.е. дрессированные гепарды. После первой победы тюркюты, развивая успех, быстро двигались на запад, преследуя отступающую персидскую армию. Насущной задачей персов было удержать в своих руках Балх до тех пор, пока не вступят в дело войска Бахрама. Хормизд применил прием, действовавший против простодушных тюркютов безошибочно, — дезинформацию. Он направил к Савэ одного из своих придворных, Хуррада Бурзина[48], "человека, полного хитрости, притворства и обмана"[49]. Хуррад, прибыв к Савэ, начал переговоры о мире и был столь уступчив, что вошел в доверие к Савэ. Хурраду удалось уговорить Савэ изменить направление наступления и увести его в Гератскую долину[50]. Тем временем Бахрам форсированными переходами шел на восток. Вместо обычной дороги на Балх он прошел кружным путем, через Кухистан[51], и оказался в тылу у тюркютов. Савэ шел на Герат с северо-запада, по единственной существующей там дороге, по течению Герируда.

Для понимания обстановки необходимо учесть, что Герат расположен в широкой долине, с севера и с юга замкнутой горами; с севера — горы Занджир-гох, с юга — Искальджа, или Аман-кух; на востоке горы смыкаются, зажимая Герируд в узкое ущелье, на северо-западе проход, называемый Бароpон, несколько шире, настолько, что через

него возможно движение конницы, но тем не менее это дефиле длиной в 1 фарсах=8 км. Долина на север от Герируда до гор Занджир-гох имеет 12 км ширины. Река Герируд неглубока и в осеннее время местами переходима вброд, но по большей части непроходима вследствие быстрого течения. Она отрезает второй выход из Гератской долины — через невысокий перевал на юго-запад[52].

Тюркюты, пройдя через проход Бароron, оказались в степи Баулигох, между рекой и северной цепью гор, имея в тылу узкое дефиле, а перед собой армию Бахрама, что явилось для них полной неожиданностью[53]. Несомненно, что под Гератом стояла не вся армия тюркютов; узкий проход не мог пропустить 300 000 человек, да к тому же, как выясняется из хода битвы, фланги персов охватили тюркютскую армию. Очевидно, Савэ имел при себе небольшие силы, рассчитывая иметь противником только гарнизон Герата. Положение тюркютов оказалось крайне затруднительным. Хуррад Бурзин, выполнив свою задачу, ночью пробрался через цепь тюркютских дозоров и, "чтобы не приблизился к нему день страшного суда"[54], убежал к Бахраму.

ВРЕМЯ БИТВЫ

Выяснив географические проблемы, мы теперь можем уточнить и хронологию события. Война началась на одиннадцатом году царствования Хормизда, т.е. после 30 июня 589 г. 15 февраля 590 г. Хормизд был отрешен от власти[55]. Значит, время битвы падает на осень 589 г., что подтверждается еще тем, что в тюрко-персидских переговорах все время фигурирует вопрос о фураже в качестве одного из главных требований Савэ[56]. Очевидно, подножного корма не было, что соответствует осени, когда трава уже выжжена солнцем.

Это соображение находит себе подтверждение у Фирдоуси, который сообщает, что в день битвы солнце стояло в "доме льва"[57], что соответствует 22 июля—21 августа. Таким образом, сообщение Феофилакта Симокатты о том, что Бахрам Чубин в сентябре того же года оказался на берегах Аракса и потерпел там поражение от византийского полководца Романа, представляется невероятным. Симокатта просто не представлял себе расстояние от Бухары, где месяца полтора после битвы закончил войну Бахрам Чубин, до берегов Аракса, где Роман действительно столкнулся с персидским полководцем по имени Бахрам. Но Бахрам — имя в сасанидском Иране распространенное, и, кроме того, при дворе Хормизда вельможа с таким именем известен. После восстания Бахрама Чубина этот Бахрам был послан сменить его в командовании, но был схвачен повстанцами и брошен под ноги слону[58].

Это несомненно, если внимательно проследить ход азербайджанской кампании. Она началась 5 мая 589 г.[59] вторжением хазар, т.е. западных тюркютов, через Дербентский проход, но шайки их, увлекшиеся грабежом, были разбиты персидскими регулярными войсками не позже июля 589 г.[60] На место их летом явились кавказские племена — осы, дзурдзуки и дидойцы — под предводительством грузинского Багратида, Гуарама Куропалата[61], и византийский отряд Романа и продолжали разорять страну[62]. Гуарам, узнав о победе Бахрама, счел за благо вернуться домой, покинув греков на произвол судьбы. Роман оказался окруженным персами, но пробился, попутно разбив один из персидских отрядов на берегу Аракса. Это, очевидно, дало повод говорить о громкой победе, а сходство имен ввело в заблуждение Феофилакта Симокатту.

К сожалению, эта ошибка, не выправленная своевременно, воспроизводится во многих исторических сочинениях, как, например, у Лебо, Кристенсена, Крымского и Хиггинса; только Н.В.Пигулевская избежала ее.

Хиггинс, диссертация которого посвящена специально хронологии ирано-византийской войны, проявил некритическое отношение к источникам, попытавшись совместить версии Симокатты и восточных авторов; для этого ему пришлось перенести поход Бахрама Чубина на 588 г., что полностью искажает ход событий, нарушает связь между ними и противоречит всем источникам, кроме Симокатты[63]. Я специально оговариваю это, так как точное описание событий 589 г. важно для понимания не только тюркютской, но, в еще большей степени, иранской истории.

Уяснив это, вернемся к изложению хода событий.

Савэ, выяснив, что перед ним новая и свежая персидская армия, понял, что попал в ловушку. Его войска, а главное кони, были истощены длинным походом по выжженным солнцем сопкам Хорасана; позиция оказалась "узкой и неудобной"[64], не допускающей возможности маневрирования, тогда как позади Бахрама стоял Герат, важный не только как крепость, но и как источник снабжения. Левый фланг персидского войска опирался на реку, правый — на горную цепь. Отступить на виду у вражеской армии через узкий проход было бы безумием, так как персы моментально смяли бы тюркютов. Савэ сделал попытку договориться с Бахрамом. Он предложил ему деньги, свою дочь в жены, первое место при себе и, наконец, корону Ирана, но Бахрам отверг все предложения[65]. Оставалось сражаться. По Фирдоуси, иранцы единогласно одобрили решение Бахрама[66].

Только Хуррад Бурзин и писец Бузург-Дебир высказались за заключение мира, но Бахрам приказал им замолчать и расположил свое войско для боя[67]. В переговорах прошло два дня.

БОЙ

О диспозиции персидской армии мы находим данные у Саалиби[68]. Бахрам поставил пехоту в первую линию, сзади ее слонов (?!), на флангах — отборные части. Кроме того, из наиболее надежных воинов был составлен заградительный отряд, имевший задачу не допускать бегства своих собственных бойцов[69]. Эта диспозиция как нельзя более соответствует принципам персидской военной теории[70].

В своей речи перед войском Бахрам сказал, что каждый должен выполнить свой долг, так как в случае бегства ни один не уйдет от меча неприятеля и не вернется к своей семье[71], и битва началась.

Самые приготовления тюркютов к решительной битве и выказанная ими готовность к борьбе на смерть произвели на иранцев столь сильное впечатление, что в их первых рядах чуть было не возникла паника; лишь своевременное вмешательство самого Бахрама, ободрившего своих соратников, предотвратило полное поражение[72].

Видя неуспех психического воздействия, Савэ бросил на иранцев свою кавалерию, которая потеснила их левый фланг, но на правом фланге и в центре была отбита.

Однако ярость тюркютов была такова, что Бахрам стал думать о бегстве. Но Гератская долина была ловушкой не только для тюркютов, но и для персов. Горы загораживали пути бегства, и Бахраму не оставалось ничего другого, как продолжать бой. Саалиби считает попытку к бегству военной хитростью Бахрама[73], но Фирдоуси верит в его искренность.

Бесплодность кавалерийской атаки побудила Савэ ввести в бой слонов, на что Бахрам ответил контратакой, использовав для этого все резервы, до сих пор тщательно сохраняемые. И тут-то сказались блестящие качества персидских лучников. Их стрелы вонзались в уязвимые места слонов, в хоботы и глаза. Наряду с простыми стрелами в слонов летели стрелы огненные[74], т.е. обмотанные паклей и подожженные. Взбесившиеся от боли слоны потоптали собственное войско. Спасаясь от слонов, тюркюты нарушили строй и не смогли оказать должного сопротивления персам, бросившимся сражаться врукопашную.

Савэ попытался бежать, но был настигнут и застрелен самим Бахрамом[75]. После гибели вождя бегство тюркютов стало паническим. Они пытались бежать через ущелье Бароpон, но узкий и длинный проход не мог пропустить сразу много народу. У устья его получилась давка, и персы беспрепятственно истребляли потерявших голову врагов. Спасся один тюркют из десяти[76]. Потери персов были не столь велики. Ночь персы провели на месте, собирая добычу. Так закончилась Гератская битва.

АНАЛИЗ И КРИТИКА ИСТОЧНИКОВ

Продолжая анализ Гератской битвы, следует обратиться к сасанидской военной теории, чтобы разобрать, насколько соответствует ей практика в исследуемом событии.

Материал по сасанидской военной теории дошел до нас в арабских переводах отрывков "Аин-наме", т.е. "Книги установлений", переведенных и комментированных К. А. Иностранцевым. Там дается ряд правил боя, из коих некоторые поясняют мотивы распоряжений и действий Бахрама.

1. "Установлено, — читаем мы в тексте "Аин-наме", — чтобы впереди сражались всадники, и не соблюдается это при обоюдном наступлении или боковом движении"[77]. Как мы видели, Бахрам поставил на первую линию пехоту, а бой решил контратакой, т.е. поступил согласно изложенному правилу.

2. "И когда большая часть воинов войска (люди) испытанные, разумные и храбрые, то самое лучшее для войска, чтобы враг первым напал на него"[78]. Это правило было также соблюдено Бахрамом.

3. "И нужно для лагеря и строевых расположений войск завладеть местностью закрытой, лесной и снабженной водой; врагу же пусть будут предоставлены равнина и низина"[79]. Бахрам выбрал позицию согласно этому правилу. Его правый фланг упирался в горы Занджир-гох, левый — в реку Герируд, и в тылу у него был город с садами и возделанными полями; тюркюты же были вынуждены довольствоваться степной и пустынной частью долины.

4. "И не следует войску сражаться с врагом, если число его не превышает в четыре или три раза числа врагов; если же враг нападает на него, то оно может сражаться, если превышает число врагов приблизительно в полтора раза; если же враг вторгается в страну, то могут сражаться и будучи в меньшем числе"[80].

Численность тюркютской армии, определяемая Табари в 300 000 человек и Фирдоуси — в 400 000 человек, несомненно, преувеличена, не говоря уже о том, что вся мобилизационная возможность тюркютов исчислялась китайцами в 400 000 человек[81], а под Гератом стоял лишь удельный князь, и далеко не самый сильный.

Помимо этого, топография Гератской долины позволяет нам подсчитать возможный максимум тюркютских воинов. Поле сражения — равнина Баули-гох — имеет в ширину 12 км[82]. Кавалеристы, чтобы быть в состоянии сражаться, должны иметь интервалы (между собой) около 20 м. Следовательно, в одну линию не могло войти больше 2000 воинов. Глубина строя кочевников также известна — 10 боевых линий, т.е. тюркютов под Гератом не могло быть больше, чем 20 000 че-

ловек. Если же учесть, что долина к западу сужается и что в центре тюркютской армии стояли слоны, то и это число надо значительно уменьшить. Надо полагать, что персы и тюркюты под Гератом были приблизительно в равном числе.

В "Уюн-ал-ахбар" сообщается персидская поговорка, которая рекомендует по возможности откладывать битву, в случае же невозможности избежать ее сражаться в конце дня[83]. Хотя Гератская битва началась рано утром, Бахрам всеми силами затягивал ее. Решительная контратака произошла, очевидно, вечером, так как, описывая ее, Фирдоуси пишет: "Звезды потемнели от стрел"[84]. Другой текст Фирдоуси — распоряжение Бахрама о порядке и последовательности контратаки — также находит подтверждение и объяснение. Бахрам скомандовал: "Стрелами с кровожадными тройными остриями стреляйте в хоботы слонов, после берите палицы и идите в бой убивать врагов"[85].

Сасанидский конный воин имел в колчане запас из тридцати стрел; когда "лук делался подобным весенней туче"[86], то стрел надолго хватить не могло и надо было переходить в рукопашную схватку, как и произошло на самом деле.

Не вызывает сомнения и упомянутое Табари огнеметание, испугавшее слонов, т.е. метание нефти и "огней", также зафиксированное для сасанидской военной техники[87].

Итак, мы видим, что и с этой точки зрения рассказ о Гератской битве заслуживает доверия.

Значительно менее правдоподобно выглядят сведения о военных приемах тюркютов. На вооружении их состоят львы и слоны. Это с первого взгляда похоже на сказку, но пристальное изучение приводит нас к обратному заключению. Как я уже указывал выше, львы — это, по всей вероятности, тренированные гепарды, широко применявшиеся в Иране и Средней Азии для охоты. Нет ничего странного в том, что Савэ в минуту смертельной опасности попробовал натравить их на врага, но, разумеется, безрезультатно.

Еще более странным кажется наличие слонов, так как эти животные могли быть получены только из Индии. Но из истории Тюркютского каганата мы узнаем, что тюркютам одно время подчинялась Гибинь — княжество, расположенное на южном склоне Гиндукуша[88]. Китайские хроники перечисляют животных, водящихся в Гибини: зебу, буйволы, слоны, крупные собаки, обезьяны, мартышки, павлины[89]. Помимо этого, нам известно, что сын и наследник Савэ носил титул Иль-тегин[90] и что при нем в Бухару проник буддизм[91], а в Гандхаре и Кашмире китайский путешественник У-Кон видел храмы, сооруженные тюркскими князьями и ханшами, и среди них храм Или-

тегина, сына тюркского царя. Согласно Нёльдеке[92] и Шаванну[93], этот Иль-тегин не кто иной, как сын Савэ, известный мусульманским историкам под именем Пармуда. Зафиксировав, таким образом, культурное взаимодействие тюркютов и Индии, можно отнестись с доверием к рассказу о наличии слонов на вооружении тюркютской армии.

ПРИЧИНЫ ВОЙНЫ 589 г.

Переходя к вопросу о причине войны 589 г., следует обратить сугубое внимание на предшествующие события, и, прежде чем поставить вопрос, кто истинный виновник, надо выяснить, кому она была выгодна.

Первая война между Ираном и Тюркютским каганатом в 568/569 г. явилась следствием неудачи посольства Маниаха, который сумел убедить Истеми-хана изменить персидскую ориентацию на византийскую. Но при Хосрое Ануширване Иран был так могуч, что тюркюты не пошли на решительную агрессию.

В 587 г. наследники идей Маниаха, пайкендские дехканы и купцы, руками западнотюркского царевича Шири-Кишвара (Янсу-тегин китайских хроник и Савэ — "Шах-наме") установили в Пайкенде свою диктатуру; они стали его "ближними людьми, а бедные люди стали их слугами"[94].

В это время в Иране террор против аристократии и изнурительная война с Византией значительно ослабили позиции сасанидского дома, и пайкендские купцы сочли момент благоприятным для того, чтобы осуществить свою заветную идею — освободить торговлю от иранских таможен и стеснений. Попытки обойтись без Ирана, делавшиеся в конце 60-х годов VI века, оказались безрезультатными, так как путь вокруг Каспийского моря не только намного длиннее, но к тому же проходит по бесплодным степям. К тому же Пайкенд оказался бы в стороне от этого пути, что отнюдь не устраивало пайкендских купцов, и мы видим, что через полтора года после прекращения внутритюркютской распри в Средней Азии Савэ выступает войной на Иран.

Сочиненный в Константинополе[95] план кампании был тщательно продуман: хазарская и арабская диверсии должны были отвлечь персидскую армию на Кавказ и в Месопотамию, а главные силы Савэ нанести смертельный удар, но хитрость Хуррада Бурзина и мужество Бахрама Чубина сорвали этот план. Такое решение проблемы подсказывает изучение хода событий; наши источники содержат подтверждение этого решения.

Согласно Табари, Савэ послал сказать Хормизду: "Исправьте мосты на ручьях и реках, чтобы я мог по ним войти в вашу страну, и постройте мосты на реках, которые их не имеют. То же самое сделайте с реками и ручьями, через которые ведет моя дорога из вашей страны к румийцам, так как я намереваюсь через вашу страну туда пройти"[96]. Фирдоуси повторяет это послание почти буквально[97] и сообщает, что Хормизд, получив это письмо, скорежился от отчаяния и ужаса[98]. И было от чего. Лишенная контроля над караванной торговлей, Персия превратилась бы в третьестепенное княжество. Разумеется, в Ктезифоне не могло быть речи об уступках, и Савэ, очевидно, знал это, так как ни из чего не видно, чтобы он надеялся на мир без решительной победы. Но даже запертый в Гератской ловушке, из последних сил пытаясь договориться с Бахрамом, он предлагает тому иранскую корону, с тем чтобы Бахрам взамен уступил ему дорогу в Рум[99].

Тридцать пять лет спустя тюркюты в союзе с Византией снова попытались опрокинуть иранский барьер между Востоком и Западом, но эти события будут исследованы особо, пока вернемся к рассмотрению последствий Гератской битвы.

КОНЕЦ ВОЙНЫ

После битвы Бахрам на целый месяц задержался в Герате, распределяя добычу между шахиншахом и своими воинами[100]. За это время сын Савэ, Пармуда[101], собрал остатки разбитых войск своего отца и попытался организовать сопротивление. Он применил кочевническую тактику внезапного набега и ночного нападения. Однажды ему чуть было не удалось захватить самого Бахрама[102], но остановить наступление регулярной армии партизанскими действиями было невозможно, и персы перешли Джейхун. В ночной битве тюркюты были снова разбиты, и Пармуда заперся в замке города Пайкенда[103]. Осажденный Бахрамом, он вынужден был сдаться, но выговорил себе жизнь и отправку к Хормизду, который был его родственником по матери. Хормизд принял его с почестями и по заключении мира отпустил с почетом[104]. Тюркютский царевич вернулся в свою страну и спокойно управлял своим уделом до самой смерти в 603 г. В китайских хрониках он известен под именем Нили-хана[105].

Так закончилась война 589 г.

Иран был на краю гибели, но победа под Гератом отдалила ее на полстолетия. Двадцать лет тюркюты не решались нарушать границы Ирана, и история этих двух соседних стран текла раздельно. Восстание Бахрама Чубина всецело относится к истории Ирана, но после

поражения Бахрам бежал к своим недавним противникам — тюркютам и был гостеприимно принят хаканом. Оказав ему несколько услуг, Бахрам стал его другом и советником[106]. Хакан охотно прислушивался к его планам о возобновлении гражданской войны в Иране и даже дал ему некоторое войско для начала[107]. Обеспокоенный Хосрой II потребовал выдачи Бахрама, но хакан с негодованием отказал. Тогда второй, более искусный посол сумел подарками склонить тюркютскую царицу на заговор против жизни претендента, и наемный убийца заколол Бахрама отравленным кинжалом. Разгневанный хакан наказал его убийц.

Этот эпизод показывает, что даже после тяжелого поражения тюркюты сохранили полную независимость от посторонних воздействий. Дипломатический нажим шахиншаха не производил никакого впечатления на тюркютского хана. Амударья по-прежнему оставалась границей для политических влияний Сасанидского Ирана.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 *Lebeau.* Histoire du Bas-Empire. T. X. Paris, 1828. P. 278—280.
2 *Chavannes E.* Documents sur les Tou-kiues (turcs) Occidentaux. SPb., 1903. P. 242—243.
3 *Marqwart S.* Wehrot und Arang. 1938. S. 145 etc.
4 *Толстов С.П.* Тирания Абруя // Ист. зап. № 3, 1938.
5 *Гумилев Л.Н.* История Срединной Азии //*Бичурин Н.Я.* (Иакинф). Собрание сведений по исторической географии. Т. II. Та же мысль высказана у Груссе, но изложение ограничено четырьмя фразами и не подкреплено доказательствами. См.: *Grousset R.* L'Asie Orientale des Origines au XV siècle. Paris, 1941. P. 231—233.
6 Или "тюрок-тугю" эпохи Первого каганата. Китайское название тюрок VI в. "тугю" передает не фонему "тюрк", а фонему "тюрк+ут", где "ут" — суффикс монгольского множественного числа. См.: *Pelliot P.* L'Origines des tou-keiu, nom chinois des turks. T'oung Pao, 1915. Отд. оттиск. Так как тюрки V—VII вв. весьма отличны от поздних тюркских народов, а применяемое условное название "тюрки-тугю" громоздко, я предлагаю термин "тюркют" как исторически оправданный и отвечающий существу дела. См.: *Гумилев Л.Н.* Алтайская ветвь тюрок-тугю // Сов. археология. № 1, 1959.
7 *Lebeau.* Histoire du Bas-Empire... С. 278—280; *Пигулевская Н.В.* Византия и Иран на рубеже VI и VII вв. М.—Л., 1946. С. 81.
8 *Пигулевская Н.В.* Византия и Иран... С. 254.
9 *Себеос.* История императора Ираклия / Пер. Патканова. СПб., 1862. С. 31.
10 Амударья; см.: *Себеос.* История... С. 190.
11 *Brosset M.* Histoire de la Georgie. SPb., 1849, 1. P. 220—221.
12 *Nöldeke.* Geschichte der Perser und Araber zur Zeit der Sasaniden. 1879.
13 Chronigue de Tabari traduit par H. Zotenberg. T. II. Paris, 1869.
14 *Tha'alibi.* Histoire des rois des Perses, traduit par H. Zotenberg. Paris, 1900.
15 *Firdousi.* Le livre des rois / Ed. J.Mohl. VI. Paris, 1868.
16 Histoire des Sassanides par Mirkhond. Paris, 1843.
17 Муджмаль ат-Таварих в-аль Кысас (на перс. яз.). Тегеран, 1942. С. 76.

18 *Tabari.* Zotenberg. T. II. P. 253.
19 *Бертельс Е.Э.* Абу-ль Касим Фирдоуси и его творчество. Л.—М.: Изд. АН СССР, 1935. С. 35.
20 Вопроса об источниках Фирдоуси я не касаюсь, так как цель этой работы не литературоведческая, а чисто историческая. Пользовался ли Фирдоуси арабскими переводами Данишвара, как предполагает Розен (К вопросу об арабских переводах Худай-Намо // Восточные заметки. СПб., 1895), или пехлевийским подлинником, не имеет значения. Важно, что традиция, которую я назвал "персидской", восходит к Данишвару.
21 *Пигулевская Н.В.* Византия и Иран... С. 80.
22 *Tabari.* Nöldeke. S. 270; *Tabari.* Zotenberg. II. P. 249.
23 *Firdousi.* Mohl. VI. P. 566, термин для пошлины.
24 Там же. P. 566, 298.
25 Там же. P. 568.
26 *Tabari.* Zotenberg. II. P. 248; *Mirkhond.* P. 257.
27 *Пигулевская Н.В.* Византия и Иран... С. 80.
28 *Менандр* / Пер. Дестуниса. СПб., 1860. С. 47, 423.
29 *Артамонов М.И.* Очерки древнейшей истории хазар. 1937. С. 38; *Феофилакт Симокатта.* VII. СПб., 1912.
30 *Brosset.* Histoire... P. 220—221.
31 *Tabari.* Nöldeke. S. 268—270.
32 *Tabari.* Zotenberg. II. P. 248; *Mirkhond.* P. 257.
33 *Tabari.* Zotenberg. II. P. 248.
34 *Firdousi.* Mohl. VI. P. 568.
35 У Фирдоуси предлагается истребить арабов. но об исполнении этого он не говорит, тогда как Табари дает подробности договора с ними.
36 *Mirkhond.* С. 258.
37 *Firdousi.* Mohl. VI. P. 568; *Tabari.* Zotenberg. II. P. 249.
38 *Tabari.* Zotenberg. II. P. 249; *Firdousi.* Mohl. VI. P. 572. По грузинским сведениям, греки и союзные с ними грузины отступили из Персии лишь после победы Бахрама Чубина над восточными тюрками, когда персидская армия получила возможность перекинуться на запад.
39 *Tabari.* Zotenberg. II. P. 256; *Mirkhond.* P. 257.
40 *Tabari.* Nöldeke. S. 271.
41 *Tabari.* Zotenberg. II. P. 243—249.
42 *Иностранцев К.А.* Сасанидские этюды. СПб., 1909. С. 66 и сл. Изображение этого приема см.: *Орбели И.А., Тревер К.В.* Сасанидский металл. М.—Л., 1935. Табл. 9, 14.
43 *Прокопий Кесарийский.* История войн римлян с персами / Пер. Дестуниса. Ч. I. СПб., 1876. С. 8.
44 *Tabari.* Zotenberg. II. P. 248; *Nöldeke.* S. 269.
45 *Firdousi.* Mohl. VI. P. 566.
46 Там же. P. 566; *Tabari.* Zotenberg. II. P. 262. Фирдоуси считает 1200 слонов, Табари — 200.
47 *Tabari.* Zotenberg. II. P. 262.
48 Чтение имени см.: *Justy.* Iranischer Namensbuch. S. 178. Marburg, 1895.
49 *Tabari.* Zotenberg. II. P. 259.
50 Табари персидский дает другое место битвы — между Хутталяном и Балхом, но Табари арабский и Фирдоуси считают, что битва произошла у Герата. Это подтверждается еще тем, что топография Гератской долины до мелочей соответствует подробностям хода битвы, см. ниже.
51 *Tabari.* Zotenberg. II. P. 259.

52 *Беленицкий А.М.* Историческая топография Герата XV в. // Сб. *Навои*. С. 190. См.: Сб. материалов по Азии. XIII. СПб., 1884 и др.
53 *Firdousi*. Mohl. P. 589.
54 Там же.
55 *Пигулевская Н.В.* Византия и Иран... С. 89.
56 *Firdousi*. Mohl. VI. P. 612.
57 Там же. P. 566.
58 *Lebeau*. Указ. соч.
59 *Higgins M.J.* The Persia War of the Emperor Maurice (582—602).
60 Так как войска на Савэ-шаха были двинуты лишь после разгрома полководцем Хурадом Бурзином хазар. См.: *Фирдоуси*. Тегеран. С. 13.
61 *Brosset*. Histoire... 1. P. 220—221.
62 *Себеос*. Указ. соч. С. 33.
63 Концепции Хиггинса противоречат следующие факты: а) поход Савэ-шаха был синхронен набегу хазар и наступлению греков, о чем сообщают Табари, Фирдоуси и грузинские летописи, т.е. происходил в 589 г.; б) причина восстания Бахрама Чубина лежит в требовании Хормизда отдать ему добычу, отняв ее у воинов; если бы Бахрам действительно прошел походным порядком из Пайкенда до Ганзака, то у воинов его не осталось бы лишней тряпки и отбирать было бы нечего; в) как бы мог Бахрам восстать, и при этом столь успешно, если бы его войска были потрепаны и деморализованы; если бы это было так, то он не мог бы победить всю армию шахиншаха; г) наконец, все восточные авторы датируют Гератскую битву одиннадцатым годом царствования Хормизда, а у Симокатты дата битвы отсутствует.
64 *Firdousi*. Mohl. VI. P. 602.
65 Там же. P. 598; *Tabari*. Zotenberg. II. P. 259—261; *Nöldeke*. S. 271; *Mirkhond*. P. 261.
66 *Firdousi*. Mohl. VI. P. 610.
67 *Tabari*. Zotenberg. II. P. 260.
68 Histoire des rois Perser. P. 646. В отношении слонов Саалиби, очевидно, спутал, так как, по его рассказу, они в битве не участвовали, что было бы невозможно. По другим источникам, слоны были не у персов, а у тюрок.
69 *Tha'alibi*, там же; *Tabari*. Zotenberg. II. P. 261.
70 *Разин Е.* История военного искусства. 1. М., 1940. С. 42—44.
71 *Tabari*. Zotenberg. II. P. 261.
72 *Firdousi*. Mohl. VI. P. 614.
73 *Tha'alibi*. P. 647.
74 *Tabari*. Zotenberg. II. P. 262; *Firdousi*. Mohl. P. 620.
75 *Firdousi*. VI. P. 618; *Mirkhond*. Указ. соч. С. 261.
76 *Firdousi*. Mohl. P. 620.
77 *Иностранцев К.А.* Сасанидские этюды... С. 46.
78 Там же. С. 48.
79 Там же. С. 49.
80 Там же. С. 48.
81 *Бичурин Н.Я.* (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. I. М.—Л., 1950. С. 235.
82 *Беленицкий А.М.* Историческая топография Герата...
83 *Иностранцев К.А.* Сасанидские этюды... С. 61.
84 *Firdousi*. Mohl. VI. P. 618.
85 Там же. P. 618.
86 Там же.
87 *Иностранцев К.А.* Сасанидские этюды... С. 80—81.

[88] *Грумм-Гржимайло Г.Е.* Западная Монголия и Урянхайский край. Т. II. С. 243. Она подчинялась тюркам до 630 г.
[89] *Бичурин Н.Я.* (Иакинф). Собрание сведений... II. С. 179; ср. с. 309.
[90] *Tabari.* Nöldeke. S. 272, n. 2.
[91] *Толстов С.П.* Тирания Абруя // Ист. зап. № 3, 1938.
[92] *Tabari.* Nöldeke. S. 272, n. 2.
[93] *Chavannes.* Doc. P. 198.
[94] *Наршахи.* История Бухары / Пер. Лыкошина. С. 13.
[95] *Brosset.* Histoire... P. 220—221.
[96] *Tabari.* Nöldeke. S. 268.
[97] *Firdousi.* Mohl. VI. P. 566. P. 203.
[98] Там же. P. 606.
[99] Там же. P. 291.
[100] *Tabari.* Zotenberg. II. P. 263.
[101] Пармуда — перевод тюркского слова "Буюрук" на персидский язык — "приказывающий".
[102] *Tha'alibi.* Zotenberg. P. 651; *Firdousi.* Mohl. VI. P. 632—634.
[103] *Tha'alibi.* Zotenberg. P. 653; Tabari не дает названия города. Фирдоуси называет замок Аваза, но это название местности около Пайкенда. См.: *Minorsky V.* Hudud al-Alam. London, 1937. P. 56, 73, 185—186.
[104] *Tabari.* Zotenberg. II. P. 265; *Tha'alibi.* P. 656; Mohl. VI. P. 656—658.
[105] Саалиби ошибочно считает его сыном Пармуда и внуком Савэ.
[106] *Tabari.* Zotenberg. II. P. 302.
[107] *Tha'alibi.* P. 678.

Бахрам Чубина. Опыт критики источников

Восстание Бахрама Чубина положило начало солдатским мятежам, приведшим Сасанидский Иран к полному разложению и гибели. Значение восстания Бахрама Чубина чрезвычайно высоко оценивалось персами. О Бахраме Чубине был создан роман, вошедший в "Шах-наме". Отголоски восстания в последующие времена прослежены в работе Цегледи[1], показавшего, как образ мятежного полководца трансформировался в фигуру апокалиптического героя. Но прежде чем анализировать апокрифы, необходимо восстановить ход событий, преодолев расхождения источников. Целью настоящей работы является сопоставление противоречивых сведений и выяснение фактической стороны дела в наиболее возможном приближении к действительности.

В изнурительной ирано-византийской войне обе стороны искали союзников в тылу у соперника: персы нашли авар, а греки — тюрок. Около 565 г. тюрки овладели Согдианой.

Вступление западнотюркского кагана в тесный союз с согдийскими купцами вовлекло его в борьбу с Ираном за торговое господство на Великом караванном пути. Во главе антииранской коалиции встала Византия, втянувшая в войну арабских шейхов Аббаса и Амра, а также кавказских горцев, возглавляемых грузинским царем Гуарамом Багратидом. Непосредственные сношения Византии с тюркским ханом были невозможны, так как мир между ними еще не был заключен, но через посредство Гуарама была достигнута в 589 г. координация действий.

Греки разбили персов при Сисавране, взяли крепость Окбу и осадили Майферкат (Мартирополь). Арабы разграбили Месопотамию и уничтожили персидские таможни. Гуарам с грузинами, горскими племенами и хазарами вторгся в Армению и Азербайджан, а с востока выступил глава "тюрок Китая" Савэ-шах, который идентифицируется с Янсу-тегином, сыном Дяньгу. Последний представлял для Персии наибольшую опасность, и против него был отправлен лучший полководец Ирана Бахрам Чубин с 12 тыс. отборных воинов. Ложный перебежчик Хуррад Бурзин вошел в доверие к тюркскому кагану и заманил его в Гератскую долину, где Бахрам намеревался дать сражение. Бахрам одержал в этом бою полную победу. Развивая успех, он прошел до Пайкенда, где осадил и принудил к сдаче сына убитого кагана. Но как только кончилась война на востоке, победоносный полководец и войско восстали якобы потому, что шах послал Бахраму Чубину в награду за спасение страны прялку, женское платье и отставку, а войску приказал сдать награбленную у врага добычу в казну. Так представлены события в общем виде[2]. Но, рассматривая источники, мы констатируем, что самый момент восстания, повод к нему, даже место действия описаны различно. Все восточные авторы считают, что восстание началось после победы над тюрками в Балхе, где находилась ставка персидской пограничной армии[3].

Феофилакт Симокатта сообщает, что после войны на востоке корпус Бахрама был переброшен в Азербайджан для борьбы против вторгнувшейся византийской армии. При Ганзаке персидская армия потерпела поражение, что вызвало гнев шаха против Бахрама Чубина, и это в свою очередь послужило причиной восстания[4].

Видимо, правы восточные авторы, указывая на Балх как место восстания. Война с тюрками велась осенью и зимой 589 г., и переброска армии из Средней Азии в Закавказье заняла бы изрядное время. Между тем восстание датируется 1 сентября 590 года[5]. Армянские[6] и грузинские[7] авторы сообщают о нападении греков на Азербайджан и их отходе ввиду угрозы возвращения войск Бахрама Чубина из Туркестана[8]. Согласно армянским и грузинским источникам, Бахрам Чубин непосредственно в войне не участвовал. В изложении событий Симокатты совершенно непонятным остается, как Бахрам, понесший такое поражение, оказался достаточно сильным, чтобы низвергнуть центральное правительство. Версии же восточных авторов не вызывают в этом отношении каких-либо недоумений[9].

Возникает вопрос: почему допустил ошибку Феофилакт Симокатта? Бесспорно, что осенью 589 г. военные действия были перенесены в Атрпатакан. Но одну из стычек с противником Феофилакт изобразил как решительную победу над персами. При составлении военных

реляций это случается нередко. Что касается имени персидского полководца, то Феофилакт принял одного Бахрама (имя, очень распространенное в Персии) за другого и соответственно передвинул место восстания из Хорасана в Азербайджан.

Таким образом, при учете всех источников мы можем констатировать, что восстание вспыхнуло в Балхе.

Время восстания Бахрама Чубина определяется довольно точно: Мордтманн на основании изучения персидских источников датирует восстание 1 сентября 590 года[10]. Хиггинс считает, что оно началось "после 14 августа 589 года"[11]. Несомненно, Хиггинс прав, так как это событие датируется одиннадцатым годом царствования Хормизда[12], которое началось 30 июня 578 года[13]. Но Хиггинс допустил одну очень существенную ошибку. Он определяет время войны с Савэ-шахом 22 июля — 21 августа, опираясь на Фирдоуси, который сообщает, что поход на тюрок имел место в то время, когда Солнце стояло в знаке Льва. Это не противоречит всем прочим сведениям, но год, указанный Хиггинсом — 588[14], не соответствует действительности. Это не одиннадцатый год царствования Хормизда, как считает Хиггинс, а десятый. Предположение, что персидские цари, вступив на престол в середине года, вели счет своего правления с начала года, вызывает сомнение у самого Хиггинса, и, по нашему мнению, необоснованно. Вторжение "хазар"[15] в Азербайджан Хиггинс правильно датирует весной 589 года[16]. Однако, не принимая во внимание всех данных источника (Фирдоуси), он описал события в неправильной последовательности.

Коалиция, сколоченная Византией из арабских шейхов, кавказских племен и западных тюрок с Савэ-шахом во главе, начала свои действия в апреле 589 года. Персия оказалась в крайней опасности. Как сообщается в персидских источниках, кавказские племена под начальством Гуарама[17] вторглись в Азербайджан и Армению и рассыпались шайками, грабя страну. Персидские регулярные войска разгромили часть этих шаек, после чего Бахрам Чубин был направлен против тюрок Савэ-шаха. Согласно же грузинской летописи, кавказцы отступили лишь после того, как Бахрам Чубин разгромил тюрок и двинулся на Кавказ[18]. Противоречивость сведений персидских и грузинских источников мнимая: весной 589 г. "хазары", т.е. кавказские племена, видимо, были отражены, но не обращены в бегство. Летом их подкрепил корпус византийских войск под командой Романа. После же победы Бахрама под Гератом войска Гуарама вернулись домой. Возвращавшиеся византийские войска разбили на берегу Аракса персов, которыми командовал Бахрам, но не Бахрам Чубин. Последний в это время громил тюрок около Бухары. Таким образом, Хиггинс отнес битву при Герате к 588 году[19]. Такое допущение необходимо Хиггинсу для того, чтобы истолко-

вать и утвердить версию Феофилакта Симокатты, согласно которой армия Бахрама Чубина была после победы над тюрками переброшена на Кавказ и разбита византийским полководцем Романом. Хиггинс представлял себе, сколько времени займет переброска войск от Бухары до берегов Аракса и, чтобы не выйти из пределов правдоподобия, перенес войну с тюрками на год раньше.

Совершенно очевидно, что Симокатта допустил ошибку, а Хиггинс и Христенсен восприняли Симокатту некритически.

Рассмотрение сведений, касающихся только одного и, пожалуй, наиболее ясного факта, показывает, насколько сложно восстановить подлинный ход событий. Разногласия источников при изложении дальнейших событий возрастают. Это не случайно. Личность Бахрама Чубина спустя много лет после его гибели стала знаменем для одних политических групп Персии и пугалом для других. Цегледи убедительно доказывает, что в глазах своих фанатичных последователей Бахрам превратился в сверхъестественного героя, защитника веры, который придет для борьбы за зороастрийскую религию из загробного мира[20]. Саманиды считали его своим предком[21], а их противники — преступником. Все это заслоняет подлинный образ мятежного полководца и искажает ход событий.

Итак, восстание Бахрама Чубина описано настолько разноречиво, что определить его значение пока невозможно. Простое обращение к источникам не спасает, так как сами источники противоречат друг другу.

Выход только один: сличив версии источников, установить причины их расхождения и восстановить действительный ход событий, что даст возможность провести дальнейшие исследования.

При анализе источников обнаруживается четыре различные тенденции в освещении событий.

Первая группа источников. Сторонники дома Сасанидов: Табари и Саалиби. Для них Бахрам, хотя и обиженный незаслуженно, но узурпатор, Хормизд же, хотя и жестокий, иногда ошибающийся, но мудрый государь, а Хосрой Парвиз — герой и добрый сын.

Вторая группа источников. Приверженцы Биндоя и Бистама — аристократическая партия. После гибели своих вождей часть из них нашла приют в Византии, и с их слов[22] Феофилакт Симокатта дал отличные от приведенных выше характеристики: Хормизд — жестокий тиран, Хосрой вероломен и труслив, а Бахрам — наглый захватчик. Героем является Биндой.

Третья группа источников. Защитник Бахрама — Балями. Хормизд — тиран, Хосрой — изменник, перебежавший к врагам и побеждающий

вследствие измены. К Биндою и Бистаму сдержанное уважение. Позиция Балями сначала кажется странной, но при пристальном рассмотрении проясняется. Балями служил Саманидам, возводившим свой род к Бахраму Чубину. Эта генеалогия содержится в арабском предисловии к рукописи ИВАН (Р. 24, 12) и опубликована Козегартеном: "Абу Салех Мансур, сын Нуха, сына Насра, сына Ахмеда, сына Исмаила, сына Самана, сына Сасана, сына Бахрама Чубина Рейского, спахбеда, марзбана"[23]. Тенденция возвеличить основателя рода Саманидов вступает в противоречие с принципом фарра. И Балями подтасовывает факты, чтобы изобразить Бахрама не узурпатором, а борцом за справедливость. Для оправдания восстания необходимо было найти легитимную подкладку, на самом деле не существовавшую. Балями оговаривает сознательное отступление от версии Табари ссылкой на "книгу по истории Персии"[24]. По-видимому, это "Хвадайнамак", писавшийся после низвержения Хосроя Парвиза[25], запятнавшего себя вероломством и свирепостью. Эта книга была переведена с пехлеви на фарси в 958 г.[26], а Балями писал в 963 г. и не мог ее не знать.

Четвертая группа источников. Христианские авторы Себеос и сирийский Аноним[27] с равным неодобрением относятся ко всем персам. Себеос называет Хосроя "хищник сасанидский", а Бахрама — "поклоняющийся Михру мятежник". Внутренние дела Ирана их мало интересуют и не задевают за живое. Именно поэтому сведения этой группы источников могут быть использованы как ценный корректив к данным первых трех групп[28].

Первое разногласие источников, касающееся места и даты восстания, рассмотрено нами выше.

Гораздо важнее разноречивость источников в объяснении причины восстания, так как в этом вопросе выступает личная заинтересованность авторов. Хотя версия Симокатты о причине опалы Бахрама не подтверждается сообщениями Саалиби[29] и Балями[30], но сведения о посылке ему оскорбительного письма и женского платья совпадают с тем, что мы узнаем от названных авторов. Согласно Саалиби и Балями, гнев шаха вспыхнул из-за того, что Хормизду показалась недостаточной добыча, доставленная к нему после победы над тюрками. Себеос называет ту же причину[31], но утверждает, что Бахрам действительно утаил и роздал войску часть добычи, в то время как Балями, Саалиби и вслед за ними Мирхонд[32] считают, что гнев шаха был вызван интригой, которую затеяли против Бахрама один из советников Хормизда — Езданбахш (он же Оин-Гушнасб), и пленный тюркский царевич Пармуда, с почетом принятый при дворе шаха. Прав, видимо, Себеос, однако любопытна тенденция Балями полностью оправдать Бахрама. В общем все три автора осуждают Хормизда, к ним при-

соединяется также сирийский Аноним, сообщающий, что Хормизд "отяготил податью своих знатных и весь мир".

Вопреки этим источникам Табари утверждает, что шах поблагодарил Бахрама за добычу, т.е. был вполне доброжелателен, а Бахрам, испугавшись опалы, восстал[33]. Таким образом, ответственность за восстание Табари перелагает на Бахрама. Тут явное и, надо сказать, последовательное стремление оправдать шаха.

Наиболее правдоподобен рассказ Себеоса, наименее лицеприятного историка. Себеос пишет, что часть добычи была разделена среди Бахрамова войска, немало ее оказалось и у Бахрама. Попытка Хормизда изъять добычу Бахрама вызвала ожесточение войска против шаха. Об этом же говорят также Саалиби и Балями. Последний отмечает, что возмущенные солдаты предложили Бахраму выбор между предводительством восстанием и смертью от их рук[34]. У нас нет оснований ставить под сомнение как правдоподобность указания на существование при дворе партии, враждебной Бахраму, так и факт посылки оскорбительного письма (что подтверждает и Себеос) и женского платья (деталь, отмеченная Симокаттой). Монархически настроенный Табари умалчивает об истинных причинах восстания. Надо полагать, что ему нечего было сказать в защиту Хормизда.

Балями, стремясь елико возможно обелить Бахрама, изображает его жертвой зависти придворных. По его словам, Бахрам не стремился ни к верховной власти, ни к низвержению Хормизда, а лишь добивался признания своих заслуг. Версия Балями опровергается заявлениями Саалиби[35] и Феофана Византийца. Феофан вкладывает в уста Бахрама обращенную к войску гневную речь против Хормизда: "Сколько из подданных он погубил? Сколько блестящих семейств погребено под водами Тигра? Более враг собственных солдат, чем румийцев, он завидует нашим удачам; он радуется нашим потерям. Топоры его палачей всегда готовы для тех, кто спасся от меча врага"[36]. Саалиби, говоря устами сподвижников Бахрама, отмечает лживость, жадность, жестокость Хормизда и планомерность истребления им выдающихся и достойных людей (без указания на родовую знатность). Аналогичные свидетельства мы находим у сирийского Анонима и Себеоса. Последний прямо отмечает, что целью Бахрама было низвержение Сасанидов[37]. Это подтверждает и Саалиби[38]. В версии Балями есть одна ценная деталь: он указывает, что при дворе Хормизда существовала клика, угнетавшая знать. Прочие же авторы всю ответственность, за внутреннюю политику взваливают на плечи шаха. Они относятся к Хормизду отрицательно: христианские Себеос и сирийский Аноним — как к персу, осведомители Феофана и Феофилакта — как к угнетателю знати, Балями — как к обидчику Бахрама.

Хормизд не оценил опасности и решил, что в его власти сместить крамольного полководца. Он послал к нему придворного по имени Бахрам[39], но Бахрам Чубин велел схватить посланца и бросить под ноги бешеного слона[40]; этот факт передают представители аристократической партии, враждебной Бахраму, тогда как Балями замалчивает его. Стремясь придать обаяние любимому герою, Балями рассказывает о его дружбе и любовной связи с пери, которая оказывала ему покровительство[41]. Он замалчивает также тот факт, что Бахрам заключил союз с тюрками и получил от них подкрепление. Поскольку тюрки были врагами покровителей Балями — Саманидов, он не хотел связывать помощь тюрок с деятельностью своего героя. Правда, в другом месте Балями проговорился о помощи тюрок Бахраму.

Себеос пишет, что с повстанцами "отправилось множество храбрых и воинственных народов Востока"[42], а Саалиби — что Бахрам заключил союз с сыном Пармуды[43]. Последнее, однако, вызывает сомнение. Бахрам скорее заключил союз с восточными тюрками, которые в 590 г. вели междоусобную войну с западными тюрками. Обеспечив себе тыл, он двинулся на запад и беспрепятственно достиг Рея.

В самом окружении Хормизда нашлись люди, сочувствовавшие восстанию, нехотя замечает Табари[44]. О том, кто были эти люди, сообщает Симокатта[45]. Остатки персидской армии, разбитой при Сасавране, стояли около Низиба. Эмиссары Бахрама возбудили их против Хормизда. Повстанцы двинулись к Низибу и, встретив подле городских ворот офицера по имени Хубриадан, убили его, а голову отправили шаху. Затем, войдя в город, они вырезали отряд Хубриадана и отправили к Бахраму (лагерь которого, согласно Симокатте, находился на р. Большой Заб, в Курдистане) депутацию, которая выразила готовность присоединиться к Бахраму. Антишахская направленность источника, содержащего приведенные выше сведения, раскрывается в описании поведения Хормизда после получения рокового известия: Хормизд, как одержимый, бегал по залам своего дворца и скрежетал от гнева зубами.

Восстание, о котором идет речь, произошло поздней осенью 590 года. Саалиби и Балями о нем не сообщают. Почему? Очевидно, их интересовали прежде всего действия Бахрама, а не социальная обстановка. Согласно версиям Саалиби и Балями[46], Бахрам занял Рей и, считая самым опасным своим врагом наследника престола — Хосроя Парвиза, приказал вычеканить монету с именем Парвиза и послал ее в Ктесифон. Бахрам рассчитывал, что Хормизд, увидев монету с именем сына, заподозрит последнего в измене и в ряды легитимистов будет внесен раздор. Так оно и случилось[47]. Шах потребовал к себе Парвиза для объяснения и, несмотря на его клятвы, оставил на подозре-

нии. Описания событий у Балями и Саалиби до этого момента совпадали. Но далее Саалиби утверждает, что везир Езданбахш (Оин-Гушнасб) советовал Хормизду убить сына, но тот бежал в Азербайджан, где к нему примкнул местный марзбан[48]. Последнее подтверждает и Табари[49]. Согласно этой версии, Парвиз поступал разумно и нашел сочувствие и одобрение в народе. Балями умалчивает о советах везира. По его мнению, Парвиз бежал в Азербайджан, боясь отца, скрывался там в храме огня, и никто не знал, где он укрылся[50]. Это весьма важное расхождение. Тенденции Балями, чернящего Парвиза, и Табари — Саалиби, обеляющих его, ясны. Истина скорее всего в том, что Парвиз скрылся в святилище, но знали об этом только помогавшие ему вельможи.

Христианские авторы (Себеос[51], Симокатта и Феофан) о бегстве Парвиза умалчивают либо по неосведомленности, либо в стремлении возложить на него ответственность за низвержение и убийство отца[52]; нельзя забывать, что персы, информаторы Симокатты, были врагами Хосроя Парвиза. Раздраженный бегством сына, шах схватил его дядей, Биндоя и Бистама, принадлежавших к роду армянских Аршакидов, и заточил их в тюрьму. Это окончательно возмутило аристократов. Христианские и персидские источники расходятся в данном случае только в одном. Себеос[53] и Симокатта[54] утверждают, что посажен был только Биндой, а Балями[55] и Саалиби[56], что заточены были оба брата. Низвержение Хормизда Симокатта считает делом Бистама, а Балями приписывает общественному негодованию против Хормизда.

Далее одни и те же события передаются совершенно по-разному. Согласно изложению событий Симокаттой и Феофаном, Хормизд направил против Бахрама войско, во главе которого был поставлен Ферохан[57] (прозвище Езданбахш)[58]. В помощники ему был дан некий Задеспрат, выпущенный из тюрьмы, где он сидел за казнокрадство. Хормизд был против освобождения Задеспрата, но Ферохан поставил это обязательным условием. Задеспрат перешел на сторону Бахрама и был принят с почетом. Ферохан пытался договориться с Бахрамом о мире, предлагая ему не только прощение, но и повышение в чине, однако успеха не имел. Эмиссары Бахрама проникали в войско Ферохана и вели агитацию против шахской тирании[59]. Кончилось тем, что вождь дейлемитов Зоанаб и Сарам-младший, оруженосец Ферохана, убили его ночью в постели, а войско вернулось в Ктесифон. Очевидно, агитация Бахрама все же не имела большого успеха, так как в дальнейшем войска Ферохана выступили на стороне Хосроя. Этот рассказ подтвержден Табари[60], у Саалиби его нет, а Балями передает его совершенно иначе.

По версии Балями[61], Бахрам после бегства Парвиза выдвинул нового претендента, младшего сына Хормизда — Шахрияра. Хормизд, не видя возможностей для успешной борьбы, решил, по совету с приближенными, послать для переговоров с Бахрамом его врага, Езданбахша. Хормизд рассчитывал, что благородный Бахрам помилует беззащитного врага и, пленившись шахской доверчивостью, заключит мир. Так будто бы и случилось, но некий родственник везира Езданбахша, выпущенный по просьбе последнего из тюрьмы для того, чтобы ему сопутствовать, заколол везира. Для объяснения этого Балями вводит чисто этнографическую мотивировку. Езданбахш, заключив мир с Бахрамом, решил погадать о будущем, и гадалка сказала ему, что его убьет именно этот родственник. Езданбахш, чтобы помешать свершению гаданья, послал убийцу к шаху с запечатанным письмом, в котором просил убить гонца. Шах прочел письмо и, убив вероломного везира, передался Бахраму. Последний не принял его, а велел казнить за убийство достойного мудреца и посла.

Сопоставляя оба повествования, можно констатировать, что Езданбахш — это Ферохан, а его родственник — Задеспрат. Только в этом оба рассказчика сходятся. Возникает вопрос: послал ли Хормизд против Бахрама армию или парламентера? Второе невероятно, ибо отношения шаха с Бахрамом были настолько испорчены, что на добрую волю мятежного полководца рассчитывать было невозможно. Свирепая подозрительность Хормизда была широко известна, и у Бахрама не было оснований выпускать из рук победу за обещание фантастических благодеяний. При сопоставлении данных источников выясняется далее, что Задеспрат после измены был не убит Бахрамом, а возвышен им и позднее участвовал в войне на его стороне.

Таким образом, в версии Балями реальной является только тенденция представить Бахрама благородным и лояльным полководцем, которого обстоятельства вынудили восстать. Балями последователен, но тем менее оснований доверять ему в дальнейшем. Итак, армия отказалась подчиниться центральному правительству, но и не присоединилась к мятежникам[62], а события, развиваясь, создали возможность для выступления третьей силы — аристократической оппозиции.

6 февраля 590 г. аристократы свергли с престола шаха Хормизда. Об этом сообщают все источники, но подробности переворота все передают по-разному. Балями считает, что гибель Езданбахша по вине шаха возмутила придворных. Они снеслись с заключенными дядьями Хосроя Парвиза — Биндоем и Бистамом, выпустили их, низложили Хормизда и ослепили его[63].

Саалиби подтверждает это, опуская лишь мотив — смерть Езданбахша[64]. Ту же версию мы находим у Табари[65] и Себеоса[66]. Резко проти-

воречат им версии Феофана и Феофилакта, согласно которым освобожденный из тюрьмы Биндой встал во главе войск Ферохана, вернувшихся в Ктесифон, взял дворец и арестовал шаха[67].

Табари также приводит вариант, по которому низвержение Хормизда ставится в связь с возвращением войск убитого Езданбахша[68]. Противоречие как будто бы непримиримо, но оно кажущееся. Восточные авторы опустили факт возвращения войска в Ктесифон. Подчеркивая, что переворот — дело рук аристократии, они подразумевали, что войско, двинутое против Бахрама, было аристократическим ополчением. Стычка у ворот дворца, очевидно, была столь незначительна, что ей также не уделено места в их сочинениях.

Рассказ Симокатты об этом событии по сравнению со свидетельством восточных авторов более подробен и обстоятелен, однако дальнейшее повествование полно противоречий.

На престол был возведен Хосрой Парвиз, но при каких обстоятельствах? Симокатта сообщает, что Хосрой во время переворота бежал из Ктесифона в Азербайджан, но Биндой убедил его вернуться и принять власть. Согласно всем восточным авторам, Хосрой убежал от Хормизда еще раньше и теперь, получив письмо от сестры Езданбахша и собрав марзбанов с войсками, вернулся в Ктесифон[69], где дал клятву быть в поступках подобным Ануширвану[70], т.е. восстановить союз шаха и аристократии.

Если до сих пор истина чаще обнаруживалась в греческой версии, то теперь мы должны предпочесть восточную. Осведомители Симокатты были врагами Хосроя и воспользовались случаем лишний раз поставить его в ряд противников аристократии. Восточные же авторы не проявили тут такой личной заинтересованности, следовательно, восточная версия может быть признана более объективной. Но и восточные авторы не стремятся представить Хосроя сторонником знати.

Взойдя на трон, Хосрой, согласно восточным источникам, отправился к ослепленному отцу, пал ниц перед ним и просил прощения, указывая на свою непричастность к заговору. Хормизд потребовал, чтобы сын наказал заговорщиков. Хосрой согласился, испросив лишь время для того, чтобы разбить сначала Бахрама с помощью аристократов. После победы он обещал расправиться с вождями восстания[71]. Феофан, Феофилакт и Зонара сообщают, что Хормизд был убит в тюрьме по приказанию Хосроя[72]. Восточные авторы дают другую версию[73], относя убийство Хормизда к несколько более позднему времени. Как мы увидим, эта версия заслуживает предпочтения.

Тенденциозность информаторов Симокатты и Феофана особенно ясно выступает, когда они оба сообщают явно апокрифический факт: диспут свергнутого уже Хормизда и Биндоя. Хормизд якобы обратил-

ся к восставшим с просьбой выслушать его; для этого он был приведен из тюрьмы в залу совета. Там он, слабо защищая свою политику, произнес оскорбительную для своего сына речь, назвав его бездарным, низким, рабом своих страстей, капризным, вспыльчивым, несговорчивым, бесчеловечным, жадным к деньгам и равнодушным к чести и славе, врагом мира, равно неспособным как управлять, так и слушаться советов[74]. Характеристика поражает меткостью, но Хосрой в 591 г. был еще юношей и никак не мог показать этих качеств. Ясно, что этот отзыв должен быть датирован более поздним временем, когда Хосрой уже расправился со знатью, и персидские эмигранты в Византии для придания большего веса своему мнению о шахе приписали его отцу Хосроя.

Столь же круто они разделались с памятью Хормизда, вложив в уста Биндоя речь против шаха. Казалось бы, Биндой должен был восхвалять Хосроя, которого он возвел на трон, но гневная речь вождя аристократии была направлена исключительно против деспота — Хормизда. Ему вообще отказано в заслугах как во внешней, так и во внутренней политике. Победы одержаны доблестными персами, а шах, подобный гирканскому тигру, истребил славных персов, ограбил народ, своими притеснениями вынудил к восстанию дейлемитов и т.д. и т.п. О самом важном событии — восстании Бахрама — ни слова[75].

Несомненно, обе речи составлены post factum. Эмигранты-аристократы отвели душу, заклеймив отца и сына. Приведенный диспут интересен как фиксация настроений одной из борющихся партий, а не подлинно происшедшего события.

Аристократическая партия добилась своего: власть перешла в ее руки, а "угнетатель", униженный и ослепленный, сидел в тюрьме. Оставалось закрепить успех и восстановить порядок в стране. Но ни Бахрам, ни его солдаты не стремились к примирению, так как в случае установления диктатуры аристократии им предстояла безрадостная пограничная служба. Сирийский Аноним деловито замечает: "Бахрам разгневался, и не потому, что он любил Хормизда, а потому, что он не выполнил это дело"[76].

Балями подробно повествует о том, как Бахрам собрал войско и обратился с речью, в которой, осуждая Хормизда за несправедливость к воинам, восхвалял общую линию его политики и указывал, что источник зла при Хормизде был Хосрой и именно с ним надлежит вести борьбу — ныне уже за восстановление на троне Хормизда[77]. Хосрой располагал довольно большими силами. На его стороне были дружины вельмож, ополченцы и вспомогательные отряды дейлемитов и арабов, и все-таки он предпочел попытаться вступить в переговоры. Он предложил Бахраму повышение в чине и все, чего тот захочет. У Бахрама бы-

ли только регулярные войска и тюркские добровольцы, но он ответил Хосрою бранью[78] и обещал казнить его вместе с Биндоем и Бистамом.

Вопреки Себеосу, утверждающему, что Хосрой и его дяди бежали без боя[79], надо признать, что аристократия сделала попытку к сопротивлению. Разношерстное войско легитимистов выступило навстречу Бахраму. Войска сошлись на реке Большой Заб[80], называемой также Мигдон[81] и Нахраван[82]. Исход сражения решила ночная атака отборных удальцов из войска Бахрама. Армия Хосроя дралась очень вяло и при первом решительном ударе разбежалась, покинув своих вождей.

Таков итог. Но наши источники, будучи согласны между собой в крупном, расходятся в мелочах. В изложении Симокатты, сражение длилось долго, лишь казни воинов, произведенные подозрительным Хосроем, вызвали бунт[83], т.е. ответственность за поражение перелагается на самого Хосроя. Факт сомнительный, по показательный как тенденция. По версии Балями, речь Бахрама, обращенная к войску, привлекла к нему хосроевских солдат[84]. Табари, перенеся симпатии на нового "законного" шаха, говорит о его геройстве, о трех тюркских витязях, лично им убитых, и об "измене", заставившей его бежать[85]. Действительно, Хосрой с ближайшими соратниками скакал, отстреливаясь, до самого Тигра и едва успел перейти мост и снять его; погоня шла за ним по пятам. Сопротивление было невозможно, и царевич помчался на запад к арабам и грекам. Биндой и Бистам, прикончив Хормизда, сопутствовали ему. Так утверждают все восточные авторы вопреки греческим, считавшим, что Хормизд был казнен раньше. Если у греков видна тенденция представить Хосроя извергом, то персы и арабы, не оправдывая его, не вносят в рассказ столько страсти и лицеприятия. Они сообщают, что Хосрой "не заметил", как убили его отца, и этого уже достаточно; гораздо естественнее предположить, что шах был убит личными врагами, чем казнен собственным сыном, и при этом без всякой надобности.

Бахрам без сопротивления вступил в Ктесифон и немедленно послал в погоню за Хосроем Бахрама Сиявушана. Погоня настигла царевича в обители христианского отшельника[86]. Беглецы спали, когда монах заметил приближение воинов Бахрама Сиявушана; бежать было поздно. Тогда Биндой пожертвовал собой ради шаха. Накинув его плащ, он показался преследователям, затем в своем платье завязал с ними переговоры, предлагая сдачу. Другие тем временем ускользнули. Биндой, задержав на сутки погоню, сдался и объявил о своей уловке. Бахрам Сиявушан доставил Биндоя к Бахраму Чубину, и тот заточил его в тюрьму[87].

14 декабря 590 г. Бахрам Чубин взошел на шахиншахский престол[88]. Правление его продолжалось год[89]. Сведения о событиях этого

года весьма разнообразны и противоречивы. Резко меняется отношение к Бахраму Саалиби. Он пишет, что Бахрам узурпировал власть в Мадаине и что все его проклинали[90]. Автор "Муджмаль ат-таварих" заявляет, что нельзя Бахрама Чубина причислять к падишахам, так как он был узурпатором[91]. Не признает Бахрама царем и Себеос, называющий его мятежником[92], но при этом дающий меткую характеристику движению: "Войска царские посадили другого царя на востоке". Отмечен специфически солдатский характер мятежа.

Табари также утверждает, что Бахраму подчинились из страха[93], но Балями определенно заявляет, что никто не выступал против Бахрама, все были довольны до тех пор, пока не вернулся из Рума Парвиз[94]. Больше того, Бахрам будто бы не похищал престола, а правил только вследствие молодости законного наследника — Шахрияра и титуловался: "Я, Бахрам, сын Бахрама, сына Азиза, хранитель царства"[95]. Последняя версия опровергается, во-первых, тем, что Шахрияр был убит восставшими аристократами еще до гибели Хормизда[96], а во-вторых, тем, что нам известны монеты с изображением Бахрама Чубина[97]. Что же касается первой версии, то, по-видимому, широкие массы отнеслись к перевороту безучастно, а аристократия резко отрицательно. Недовольство проявилось 8 марта 591 г., когда Бахрам принужден был созвать собрание и предложить на выбор: или, признав его шахом, соблюдать лояльность, или покинуть страну[98]. Многие воспользовались вторым предложением.

На этот шаг Бахрама вынудил заговор. Он, безусловно, имел место. Но как проходил этот заговор и кто был его инициатором, в этом источники расходятся. Симокатта утверждает, что основными противниками Бахрама являлись маги, зороастрийские жрецы[99]. Но главная опасность для него исходила от собственных офицеров, возмущенных его жестокостью. Эти офицеры произвели восстание. Оно продолжалось одну ночь. Наутро офицеры были схвачены наемными войсками и казнены[100]. Все это звучит хотя и величественно, но малоправдоподобно. Скорее всего, этот факт сильно приукрашен.

Версия Табари и Балями скромнее и приемлемее. Бахрам Сиявушан после неудачи с поимкой шаха впал в немилость у Бахрама. Потеряв надежду на продолжение карьеры, Бахрам Сиявушан сговорился с Биндоем, которого он держал в собственном доме под арестом, и решил убить полководца. Но Бахрам Чубин был настороже; его племянница, жена Бахрама Сиявушана, предупредила дядю, который, обнаружив на Бахраме Сиявушане кольчугу, убил его самого. Биндой успел бежать в Азербайджан[101]. Именно после этого Бахрам предложил воинам либо остаться с ним, либо эмигрировать, и 20 тыс. человек ушло к Биндою[102]. Между тем Хосрой Парвиз, добравшись до границ Византии, нашел

там приют, и ему удалось добиться от императора Маврикия помощи военной силой в 60 тыс. человек для возвращения трона[103]. Византийское войско, усиленное армянскими подкреплениями, соединилось с силами персидских эмигрантов — легитимистов, которые собрались в Азербайджане под знаменем Биндоя[104].

Так весьма кратко повествуют восточные авторы о подготовке решительного сражения. В этой краткости сказывается их неодобрение постороннего вмешательства во внутренние дела.

Христианские авторы излагают ход событий чрезвычайно подробно. Их свидетельства заслуживают доверия. Главный источник — Симокатта — в этом международном вопросе оторвался от персидской информации, на основании которой он описывал внутреннюю историю Персии, и теперь восполняет пробелы в сообщениях восточных авторов. Война Византии и Ирана продолжалась. Византийские войска осаждали Мартирополь, и Бахрам послал туда гонца с указанием держаться. В то же время Хосрой приказал войскам гарнизона сдаться, одновременно будто бы посоветовав им не исполнять приказа. Вивьен де Сен-Мартен считает это выдумкой Симокатты. Однако мнение Вивьена де Сен-Мартена вряд ли можно принять[105].

Сторонники Хосроя собрались в Армении. В их числе, кроме Биндоя и Бистама, были грузинские князья — Багратиды, победоносный Смбат Багратуни, витязь Кут, князь Сасуна Мушег Мамиконян и Михран, персидский вельможа, марзбан Азербайджана и Армении, родственник Бахрама Чубина[106]. Одновременно выступила в Месопотамию византийская армия, ведшая царевича на трон. Сасанидская династия имела приверженцев среди аристократов, принужденных из страха подчиниться Бахраму. Таким оказался Солхан, комендант Низиба, немедленно сдавший город грекам[107]. Вслед за Низибом сдался Мартирополь[108], и Бахрам потерял всю Месопотамию.

Бахрам сделал попытку контрнаступления и направил в Месопотамию своих наиболее надежных офицеров, Мирадурина и Задеспрата. Однако эта попытка оказалась тщетной. Мирадурин был убит собственными солдатами, перешедшими на сторону Хосроя, а Задеспрат был застигнут врасплох Солханом и убит[109]. После этого без сопротивления покорилась Дара, и греко-персидская армия переправилась через Тигр у Динабада. Попутно был уничтожен корпус войск Бахрама под командой Бризаса, попавшего в плен[110]. Затем отдельный отряд легитимистов занял Ктесифон также без сопротивления, а главная армия направилась в Армению, где слилась с войсками Мушега Мамиконяна и Биндоя, несмотря на усилия Бахрама не допустить такого соединения. Соединенная армия — 60 тыс. — значительно превышала численность войска Бахрама (40 тыс. человек)[111], но тем не менее

Бахрам не рискнул продолжать маневрирование, так как каждый день увеличивал силы легитимистов, и принял бой. Решительная битва произошла у Балърата, по-видимому, одной из речек, впадающих с востока в озеро Урмия[112].

При описании битвы разноречивость источников достигает кульминации. Монархисты Табари[113] и Саалиби[114] говорят об этой битве глухо. Сначала Бахрам показывает пример доблести, убивая на поединке румийского богатыря (это успокаивает патриотическое чувство), затем следует поединок с "законным" шахом Хосроем Парвизом, и Бахрам в ужасе бежит (торжество фарроносца над узурпатором). Нечего и говорить, что здесь история уступает место дидактике.

Балями излагает ход дела иначе[115]: Бахрам действительно убивает румийского богатыря, а Хосрой — трех тюркских богатырей, находящихся на службе у Бахрама. Раньше он замалчивал, что Бахрам использовал тюрок. Поединок между Хосроем и Бахрамом в описании Балями закончился тем, что Хосрой убегает, а Бахрам его преследует и ругает неприличными словами. Затем Биндой обращается к войскам Бахрама и переманивает их на свою сторону; Бахрам остается с четырьмя тысячами всадников и принужден отступить. Последняя деталь, если и имела место, то лишь в отношении ничтожного числа воинов Бахрама, и нужна Балями, чтобы переложить вину за поражение с полководца на изменников. В противоположность этим тенденциозным и нравоучительным измышлениям, содержащим истину лишь в оговорках, Феофилакт[116] и Себеос[117] дают связное, правдоподобное и согласное повествование.

Первый бой, по описанию греческих авторов, произошел у реки Заб. Союзная армия расположилась так: в центре — византийские войска под командой Нарсе и Хосрой с личной охраной, на правом крыле персы с Биндоем во главе и на левом — армяне Мушега Мамиконяна, которыми руководил Иоанн Мистакон. Два дня войска стояли одно против другого, на третий день грянула битва. Балями также писал, что бой длился три дня. Первая атака Бахрама по фронту союзников захлебнулась, и тут пятьсот персов перебежало на сторону Хосроя (ср. Балями), но попытка Хосроя перейти в контратаку исключительно персидскими войсками потерпела полную неудачу. Только вмешательство румийцев предотвратило истребление персов легитимистов. Ночь развела сражающихся. Бахрам, видя преимущество противника, отступил, желая, во-первых, выбрать более удобную позицию на пересеченной местности, которая бы не позволяла союзникам применить свою превосходную конницу, а во-вторых, утомить войска противника. У реки Балърат Бахрам принужден был принять бой, так как был прижат к горам[118].

Союзники сохранили принятый порядок расположения: Бахрам поставил слонов и конницу в первые ряды. Это, согласно тактике того времени, означало, что он хочет атаковать противника. Союзники имели такое же намерение, и оба войска смешались в схватке. Бахрам возглавил атаку своего левого крыла и разбил персов легитимистов, но подкрепление, посланное Нарсе, удержало их от бегства. Тогда Бахрам поставил все на карту и с главными силами ударил на центр противника. Нарсе ответил контратакой, прорвал ряды бахрамовцев и опрокинул их конницу на пехоту. Персидская пехота смешалась и побежала. Мобилизованные крестьяне не могли устоять против натиска византийских полков, состоявших из профессиональных воинов. Но персидские регулярные части оказались на высоте; отряд стрелков на слонах не сдался и не бежал. Армяне окружили их и частью перебили, частью загнали потерявших управление слонов в свой лагерь вместе с всадниками. Шесть тысяч персов укрепились на горе и сдались лишь тогда, когда все было кончено. Сам Бахрам прорвался и ушел на восток к кагану тюрок, "который не был родственником Парвиза"[119], т.е. к восточным тюркам. По пути джурджанские горцы пытались его задержать, но даже с ничтожными остатками сил Бахрам разбил их и вышел из окружения.

Хосрой Парвиз вступил на трон, ознаменовав свое возвращение такими зверскими казнями, что даже отнюдь не сентиментальным византийцам стало не по себе. Первый этап гражданской войны закончился 31 августа 591 года[120].

Таким образом, мы можем составить общее представление о ходе событий и, отбросив тенденциозные измышления и преувеличения, свести воедино наиболее достоверные факты, чтобы в дальнейшем раскрыть их значение.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 *Czeglédy K.* Bahrām Čōbin and the Persian apocalyptic literature // Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae. T. VIII. 1958. Fasc. 1. P. 21—43.

2 *Christensen A.* L'Iran sous les Sassaniden. Copenhague, 1936. P. 438—439.

3 *Nöldeke Th.* Geschichte der Perser und Araber zur Zeit der Sasaniden. Leyden, 1879. S. 272—273; *Zotenberg H.* Al'Tha'alibi. Histoire des rois des perses. Paris, 1900. P. 658; *Zotenberg H.* Chronique de Tabari. T. II. Paris, 1869. P. 268; *Себеос.* История императора Ираклa / Пер. с арм. СПб., 1862. С. 32.

4 *Lebeau.* Histoire du Bas-Empire. T. X. Paris, 1829. P. 280—286; *Феофилакт Симокатта.* История. М., 1957.

5 *Mordtmann A.D.* Die Chronologie der Sassaniden // Sitzungsberichte der Philosophisch-philologischen und historischen Classe der Königlichen Bayerischen Akademie der Wissenschaften zu München. 1871. Hft. 1. S. 23.

6 *Себеос*. Указ. соч. С. 33.
7 *Brosset M.* Histoire de la Géorgie. Partie 1. St.-Petersbourg, 1849. P. 220—221.
8 Там же. С. 221.
9 Ошибку Симокатты некритически воспринял Христенсен (*Christensen A.* Указ. соч. С. 439).
10 *Mordtmann A.D.* Указ. соч. С. 23.
11 *Higgins M.J.* The Persian war of the emperor Maurice (582—602). Washington, 1939. P. 73.
12 *Nöldeke Th.* Указ. соч. С. 269.
13 Там же.
14 *Higgins M.J.* Указ. соч. С. 36; Хиггинс ссылается на Firdousi (Le livre des rois Mohl. VI. P. 492), но ссылка дана неправильно. Следует: С. 612, LI. 815.
15 Это, согласно Фирдоуси, не только хазары, а "враги, пришедшие по хазарской дороге". Хазары входили в число союзников Гуарама.
16 *Higgins M.J.* Указ. соч. С. 38.
17 Там же. С. 220—221.
18 *Brosset M.* Указ. соч. С. 220—221.
19 Концепции Хиггинса противоречат следующие факты: а) поход Савэ-шаха синхронен набегу хазар и наступлению греков, о чем сообщают Табари, Фирдоуси и грузинские летописи, т.е. поход был в 589 г.; б) причина восстания Бахрама Чубина лежит в требовании Хормизда отдать ему добычу, отняв ее у воинов; если бы Бахрам действительно прошел походным порядком из Пайкенда до Ганзака, то у воинов его не осталось бы ни одной лишней тряпки и отбирать было бы нечего; в) Бахрам не мог восстать и победить армии шахиншаха, если бы его войска были потрепаны и деморализованы; г) наконец, все восточные авторы датируют Гератскую битву одиннадцатым годом царствования Хормизда, а у Симокатты дата битвы не указывается.
20 *Czeglédy K.* Указ. соч. С. 39.
21 Tabaristanensis annales redum atque legatorum dei. Vol. 1. XI, 1831 // ИВАН. Рук. P. 24, 12.
22 *Пигулевская Н.В.* Византия и Иран на рубеже VI и VII веков. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1946. С. 10 сл.
23 Tabaristanensis annales regum atque legatorum dei. Vol. 1. XI. 1831.
24 *Zotenberg H.* Chronique de Tabari. T. II. Paris, 1869. P. 153.
25 *Розен В.Р.* К вопросу об арабских переводах «Худай-наме». СПб., 1895.
26 *Крымский А.* История Персии, ее литературы и дервишеской теософии. Т. I. М., 1903. С. 193.
27 *Пигулевская Н.В.* Указ. соч. С. 252—289.
28 Из источников в этой статье не использована только "Шах-наме" Фирдоуси. Те места "Шах-наме", в которых изложены события, связанные с восстанием Бахрама Чубина, должны быть исследованы и прокомментированы особо.
29 *Zotenberg H.* Al'Tha'alibi... P. 657.
30 *Zotenberg H.* Chronique de Tabari. II. P. 266. Перевод Зотенберга в целях уточнения сверен с Готской рукописью текста Балями (далее — Балями, рукопись). Фотокопию персидского текста мне любезно предоставил сотрудник Эрмитажа В.Луконин, которому приношу благодарность.
31 *Себеос*. Указ. соч. С. 32.
32 ЗИВ. Т. VII. С. 63.
33 *Nöldeke Th.* Указ. соч. С. 272.
34 *Zotenberg H.* Chronique de Tabari. T. II. P. 266—276.
35 *Zotenberg H.* Al'Tha'alibi... P. 658.
36 *Lebeau.* Указ. соч. С. 287.

37 *Себеос.* Указ. соч. С. 32.
38 *Zotenberg H.* Al'Tha'alibi... P. 658.
39 Н.В.Пигулевская, опираясь на примечание Вивьен де Сен-Мартена, называет его Сарам (Указ. соч. С. 87).
40 *Lebeau.* Указ. соч. С. 287; *Феофилакт Симокатта.* Указ. соч. С. 81.
41 *Zotenberg H.* Chronique de Tabari. T. II. P. 267—268.
42 *Себеос.* Указ. соч. С. 33.
43 *Zotenberg H.* Al'Tha'alibi... P. 658.
44 *Nöldeke Th.* Указ. соч. С. 273.
45 *Lebeau.* Указ. соч. С. 287—288; *Феофилакт Симокатта.* Указ. соч. С. 95.
46 *Zotenberg H.* Chronique de Tabari. T. II. P. 268; *Zotenberg H.* Al'Tha'alibi... P. 659.
47 Вивьен де Сен-Мартен считает эту версию более вероятной, чем версию Симокатты. См.: *Lebeau.* Указ. соч. С. 293. S 1.
48 *Zotenberg H.* Al'Tha'alibi... P. 659.
49 *Nöldeke Th.* Указ. соч. С. 273, 276.
50 *Zotenberg H.* Chronique de Tabari. T. II. P. 269—270.
51 Себеос полагает, что Парвиз был заключен в крепость Грвандакан, но это ошибка; заключен был дядя Парвиза Биндой.
52 *Lebeau.* Указ. соч. С. 292. Лебо сообщает, что Парвиз бежал от повстанцев, но потом вернулся.
53 *Себеос.* Указ. соч. С. 33.
54 *Lebeau.* Указ. соч. С. 291; *Феофилакт Симокатта.* Указ. соч. С. 97.
55 *Zotenberg H.* Chronique de Tabari. T. II. P. 264.
56 *Zotenberg H.* Al'Tha'alibi... P. 660.
57 *Lebeau.* Указ. соч. С. 289; *Феофилакт Симокатта.* Указ. соч. С. 96—97.
58 См.: *Nöldeke Th.* Указ. соч. С. 276.
59 *Феофилакт Симокатта.* Указ. соч. С. 96.
60 *Nöldeke Th.* Указ. соч. С. 276.
61 *Zotenberg H.* Chronique de Tabari. T. II. P. 270.
62 *Феофилакт Симокатта.* Указ. соч. С. 97.
63 *Zotenberg H.* Chronique de Tabari. T. II. P. 274.
64 *Zotenberg H.* Al'Tha'abili... P. 660—661.
65 *Nöldeke Th.* Указ. соч. С. 273.
66 *Себеос.* Указ. соч. С. 33.
67 *Lebeau.* Указ. соч. С. 291—292; *Феофилакт Симокатта.* Указ. соч. С. 97—98.
68 *Nöldeke Th.* Указ. соч. С. 276.
69 Там же.
70 *Zotenberg H.* Al'Tha'alibi... P. 661.
71 *Nöldeke Th.* Указ. соч. С. 277; *Zotenberg H.* Chronique de Tabari. T II. P. 274—275; *Zotenberg H.* Al'Tha'alibi... P. 662.
72 *Lebeau.* Указ. соч. С. 300; *Феофилакт Симокатта.* Указ. соч. С. 103
73 *Балями.* Рукопись. С. 229.
74 *Lebeau.* Указ. соч. С. 295.
75 Там же. С. 296—298.
76 *Пигулевская Н.В.* Анонимная сирийская хроника. С. 63.
77 *Zotenberg H.* Chronique de Tabari. T. II. P. 276. Ср. характеристику Хормизда у Балями.
78 Там же; *Lebeau.* Указ. соч. С. 301—302.
79 *Себеос.* Указ. соч. С. 34.
80 *Феофан.* С. 201.
81 *Lebeau.* Указ. соч. С. 303.
82 *Nöldeke Th.* Указ. соч. С. 274; *Zotenbeerg H.* Al'Tha'alibi... P. 663.

[83] *Lebeau.* Указ. соч. С. 303—304; *Феофилакт Симокатта.* Указ. соч. С. 105—106.
[84] *Zotenberg H.* Chronique de Tabari. T. II. P. 277.
[85] *Nöldeke Th.* Указ. соч. С. 274.
[86] *Zotenberg H.* Chronique de Tabari. T. II. P. 281—282.
[87] *Zotenberg H.* Al'Tha'alibi... P. 668.
[88] *Lebeau.* Указ. соч. С. 309.
[89] *Zotenberg H.* Chronique de Tabari. T. II. P. 280.
[90] *Zotenberg H.* Al'Tha'alibi... P. 669.
[91] Муджмаль ат-таварих... Тегеран. Изд. М.Бехара. 1318 (1942). С. 77—78.
[92] *Себеос.* Указ. соч. С. 39.
[93] *Nöldeke Th.* Указ. соч. С. 282.
[94] *Zotenberg H.* Chronique de Tabari. T. II. P. 286.
[95] Там же. С. 285.
[96] *Lebeau.* Указ. соч. С. 298—299.
[97] *Nöldeke Th.* Указ. соч. С. 282.
[98] Там же.
[99] *Lebeau.* Указ. соч. С. 308; *Феофилакт Симокатта.* Указ. соч. С. 108.
[100] *Lebeau.* Указ. соч. С. 313—314.
[101] *Zotenberg H.* Chronique de Tabari. T. II. P. 283—284; *Nöldeke Th.* Указ. соч. С. 282.
[102] *Zotenberg H.* Chronique de Tabari. T. II. P. 285.
[103] *Nöldeke Th.* Указ. соч. С. 284. По Балями — 70 тыс.
[104] *Zotenberg H.* Chronique de Tabari. T. II. P. 291.
[105] *Lebeau.* Указ. соч. С. 309. § 6.
[106] Там же. С. 311.
[107] *Lebeau.* Указ. соч. С. 313.
[108] Там же. С. 315; *Феофилакт Симокатта.* Указ. соч. С. 115.
[109] *Lebeau.* Указ. соч. С. 317; *Феофилакт Симокатта.* Указ. соч. С. 119—120.
[110] *Lebeau.* Указ. соч. С. 322.
[111] Там же. С. 327.
[112] Там же. С. 328.
[113] *Nöldeke Th.* Указ. соч. С. 285—287.
[114] *Zotenberg H.* Al'Tha'alibi... P. 669.
[115] *Zotenberg H.* Chronique de Tabari. T. II. P. 292.
[116] *Lebeau.* Указ. соч. С. 326; *Феофилакт Симокатта.* Указ. соч. С. 127.
[117] *Себеос.* Указ. соч. С. 42.
[118] *Феофан.* С. 202.
[119] *Zotenberg H.* Chronique de Tabari. T. II. P. 298.
[120] *Mordtmann A.D.* Указ. соч. С. 23.

Подвиг Бахрама Чубина

Переводы Л. Н. Гумилева

Выстрел Бахрама спас Персию.

Табари

История знает много примеров того, как за один кровавый день решалась судьба народа. Достаточно вспомнить битву при Херес де ла-Фронтьера, отдавшую вестготскую Испанию во власть арабов, и битву при Пуатье, когда их натиск был остановлен и спасена Франция; битву при Гастингсе, бросившую Англию под ноги норманских баронов, или битву при Могаче, положившую конец существованию венгерского королевства.

Средняя Азия имеет не менее памятные даты: Таласская битва 751 года, решившая спор между дальневосточной и мусульманской культурами; битва при Донданекане 1041 года, открывшая путь сельджукам на Ближний Восток, или Катванская битва 1141 года, остановившая успешное движение ислама на много лет и отдавшая Мавераннахр в руки каракитаев.

Для VI века такой датой была битва при Герате осенью 589 года[1].

Мусульманские и христианские источники глухо говорят о большом сражении, в котором Бахрам Чубин одержал верх над царем "китайских тюрок" Савэ.

Вивьен де-Сен-Мартен[2], а за ним Шаванн[3] и Маркварт[4] считали это событие пограничной стычкой между персами и кушанскими князьками. Шаг вперед в изучении этого вопроса сделал С.П.Толстов[5], показавший, что врагами персов были действительно тюрки. Продолжая его исследование, мне удалось установить, что Савэ — это удельный князь великого каганата, известный китайским хронистам под именем Янсу-тегина[6]. Но этим вопрос не исчерпан. Все указанные авторы основывались либо на данных византийских источников, либо на арабской версии Табари[7].

Древняя персидская версия, отраженная у Мирхонда весьма кратко, и более подробно у ранних авторов, до сих пор не подвергалась критическому разбору и сравнению. А между тем она сохранила и донесла до нас целый ряд чрезвычайно ценных и интересных подробностей, опущенных греками, армянами и арабами; именно у персидских авторов герои событий кажутся не бесплотными телами, а живыми, страстными и сильными людьми, в которых чувство долга переплетается с безудержным авантюризмом, а храбрость и благородство — с кровожадностью и жестокостью. Уже по этому одному персидская традиция заслуживает внимания, но, помимо того, подробности, приводимые в персидском источнике, дают нам возможность более глубоко проверить сообщаемые факты, благодаря чему удалось уничтожить еще одно темное пятно в истории Востока и восстановить ход событий, их причины и последствия. Балями, персидский переводчик Табари, мотивирует свое отступление от подлинника тем, что "Мохаммед бен Джарир не дал историю Бахрама Чубина целиком. Я же нашел ее более полной в книге по истории Персии. Я излагаю согласно этой книге"[8]. По-видимому, здесь имеется в виду "Хвадай-Намак" Данишвара, сочинение, составленное в 632—651 гг.[9] и до нас не дошедшее.

Осведомленность Данишвара не вызывает сомнений и поэтому сначала следует по возможности восстановить его версию. Она, как выяснено нами, наиболее полно воспроизведена в "Шах-наме" Абулькасима Фирдоуси[10].

Подходя к изучению поставленной проблемы, надо помнить, что "Шах-наме" не поэма в нашем смысле, а история в понимании того времени, причем написанная великолепным муттакарибом (амфибрахием). Отсюда подробные описания расположений войск, перечисления лиц и деталей, не имеющие конструктивного значения для развития темы, длинноты при передаче речи героев и многое другое. Все эти особенности имели значение для Фирдоуси-историка, а Фирдоуси-поэт проявил свой небывалый талант в предельно лаконичных этюдах природы, в сравнениях и мужественном пафосе при описании кульминационных точек событий.

Это и определило отбор текстов для перевода. Длинноты и повторения сознательно опущены, а там, где изложение событий необходимо, но стихотворная передача неоправданна, в повествование инкрустирован текст Мирхонда, что восполняет смысловой пробел и придает изложению стереоскопичность, облегчающую восприятие. Зато разделы, написанные Фирдоуси на высоком поэтическом напряжении, переданы почти дословно. Переводчик пытался дать адекватный перевод источника и тем самым передать его литератур-

ные достоинства, пропадающие при буквальном следовании за оригиналом. Поэтому он сохранил персидское произношение этнонима "тюрк", полагая, что разница между центральноазиатскими "турками" VI века и турками-османами XIV—XX веков очевидна и не может вызвать недоразумений[11]. Переводчик старался уловить и сохранить сочетание лирических и патетических интонаций с подчас суховатыми и деловыми описаниями; величественных, иногда забытых слов с бытовыми выражениями, как например "победность" (*пирузи*) и "скорежился" (*бипичид*). Вслед за подлинником он то ослаблял, то усиливал интонационное напряжение, стремясь к тому, чтобы в повествовании о великом событии читатель услышал голос великого персидского поэта.

В конце VI века международные противоречия достигли высшей точки напряжения. Виною тому были события, произошедшие на обоих концах евразийского континента.

В середине VI века китайцы сбросили гнет иноземной династии Тоба Вэй, и в северном Китае образовались два соперничающих царства: Бэй Чжоу и Бэй Ци. Тогда же тюрки объединили под властью своих хаганов Великую степь от Желтого моря до Черного, и в их руки попал весь караванный путь и богатые согдийские города — опорные пункты караванной торговли — до границ Персии.

Одновременно Византия, только что завоевавшая гегемонию в Средиземноморье, получила жестокие удары от лангобардов в Италии и авар на Дунае. Чтобы отстоять свои границы, ей было необходимо вести долгую и беспощадную войну, а для этого нужны были деньги. Однако в VI веке золота в обороте было очень мало, следовательно, византийские императоры в качестве валюты должны были изыскивать ценности другого рода. Больше всех других товаров в варварской Европе ценились шелковые ткани, и шелк стал валютой, имевшей хождение наравне с золотом.

Византийская армия VI века в большей части состояла из наемников. Гунны, гепиды, герулы, вандалы, готы, славяне, армяне, арабы и кабилы охотно служили императору, но на плату воинам и подкупы варварских князей требовались огромные средства, и эти средства Византия обрела в транзитной торговле шелковыми тканями, которые были лучшим подарком для германского или славянского князя. Однако шелк-сырец шел только из Китая. Казалось бы, для чего китайцам трудиться ради процветания константинопольского двора, но тут решающей силой оказались тюрки. Великий хан брал с Бэй Чжоу плату за союз, а с Бэй Ци за заключение сепаратного мира и, смеясь, говорил: "Только бы на юге два мальчика были покорны нам, тогда не нужно бояться бедности"[12].

Тюрки выкачивали из Китая столько шелка, что не могли потребить его сами. Тут на помощь к ним пришли их новые подданные — согдийские купцы, готовые весь излишек пряжи переправить в Византию, которая покупала его по установленной цене и вознаграждала себя на западных рынках. Но караванный путь шел через Иран, а шахиншах и император всегда были врагами. Персы с радостью прикрыли бы торговлю шелком вообще, но доходы от пошлин позволяли им содержать двор и войско. Поэтому они пропускали к своим врагам минимальное количество шелка по ценам, которые они сами назначали[13]. В интересах Ирана было не увеличение оборота, а повышение цен, чтобы извлечь из рук своих врагов как можно больше золота и уменьшить возможности греков нанимать в Европе воинов для борьбы с Ираном. Эта система била также по интересам тюркских ханов и их друзей, согдийских купцов, ибо они не могли вывезти и продать свой товар. Попытки их договориться с персидским царем были неудачны; окольный путь через бесплодные степи к северу от Каспийского моря оказался труден и небезопасен, так как воинственные угры, отступавшие перед тяжелой конницей тюрок, могли легко подстеречь и разграбить любой купеческий караван.

В 569 году греки и тюрки сумели обменяться посольствами и установить, что их интересы совпадают. Так родился тюрко-византийский военный союз, направленный против Ирана.

С 579 года в Иране правил шах Хормизд, по матери родственник тюркского хана. Столпом его власти были двенадцать полков конных стрелков, обучавшихся своему искусству с детства. Это были профессиональные воины, получившие от шаха плату за службу[14]. Опираясь на них, Хормизд попытался уменьшить силу и влияние вечно фрондировавшей аристократии, но казни сделали его власть непопулярной в стране, и тогда-то греки и тюрки нанесли решающий удар, который должен был покончить с Ираном и раскрыть ворота с Востока на Запад.

Осенью 589 года положение Ирана было отчаянным, ибо, как говорит арабский историк Табари: "Враги окружили Персию, как тетива — концы лука". Лишь мужество персидских конных стрелков и их полководца Бахрама Чубина отвело от страны смертельную угрозу[15]. Бахрам лично застрелил предводителя тюрок, называемого в персидской литературе Шаба или Савэ-шах.

Рассказ о войне, происходившей на западной границе Ирана, содержится в грузинских летописях: "Тогда император велел передать царю Грузии Гуараму значительные суммы денег, чтобы этот последний привлек войска северных народов и направил их на Персию. Гуарам так и сделал. Созвав осов, дзурдзуков и дидойцев, он дал им в на-

чальники грузинских эриставов и эти народы вошли в Азербайджан, который они принялись опустошать. Таково было печальное положение персов, отвлеченных другими заботами, когда появился в их стране человек, по имени Бахрам Чубин, который дал битву тюркам, вторгшимся в Персию, о чем подробно рассказано в персидской истории. Он убил царя тюрок и обратил его армию в бегство; а что касается греческих войск, проникших на персидскую территорию, то они отступили и вернулись в Грецию"[16]. Современники событий единодушно расценивали победу при Герате как спасение Ирана от полного разгрома. Советник шаха Хормизда, Йезанбахш, говорил: "Если бы Савэ-шах прошел до Рума, то от Ирана остался бы комочек воска". Могущественные Саманиды возводили свою генеалогию к Бахраму Чубину, а народные массы восточного Ирана в тяжелый период арабского владычества создали легенду, что Бахрам Чубин воскреснет, вернется на землю и, изгнав арабов, победит ислам[17]. Стихи об отражении тюркского нашествия сохранились во многих списках, украшенных миниатюрами, изображающими различные подвиги персидского полководца.

В Государственном Эрмитаже хранятся изображения самого Бахрама, шаха Хормизда, тюркских и персидских воинов VI века. Кроме того, известно много тюркских наскальных изображений, статуй и других предметов искусства, характеризующих эту жесткую, но волнующую сердце эпоху. В нашей работе читатель найдет образы далекого прошлого, запечатленные в металле, глине и чеканных строках величайшего персидского поэта Фирдоуси. Они приоткроют перед ним завесу ревнивого времени, познакомят его с тенями минувшего и, может быть, хоть на миг воскресят живую страницу великого прошлого народов Азии.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 *Гумилев Л.Н.* Гератская битва 589 г. // Тадж. АН СССР, Известия отделения общественных наук. 1960. Хиггинс датирует эту битву 588 г. (The persian war of the emperor Maurice. Washington, 1939. P. 73), чем искажает ход событий. См.: *Гумилев Л.Н.* Восстание Бахрама Чубина // Проблемы востоковедения. 1960. № 3.

2 *Lebeau.* Histoire du Bas-Empire. T. X. Paris, 1828. P. 278—280.

3 *Chavannes E.* Documents sur les Tou-kiue (turks) occidentaux. SPb., 1903. P. 242—243.

4 *Marqwart I.* Wehrot und Arang. 1938. P. 145, etc.

5 *Толстов С.П.* Тирания Абруя // Историческис записки. 1938. № 3.

6 *Гумилев Л.Н.* Великая распря восьмидесятых годов VI вска // Византийский временник. 1961. № XX.

7 *Nöldeke T.* Geschichte der Perser und Araber zur Zeit der Sassaniden. Leiden, 1879.

8 Chronigue de Tabari / Traduit par H.Zotenberg. T. II. Paris, 1869. P. 253.

9 *Бертельс Е.Э.* Абу-ль Касим Фирдоуси и его творчество. М.—Л., 1935. С. 35.

10 *Christensen A.* L'Iran sous les Sassanides. Copenhague, 1936. P. 63. См. также: *Tha'alibi.* Histoire des rois des Perses / Traduit par H.Zotenberg. Paris, 1900; *Firdousi.* Le livre des rois. Mohl. VI, 1868; Histoire des Sassanides par Mirkhond. Paris, 1843; Муджмаль ат-Таварих в-аль Кысас (на перс. яз.). Тегеран, 1942. С. 76.

11 *Гумилев Л.Н.* Три исчезнувших народа // Сб.: Страны и народы Востока. М.—Л., 1961.

12 *Бичурин Н.Я.* Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М.—Л., 1951. 1. С. 233.

13 *Пигулевская Н.В.* Византийская дипломатия и торговля шелком // Византийский временник. Т. I (XXVI). 1947. С. 187.

14 *Christensen A.* Op. cit. P. 362.

15 Биография Бахрама Чубина до 589 г. известна очень мало. Он был из знатного парфянского рода Михранов, пошедшего на службу к Сасанидам. Бахрам служил в пограничных войсках и был марзбаном (пограничный начальник) в Армении и Азербайджане. Победа при Герате принесла Бахраму славу первого полководца, но интриги придворных и вызванная этим опала заставили его восстать во главе своих войск против непопулярного режима. Шах Хормизд был свергнут, и его сын Хосрой Парвиз бежал в Византию, а Бахрам объявил себя шахом.

16 *Brosset.* Histoire de la Géorgie. СПб., 1849. 1. P. 220—221; *Lebeau.* Histoire du Bas-Empire. X; *Пигулевская Н.В.* Византия и Иран на рубеже VI и VII веков. М.—Л., 1946.

17 *Czeglédy K.* BahrāmČōbin and Persian apocaliptic literature // Acta Orientalia. T. VIII. F. 1. 1958. P. 21—43.

... Царствование Хормизда ибн Нушрвана[1] продолжалось 12 лет. Когда он сел на царство, опытных людей унизил и всех писцов великих и священнослужителей и людей, которых отец его возвеличивал, всех до одного убил.

Затем Савэ-шах[2], турк, с четырьмястами тысяч всадников вошел в Хорасан, и Хормизд оказался в тяжелом положении, ибо из Рума[3] и Аравии[4] и от хазар[5] с четырех сторон напали на его царство и войска уже вошли в Иран. Тогда он послал Бахрама Чубина[6] против Савэ-шаха, по указанию Михран-Ситада[7], который слышал турецкие предсказания в то время, когда родился Хормизд. Шах нашел Бахрама по признакам, которые указал Михран-ситад, и Бахрам пошел на Савэ-шаха и это длинная история...

Муджмаль ат-Таварих в-аль Кысас
анонимное сочинение 1126 г.

Фирдоуси

Выступление Савэ-шаха
против Хормизда

Лишь десять Хормиздовых лет пронеслись,
Повсюду враги на Иран поднялись.
С востока Савэ ополчился на бой,
Несметную силу ведя за собой:
Четыреста тысяч отважных бойцов
И тысячу двести военных слонов.
Как будто основу пронзают утки
От степи Герагской до Мервской реки.
Под войском от войска не видно земли,
И войска не видно в подъятой пыли.
Он шаху Хормизду послание шлет:
“Сгоняй на работу подвластный народ
Мосты и дороги повсюду чинить,
Еду припаси, чтобы войско кормить,
Да помни про сабли моей острие
Хочу я пройти через царство твое!”
Речь турка у шаха застряла в ушах,
От страха всем телом скорежился шах.
А с западной кесарь пришел стороны
Сто тысяч привел из румийской страны
Воинственных всадников знатных родов.

Война поднялась из-за тех городов,
Что некогда славный Хосрой захватил,
А ныне их кесарь мечом возвратил.
Враги по хазарской дороге пришли.
Страна потемнела в подъятой пыли.
И вождь их пустил от армянских высот
Отрядами до Ардебильских ворот.
И войско пришло из арабской земли,
Вновь Амр и Аббас[8] это войско вели.
Бесплодной пустынею стала страна,
Откуда тучнела Хормизда казна.
Куста не оставило войско врагов
До самых ефратских крутых берегов.
Когда же судьба потемнела кругом,
С границ поскакали гонец за гонцом
К Хормизду. Внезапной бедой удручен
В убийстве мобедов[9] раскаялся он.
В изгнании мудрые умерли зря
Советчика не было подле царя.
Решился взволнованный царь наконец:
Велел он вельможам прийти во дворец
И всем благородным поведал про то,
Что с древности самой не помнит никто,
Чтоб столько враждебных и мстительных стран
Войной одновременно шло на Иран.
Вельможи толпой поклонились ему,
Но все их советы свелись к одному:
«О шах! Ты приятен и мудр, но хоть раз
Для этого дела послушайся нас.
Ведь все мы, кого ты созвал на совет,
Не скажем того, что один лишь мобед.
Но ты Зороастрову веру[10] забыл,
Писцов[11] и мобедов ты сам истребил.
Подумай, где можно мобеда найти,
Чтоб нашу страну неустанно блюсти».
При шахском дворце отыскался мобед
Он вышел и молвил Хормизду в ответ:
“О шах, не страшна нам хазарская рать,
Коль мы не помешкав пойдем воевать.
С румийцами вновь договор заключим
Арабов немедленно в прах истребим.
Но грозный Савэ приближается к нам,

Чернейшее дело скрывается там.
Лишь турки с востока нахлынут волной
Губительна трата минуты одной.
Войска собери, ибо славный Хосрой
Велик был лишь силой своей войсковой".
Военные списки доставили вмиг,
Счет войска по спискам ста тысяч достиг
Пехоты и конницы. Молвил мобед:
"С такими войсками страшиться не след.
Но следует кривду из сердца изгнать,
Царям подобает народ охранять".
И к кесарю шах направляет гонца,
Ученого мужа, бойца и писца.
И кесарю молвит: "В румийской стране
Ты царь, а чужого не надобно мне.
Те земли, что взял у тебя Нуширван,
Возьми и не трогай Великий Иран".
И тотчас же кесарь, спокоен и рад,
Страны не обидев, вернулся назад.
От поднятой пыли померкла заря,
Войска собрались по приказу царя.
Хормизд их в армянские горы послал,
Хуррад фарроносный[12] начальником стал.
Дороги хазар преградили они,
В армянских горах победили они
И многих убили из вражьих полков,
И много набили добычей вьюков.
И понял Хормизд: пролетела беда,
Теперь на востоке лишь зрела вражда.

Мирхонд

Когда дух Хормизда от этих врагов освободился, он устроил совет с людьми разума и опытности об отражении Савэ-шаха. Тогда один из присутствующих на собрании доложил: "О государь! Отец мой такого человека знает, который по причине преклонного возраста, ныне, от службы отставленный, сидит дома". Хормизд сказал: "Да, я отца твоего хорошо знаю. Он во время Хосроя мою мать из Туркестана доставил в Иран. Теперь что ты о его словах скажешь?" Тот человек продолжал: "Когда вчера отец от меня услышал, что государю потребовался человек, чтобы послать его на войну с Савэ-шахом, то сказал: "Мне в этом случае следует рассказать, и я обязан довести до слуха царя". Когда Хормизд услышал это, то приказал себя об этой тайне осведомить.

Старец сказал: "В то время, когда меня послал справедливый государь, шах Нуширван, в Туркестан сватать дочь хакана, хакан меня пожаловал всяческими подарками и ласками, и, осведомившись о цели посольства, приказал, чтобы дочерей его мне предъявили, дабы я, одну из них выбрав, доставил в Мадаин[13]. Однако так как ханша-мать, которая была прабабушкой государю земли и времени и родственницей хакана, не хотела, чтобы ее дочь с ней разлучалась, она приказала, чтобы царевен и невольниц, разукрасив, мне показали, а дочь хакана без украшений была среди них. Но я, бросив взгляд на ту чистую жемчужину, похожую на высочайшего хакана, выбрал ее, причем хакан выказал расстройство. Хакан, послав к астрологу, приказал, чтобы тот посмотрел гороскоп этой великолепной звезды и об исходе

жизни девушки в Персии сообщил. После осторожного изучения астролог доложил: "Из небесного расположения явствует, что эта достойная женщина от персидского царя родит сына, низкого роста, с большими глазами и великим умом, и к нему перейдет после отца его царство; некто из этой страны (Туркестана) ополчится для завоевания его страны, но этот счастливчик предводителя, высокого мужа, с большим лбом, с вьющимися волосами, полным лицом, смуглого, со сросшимися бровями, худощавого и зловредного, на войну с ним пошлет; он враждебного царя убьет, войско его погубит и имущество разграбит". Когда хакан узнал небесные тайны, то с царскою роскошью снарядил дочь в дорогу, чтобы я ее в Мадаин доставил".

Произнеся эти слова в совете Хормизда, многолетний старец скончался. Шах и присутствующие весьма этим были удивлены, и все собравшиеся от ступеней высочайшего трона отправились на розыски; старательно ими занялись и после доложили государю: "Человек с вышеописанными приметами — это Бахрам Чубин. Он был один из спахбедов царского рода и с эпохи Нуширвана до времени Хормизда имел в своем ведении области Армению и Азербайджан. Он превосходил других персидских марзбанов обилием доблести, таланта и бодрости. После встречи с вельможами царства Хормизда Бахрама назначили на войну с Савэ-шахом. Когда указ о войне с Савэ-шахом для Бахрама Чубина был изготовлен, Хормизд, его из Армении вытребовав, приказал, чтобы войско, столь многочисленное, сколь он хочет, выбрал и на войну с Савэ-шахом отправился. Бахрам двенадцать тысяч знаменитых людей, в возрасте от сорока до пятидесяти лет, выбрал. Хормизд ему сказал: "Как ты со столь малым войском идешь на войну с человеком, у которого есть триста тысяч мужей?" Бахрам ответил: "То войско драгоценнее того, которое у него есть; многие из прежних полководцев считали, что с двенадцатью тысячами человек можно победить врагов несметных и войска неисчислимые".

Бахрам, совершив поход, достиг Хорасана.

Фирдоуси

Отправка Хуррада Бурзина к Савэ-шаху

Нить мыслей у шаха вилась в голове,
Он помнил о войске и силе Савэ.
Он думал: как будет держаться Бахрам?
И сердце разбила тоска пополам.
И ночью Хуррада Бурзина позвал,
К зловредному турку скакать приказал.
Сказал он: "К Герату сперва поезжай,
Там войско в долине увидишь ты. Знай,
Что это воитель Бахрам Чубина,
Да будет победа ему суждена!
Его отыщи и ему расскажи,
Что радостной вестью из лести и лжи
Раскину тенета в глубокой тени,
Но тайну от прочих надежно храни".
В дорогу немедля собрался Хуррад,
Явился к Бахраму под город Герат
И тайное дело поведал ему:
"Раскинуты сети врагу твоему".
И к шаху Савэ он один поскакал,
Туда, где стояли слоны и войска.
Увидел царя, поклонился ему,
Один на один подольстился к нему.

К Герату советовал двинуть полки,
И турки дошли до гератской реки.
Турецкий разъезд, отряженный в дозор,
Заметил войска и Бахрамов шатер,
Он быстро вернулся с докладом к Савэ,
"Там войско и витязь у них во главе".
Савэ, к отступленью не видя пути,
Хуррада Бурзина велел привести
И резкое слово, гневясь, произнес:
"Коварный, ты видишь утеса откос[14].
Ты послан Хормиздом меня обольстить,
Раскинуть тенета и в них заманить.
Ты путь мне указывал в руки врагу,
Иранцы стоят на гератском лугу".
Хуррад отвечает, склонившись пред ним:
"Не верь подозрениям черным своим.
Наверно, там просто восточный марзбан[15],
Быть может, купеческий там караван.
А может быть, кто-нибудь, алча наград,
Царю в подкрепленье приводит отряд.
Ну кто же посмел бы восстать пред тобой,
Коль реки и горы выходят на бой?
Разведчика надо направить туда".
И царь, успокоясь, ответствовал: "Да".
Хуррад, от царя возвращаясь в шатер,
Увидел, что ночь опускается с гор.
И скрылся от турок в глубокую тьму,
Чтоб смерть не приблизилась нынче к нему.
Царевича сразу направил хаган[16],
Велев разузнать, для чего пехлеван[17]
Явился с войсками под город Герат
И дал ему в свиту отборный отряд.
Царевич, до персов чуть-чуть не дойдя,
Отправил дружинника вызвать вождя.
Дружинник иранцам кричал: "Господа!
Кто вождь ваш? Пусть выйдет немедля сюда,
Затем, что наследник царя моего
Желает без стражи увидеть его".
Посыльного тотчас послали к шатрам;
Палатку немедля покинул Бахрам
И славное знамя поставить[18] велел.
Царевич, увидя его, подлетел

На резвом, покрывшемся пеной, коне
И крикнул: “То правда ль, как сказано мне,
Что будто в Иране обижен ты был
И кровью свое оскорбление смыл
И ныне явился союзником к нам?”
“Господь упаси меня, — молвил Бахрам. —
Я шаху Хормизду вернейший слуга,
Пришел я, чтоб выгнать из Парса[19] врага.
Лишь вести о турках китайских равнин[20]
С восточной границы дошли в Мадаин,
Хормизд меня вызвал и молвил: “Иди,
Пути их мечом и стрелой прегради”.
Царевич обратно, к отцу, поскакал,
И все рассказал, что от перса слыхал.
Уверился царь в подозренье своем,
Немедля послал за иранским послом.
“Бежал он”, — ответили слуги ему.
Он, кровью заплакав, сказал: “Не пойму,
Как путь отыскал себе этот злодей,
Ведь ночь и повсюду без счета людей,
Позор, коль преступно небрежен дозор,
Мы жизнью заплатим за этот позор”.

Сон Бахрама

Ответив нахальному турку, спахбед[21]
Созвал благородных к себе на совет,
И все согласились сражаться, да так,
Чтоб сделался день как полуночный мрак.
Заснули иранцы и турки. Покой
В ту ночь утомленному был даровой.
Бахрам удалился в палатку и лег.
Но боль отодвинуть от сердца не мог.
Приснилось ему, что турецкая рать
Во льва превратилась, чтоб с ним воевать.
Он видел, что войско разбито совсем,
К Багдаду дорога открылась совсем,
От витязей вражьих пощады он ждет,
И пеший, без спутников в поле идет.
Когда же очнулся от страшного сна
Был мрачно задумчив Бахрам Чубина.

Он встал и оделся и вышел, но сон
Друзьям рассказать не осмелился он.
Веселый и бодрый явился Хуррад
И молвил: "Для битвы настала пора,
Взгляни на врагов и на наши силки"[22]
И души иранцев храни от тоски.
Уж утро блестит, как румийки лицо,
Пора для сражения ставить бойцов".

Бой Савэ и Бахрама

Савэ обратился к своим колдунам:
"Колдуйте, — сказал, — чтоб иранским сердцам
Скорежиться, свиться, да так, чтоб вреда
Они не чинили для нас никогда".
И тут колдуны принялись колдовать,
Огонь они начали в небо бросать.
Все взвихрилось, черная туча пришла
И стрелы в иранцев метать начала.
Но понял и крикнул отважный Бахрам
Соратникам доблестным, верным друзьям:
"Закройте глаза, не смотрите кругом,
Ведите отряды на битву с врагом,
Бесовские стрелы не явь, а обман,
От них не бывает губительных ран.
Ведь турок придется оплакивать нам!"
И крик боевой полетел по полкам.
На поле сражения глянул Савэ,
Не видел успеха в своем колдовстве.
И как на ягненка бросается волк,
Так турки на левый ударили полк.
Разбили, на центр обратились, и тут
Увидел Бахрам, что иранцы бегут.
Трех турков он сам опрокинул с седла,
Промолвив: "Неправильно битва пошла,
Смотрите, каким должен сделаться бой,
Стыда у вас нет перед Богом и мной!"
И после он к правому прянул крылу,
Как лев, разъяренный в ответ на стрелу.
Когда же врагов и отсюда отбил
И знамя турецкое в прах уронил,

Вернулся и другу промолвил: “Беда!
Не сбыться бы этим словам никогда,
Но если все так же продолжится бой,
То всем нам бежать иль идти на убой.
Быть может, дорогу для бегства найдем”.
Искали, но горы стояли кругом[23].
Тогда обратился к соратнику он:
“Пред нами огромный железный заслон,
Лишь тот, кто пробьет его пикой стальной
К иранскому шаху вернется живой.
Нам будет спасение — сабля и нож.
Укройся щитом и в кинжалы... Даешь!
И если удача появится тут,
Нам будет корона наградой за труд.
Ну кто б из нас белое черным нарек?
Будь доблестью — верность, надеждою — Бог!”
Савэ обратился к своим старшинам:
“Откройте дорогу военным слонам
И войско в последнюю бросьте борьбу,
Чтоб сделать им черной и тесной судьбу”.
Спахбед на главу надевает шелом
И стрелы пускает весенним дождем.
И ринулось войско по следу вождя,
И звезд не видать от такого дождя.
Просверлены хоботы страшных слонов
Трехжальными[24] стрелами метких стрелков.
От боли слоны обратилися вспять,
Взбесившись, топтали турецкую рать,
Враги побежали, про битву забыв,
От крови долина, как нильский разлив,
Турецкое войско смешало ряды.
Закончилось дело победой Беды.
За войском своим на холме небольшом
Савэ на престоле сидел золотом,
Смотрел на доселе отважных солдат,
Подобно лавине бегущих назад.
Все пылью покрыты, душой смятены,
А пьяные кровью и битвой слоны
Давили бегущих и гибнущих зря.
Слезами наполнились очи царя.
Арабскую лошадь ему подвели,
Вскочил он в седло, чтобы скрыться в дали.

Но сзади, как слон опьяненный, Бахрам
С арканом и луком летел по пятам.
Иранцам крича: "Горделивые, эй!
Беда их отметила меткой своей!
Окончилось время секретных речей,
Настала пора для старинных мечей!
Колите и стрелы пускайте опять,
То всадников дело — колоть и стрелять!"
На чалом[25] коне, как на скачущем льве,
Покинувши трон, уносился Савэ.
В руках у Бахрама мелькнула стрела —
Из тополя древко, а перья орла,
С подобным воде[26] закаленным концом
И лук, заскрипев, изогнулся кольцом.
Когда же спустил тетиву Чубина,
То в турка до перьев вонзилась она.
Секунды Савэ не остался в седле,
Кровавый поток побежал по земле.
Так умер владыка златого венца
И рати, не знавшей числа и конца,
Затем лишь, что неба таков поворот[27],
А в нем состраданья никто не найдет.
Когда же приблизился грозный Бахрам
К кровавому трупу, лежавшему там,
И царскую голову саблей отсек,
Туда не пришел ни один человек.
Лишь после бегущие турки нашли
Безглавое тело в кровавой пыли,
И землю наполнили стоном своим,
А небо взволнованно вторило им.
"То Божие дело, — сказал Пармуда[28], —
Что счастье Бахрама не спало тогда".
В ущелье стремилась толпа беглецов.
Ущелье, от давки, полно мертвецов.
Один из десятка, оставшись живой,
Бежал, не убитый иранской стрелой,
Ни острою саблей, ни длинным копьем,
Ни жаждущим крови безумным слоном.

Казнь колдуна

К девятому часу кровавого дня
Живыми остались лишь те, что, стеня,
Стояли, опутаны цепью стальной,
С израненным телом и горькой душой.
Кольчуги и шлемы валялись в пыли,
Те шлемы сегодня голов не спасли.
Без всадников кони бродили везде,
И кровь растекалась подобно воде.
Спахбед неустанно бойцов объезжал
Чтоб видеть, кто жив, кто в сражении пал.
И, встретив Хуррада, велел разузнать:
"О ком надлежит нам теперь горевать?"
Хуррад, не замедлив, пошел по шатрам,
Увидев, что убыл из войска Бахрам,
Племянник спахбеда, один из вождей,
Искал и расспрашивал всюду людей,
Пытаясь напасть на утерянный след,
И трупы проверил, но знатного нет.
Спахбед с огорченьем про это узнал.
"О храбрый и добрый", — он с грустью сказал.
Вдруг вечером поздно является тот
И рыжего турка с собою ведет,
Урода, от злобы бессильной в слезах.
"О, вечно живи и не падай во прах!" —
Промолвил Хурраду великий Бахрам,
А гнусного турка допрашивал сам:
"Ты, адская рожа, теперь отвечай,
Родню без утайки свою называй!
Ведь матери плакать твоей надлежит".
И турок, склоняясь пред ним, говорит:
"Колдун я, а знатность чужда колдуну,
Когда ж предводитель идет на войну
Я сны колдовством насылаю на тех,
Кто тверд, чтоб спасался стремительней всех.
Твой сон — это дело науки моей,
Да надо бы средство искать посильней.
Под темным влиянием вредной звезды
На ветер пошли колдовские труды,
Но дай мне пощаду, и в новой борьбе
Полезным и верным я буду тебе".

Задумался, просьбу услышав, спахбед
И сделался желтым лица его цвет:
“Быть может, в какой-нибудь новой войне,
Искусство его пригодится и мне”.
Но после раздумья промолвил: “Савэ,
Нашел ли спасенье в его колдовстве?
Все доброе Бог посылает тому,
Кто, помня о благе, стремится к нему”.
Он голову турку велел отрубить
И душу от тела велел отделить.
И казнь совершилась. Он, на ноги встав,
Сказал: “Ты, который воистину прав,
Победность, Величие, Царский Венец,
Печаль и Веселие наших сердец,
Священная Мощь над высот высотой!
Тот счастлив, кто смеет идти за тобой!”
А писарь великий[29] промолвил: “Спахбед,
Один ты, другого подобного нет.
Не знали таких Феридун, Нуширван.
Ты трон утверждаешь, спасая Иран,
Народ охраняешь от злобной судьбы,
Тебе пехлеваны другие — рабы.
Отважным на поле и мудрым в совет,
Приходишь, потомок спахбеда, спахбед,
Прекрасен рожденьем, прекрасен на вид...
Поистине истинный ты Кеянид”[30].
И воины те, что вокруг собрались,
Прослушавши слово писца, разошлись.

КОММЕНТАРИИ

1 *Хормизд ибн Нушырван* — персидский шах (579—590), сын Хосроя Нушырвана и тюркской царевны. Известен своей свирепостью в борьбе с аристократией. Был низвергнут аристократами-заговорщиками и убит.

2 *Савэ-шах* — тюркский царевич, настоящее его имя было Янг-Соух, т.е. "Большой мороз". Искажение чтения имени возникло в IX—X веках при переходе на арабскую графику и арабские стихотворные размеры. См.: *Гумилев Л.Н.* Великая распря восьмидесятых годов VI века.

3 *Рум* — Римская империя, в данном случае Византия.

4 *Аравия* — в VI веке не составляла единого государства; отдельные шейхи, фактически сохраняя самостоятельность, номинально подчинялись то Ирану, то Византии.

5 *Хазары* — как народ в VI веке еще не сложились; упоминание их в источнике является анахронизмом. На самом деле это были западные тюрки и союзные с ними кавказские племена.

6 *Бахрам Чубин* — полководец из старинного парфянского рода Михран. Имя его пишется то как "Чубин", то как "Чубина". Поскольку Фирдоуси последовательно придерживается второго варианта написания, мы следуем ему в переводе текста "Шах-наме".

7 *Михран-ситад* — приближенный Хосроя Нушырвана; в 569 г. ездил послом к тюркам и заключил с ними мир, скрепленный браком шаха с дочерью хана. См. примеч. 1.

8 *Амр* и *Аббас* — арабские шейхи, кочевавшие между Ираком и Сирией. Они продавали свои услуги и персидскому шаху и византийскому императору, не стесняясь изменять обоим.

9 *Мобеды* — жрецы зороастрийской религии; поскольку звание мобеда было наследственным и требовало известной грамотности, мобеды сосредоточили в своих руках большую часть гражданского управления.

10 *Зороастрова* вера, или маздеизм, — религия, трактующая мир как борьбу доброго и злого начал, богов Ормузда и Аримана. Основана мудрецом Зердуштом, или Зороастром, жившим в восточном Иране около IX века до н.э.

11 *Писцы*, или дабиры (перс.). Кроме мобедов, в Сасанидском Иране в гражданской службе использовались светские образованные люди из высших сословий.

12 *Фарр* — право на власть, согласно теориям древних персов, являющееся прирожденным и окружающее, как нимб, голову законного властелина.

13 *Мадаин* — столица Персии, называемая также Тисбон, в греческой передаче Ктезифон, и Багдад. Последнее название было перенесено на новую столицу арабских халифов, построенную ниже по течению Тигра. Буквально Мадаин (араб.) значит "города", так как с Ктезифоном срослась в один город древняя Селевкия, расположенная на другой стороне Тигра.

14 *Утеса откос* — фигуральное выражение, означающее опасность.

15 *Марзбан* — пограничный военачальник.

16 *Хаган* — древнее произношение слова "хан".

17 *Пехлеван* — богатырь, витязь, храбрец.

18 *Славное знамя поставить велел* — это означает, что он повел переговоры совершенно официально как лицо, уполномоченное шахом.

19 *Парс* — древнее название Персии, для этой эпохи синоним слова "Иран".

20 *Турки китайских равнин* — восточные тюрки, по мнению Фирдоуси, господствовавшие в Китае. Это название для VI века является анахронизмом, но династия Тан, воцарившаяся в Китае в 619 г., действительно была тюркского происхождения и

опиралась на тюрок, живших у Великой Китайской стены, что дало мусульманским авторам повод называть восточных тюрок китайскими.

21 *Спахбед* — главнокомандующий, воевода.

22 *Наши силки* — имеется в виду Герагская долина, оказавшаяся ловушкой, куда Хуррад Бурзин заманил тюрок Савэ-шаха, чтобы вынудить его отказаться от маневрирования и принять решительный бой.

23 *Горы стояли кругом* — Герагская долина окружена высокими горами и имеет только два выхода: узкий проход Бароpон, вдоль течения Герируда, и перевал в юго-западной части через хребет Аман-кух. Тюрки прошли через Бароpон и оставили его в тылу, а от перевала персов отрезала быстрая горная река Герируд. Помимо этого, подъем на высокую гору не мог быть совершен в боевой обстановке, так как противник немедленно смял бы тылы.

24 *Трехжальные стрелы* — трехгранные наконечники с заточенными ребрами, употреблявшиеся как пробойные.

25 *Чалый конь* — масть, весьма ценившаяся в Срединной Азии, наравне с рыжей, так как эта категория светлых мастей считалась символом солнечного сияния.

26 *Подобный воде наконечник стрелы* — стальной и настолько хорошо закаленный, что блеском напоминает поверхность воды.

27 *Поворот неба* — представление это очень древнее и сопоставимо с индийской теорией кармы и эллинским учением об "ананке" — роке. Это — безликая закономерность Космоса, управляющая человеческими судьбами, но глухая к переживаниям людей.

28 *Пармуда* — сын Савэ-шаха; имя его, буквально означающее "Приказной", является переводом тюркского слова "буюрук", имеющего то же значение и, возможно, употреблявшегося в древности как имя собственное или прозвище.

29 Писарь Великий — дабир-и-бузург — высокая должность в Сасанидском Иране, нечто похожее на "канцлер".

30 *Кеянид* — древняя легендарная династия персидских царей; в данном контексте — фигуральное изображение царственного величия.

Статуэтки воинов из Туюк-Мазара

В Музее этнографии Академии наук СССР хранятся три статуэтки, значащиеся под № 1, 2, 3 и изображающие воинов. Из них две конные и одна пешая. Аналогичные фигуры и другие предметы того же происхождения хранятся в Государственном Эрмитаже, куда они были переданы из Музея этнографии в 1932 г. Статуэтки являются частью коллекции турфанских вещей, купленных у кладоискателей на средства экспедиции С.Ф.Ольденбурга консулом Н.Н.Кротковым[1]. Место находки — Туюк-Мазар. Общее количество вещей этой коллекции 353. Коллекция состоит из "терракотовых фигур и обломков деревянных и металлических предметов"[2]. В настоящее время большая часть ее хранится в Эрмитаже, но даже та часть коллекции, которая оказалась мне доступной, дала возможность высказать ряд соображений по истории Центральной Азии. Надо надеяться, что дальнейшее опубликование этой коллекции принесет еще более плодотворные результаты[3].

ОПИСАНИЕ СТАТУЭТОК

Воины. Статуэтки воинов, конные и пешие, сделаны из лессовой глины и раскрашены. У одного из всадников (МАЭ) отсутствуют обе руки, у второго одна рука сломана, другая лежит на шее коня и, по-видимому, держит поводья. Всадники Эрмитажа той же сохранности. Пехотинец из коллекции МАЭ сохранился лучше эрмитажных и положен в основу описания. Размеры всадников МАЭ (оба одной вели-

чины): общая высота 35 см; высота холки коня 24 см; высота крупа коня 19 см; высота сидящего всадника от носка до головы включительно 24 см; ширина плеч всадника 6 см; ширина крупа коня 8 см; высота пехотинца 27 см; ширина его плеч 0,5 см; высота до плеча 20,5 см[4]. Пехотинцы и всадники одеты одинаково, причем одежда, приспособленная для конной езды, указывает на то, что пехотинец является сошедшим с коня всадником, а не особым родом войск.

Боевая одежда не имеет различия, что дает основание толковать ее как униформу. Она состоит из головного убора и панциря.

Головной убор напоминает современный казахский малахай. Это островерхая шапка, сзади ниспадающая на плечи и спину. Малахай покрыт металлическими пластинками, как показывает расцветка, — сочетание желтого, белого и синего цветов, создающее впечатление металлического набора (железо и медь). Малахай снабжен коричнево-красной оторочкой (мех).

Воины одеты в халат с высоким, доходящим до подбородка воротником. Цвет халата в пяти случаях светло-зеленый, в одном — белый и в двух — охряно-красный. По-видимому, халат был личной одеждой, а не частью униформы. Халат доходит до половины голени и застегивается на правую сторону, так что *левая пола оказывается сверху* (см. ниже). Поверх халата надет панцирь из металлических пластин, отороченный коричнево-красной каймой. Панцирь доходит до колен, подпоясан узким поясом, рукава короткие, выше локтей. Надевался он, очевидно, через голову. Этот панцирь сходен с сарматским катафрактом[5] и характерен для тяжелой конницы. Аналогичные панцири применялись до недавнего времени в Тибете, причем пластины связывались между собой ремешками[6], но надо полагать, что в более раннее время этот тип вооружения имел широкое распространение, пока не был вытеснен кольчужной рубашкой, как более совершенной, легкой и прочной[7].

На ногах шаровары, желтые с черными пятнами (вероятно, барсовая шкура), доходят до щиколоток и заправлены в сапоги. Сапоги черные, мягкие, вероятно, войлочные (так как они не облегают ногу, а имеют свою форму, как валенки), походят на те, которые до нашего времени носят в Тибете и Восточном Туркестане, что показывает принадлежность к восточноазиатской культуре.

Оружие сохранилось только у пешего воина. Это длинная легкая пика (камышина), годная для кавалерийского боя.

Несмотря на близость этой одежды к тибетской, мы наблюдаем существенное различие: отсутствует напуск около пояса, характерный для Тибета и не применяющийся центральноазиатскими кочевниками.

Лошади. Лошади сделаны внимательно и носят на себе ряд видовых черт, позволяющих уточнить их породу. Они крупны, с широким крупом, тонконогие, короткошеие, с тяжелой головой. Грива, расчесанная и подстриженная, подчеркивает тщательный уход.

Эти лошади не имеют ничего общего с монгольскими, но весьма похожи на изображения Саманидской эпохи, в особенности на статуэтку из Хо-Нани[8]. Масть их различна: одна гнедая, другая игреняя, третья серая в яблоках, четвертая светло-голубая. Если три первые реалистичны, то голубой цвет имеет, как я полагаю, символическое значение, которое я постараюсь истолковать ниже в другой связи.

Особое внимание обращает конская сбруя. Широкое седло, без подушки и с низкой передней лукой, лежит на двух черных потниках, причем нижний снабжен белой каймой. Седло светло-желтое, вероятно, деревянное, снабжено круглыми стременами, подхвостником, нагрудником и пятью тороками; в отличие от современных седел от нагрудника идет дополнительная шлея через спину лошади, впереди седла. Вероятно, назначение ее — облегчить спуск при горной езде, к которой приспособлено седло. Сбруя украшена белыми круглыми бляхами, может быть, серебряными, и сердцевидными оранжевыми или бурыми кистями, висящими на нагруднике, подхвостнике и узде.

Лошади не взнузданы, что указывает на их хорошую выучку; грива подстрижена. Все это создает впечатление хорошо натренированного и подготовленного кавалерийского коня, которого любят и на которого надеются в трудные минуты.

Всадники сидят в седле, свесившись на бок (казачья посадка), что обличает людей, проводящих в седле большую часть жизни. Стремена, в отличие от современной езды кочевников, опущены низко. Отсутствие аналогий заставляет предполагать, что посадка продиктована практическими соображениями: высоко подтянутые стремена удобны для стрельбы из лука и закидывания аркана, так как всадник, держась коленями, не зависит от тряски, тогда как при длинном стремени всадник, держась на шенкелях, приобретает устойчивость, необходимую для рубки и колки длинной пикой (ср. казачью езду).

Необычно большое количество тороков заставляет предполагать, что для наших всадников длинные переходы и добыча были явлением предусмотренным, т.е. это было не гарнизонное, а полевое войско.

В заключение необходимо остановиться на физическом типе. Лица воинов отображают не индивидуальные, а типологические черты. У них выражены брахицефалия и plica mongolica, брови приподняты, глаза раскосые, прямой и низкий нос. Скулы не очень широки, но выпуклы, лица широкие. Редкие усы, висящие вниз или подкрученные, и скудная растительность на подборке дополняют характеристи-

ку. На одной статуэтке показаны волосы, зачесанные назад. Это, несомненно, монголоидный тип народности — не монгольской, но близко стоящей к монголам.

ДРУГИЕ ФИГУРЫ

Кроме воинов, в коллекции имеются статуэтки и бюсты мирных людей, причем они не менее интересны для исследования. Три из них изображают, по нашему мнению, турфанцев — представителей местного населения. Они того же размера, в той же позе, что пешие воины. Одеты в светло-зеленые халаты, подпоясанные узким черным поясом, и в мягкие сапоги. Голова немного нагнута, и руки сложены на груди, как у пеших воинов, но на этом сходство оканчивается.

Физический тип одного из них не имеет в себе ни одной монголоидной черты: густые брови, подчеркнуто большие глаза, борода не только на подбородке, но и на скулах, густые усы, тонкий высокий нос, маленький рот с полными красными губами — все обличает иной, хорошо нам известный антропологический тип, ныне обитающий в Туркестане как Западном, так и Восточном. Другая статуэтка в светло-зеленом халате имеет больше монголоидных черт, но не столь много, как воины. Третья, в темно-синем халате, относится к среднему типу. Очевидно, гражданское население Турфана было этнически смешанным.

Замысел художника — подчеркнуть антропологические черты — совершенно несомненен.

Вторым существенным отличием гражданского населения от воинов является прическа: волосы зачесаны назад и заложены на темя пышным воланом. Это сооружение прикрыто черным колпачком с круглым верхом, со складками и завязками. Точно такую же прическу имеет китаец, бюст которого входит в нашу коллекцию. Бюст этот сделан из той же лессовой глины и посажен на деревянную подставку. Здесь расовые черты подчеркнуты как нельзя более: узкие глаза, plica mongolica, широкие редкие брови, короткий плоский нос и сильная скуластость. Однако, в отличие от прочих статуэток, этому лицу приданы индивидуальные черты — морщины на лбу, у углов губ и глаз. Это лицо пожилого, некрасивого, но умного и живого человека.

Вторая головка, в основном совпадая с первой, имеет индивидуальные отличия: глаза сужены, морщины углублены, выражение более меланхолично. Очевидно, китайские лица были художнику ближе и понятнее, и потому он невольно придавал им выражение, тогда как иноземцы сделаны шаблонно, на одно лицо.

Перехожу к рассмотрению трех фрагментов женских фигур. Бюст китаянки окрашен не матовой, а глянцевитой краской. Это — китайская красавица, "Бут чини" персидских сказок, с широким лицом, чуть раскосыми глазами и румянцем во всю щеку. На прическе, подобной мужской, укреплен гребень, или шапочка имеет вид гребня, от затылка справа вверх налево к темени. На черном колпачке золотые украшения. На лбу красный знак <....> (татуировка).

Второй бюст существенных отличий не имеет.

Третий фрагмент женской фигурки совершенно иной. Сохранилась верхняя часть статуэтки, до пояса. Грудь плоская, лицо длинное и широкое, похожее больше на современные казахские и узбекские, чем на китайские. Головной убор представляет колпак, вершина которого лежит надо лбом, а задняя часть спадает на спину. На висках отвороты. Колпак синего, а отвороты красного цвета. Я полагаю, что отличия в типе и головном уборе дают основания отнести это изображение женщины не к китайскому, а к кочевому миру.

Сравнивая наши статуэтки, мы видим, что художник подчеркнул психофизические черты, придав воинам общее выражение решительной жестокости, турфанскому крестьянину — тупой покорности, китайцу — хитрости и ума, а китайская красавица оказалась утонченной орхидеей из гаремной оранжереи. Эти наблюдения помогут нам также при интерпретации памятника, поэтому я и уделяю им внимание.

В заключение нужно сказать, что эти статуэтки ни в коем случае нельзя считать предметами, рассчитанными на эстетическое воздействие на зрителя. Делались они, видимо, трафаретно и довольно небрежно, что видно из того, что при раскраске панцирей синяя краска, сливаясь с желтой, дала грязно-зеленые пятна.

МЕСТО НАХОДКИ СТАТУЭТОК

Название места, откуда они получены, также привлекло мое внимание. Мазар — общеизвестное название могилы, погребения. Этимология слова Tyjyk — 1) запертый, огражденный; 2) целый, полный; 3) запруда, закрытое место[9] — не дает путей для решения вопроса. Но в географической литературе по Турфану мне удалось найти описание этого места: Туюк — ущелье, по которому протекает небольшая чистая речка. Небольшой оазис с садами и виноградниками. По обеим сторонам ущелья, на расстояния мили от его начала, расположено большое количество храмов и склепов, сильно пострадавших от кладоискателей. Могилы эти были издавна местом паломничества[10]. Туюк-Мазар — самое крупное погребальное сооружение среди развалин

западной части горловины ущелья. Центральная часть его состоит из камеры и двух рядов сводчатых комнат по бокам. Комнаты эти примыкают к скале, в которой выдолблены кладовки[11]. Это несомненные склепы, и отсюда вытекает назначение этих статуэток. Мы знаем, что по древнему китайскому погребальному обряду в могилы знатных людей вкладывались изображения рабов, стражи, наложниц, домашних животных, макеты пищи и т.п. Эти изображения (ныне делаемые из бумаги) заменили первоначальные кровавые жертвы людей и животных. И тут мы имеем дело с обычным китайским погребением или погребением по китайскому образцу. То, что наши статуэтки действительно оттуда, подтверждается совершенно аналогичной статуэткой Стейна, к сожалению, так же как и наши, купленной у кладоискателей[12]. Очевидно, это интереснейшее погребение было совершенно разграблено и уничтожено.

Однако я не отказываюсь от надежды интерпретировать и датировать памятник. Это можно сделать двумя путями: 1) привлекая материал по истории Центральной Азии и Китая и 2) исследуя литературу по древностям Турфана в поисках аналогичных погребений. Оба пути приводят нас к цели, но первый путь исследования дает нам при достаточном истолковании памятника лишь примерную датировку, которую второй уточняет, подтверждает и дополняет. История и археология вместе дают полноценные выводы.

КОГО ИЗОБРАЖАЮТ СТАТУЭТКИ

В логике равно допустимыми считаются два типа доказательства: 1) прямое и 2) косвенное, от противного. Мы ничего не знаем об оригиналах наших статуэток, поэтому прямое доказательство здесь неприменимо. Об истории Центральной Азии мы имеем некоторые сведения и, идя от нее, можем косвенным путем добраться до интересующего нас результата.

Начнем с отрицательных суждений.

Наличие стремян показывает, что нижней пограничной датой является VI век, так как раньше металлические стремена известны не были.

Следовательно, наши воины не гунны, не усуни и не юэчжи. Мало данных считать их жуань-жуанями. Равным образом: облик монгольского воина нам хорошо известен (см.: Ars Asiatica. 1, с. 38)[13]. Посадка, одежда, порода лошади настолько отличны от наших всадников, что мы без труда можем принять XII век за верхнюю пограничную дату и, исходя из этого, заключаем: они могут быть либо китайцы, либо тибетцы, либо уйгуры, либо тюрки.

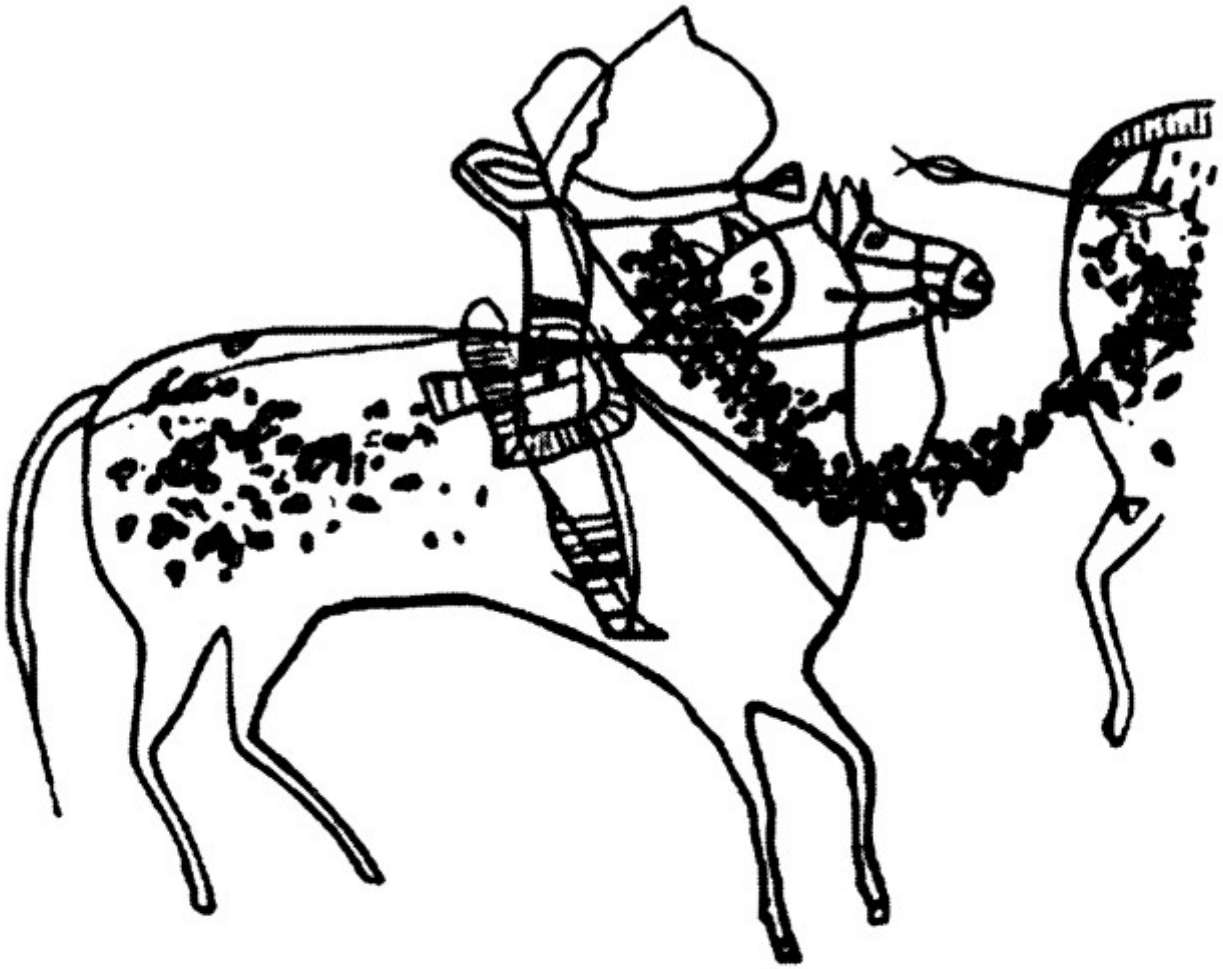
1. Пеший воин из Туюк-Мазара. Фас
2. Пеший воин из Туюк-Мазара. Профиль

3. Воин из Туюк-Мазара

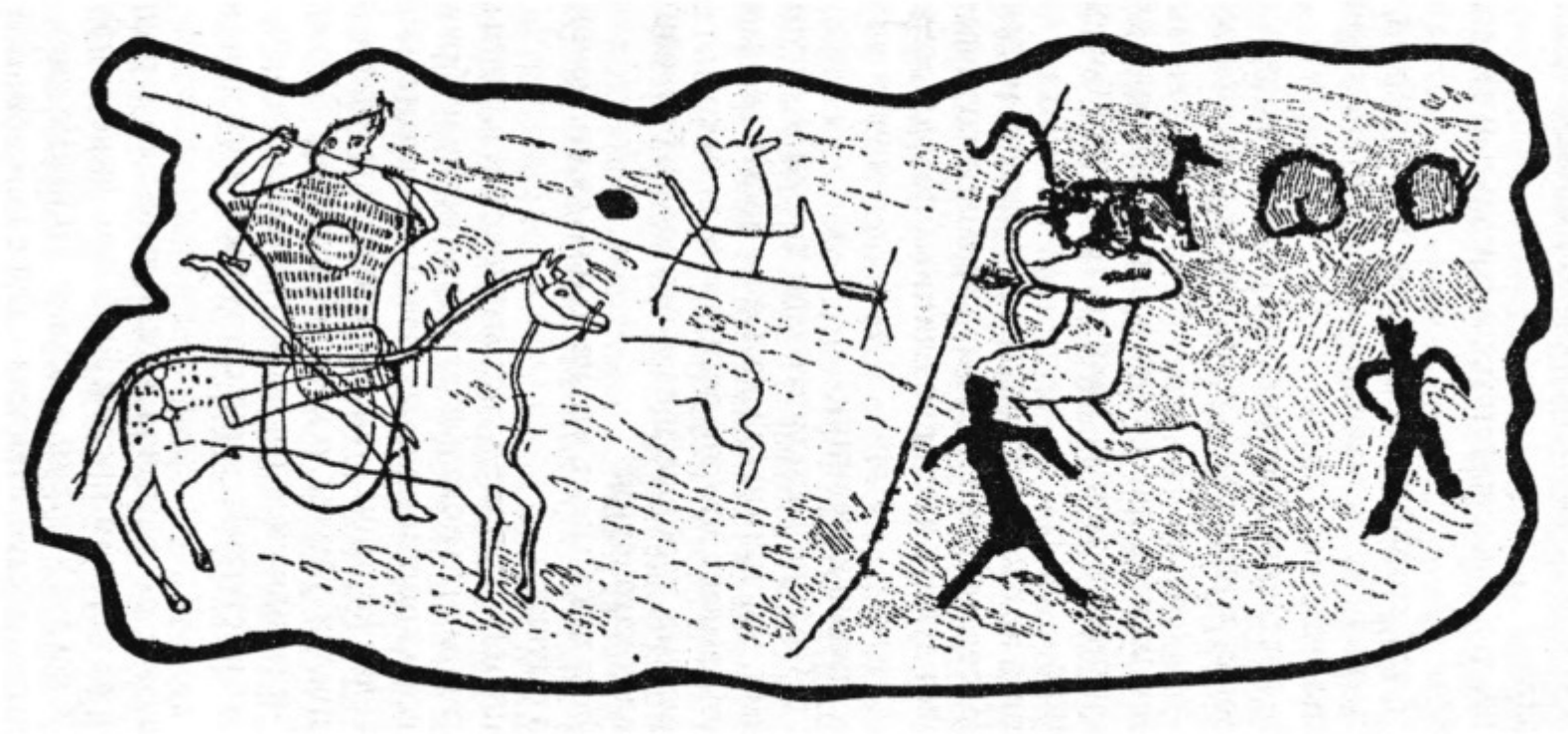
4. Лошадь из Астаны
(Раскопки Стейна)

5. Всадник из Туюк-Мазара

6. Лошадь из Астаны (Раскопки Стейна)



7. Тюркский всадник на охоте. Наскальное изображение из Сулека



8. Бой тюркского кавалериста с горцем-стрелком. Наскальное изображение (Публикация Аппельгрен-Кивало)

Но они не китайцы, так как носят левую полу наверху (левополые — кочевники, в частности тюрки; см.: *Иакинф.* Собр. свед. I, II, с. 26). Тип лица также не китайский, не монгольский и не тибетский, смягченность монгольских черт свойственна "западносибирской расе" (по Ярхо), т.е. тюркам.

Они не тибетцы, так как отсутствует характерный тибетский напуск одежды у пояса.

Они не могут быть согдийцами, персами или арабами, так как монголоидность, подчеркнутая мастером очевидно, не случайна. Не случайна и восточно-азиатская обувь.

Они не местное население Турфанского оазиса, так как:

а) посадка обличает кочевников, а не севших на коней земледельцев;

б) одежда предназначена для конного строя, ибо она длинная и широкая, равно длинная и тонкая пика не годна для борющегося с конницей пехотинца;

с) Турфан никогда не был агрессивным государством, предпринимавшим далекие завоевательные походы, а большое количество тороков (пять) заставляет думать именно о длинных походах, связанных с добычей.

Итак, остаются только кочевники.

В этот период в Турфане господствовали тюрки и уйгуры. Чтобы выбрать между ними, мы должны сделать еще несколько замечаний:

а) униформа показывает, что это регулярное войско;

б) длинные стремена, удобные для рукопашного боя, свидетельствуют, что это тяжелая кавалерия;

в) отсутствие удил показывает, что не только люди, но и кони прошли специальную выучку;

г) обилие украшений говорит о состоятельности владельцев.

Эти воины — горцы, что показывает форма седла и сбруи (нагрудники, подхвостники и дополнительная шлея). Следовательно, это была регулярная тяжелая конница, укомплектованная горцами. Такими не могли быть степняки-уйгуры, о коих мы читаем: "В сражениях не строятся в ряды; отделившейся головой (головным отрядом) производят натиск. Вдруг выступают, вдруг отступают, постоянно сражаться не могут"[14].

Не менее показателен разговор между тибетским полководцем Шан Шацзяном и китайским послом Ли Юань-дином, происходивший в 20-х года IX века: "Уйгурия, — сказал Шан Шацзян, — в сущности небольшое государство. Некогда я вел с ней войны и уже подходил к ее столице, когда неожиданная смерть государя потребовала моего возвращения на родину. В военном отношении эта держава не

может считаться нашим соперником. Чем же объяснить то уважение, которое питает к ней императорское правительство?"

"Мы уважаем это государство за то, — отвечал китайский посол, — что оно свято блюдет договоры и не покушается на чужие земли"[15].

И в самом деле, вольнолюбивые уйгуры, отчаянно отстаивавшие свою самостоятельность от жуань-жуаней и тюрок, оказались неспособными создать хоть сколько-нибудь прочное государство, а раз нет государства, то не может быть и регулярной армии.

Все вышесказанное убеждает нас, что оригиналы наших статуэток уйгурами не были.

Мы полагаем, что они были тюрками, и в данном случае мы имеем возможность применить прямое доказательство. Первым доводом, говорящим в пользу этого предположения, является голубой цвет одной из лошадей, необъяснимый с позиций реалистического искусства, но вполне понятный как символический. Голубой цвет был национальным и любимым цветом тюрок, и в орхонских надписях даже ко всему народу тюрок применяется эпитет "кок" — голубой[16]. Дальнейшая аргументация потребует привлечения материала из политической истории тюрок.

История тюрок начинается с 430-х годов VI века, когда в Китае впервые появилось посольство этого народа. Что-то заставило китайское правительство отнестись с вниманием к небольшому племени, затерянному в горах Алтая и подчиненному жуань-жуаньскому кагану. И действительно, история улыбнулась тюркам. В 546 г. Тумын покоряет уйгуров, действуя как вассал жуань-жуаньского кагана Анахуаня. Вслед за этим он поднимает восстание и наголову разбивает жуань-жуаней в 552 г. Анахуань кончает самоубийством, а остатки его орды, бежавшие в Китай, истреблены там в 556 г. В том же году удачным набегом разорено королевство Тогон, а к 560 г. покорены кидани и киргизы. Тюркские владения доходят до Желтого моря на востоке и Верхнего Енисея на западе. На юге, действуя в союзе с персами, тюрки сокрушают державу эфталитов в 563—567 гг. и доходят до Амударьи, а в 576 г. мы находим их осаждающими Боспор. Двумя набегами они принуждают империю Ци к уплате тяжелой и унизительной дани. В 582 г. Шету-Шаболохан мог мобилизовать 400 000 стрелков[17]. За какие-то 30 лет (одно поколение) небольшое алтайское племя стало гегемоном Азии. В дальнейшем Суйская династия, располагая средствами объединенного Китая и первоклассным лазутчиком в лице Чжан-сунь Шена, пользуясь распрями в среде тюрок и союзом с восставшими против тюрок племенами, не только не смогла подчинить Тюркский каганат, но сама пала под ударами основателей династии Тан — Ли Юаня и Ли Шиминя, опиравшихся на союз с тюрками, в 618 г.

Что могло привести к таким успехам или, вернее, откуда взялись у тюрок силы для таких завоеваний? Это одна из загадок средневековой истории Центральной Азии. Не менее загадочен и другой факт: в 630 г. Восточно-Тюркская держава пала. Это тем более странно, что война 620—626 гг. была выиграна тюрками; дальше идут почти непрерывные успехи не Китая, а Танского правительства. В 641 г. разгромлено племя сеяньто, сильнейшее из уйгурских племен. В 640 г. покорен Гаочан, а в 648 г. взята Куча. В результате войны 653—657 гг. Западно-Тюркская держава покоряется Танскому правительству и вплоть до 70-х годов VII века Китай является гегемоном Азии. Вдруг его сила куда-то исчезает, а тибетцы, тюрки, уйгуры и арабы лишают Танское правительство всякого влияния к северу от Великой стены за целое столетие до того, как внутренние неурядицы повлекли разложение и крушение династии Тан.

Это — третья загадка, и мне кажется, что разобраться во всех этих загадках частично могут помочь наши всадники.

Возвращаясь к вопросу о принадлежности оригиналов наших статуэток, я укажу, что только одно войско в VI—VIII веках соответствовало всем отмеченным нами положительным признакам, т.е. было тюркским по происхождению, горным, восточноазиатским по культуре, регулярным и совершавшим далекие походы.

Это "фули" — "волки" китайских источников, непобедимая гвардия тюркских ханов. На вооружении их состояли "роговые луки со свистящими стрелами, латы, копья, сабли и палаши. Знамена с золотой волчьей головой".

Термин "латы" — cuirasse (Жюльен) возбуждает сомнения, но китайские слово "цзя" означает вообще панцирь, а не только латы, причем в «Цы-Юань» (т. II, с. 58) указывается, что в это понятие входят различные роды вооружения; характерно, что в этом описании упомянут панцирь, тогда как в описании уйгурского вооружения панцирь отсутствует[18]. Из этого следует, что тюркское войско отличалось от прочих кочевых не только наличием организационного ядра, но и техническим нововведением — тяжелой панцирной кавалерией. Чтобы разобраться в этом явлении, мы должны обратиться к тюркской доистории, т.е. к V веку. В 439 г. один из пограничных кочевых князей Ашина бежал к жуань-жуаням и, поселившись по южную сторону Алтайских гор, добывал для них железо[19]. С добыванием железа связаны и легенды о происхождении тюрок[20]. Железо в Центральную Азию до того времени ввозилось из Китая и, может быть, Ирана и поэтому не имело широкого распространения. Китайский хронист не случайно подчеркнул металлургические способности тюрок. На наших статуэтках мы также наблюдаем металлический набор, в котором железо играет главную роль.

Теперь становится понятно, какую грозную силу представляло технически оснащенное ядро тюркских войск. Сотни тысяч стрелков из лука не могли сделать того, что сделали несколько тысяч панцирных копьеносцев. Конечно, ни держава жуань-жуаней, представлявшая собой просто разросшуюся разбойничью банду, ни разрозненные и технически отсталые орды огоров, тюргешей, киргизов, киданей, ни миролюбивые китайские крестьяне, руководимые конфуцианскими философами[21], ни разложившиеся позднесасанидские войска не могли равняться с этой грозной, упорядоченной и рвавшейся к добыче армией. Это объясняет многое. Как только Ли Шиминь Тай-цзун, будучи сам инородцем, сумел привлечь на свою сторону хотя бы часть этих солдат и противопоставить их другой части, преимущество перестало действовать, и Восточно-Тюркская держава пала (630).

Насколько важно было для Тай-цзуна удержать в своих рядах тюрок, видно из его политики по отношению к остаткам орды и кагану Ашине Сымо, которому, случайно раненному стрелой на охоте, сам император стал отсасывать кровь. Пока Танское правительство располагало тюркскими контингентами, оно побеждало повсюду, но как только недальновидная политика преемников Тай-цзуна вызвала в 681 г. всеобщее восстание тюрок, то Танское правительство не нашло сил ни для подавления восстания, ни для продолжения агрессивной политики, ни для защиты собственных границ от возрастающего могущества тибетцев. Конечно, предприятие Кутлуга и Тоньюкука было обречено на гибель. За полтораста лет ситуация успела измениться. Появились арабы, активизировались тибетцы, сложился союз киданьских племен, и заклятые враги тюрок — уйгуры имели достаточно железного оружия, чтобы охранять свою независимость. Удивительно другое: что тюрки сумели продержаться 60 лет, прежде чем были разбиты и физически истреблены теми племенами, для которых они в продолжение двухсот лет были источником страха, оскорблений и обид. В огненных строках орхонских надписей отражена безнадежная, последняя борьба тюрок против всех, а об их страшном конце мы читаем в сухом изложении «Тан-Шу». Тюркская орда жила и погибла, как волк, голову которого она несла на своих знаменах, не давая и не прося пощады[22].

Решив вопрос об этнической принадлежности наших статуэток, мы должны уточнить его как в смысле датировки, так и в смысле назначения и роли оригиналов и самих статуэток в периоды Гаочанский и Китайский.

Турфанский оазис издавна был одним из крупнейших культурных центров Восточного Туркестана. Китайцы вели из-за него ожесточенную войну с гуннами и, одержав победу, основали там военную колонию Гаочан-лей[23]. В период смуты после падения дома Хань Китай

потерял Восточный Туркестан, но большое количество китайцев осело на благодатных почвах Турфана. Полной самостоятельностью Гаочан не пользовался, последовательно подчиняясь жуань-жуаням, гаогюйцам, и наконец в 590 г. был завоеван тюрками. Однако это завоевание не означало прекращения местной династии. Тюрки лишь заставили гаочанцев принять в знак покорности тюркские обычаи и одежду[24]. Все это время в Гаочане боролись китаефильская и сепаратистская партии, причем последняя опиралась на кочевников. К концу VI века значение Гаочана выросло настолько, что его владетель Бо-я был сыном дочери тюркского хана, т.е. был родственником знатнейшей азиатской династии. Бо-я, пользуясь ослаблением тюрок при ничтожном Цимин-хане, ориентировался на Китай, сам ездил в 609 г. к Ян-ди и получил от него в жену княжну из императорского дома. В 612 г. Бо-я произвел реформу, настолько важную для нас, что я полностью привожу текст его постановления: "Мы, до сего времени обитая в пустынных пределах, распускали волосы и носили левую полу наверху. Ныне дом Суй единодержавствует и вселенная соединена в одно царство. Я уже принял обычаи просвещенного народа. Подданным моим также надлежит расплести косы и уничтожить левую полу"[25].

Этот указ показывает, что турфанцы носили косы, что подтверждается прямыми указаниями источников, использованных Иакинфом[26] и Аурелем Стейном[27], китайцы же складывали волосы на макушке[28], а тюрки волосы распускали[29]. Сам Бо-я, по-видимому, следовал моде своих сюзеренов-тюрок. Интерес этого указа для нас в том, что турфанцы в нашей коллекции изображены с китайской прической и левой полой наверху. Это было бы непонятно, если бы у того же Иакинфа мы не прочли, что, несмотря на указ, одежда изменена не была[30]. Очевидно, дело ограничилось прической. Этот факт дает нам твердую нижнюю дату наших статуэток. Сочетания китайской прически и варварской одежды в Турфане до 612 г. быть не могло, тем более для местного или смешанного населения. Но, принимая эту дату за несомненную, я считаю возможным дать вероятное уточнение и поэтому продолжаю следить за ходом истории Турфана. При Вын Тхае — преемнике и сыне Бо-я — сторонники низвергнутой династии Суй обосновались в Гаочане. Это, а также проект Тай-цзуна изменить караванный путь в обход Гаочана и отложение в пользу Китая княжества Иву (Хами) заставили Гаочан переориентироваться на западных тюрок и втянуться в войну с Китаем. Она кончилась трагически. Несмотря на поддержку западных тюрок, Гаочан был взят и обращен в округ Си-Чжеу, просуществовавший до 782 или даже 789 г.[31], когда весь Восточный Туркестан был занят уйгурами. 789 год можно считать аподиктической верхней датой, так как с этого времени там развиваются иные культуры: несторианское христи-

анство, манихейство, тибетский буддизм и т.п. Для китайской культуры, а следовательно и погребений китайского типа, места не остается. Но, присмотревшись внимательнее, мы можем еще сузить период, в который были сделаны и похоронены наши статуэтки. Мы знаем, что китайцы клали в могилы фигуры рабов, слуг, наложниц и т.п. Но почему было нужно класть господ? Тюрки же до 640 г. были господами в Турфане. Вместе с тем фигуры воинов стоят в чрезвычайно почтительных позах, склонив головы, точь-в-точь как местные жители — несомненные слуги. Это гораздо более соответствует ситуации после 640 г., когда китайцы были в самом деле господами, а тюрки слугами.

Второе соображение заключается в том, что волчья голова, национальный мотив тюрок, отсутствует, а это опять-таки соответствует положению, что эти тюрки изображают вспомогательный контингент танской армии, а не ханских гвардейцев. На этих основаниях я считаю 640 год вероятной нижней датой. Вероятной верхней датой я считал бы 681 год, когда все тюрки были охвачены удачно развивавшимся восстанием Кутлуг-хана. Тогда, по словам орхонской надписи, "тюркский народ стал врагом китайскому хану, говоря: "Зачем нам отдавать ему душу и силу?". Вряд ли после 681 г. у Танской империи могли сохраниться тюркские вспомогательные войска, за исключением западных тюрок, которые сохраняли верность Китаю до самой Таласской битвы 751 г., — вероятная верхняя дата для западных тюрок. Однако, учитывая, что западные и восточные тюрки были носителями одной культурной традиции и одного физического типа, мы не может решить вопрос о том, кем были наши воины, без привлечения иного материала, а именно аналогичных находок, которые могут дать нам возможность проблематического уточнения. Таким материалом послужит для нас отчет Стейка о раскопках кладбища в дер. Астана.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ. АСТАНА

Аурель Стейн, описывая Турфанские древности, сообщает, что развалины, называемые Идыкут-Шари, включают в себя кладбище около Кара-Кучи, кладбище в дер. Астана, склепы Туюка и разрушенные храмы Сангин-Агиз, Чикан-Куль, Базеклик и Муртук[32]. Древнее кладбище Астаны расположено к северу от канала, несущего воды реки Кара-Кол к полям и садам жителей Астаны. Подробное описание кладбища и раскопок Стейна я опускаю[33]. Для нас представляет интерес лишь то, что в погребениях Астаны Стейн обнаружил статуэтки точно такие же, как в Туюк-Мазаре. Они находятся в могилах китайского типа, мало или вовсе не потревоженных. Богатый соответству-

ющий инвентарь содержит: шелковые одежды с набивными рисунками, деревянные тележки, деревянные фигуры мужчин с подвижными руками, глиняные изображения животных и чудовищ — охранителей могилы, макеты пищи и т.п.[34] На основании сходства музыкального инструмента на стенной росписи с имеющимися в коллекции императрицы Кокен пьедесталов, подставок и наконец одежды и причесок Стейн датирует погребение ранним Танским временем[35]. В одной из могил обнаружены монеты Танского времени[36]. В этом же погребении в восточной нише были найдены лежащими две фигурки оседланных лошадей и верблюда. Высота лошадей 2 фута. Тип лошади сходен с танскими скульптурами[37]. Маленькие красивые головы напоминают бадахшанскую породу, высоко ценимую по обе стороны Памира. В этой же могиле найдены такие же лошади, но не так хорошо выполненные. Очень хорошо изображены седла и потники, орнамент напоминает вышивки, до сих пор существующие в Туркестане. Сложные рисунки цветов на седле (табл. XCV) близки к рисункам цветов, встречаемых как декоративные мотивы в обрамлении некоторых картин на шелке и стенной живописи Цян-фо-дуна[38].

В противоположной нише лежат в беспорядке много глиняных фигурок всадников. Сбруя: узкие, остролукие седла, с потниками из барсовых шкур, с белыми бляхами, с тороками, свешивающимися позади седел, как мы видим в скульптуре и живописи Танского времени. Попоны с широкими кистями сходны с попонами на сасанидских рельефах. Все всадники-мужчины одеты в пластинчатые панцири, с остроконечными пластинчатыми шлемами. Лица монголоидны. Кроме них обнаружены фигурка женщины верхом, с китайской прической и фигуры пехотинцев. Это все свита в загробной жизни. Там же фигуры чудовищ — хранителей могилы, макеты пищи и зерна и, самое главное, два обрывка бумаги с китайскими надписями[39].

Из цитированного описания мы видим, что фигуры воинов Туюка и Астаны идентичны, поэтому датировки Астанского погребения позволяют нам проверить наши соображения относительно погребения в Тюук-Мазаре. Колебания возможны лишь в годах, максимум двухтрех десятилетиях, что для нас не имеет значения. Астанское погребение удалось датировать с полной несомненностью благодаря тому, что в VII—VIII вв. старые бумаги, так же как и в наше время, шли на обертку, упаковку, прокладку и т.п. Для Астанского погребения тоже употреблялась исписанная бумага, которую Аурель Стейн старательно собрал, а Масперо перевел и датировал. Из восьми кусков пять датируются 705 годом, а остальные — 690, 693 и 709 годами. На основании этого Аурель Стейн датирует погребение первой четвертью VIII века, что совпадает с данными живописи[40]. Содержание текстов раз-

нообразно: имеются тексты Дао, частное письмо, счет на зерно, официальные правила о содержании лошадей и других животных для почтовой службы при администрации округа Си-Чжеу. Есть части двух регистров с точными данными о применении транспорта в шестом месяце десятого года K'ai-yüan = 772 г. с точным описанием каждого животного: возраст, пол, особые приметы, состояние до и после работы, список лиц, коим животные поручены, и т.д. Тут же сноска к абзацу об отставке губернатора Аньси генерала Тан Цзяхуя, упоминаемого в Танских анналах[41], и т.п.

Кроме бумаг Стейн обнаружил несколько текстов на кирпичах, в могилах и около них. Они датируются годами: 652, 667, 689, 689[42], и наконец интересный некролог Хиа, вдовы некоего Фан Юнлуня, имевшего чин гвардии генерала при Гаочанском правительстве. Она была дочерью Гаочанского чунлана. Умерла в 667 году[43].

Итак, сравнительный археологический материал подтвердил датировки, предложенные нами, на основании исторической необходимости (аподиктические) и вероятности (ассерторические). Собственно нового мы получили немного; пожалуй, только то, что фигурки воинов Астаны изображают западных, а не восточных тюрок, а фигурки Туюк-Мазара могут относиться как к тем, так и к другим.

Важно другое. Ход мысли привел нас к результатам, подтвердившимся вновь обнаруженными фактами, но сами эти факты оказались обнаруженными лишь потому, что ход мысли заставил начать их поиски.

Значение этой работы я вижу не только в датировке и интерпретации памятника, а и в способе, которым это было достигнуто.

ВЕРХНЕЕНИСЕЙСКИЕ НАСКАЛЬНЫЕ ИЗОБРАЖЕНИЯ

Я считаю излишним продолжать дальше анализ в плане отыскания как новых сближений нашего памятника с предметами Танского Китая, так и новых различий с Сасанидским Ираном и Согдом. Для этих обеих культур Турфан был окраиной, глухой провинцией, и обе они гораздо лучше представлены в собственных пределах. К тому же смысл памятника нам уже достаточно ясен. Теперь мы можем, опираясь на него, истолковать доселе темные памятники евразийской культуры, для которой Турфан был окном в цивилизованный мир. Наличие аналогий в среде евразийских народов окончательно удостоверило бы нас, что оригиналы наших статуэток не принадлежат к китайской культуре. Такие аналогии мы находим в наскальных изображениях Верхнего Енисея. В публикации Аспелина[44] мы видим изображение охотящегося всадника, удивительно похожего на турфанские

статуэтки. Первым делом обращает на себя внимание подчеркнуто большая лошадь с широким крупом, тонкими ногами и маленькой изящной головой. Порода лошади походит не на сибирскую, а скорее всего на описанную выше. Седло того же типа. Сбруя имеет подхвостник, нагрудник и дополнительную шлею, отмеченную и описанную нами. Отчетливо показаны стремена. Всадник дан схематически, но видно, что на нем сапоги до колен и широкая одежда, перехваченная поясом, к которому прицеплен колчан. На голове высокая шапка. Всадник вооружен луком. Острия стрел (одна на тетиве, другая в полете) могут быть только металлическими, так как каменным или костяным трудно придать столь правильную форму ромба при относительно большой величине. Лук, судя по форме, роговой, клееный и имеет характерные для рогового лука выгибы.

Это, как и ряд указанных сходств, убеждает нас, что турфанское и енисейское изображения имели один и тот же оригинал, тем более что принципиальной разницы между ними, по-видимому, нет.

Там же, в Сулеке, были обнаружены фигуры другого типа: пешие, в облегающей тело одежде, без шапки, с распущенными волосами, ниспадающими на плечи; они стреляют из лука с колена. Это, несомненно, представители другого народа, что подтверждается одним из сулекских изображений, где оба типа изображены вместе. "Тяжеловооруженный всадник одет в пластинчатую броню от шеи до ляжки, с рукавами до середины предплечья, с круглым щитком на груди, с мечом и колчаном у пояса и с "массой" оружия в правой руке. Этот воин направляет копье, украшенное небольшим флажком, на лучника, стреляющего с колена"[45]. Несмотря на то что Аспелин отмечает древнюю манеру передачи гривы, он предполагает во всаднике китайца[46], забывая, что китайцы до Саянского хребта вообще никогда не доходили, исключая маньчжурское время (XVIII в.). Нам же чрезвычайно легко истолковать данное изображение, так как аналогия с турфанскими всадниками заставляет нас признать в кавалеристе орхонского тюрка, сражающегося с саянским горцем. Такая ситуация исторически вполне возможна, так как Саянский хребет был той стеной, которую не могли перепрыгнуть белые кони тюркских ханов, несмотря на попытки с VI по VIII век.

Саянские лесовики отстаивали свою независимость от Степи вплоть до 1208 г., и сулекское наскальное изображение есть памятник этой борьбы. Что это действительно так, нас убеждает материал раскопок Саяно-Алтайской экспедиции в с. Копены в 1939 г.[47] Находки прекрасно датируются золотой и серебряной посудой с вырезанными на ней орхонскими надписями[48]. Для нас чрезвычайный интерес представляют бронзовые рельефы всадников на охоте. Разница меж-

ду облавной охотой и войной в те времена была минимальной, и поэтому по изображениям охотников мы, приняв известную поправку, вправе судить о воинах. "На изображениях всадника чеканом нанесены даже мелкие детали снаряжения и костюма. Всадник без головного убора. Его длинные волосы развеваются по ветру. Их сдерживает затянутая сзади узлом повязка. Полудлинный кафтан перетянут поясом. Сапоги мягкие, без каблуков. С правого бока висит колчан, расширяющийся книзу. Лук сложный, в виде буквы *М*. Конь степной, широкогрудый, с подстриженной гривой и завязанным в узел хвостом. На нем полная седельная сбруя; седло твердое, с невысокой передней лукой; под седлом обшитый бахромой чепрак. На подхвостном и нагрудном ремнях навешены кисти; стремена широкие, дугообразные; уздечка плетеная, с поводом и чумбуром. Ясно видны не только круглые бляхи, но даже эсовидные псалии от удил. Сзади седла развеваются по обеим сторонам ремня (торока. — *Л.Г.*). Впервые перед нами предстает целиком в костюме, с оружием и на полностью снаряженном коне наездник степей VII—VIII веков"[49].

Авторы статьи совершенно правы в датировке и интерпретации памятника, но как разительно сходство снаряжения турфанских и копенских всадников. Совпадает буквально все, за исключением:

а) порода копенской лошади другая, южносибирская;

б) всадник без шлема и панциря;

в) отсутствует дополнительная шлея на шее коня.

Но это не должно вводить нас в заблуждение. Мы знаем, что "фули" составляли лишь отборное войско, ханскую гвардию, а большая часть 400-тысячной тюркской армии состояла из вспомогательных контингентов подчиненных племен. Эти воины назывались стрелки (archers) и, следовательно, имели легкое вооружение. Отсюда вытекает и отсутствие дополнительной шлеи, так как всадник без панциря не столь тяжел, чтобы нуждаться при спуске с горы в чем-либо, кроме подхвостника. Равно и лошадь употребляется местная — выносливая и неприхотливая, а не дорогостоящая бадахшанская.

Итак, в турфанском изображении мы видим древнетюркского панцирного гвардейца, а в копенском — древнетюркского стрелка, и наше представление о том, как выглядела армия орхонских ханов, можно считать полным.

Сведения о великой державе древних тюрок мы черпали до недавнего времени в китайских летописных сводах, составленных весьма добросовестно и обстоятельно. Но как бы ни были исчерпывающи свидетельства культурных соседей, какие бы подробности они ни сообщали нам, они не восполняют отсутствие непосредственного восприятия эпохи и народа. Мы не знаем, какой поправочный коэффи-

циент мы должны принять на неизбежную тенденциозность иностранного источника. Дыхание, которое чувствуется в этих строках, не тюркское, а китайское.

Мы же хотим не только знать, но и слышать и видеть.

Впервые мы услышали тюрок, когда были прочтены орхонские надписи. Теперь мы увидели говорившего. На нас смотрит хищное и плутоватое лицо одного из тех отчаянных парней, среди которых Бильге-хан "силою завел порядок", которые подводили Кюль-тегину его белого коня Алп-Шалчи, с Мудрым Тоньюкуком перебирались "через снег глубиною в копье" и, взвизгивая от восторга, рубили от плеча до пояса бегущих китайцев злосчастного Унг-Тутука.

Как ни полезны для нас датировки и интерпретации темных исторических фактов, но самым ценным из того, что дал нам этот памятник, я считаю непосредственное ощущение той грандиозной и мятежной эпохи.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Отчет Академии наук за 1911 год. С. 108.
2 Там же. С. 119.
3 Пользуюсь случаем выразить глубокую благодарность моим учителям Н.В.Кюнеру и М.И.Артамонову за их советы и руководство, а также сотруднице Эрмитажа Н.В.Дьяконовой, ознакомившей меня с той частью коллекции, которая хранится в Эрмитаже.
4 Удивляет непропорциональность: спина лошади на уровне плеча человека. Либо лошади огромны, либо люди карлики. Так же пропорция повторена в наскальных изображениях Сулева (Верхний Енисей). См.: *Aspelin*. Types des peuples de l'anciennt Asie Central. Helsingfors, 1911. С. 11.
5 См.: *Tacitus*. Historia. 1.79.
6 См. описание коллекции Музея ИЭ: Вооружение тибетского воина.
7 См.: *Aspelin*. Указ. соч. С. 13 (опубликовано наскальное изображение).
8 *Laufer B.* Chinese clay figures. P. I. Chicago, 1914. С. 313—314. PI. LXVII; *Stein A.* Innermost Asia. PI. XCV. Фиг. 5.
9 Опыт словаря тюркских наречий В.В.Радлова. Т. II. СПб., 1911. С. 1436—1437.
10 *Stein A.* Innermost Asia. Vol. II. P. 614. Подробнее см.: *Klementz*. Expedition nach Turfan. С. 35 и сл.
11 *Stein A.* Указ. соч. С. 615; также: Crünwedel. Kulstäten. S. 317.
12 *Stein A.* Указ. соч. С. 619; описание на с. 632.
13 Cavalier mongol rentrant de la chasse, par Tchao Mong-fou (XIII—XIV siècles).
14 *Иакинф*. Собр. св. I, II. С. 249.
15 См.: *Иакинф*. История Тибета и Хухунора. Ч. 1. С. 221—222. *Грумм-Гржимайло*. Западная Монголия и Урянхайский край. 1926. Т. II. С. 347.
16 Труды Орхонской экспедиции. СПб., 1897. Т. VI. С. 17.
17 *Julien St.* Documments sur les Tou-kious // Journ. Asiatique. 6 serie. III. С. 362, 1864.
18 См.: *Иакинф*. Собр. свед. I—II. С. 251.
19 Там же. С. 258.

[20] Там же.

[21] См.: *Алексеев В.* Древние китайцы на страже своих границ // Изв. Акад. наук СССР. Отдел. литер. и языка. Т. IV. Вып. 5. 1945.

[22] Эта мысль находит себе подтверждение в китайских текстах, которые Н.В.Кюнер перевел и любезно предоставил мне. В сочетании с описанием небоеспособности китайской армии в уже приведенной статье В.М.Алексеева они иллюстрируют танскую политику и использование как инородческих войск, так и целых племен в борьбе с ведущими кочевым народами Центральной Азии. Поэтому я считаю полезным опубликование их.

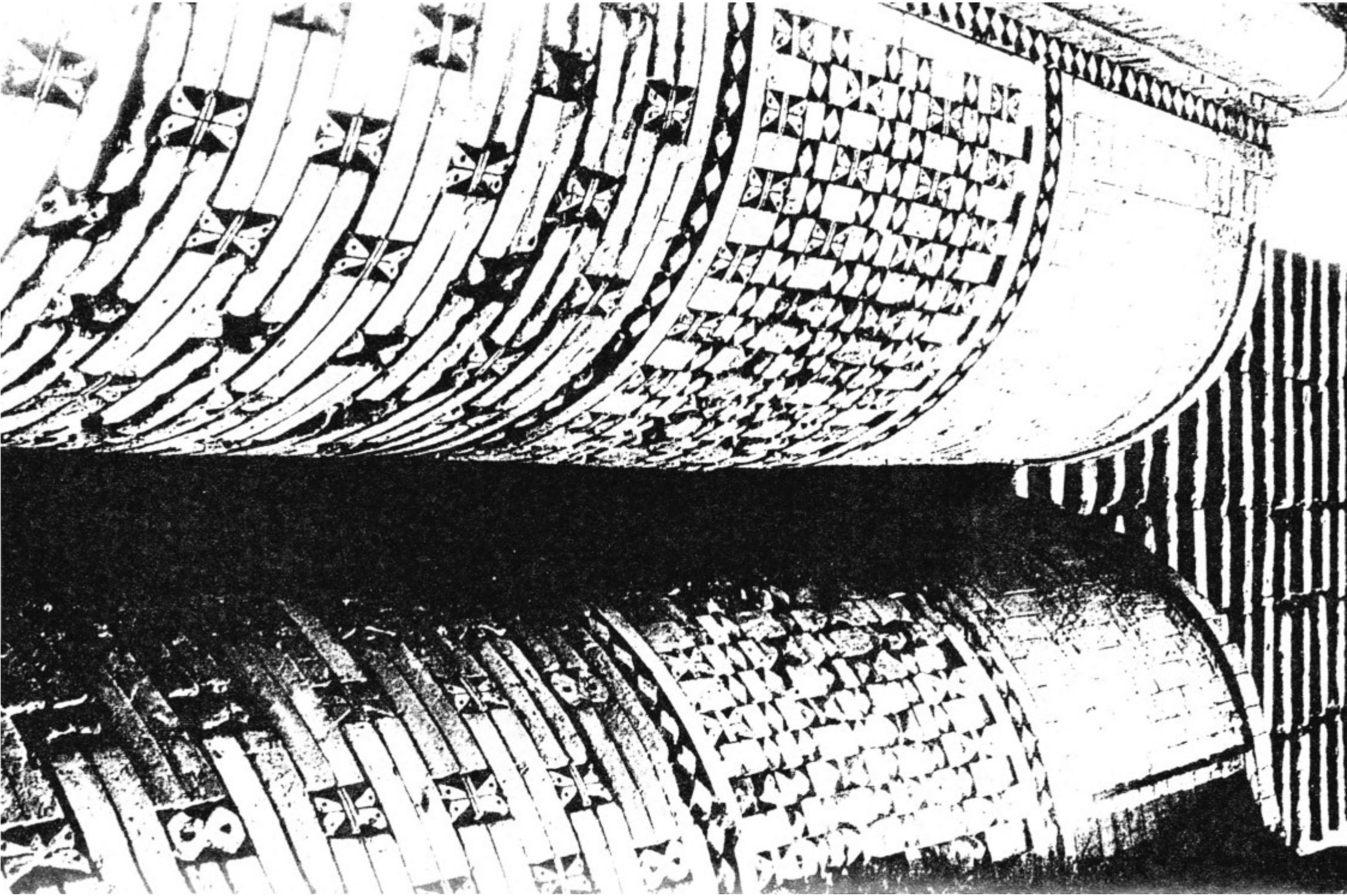
"В начале сеяньтоский Чженьчжу Бицзулу Кехань отправил посланника просить брачного союза. Тай-цзун согласился выдать за него принцессу, потребовав от кагана приготовить церемонию личной встречи (невесты) и лично отправиться в Линь-Чжоу участвовать в церемониальных собраниях. Сеяньто раньше не имели складов и хранилищ для перемещения запасов. Кроме того, проезжая по 10 000 ли, переходя пески и камни без воды и травы, и бараны и лошади во множестве гибли. Таким образом, пропустили срок (свадьбы). В конце концов сеяньто представили уменьшенное число лошадей и баранов. После этого при отправлении обратно их посланника некоторые из сановников говорили: "Когда согласились дать в жены принцессу, границы Сеяньто получили спокойствие. Приняв предложенные брачные подарки, мы не можем нарушить доверие иноземцев. Следует быстро покончить". Тай-цзун сказал: "Вы, судари, знаете древнее и не знаете нынешнего. В древности при Ханьской династии хунну были сильны, а Китай слаб. Поэтому, щедро украшая брачную пару, мы отдавали царевну в жены шаньюю. Ныне Китай силен, а северные варвары слабы. Китайских солдат тысяча может разбить несколько десятков тысяч их. Сеяньто поэтому покорствуют, бьют челом на наши гневные действия. Не смеют высокоумничать и пренебрегать вследствие того, что недавно поставили правителя и разные племена, смешанно живущие, не подчиняются его управлению. Непрестанно опираясь на великое государство (Китай), они заставляют покориться эти народы (войска). У тех Туило, Пугу и прочих 10 племен — у каждого несколько десятков тысяч. Если они не смеют выступить, то потому, что боятся Китая, смотря, что сеяньто поддерживается нами. Если теперь женить его на царевне, то зять великого государя увеличит и возвысит свое достоинство, крепко привяжет своих единомышленников. Разные семьи и племена еще более почтут его и покорятся ему. Люди варвары разве знают благодеяние и справедливость. Совершенно неожиданно прикажут войскам двинуться на юг (против Китая)... Ныне, если не дать за него (кагана) царевну, это сделает его жизнь очень ограниченной. Все семьи и племена сразу узнают, что мы покинули его. То, что они поспешат напасть на него (на кагана), будет непременно" (Вэньсянь-Тункао Дуан-линя. Т. XVI. Цз. 344. С. 15-б). Другой текст из Вэньсянь-Тункао (т. XVI, цз. 344, с. 17-а — 17-б) говорит об использовании в Китае воинов-инородцев: "Ань Лушань, восстав, захватил их (Тунло) войско и употребил их на службы под названием Илохе, что значит по-китайски: молодцы — отборные, крепкие люди в свите воеводы". Первый текст дает нам представление о подготовке одной из наиболее кровавых в истории Азии расправ. Подробности трагической гибели народа сеяньто вместе с этой эфемерной державой достаточно освещены в европейской и русской литературе. Для нашего изложения имеет огромное значение замечание Тай-цзуна о сравнительной силе кочевых и танских войск. Объяснение этого мы находим во втором тексте, где подчеркнуты высокие боевые качества наемных войск.

[23] См.: *Иакинф.* Собр. свед. III. С. 149 и ниже.

[24] Там же.

[25] Там же. С. 157.
[26] Там же. С. 290.
[27] *Stein A.* Указ. соч. Vol. II. P. 232.
[28] *Иакинф.* История Тибета и Хухунора. I. С. 232.
[29] *Иакинф.* Собр. свед. I—II. С. 267.
[30] Там же. III. С. 157.
[31] См.: *Stein A.* Указ. соч. С. 580—581.
[32] Там же. С. 588.
[33] Там же. Гл. XIX.
[34] Там же. С. 650 и ниже.
[35] Там же. С. 657.
[36] Там же. С. 652—653.
[37] См.: *Laufer B.* Указ. соч. С. LXVII и др.
[38] *Stein A.* Указ. соч. С. 652—653.
[39] Там же. С. 652—653. Описания Стейна, безукоризненные с внешней стороны, не отмечают деталей, отличающих этих воинов от китайцев (см. указанное сочинение и наше описание). Стейн прав, считая этих воинов представителями войск Танского правительства, но неточен, так как они были не китайцами, а тюрками; это обстоятельство им не указано и не уяснено (см. рис. 6). Ср.: *Laufer B.* Фигуры китайских воинов Танской эпохи; см. указ. соч. XXI, XXXII, XI, VII, VIII, IX, X. Все фигуры в латах (рис. 7).
[40] *Stein A.* Указ. соч. С. 657.
[41] См.: *Chavannes.* Documments sur les Ton-kieu Oceidentaux // Тр. Орхонской эксп. Т. VI. С. 284. Прим. 2, СПб., 1903.
[42] *Stein A.* Указ. соч. С. 653.
[43] Там же. С. 659.
[44] *Aspelin.* Указ. соч. С. II. Фиг. 8.
[45] Там же. С. 12. Воспроизведена: Appelgren-Kivalo; Alt-Altaische Kunstdenkmäler. С. 17. Фиг. 9.
[46] Там же.
[47] Чаа-тас у с. Копены. — См.: *Евтюхова Л., Киселев О.* Тр. Гос. Истор. музея. Вып. IX. М., 1940.
[48] Там же. С. 43.
[49] Там же. С. 50; рис. 10.

ДРЕВНИЕ ТЮРКИ



От автора

Эта книга была начата 5 декабря 1935 г. С тех пор она неоднократно переделывалась и пополнялась. Однако она не исчерпала всего обилия материала и не осветила всех проблем, связанных с историей древних тюрок. Поэтому продолжение исследований не только желательно, но и необходимо.

Я на всю жизнь сохраню память о тех, кто помог мне выполнить эту работу и кого уже давно нет среди нас, о моем замечательном предшественнике, моем друге Г. Е. Грумм-Гржимайло, прославившем историю народов Центральной Азии и умершем в ожидании признания, о моих наставниках Н. В. Кюнере, А. Ю. Якубовском и академике В. В. Струве, помогавшим мне в тяжелые лагерные годы.

Пользуюсь случаем выразить свою признательность моему учителю М. И. Артамонову, профессорам С. Л. Тихвинскому и С. В. Калеснику, рекомендовавшим книгу для печати, моим друзьям Л. А. Вознесенскому, Д. Е. Алшибая, отмерившим вместе со мной заключение в лагерях Норильска и Караганды.

Я благодарю также всех моих рецензентов за советы и критику: И. П. Петрушевского, В. В. Мавродина, М. А. Гуковского, А. П. Окладникова, М. В. Воробьева, А. Ф. Анисимова, Б. И. Кузнецова, С. И. Руденко, Т. А. Крюкову. И, наконец, благодарю нашу общую alma mater – Ленинградский университет, где я обучился высокому ремеслу историка.

Введение. Тема и ее значение

История человечества изучена крайне неравномерно. В то время как последовательность событий и смен общественных формаций в Европе и на Ближнем Востоке была изложена в общедоступных сводных работах уже в конце XIX в., а Индия и Китай описаны в начале XX в., огромная территория евразийской степи еще ждет своего исследователя. Особенно это касается периода до появления на исторической арене Чингисхана, когда в центральноазиатской степи сложились и погибли два замечательных народа – хунну[1] и древние тюрки, а также много других, не успевших прославить свои имена.

Было бы ошибкой считать, что все они только повторяют друг друга, хотя их способ производства – кочевое скотоводство – действительно является наиболее устойчивой формой хозяйства, почти не поддающейся усовершенствованию. Но формы быта, учреждения, политика и место в мировой истории у хуннов и древних тюрок совершенно различны, как были различны их судьбы.

На фоне мировой истории история древнетюркского народа и созданной им державы сводится к вопросу: почему тюрки возникли и почему исчезли, оставив свое имя в наследство многим народам, которые отнюдь не являются их потомками? Попытки решить эту проблему путем анализа только политической истории или только социальных отношений делались неоднократно, но не дали результатов. Древние тюрки, несмотря на их огромное значение в истории человечества, были малочисленны, и тесное соседство с Китаем и Ираном не могло не отразиться на их внутренних делах. Следовательно, социальная и политическая история этих стран тесно переплетена, и для восстановления хода событий мы должны держать в поле зрения и ту и другую. Не мень-

шую роль играли изменения экономической конъюнктуры, в частности, связанные с высоким или низким уровнем вывоза китайских товаров и заградительными мероприятиями Иранского правительства.

Поскольку границы Тюркского каганата в конце VI в. сомкнулись на западе с Византией, на юге с Персией и даже Индией, а на востоке с Китаем, то естественно, что перипетии истории этих стран в рассматриваемый нами период связаны с судьбами тюркской державы. Образование ее стало в какой-то мере переломным моментом в истории человечества, потому что до сих пор средиземноморская и дальневосточная культуры были разобщены, хотя и знали о существовании друг друга. Бескрайние степи и горные хребты препятствовали сношениям Востока и Запада. Только позднее изобретение металлических стремян и вьючной упряжи, заменившей телеги, позволило караванам сравнительно легко форсировать пустыни и перевалы. Поэтому с VI в. китайцам пришлось считаться с ценами на константинопольском рынке, а византийцам подсчитывать число копейщиков китайского царя.

В этой ситуации тюрки не только играли роль посредников, но и одновременно развивали собственную культуру, которую они считали возможным противопоставить культуре Китая, Ирана, Византии и Индии. Эта особенная степная культура имела древние традиции и глубокие корни, но известна нам в значительно меньшей степени, чем культура оседлых стран. Причина, конечно, не в том, что тюрки и другие кочевые племена были менее одарены, чем их соседи, а в том, что остатки их материальной культуры – войлок, кожа, дерево и меха – сохраняются хуже, чем камень, а потому среди западноевропейских ученых возникло ошибочное мнение, что кочевники были "трутнями человечества" (Виолле ле Дюк). Ныне археологические работы, проводимые в Южной Сибири, Монголии и Средней Азии, ежегодно опровергают это мнение, и вскоре наступит время, когда мы сможем говорить об искусстве древних тюрок. Но еще более, чем материальная культура, поражают исследователя сложные формы общественного бытия и социальные институты тюрок: эль, удельно-лествичная система, иерархия чинов, военная дисциплина, дипломатия, а также наличие четко отработанного мировоззрения, противопоставляемого идеологическим системам соседних стран.

Несмотря на все сказанное, путь, на который вступило древнетюркское общество, был гибельным, так как противоречия, возникшие в степи и на ее границах, оказались непреодолимыми. В критические моменты подавляющее большинство степного населения отказывало ханам в поддержке, и это привело в 604 г. к распадению каганата на Западный и Восточный, в 630 и 659 гг. – к потере самостоятельности (правда, возвращенной в 679 г.) и к гибели народа в 745 г. Конечно, эта гибель народа еще не означала уничтожения всех людей, его составляв-

ших. Часть их подчинилась уйгурам, унаследовавшим власть в степи, а большинство укрылось в китайских пограничных войсках. В 756 г. эти последние подняли восстание против императора династии Тан. Остатки тюрок приняли в нем деятельное участие и вместе с прочими повстанцами были изрублены в куски. Это был уже подлинный конец и народа и эпохи (а следовательно, и нашей темы).

Однако имя "тюрк" не исчезло. Больше того, оно распространилось на пол-Азии. Арабы стали называть тюрками всех воинственных кочевников к северу от Согдианы, и те приняли это название, ибо первоначальные носители его после исчезновения с лица земли стали для степняков образцом доблести и геройства. В дальнейшем этот термин еще раз трансформировался и стал названием языковой семьи. Так сделались "тюрками" многие народы, никогда не входившие в великий каганат VI–VII веков. Некоторые из них были даже не монголоиды, как, например, туркмены, османы, азербайджанцы. Другие были злейшими врагами каганата: курыканы – предки якутов и кыргызы – предки хакасов. Третьи сложились раньше, чем сами древние тюрки, например балкарцы и чуваши. Но даже то распространенное лингвистическое толкование, которое ныне придается термину "тюрк", имеет под собой определенное основание: древние тюрки наиболее ярко претворили в жизнь те начала степной культуры, которые зрели еще в хуннское время и находились в состоянии анабиоза в безвременье III–V веков.

Итак, значение древних тюрок в истории человечества было огромным, но история этого народа до сих пор не написана. Она излагалась попутно и сокращенно, что позволяло обходить трудности источниковедческого, ономастического, этнонимического и топонимического характера. Трудности эти столь велики, что данная работа не претендует на построение дефиниций. Автор надеется лишь на то, что она послужит ступенью к решению проблемы. Книга задумана как опыт совмещения методов исторического анализа и синтеза. Анализу подвергнуты отдельные явления истории древних тюрок и народов, с ними связанных или им предшествовавших. Сюда же относится критика источников и проблемы ономастики и этногенеза. Синтезом является осмысление истории тюркютов[2], голубых[3] тюрок и уйгуров[4] как единого процесса, образовавшего в аспекте периодизации определенную целостность, а также нанесение описанного явления на канву всемирной истории.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См.: *Гумилев Л. Н.* Хунну.

[2] Тюрки Первого каганата (546–658).

[3] *Кок-тюрк* – тюрки Второго каганата (678–747).

[4] Имеется в виду только ханство кочевых уйгуров (747–847), оседлые уйгуры позднейшего времени здесь не рассматриваются.

Посвящаю эту книгу нашим братьям –
тюркским народам Советского Союза

Часть I

ВЕЛИКИЙ ТЮРКСКИЙ КАГАНАТ

I. Накануне (420–546)

ПЕРЕМЕНЫ НА ЖЕЛТОЙ РЕКЕ

Великое переселение народов в Европе, сломившее в V в. одряхлевший Рим, в Восточной Азии произошло на 100 лет раньше. Во время, носящее в китайской истории название "эпоха пяти варварских племен" (304–399), Северный Китай был захвачен и покорен хуннами и сяньбийцами, основавшими там ряд эфемерных государств, похожих на варварские королевства готов, бургундов и вандалов. Как в Европе на Балканском полуострове устояла Восточно-Римская империя, так и в Китае на берегах великой реки Янцзы удержалась самостоятельная Китайская империя – наследница империи Хань. Она была так же похожа на свою великую предшественницу, как ранняя Византия – на Рим эпохи расцвета, и так же находила в себе силы лишь для обороны против варваров, наседавших с севера и запада. Слабые и бездарные императоры часто менявшихся династий[1] оставили в жертву варварским вождям китайское население "Срединной равнины", как именовалась в то время долина Хуанхэ, и все-таки, несмотря на жестокий гнет чужеземцев и кровопролития при постоянных междоусобных войнах, китайцы в Северном Китае численно преобладали над победившими их народами, что и обусловило в VI веке возрождение Китая.

Племя тоба, победившее всех своих соперников[2] поддалось обаянию китайской культуры. Созданное тобасцами раннефеодальное государство к 420 г. объединило весь Северный Китай в одну империю, которая получила китайское название – Вэй (386). Это был первый шаг тобасского хана к компромиссу с китайским населением, составляв-

шим абсолютное большинство его подданных. Начавшийся процесс ассимиляции кочевников привел к тому, что к концу V века потомки тобасцев обрезали косы, а общение с покоренными подорвало их силы и традиции. Они даже перестали пользоваться родным языком и начали говорить по-китайски. Вместе с языком и одеждой они утратили степную доблесть и сплоченность, позволившие им некогда одержать победу, но все же не слились с китайским населением, которое упорно стремилось к воссозданию своего собственного государства.

Как только дворцовые перевороты и следовавшие за ними расправы ослабили власть династии Вэй, китайские полководцы, находившиеся на службе у сяньбийских императоров, оказались сильнее и энергичнее своих господ. В 531 г. на северо-востоке Гао Хуань поднял восстание, разбил тобасские войска и занял столицу – Лоян. Первоначально он действовал якобы в интересах династии и провозгласил императором одного из царевичей, но тот, страшась своего полководца, бежал на запад, в Чаньань, где нашел поддержку у другого воеводы, Юйвынь Тая, окитаившегося сяньбийца. Гао Хуань возвел на престол другого принца из той же династии Вэй. Таким образом, империя распалась на Западную Вэй и Восточную Вэй, но фактически правителями и тут и там были китайские полководцы, временно сохранявшие сяньбийских императоров как ширму. Это положение не могло длиться долго. Суровое господство сяньбийцев настолько ожесточило китайцев, что, когда сила оказалась в их руках, они не были склонны церемониться с побежденными. Юйвынь Тай отравил несколько подставных императоров, а его сын в 557 г. счел себя достаточно могущественным, чтобы упразднить ненавистную династию и основать свою собственную – Бэй-Чжоу[3].

Еще более круто обошлись с сяньбийцами в Северо-Восточном Китае. В 550 г. наследник Гао Хуаня – Гао Ян, принудив последнего императора отречься от престола в свою пользу, отравил его. Императорские родственники в числе 721 человека были убиты, а тела их брошены в воду, чтобы лишить их погребения. Новая династия получила название Бэй-Ци.

Оба северных царства были довольно крепки экономически и политически. Китайское население, освободившись от господства иноплеменников, развивало бурную деятельность по восстановлению своей культуры. Однако соперничество, возникшее между Бэй-Чжоу и Бэй-Ци, связывало их силы и лишало их возможности вести активную политику.

На юге последние императоры династии Лян ознаменовали свое правление произволом и преступлениями, а сменившая их династия Чэнь продолжала эти традиции. Дворцовый переворот 557 г. и казнь по-

следнего лянского императора вызвали вооруженное сопротивление сторонников павшей династии. Повстанцы сумели отразить чэньские войска и создать в центре Китая небольшое государство Хоу-Лян.

Китай оказался раздробленным на четыре взаимно враждующих государства. Напряженная ситуация, сковавшая силы Китая, оказалась спасительной для двух небольших и относительно слабых кочевых держав: орды Жужань и царства Тогон (Ту-ю-хунь). Благодаря ослаблению нажима с юга они оказались среди ведущих государств Восточной Азии. Жужань, степное ханство, сложившееся в середине IV века, в начале VI века пережило кризис, чуть было не погубивший его.

Но об этом речь впереди.

Царство Тогон лежало в степных нагорьях Цайдама. Еще в 312 г. небольшое сяньбийское племя с князьями из рода Муюи перекочевало из Южной Маньчжурии на запад и обосновалось около оз. Кукунор. Здесь оно вело успешные войны против разрозненных тибетских родов и весьма неудачные против тобасцев. В результате последних Тогон стал вассалом империи Вэй, но ее распад вернул тогонцам свободу. Во второй четверти VI в. князь Куалюй объявил себя ханом и в 540 г. отправил посольство к Гао Хуаню, став тем самым врагом Юйвынь Тая. Этот факт определил дальнейшую внешнюю политику Тогона, с которой мы столкнемся ниже. Несмотря на то что Тогон занимал обширную территорию, где были "города"[4] (очевидно, укрепленные поселки), и имел уже организованное управление, по-видимому заимствованное от тобасцев, он не был сильным государством. Тибетские роды, покоренные оружием, мечтали об освобождении и мести; экономика была построена на экстенсивном скотоводческом хозяйстве; уровень культуры был невысок, а произвол ханов вызывал постоянные заговоры, измены и репрессии, которые подливали масла в огонь. Все эти обстоятельства ограничивали возможности Тогона и позднее привели его к бесславному концу.

ЖУЖАНИ И ТЕЛЕУТЫ

Вопрос о происхождении народа жужаней ставился неоднократно, но окончательного решения не получил. Можно думать, здесь неправильна сама постановка вопроса, ибо надо говорить не о происхождении, а о сложении. У жужаней, как у народа, не было единого этнического корня. Происхождение жужаньского народа было несколько своеобразно. В смутные времена всегда бывало много людей, выбитых из седла и скомпрометированных. Немало таких оказалось и в середине IV века. Все, кто не мог оставаться в ставке тобасского хана

или в столице хуннского шаньюя, бежали в степь. Туда же бежали от жестоких господ невольники из армий – дезертиры, из обедневших деревень – нищие крестьяне. Общим у них было не происхождение, не язык, не вероисповедание, а судьба, обрекшая их на нищенское существование; и она-то властно принуждала их организоваться.

В 50-х годах IV в. некто Югюлюй, бывший раб, служивший в сяньбийской коннице, был осужден на смерть. Ему удалось бежать в горы, и около него собралось около сотни подобных ему беглецов. Беглецы нашли возможность договориться с соседними кочевниками и жили совместно с ними.

Преемник Югюлюя, Гюйлюхой, установил отношения с тобасскими ханами и выплачивал им ежегодную дань лошадьми, соболями и куницами. Его орда получила название Жужань. Жужани кочевали по всей Халхе до Хингана, а ханская ставка их располагалась у Хангая. Быт и организация жужаней были одновременно весьма примитивны и чрезвычайно далеки от родового строя. Единицей, боевой и административной, считался полк в тысячу человек. Полк подчинялся предводителю, назначенному ханом. В полку было десять знамен по сто человек; каждое знамя имело своего начальника. Письменности у жужаней не было совсем; в качестве орудия счета применялся овечий помет или деревянные бирки с засечками. Законы соответствовали нуждам войны и грабежа: храбрецов награждали большей долей добычи, а трусов побивали палками[5]. За 200 лет существования в жужаньской орде незаметно было никакого прогресса – все силы уходили на грабеж соседей.

На каком языке разговаривали между собой жужани? Китайские источники дают нам весьма разноречивые данные. "Вэйшу" видит в жужанях ветвь дунху. "Суншу", "Ляншу" и "Наньшу"[6] считают их племенем, родственным хуннам, и, наконец, Бэй ши (?) приписывает Югюлюю гаогюйское происхождение[7]. Сведения южнокитайских историков получены из вторых рук, а происхождение самого Югюлюя значения не имеет, так как ясно, что вокруг него собирались не единоплеменники. Скорее всего жужани объяснялись по-сяньбийски, т.е. на одном из диалектов монгольского языка, так как, переводя титулы их ханов на китайский язык, китайский историк указывает, как они звучат в подлиннике – "на языке государства Вэй", т.е. на сяньбийском[8]. Сами жужани также считали себя одного происхождения с тоба[9], но, учитывая разноплеменность их народа, надо думать, что повод для такого утверждения дало сходство их языков, а не туманная генеалогия[10].

Основной силой жужанского ханства было умение держать в подчинении телеские племена. На заре своей истории, т.е. в III в. до н.э., телесцы жили в степи к западу от Ордоса. В 338 г. они подчинились тобасскому хану и в конце IV в. перекочевали на север, в Джунгарию,

и распространились по Западной Монголии, вплоть до Селенги. Будучи разрозненны, они не могли оказать сопротивление жужаням и принуждены были платить им дань.

Телеские племена были очень нужны жужаням, но жужаньская орда была совсем не нужна телесцам. Жужани сложились из тех людей, которые избегали изнурительного труда, дети их предпочли вообще заменить труд добыванием дани.

Телесцы же занимались скотоводством, они хотели пасти свой скот и никому ничего не платить.

Сообразно этим склонностям сложились политические системы обоих народов: жужани слились в орду, чтобы с помощью военной мощи жить за счет соседей; теле оставались слабо связанной конфедерацией племен, но всеми силами отстаивали свою независимость.

Теле жили рядом с жужанями, но ничем не походили на них. Они рано вышли из состава империи Хунну, сохранив примитивный патриархальный строй и кочевой быт. Китаизация также не коснулась скромных кочевников, населявших глухие степи, где для китайцев не было ничего привлекательного. Теле не имели общей организации; каждый из 12 родов управлялся старейшиной – главой рода, причем "родственники живут в согласии"[11].

Теле кочевали в степи, передвигаясь на телегах с высокими колесами, были воинственны, вольнолюбивы и не склонны ни к какой организованности. Самоназвание их было "теле"; оно до сих пор живет в алтайском этнониме – телеут. Потомки теле – якуты, теленгиты, уйгуры и другие. Многие из них не сохранились до нашего времени.

ЖУЖАНЬСКОЕ ХАНСТВО

В начале V в. в степи от Хингана до Алтая безраздельно господствовал хан жужаней Шелунь, по прозванью Дэудай – "стреляющий на скаку из лука". Покорив телеские кочевья, он столкнулся со среднеазиатскими хуннами, осевшими на р. Или. Их главой был некто Жибаеги. В упорном сражении на р. Онгин Жибаеги разбил Шелуня, но справиться с жужаньской державой в целом не смог и "покорностью купил себе покой"[12].

Основной задачей Шелуня было не допустить усиления империи Тоба-Вэй, силы которой намного превосходили силы жужаньского хана. Только постоянные войны на юге Китая мешали тоба-вэйскому императору расправиться с отложившимися подданными, и потому Шелунь поддерживал всех врагов Тоба. В 410 г. Шелунь умер, ханом стал его брат Хулюй.

Хулюй оставил в покое Тоба и обратился на север, где подчинил себе енисейских кыргызов (иегу) и хэвэй (какое-то сибирское племя). В 414 г. он пал жертвой заговора, но и вождь заговорщиков Булучжень погиб в том же году. Ханом стал двоюродный брат Шелуня, Датань. Начало его правления ознаменовалось войной с Китаем, но набег жужаней оказался безрезультатным, так же как и карательная экспедиция, посланная им вслед. Положение осталось без изменения.

В 418–419 гг. возобновилась война между жужанями и среднеазиатскими хуннами и юэчжами[13]. Жужани проникли в Тарбагатай и навели там на всех такой страх, что вождь группы юэчжей Цидоло (Кидара), желая уйти от соседства с жужанями, перешел на юг и занял г. Боло[14] в оазисе Карши[15]. Здесь он столкнулся с персами и эфталитами. Соратники Кидары – кидариты – известны в истории не под своим этическим названием, а по имени своего вождя.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 В 420 г. пала династия Цзинь, в 479 г. – Лю-Сун, в 502 г. – Южная Ци, в 557 г. – Лян.

2 Хуннов, муюнов, ди, юйвынь (предки татабов) и киданей.

3 Что значит Северо-Чжоуская династия (Бэй – Северный).

4 *Бичурин (Иакинф).* История Тибета и Хухунора. СПб., 1833. Т. I. С. 84.

5 *Бичурин Н. Я.* Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М.–Л., 1950. Т. I. С. 209.

6 *Shiratori K.* Über die Sprache der Hiung-nu und der Tunghu-St'amme. SPb., 1902. S. 18–19.

7 *Бичурин (Иакинф).* Записки о Монголии. СПб., 1828. Ч. III. С. 101; *Грумм-Гржимайло Г. Е.* Западная Монголия и Урянхайский край. Л., 1926. Т. II. С. 174–175.

8 *Бичурин Н. Я.* Собрание сведений... Т. I. С. 209 и сл.

9 Там же. С. 226.

10 Ср.: *Грумм-Гржимайло Г. Е.* Западная Монголия... С. 174–175; *Толстов С. П.* Тирания Абруя//Исторические записки. 1933. № 3. С. 610.

11 *Бичурин Н. Я.* Собрание сведений... Т. I. С. 215.

12 Там же. С. 249.

13 Дата этой войны рассчитана следующим образом: Датань, воевавший с Юэбанью, вступил на престол в 414 г., в 415 г. он совершил набег на Китай – следовательно, был занят на востоке. Следующий поход на Китай имел место в 424 г. Значит, война с Юэбанью падает на этот промежуток. Уточнение достигается привлечением нумизматики. В 417 г. была выпущена монета с именем Кидары, но С. К. Кабанов считает датой кидаритского царства 420 г. (см.: *Бичурин Н. Я.* Собрание сведений... Т. I. С. 189; Т. II. С. 259; *Кабанов С. К.* К вопросу о столице кидаритов //ВДИ. 1953. № 2. С. 172).

14 *Бичурин Н. Я.* Собрание сведений... Т. II. С. 264.

15 *Кабанов С. К.* К вопросу о столице кидаритов //ВДИ. 1953. № 2. С. 201–207. Предположение Р. М. Гиршмана, что столица кидаритов помещалась в Балхе (*Ghirschman R. M.* Les Chionites-Hephtalites. Le Caire, 1948. P. 79–80), не подтвердилось.

II. Предки

ВОЙНА ЖУЖАНЬСКОГО ХАНСТВА С ИМПЕРИЕЙ ВЭЙ

420 год был кульминацией жужаньского могущества. Легкие победы над северными и западными племенами сделали Жужань гегемоном в Великой степи, но ни в коей мере не обеспечили этому ханству ни покоя, ни процветания. Главным врагом жужаней была империя Тоба-Вэй, и жужаньский хан Датань попытался сделать все возможное, чтобы не допустить усиления своего естественного соперника.

В 424 г. Датань с 60 тыс. конницы вторгся в Китай, дошел до столицы и разграбил императорский загородный дворец. Мобилизация тобасских войск и отсутствие дисциплины среди жужаней заставили его вернуться, не приняв боя. В 425 г. тобасцы отогнали жужаней за Гоби. В 430 г. император Тай-у-ди (Тоба Дао) решил уничтожить жужаней, для того чтобы развязать себе руки в Южном Китае. Огромное войско вошло в степи, и жужани рассеялись кто куда. Датань бежал на запад и пропал без вести. Телесцы убивали его людей. Сын Датаня, Уди, отказался от продолжения борьбы и стал выплачивать империи Вэй дань. Однако мир был нарушен в 437 г. самим Уди, произведшим набег. По-видимому, без грабежа жужани не мыслили своего существования. Ответный поход в 439 г. ничего не дал императору Тоба: пришлось вернуться, не встретив жужаней, попрятавшихся по ущельям.

В 440 г. Уди, воспользовавшись войной Тоба против Хэси, снова напал на границу, но оставленные на границе заслоны захватили в

плен его авангард. Жужани вновь бежали. Та же история повторилась в 445 г., после чего Уди умер, передав престол своему сыну Тухэчженю (445–464).

Теперь роли переменились: империя Тобо-Вэй достигла своего зенита, а войска ее вторгались в степь, вынуждая жужаней прятаться в горах. По существу это была не война, а просто карательные походы.

Сын и преемник Тухэчженя, Юйчен (464–485), попытался продолжать борьбу, но в 470 г. был разбит и в 475 г. просил мира и представил дань. Жужань ослабела, набеги на Китай стали непозволительной роскошью. Теперь в качестве объекта грабежа был избран более бедный и более слабый Западный край. В 460 г. жужани овладели Турфанской долиной, где расправились со своими бывшими союзниками – южными хуннами, бежавшими туда от победоносных тоба. В 470 г. жужани разграбили Хотан, но усилившееся государство эфталитов положило предел жужаньской агрессии. Границей Жужани стал Тянь-Шань.

Новый жужаньский хан, Доулунь (485–492), был "человек жестокий, склонный к убийствам"[1]. Свое вступление на престол он ознаменовал казнью одного из вельмож вместе со всем его родом. Это вызвало возмущение в стране. Еще больше не понравилось стремление хана напасть на Китай. Все понимали, что вслед за набегом, пусть даже удачным, последует поход китайских войск, об отражении которых нечего было и думать.

Телеский старейшина Афучжило настоятельно советовал хану не начинать войны с Китаем, но, убедившись, что его доводы не действуют, восстал со всем телеским народом. Количество теле в то время было немалым (по китайским данным, 100 тыс. кибиток). Тогда Афучжило откочевал на запад, в долину Иртыша. Там он принял титул "Великий сын Неба"[2], чем отразил претензию на равное место с жужаньским ханом, и война вспыхнула, как полымя.

В 490 г. китайские войска вступили в степь с востока и вместе с телесцами зажали Жужань в клещи. Жужаньские вельможи возложили всю ответственность на незадачливого хана и убили его (492).

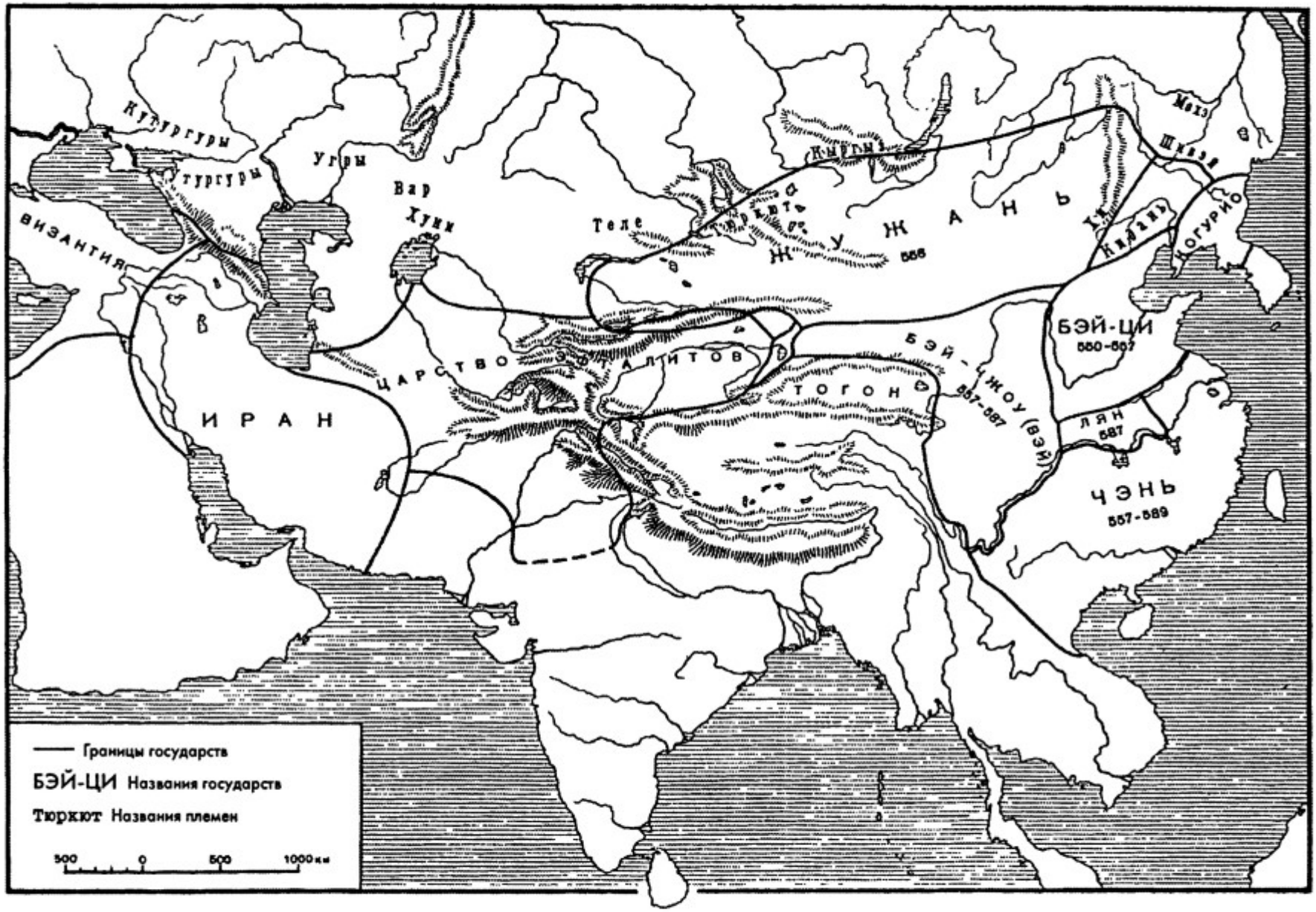
Переход теле на запад был событием чрезвычайной важности: на западе эти разрозненные кочевники образовали свою державу[3]. В Азии снова начался процесс этногенеза. В это самое время в Алтайских горах сложились в народ тюрки, в долине Брахмапутры – тибетцы, а в Китае началось возрождение, давшее великолепную средневековую культуру династий Суй и Тан. Античный период истории Восточной Азии заканчивался, и уродливый пережиток его – Жужань – должна была погибнуть.

ТЕЛЕУТСКОЕ ХАНСТВО – ГАОГЮЙ

Отложение телеутов и государственный переворот 492 г. были переломным моментом в истории Жужани. Она потеряла гегемонию в Центральной Азии и принуждена была сражаться уже не за власть, а за существование. Сменивший убитого Доулуня Нагай правил всего один год. Он взял девиз своему правлению: "Весьма спокойно", т.е. отказался от воинственных замыслов своего предшественника. Сын Нагая, Футу, продолжал политику своего отца, пока это было возможно[4].

Тем временем телеуты освоились на новоселье и уничтожили Юэбань, последний остаток хуннской эпохи. На новом месте телеуты попытались создать свое государство. Для этого они разделили народ на две половины: северный правитель Афучжило принял титул "Великий император", а южный – титул "Наследный государь"[5]. Как они сами называли свое государство – неизвестно, но китайцы называли его Гаогюй, что в переводе значит "высокая телега". Под этим наименованием оно и вошло в историю.

В политическом отношении Гаогюй держался китайской ориентации, рассчитывая получить шелк на одежды, но этот шелк не пошел ему на пользу. В 494 г. эфталиты расправились с Ираном и, обеспечив себе тыл, повернули на север. Южная часть Гаогюйской державы была молниеносно разбита, "Наследный государь" убит, его семья взята в плен, а народ разбежался: часть подчинилась жужаням, часть ушла в китайские владения. В следующем, 496 г. так же быстро была завоевана и северная держава. Эфталиты выбрали из числа пленных князя Мивоту и поставили его над оставшимися телеутами. Итак, Гаогюй превратился в вассала эфталитов, врага жужаней и союзника китайцев, которые заплатили ему за союз 60 кусков шелковых тканей[6]. Видимо, в это время (497) эфталиты захватили Карашар, а правитель княжества Гаочан в Турфанском оазисе, китаец Жу, просил китайское правительство принять и перевезти на китайские земли его подданных. Вокруг Жужани замыкался стальной круг. Но гаочанцы не захотели бросать насиженного места и, убив своего правителя, присоединились к Жужани. Это несколько разрядило экономическую напряженность, так как земледельческий Гаочан мог снабжать Жужань хлебом, плодами и тканями; но это же усилило политическое напряжение, так как раздражило китайского императора Сюань-у-ди. На просьбу хана Футу о мире император заявил, что он единственно потому не имеет видов на север, что занят покорением Южного Китая, а вообще считает Футу и жужаней мятежными подданным[7]. Тем временем в Гаочане китаефилы восторжествовали и союз с Жужанью был расторгнут (500)[8].



Срединная Азия накануне создания тюркской державы

Для поддержки китайских интересов в Западном крае туда был направлен трехтысячный отряд регулярных войск под командованием Мын Вэя. Базируясь в Хами, он стеснил жужаней. Новое посольство Футу в Китай осталось без ответа. Против жужаней были подняты телеуты, которые должны были оплатить кровью свои 60 кусков шелка. При оз. Пулэй Мивоту разбил жужаней. Те бежали на юг, но в горах Бэйшаня встретили китайские отряды Мын Вэя. В панике бросившись обратно, жужани натолкнулись на телеутов и были снова разбиты (508). В резне погиб злополучный хан Футу. Мивоту отправил его скальп Мын Вэю. За это ему были присланы дары: полный набор музыкальных инструментов, 80 музыкантов, 10 кусков пунцовых и 60 кусков разноцветных шелковых тканей.

Наследник погибшего Футу, Чеуну, дважды пытался договориться с Китаем, но понял, что только сила может его спасти. В 516 г. он напал на Гаогюй, разбил Мивоту и, захватив его в плен, убил весьма своеобразным способом. Ноги пленника были связаны под животом клячи, которую гоняли до тех пор, пока Мивоту не умер от тряски. Череп Мивоту был потом покрыт лаком и превращен в чашу. Спасшиеся от жужаней телеуты примкнули к эфталитам[9]. После этого посольство жужаньского хана принял император Вэй – Сяо мин-ди (518). Им был прочитан выговор за неточное исполнение вассальных обязанностей[10]. Такая формулировка допускала любой компромисс, и казалось, что Жужань вырвалась из безнадежного положения.

РАСПРИ В ЖУЖАНИ

Чеуну сделал все возможное, для того чтобы спасти Жужань. Разгромив телеутов, он не продолжал войны на западе и заключил договор с эфталитами. Союз был скреплен браками жужаньских принцесс и эфталитских вельмож[11]. На востоке жужани снеслись с Кореей (Гао-Гюйли), чтобы совместно разгромить одно из маньчжурских племен, дидэугань, и ослабить позиции дома Вэй в Маньчжурии[12]. Так же благополучно разрешился турфанский вопрос. В 518 г. китайское правительство официально отказалось от мысли вывести население из Турфанского оазиса во Внутренний Китай и признало княжество Гаочан[13]. Надо полагать, торговля турфанцев с жужанями не прекратилась; жужани регулярно снабжались хлебом и тканями. Железные изделия доставляли жужаням их алтайские вассалы – тюркюты (тюркитукю).

Но единство в орде нарушилось. В Жужань проник буддизм. Как обычно, буддийские миссионеры первым делом сделали буддистом

хана. В ставке появились "шамыни" – буддийские священники и "ни" – монахини. В новых условиях буддизм принимал фантастические формы: например, монахини имели законных мужей, но это, видимо, не смущало хана. Однако, несмотря на всю скудность сведений, можно утверждать, что далеко не всем буддизм нравился. Оппозиция возникла и в семье хана и в войске. Жужань потеряла единство, которое ей было необходимо более чем когда-либо. В 513 г. во главе жужаньского посольства в Китае стоял шаман Хунсюань, который привез "идола, жемчугом обложенного"[14]. Это первый случай в истории кочевников, когда духовное лицо выступало в светской роли.

Еще более показательно следующее. В жужаньской ставке жила молодая шаманка, по имени Дэу-хунь дивань. Бросается в глаза, что прозвище ее – "дивань" – было персидское: "одержимая". "Она лечила и волховала (т.е. шаманила силой духов), и Чеуну всегда имел веру к ней[15]. Китайский летописец считает ее шарлатанкой и передает рассказ о ее мошенничестве, но нам интересно не это. "Чеуну очень уважал и любил ее и, поступая по ее советам, привел государственное управление в запутанность"[16]. В орде возникла оппозиция фаворитке, и в 520 г., когда Чеуну был в походе, дивань удавили по приказанию ханши-матери, когда же Чеуну вернулся, мать в сговоре с вельможами убила его, а престол передала другому своему сыну – Анахуаню.

Десять дней спустя Чеуну был отомщен. Некто Шифа, родственник хана, напал на ставку и разбил ее. Анахуань успел бежать в Китай, а его мать и братья были убиты. Пока Анахуань вымаливал милость в Китае, его дядя Поломынь собрал своих сторонников и разбил Шифу. Шифа бежал в Маньчжурию к племени дидэугань[17] и там был убит. Поломынь принял ханский титул. В 521 г. он был разбит восставшими телеутами и с остатком своих подданных откочевал в Китай. Жужань опять оказалась на пороге гибели.

Наконец-то Китай добился своего: оба жужаньских хана отдались в его руки. Приходящие с севера рассказывали, что "государство пришло в большое волнение. Каждый род отдельно живет, и попеременно грабят друг друга"[18].

Распрями воспользовались телеуты: младший брат замученного Мивоту, Ифу, восстановил государство Гаогюй и разбил в 521 г. жужаней Поломыня, загнав их в Китай[19]. Осенью того же года бежал в Китай от гаогюйцев Синифа, брат Анахуаня, замещавший его. Китайское правительство решило закрепить успех. Поломыня с его приверженцами поселили внутри Китая, у оз. Кукунор, а Анахуаня, который более втерся в доверие, – за границей – к северу от Дуньхуана. Поломынь сразу же попытался бежать к эфталитам, так как три его сестры были замужем за эфталитским царем. Но Поломыня задержали, и он

умер в тюрьме. У Анахуаня выдержки было больше. В 522 г. он выпросил 10 тысяч мешков проса для посева, но, видимо, жужани просо съели, и в результате в следующем году у них возник голод, который привел к грабежу китайского населения. Посланного для разбора дела китайского чиновника Анахуань задержал, ограбил все, что мог поблизости, и со всей ордой откочевал на север. Там китайский чиновник был отпущен. Посланная за Анахуанем погоня вернулась ни с чем[20]. Эта головокружительная авантюра спасла жужаней.

Империя Вэй разлагалась с поразительной быстротой, и каждый год создавалась новая политическая ситуация. Уже в 496 г. была потеряна Западная Маньчжурия, где взбунтовались хи (татабы)[21], активизировалась империя Лян в Южном Китае, и, наконец, в 524 г. на самом севере страны вспыхнуло и быстро разрослось восстание в крепости Во-йе. Анахуань вызвался подавить это восстание и весной 525 г. разбил бунтовщиков. За это он получил награду "разными вещами" и полное прощение. Теперь настала очередь Гаогюя. Оставшись один на один с телеутами, жужани разбили их наголову. Ифу был убит своим младшим братом Юегюем, который попытался продолжать войну, но в 534–537 гг. был также разбит. Сын Ифу, Биди, убил своего дядю и возглавил сопротивление. В 540 г. Биди был разбит жужанями, и держава Гаогюй перестала существовать. Тем временем в Китае империя Вэй раскололась на восточную и западную части, боровшиеся между собой. Тут Анахуань выступил как гегемон, ибо обе стороны заискивали перед ним.

Это был последний луч кровавой жужаньской славы.

потомки волчицы

Знание родословных и специальное изучение их было издавна характерно для центральноазиатских народов[22]. При этом весьма любопытно, что многие из них называли своим родоначальником того или иного зверя. Так, тибетцы считали своими предками самца обезьяны и самку ракшаса (лесного духа), монголы – серого волка и лань, телесцы – тоже волка и дочь хуннского шаныоя, а тюрки – хуннского царевича и волчицу. Две последние легенды возникли очень давно, по-видимому еще в период обитания этих народов на южной окраине великой пустыни Гоби, так как мифология в некоторой степени корректируются фактами политической истории и этногенеза.

Среди племен, побежденных тобасцами при покорении ими Северного Китая, находились "пятьсот семейств Ашина"[23]. Эти "пятьсот семейств" возникли "из смешения разных родов"[24], обитавших в

западной части Шэньси, отвоеванной в IV в. у китайцев хуннами и сяньбийцам[25]. Ашина подчинялись хуннскому князю Мутаню, владевшему Хэси (область к западу от Ордоса, между излучиной Хуанхэ и Наньшанем). Когда в 439 г. тобасцы победили хуннов и присоединили Хэси к империи Вэй, то князь "Ашина с пятьюстами семействами бежал к жужаньцам и, поселившись по южную сторону Алтайских гор, добывал железо для жужаньцев"[26].

Текст повествует о происхождении не всего народа древних тюрок, а только их правящего клана. В этой версии происхождения древних тюрок ничего легендарного нет. По-видимому, Ашина был вождем небольшой дружины, состоявшей из удальцов, почему-либо не уживших в многочисленных сяньбийских и хуннских княжествах. Такие мелкие военные единицы, которые нельзя назвать государствами, постоянно возникали в мятежную эпоху III–V вв. и исчезали, не оставив следа.

Китайцы называли подданных ханов Ашина – Ту-кю. Это слово удачно расшифровано П. Пельо как "тюрк+ют", т.е. "тюрки", но с суффиксом множественного числа не тюркским, а монгольским. В древнетюркском языке все политические термины оформляются монгольским множественным числом. Это дает основание думать, что они привнесены в тюркскую языковую среду извне.

Само слово "тӱрк" значит "сильный, крепкий". Согласно А. Н. Кононову, это – собирательное имя, которое впоследствии превратилось в этническое наименование племенного объединения. Каков бы ни был первоначальный язык этого объединения, к V в., когда оно вышло на арену истории, всем его представителям был понятен межплеменной язык того времени – сяньбийский, т.е. древнемонгольский. Это был язык команды, базара, дипломатии. С этим языком Ашина в 439 г. перешли на северную окраину Гоби. Слово "Ашина" значило "волк". По-тюркски волк – *бури* или *каскыр*, а по-монгольски *шоно‖чино*. "А" – префикс уважения в китайском языке. Следовательно, "Ашина" значит "благородный волк"[27]. Не подвергшееся китаизации слово сохранилось в арабской записи этого имени – Шанэ[28].

Вопрос о том, насколько правомерно называть ханов Ашина тотемистами, при современном состоянии наших знаний не может быть разрешен[29], но ясно, что название "волк" имело для тюрок VI в. огромное значение. Китайские авторы считают понятия "тюркский хан" и "волк" синонимами, видимо опираясь на воззрения самих тюркских ханов. Не случайно сяньбийская царевна говорит про своего мужа, хана Шаболио: "хан по его свойствам есть волк"[30] и в инструкции при нападении на тюрок сказано: "таковую должно употребить меру: гнать кочевых и нападать на волков"[31]. Золотая волчья го-

лова красовалась на тюркских знаменах[32] и, наконец, в двух легендах о происхождении тюрок первое место принадлежит прародительнице-волчице[33]. Для обеих несколько разнящихся легенд характерно то, что в них нет никакого намека на историческое событие – переход орды Ашина из Ганьсу. Поэтому, надо думать, легенды возникли на Алтае и, может быть, были созданы специально для того, чтобы обосновать права пришельцев на исключительное положение.

Первая легенда любопытна тем, что она знает об "отрасли дома Хунну от Западного края на запад", т.е. о державе Аттилы. Эта отрасль была начисто истреблена соседями; уцелел лишь один десятилетний мальчик, которому враги отрубили руки и ноги, а самого бросили в болото. Там от него забеременела волчица. Мальчика все-таки убили, а волчица убежала на Алтай и там родила десять сыновей. Род размножился, и "по прошествии нескольких колен некто Асянь-ше со всем аймаком вышел из пещеры и признал себя вассалом жужаньского хана". Итак, согласно этой легенде, алтайские тюрки-тукю (тюркют) происходят от западных гуннов, но не прямо, а мистически, через посредство волчицы, причем, если учесть, что западные гунны были уничтожены около 468 г., а тюрки выступают как народ уже в 545 г., то можно было бы только подивиться быстроте размножения их и смене поколений!

Вторая легенда выводит тюрок от местного рода Со и опять-таки волчицы. Все представители рода Со, по легенде, погибли "из-за собственной глупости" (в чем она проявлялась, не объяснено), только четыре внука волчицы уцелели. Первый превратился в лебедя, второй поселился между реками Абу и Гянь под именем Цигу, а третий и четвертый – на р. Чуси (Чуе) в южном Алтае. Эта легенда объяснена Н. А. Аристовым, который сопоставил Со легенды с родом Со у кумандинцев – североалтайского племени на р. Бие, первого внука увязал с племенем лебединцев – кукижи, а второго – с кыргызами, жившими между Абаканом (Абу) и Енисеем (Гянь-Кем). Внук старшего сына – Асяньше первой легенды. Здесь они обе смыкаются[34].

Предгорья Монгольского Алтая, куда попали беглецы, были населены племенами, происходившими от хуннов и говорившими на тюркских языках. С этими аборигенами слились дружинники князя Ашина и наделили их именем "тюрк", или "тюркют".

Судьба этого слова настолько примечательна и важна для нашей темы, что следует уделить этому сюжету особое внимание. Слово "тюрк" за 1500 лет несколько раз меняло значение. В V в. тюрками, как мы видели, называлась орда, сплотившаяся вокруг князя Ашина и составившая в VI–VIII вв. небольшой народ, говоривший уже потюркски. Но соседние народы, говорившие на том же языке, тюрка-

ми отнюдь не назывались. Арабы называли тюрками всех кочевников Средней и Центральной Азии без учета языка. Рашид-ад-Дин начал различать тюрок и монголов, очевидно по языковому признаку, а в настоящее время "тюрк" – это исключительно лингвистическое понятие, без учета этнографии и даже происхождения, так как некоторые тюркоязычные народы усвоили тюркский язык при общении с соседями. При таком разнобое в употреблении термина необходимо внести уточнение. Тот народ, история которого описывается в нашей книге, во избежание путаницы мы будем называть тюркютами, так, как называли их жужани и китайцы VI века[35].

Какого бы происхождения ни были те "пятьсот семейств", которые объединились под именем Ашина, между собою они объяснялись по-монгольски до тех пор, пока перипетии военного успеха не выбросили их из Китая на Алтай. Однако столетнее пребывание в тюркоязычной среде, разумеется, должно было способствовать быстрой перемене разговорной речи, тем более что "пять семейств" монголов были каплей в тюркском море. Надо полагать, что к середине VI в. и члены рода Ашина и их спутники были совершенно отюречены и сохранили следы монголоязычия лишь в титулатуре, которую принесли с собой.

На основании вышеизложенного видно, что происхождение тюркоязычия и возникновение народа, назвавшего себя "тюрк", "гюркют", – явления совершенно разные. Языки, ныне называемые тюркскими, сложились в глубокой древности[36], а народ "тюркютов" возник в конце V в. вследствие этнического смешения в условиях лесостепного ландшафта, характерного для Алтая и его предгорий. Слияние пришельцев с местным населением оказалось настолько полным, что через сто лет, к 546 г., они представляли ту целостность, которую принято называть древнетюркской народностью или тюркютами.

А сама тюркоязычная среда в то время уже успела распространиться далеко на запад от Алтая, в страны, где жили гузы, канглы, или печенеги, древние болгары и гунны.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 *Бичурин Н. Я.* Собрание сведений...Т. I. С. 195.
2 Там же. С. 217.
3 Удобным и правильным будет называть западных теле телеутами, так как алтайские телеуты являются их потомками, а разобщенные племена восточных теле – телесцами, как принято в советской историографии.
4 *Бичурин Н. Я.* Собрание сведений... Т. I. С. 196.
5 Там же. С. 217.

6 Там же.
7 Там же. С. 196.
8 Там же. Т. II. С. 251.
9 *Бичурин Н. Я.* Собрание сведений... Т. I. С. 218.
10 Там же. С. 197.
11 Там же. С. 203. Очевидно, заключение жужаньско-эфталитского союза оборвало дружеские отношения эфталитского царства и империи Вэй. В 516–520 и 526 гг. эфталитские посольства направляются уже в Южный Китай, в империю Лян, и в этих переговорах можно усмотреть попытку организации антитобасской коалиции (*Hannestad K.* Les relations de Byzance avec la Transcaucasie et Asie Centrale aux V et VI'siécles //Byzantion. 1957. Vol. 25–27. P. 452–453).
12 *Бичурин Н. Я.* Собрание сведений. Т. II. С. 74.
13 Там же. Т. I. С. 252.
14 *Бичурин Н. Я.* Собрание сведений... Т. I. С. 196.
15 Там же. С. 197.
16 Там же.
17 *Бичурин Н. Я.* Собрание сведений... Т. II. С. 79.
18 Там же. Т. I. С. 202.
19 *Бичурин Н. Я.* Собрание сведений... Т. I. С. 219.
20 Там же. С. 204.
21 Там же. Т. II. С. 73.
22 *Рашид ад-Дин.* Сборник летописей. М.–Л., 1952. Т. I. С. 153.
23 *Пятьсот семейств* – фигуральное выражение, означающее «немного» (*Гумилев Л. Н.* Три исчезнувших народа //Страны и народы Востока. М., 1961. Т. II. С. 105).
24 *Бичурин Н. Я.* Собрание сведений... Т. I. С. 221.
25 В китайской историографии эта эпоха носит название У-ху, т.е. пять варварских племен. Перечень государств, образованных кочевниками на территории Китая (см.: *Гумилев Л. Н.* Китайская хронографическая терминология в трудах Н. Я.Бичурина на фоне всемирной истории) //*Бичурин Н. Я.* Собрание сведений по исторической географии Срединной и Восточной Азии. Чебоксары, 1960. С. 658–662.
26 *Бичурин Н. Я.* Собрание сведений... Т. I. С. 221.
27 *Гумилев Л. Н.* Три исчезнувших народа. С. 104–105. Приведена литература.
28 *Macoudi.* Les prairies d'or. Paris, 1861. I. P. 289.
29 *Clauson G.* Turks and wolves //Studia Orientalia. XXVIII. Helsinki, 1964. P. 1–22 (отдельный оттиск).
30 *Бичурин Н. Я.* Собрание сведений... Т. I. С. 237.
31 Там же. С. 290; *Chavannes E.* Documents sur les Tou-kiue (Turcs) Occidentaux //Сборник трудов Орхонской экспедиции. СПб., 1903. Вып. VI. P. 61.
32 *Бичурин Н. Я.* Собрание сведений... Т. I. С. 229.
33 Там же. С. 220 сл.; *Julien S.* Documents historiques sur les Tou-kiue (Turcs). JA, 1864. Vol. 3, 4. P. 327–328; *Liu Mau-tsai.* Die chinesischen Nachrichten zur Geschichte der Ost-Türken. Buch I–II. Wiesbaden, 1958. S. 5.
34 *Аристов Н. А.* Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности //Живая старина. X, 1896 (отдельный оттиск). Т. IV. С. 5.
35 Этот условный термин предложен нами в 1959 г. (см.: *Гумилев Л. Н.* Алтайская ветвь тюрок-тугю //СА. 1959. № 1. С. 105; *Артамонов М. И.* История хазар. Л., 1962. С. 104).
36 *Баскаков Н. А.* Тюркские языки. М., 1960. С. 30.

III. Создание великой державы рода Ашина (545–581)

НАЧАЛО ИСТОРИИ ДРЕВНИХ ТЮРОК (ТЮРКЮТОВ)

Хотя история каждого народа уходит своими корнями в глубокую древность, у историков всех эпох есть стремление начать описание с даты, определяющей (по их мнению) возникновение народа. Так, римляне имели крайне условную дату – основание Рима, арабы вполне реальную – бегство Мухаммеда из Мекки в Медину, русские летописцы выбрали 862 г. и приурочили к нему "начало" русской истории, французские хронисты вели "начало" от Хлодвига Меровинга, а историки по почину Огюстена Тьерри отнесли его к 843 г. – разделу империи Карла Великого и т.д. Для тюркютов такой датой оказался 545 год.

В Северном Китае разразилась новая война[1]. Правитель Восточной империи Вэй, Гао Хуань, заключив союз с жужаньским ханом Анахуанем и тогонским царем Куалюем[2], напал на Западную империю Вэй и сильно стеснил своего соперника Юйвынь Тая; однако решающая победа союзничкам в руки не далась. В поисках сторонников император Западной Вэй, Вэнь-ди, послал некоего Ань Нопаньто[3] тюркскому князю Бумыну[4] для установления дружественных отношений.

Посланник, прибывший к тюркютам в 545 г.[5], был принят радушно. "В орде все начали поздравлять друг друга, говоря: ныне к нам прибыл посланник от великой державы, скоро и наше государство возвысится". Этот, казалось бы, незначительный факт указывает, что господство жужаней было тягостно для тюркютов и неизбежность войны за свободу их не пугала.

Сообразуясь с настроениями своего народа, Бумын проявил нелояльность по отношению к своему сюзерену – жужаньскому хану, отправив в столицу Западной Вэй, Чанъань, ответное посольство с дарами и тем закрепив союз с врагом своего господина. Однако это не вызвало разрыва с жужанями: по-видимому, переговоры велись в строгой тайне. Эти посольства на четверть века определили восточную политику тюркютской державы как союзницы Западной Вэй и ее наследницы Бэй-Чжоу, направленную против северо-восточного Китая, где с 550 г. укрепилась династия Бэй-Ци. Однако, включаясь в мировую политику, Бумын сознавал, что он слишком слаб, чтобы бороться с жужанями, данником которых он был. Бумын решил добросовестно выполнять долг союзника и вассала. Случай к тому представился в том же году.

Западные телеские племена тяжело переносили жужаньское иго. Наконец, их терпение лопнуло: они восстали и из западной Джунгарии двинулись в Халху, чтобы нанести жужаням удар в сердце. Поход был так плохо организован и время так плохо рассчитано, что здесь можно предположить скорее стихийный взрыв народного негодования, чем планомерно организованную войну. История не сохранила даже имен вождей восстания. Когда телесцы были на середине пути, из ущелий Гобийского Алтая выехали стройные рады тюркютов в пластинчатых панцирях с длинными копьями, на откормленных боевых конях. Телесцы не ожидали флангового удара, а кроме того, они собрались воевать не с тюркютами, от которых они никогда не видели ничего плохого, а с ненавистными жужанями. Поэтому они немедленно изъявили полную покорность Бумыну, а он, приняв, совершил второй не лояльный поступок по отношению к Жужани.

Покорность в степи – понятие взаимообязывающее. Иметь в подданстве 50 тыс. кибиток[6] можно лишь тогда, когда делаешь то, что хотят их обитатели; в противном случае лишишься и подданных, и головы. Телесцы хотели одного – уничтожить жужаней, и Бумын, очевидно, это знал, когда принимал их в свою орду. Но так как этого хотели и его соплеменники, то война была неизбежна. Стремление своих подданных разделял хан, и поэтому события потекли быстро.

РАЗГРОМ ЖУЖАНЕЙ

Стремясь вызвать конфликт с жужанями и вместе с тем не желая оказаться в роли обидчика, Бумын пошел на провокацию. Он обратился к жужаньскому хану Анахуаню с просьбой дать ему в жены царевну. Это сразу поставило бы его, по степным обычаям, на равную ногу с

ханом, на что тот не мог согласиться, не роняя своего авторитета. Разгневанный хан ответил грубо: "Ты мой плавильщик [тюркюты плавили для жужаней железо], как ты осмелился сделать мне такое предложение"[7]. Отказ ставил Бумына в положение обиженного, а он этого и добивался. Чтобы отрезать пути к примирению, он велел казнить жужаньского хана, и теперь союз с Западным домом Вэй ему весьма пригодился. Немедленно он возобновил переговоры с Вэнь-ди и летом 551 г. получил в жены китайскую царевну Чанле, что окончательно закрепило его авторитет среди кочевников. Стремясь использовать внезапность нападения, Бумын выступил в поход зимой 552 г. и одержал полную победу над жужанями. Анахуань кончил жизнь самоубийством, а сын его Яньлочен бежал к своим союзникам цисцам[8].

Бумын принял титул Иль-хан, но в конце 552 г. умер. На престол вступил его сын, принявший титул Кара Иссык-хан (т.е. Черный Горячий хан)[9].

Жужани, внезапно[10] разбитые тюркютами, выбрали вождем дядю своего погибшего хана, Дыншуцзы, и продолжали борьбу. Но в сражении около горы Лайшань они снова потерпели полное поражение. На их счастье, впрочем весьма недолгое, Кара Иссык-хан умер при загадочных обстоятельствах, сын его Шету[11] был отстранен и на престол вступил младший брат Кара Иссык-хана, Кушу, с титулом Мугань-хан[12].

Новый хан был тверд, жесток, храбр, умен и ничем не интересовался, кроме войн[13]. Поздней осенью 553 г. он снова разбил жужаней. Цисский император принял своих несчастливых союзников и отразил преследовавших их тюркютов[14]. Но жужани не могли ужиться в Китае. Лишенные своих стад и имущества, не привыкшие к труду, они принялись разбойничать, и цисское правительство было вынуждено уже весной 554 г. направить против них войска. Жужани потерпели поражение. Но это не изменило их поведения, и летом 555 г. цисский император изгнал жужаней со своей территории в степь, где их немедленно разгромили тюркюты и кидани[15].

Дыншуцзы с остатками орды бросился искать убежища в Западной Вэй, но там нуждались в тюркютах как союзниках против империи Ци и выдали тюркютскому послу три тысячи связанных жужаней. Посол велел обезглавить всех взрослых, но пощадил детей и "следовавших за князьями" слуг[16]. С жужанями было покончено, и тюркюты стали хозяевами всей восточной половины Великой степи. За оказанные услуги по истреблению жужаней тюркюты расплатились с Западной империей Вэй в том же 556 г. В то время когда жужаньские головы катились перед восточными воротами Чанъани, соединенные тюркско-китайские войска ворвались в Тогон, население которого должно было искать спасения в горах Наньшаня[17]. Победители взяли

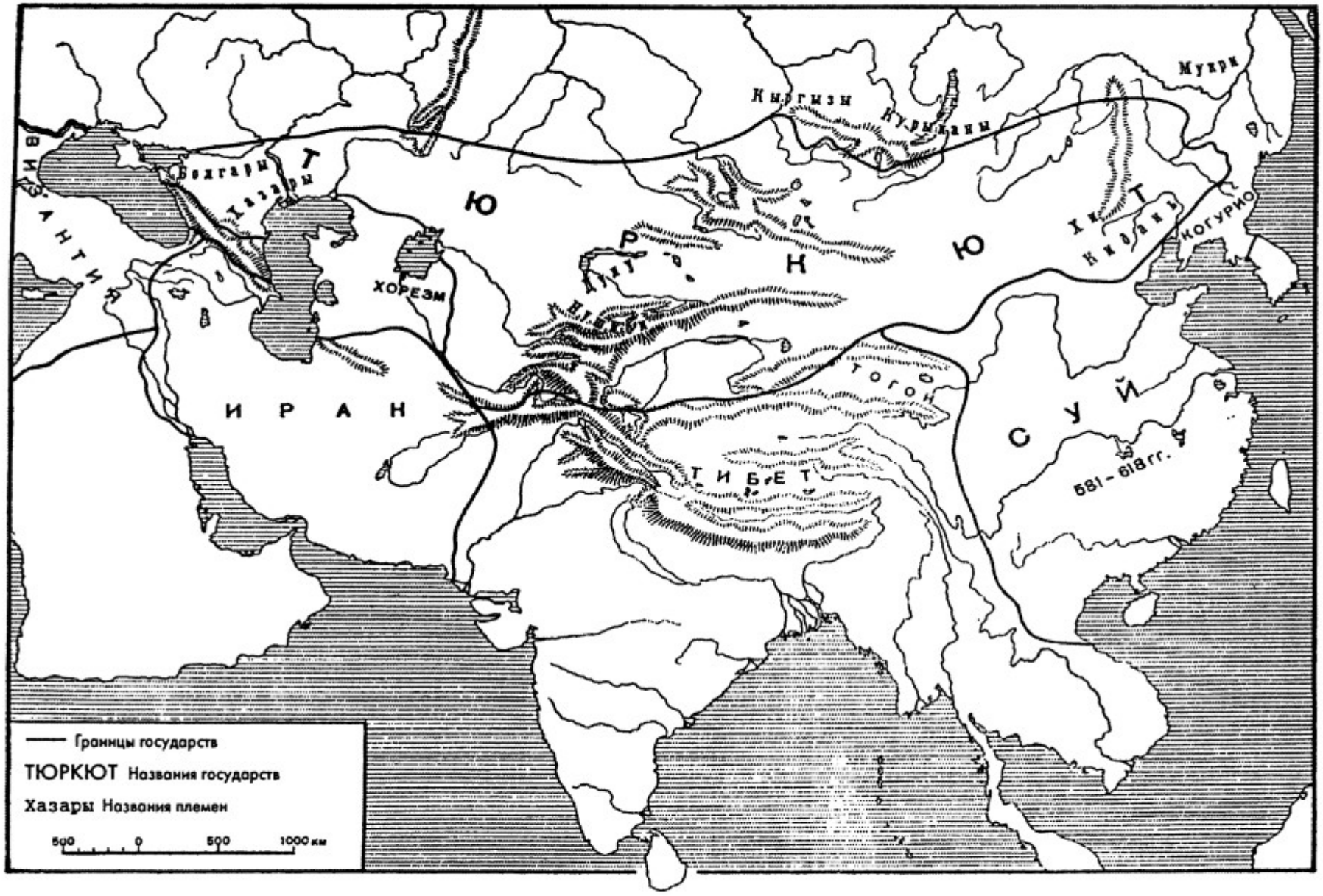
резиденцию хана Куалюя – городок Шудунь, находившийся возле Кукунора, и другой городок – Хэмчен. На следующий год тогонцы попытались отплатить за набег набегом на китайские земли, но, не умея брать крепостей, вынуждены были отступить. Империя Ци ничем не могла помочь своим гибнущим союзникам, так как еще ранее истратила силы на отражение киданей с севера (553)[18] и царства Лян с юга (555)[19]. Окрыленный успехами, сын Юйвынь Тая – Юйвынь Цзю осмелился отбросить ширму легитимизма и, заставив отречься последнего императора династии Вэй, в 557 г. вступил на престол и назвал свою династию Бэй-Чжоу.

ВОЙНА НА ВОСТОКЕ

Расправившись с жужанями, тюркюты перешли к решительным действиям против своих кочевых соседей. 554 год был годом, когда из княжества создалась империя. На севере было завоевано государство Цигу. Что понимали китайцы под наименованием Цигу – кыргызов или чиков – неясно[20], так или иначе с этого времени Мутань-хан обеспечил свою северную границу, хотя форсировать Саяны тюркютам не удалось[21].

На востоке в это время обитали три народа: татабы, которых китайцы называли хи, кидани и тридцать татарских племен, носивших у китайских географов имя Шивэй[22]. Все три народа говорили на диалектах монгольского языка, были близки по быту и культуре, но всегда враждовали между собой. Татабы жили по западным склонам Хингана и поддерживали союз с Бэй-Ци[23]. Кидани занимали степную часть Маньчжурии, к северу от р. Ляохэ. 0ни постоянно воевали с татабами и,следовагельно, вступали в конфликты с Бэй-Ци. В 553 г. император Бэй-Ци – Вэнь-ди разгромил и подчинил себе значительную часть киданьского народа. Остальные или бежали в Когурио (Корею)[24], или подчинились тюркютам, которые вышли к бассейну Желтого моря.

В результате победы над киданями государство Бэй-Ци не усилило, а, наоборот, ухудшило свое внешнеполитическое положение, так как теперь тюркютские владения охватили его с севера. Жестокая расправа над остатками сяньбийцев и открытое покровительство буддизму, поглощавшему огромные средства, ослабляли сопротивляемость внешним врагам. А в это же время Бэй-Чжоу росло и крепло – как благодаря союзу с тюркютами, так и потому, что его правители опирались на служилое сословие и не тратили средств на буддийских и даосских монахов. Император У-ди в 579 г. издал указ о запрещении



Тюркская держава в конце VI в.

буддизма и даосизма; этот китайский Генрих VIII принял имя "Небесное начало", приказал поставить статуи Будды и Лао-цзы по бокам своего трона и, сев между ними, принял публичное поклонение[25], стремясь тем самым скомпрометировать религию. Чжоуская империя начала приобретать известность даже в Западной Азии, где различные владетели стремились установить с ней связи. Так, в 553 г. пришло посольство от эфталитов[26], в 555 г. – из Ирана[27]. После же нового разгрома тогонцев, на этот раз силами только чжоусцев, послов прислали: в 559 г. – Гаочан (Турфан)[28], в 561 г. – Кучам[29] и в 564 г. – Карашар[30].

Главной задачей империи Бэй-Чжоу было уничтожение восточной империи – Бэй-Ци, но последняя имела внутренние ресурсы, при умелом использовании достаточные для сохранения самостоятельности. Все решал вопрос, на чью сторону встанет тюркский хан.

В 561 г. оба императора направили к Мугань-хану послов с просьбой выдать замуж царевну. Подарки, представленные из богатого Бэй-Ци, чуть было не решили дела, однако дипломатическая ловкость чжоуских послов вынудила Мугань-хана сохранить верность союзному договору[31]. Он решил наверстать потерю подарков приобретением военной добычи.

В 563 г. союзники осадили г. Цзиньянь, но успеха не имели, и тюркюты, ограбив страну, вернулись в родные степи. На следующий год поход был повторен, но полное поражение одной из чжоуских армий, нанесенное цисцами под Лояном[32], заставило Мугань-хана отвести войска. И все же, несмотря на эту неудачу, он отверг снова ему предложенный союз с Ци. Это объясняется тем, что, согласно союзному договору, империя Чжоу выплачивала тюркютам ежегодно по 100 тыс. кусков шелковых тканей.

В 572 г. Мугань-хан умер. Его брат и наследник Тобо-хан заключил мир с империей Ци, не порывая с империей Чжоу. Когда же последняя осмелилась отказаться от взноса дани, одной военной демонстрации тюркютов оказалось достаточно для восстановления исходного положения. Империя Ци, страшась тюркютских набегов, истощала свою казну, выплачивая дань за мир. Тобо-хан говорил: "Только бы на юге два мальчика [Чжоу и Ци] были покорны нам, тогда не нужно бояться бедности"[33].

Союз с империей Ци привел к культурному общению тюркютов с Китаем. В ставке хана появились буддийские монахи и обратили в свою веру Тобо-хана. Буддийский миссионер весьма наивно доказывал хану преимущество буддизма перед прочими вероисповеданиями богатством и силой империи Ци, соблюдающей закон Будды. Последовавший разгром Ци разочаровал тюркютов в буддизме, в 581 г., после воцарения династии Суй, буддисты должны были вернуться в Китай[34].

В 576 г. чжоусцам удалось разбить цисцев и овладеть г. Пхиньянь. Попытка цисцев отвоевать город не имела успеха и цисский император, осажденный в г. Ечен, перед его сдачей отрекся от престола в пользу князя Гао Юань-цзуна, который также попал в плен в 577 году.

Несмотря на разгром, низвергнутая династия обрела энергичного защитника в лице горожанина из г. Тайюань – Гао Бао-нина[35]. Еще до поражения, в 576 г., он был назначен комендантом пограничной крепости Инчжоу в современном Чахаре. За короткое время Гао Бао-нин приобрел уважение не только китайцев, но и кочевников. После падения династии это обстоятельство обеспечило ему независимое положение. Гао Бао-нин не был беспринципным политическим честолюбцем; в нем появились те моральные силы, которые способствовали возрождению Северного Китая: верность долгу, патриотизм и непреклонное упорство в борьбе. Он отверг предложение победителя о почетной капитуляции и объявил себя сторонником последнего представителя династии Ци – князя Гао Шао-и, убежавшего к тюркютам. За этот поступок Гао Бао-нину было пожаловано звание канцлера (конечно, без возможности занять должность). Тюркютский хан, очевидно, опасаясь чрезмерного, с его точки зрения, усиления Бэй-Чжоу, также принял сторону побежденной династии. К союзу примкнул и полководец Люй Чжан-цзы, восставший против своего императора и укрепившийся в Фаньяне[36] (около Пекина).

Гао Бао-нин немедленно мобилизовал вое имевшиеся в его распоряжении силы и выступил на стороне Гао Шао-и. Но он опоздал. Его войска успели только достичь берегов Ляохэ, когда до них дошла весть, что Фаньян разрушен и восстание подавлено, Гао Шао-и вернулся к тюркютам, а Гао Бао-нин укрепился в своей области.

Гораздо более страшным врагом для Бэй-Чжоу оказались тюркюты. В 578 г. Тобо-хан вторгся в Китай и наголову разбил чжоускую армию. Переговоры, начатые в 579 г., были прерваны, и военные действия продолжились с полным успехом для тюркютов. Однако китайскому послу удалось соблазнить Тобо-хана подачками, и в 580 г. был заключен мир, по которому Гао Шао-и был выдан и препровожден в столицу Чжоуского государства – Чанъань. Умер он в ссылке в Сычуани[37].

580 год был апогеем тюркского могущества. В 581 г. Тобо-хан умер, а в Китае Чжоуская династия была свергнута злейшим врагом тюркютов – боевым генералом Ян Цзянем, основателем династии Суй, что полностью изменило политическую обстановку. Гао Бао-нин пережил своих противников и остался в Чахаре самостоятельным князьком, союзником тюркских ханов[38].

ВОЙНА НА ЗАПАДЕ

Проявляя активность на восточной границе, тюркюты одновременно совершили поход на запад. К сожалению, подробности этого чрезвычайно важного события освещены источниками недостаточно полно, но наметить общий ход событий все-таки можно.

Западный поход возглавил Истеми-каган, младший брат Бумына. Истеми-каган еще раньше сопутствовал Бумыну и командовал десятью вождями, очевидно племенными[39]; скорее всего они были предводителями североалтайских племен угорского происхождения. Их потомками, ныне опороченными, являются шорцы, кумавдинцы, лебединцы и др. Не случайно имя хана Истеми не тюркское, а угорское и является названием духа-предка[40]. Китайцы определяли численность его войск в 100 тыс. человек, но эта цифра отражает не действительное количество воинов, а ранг полководца, в данном случае наивысший, что соответствует его титулу: "багадур-джабгу"[41]. Свой поход Истеми начал позже 552 г., так как арабы в этот год еще были самостоятельным племенем, приславшим дары на похороны Бумына[42] и, по-видимому, после решительного разгрома жужаней, происшедшего осенью 553 г. Самая вероятная дата выступления в поход – весна 554 г., когда с жужанями было покончено, а степи покрылись травой, что имело решающее значение для конницы.

Судя по быстроте передвижения, тюркюты не встретили сильного сопротивления. В 555 г. их войско достигло "Западного моря"[43], под которым надо понимать не Каспийское, а Аральское море, так как Фирдоуси указывает следующие границы владений Истеми: "от Чина [Китая] до берега Джейхуна [Амударьи] и до Гульзариуна [Сырдарьи] по ту сторону Чача [Ташкента]"[44].

На основании этой цитаты мы можем довольно точно провести границу 555 г.: она шла севернее Ташкента, затем пересекала Сырдарью на повороте к северу и в широтном направлении шла до низовьев Амударьи и южного берега Аральского моря. Согдиана и Бухара в это время подчинялись эфталитам, с которыми и столкнулись завоеватели[45]. Таким образом, тюркюты за полтора года подчинили себе весь центральный Казахстан, Семиречье[46] и Хорезм[47].

Но дальше пошло труднее. На северных берегах Аральского моря тюркюты натолкнулись на сопротивление племен хуни (хионитов)[48], вар[49] и огоров[50]. Только к 558 г. эти племена были разгромлены, и тюркюты вышли к Волге, гоня перед собой тех, кто отказывался покориться. Это были осколки племен вар и хуни – около 20 тыс. человек[51], слившиеся затем в единый народ – авар[52].

Тюркюты не перешли Волгу и ограничились подчинением приуральских степей. На этом западный поход Истеми был закончен. То, что было достигнуто за четыре года, поставило перед каганатом ряд новых политических задач.

Появление единой державы, охватившей всю азиатскую степь, оказалось фактором огромного значения для дипломатии Китая, Византии и Ирана.

Политическая ситуация в Причерноморье в конце 50-х годов VI в. была весьма сложной и напряженной, главным образом вследствие тонкой и дальновидной политики Византии. Область низовьев Днепра и Дона занимал болгарский народ кутургуры. Родственные им утургуры жили на Кубани. Византия, страдая от набегов кутургуров на Фракию, дарами и посольствами побуждала утургуров к военным действиям против кутургуров. Ловкая политика Юстиниана довела оба эти родственных племени почти до взаимного истребления[53].

К востоку от утургуров, в районе р. Кумы и в Дагестане, обитало крайне воинственное племя сабиров. Сабиры принимали активное участие в византийско-персидской войне сначала на стороне Ирана, потом против него. В 552 г. они завоевали Агванию, но уже в 554 г. были разбиты персами[54]. На берегу Кубани жили аланы, верные союзники Византии. Через них греки впервые получили известие о появлении нового варварского народа – аваров.

АВАРЫ В ПРИЧЕРНОМОРЬЕ

Положение аваров, бежавших от тюркютского нашествия, на первый взгляд казалось безнадежным: за ними стоял намного сильнейший враг, перед ними были сильные, многочисленные и богатые народы, привыкшие к войнам и умевшие побеждать. Авары были нищими беглецами, лишенными и стад и родной страны. Как и почему они не только уцелели, но и победили, можно ответить, только внимательно рассмотрев политическую обстановку того темени.

Первой задачей аваров было оторваться от противника. Им это удалось лишь потому, что в это время в Средней Азии активизировались эфталиты и отвлекли Истеми, заявившего: "Авары не птицы, чтоб, летая по воздуху, избегнуть мечей тюркских, они не рыбы, чтоб нырнуть в воду и исчезнуть в глубине морской пучины, они блуждают по поверхности земли. Когда покончу с эфталитами, нападу на аваров, и они не избегнут моих сил"[55].

Активные действия против эфталитов Истеми начал лишь в 561 г., когда Хосрой Ануширван заключил мир с Юстинианом и смог обра-

тить внимание на восток. Окончательный мир в Средней Азии был заключен в 571 г., и лишь тогда тюркюты смогли снова обратиться на запад, но авары воспользовались передышкой столь успешно, что стали недостижимы для Истеми-хана.

Оторвавшись от тюркютов, авары стали искать союзников. Они попросили аланского вождя Саросия[56] содействовать их сближению с Византией. Саросий принял участие в аварах и помог их послу пробраться в Лазику, откуда он был переправлен в Константинополь, где его приняли недоверчиво и неблагосклонно. Однако Юстиниан отправил ответное посольство с мечником Валентином во главе. Валентин привез аварам подарки и предложил начать действия против врагов империи, главным из которых в то время был Иран. Союз был заключен (558). Но вместо того, чтобы нападать на врагов Византии, авары обрушились на ее союзников.

Первой жертвой их оказались сабиры, которые приняли новый народ "вар" за истинных азиатских аваров (абар), нанесших в середине V в. им сильное поражение. Это недоразумение вызвало среди сабиров панику и решило победу аваров. Так оказалась фатальной небольшая лингвистическая ошибка. Вслед за сабирами пострадали утургуры, тоже верные союзники империи, а также залы, обитавшие на левом берету нижнего Дона. Затем авары, переправившись через Дон, обрушились на антов и подвергли этот народ полному разграблению.

Подобно тому как на Кавказе аваров некоторое время поддерживали аланы, в Причерноморье эта роль выпала на долю кутургуров. Хотя источники не содержат прямых указаний на заключение союза между аварами и кутургурами, но весь ход событий и косвенные данные позволяют полагать, что такой союз имел место.

С 551 по 558 г. кутургуры не решаются подступать к границам Византийской империи. Причина этого известна: восточная граница кутургуров благодаря тонкой византийской дипломатии находилась под угрозой со стороны утургуров, а западной – угрожали многочисленные антские племена, обитавшие по всей лесостепной полосе к северу от Причерноморских степей. Менандр писал, что авары "завели войну с утургурами", а вслед за тем набегами опустошили земли антов. "Владетели антские были приведены в бедственное положение и утратили свои надежды"[57]. К сожалению, Менандр не сообщает, какие именно надежды утратили анты, и вообще в его рассказе столь много умолчаний, что появляется необходимость критического пересмотра его сообщения о результатах аваро-византийских переговоров.

После посольства Валентина авары громят именно сторонников Византии – сабиров, утургуров и антов. Так как эти действия шли

вразрез с интересами Византии, то, естественно, в выигрыше оказался Иран.

В самом деле, совершенно невозможно допустить, что авары обратились только в Константинополь и, даже при удаче переговоров, игнорировали Ктезифон. Если принять предположение о заключении союза между аварами и персами, то становится понятным, почему авары принуждены были покинуть Кавказ. Верный союзник Византии, аланский князь Саросий в этих условиях не мог оказывать аварам поддержку, а лишенные ее авары, несмотря на одержанные победы, не могли задержаться в Предкавказье, тем более что у них в тылу стояла грозная сила тюркютов.

Но Заберган кутургурский, враг греков, естественно, рад был получить в лице аваров новых союзников, необходимых ему для борьбы с Византией и ее друзьями – утургурами и актами. Действительно, как только авары, разгромив утургуров, обезопасили кутургуров с тыла, Заберган предпринял новый поход на Балканы и дошел до стен Константинополя. Одновременно, сразу же после аварского посольства, в Константинополь явилось тюркютское (июль 558 г.) и встретило хороший прием. Вероятно, оно тоже сыграло роль в охлаждении греко-аварских отношений.

Таким образом, в 558 г. персидская дипломатия одержала победу, создав для Византии нового сильного врага и переправив опасных соседей со своих границ на Балканы. Как будет видно из дальнейшего, персидско-аварский союз просуществовал до 628 г. и чуть было не расправился с Византийской империей.

Анты попытались договориться с аварами, отравив к ним посла Мезамира, ближайшей целью которого был выкуп пленных. Мезамир, явившись к аварам, вел себя так надменно и дерзко, что был убит аварами, несмотря на его положение посла. Расправившись с послом, авары продолжали грабить и порабощать антов.

Заручившись поддержкой такого энергичного союзника, кутургурский князь Заберган решил, что с востока ему больше никто не угрожает, и, заключив союз со склавинами, вторгся в Византию. В марте 559 г. он перешел Дунай по льду и разделил свое войско на три отряда: один двинулся через Македонию в Элладу и проник к Фермопилам, второй угрожал укреплениям, защищавшим Херсонес Фракийский, а третий, во главе которого стоял он сам, прорвался через пролом в Длинной стене, пострадавшей от землетрясения и по преступной небрежности не восстановленной.

В Константинополе началась паника: из мрака забвения был извлечен престарелый военачальник Велизарий, который отогнал варваров от столицы. Прочие отряды были также отбиты. Но тем не менее Забер-

ган разбил лагерь во Фракии и продолжал грабежи до тех пор, пока ему не была выплачена солидная сумма и обещаны такие же "дары", как и утургурам. Только тогда кутургуры покинули Фракию.

Юстиниан немедленно снесся с вождем утургуров Сандилхом, после чего утургуры напали на один из отрядов Забергана, возвращавшийся из Фракии, уничтожили его, и отбитую добычу Сандилх вернул грекам. Война, последовавшая вслед за этим, настолько же ослабила оба народа, насколько послужила на пользу аварам.

В 565 г. Юстин II прекратил выплату аварам даров, считая империю достаточно могущественной. Но силы аваров росли. В 565 г. они уже громили Тюрингию и удачно воевали с франкским королем Сигезбертом. В 567 г. авары в союзе с лангобардами уничтожили гепидов, которым оказывала помощь Византия, и овладели долиной Тиссы.

Год спустя, после ухода лангобардов в Италию, авары стали хозяевами всей Паннонии и грозой Центральной Европы. Их силу составляли вспомогательные войска из антов, западных славян и кутургуров, полностью подчинившихся аварскому хану. Первый аварский хан Баян, угрожая Византии, в 568 г. цинично заявил: "Я таких людей пошлю на Римскую землю, потеря которых не будет для меня чувствительна, хоть бы они совсем погибли" – и послал в набег 10 тыс. кутургуров[58].

Описанные события обнажают пружины международной политики 60-х гг. VI века. Иран и Византия были непримиримыми врагами. Для аваров, как противников Византии, был необходим союз с Ираном, тогда как тюркюты, враги аваров, могли находиться с Византией в самых дружеских отношениях.

Но эту расстановку сил осложняло наличие государства эфталитов, враждебного и тюркютам и Ирану. Поэтому Истеми-хану союз с Хосроем Ануширваном был более привлекателен, нежели перѣговоры с Юстином[59]. Около 560 г. персы и тюркюты заключили наступательный союз: первые для того, чтобы "отомстить смерть шаха Пероза"[60], вторые – чтобы овладеть цветущими городами Согдианы.

Эфталиты были вынуждены воевать на два фронта, и даже на три, так как эфталитский царь Михиракула, владея Кашмиром и Пенджабом, упорно сражался с индийцами[61].

РАЗГРОМ ЭФТАЛИТОВ

Восточная политика сасанидского Ирана изучена недостаточно, но даже отрывочные сведения, сохранившиеся в источниках, убеждают исследователя в том, что она была гибкой и прозорливой. Так, напри-

мер, усиление Северо-Западного Китая было сразу отмечено в Иране, и уже в 555 г. в Чанъань прибыло персидское посольство. Одновременно было отправлено посольство и к тюркютам (прибыло оно, естественно, раньше), установившее союз, скрепленный браком шаха и дочери хана Истеми[62].

Эфталиты, потеряв своих союзников – жужаней, забеспокоились и также пытались в 553 г. завязать отношения с Китаем, но Юйвынь Тай, правитель империи Западная Вэй, был в союзе с тюркютами, и эфталитские намерения, видимо, не встретили сочувствия. В среде самих эфталитов не было единомыслия. Вельможа Катулф удерживал царя Гатфара от войны, но, будучи оскорблен царем, предал своих единоплеменников и бежал к персидскому шаху[63].

Активные военные действия начались в 560 г., после того как их спровоцировал Гатфар. Обеспокоенный сношениями кагана с шахиншахом, он решил сделать все, чтобы воспрепятствовать такому сближению. Тюркютское посольство, двигавшееся через Согд, было вырезано, за исключением одного всадника, которому удалось спастись и принести грустное известие Истеми-хану[64]. Война стала неизбежной. Истеми мобилизовал все наличные войска, причем среди них оказались хотанцы[65], бывшие до этого подданными эфталитов. Хосрой Ануширван опередил своего союзника и нанес первое поражение эфталитам в 562 г.[66], но война этим не закончилась.

Первой жертвой тюркютского авангарда оказался Чач (Ташкент), где тюркюты устроили резню[67]. Затем главные тюркютские силы, перейдя р. Чирчик[68], соединились в Маймурге со своим авангардом[69].

Эфталиты сосредоточились у Бухары[70], но Гатфар, не решившись принять бой на равнине, где превосходная тюркютская конница имела преимущества, отступил в горы и принял бой у Несефа (Карши)[71].

По словам Фирдоуси, согдийцы при наступлении тюркютов много плакали, но воевать за эфталитов не хотели. Битва у Несефа продолжалась восемь дней и кончилась полным разгромом эфталитов (565). Уцелевшие, поняв, что время самостоятельности для эфталитской державы прошло, низложили Гатфара и выбрали царем чаганианского князя Фагониша, обязав его подчиниться Хосрою Ануширвану, который, по их мнению, мог противостоять тюркютам.

Хосрой, получив одновременно письмо кагана и предложение покорности от Фагониша, не ответил ни тому, ни другому. Вопреки мнению вельмож, опасавшихся оголять западную границу, он во главе всех своих войск двинулся в Хорасан[72].

Когда общий враг был сломлен, союзники оказались врагами. Разногласия между каганатом и Ираном, которые до сих пор приглушала необходимость расправиться с общим врагом, теперь вскрылись и

оказались весьма глубокими и даже непримиримыми. Но их разбору мы посвятим следующую главу, а пока вернемся к эфталитам.

Добившись гегемонии в Средней Азии силой оружия и жестокостью, эфталиты не завоевали популярности в странах, ими покоренных.

VI век для Средней Азии был временем экономического и культурного подъема. Росли и богатели города, процветали земледелие, ремесла и торговля. Согдийцы выступали в это время как опытные и умелые купцы-посредники. Они установили регулярную связь между Китаем и Средиземноморьем, использовав для этого древние караванные пути. Но торговле мешал разбой жужаней и постоянные войны, которые эфталиты вели со своими соседями. Тюркюты, объединившие степь и Согдиану, открыли для торговли великолепные возможности, и согдийские купцы стали верноподданными тюркютских ханов. Тюркютам было выгодно иметь таких лояльных подданных. Так Средняя Азия сделалась неотъемлемой частью каганата. Создавшееся положение отрезало эфталитам пути к реваншу и заставило их замкнуться в своих горах, где остатки их уцелели вплоть до нашего времени[73].

ПРИМЕЧАНИЯ

1 *Cordier H.* Histoire generale... P. 356.

2 *Бичурин (Иакинф).* История Тибета и Хухунора. СПб., 1833. Т. I. С. 85.

3 *Ань Нопаньто* назван кочевым иноземцем из Цзю-Цюань (*Бичурин Н. Я.* Собрание сведений... Т. I. С. 228), т. е. из Хэси, откуда 100 лет назад вышла орда Ашина. Источник подчеркивает, что его происхождение не случайно: был послан человек, знавший язык тюркютов, и это указывает, что связи орды Ашина со своей прародиной утеряны не были.

4 В орхонских надписях он назван Бумын-каган. Бартольд В. (Рецензия на кн.: *Грумм-Гржимайло Г. Е.* Историческое прошлое Бэй-шаня. СПб., 1898 //ЗВОРАО. 1899. Т. XI. С. 358) и Мелиоранский П. М. (Памятник в честь Кюль-тегина. СПб., 1899. С. 64, 94–95) пытались объединить его в одно лицо с Истеми-ханом. Однако Томсен (*Thomsen V.* Inscriptions de l'Orkhon //Mémoires de la Sosiete Finno-Ougrienne. Helsingfors, 1896. Vol. 5. P. 95), Маркварт (*Marquart J.* Historische Glossen zu den alttürkischen Inschriften // Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes. Bd. XII. 1898. S. 185), Аристов (Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности //Живая старина. X. 1896 (отдельный оттиск). Т. IV. С. 9) и Грумм-Гржимайло Г. Е. (Западная Монголия и Урянхайский край. Л., 1926. Т. II. С. 219) блестяще доказали, что это два брата, соответствующие китайским Иль-хану, Тумыну и Шетеми.

5 *Julien S.* Documents... Vol. 3. P. 329. У Бичурина Н. Я. стоит 535 г., но эта дата менее вероятна, так как империя только что распалась и расстановка сил была еще неясна.

6 *Бичурин Н. Я.* Собрание сведений... Т. I. С. 228. Грумм-Гржимайло предполагает, что против жужаней выступали парпурумы (Западная Монголия... С. 220), но число кибиток совпадает с численностью всех телеских племен Центральной Азии, приводимой Поздневым Д. (Исторический очерк уйгуров. СПб., 1899. С. 38–39).

Поэтому надо думать, что Бумын покорил всю конфедерацию телеских племен, до тех пор населявших Джунгарию и после гибели жужаней распространившихся на восток до Байкала и Керулена.

7 *Бичурин Н. Я.* Собрание сведений... Т. I. С. 228.

8 *Julien S.* переводит иначе: Анахуань сам убил своего сына Яньлочена и бежал в Ци (Documents... Vol. 3. P. 330), но Гань-му (в переводе Иакинфа, см.: История Китая. Рукопись. ЛОИНА. Ф. 7) сообщает о самоубийстве Анахуаня.

9 Коло Исиги-хан.

10 *Julien S.* Documents... Vol. 3. P. 350.

11 См.: С. 57.

12 Этот хан имел имена: звериное – Цзушу (кушу – птица); родовое – Сыгинь (йегин – внук, племянник); прозвище – янды – победитель; титульное – Муюй, или Мугань-хан. Мы сохраняем за ним последнее имя, ставшее привычным в научной литературе (см.: *Julien S.* Documents... Vol. 3. P. 331).

13 *Бичурин Н. Я.* Собрание сведений... Т. I. С. 229.

14 *Бичурин (Иакинф).* История Китая.

15 *Liu Mau-tsai.* Die chinesischen Nachrichten... S. 35.

16 *Бичурин Н. Я.* Собрание сведений... Т. I. С. 208.

17 *Бичурин (Иакинф).* История Тибета... С. 85.

18 *Cordier H.* Histoire générale... P. 359.

19 *Бичурин (Иакинф).* История Китая.

20 *Грумм-Гржимайло Г. Е.* Западная Монголия... С. 222, 311.

21 См.: *Bacot J.* Reconnaissance en Haute Asie Septentrionale par cinq envoyes ouigours au VIII siécle //JA. Vol. 254. № 2. 1956. P. 146. Названный в тибетском тексте Зама-каган, или Зама-могань, по остроумной догадке Пельо, – Мугань-хан (см.: там же. С. 151). Имя Зама не может быть Озмыш, так как Озмыш-хан, последний государь голубых тюрок (см. ниже), за два года своего царствования (742–744) походов на север не совершал (ср.: *Clauson G.* A propos du manuscrit Pelliot tibetain 1283 //JA. Vol. 255. № 1. 1957. (extrait). P. 13. Надо думать, что слово «Зама» следует читать Азма – не сбивающийся с пути (негативная форма глагола «аз»). Подобные эпитеты часто встречаются в титулатуре тюркских ханов.

22 *Викторова Л. Л.* К вопросу о расселении монгольских племен на Дальнем Востоке //Ученые записки ЛГУ. 1958. № 256.

23 *Бичурин Н. Я.* Собрание сведений... Т. II. С. 73.

24 Там же. С. 75.

25 *Liu Mau-tsai.* Die chinesischen Nachrichten... S. 36; *Cordier H.* Histoire generale... P. 380.

26 *Бичурин Н. Я.* Собрание сведений... Т. II. С. 269.

27 Там же. С. 263.

28 *Бичурин Н. Я.* Собрание сведений... Т. II. С. 252-253.

29 Там же. С. 257.

30 Там же. С. 256.

31 *Бичурин Н. Я.* Собрание сведений... Т. I. С. 232; *Julietn S.* Documents... Vol. 3. P. 337; *Liu Mau-tsai.* Die chinesischen Nachrichten... S. 20.

32 *Бичурин (Иакинф).* История Китая.

33 *Бичурин Н. Я.* Собрание сведений... Т. I. С. 233.

34 *Liu Mau-tsai.* Die chinesischen Nachrichten... S. 36–37.

35 Ibid. S. 31–32.

36 *Бичурин Н. Я.* Собрание сведений по исторической географии Срединной и Восточной Азии. Чебоксары, 1960. С. 17.

37 *Бичурин Н. Я.* Собрание сведений... Т. I. С. 234; *Liu Mau-tsai.* Die chinesischen Nachrichten... S. 33.

[38] *Liu Mau-tsai.* Die chinesischen Nachrichten... S. 44.

[39] *Chavannes E.* Documents... P. 38.

[40] *Gyorffy G.* Du clan hongrois au comitat de la tribu au pays. II Sz'szadok. Budapest, 1958. T. 92. Fasc. 5–6. P. 950 sq.

[41] *Багадур* — слово монгольское, вошедшее в тюркский еще в VI в. *Ябгу* – заместитель хагана (см.: *Гумилев Л. Н.* Удельно-лествичная система у тюрок в VI–VIII веках (к вопросу о ранних формах государственности) //СЭ. 1959. № 3. С. 24).

[42] Шаванн ошибочно считает, что Истеми в походе на запад сопровождал своего старшего брата (Documents... P. 219), но во времена Шаванна этноним "apar" не был еще раскрыт и читался совместно со вторым этнонимом apurim как apar-apurim (*Thomsen V.* Inscriptions de l'Orkhon) или парпурумы (*Мелиоранский П. М.* Памятник в честь Кюль-тегина. С. 65; *Radloff W.* Die alttürkischen Inschriften der Mongolei //ATIM. SPb., 1895. S. 429), причем Радлов эту этническую группу сопоставлял с телеским племенем фуфуло. Вопрос решила статья турецкого ученого *Bahaeddin Oqel.* Kokturc yasitlarinen Apurim lari ve Fu-lin problem. Bellten IX. № 33 (Журнал Турецкого исторического общества), где он доказал, что апурим — не что иное, как Рум, т.е. Византия. Благодаря этим и другим исследованиям стало возможным уточнить время западного похода, что в свою очередь снимает гипотезу Шаванна о параллельном существовании двух ветвей тюркского народа — западной и восточной. Истеми отправился на покорение запада как джабгу (ябгу) своего племянника Мутань-хана, и упоминание в большой надписи Кюль-тегина обоих братьев как предков восточных тюрок исключает наличие в древности двух ветвей этого народа. Разделение же произошло лишь в VII в. при обстоятельствах, которые будут нами рассмотрены ниже.

[43] *Julien S.* Documents... Vol. 3. P. 331.

[44] *Firduosi.* Le livre des rois. Paris, 1868. Ed. J. Mohl. VI. P. 310.

[45] Этот факт отмечен только в Ган-му (см.: *Бичурин (Иакинф).* История Китая).

[46] Обитавшие там племена чуйской группы, дулу и нушиби, имели те же обычаи, что и тюркюты, и мало отличались по языку (*Chavannes E.* Documents... P. 47).

[47] Среди подчиненных тюркютскому хану племен упомянуты холиаты (*Менандр* //Византийские историки. Пер. С. Дестуниса. СПб., 1860. С. 381), которых отождествляют с хвалиссами русских летописей и тем самым с хорезмийцами (*Толстов С. П.* Новогодний праздник "Каландас" у хорезмийских христиан //СЭ. 1946. № 2. С. 95).

[48] *Хиониты* – потомки сармато-аланских племен, обитатели открытых Толстовым С. П. болотных городищ в низовьях Сырдарьи (см.: *Гумилев Л. Н.* Эфталиты и их соседи в IV веке //ВДИ. 1959. № 1. С. 134).

[49] *Вар,* или *уар* – соседи хионитов, племя угорской группы (см.: *Феофилакт Симокатта.* История. М., 1957. С. 160).

[50] *Огоры*, или *угры* – предки венгров; они обитали в VI в. на территории Башкирии и в степях между Волгой и Уралом (см.: *Молнар Э.* Проблемы этногенеза и древней истории венгерского народа. Будапешт, 1955. С. 96–97). Рубрук сообщает, что население Башкирии еще в XIII в. сохраняло свой язык, который был понятен венграм (Путешествия в восточные страны. М., 1957. С. 122 и 211).

[51] *Дестунис С.* Византийские историки. СПб., 1960. С. 374; *Артамонов М. И.* Очерки древнейшей истории хазар. Л., 1936. С. 24.

[52] Феофилакт Симокатта специально предупреждает читателя, что этих псевдоаваров ни в коем случае нельзя смешивать с истинными аварами, т.е. абарами, живущими в Срединной Азии. Эта проблема вызвала продолжительную полемику (см.: *Артамонов М. И.* История хазар. Л., 1962. С. 64–65).

[53] *Артамонов М. И.* Очерки... С. 22.

[54] *Lebeau.* Histoire du Bas-Empire. Paris, 1828. T. 9. P. 328.
[55] *Менандр.* С. 328.
[56] Вернадский Г. В. предполагает, что это не имя, а титул Сар-и-ос, т.е. глава осов (перс.) (*Vernadsky G. V.* Ancient Russia. New Haven, 1952. P. 194).
[57] *Менандр.* С. 324.
[58] *Менандр.* С. 391.
[59] *Firdousi.* Le livre des rois. VI. P. 310.
[60] *Tabari.* Chronique... P. 161–162.
[61] *Синха Н. К., Бенерджи А. Ч.* История Индии. М., 1954. С. 94–95.
[62] Фирдоуси считает, что этот брак был заключен после разгрома эфталитов, т.е. после 569 г., но сын турчанки – Хормизд IV наследовал престол в 579 г., а был низложен 6 февраля 590 г., имея уже отрока сына (*Себеос.* История императора Иракла /Пер. с армянского К. Патканьян. СПб., 1862. С. 34; *Пигулевская Н. В.* Византия и Иран на рубеже VI–VIII вв. М.–Л., 1946. С. 88). Уже Шаванн отверг столь позднюю дату (Documents... P. 229), но, по версии Табари, брак и союз были заключены за год до войны против эфталитов, которая началась, по китайским сведениям, в 555 г. По-видимому, китайцы получили информацию от персидского посольства. Эта дата совпадает с началом западного похода Истеми, и возраст Хормизда перестает вызывать сомнения: в момент гибели ему было 36 лет, а сыну его — 16–18 (см.: *Nöldeke Th.* Geschichte der Perser und Araber zur Zeit der Sassaniden. Leiden, 1879. S. 187; *Tabari.* Chronique... P. 161–162). Посольство упоминается также Белазури и Ибн Хордадбегом, но их изложение крайне искажено и неправдоподобно (см.: *Christensen A.* L'Iran sous led Sassanides. Copenhague, 1944. P. 380).
[63] *Менандр.* С. 328, 372.
[64] *Firdousi.* Le livre des rois. VI. P. 310.
[65] Ibid. P. 312.
[66] *Менандр.* С. 327; Vivien de Saint Martin (Les Huns blancs... P. 77) дает близкую дату – 563 г.
[67] *Firdousi.* Le livre des rois. VI. P. 312.
[68] *Птицын Г. В.* К вопросу о географии «Шах-наме» //Труды отдела Востока Государственного Эрмитажа. 1947. Т. IV. С. 302.
[69] *Маймург* — княжество в Самаркандской области, к югу от Зеравшана (*Бартольд В.В.* Туркестан в эпоху монгольского нашествия. СПб., 1900. С. 95).
[70] *Firdousi.* Le livre des rois. VI. P. 312.
[71] *Lebeau.* Histoire du Bas-Empire. Paris, 1828. T. 10. P. 63.
[72] *Firdousi.* Le livre des rois. VI. P. 316 sq.
[73] *Гумилев Л. Н.* Эфталиты и их соседи в IV веке //ВДИ. 1959. № 1.

IV. Шелк и караванный путь

КАРАВАННАЯ ТОРГОВЛЯ

Разгромив эфталитов и северокитайские царства, тюркюты достигли не только политического, но и экономического могущества, так как в их руках оказался великий караванный путь, соединяющий Запад и Восток.

Путь этот начинался в Чанъани и шел вдоль склонов Наньшаня через многочисленные долины, орошаемые стекающими с хребта ручейками. Этот участок пути был легок, но затем следовал крайне тяжелый переход через пустыню до оазиса Хами, а оттуда в Люкчунскую впадину к Турфану. Оба эти оазиса и еще несколько соседних составляли самостоятельное княжество Гаочан, населенное потомками китайских военнопоселенцев, совершенно освоившихся на новой родине.

От Гаочана караванный путь раздваивался. Одна его ветвь пролегала по южным склонам Тянь-Шаня через Карашар, Кучу и Аксу, затем мимо Иссык-Куля в долину р. Чу и оттуда через Таласскую долину в Исфару. Другая ветвь, северная, начиналась также в Гаочане и шла по южной Джунгарии через Урумчи, Манас, Куркара-усу и горы Ирэньшабирган в долину р. Или и оттуда на юг, в Среднюю Азию? Кроме того, была еще одна трудная дорога через перевалы в Тянь-Шане из Карашара через долину Юлдуза в долину Или, но ею пользовались редко[1].

В Средней Азии караваны отдыхали. Одним из крупнейших перевалочных пунктов был г. Пайкенд. Оттуда путь шел через Хорасан на Рей и Хамадан и через византийскую крепость Несевию (Низиб) в

Сирию и Константинополь. От Китайского моря до границ Персии считалось 150 дней пути, а отсюда до Низиба на римской границе еще 80 дней[2].

Торговля была весьма оживленной и доходной, но обслуживала не народные массы, жившие в условиях натурального хозяйства, а социальную верхушку, нуждавшуюся в предметах роскоши. Китайцы получали из Ирана исключительно для своих императриц знаменитую краску для бровей, стоившую очень дорого. Вавилонские ковры были также редкостным товаром. Наконец, в Китай ввозились подлинные и искусственные сирийские драгоценные камни, кораллы и жемчуга с Красного моря, ткани из Сирии и Египта, наркотики из Малой Азии[3]. Но наиболее важным предметом торговли был шелк, который начал поступать в Европу со времен Августа[4]. Потребность Византии в шелке была огромна, так как помимо нужд двора и аристократии шелк использовался как валюта при сношениях с варварами, в частности при найме вспомогательных войск.

Притязания Юстиниана на мировое владычество вынудили византийское правительство поддерживать дипломатические связи со всеми государствами Европы до англосаксонских королевств включительно. На подарки, подкупы, наем воинов требовалось огромное количество шелка. За шелк Византия получала из Европы и союзников, и наемников, и любые товары, и рабов. Благодаря торговле Юстиниан мог вести мировую политику, которая подчинила его власти почти все Средиземноморье. Шелк в Византии ценился наравне с золотом и драгоценными камнями[5].

Но артерия, снабжавшая Византию этим драгоценнейшим товаром, проходила через Северный Иран, и сасанидское правительство отнюдь не выпускало из рук контроль над караванной торговлей. Оставляя себе очень большую часть шелка-сырца для его обработки, иранцы всегда имели возможность продавать свои изделия западным странам по ценам, которые они сами назначали[6].

Добиваясь ослабления Византийской империи, персы, естественно, стремились не к увеличению ее товарооборота, а к повышению цен на шелк, с тем чтобы выкачать из Византии возможно больше денег и ослабить ее в политическом и военном отношении. Увеличение товарооборота не было выгодно Ирану, так как Византия при любых ценах компенсировала себя при перепродаже щелка на европейском рынке, что помогало ей наращивать военный потенциал. Поэтому персы тщательно регламентировали торговлю шелком, не только установив высокие цены, но и ограничив также количество шелка, вывозимого на запад[7]. Естественно, что Византия не могла мириться с создавшимся положением, так как, переплачивая за шелк, она тем са-

мым способствовала усилению враждебного ей Ирана. В промежутках между войнами константинопольский двор с огорчением видел, сколько золота уходит из страны в руки врагов государства[8]. Но попытки освободиться от экономический зависимости были безуспешны. Около 531 г. Юстиниан пытался договориться с Эфиопией, чтобы африканские купцы взяли на себя роль посредников и наладили перевозку шелка через Индийский океан[9], но персы в индийских портах пользовались таким влиянием, что эфиопам не удалось отнять у них монополию закупки шелка, а мир, заключенный в 532 г., восстановил обычный порядок торговли[10].

Новая война с Ираном, возникшая в 540 г., вынудила Юстиниана особым эдиктом понизить цены на шелк, но заставить персидских купцов продавать шелк по этим ценам не было никакой возможности. В результате в Сирии из-за отсутствия сырья разорились шелкоткацкие мануфактуры[11]. В 570 г. Хосрой Ануширван, овладев Йеменом, окончательно закрыл византийцам доступ на восток через Красное море и Индийский океан. В это же время в историческую игру вступил новый партнер – Тюркютский каганат. Выше было отмечено, что тюркюты выкачивали из Китая огромное количество шелка в виде дани. Несмотря на то, что ханы обвешивали шелком свои юрты, использовать весь получаемый ими шелк они не могли.

После разгрома эфталитов согдийцы стали подданными тюркютского хана. Они издавна славились и на Востоке и на Западе как ловкие посредники и купцы. От замены эфталитских хозяев на тюркютских они только выиграли, так как им открылся беспрепятственный и безопасный доступ во внутренние области Азии. В интересах согдийцев было максимальное расширение шелковой торговли, так же как и в интересах тюркютов, стремившихся найти сбыт для излишков шелка.

СОГДИЕЦ МАНИАХ

Итак, согдийские купцы совершенно справедливо сочли разгром эфталитов началом своего процветания. В самом деле, дорога в Китай была открыта и безопасна, сами тюркюты не знали, куда девать награбленный или полученный в виде дани шелк, и посредник мог нажиться, как никогда до сих пор. Задача была лишь в том, чтобы доставить шелк в Византии, но об этом следовало договориться с персидским ханом. Истеми-хан со своей стороны шел навстречу желаниям своих новых подданных, тем более, что это совпадало с интересами его приближенных. Поэтому хан охотно согласился на предложение

согдийца Маниаха послать его к Хосрою Ануширвану в качестве полномочного посла с поручением добиться разрешения на провоз через Иран запасов шелка, скопившегося у предприимчивых согдийцев. Посол даже предложил персидскому царю принять участие в торговле, т.е. покупать шелк самому и перепродавать его на Запад[12]. Согдийцы при такой операции, несколько теряя на цене товара, значительно больше выгадывали бы на увеличении оборота.

Разумеется, персидское правительство не могло пойти на сделку, так как если бы оно переправило весь шелк в Византию, то через несколько лет на Евфрате стояла бы столь многочисленная наемная армия, что всех сил Ирана не хватило бы для ее отражения. Использовать же шелк внутри страны не позволяла низкая покупательная способность населения Ирана. Покупая шелк, персидский шах только терял золото, так же необходимое ему для проведения восточной политики, как шелк был нужен византийскому императору для политики западной.

Хосрой нашел выход из затруднительного положения, в которое его поставил союзный хан. По совету эфталита Катулфа привезенный шелк был оплачен и в присутствии послов сожжен. Это показало согдийцам, что персы не потерпят изменения существующего положения[13]. Согдийцы немедленно пожаловались хану, и тот решил уладить конфликт. Он послал в Иран новое посольство, состоявшее из тюркютов. Но и это посольство тоже ничего не добилось. В довершение беды большая часть тюркютских послов умерла от какой-то болезни; вернулись лишь трое или четверо.

Тем временем Маниах успел уговорить хана разорвать союз с Ираном и войти в сношения с Византией. Однако возить шелк вокруг Каспийского моря через Кавказ было дорого и небезопасно: угры, бежавшие перед тюркютскими копьеносцами, могли легко разграбить и вырезать купеческий караван. Дорога же через Иран была короче и легче. Поэтому Истеми-хан пошел на то, чтобы решить спор оружием. Он заявил, что послы были отравлены, и выступил как мститель[14].

Вполне понимая серьезность затеянной войны, хан поспешил обзавестись союзником. Он отправил в Константинополь посольство во главе с тем же Маниахом, которому было поручено заключить с императором Юспианом не только торговый договор, но и военный союз против Ирана. Маниах добрался до Константинополя через Кавказ. Прибыл он как нельзя более вовремя. В 568 г. лангобарды вторглись в Италию, и император Юстин II благоразумно отказался от активной западной полигики, столь истощившей финансы империи при Юстиниане. К тому же возобновление войны против Персии было неизбежно, и пренебрегать мощным союзником не следовало. Поэтому

император принял тюркютское посольство чрезвычайно благосклонно и для подтверждения союза направил в августе 568 г. вместе с возвращавшимся Маниахом полководца восточных городов Земарха Киликийца[15]. Истеми-хан ласково принял византийского посла и в подтверждение искренности своих намерений пригласил его сопутствовать войску, двинутому на Иран.

Хосрой не хотел войны. В долине р. Талас тюркютское войско встретило персидское посольство, но хан демонстративно посадил на пиру Земарха на более почетное место, чем персидских послов, и в его присутствии обратился к последним с упреками. Персидские послы вернулись в Иран с вестью о войне. После этого хан отпустил Земарха, и тот вернулся в Константинополь в сопровождении сына Маниаха и полномочного посла-тюркюта Тагма-Тархана[16]. Сам Маниах в это время умер, но союз Византии и каганата пережил своего создателя и перешел по наследству к хазарским каганам, равно как и вражда с Ираном, которая продолжалась даже тогда, когда персидских царей сменили арабские халифы.

ДЕЛЕЖ ЭФТАЛИТСКОГО НАСЛЕДСТВА

Официальным предлогом возникшей войны было требования Истеми-хана, чтобы персы платили ему ту дань, которая раньше шла эфталитам[17]. Отказ был неизбежен, и хан бил наверняка. Тюркютская конница быстро перешла Амударью и в Джурджане захватила "торговые города и порты сиров[18], прежде обладаемые персами"[19]. Но линии пограничных укреплений, воздвигнутых персами еще в V в. против эфталитов, оказались для тюркютов непроходимыми. Наступление остановилось, а уже в 569 г. тюркюты вернулись в Согдиану[20]. На этом военные действия и закончились, так как Истеми-хан вовсе не стремился разбивать лоб о регулярную и хорошо обученную армию шахиншаха. Зная, что Византия вот-вот начнет войну в Месопотамии и отвлечет туда персидские войска, он решил пока договориться о дележе эфталитского наследства. По договору 571 г. Хосрой Ануширван получил Синд, Бост, ар-Рохадж (Арахозия), Забулистан, Тохаристан, Дардистан и Кабулистан. Кроме того, персам подчинился наследственный удел эфталитского князя Фагониша – Чаганиан[21]. Тюркютам досталась Согдиана.

Заключение мира было для Хосроя Анушрвана большой удачей. Во-первых, он продвинул границы своего царства на восток так далеко, как ни один из его предшественников; во-вторых, он освободил свои силы для войны на западе, где восстали армяне, передались ви-

зантийцам грузины, активизировались в Аравии эфиопы и, наконец, в 572 г. выступили византийские войска и осадили Низиб. Перекинув на запад свои обученные войска, Хосрой быстро добился перелома в военных действиях и уже в 573 г. взял Дару[22]. Собственно говоря, этими успехами он был обязан вынужденному бездействию тюркютского хана: авары, непримиримые враги тюркютов, завоевали степи от Савы до Дона, и Истеми-хану пришлось перенести свое наступление с юга на запад. Между 567 и 571 гг. тюркюты овладели всем Северным Кавказом[23] и сомкнулись с владениями Византийской империи около Боспора. Возможно, что они стремились там продолжить новый караванный путь для своих друзей и советчиков – согдийских купцов.

Византия, зажатая в клещи персами и аварами, ухватилась за союз с ханом. В ближайшие годы к тюркютам были направлены посольства Евтихия, Иродиона, Павла Киликийского иАнангаста[24]. Казалось, что союз упрочится и мост между Востоком и Западом будет сооружен, но события потекли по иному руслу.

ВОЙНА С ВИЗАНТИЕЙ

В 553 г. Византия завела собственную шелковую промышленность[25]. Личинки шелковичных червей были доставлены в Константинополь, по словам Прокопия Кесарийского, двумя христианскими монахами, а по словам Феофана Византийского – неким персом, в выдолбленном посохе. Пигулевская Н. В. полагает, что личинки были принесены из согдийских городов[26], а по мнению М. Е. Массона, ссылающегося на рассказ Феофана, они были доставлены из Джурджана[27]. Шелководство развилось в Константинополе, Бейруте, Тире и Антиохии. К концу VI в. вопрос об импорте шелка уже не имел для Византии прежнего значения[28], и надежды тюркютов на овладение шелковой монополией оказались тщетными. Наличие конкуренции не могло не заставить их понизить цены на шелковые изделия, что значительно уменьшало выгоды от торговли.

Кроме соперничества в торговле шелком охлаждению византийско-тюркютских отношений способствовал аварский вопрос. Согласно договору 568 г. Византия обязалась не заключать мира и союза с аварами, поэтому, когда аварское посольство явилось к Юстину с просьбой о мире и позволении занять Паннонию, ему было отказано[29]. Несмотря на это, авары утвердились в Паннонии и нанесли византийцам поражение, заставившее последних в 570 г. заключить мир[30].

Этих двух обстоятельств было достаточно, чтобы произошла политическая перегруппировка. Тюркюты на Волге находились в сре-

де только что покоренных племен, покорных лишь потому, что до сих пор тюркютская тяжелая кавалерия не имела равного себе противника. Внезапное усиление аваров создавало центр притяжения для всех врагов Тюркютского каганата, в первую очередь для кутургуров, и являлось угрозой для самих тюркютов. Но пока авары были заняты войной с гепидами и греками и исход войны был неясен, тюркюты могли пренебречь слабым противником. Когда же авары создали мощное государство, обезопасившее себя миром с Византией, тюркюты не могли не обеспокоиться. И действительно, посольство Валентина 576 г. встречает совершенно иной прием, нежели предыдущее.

Посла принял Турксанф, один из восьми удельных князей (в это время тюркютская держава состояла из восьми уделов, подчиненных великому хану). На приветствия Валентина он ответил: "Не вы ли те самые римляне, употребляющие десять языков и один обман?" Выговорив эти слова, он заткнул себе рот десятью пальцами, потом продолжал: "Как у меня теперь во рту десять пальцев, так и у вас, у римлян, множество языков. Одним вы обманываете меня, другим моих рабов вархонитов... Ваш царь в надлежащее время получит наказание за то, что он со мной ведет речи дружественные, а с вархонитами (он разумел аваров. – *Л. Г.*), рабами моими, бежавшими от господ своих, заключил договор. Но вархониты как подданные тюрок (тюркютов. – *Л. Г.*) придут ко мне, когда я захочу... Зачем вы, римляне, отправляющихся в Византию посланников моих ведете через Кавказ, уверяя меня, что нет другой дороги, по которой бы им ехать? Вы для того делаете, чтоб я по трудности этой дороги отказался от нападения на римские области. Однако мне в точности известно, где река Данапр, куда впадает Истр, где течет Эвр и какими путями мои рабы вархониты прошли в Римскую империю. Небезызвестна мне и сила ваша. Мне же преклоняется вся земля, начиная от первых лучей солнца и оканчиваясь пределами запада. Посмотрите, несчастные, на аланские народы да еще на племена утигуров, которые были одушевлены безмерной бодростью, полагались на свои силы и осмелились противустать непобедимому народу тюркскому, но они были обмануты в своих надеждах. Зато они в подданстве у нас, стали наши рабами"[31].

Этот текст объясняет нам поворот тюркютской внешней политики, но мотивировка Турксанфа в изложении Менандра явно неполна. Турксанф при его осведомленности не мог не знать, что мир, который Византия заключила с аварами, был вынужден тяжелыми поражениями, понесенными греками на Дунае. Валентину было бы очень легко найти оправдание, но вместо этого он только ссылается на свое по-

ложение посла, гарантирующее ему безопасность, на старую дружбу с отцом Турксанфа и т.п. Короче говоря, он ведет себя как виноватый. Причину этого объясняют арабские историки Табари и Саалиби. В описании войн Хосроя Ануширвана они сообщают, что, вернувшись из похода против византийцев, Хосрой обратился против хазар (т.е. западных тюркютов. – *Л. Г.*) и рассчитался с ними[32]. Это сообщение у Саалиби недатировано, но поставлено после взятия Антиохии; Табари же излагает здесь события вне хронологической последовательности. Действительно, до 575 г. византийские посольства находили у тюркютов самый теплый прием, но в 575 г. между Ираном и Византией было заключено перемирие и Хосрой с освободившимися войсками смог рассчитаться с союзниками своих врагов. Тюркюты же в период с 570 по 576 г. были заняты покорением Северного Кавказа. С их помощью византийский ставленник Гуарам Багратид получил престол в Картли (575)[33]. Надеясь на Византию, они не ожидали удара в спину.

В такой ситуации раздражение Турксанфа становится понятным. Последствия разрыва сказались немедленно. В 576 г. тюркюты, поддержанные утургурами, взяли Боспор, "и этим обнаружилось, что тюрки [тюркюты] ведут борьбу против римлян"[34]. На этом наступление тюркютов не остановилось. Они вторглись в Крым, но, по-видимому, были вытеснены оттуда. Затем тюркюты попытались достичь Византии через Западный Кавказ[35], но натолкнулись на сопротивление царства Эгриси, северная граница которого проходила по Кавказскому хребту. Проникнуть в Закавказье им не удалось, и в начале 80-х годов тюркюты должны были отступить, перебив при этом множество пленников. Прочно закрепиться они смогли лишь на равнинах Северного Кавказа и в предгорьях Дагестана вплоть до Дербента. Тюркская угроза для Византии миновала.

КИТАЙ И КАРАВАННЫЙ ПУТЬ

Теперь посмотрим, что извлекал источник шелка – Китай – из торговли, столь выгодной для тюркютов, согдийцев, персов и греков. Трудолюбивые китайские крестьяне производили этот ценный товар, но сами им почти не пользовались, ибо налоги были велики и собирались неуклонно. Получаемые за шелк предметы роскоши шли главным образом на удовлетворение прихотей двора и не играли заметной роли на внутреннем рынке. Более того, они стоили значительно меньше, чем вывозимый шелк, и для Китая в целом эта торговля была убыточна. Но правительство Бэй-Чжоу не могло, вернее, не смело изме-

нить положение, так как его политические успехи целиком зависели от поведения тюркютских ханов; Бэй-Ци и Тогон были разбиты лишь благодаря помощи тюркютов, а кроме того, предстояло покорить Южный Китай, что было невозможно без обеспеченного тыла. Вместе с этим необходимо помнить, что династия Бэй-Чжоу была все-таки не китайского, а сяньбийского происхождения и опиралась на окитаенную сяньбийскую знать, превратившуюся в крупных землевладельцев Северного Китая. Нет нужды в том, что потомки тобасских "косоплетов" забыли свой язык и нравы, для коренных китайцев они оставались ненавистными варварами, потомками поработителей. Не менее одиозной для китайского населения была и внешнеполитическая линия бэй-чжоуского правительства. Союз с тюркютами, который так высоко оплачивался, показывал, что династия не порвала со степными традициями. Кроме того, гонение на даосизм и буддизм толкнуло эти влиятельные организации в рады оппозиции. Наконец, присоединение многолюдного царства Бэй-Ци усилило китайский элемент в империи. Но решающую роль в назревавших событиях сыграла так называемая группировка Гуаньлун.

В жестокое время падения династии Вэй много богатых китайских семей из Шаньдуня переселилось к Юйвынь Таю в Шэньси и обосновалось в областях Гуаньчжун и Лунси. Здесь они объединились с местными китайскими чиновниками и помещиками и на основе соседства, этнического единства и родственных связей составили группировку, получившую название по месту обитания – Гуань(чжун) и Лун(си) – Гуаньлун. При последних бэй-чжоуских монархах вождем "гуаньлунцев" был полководец Ян Цзянь, дед малолетнего императора (по линии матери)[36].

Ян Цзянь был "гневен, недоверчив и, не любя книг, действовал хитростью; он умел заставить бояться себя, и его приказы исполнялись быстро и точно, государственными делами он занимался с утра до вечера без признаков усталости"[37]. Его политические симпатии и антипатии определились средой, на которую он опирался. Внутри страны им проводились мероприятия, направленные на смягчение социальных противоречий, а по отношению к соседям он предпочитал обострено отношений.

В 563 г. Ян Цзянь попытался изменить направление политики, вызвав конфликт с тюркютами. Обосновал он это следующим образом: "Тюркютские воины пренебрегают и наградами и наказаниями, мало уважают начальников и, по большей части, не соблюдают порядка. Управиться с ними нетрудно. Отсюда видно, что напрасно много говорят об их могуществе. Сим желают только побудить правительство щедро награждать посланников их, в надежде самим, от-

правившись туда, получить сугубое возмездие. Двор получает ложные донесения, а военные начальники при первом слухе о них предаются страху. Неприятели по наружности показываются мужественными, в самом же деле легко управиться с ними. Ныне, по-моему мнению, и прежним и последним посланникам надлежит всем отрубить головы"[38].

Однако эти слова отражают не реальную действительность, а программу "группировки Гуаньлун". Тюркютская тяжелая конница была не только более маневренна, чем китайская пехота, но в отличие от ранних кочевников приобрела умение действовать лобовым ударом. Столкновения 578–579 гг. доказывают военное преимущество тюркютов со всей очевидностью. Полемизируя со сторонниками ориентации на степь, Ян Цзянь пытается представить их продажными взяточниками, что вряд ли соответствует истине. Но самым важным его положением является предложение не давать тюркютам подарков, т.е. шелковых тканей. Это мероприятие действительно подорвало бы экономическую мощь тюркютских ханов и одновременно позволило бы снизить налог в самом Китае.

Итак, "группировка Гуанълун" предлагала установить экономическую и политическую изоляцию страны. Предложенная программа была императором отвергнута, но Ян Цзянь умел ждать, а время работало на него. Требования тюркютов и силы китайцев возрастали пропорционально ослаблению сяньбийского элемента, лояльного династии Бэй Чжоу. Весной 581 г. китайские вельможи подняли знамя мятежа против правительства, и к ним примкнули народные массы. Этот момент Ян Цзянь использовал для того, чтобы заставить последнего императора, мальчика девяти лет, отречься от престола в свою пользу. Несчастный ребенок был вскоре убит, а все члены рода Юйвынь казнены, после чего мятежи утихли. Новая династия получила название Суй.

Несмотря на то что "китайская" партия легко одержала полную победу, Ян Цзянь не решился доводить до отчаяния многочисленную сяньбийскую знать. Специальным эдиктом он подтвердил, что "все ранги и титулы предыдущей династии по-прежнему остаются в силе"[39]. Окитаенная сяньбийская знать уцелела, и это определило дальнейшую историю как самого Китая, так и Срединной Азии. Ян Цзянь не мог идти на гражданскую войну, которая несомненно возникла бы без этого эдикта, так как перед ним стояли две важные политические задачи: покорение Южного Китая, которое было легко завершено в 589 г., и разгром тюркютов. Последнее оказалось гораздо более тяжелым, чем предполагали вожди "группировки Гуаньлун".

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Chavannes E.* Documents sur les Tou-kiue (Turcs) Occidentaux //Сборник трудов Орхонской экспедиции. СПб., 1903. Вып. VI. P. 5. Первым европейцем, прошедшим по третьей дороге из Киргизии в Карашар, был Роборовский В. И. в 1893 г. (см.: *Роборовский В. И.* Путешествие в восточный Тянь-Шань и в Нань-Шань. М., 1949).

[2] *Диль Ш.* Юстиниан и византийская цивилизация в VI в. СПб., 1908. С. 542.

[3] *Christensen A.* L'Iran sous les Sassanides. Copenhague, 1944. P. 129.

[4] *Govern.* The Early empires of Central Asie. London, 1939. P. 5.

[5] См.: *Гелиодор.* Эфиопика. Пер. Егунова. М.–Л., 1932. С. 99.

[6] *Christensen A.* L'Iran sous les Sassanides. Cophengague, 1944. P. 128; *Пигулевская Н. В.* Византийская дипломатия и торговля шелком //ВВ. 1947. Т. 1 (XXVI). С. 187.

[7] *Диль Ш.* Юстиниан... С. 543.

[8] Там же. С. 544.

[9] *Пигулевская Н. В.* Византийская дипломатия... С. 198.

[10] *Диль Ш.* Юстиниан... С. 546.

[11] Там же. С. 548; *Пигулевская Н. В.* Византия на путях в Индию. М.–Л., 1951. С. 90–94.

[12] *Менандр.* С. 371–372.

[13] См.: *Пигулевская Н. В.* Византийская дипломатия... С. 209.

[14] *Пигулевская Н. В.* (Византия на путях в Индию. С. 202–204) трактует эти события иначе, но, на мой взгляд, неубедительно. Она считает, что тюрки, не вышедшие еще из полукочевого (? – *Л.Г.*) состояния, не были склонны к широкому торговому обмену, и только под давлением своих подданных – согдийцев они согласились на то, чтобы последние, возглавляемые Маниахом, отправили посольство в Иран. Однако именно кочевые тюркюты умели извлечь шелк из Китая и снабдить им согдийцев, так как без войны китайцы шелка в нужном количестве не отдавали. Да если бы они и согласились продать шелк, то по тем ценам ни согдийцы, ни персы не смогли бы его оплатить и еще получить барыш. Именно потому, что тюркюты получали шелк в виде дани и добычи, они сбывали его согдийцам за бесценок, и тогда торговля становилась прибыльной. Затем, наличие давления покоренных на своих завоевателей допустить более чем трудно; наконец, Маниах был приближенным хана, и естественно думать, что он получил дипломатические полномочия именно от него, а не поехал объясняться с шахиншахом Ирана на свой риск. Фраза Менандра, что хан Истеми разрешил согдийцам послать посольство самим, говорит лишь о том, что они приняли на себя ведение переговоров, надеясь лучше справиться с делом, чем не искушенные в дипломатии тюркютские беги. Пигулевская Н.В. считает, что согдийцы просили разрешения беспрепятственно торговать шелком в иранском государстве, но Менандр прямо указывает, что их просьба была о пропуске шелка на запад, в Византию, пусть даже при посредстве персидской казны. Ниже Пигулевская Н.В. предполагает, что отказ шаха в пропуске шелка объясняется боязнью конкуренции, но ведь свободной торговли шелком в VI в. не было, – значит, не могло быть и конкуренции. Нельзя согласиться и с выводом: для Ирана тюрки не представляли желанных союзников.

[15] *Менандр.* С. 375.

[16] *Тархан* — титул, присваиваемый лицу, освобожденному от уплаты налогов.

[17] *Nöldeke Th.* Geschichte der Perser und Araber... S. 158.

[18] Сирами назывались купцы-посредники в шелковой торговле с Китаем (*Гумилев Л. Н.* Дивлинская проблема //Известия ВГО. 1959. Т. 91. № 1. С. 23).

[19] *Феофан Византийский.* Византийские историки. СПб., 1860. С. 493. Массон полагает, что эти порты были в Джурджане, утраченном персами в 484 г. и

захваченном тюркютами около 568 г. (*Массон М. Е.* Фрагменты из истории распространения в древности шелкопряда Bombix mori //Белек. Сб. в честь С. Е. Малова. Фрунзе, 1946. С. 50).

20 *Christensen A.* L'Iran sous les Sassanides. Copenhague, 1936. P. 373.

21 *Nöldeke Th.* Geschichte der Perser und Araber... S. 156–169.

22 *Феофан Византийский.* С. 493–495.

23 Тюркюты подчинили б-н-дж-р (болгар), беленджер и хазар, дошли до Дербента и, осмотрев укрепления, вернулись в степи (Табари 1, 2. С. 895–896; Ибн-аль-Асир – Цит по кн.: *Артамонов М. И.* История хазар. Л., С. 137–138).

24 *Lebeau.* Histoire du Bas-Empire. Paris, 1828. T. 10. P. 169.

25 *Феофан Византийский.* С. 493; Новейшая литература – в кн.: *Пигулевская Н. В.* Византийская дипломатия... С. 204; *Массон М. Е.* Фрагменты... С. 47–51.

26 *Пигулевская Н. В.* Византийская дипломатия... С. 205–206.

27 *Массон М. Е.* Фрагменты... С. 50.

28 Там же. С. 49.

29 *Феофан Византийский.* С. 493.

30 *Менандр.* С. 400.

31 *Менандр.* С. 418–420.

32 *Tha'alibl.* Histoire des rois des Perses, traduite par H.Zotenberg. Paris, 1900. P. 614; *Tabari.* Chronique... II. P. 161. Вероятно, Хосрой отнял у тюркютов города и порты в Джурджане, так как в дальнейшем эта область принадлежит Ирану.

33 *Brosset M.* Histoire de la Georgie depuis l'antiquite jusqu'au XIX-e siécle. SPb., 1894. I. P. 216. Броссе подвергает эту дату сомнению, так как описанная ситуация похожа на ситуацию 589 г. Мне думается, что тут ошибка не в хронологии, а в описании события. Большее позднейшее заслонило меньшее, более раннее. Иными словами, я верю летописцу, что Гуарам стал царем в 575 г.

34 *Менандр.* С. 423.

35 *Феофилакт Симокатта.* История. С. 160–161; *Гумилев Л. Н.* Биография тюркского хана в "Истории" Феофилакта Симокатты и в действительности //ВВ.1961 Т. XX. С. 72.

36 *Шан Юэ.* Очерки истории Китая. М., 1959. С. 178.

37 *Cordier H.* Histoire générale de la Chine. Vol. I. Paris, 1920. P. 25.

38 *Бичурин Н. Я.* Собрание сведений... Т. 1. С. 232.

39 *Шан Юэ.* Очерки истории Китая. С. 180.

V. Внутри каганата

ВЛАСТЬ И НАРОД

По китайским сведениям, провозглашение хана было обставлено сложным церемониалом: сановники сажали его на войлок и девять раз проносили кругом, по солнцу, под приветственные крики присутствующих. Затем его сажали на лошадь, стягивали шелковой тканью горло и, быстро ослабив петлю, спрашивали, сколько лет он желает быть ханом. В истории тюркютов незаметно, чтобы ответы на эти вопросы играли хоть какую-нибудь роль в определении срока правления; скорее всего этот обычай сохранился как рудимент от того времени, когда хан был выборным племенным вождем. Наследование престола шло по сложной системе, о которой будет сказано особо.

Первым лицом в государстве после хана был ябгу. Собственно говорят, ябгу был вице-королем, и на эту должность чаще всего назначались члены царствующего рода. Например, при Иль-хане Бумыне чин ябгу имел его родной брат Истеми. Но вместе с тем ябгу не был наследником престола; наследник назывался "тегин" вне зависимости от занимаемой должности. Титул "шад" принадлежал принцам крови, имеющим в своем управлении уделы, например Сымо, впоследствии хан, не мог стать шадом из-за подозрения, что он незаконнорожденный[1].

Чины меньшего значения получали лица, не принадлежавшие к роду Ашина, но все должности были наследственными[2]. Можно на основании этого предположить, что тюркютское общество было аристократическим. Однако воздержимся от преждевременных выводов.

Наряду со свободными и знатью тюркютское общество знало и рабов из числа военнопленных. Это были главным образом женщины. Истеми-хан подарил Земарху в 569 г. пленницу из народа кыргыз[3]; пленницы из Китая вывозились при удачных походах тысячами; так, в 619 г. Чуло-хан, взяв Бин-чжоу, "забрал в городе всех женщин и девиц", а ловля людей в Атрпатакане (628) запомнилась на Ближнем Востоке[4]. Наконец, из-за ссоры при дележе пленных Юйгу-шад лишился трона[5]. Таким образом, следует признать, что тюркютам было известно рабство. Но тут встает вопрос: каким образом рабы могли быть использованы в кочевом хозяйстве? Раб, если он не калека, всегда может убежать на лошади хозяина, и затраты на него не окупятся. Очевидно, что положение раба не было тяжелым, и действительно, существует текст, свидетельствующий об этом. В 486 г. Шаболио-хану предложено было признать себя вассалом дома Суй. Шаболио спросил: что значит слово "вассал"? Ему ответили: "В царстве Суй вассал значит то же, что у нас слово "раб". Хан ответил: "Я имею счастье сделаться рабом сына Неба" – и выразил свою радость подарком послу. Приведенная цитата заставляет призадуматься: что за радость быть чьим-то рабом? Очевидно, Шаболио-хан имел в виду что-то другое, когда узнал, что отныне он "qul" китайского императора. Адекватно ли мы переводим слово "qul" как раб, хотя оно несомненно отражает определенную зависимость? Не случайно, что китайцы эквивалентом слова "qul" считали не "nu", а "tch'in", что Н. Я. Мичурин переводит "вассал", а Ст. Жюльен – "sujiet"[6] – подданный. К счастью, некоторые тексты орхонских надписей дают возможность уточнить значение слова "qul" и внести в проблему ясность. В "Большой надписи" Кюль-тегину говорится: "...табгач будунка баглик уры оглын кул болты, силик кыз оглын кюнг болты..."[7], т.е. "...народу табгач стали они [тюрки] "кулами"[8] своим крепким мужским потомством и "кулынями" своим чистым женским потомством". Но в это время тюрки жили в степях южнее Гоби своим бытом, пользовались многими привилегиями сравнительно с китайским населением империи Тан; участвуя в походах, делали блестящие служебные карьеры и привозили в свои юрты полные торока добычи. Налицо был лишь факт подчинения иноплеменному государю без какого бы то ни было социального угнетения.

Возьмем другой текст:

"[Эльтерес-каган]... привел в порядок и обучил народ, утративший свой эль [см. ниже] и своего кагана, народ, сделавшийся рабынями и сделавшийся рабами, упразднивший тюркские установления; он привел в порядок и наставил по установлениям моих предков"[9]. Опять подчеркивается лишь подчинение иноземцу, но отнюдь не лишение личной свободы.

В третьем случае, когда описывается гибель Барс-бега и указывается, что "народ его стал рабынями и рабами"[10], имело место простое завоевание, а не распродажа пленных на невольничьем базаре[11].

Итак, основное содержание понятия "qul" – подчинение чужому. Этот оттенок сохранился до XIX в., но поскольку поздние тюрки включились в систему мусульманской культуры с характерной для нее работорговлей, то термин "qul" стал применяться и к проданным рабам, чего в раннее время не было. Использование кулов в VI-VIII вв. было совсем иным: тюркюты приводили их на свои земли, селили в определенных местах и взимали с них налоги[12]. Кроме того, женщин использовали в качестве домашней прислуги и наложниц[13]. Можно сказать, что кулы походили на римских колонов, но понятие "раб" в нашем смысле к ним совершенно неприложимо. С. П. Толстов указывал на существование поселков, заселенных исключительно пленными, платившими тюркютам дань продуктами земледелия и ремесла[14]. По сути дела это были новые подданные, данники, а с данниками тюркюты умели управляться. "Суйшу" упоминает о податях глухо. "Количество требуемых людей, лошадей, податей и скота считают по зарубкам на дереве"[15] Но Моисей Каганкатваци дал великолепное описание системы обложения подданных в Тюркютском каганате. "Князь севера навел страх и ужас по всей земле. Он отправил смотрителей за всякого рода ремесленниками, имеющими познания в золотопромывании, добывании серебра, железа и в выделке меди. Он требовал также пошлин с товаров и ловцов на рыбных промыслах великих рек Куры и Аракса, вместе с тем и дидрахму по обыкновенной переписи царства персидского"[16].

Из этой цитаты видно, что тюркютские ханы взимали гораздо больше, чем шахи Ирана, и, следовательно, богатство тюркютских ханов и вельмож при каждом завоевании быстро росло. Такому систематическому ограблению подвергались телеские племена Халхи и Джунгарии, кидани и хи Южной Маньчжурии, города-государства Согдианы, тохаристанские княжества, житница Азии – Турфан, приуральские угры, прикубанские утургуры и лесные племена южных склонов Саяно-Алтая. В дополнение к этому Китай или выплачивал ежегодную дань, или подвергался опустошительным набегам, а от Ирана и Византии поступали дары в виде компенсации за мир или союз. Конечно, часть этих богатств перепадала рядовым воинам, преданность которых только и давала возможность осуществлять столь жестокую эксплуатацию покоренных народов, но львиную долю доходов получала правящая верхушка и в особенности сами ханы.

Богатства, накопляемые таким путем, могли быть огромны. Описание роскошного приема византийских послов тюркютским ханом

сохранилось у Менандра. "...Они обедали, и весь тот день провели в пировании в том самом шатре. Он был сделан из шелковых тканей, искусно испещренных разными красками. Они пили вино, но не такое, какое у нас выжимается из винограда. Напиток, ими употребляемый, есть какой-то варварский[17]. На другой день они [римляне] были переведены в другую кущу, обитую и испещренную также шелковыми покровами. Здесь стояли и кумиры, различные видом. Дизавул [Истеми-хан] сидел на ложе, которое было все из золота. На середине этого помещения были золотые сосуды и кропильницы и бочки также золотые. Они опять пировали, поговорили за попойкой, о чем было нужно, и разошлись. В следующий день они пришли в другую комнату, где были столбы деревянные, покрытые золотом, также и ложе вызолоченное, поддерживаемое четырьмя золотыми павлинами. Перед комнатой на большом пространстве в длину были расставлены телеги, на которых было множество серебра, блюда и корзины и многие изображения четвероногих, сделанные из серебра, ничем не уступающие тем, которые делают у нас. В этом состоит роскошь тюркютского князя"[18].

Все это богатство было, конечно, награбленным, однако победа тюркютов, в результате которой они стали господами полумира, была не случайной. Они создали армию и систему управления настолько выше общекочевого уровня, что можно сказать с уверенностью: они были достойны победы.

УДЕЛЬНО-ЛЕСТВИЧНАЯ СИСТЕМА[19]

Внутри великой тюркютской державы происходили изменения не менее радикальные, чем вокруг нее. Первое, в чем они выразились, был порядок престолонаследия.

Выше говорилось, что сын и наследник Иль-хана Бумына – Кара Иссык-хан умер в начале 553 г., пережив своего отца всего на полгода. Сын его, Шету, был отстранен от престола. Власть перешла в руки второго сына Бумын – Кушу, принявшего титул Мутань-хана[20]. При нем не только было положено начало внешнеполитическому могуществу Тюркютского каганата, но и установлена удельно-лествичная система[21], благодаря которой тюркютская держава могла больше ста лет удерживать первенствующее положение в Азии и соперничать с великими державами VI–VII веков.

Смысл системы заключался в следующем. Тюркютская держава была создана "длинным копьем и острой саблей". За десять лет (550–560) тюркюты подчинили себе все кочевые племена от Желтого

моря до Волги и еще двадцать лет продолжали экспансию. Но эту огромную территорию недостаточно было покорить, надо было ее удержать. Жестокая эксплуататорская власть тюркютов не могла привлечь симпатии новых подданных, и сепаратистские тенденции не угасали ни на минуту. Восстания против династии Ашина вспыхивали то тут, то там вплоть до гибели державы.

Одной из наиболее острых внутриполитических проблем, стоявших перед Мугань-ханом, была проблема предотвращения отложения окраин. Покоренное племя хранило верность лишь тогда, когда панцирная конница с волчьими головами на знаменах была поблизости. Только наместник, обладавший достаточной военной силой, мог предотвратить отложение. Но что могло заставить самого наместника сохранить верность хану, если в руках первого оказывались и власть и войско, а от ханской ставки его отделяли огромные расстояния? Правда, можно было назначить наместником родственника, но это не спасало положения, так как войны между родственниками никогда редкостью не были. Тогда была принята удельно-лествичная система. Идея ее была проста: раз добрые чувства и личные качества наместника не могли служить гарантией верности, надо было создать заинтересованность, которая бы привязывала его к центральной власти. Удельно-лествичная система устанавливала очередность наследования престола. Согласно закону Мутань-хана наследовал не сын отцу, а младший брат старшему и старший племянник младшему дяде. В ожидании престола принцы крови получали в управление уделы.

В 558 г. тюркютская держава делилась на четыре удела, а в 576 г. уже на восемь. Вряд ли правильно считать эти уделы подобием феодов Западной Европы. Скорее здесь было разделение военных сил с подчинением военачальнику более или менее определенного района. Верховного хана Менандр называет Арсила[22]. Легко догадаться, что это искажение тюркского имени Арслан, что значит "лев". Так как мы знаем, что Мугань-хан умер в 572 г. и на престол, согласно новому закону, вступил его брат Тобо-хан[23], то можно предположить, что Арслан – это собственное ("звериное") имя Тобо-хана.

Тобо-хан выделил в 572 г. уделы: на востоке для своего племянника Шету и на западе для брата, который вскоре умер, оставив удел своему сыну, носившему титул Бури-хан[24]. Сын Мугань-хана, Торэмен[25], имел ставку на севере[26], может быть в земле кыргызов и чиков. Дети только что умершего Истеми также имели уделы: Кара-Чурин[27] – в Семиречье и Туксанф – на Нижней Волге и Урале[28]. Ставка великого хана находилась около Алтая в исконных тюркютских землях, а два остальных удела, по-видимому, принадлежали его сыновьям: Амраку[29] и Тегин-шаду[30].

При этой весьма сложной и запутанной системе уделов закон о лествичном престолонаследии на первых порах сыграл весьма положительную роль. Дважды было предотвращено вступление на престол несовершеннолетнего царевича, которое могло бы поставить державу в критическое положение. Власть все время оставалась в руках опытных людей. Удельные князья в надежде рано или поздно получить верховную власть не затевали смут и распрей, и держава расширялась по всем направлениям. Прототипом для системы уделов был, очевидно, порядок престолонаследия у южных хуннов II в.[31], с потомками которых в V в. общались предки князей Ашина, но смысл и применение его иные. Источники не дают нам сведений о наличии "большой семьи" в VI в. и определенно говорят, что этот порядок был для тюркютов новым. Как бы то ни было, результаты его не замедлили сказаться на истории Тюркского каганата как в положительном, так и в отрицательном смысле. В самом деле, несмотря на продуманность и законченность системы, общество тюркютов не могло быть монолитным, так как выделение военной знати даже при наличии общенародных интересов не могло пройти бесследно. Это своеобразие объясняется низким уровнем производительных сил и условиями кочевого скотоводческого хозяйства, способствовавшими сохранению родового быта[32].

Исследуя внутренние распри тюркютов, мы не можем отыскать ни одного случая восстания рядовых дружинников против ханской династии Ашина. Во главе всех восстаний стояли царевичи или князья крови.

Так как все тюркюты были воинами, то все они были в отрядах тех или иных князей из рода Ашина. Князья должны были считаться с настроением своих воинов, ибо последние были их единственной опорой и защитой. Следовательно, воины либо могли побудить своего князя поступать в соответствии с их интересами, либо покинуть его. Но столкновения внутри державы были неизбежны. Только вместо борьбы воинов против знати возникла борьба между отдельными группами, состоявшими из воинов и знати, взаимосвязанными не только общими интересами, но и родовым единством. В такой ситуации низвержение династии для тюркютов не имело смысла, так как всегда можно было найти царевича, который бы возглавил любое движение. Вместе с тем существовала внешняя опасность: с одной стороны, Китай всегда готов был перейти в наступление, с другой – телеские племена только и ждали возможности восстать. Острая ситуация заставляла тюркютов сплачиваться, и поэтому не было ни одного восстания рядовых воинов против ханов и шадов.

Но каганат был обречен. Предваряя изложение событий, необходимо указать на то, что классообразование в тюркютском обществе

началось тогда, когда кругом (Китай, Гаочан, Согд, Иран) были сильные, развитые классовые государства. Против храбрости и силы выступали хитрость и деньги, а хорошо обученные и технически оснащенные наемные войска не уступали в бою степным наездникам. Учитывая обстановку, нужно удивляться не падению тюркютской державы, а ее более чем столетнему существованию.

ОРДА

Вокруг тюркютских царевичей группировались кроме тюркютов остатки разбитых жужаней и множество разных людей, почему-либо не ужившихся в родной юрте или на китайской службе. Происхождение их было различно, но говорили они между собой на древнетюркском языке с небольшими отличиями в произношении. Они составляли "budun" – народ, но не в смысле "этнос", а в смысле, близком к понятию "демос", так как "budun" противопоставлялись беги (bäglär). Это видно из контекста фраз: "turk bäglär budun" – "тюркские беги и народ" или, может быть, "народ тюркских бегов" и "türk qara budun" – "тюркский черный народ", причем "qara budun" – масса – понятие без оскорбительного оттенка; "alti bäg budun" – "народ шести бегов", т.е. шести подразделений. Отсюда видно, что "budun" – это рядовой состав орды, беги – командный, а вся система, т.е. орда в целом, понятие не этническое, а военно-организационное. В VI в. тюркютская орда соответствовала племени, затем распространилась на державу. Орда пополнялась добровольцами, предпочитавшими военный уклад семейному.

Обычная организация орды как войска предполагает наличие правого и левого крыла. Таковыми были толос – восточное и тардуш – западное крыло. После детального разбора терминов "толос" и "тардуш" у И. Н. Клюкина[33] полемика по поводу отождествления военно-административных терминов с какими-либо определенными племенами излишня.

Е. Прицак понимает термин "будун" как раздел улуса и сопоставляет его с древнемонгольским "ирген"[34]. Однако не только вышеприведенное противопоставление бегов будуну, но и разбор А. Н. Кононовым термина "ирген" ер[муж]+кин (аффикс множественности)[35] показывает, что "еркин-ирген" (букв. "скопище мужей") понятие самостоятельное, а "будун" релятивное, т.е. можно быть будуном относительно хана, беков, а народ как этнос именовался kün[36]; попытка же сопоставить слова budun и buqün (букв. "этот народ"), сделанная Е. Прицаком, неубедительна ни с филологической, ни с исторической точек зрения[37].

Для племенной единицы был свой термин – "огуз", который Прицак понимает то как вариант произношения oq (стрела), то как ответвление основного ядра племени. Разберем и этот вопрос.

ПЛЕМЯ

Удельно-лествичная система, сначала фигурировавшая только как государственное учреждение, постепенно проникла и в частную жизнь. Она стала формировать семейные отношения – препятствовать раздроблению имущества и способствовать образованию большесемейных общин.

Во время каганата степное население весьма обогатилось. Во-первых, добыча притекала со всех сторон, во-вторых, дань из рук ханов попадала к их приближенным, и, в-третьих, замирение степи и прекращение постоянных грабежей повлияло благотворно на развитие скотоводства. Параллельно приобретению богатств шло накопление их; они не растрачивались, не делились, а сохранялись в больших семьях. Это было возможно только при наличии племенной организации. Пример такой организации показали ханы рода Ашина, управлявшие колоссальной страной сообща. Главы крупных семейств стали подражать ханам и управлять своими сродственниками, как близкими, так и дальними. Семьи разрастались в племена, но сохраняли свое территориальное и организационное единство. Старейшины использовали свое влияние и норовили даже принять титул хана или идыкута.

Так впоследствии образовались на развалинах каганата уйгуры, карлуки, дулу и нушиби; по этому пути на востоке пошли кидани, а на западе – гузы и команы (они же половцы). Главным врагом племен были орды, интересы их были прямо противоположны и непримиримы. Старейшины племен хотели пасти свой скот и получать от Китая подарки за нейтралитет или поставку наемников. Ханы орд хотели привлечь всю молодежь в боевые отряды, кормить их за счет подданных, не служащих в войске, и военной угрозой вырывать у китайцев в виде дани продукты земледелия и ремесла. Для компромисса не оставалось места.

Теснимые соседями малые племена, которые все-таки не следует отождествлять с родами, стали образовывать союзы, причем названием для такой общины был термин "огуз". Отсюда возникли как этнонимы тоʻкуз-огузы=9 огузов (общин) – уйгуры и уч-огуз=3 огуза=карлуки. Сходные по типу союзы дулу и нушиби, однако, не назывались огузами, чему причиной было то, что они возникли при иных обстоятельствах – не естественно, а по манифесту тюркютского хана. Поэ-

тому они не перестали быть будуном и назывались on oq budun – десятистрельный народ. Соотношение между терминами "будун" и "огуз" вытекает из следующего: уйгуры, подчиненные тюрками, стали по отношению к ним будуном, но, сохранив свое внутреннее устройство, не перестали быть огузами. Поэтому Бильге-хан имел основание заявить: "Народ токуз-огузов был мой собственный народ"[38], т.е. токуз-огузы были по отношению к нему – шаду тардушей – будуном; значит, они непосредственно ему подчинялись.

К аналогичному пониманию термина "огуз" пришел А. Н. Кононов, опираясь на критическое изучение всей литературы вопроса. Исходной основой собирательного этнического имени огуз является ог – род, племя, которое в свою очередь находится в прямой связи со старотюркским словом "оγ" – мать, к этой же основе восходят слова "оγул" – потомство, сын и "оγуш" – сородич.

Таким образом, слово "огуз" первоначально могло значить просто "племена", "объединение племен", которое впоследствии превратилось в этническое имя с собирательным значением, получившим в известных случаях определение как необходимый детерминатив: токуз огуз – "девять (разных) племен", уч огуз – "три (разных) племени"[39].

Впоследствии термин "огуз" потерял свое значение (как и термин "будун") и превратился в имя легендарного прародителя туркменов – Огуз-хана, введенного в число мусульманских пророков[40].

Основным аргументом в пользу предлагаемого истолкования хода событий является несовпадение наименований родовых подразделений у гаогюйцев – дили в IV–V вв. и племенных у телесцев VII-VIII вв. Гаогюйцы, несомненные предки телесцев[41], разделялись на 12 патриархальных родов, а их потомки телесцы составили 15 племен: Юаньгэ (уйгуры), сеяньто (составное племя из сиров и яньто?), Киби, Дубо (тубалары), Гулигань (курыканы, предки якутов), Доланьгэ (теленгиты), Бугу, Байегу – Байырку, Тунло-тонгра, Хунь, Сыгйе, Хусйе, Хигйе, Адйе (эдизы), Байси[42]. За исключением тубаларов, которых, может быть, можно отождествить с Дабо, все прочие несопоставимы. Такое переоформление могло произойти только в том случае, если родовая патриархальная система родства была нарушена и на месте старых родов возникли новые объединения. Повод для такого переустройства был: 100 лет тюркюты владели телесцами и "их силами геройствовали в пустынях севера"[43]. Значит телесцы были будуном и входили в систему орды и ее крыльев толис-тардуш. Тогда и стала, надо думать, заменяться родовая система, не отвечавшая новым условиям жизни, территориально-хозяйственными объединениями – племенами. Это изменение отмечено китайцами, которые называли гаогюйский род – син – фамилия, а телеское племя – бу (в переводе Бичурина – "поколение").

Итак, основным характерным признаком социальной структуры каганата династии Ашина было совмещение военного и племенного строя. Тюркюты были первым кочевым народом Средней Азии, осуществившим такое сочетание на практике. Они сами сознавали это и называли свою державу "вечный эль", подчеркивая ее устойчивость сравнительно с племенными союзами телесцев и хозяйничаньем хищной орды жужаней.

Слово "эль‖иль" переводится и понимается разными учеными поразному (но об этом речь впереди). Главное в этом понятии – наличие завоеванных племен, принужденных уживаться в мире с ордой, которая является как бы господствующим племенем.

Созданная тюркютами социально-политическая система была для VI в. лучшим, хотя отнюдь не окончательным, разрешением назревших политических задач: она обеспечила на несколько поколений преобладание тюркютов в степи, и она же (как будет видно из дальнейшего изложения) обусловила их гибель.

СТАДИЯ РАЗВИТИЯ

Вопрос о стадии общественного развития кочевых племен, входивших в Тюркютский каганат, весьма сложен и не может быть даже приблизительно разрешен, если мы не проведем четкого разделения между тюркютами, с одной стороны, и многочисленными племенами, им подчиненными, – с другой. Равно необходимо учитывать, что за 110 лет своего самостоятельного существования каганат проделал значительную эволюцию и отношения внутри тюркютского общества в VII веке весьма отличались от взаимоотношений VI века.

Н. Бернштам пришел к заключению, что общественный строй древних тюрок "является ранней формой сложения примитивных феодальных отношений"[44]. Это утверждение противоречит как фактическим данным, так и всей теоретической антропологии, созданной немецкими, английскими и американскими (Г. Морган) учеными в XIX веке, которые разделили разные фазы развития на варварство – военную демократию. Высшая ступень варварства, как известно, начинается с плавки железной руды и переходит в цивилизацию в результате изобретения буквенного письма и применения его для записывания словесного творчества. К ней принадлежат греки героической эпохи, италийские племена незадолго до основания Рима, германцы Тацита, норманны времен викингов. Следует причислить тюркютов к этой ступени.

Характеризуя высшую ступень варварства, Ф. Энгельс, например, отмечает следующее: "Все культурные народы переживают свою геро-

ическую эпоху – эпоху железного меча"[45]. Это можно отнести и к тюркютам, применявшим плавку и обработку железа. "Богатство быстро возрастало, но как богатство отдельных лиц"[46]. И это явление описано нами. "Рабство ... становится теперь существенной составной частью общественной системы"[47]. Рабство у тюркютов переживало именно эту стадию развития[48].

Пахотная земля предоставляется в пользование отдельным семьям – сначала на время, потом раз и навсегда, переход ее в полную частную собственность совершается постепенно и параллельно с переходом парного брака в моногамию. Отдельная семья становится хозяйственной единицей общества. И этот переход наблюдаем мы в тюркютском обществе[50].

Наконец, институт власти: "Военный вождь народа – rex, basileus thiudans[51] становится необходимым, постоянным должностным лицом. Война и организация для войны становятся теперь регулярными функциями народной жизни. Война, которую раньше вели только для того, чтобы отомстить за нападения, или для того, чтобы расширить территорию, ставшую недостаточной, ведется теперь только ради грабежа, становится постоянным промыслом".

Именно такие причины войн и походов сообщают нам источники, именно для войны была создана грандиозная система чиновников, соединяющих в своих руках военные и гражданские функции, – ябгу, шады, тутуки и др. – с наследованием должностей, характерной особенностью, отмечаемой историками и на материале раннего периода Европы. Грабительские войны усиливают власть верховного военачальника, равно как и подчиненных ему военачальников. Закладываются основы наследственной королевской власти и наследственной знати"[53].

Вот какова была держава рода Ашина. Она стояла на стадии военной демократии, поглотившей родовой строй, и направлена была острием против своих соседей, служивших для нее объектом эксплуатации. Антагонистическое противоречие лежало в отношениях грабителей к ограбляемым; держава Ашина была некоторым подобием Спарты, но во много раз сильнее и больше[54].

Основными силами такого государства-хищника были его армия и система управления, поэтому сосредоточим свое внимание на этих сторонах.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 *Бичурин Н. Я.* Собрание сведений... Т. I. С. 260.

2 Там же. С. 299; *Julien S.* Documents... Vol. 3. P. 333; *Liu Mau-tsai.* Die chinesischen Nachrichten... S. 9, 498.

[3] *Менандр.* С. 379.

[4] *Бичурин Н. Я.* Собрание сведений... С. 246; История агван Моисея Каганкатваци, писателя X века. Пер. с армянского К.Патканова. СПб., 1861.

[5] *Бичурин Н. Я.* Собрание сведений... С. 287–288.

[6] *Julien S.* Documents... Vol. 3. P. 497.

[7] *Малов С. Е.* Памятники древнетюркской письменности. М.–Л., 1951. С. 29.

[8] У Малова С.Е.: рабами и рабынями (Памятники... 1951. С. 37).

[9] Там же. С. 37–38.

[10] Там же. С. 39.

[11] Толстов С.П., трактуя слово qul как раб, делает вывод, что идеология рабовладельца встает здесь во весь рост (Тирания Абруя. С. 45). На основании разобранных текстов с этим согласиться нельзя. Другие же тексты, на которые он опирается, Маловым читаются иначе [Памятники... 1959. С. 16 (текст), С. 20 (перевод)].

[12] Эта система описана Толстовым вопреки сделанному им заявлению (Тирания Абруя. С. 46–47).

[13] *Окладников А. П.* Неолит и бронзовый век Прибайкалья. М.–Л., 1955. Т. III. Гл. V. Общественный строй.

[14] *Толстов С. П.* Древний Хорезм. М., 1949. С. 261. Ср. чувашское слово *куланай* — дань.

[15] *Бичурин Н. Я.* Собрание сведений... С. 229.

[16] История агван Моисея Каганкатваци, писателя X века. Пер. с армянского К. Патканова. СПб., 1861. С.131.

[17] Китайская рисовая водка (ср. *Грумм-Гржимайло Г. Е.* Западная Монголия...С. 216).

[18] *Менандр.* С. 378–79.

[19] *Лестовка* – род кожаных четок; уподобление их особому порядку престолонаследия встречается в Никоновской летописи (подобно тому как в четках перебирается одно зерно за другим, так и удельные князья по очереди занимают великокняжеский престол).

[20] Для понимания внутренней истории древних тюрок необходимо отметить, что каждый из князей имел кроме собственного (звериного) имени титул, который менялся в зависимости от занимаемой им должности. Некоторые тюркютские ханы выступают в истории под двумя или тремя именами, например: Шету – имя собственное (у Бичурина он назван Нету); Эрфу-хан титул в бытность его удельным князем на востоке державы; став каганом, он принял титул Илигюйлу Ше Мохэ Шаболо-хан. Более он известен под кличкой, данной ему китайцами, – Шаболио (грабитель). У некоторых ханов известны только титулы или только звериные имена (*Liu Mau-tsai.* Die chinesischen Nachrichten... S. 122). Шету – достигший [власти]. Эрфу – тюркское Ер=муж+бег; Илигюйлу Ше Мохэ Шалобо-Иль Кюлюг-шад Бага Ышбара (тюркское) в переводе: Державы славный шад, божественный могучий хан. Все имена и титулы расшифровать не удалось, и потому некоторые оставлены в первоначальном виде.

[21] См.: *Гумилев Л. Н.* Удельно-лествичная система у тюрок в VI–VIII веках (к вопросу о ранних формах государственности) //СЭ. 1959. № 3.

[22] *Менандр.* С. 374, 418.

[23] По-тюркски Табак-хан, т.е. хан с чашкой. Это намек на его буддийские увлечения, когда он ходил с патрой (чашкой для сбора подаяния), как буддийский монах.

[24] *Бури* — волк. Этот князь назван Менандром Бо-ханом. Он был во главе утургуров, когда они взяли в 576 г. Боспор, так что надо полагать, что его ставка была на Кубани (*Менандр.* С. 422; *Marquart J.* Wehrot und Arang. Leiden, 1938. S. 150–151).

[25] *Торэмен* — тюркское титульное имя, восстановленное из кит. Далобянь и греч. Турум (см.: *Гумилев Л. Н.* Великая распря в Первом Тюркском каганате в свете

византийских источников //ВВ. 1961. Т. XX. С. 88). Кроме того, он носил титул Апа (старший), по-китайски – Або, а по-персидски – Абруй (см. там же).

[26] Это видно из того, что Чжан-сунь Шэн называет его удел северным ханством.

[27] Он имел титул Тардуш-хан (*кит.* Дяньгу Дату-хан, *греч.* Тарду). Кара-Чурин – прозвище, означающее: гнилой, калечный, неполноценный.

[28] Недалеко от Северного Кавказа, поскольку он осуществил вторжение во владения Византийской империи.

[29] *Кит.* Аньло, у Бичурина ошибочное написание – Яньло.

[30] У Бичурина ошибочное написание – Дилеча.

[31] *Гумилев Л. Н.* Хунну. М., 1960. С. 213–214.

[32] *Потапов Л. П.* Ранние формы феодальных отношений у кочевников //Записки Хакасского научно-исследовательского института языка, истории и литературы. Абакан, 1952. Вып. 1. С. 28.

[33] *Клюкин Н. Н.* Новые данные о племени толисов и тардушей //Вестник Дальневосточного отделения Академии наук СССР. 1932. № 1–2.

[34] *Pritsak O.* Stammesnamen und Titulaturen der altaischen Völker//Ural-Altaische Jahrbücher. Bd. 24. 1952. H. 1–2. S. 56.

[35] *Кононов А. Н.* Опыт анализа термина Турк //СЭ. 1947. № 1. С. 100.

[36] Там же. С. 81: *Малов С. Е.* Памятники... 1951. С. 397.

[37] *Гумилев Л. Н.* Орды и племена у древних тюрок и уйгуров //Материалы по этнографии ВГО. Л., 1961. № 1. С. 19–20.

[38] *Малов С.Е.* Памятники... 1951. С. 42.

[39] *Кононов А. Н.* Родословная туркмен. Сочинение Абу-л-Гази хана хивинского. М.–Л., 1958. С. 84. Приведена полная библиография.

[40] *Абуль Гази.* Родословная история о татарах; *Кононов А. Н.* Родословная туркмен.

[41] *Бичурин Н. Я.* Собрание сведений... Т. I. С. 214.

[42] Там же. С. 301.

[43] Там же.

[44] *Гумилев Л. Н.* Социально-экономический строй орхоно-енисейских тюрок в VI–VIII вв. Л., 1946. С. 145.

[45] *Энгельс Ф.* Происхождение семьи, частной собственности и государства //*Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. Т. 21. С. 32.

[46] *Гумилев Л. Н.* Удельно-лествичная система у тюрок в VI–VIII вв. С. 17.

[47] Там же. С. 19.

[48] Там же. С. 19.

[49] *Бичурин Н. Я.* Собрание сведений... Т. I. С. 300; *Толстов С. П.* Древний Хорезм. С. 261. Взгляды Толстова на рабство у древних тюрок представляются вполне убедительными.

[50] *Гумилев Л. Н.* Орды и племена у древних тюрок и уйгуров. С. 16.

[51] И хан (можем мы прибавить. – *Л.Г.*).

[52] *Энгельс Ф.* Происхождение семьи, частной собственности и государства. С. 164.

[53] *Морган Л. Г.* Древнее общество. С. 196.

[54] Ср. аналогичное описание и анализ Толстова С. П. (Тирания Абруя; Древний Хорезм. С. 261).

VI. Тюркюты у себя дома

ВОЕННОЕ ДЕЛО

Первой специальностью, с которой тюркюты выступили на арену всеобщей истории, было добывание железа. Их легендарный предок Ашина, бежав на север, "добывал железо для жужаньцев"[1]. В 546 г. жужаньский хаган Анахуань называет вождя тюркютов: "мой плавильный невольник"[2], подчеркивая главное занятие тюркютов.

Археологическими разведками обнаружены памятники тюркютской металлургии VI–IX вв. На Алтае найдены следы добычи железной руды, неглубокие шурфы и забои, относящиеся к этому же периоду. Способ получения железа был сыродутным. Восстановление железа путем химического соединения его окиси с окисью углерода давало губчатую металлическую массу, так называемую крицу. Качество кричного железа даже теперь считается гораздо выше доменного[3].

Из высококачественного железа алтайские кузнецы изготовляли однолезвийные ножи, тесла-топоры, стремена, удила, мечи, сабли с малым изгибом и массивным клинком, наконечники копий и стрел, а также железные котлы двух типов: круглые – подвесные и стоячие – на конической ножке[4]. Добыча и обработка металлов в эту эпоху производились также на территории современной Тувы, причем добывалось не только железо, но и золото, серебро, олово и медь[5].

В Хакасии, составлявшей тогда ядро Кыргызского каганата, железо добывалось во многих местах. Почти во всех сосновых лесах встречаются остатки древних железоплавилен. Так же как и на Алтае, здесь выделывались орудия труда и оружие – мечи и кинжалы, а также де-

тали конской сбруи[6]. Не менее примечательна культура современников тюркютов – приангарских курыканов. Первоначально, в результате археологических раскопок 1912–1914 гг., они получили название "курумчинских кузнецов"[7], но А. П. Окладников доказал, что это были не кто иные, как курыканы. Сыродутное железо курыканов содержало до 99,45% чистого металла и потому было весьма ковким и прочным. Они выделывали ножи, наконечники стрел и копий, чинили лопнувшие котлы, накладывая на них заплатки. Вместе с тем курыканы занимались скотоводством и даже земледелием, применяя искусственное орошение полей[8].

К сожалению, горные разработки кочевников раннего Средневековья еще не подверглись систематическому исследованию, но даже те данные, которыми мы располагаем, заставляют нас доверять письменным источникам, утверждающим, что тюркюты выступили на арену мировой истории как народ, впервые освоивший в Центральной Азии промышленную добычу железа и благодаря этому поставивший себя в независимое положение по отношению к Китаю и Тибету, откуда до этого времени кочевники получали железное оружие[9], необходимое для успеха их военных предприятий. Железо и раньше было известно кочевникам, но только тюркюты ввели его в массовое употребление. Земарх, увидев тюркютов, предлагающих ему железо для продажи, был чрезвычайно удивлен и заподозрил, что это делается нарочно, чтобы дезориентировать его: "ибо обыкновенно говорят, что у них трудно доставать железо"[10].

Развитие металлургии позволило тюркютским ханам перевооружить свою армию и создать отборные, ударные части из латной кавалерии – фули китайских источников (т.е. "волки" – бури – названные так в память своего мифического происхождения от волчицы). На их вооружении были роговые луки, панцири, копья, сабли и палаши[11]. Эти краткие сведения письменных источников, к счастью, могут быть дополнены археологическим материалом.

В Эрмитаже хранятся глиняные статуэтки, изображающие тюркютских гвардейцев[12]. Несмотря на то, что эти статуэтки датируются несколько более поздним временем (конец VII или начало VIII в.), можно думать, что изображенные на них предметы вооружения не претерпели существенного изменения с конца VI в., так как за это время не произошло смены культурной традиции. Статуэтки сохранились в погребении китайского вельможи вблизи Турфана (Туюк Мазар, склеп в ущелье Туюк). Аналогичные находки сделаны А. Стейном в деревне Астана, также возле Турфана[13]. Пехотинцы и всадники одеты одинаково – в платье, приспособленное для верховой езды. Это указывает на то, что у тюркютов пехоты как особого рода войск не су-

ществовало. Боевая одежда состояла из головного убора и панциря, причем первый напоминает современный казахский малахай, покрытый металлическими пластинами и снабженный коричнево-красной, по-видимому меховой, оторочкой. Воины одеты в халаты с высокими, доходящими до подбородка воротниками. Халат доходит до половины голени и застегивается на правую сторону, так что левая пола оказывается сверху. Поверх халата надет панцирь из металлических пластин, отороченный коричнево-красной каймой. Панцирь доходит до колен, подпоясан узким поясом, рукава короткие, выше локтей. Его надевали, очевидно, через голову. Этот панцирь сходен с сарматским катафрактом и характерен для тяжелой конницы. Аналогичные панцири применялись до недавнего времени в Тибете, причем пластины соединялись между собой ремешками. Надо полагать, что в более раннее время этот тип вооружения имел широкое распространение, пока не был вытеснен более совершенной, легкой и прочной кольчужной рубашкой[14]. На ногах воинов желтые с черными пятнами шаровары (вероятно, из барсовой шкуры). Сапоги черные, мягкие, вероятно войлочные, походят на те, которые и до нашего времени носят в Тибете и Восточном Туркестане. Несмотря на близость этой одежды к тибетской, мы наблюдаем и различие – отсутствует характерный для Тибета напуск около пояса.

Изображение оружия сохранилось только на статуэтке спешенного воина. Это длинная легкая пика (камышина), годная лишь для кавалерийского боя.

Лошади у тюркютов, судя по изображениям, высокие с широким крупом, тонконогие, с короткой шеей и тяжелой головой. Грива, расчесанная и подстриженная, подчеркивает тщательный уход. Эти лошади не имеют ничего общего с монгольскими, но весьма похожи на изображения коней Саманидской эпохи и в особенности на статуэтку из Хэнани[15]. Особое внимание обращает на себя конская сбруя. Широкое седло, без подушки и с низкой передней лукой, лежит на двух черных потниках, причем нижний оторочен белой каймой. Седло светло-желтое, вероятно деревянное, снабжено круглыми стременами, подхвостником, нагрудником и пятью тороками; в отличие от современных седел от нагрудника идет дополнительная шлея через спину лошади впереди седла. Вероятное назначение ее – облегчить спуск при горной езде, к которой приспособлено седло. Сбруя украшена белыми круглыми бляхами, может быть серебряными и сердцевидными оранжевыми или бурыми кистями, висящими на нагруднике, подхвостнике и узде. Лошади не взнузданы, что указывает на их хорошую выучку и вместе с подстриженной гривой создает впечатление хорошо тренированных и подготовленных кавалерийских коней, которых

любят и на которых надеются в трудные минуты. Всадники сидят в седле, свесившись на бок (казачья посадка), что обличает людей, проводящих в седле большую часть жизни. Стремена в отличие от современной манеры кочевников опущены низко. Отсутствие аналогий заставляет предполагать, что посадка продиктована практическими соображениями: высоко подтянутые стремена удобны для стрельбы из лука и закидывания аркана, так как воин, держась коленями, амортизирует тряску мышцами ног, тогда как при длинном стремени, держась на шенкелях, он приобретает устойчивость, необходимую для рубки и колки длинной пикой. Необычно большое количество тороков заставляет предполагать, что наши всадники рассчитывали на длинные переходы и добычу, т.е. это было не гарнизонное, а полевое войско.

Итак, тюркютская гвардия была регулярной тяжелой конницей, приспособленной к действиям не только в степи, как все ее предшественники, но и в горах. Несомненно, что с ними не могли равняться степняки-уйгуры, о которых китайцы довольно презрительно отзывались: "В сражениях не строятся в ряды, отделившейся головой (головным отрядом) производят натиск. Вдруг наступают, вдруг отступают, постоянно сражаться не могут"[16]. Тюркютские латники оказались достойным противником и для китайских пеших копейщиков и для иранских конных стрелков. Но об этом будет сказано ниже.

Кроме турфанских статуэток фигуры тюркютских воинов имеются в наскальных изображениях Сулека (верхний Енисей)[17]. Всадник вооружен роговым луком, что можно установить по характерным выгибам. Еще более интересно другое изображение: "...тяжеловооруженный всадник, одетый в пластинчатую броню от шеи до бедра, с рукавами до середины предплечья, с круглым щитком на груди, с мечом и колчаном у пояса и с боевой гирей в правой руке, направляет копье, украшенное небольшим флажком, на лучника, стреляющего с колена, т.е. саянского лесовика-горца"[18]. Но кроме панцирной кавалерии у тюркютов были легковооруженные конные стрелки, набираемые среди покоренных народов. Изображение такого воина на бронзовой бляхе найдено С. В. Киселевым в 1939 г. при раскопках у села Копены. "Всадник без головного убора. Его длинные волосы развеваются по ветру. Их сдерживает затянутая сзади узлом повязка. Полудлинный кафтан перетянут поясом. Сапоги мягкие, без каблуков. С правого бока висит колчан, расширяющийся книзу. Лук сложный, в виде буквы М. Конь степной широкогрудый, с подстриженной гривой и завязанным в узел хвостом. На нем полная седельная сбруя; седло твердое с невысокой передней лукой; под седлом обшитый бахромой чепрак. На подхвостном и надгрудном ремнях навешаны кисти;

стремена широкие дугообразные; уздечка плетеная с поводом и чумбуром. Сзади седла развеваются по обеим сторонам ремни (торока)"[19]. Бляха твердо датируется VII веком.

Таким образом, археологический материал пополнил пробел письменных источников. Наличие у тюркютов панцирной конницы объясняет их быстрые успехи. В дотюркский период бои решали конные стрелки из лука; появление панциря свело их значение почти на нет. В рукопашной схватке с легковооруженным противником тюркютская тяжелая конница имела все преимущества, тем более что тюркюты ввели конный строй. Однако прекрасная в полевой войне тюркютская армия совершенно не годилась для осад, так как спешенный латник мало боеспособен. Городские стены положили предел распространению тюркютской державы и спасли независимость Китая и Ирана, но в степи тюркютская конница долгое время не имела себе равных.

МИРНЫЕ ЗАНЯТИЯ

Главным занятием тюркютов (после военного дела) было кочевое скотоводство; большую роль играла и охота на крупных травоядных[20], огромные стада которых в те времена бродили по степям. Ныне Гобийский Алтай – почти незаселенная полупустыня, но в те времена зверь здесь не переводился и облавы производились всем племенем[21]. Облавная охота требует специальной выучки загонщиков и охотников, и это было очень полезно для тюркютов, потому что охота была подготовкой к воинским подвигам, своего рода маневрами. Удачная облава давала большое количество мяса, которое было основной пищей тюркютов[22], и случалось, что даже во время войны они устраивали охоту, чтобы пополнить запасы[23].

Шкуры диких и домашних животных шли на одежду и на покрытие шатров, но наряду с этим тюркюты умели приготовлять войлок и шерстяные ткани.

Основным видом скота у тюркютов были овцы, кости которых часто находят при раскопках тюркютских могил. В лошадях тоже не было недостатка[24], и кумыс заменял тюркютам вино[25]. Кочевое скотоводство в условиях пересеченной местности весьма затруднительно для больших стад, и обычно кочевники перегоняют своих овец порознь, и каждая семья имеет определенные места для зимовок и летовок. То же самое положение существовало в VI–VIII вв., что подтверждается коротким, но вполне убедительным текстом источника: "Постоянного местопребывания нет, но каждый имеет свой участок земли"[26].

Это система аильного хозяйства, когда экономической единицей является парная семья[27]. Другая система – куренная: при ней целый ряд семей кочует совместно и на ночь огораживает ставку телегами и дозорами. Обе эти системы сменяли друг друга на протяжении веков и отнюдь не связаны с развитием или разложением родового строя. Утверждение "Чжоушу" подтверждается аналогичным указанием "Тан шу", где мы читаем, что, когда тюркюты в 641 г. переселились в Алашань, там были "паствы обширны, почва наилучшая, почему тюркюты со спором делились"[28]. Археологические разведки, проведенные мной на Алтае в 1948 г., также показали, что памятники, оставленные тюркютами, группируются по отдельным полянам и речным долинам таким образом, который исключает всякую систему землепользования, кроме аильной. Б. Я. Владимирцов отмечал, что куренная система была вызвана требованиями безопасности, поэтому понятно, что аильная система существовала в степи в те периоды, когда твердая и сильная власть прекращала грабежи и межплеменные войны, а власть тюркютских ханов была именно такой. С этой точки зрения наличие аильного кочевания и индивидуального землепользования не представляет ничего невозможного.

И в наше время перекочевки семей строго ограничены определенными территориями. Например, каждая горная долина в Тянь-Шане принадлежит определенной семье, глава которой может не пустить любого пришельца подняться в горы по "своей" долине. Эта система землепользования диктуется самой природой кочевого скотоводства: ограниченность пастбищных угодий и, главное, воды заставляет кочевников дробить стада, а следовательно, дробятся и семьи, ведущие кочевое хозяйство. Раздел угодий и строгое соблюдение границ – это единственное средство удержать кочевников от жестоких братоубийственных стычек за водопои, пастбища и охотничьи угодья. Но, разумеется, описанная система землепользования не имеет никакого отношения к частной собственности, так как землю не продают и не покупают.

ЖИЛИЩЕ

Историку следует избегать очень опасной методологической аберрации, заключающейся в стремлении отыскивать в культуре другого народа те черты, которые нам представляются значительными, и при отсутствии их считать данный народ примитивным. Так, народы Европы и Передней Азии, переходя на ступень цивилизации, строили города, архитектура которых достойна изумления и восхищения. Тюркюты домов не строили и садов не разводили, так как холодный

климат заставил бы их покинуть эти города, как только будет сожжен весь сухой лес поблизости. Однако никем не доказано, что каменная лачуга или глиняная мазанка есть высшая форма жилища по сравнению с войлочным шатром, теплым, просторным и легко переносимым с места на место. Для кочевников, тесно связанных с природой, жизнь в таком шатре была не прихотью, а необходимостью. Летом степь выгорает, и скот должен пастись на джейляу – альпийских лугах, которые располагаются на склонах Тянь-Шаня, Алтая, Хангая, Хэнтея. Зимой же в горах выпадает много снегами стада возвращаются в равнины, где снеговой покров тонок и скот добывает из-под него сухую, весьма питательную траву.

При подобном быте переносное жилище является наилучшим.

Что же касается удобств юрты, то я передаю слово великому китайскому поэту Бо Цзюй-и, посвятившему юрте прекрасное стихотворное описание. Этот источник опубликован Лю Мао-цзаем[29] (приводится ниже в стихотворном переводе, выполненном с немецкого подстрочника).

Голубая юрта

Шерсть собрали с тысячи овец,
Сотни две сковали мне колец,
Круглый остов из прибрежных ив
Прочен, свеж, удобен и красив.
В северной прозрачной синеве
Воин юрту ставил на траве,
А теперь, как голубая мгла,
Вместе с ним она на юг пришла.
Юрту вихрь не может покачнуть,
От дождя ее твердеет грудь.
Нет в ней ни застенков, ни углов,
Но внутри уютно и тепло.
Удалившись от степей и гор,
Юрта прибрела ко мне на двор.
Тень ее прекрасна под луной,
А зимой она всегда со мной.
Войлок против инея – стена,
Не страшна и снега пелена,
Там меха атласные лежат,
Прикрывая струн певучих ряд.
Там певец садится в стороне,
Там плясунья пляшет при огне.
В юрту мне милей войти, чем в дом,
Пьяный – сплю на войлоке сухом.
Очага багряные огни.
Весело сплетаются в тени,

Угольки таят в себе жару,
Точно орхидеи поутру;
Медленно над сумраком пустым
Тянется ночной священный дым,
Тает тушь замерзшая, и вот
Стих, как водопад весной, течет.
Даже к пологу из орхидей
Не увлечь из этих юрт людей.
Тем, кто в шалашах из тростника,
Мягкая зима и то горька.
Юрте позавидует монах
И школяр, запутанный в долгах.
В юрте я приму моих гостей,
Юрту сберегу я для детей.
Князь свои дворцы покрыл резьбой, –
Что они пред юртой голубой![30]
Я вельможным княжеским родам
Юрту за дворцы их не отдам.

Китайский поэт описывает обыкновенное жилище, в каком мог жить кочевник среднего достатка. Ханская же юрта поразила воображение даже Менандра Протектора, придворного византийского императора, видавшего покои Влахернского дворца. Он описывает шатер с золотым троном, который был так легок, что его могла тащить одна лошадь; другой шатер – "испещренный шелковыми покровами", третий – где стояли позолоченные столбы и золотые павлины поддерживали ложе хана[31]. Вся эта роскошь не могла до нас дойти; дерево и меха истлели, золото и серебро перелиты, орудие заржавело и превратилось в пыль. Но письменные источники пронесли сквозь века сведения о богатой и неповторимой культуре, и они заслуживают большего доверия, чем немногочисленные археологическое находки.

ПОЛОЖЕНИЕ ЖЕНЩИН

Пастушеское хозяйство, ведомое отдельной семьей, обычно предполагает патриархальные отношения[32], и, видимо, тюркюты не представляли исключения. Инициатива сватовства принадлежала мужчинам, и "по смерти отца, старших братьев и дядей по отцу женят на мачехах, невестках и тетках"[33]. И это свидетельство подтверждается, так как после смерти Нили-хана его брат Поши-тегин унаследовал вместе с троном жену покойного – китайскую царевну Сянь-ши. Наследование жен у кочевых народов имело двойной смысл. Во-первых, в дом, точнее, в юрту приходила новая работница, а в тех условиях это было всегда полезно. Во-вторых, обычай предусматривал охрану прав вдовы,

так как новый муж должен был заботиться о ней и защищать ее как свою жену. Весьма возможно, что брак не всегда был фактическим, но тем не менее вдова не оказывалась покинутой на произвол судьбы.

Отношение к женщине было подчеркнуто почтительным, рыцарским. Сын, входя в юрту, кланялся сначала матери, а потом отцу[34]. В орхонской надписи с наибольшим пафосом описан бой, в котором Кюль-тегин отстоял орду, где оставались родственницы, которым грозила смерть[35]. У тех народов, где женщины бесправны, как, например, у патанов Гиндукуша, враги их не убивают.

Наследование жен и приведенный текст надписи предполагают полигамию, однако это не делало тюркютскую женщину бесправной. Если даже положение женщины можно считать зависимым, то влияние ее на мужа подчеркивает Табари, который пишет, что "у турок всего можно добиться через женщин"[36]. Происхождению по линии матери придавалось большое значение. Так, мотивом отстранения от престола царевича Торэмена было "низкое происхождение" его матери. Это был, конечно, только предлог, уловка его политических противников, но любопытна аргументация. Право, вообще очень строгое и жестокое, охраняло женщину: изнасилование замужней женщины каралось смертью, соблазнитель девушки должен был немедленно жениться на ней[37]. Любопытно, что изнасилование поставлено рядом с самыми тяжелыми преступлениями: восстанием, изменой, убийством и похищением спутанной лошади, что в условиях степи часто влечет смерть обокраденного, тогда как простая кража наказывалась лишь десятикратным штрафом в пользу потерпевшего, а за членовредительство в драке полагалась пеня.

Наконец, весьма достопримечателен обычай, сведения о котором дошли до нас лишь потому, что он в эпоху Тан был перенят у тюркютов студентками музыкального училища в Чанъани. Девушки со сходными вкусами торжественно заключали между собой братский союз, причем число членов достигало 14–15, но не меньше 8–9 девушек. Эти девушки называли друг друга братьями, а если юноша женился на какой-либо из них, то он получал женское имя и подруги ходили к новобрачным "отведать невесту", т.е. мужа. Молодая жена не ревновала к своим "братцам", но с членами других женских "братств" такая связь не допускалась[38].

Я не берусь в данном исследовании решать вопрос о происхождении группового брака у тюркютов, но полагаю, что само наличие его исключает вопрос о приниженном положении женщины в VI–VIII веках[39]. Думается, что ограничение прав женщины в кочевом мире – явление позднее и, возможно, связанное с тем общим упадком, который постиг Срединную Азию в послемонгольский период.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 *Бичурин Н. Я.* Собрание сведений... Т. I. С. 221.
2 Там же. С. 228.
3 *Киселев С. В.* Древняя история Южной Сибири. М., 1951. С. 515.
4 Там же. С. 516–522.
5 *Кызласов Л. Р.* Тува в период Тюркского каганата (V–VIII вв.) //Вестник Московского университета. 1960. № 1. С. 75.
6 *Киселев С. В.* Древняя история... С. 574–581.
7 *Окладников А. П.* История Якутской АССР. Якутия до присоединения к русскому государству. М.–Л., 1955. С. 295.
8 Там же. С. 296-297.
9 *Бичурин Н. Я.* Собрание сведений... Т. II. С. 172.
10 *Менандр.* С. 376.
11 *Бичурин Н. Я.* Собрание сведений... Т. II. С. 229.
12 *Гумилев Л. Н.* Статуэтки воинов из Туюк-мазара //Сборник Музея антропологии и этнографии. Л., 1949. Т. 12.
13 *Stein A.* Innermost Asia. Oxford, 1928. Vol. II. P. 614.
14 См.: *Aspelin J. R.* Types des peuples de l'ancienne Asie Centrale. Helsingfors, 1890. P. 13 (опубликовано наскальное изображение).
15 *Laufer B.* Chinese clay figures. I. Chicago, 1914. XVIII. P. 313–314.
16 *Бичурин Н. Я.* Собрание сведений... Т. 1. С. 215.
17 *Aspelin J. R.* Types des peuples... P. 11. Рис.7.
18 *Aspelin J. R.* Types des peuples... P. 12; *Appelgren-Kivalo H.* Alt-altaische Kunstdenkmäler, Briefe und Bildermaterial von J. R. Aspelins Reisen in Sibirien und der Mongolei 1887–1889. Hrsg. von Appelgren-Kivalo. Helsingfors, 1931. S. 17.
19 *Евтюхова Л. А., Киселев С. В.* Чаа-тас у села Копены //Труды Государственного исторического музея. М., 1940. Т. XI.
20 *Бичурин Н. Я.* Собрание сведений... Т. I. С. 292; *Liu Mau-tsai.* Die chinesischen Nachrichten... S. 8.
21 *Грумм-Гржимайло Г. Е.* Рост пустынь и гибель пастбищных угодий и культурных земель в Центральной Азии за исторический период //Известия Государственного географического общества. 1933. Т. 65. Вып. 5. С. 449.
22 *Liu Mau-tsai.* Die chinesischen Nachrichten... S. 496.
23 *Бичурин Н. Я.* Собрание сведений... Т. I. С. 292.
24 Захоронения с конем характерны для VI–VIII вв. (*Кызласов Л. Р.* Тува... С. 53–57).
25 *Бичурин Н. Я.* Собрание сведений... Т. I. С. 231; *Liu Mau-tsai.* Die chinesischen Nachrichten... S. 42.
26 *Бичурин Н. Я.* Собрание сведений... Т. I. С. 230; *Liu Mau-tsai.* Die chinesischen Nachrichten... S. 10.
27 У нас нет никаких оснований предполагать, что семья у тюркютов чем-либо отличалась от семьи казахов XIX в., за исключением большего уважения к женщине.
28 *Бичурин Н. Я.* Собрание сведений... Т. I. С. 260.
29 *Liu Mau-tsai.* Die chinesischen Nachrichten... S. 471–47
30 Кок-Кюйме (см.: *Маргулан А. Х.* Казахская юрта и ее убранство//VII Международный конгресс антропологических и этнографических наук. М., 1964. С. 9).
31 *Менандр.* С. 377–379.
32 *Морган Л .Т.* Древнее общество. С. 134.
33 *Бичурин Н. Я.* Собрание сведений... Т. 1. С. 230; *Julien S.* Documents... Vol. 3. P. 334–335; *Liu Mau-tsai.* Die chinesischen Nachrichten... S. 42.

[34] *Wieger L.* Textes historiques. Hien-Hien, 1905–1907. P. 1673.
[35] *Малов С. Е.* Памятники... 1951. С. 42–43.
[36] *Tabari.* Chronique... II. P. 302.
[37] *Julien S.* Documents... Vol. 3. P. 333.
[38] *Liu Mau-tsai.* Die chinesischen Nachrichten... S. 468.
[39] Высокое положение женщины у тюрок в доисламское время отмечалось неоднократно [см.: *Кононов А. Н.* Родословная туркмен. С. 104 (приведена литература вопроса по более поздней эпохе – X–XV вв.)].

VII. Религия тюркютов

Основные сведения о древней религии тюркютов, дошедшие до нас, содержатся в китайских летописях "Вэйшу" и "Суйшу". Сведения эти весьма противоречивы и по краткости своей на первый взгляд малопонятны.

"Вэйшу" отмечает следующие обряды тюркютской религии: "1) Вход в ставку [хана] с востока из благоговения к стране солнечного восхождения; 2) ежегодно со всеми вельможами приносит жертву в пещере предков; 3) в средней декаде пятой луны собирает прочих и при реке приносит жертву духу неба; 4) в 500 ли от Дугинь на западе есть высокая гора, на вершине которой нет ни деревьев, ни растений, называется она Бодын-инли, что в переводе значит: дух покровитель страны"[1].

"Суйшу", составленная на 50 лет позднее (в 30-х годах VII в.), не приводит вышеперечисленных сведений, вместо этого там сказано: "Почитают чертей и духов и верят колдунам"[2].

Как примирить эти совершенно противоположные версии, из которых первая полна внутренних противоречий? В ней причудливо сочетаются культ солнца (1), культ предков (2), культ "Духа неба", который в отличие от культа предков – достояние народа, а не вельмож (3), и культ горы (4). Надо признать, что китайский источник отнюдь не разрешает вопроса.

Сведения "Суйшу" нисколько не яснее: китайское слово "ху" означает лекарь, волхв и колдун[3]. С кем мы имеем дело в данном случае, из текста непонятно, равно непонятно и то, что представляют собой те духи, которым поклонялись тюркюты: духи ли это предков (кор-

мос) или духи природы (тос). Разбору этих загадочных текстов и будет посвящена настоящая глава.

Основная проблема формулируется нами так: во что веровали древние тюркюты, и представляет ли их религия стройную концепцию или является смешением разных верований, а если так, то каких?

Говоря о древних верованиях тюркютов, я далек от мысли считать их первобытными. Сами тюркюты сложились из разных племен лишь в V–VI вв., и верования их, относящиеся к этой эпохе, были столь же развившимися, как и прочие религиозные системы, современные им.

В Риме последний патриций Цетег читал Боэциево "Утешение мудростью". В Константинополе иссохшие сирийские отшельники спорили с важными греческими прелатами о халкедонском добавлении к никейскому символу. В Ктезифоне персидские вельможи, уже не веря ни в Ормузда, ни в Аримана, держали на длинных копьях союз трона и алтаря. По замкам согдийских дехканов ходили бледные проповедники религии света, умерщвления плоти и славили имя замученного магами пророка Мани. В Китае бритоголовые буддийские монахи толковали императрице о бренности и иллюзорности мира, не обращая внимания на негодование конфуцианских мудрецов и на выписанные черной тушью на блестящем шелку изречения о правилах благопристойного поведения и управления. Караванный путь проходил от Средиземного моря до Желтого, и по нему через пустыни и горы вместе с шелками и благовониями текли идеи, системы, концепции. Могли ли тюрки – хозяева этих земель – не видеть и не слышать того, что говорили проповедники всех стран? Могли ли предки их, вышедшие с берегов Желтой реки, не знать о спорах, раздиравших образованный Китай, цветущий Согд, благословенный Турфан? А с другой стороны, на севере лежала Сибирь, мудрая и спокойная, также влиявшая на впечатлительных и горячих пастухов воинов. Без учета всех этих факторов нам не будет понятно мировоззрение древних тюркютов и те изменения, которые оно претерпело в своем развитии.

Отдельные племена, складываясь в народы, привносили свои религиозные системы, хотя элементы верований сходны, но сочетания их весьма разнообразны. Религия тюркютов не была исключением. По поводу ее возникают следующие вопросы: почему вельможи и народ молились раздельно? кому молился народ? кому молились вельможи? кто такие колдуны, если сам хан является верховным священником?

На первый вопрос ответить легко, так как нам известна структура общества тюркютов и их этногенез. Тюркюты были сложносоставной народностью. "500 семейств" Ашина, будущие "вельможи", пришли

в V в. из Ордоса и поселились на южных склонах Алтая, где уже обитало тюркоязычное население. Оба этнических компонента слились воедино, но разница между ними в известной мере прослеживается до VII в. как деление на черную и белую кость, о чем говорят наследственность должностей в среде аристократии и запрещение "благородным" девушкам выходить замуж за юношей из народа.

Текст "Вэйшу" относится к VI в., когда это деление было достаточно четко, и поэтому источник отмечает различие в религиозных культах знати и простонародья, различие, затем упущенное в "Суйшу". "Суйшу" отражает эпоху, в которую китайцы имели дело исключительно с тюркютской знатью, господствовавшей в степи до рокового 630 г. Поэтому надо думать, что указание "Суйшу" относится именно к знати, и этим вопросом мы займемся в свое время.

Теперь обратимся к религиозным воззрениям тюркютского народа.

Культ неба – Тенгри – зафиксирован также орхонскими надписями: "Вначале было вверху голубое небо, а внизу темная земля; появились между ними сыны человеческие"; Кок-Тенгри (Голубое небо) – это небо не материальное, противопоставленное обычному, видимому небу[4]. Надо думать, что под "Духом неба" китайцы понимали именно Кок-Тенгри. Обряд принесения жертвы небу был зафиксирован даже в конце XIX в. у качинцев. Он носил имя Тыгыр Таих и заключался в общественном молении, сопровождавшемся принесением в жертву барана и возлияниями кумыса, молока, айрана и мясного отвара. На праздник съезжались мужчины из ближайших аилов; женщины и шаманы не допускались. Объектом поклонения были "небо и солнышко"[5]. По всей видимости, это тот самый обряд, который описан в "Вэйшу". Особенно следует отметить два момента: первый – шаман на этот праздник не допускался, второй – цель жертвоприношения заключалась в том, чтобы добиться благоволения "света". Оба эти обстоятельства весьма важны. Недопущение шамана свидетельствует о том, что этот культ относится не к духам умерших или хтоническим "исконным духам", а к божеству иного порядка: "по уверению инородцев, шаман, очутившийся на таихе, безумеет и падает в корчах"[6].

Что же это за божество? Из описания ясно лишь, что атрибутом его является свет: это указание подчеркивает специфику догмы, выделяя данный культ из числа известных нам солярных культов, где солнце почитается как небесное тело (Ра-Гелиос) или как вдохновитель и источник творчества (Аполлон). И все-таки культ был бы для нас неясным, если бы не нашлась еще одна этнографическая параллель – праздник "чистого чума" у нганасанов[7]. Еще Кастрен высказал предположение, что нганасаны – ближайшие родственники древних саянских угров, ныне полностью отюреченных[8]. Будучи оттеснены на

Крайний Север, нганасаны сохранили древний культ, несмотря на то что и они подверглись влиянию шаманской демонолатрии. Они дважды в год приносили жертву солнцу-свету: осенью, перед началом полярной ночи, и в конце января, когда первые отблески солнца показывались на вершинах гор. Разумеется, обрядовая сторона культа весьма отлична от описанной выше, так как праздник "чистого чума" проводит шаман; сказалось то обстоятельство, что нганасаны не менее полутора тысяч лет прожили в новой обстановке, с новыми соседями и, главное, на новой территории, а как мы увидим ниже, территория в изучаемом культе играла первостепенную роль. Но, несмотря на внешние различия, мы можем с уверенностью констатировать, что объект поклонения у тюркютского народа, минусинских отюреченных угров и нганасанов один и тот же – солнечный свет. Основываясь на этом, мы имеем право обратиться к рассмотрению тео-космических представлений нганасанов как ближайших к интересующим нас тюркютам. Доктрина нганасанской религии – плюралистический анимизм: все доброе, т.е. благожелательное людям, обозначается термином пио; этим же термином обозначается видимое небо, не имеющее определенного образа, но весьма почитаемое (ср. тюркское Тенгри). Создатель вселенной – Nəlata nuo (ср. вышеупомянутый "Дух неба"); работник его Kou (солнце) руководит созданным миром; лучи солнца – нити, посредством которых духи растений сообщаются с солнцем[9].

Такой вариант солярного культа в достаточной степени оригинален, чтобы исключить смешение его с другими разновидностями сибирского шаманства, на что, впрочем, уже указывал Л. Я. Штернберг[10]. Единственная аналогичная доктрина наблюдается в манихействе, но тут имеет место несомненная конвергенция, а не генетическая связь.

Эта религия может быть охарактеризована как анимистический генотеизм, ибо, как показывает исследование С. А. Токарева, каждый род наряду с общенародным верховным божеством – божеством света и неба – имеет своего заступника, своего племенного маленького божка из числа духов разряда "тос", т.е. искони существовавших духов, которые ничего общего не имеют с "кормосами", душами умерших людей[11].

Даже поклонение "Духу неба" (Nəlata nuo) сохранилось до начала XX в., хотя претерпело значительную метаморфозу. Дух неба получил персидское название Кудай (бог) и впоследствии отождествился с христианским богом, отличным от самого высшего из шаманских духов Ульгеня[12]. В этой связи необходимо коснуться культа земных божеств – тосей, "хозяев природы" – "Алтаев" у коренных алтайцев и "Иер-су" – у пришлых ыркытов и сойонов[13].

Иер-су (букв. земля-вода) числится в разряде земных тосей и находит аналогию в культе "хозяев" земли, воды, растительности и т.п. У нганасанов хозяин земли Фаннида – злой недоброжелатель, обитающий под дерном и с раскрытой пастью ожидающий умирающих людей. Ему приносят в жертву черного оленя[14]. Иер-су также жестокое божество. В жертву ему приносят серую или рыжую лошадь.

На полную несвязанность шаманского почитания Ульгеня и культа Иер-су указывает то обстоятельство, что ыркыты и сойоны не молятся Ульгеню и прочим духам шаманского пантеона[15]; оба эти рода – недавние выходцы из Саян, и, по-видимому, их культ – связующее звено между древнеалтайской и нганасанской религиозными системами.

Вопрос о смысле почитания горы Бодын-инли проясняется благодаря работе Л. П. Потапова[16], где автор показал связь почитания урочищ с родовой собственностью, переплетение родового культа с промысловым. Каждый род имеет свой "Алтай", который кормит членов рода. Это почитание не духов гор, рек, озер, а самих гор, рек и озер, т.е. мы здесь наблюдаем не олицетворение, а оживотворение природы[17]. Это наиболее примитивная форма анимистического мировоззрения, называемая анимизмом[18].

Таковы главные черты древней религии алтайского народа, подчиненного ордой Ашина. Как мы видели выше, основным культом "вельмож" был культ предков, абсолютно чуждый народной религии. Потомки тюркютов, пришедшие на Алтай в VII в., телесы и чуйские теленгиты стоят в стороне от родового анимистического культа[19].

Для того чтобы выяснить, кто были те предки, которым "вельможи" приносили жертву в пещере, обратимся к анализу легендарного материала о происхождении тюркютов. В "Суйшу" рядом с исторической справкой о происхождении орды Ашина[20] приводится легенда, имеющая в основе миф (см. с. 22). Ашины жили "в пещере" до начала VI в., когда они вышли в степь и признали себя вассалами жужаней.

Чрезвычайно любопытно описание пещеры, в которую скрылась волчица. Пещера находится в горах от "Гаочана на северо-запад", т.е. в центре Алтайских гор. "В горах есть пещера, а в пещере есть равнина, поросшая густою травою на несколько сот ли окружностью. Со всех четырех сторон пещеры лежат горы"[21]. Любопытно, что типичная горная долина в "Суйшу" названа пещерой. Такая неточность более чем удивительна и вызывает предположение, что здесь мы имеем скрещение в одной легенде двух сюжетов: мифологического (происхождение от волчицы) и исторического (бегство предков части тюркютов в алтайские горные долины).

Действительно, исторический сюжет полностью воспроизведен в сочинениях мусульманских авторов Рашид-ад-Дина, Хондемира и

Абульгази, причем горная долина получает определенное название – Эркене кун, т.е. крутой скат. Весьма возможно, что тут мы имеем отражение древнего события – ухода северных хуннов после поражения 93 г. через Тарбагатайские проходы и оседания части их в пределах Алтая, но в данном случае для нас более важен сюжет мифологический – откуда появилась волчица?

Прежде всего необходимо отметить сходную легенду о происхождении племен теле. По этой легенде, одна из дочерей хеннского шаньюя, посвященная отцом небу, родила от волка сына, который стал прародителем телеских племен[22]. Эти племена, подобно орде Ашина, пришли в Халху с берегов Желтой реки. Как мы видим, и тюркюты и телесцы имеют одну и ту же мифологему. А раз так, то естественно предположить, что указанный элемент тотемистического отношения к волку-предку имеет один исток. Было бы слишком рискованно утверждать, что уйгуры и орда Ашина были тотемистами в чистом виде, так как источники не говорят об их специфическом отношении к волкам, но здесь мы имеем след древнего тотемного поклонения этому животному, превратившегося в исследуемое нами время в почитание предков. Итак, можно констатировать на Алтае в VII в. сосуществование двух религиозных систем: анимизма, связанного с сибирскими народами, и культа предков с тотемистической окраской, привнесенного тюркоязычными и монголоязычными кочевниками с южной окраины великой пустыни.

Следует также признать, что тюркютский культ предков имеет специфику, позволяющую уточнить его происхождение. Аналогичные, до мелочей совпадающие верования наблюдались у эхирит-булагатов, т.е. прибайкальских бурят.

Прибайкальские буряты – последовательные политеисты. Они почитают 99 тенгриев, правящих, по их мнению, миром. Каждый род чтит своего тенгрия. Но самое важное, что бурятский "шаман" (по принятой крайне неточной терминологии) лечит и призывает дождь не силой духа-помощника, а молитвой к тенгрию и обращением за заступничеством к духам предков. Предки отнюдь не рассматриваются как духи-пюмощники, но как заступники и представители перед божеством-тенгрием. Равным образом "бутлы" (святыни, которыми могут быть крупные камни или случайно найденные древние предметы) действуют не сами по себе (как магические амулеты) и не душой, в них заключенной (анимизм), а божественным произволением тенгриев -- небесных индивидуализированных божеств. С такой развитой системой политеизма сопрягается реминисценция тотемизма, священнослужитель (которого назвать шаманом нельзя) носит на одежде бляху с изображением зверя (например, волка, лебедя, гуся и

т.д.). Это изображение указывает лишь на принадлежность к данному роду, восходящему к мифическому прародителю – зверю[23]. Указанная аналогия тем более интересна и значительна, что здесь мы имеем не конвергенцию, а генетическую связь. Эхирит-булагаты – наиболее древний раздел бурят; описанные традиции восходят к началу нашей эры и к той этнической стихии, из которой вышла орда Ашина в V в. Ашина были родом "волка". Таким образом, несомненна очень древняя связь, ибо в то время, когда буряты проникли в Прибайкалье, орды Ашина там уже не было. Значит, мы имеем две параллельные линии, вышедшие из одной культурной стихии – древнемонгольской сяньбийской культуры.

Но уже в конце VI – начале VII в. тотемистический культ предков в чистом виде не наблюдается. Тесное общение между пришельцами Ашина и населением горного Алтая повело к образованию синкретических исповеданий. На это указывают имена тюркютских ханов, до сих пор не поддававшиеся расшифровке. Эти имена сохранились в китайских, персидских и греческих транскрипциях и путем сопоставления различных чтений поддаются истолкованию. Личное имя Тобо-хана – Арсила (*греч.*) переводится как тюркско-монгольское слово Арслан (лев). Китайское "Були" означает "Бури" (волк по-тюркски). Впрочем, имеется и монгольский вариант этого имени: "Шэни/Шоно". Часто встречающиеся имена западных ханов – "Иби" переводятся как "Ибрис" (снежный барс), а "Юйгу" как "Юкук" (сова).

Все это не канонизированные имена, а описательные, меняющиеся в связи с возрастом и общественным положением человека. Это скорее прозвища. Напомним также, что хан был первосвященником и для народа и для вельмож, т.е. в системе каганата оба культа великолепно уживались и постепенно сливались в единое мировоззрение, чему, однако, не суждено было полностью осуществиться, так как каганат пал, а вместе с ним пала и вся система родовых верований.

Реминисценции родового культа, описанные Л. П. Потаповым и С. А. Токаревым, относятся к анимизму лесных племен Алтая, сохранивших за горными хребтами значительную часть древних традиций. Традиции же тюркютов Ашина на широких степных просторах весьма изменились, и поэтому следов тотемистического культа предков сохранилось у них несравненно меньше. Тем не менее тотемистический культ предков имеет большое значение для культуры степных народов, и поэтому следует уточнить его смысл и детали. Все-таки неясно, кому поклонялись тюркюты, предку-зверю или предкам-людям? И если людям, то каким: всем без исключения или героям? Первый вариант отпадает, если мы учтем текст "Суйшу" ("поклоняются духам"), потому что в VII в., как уже было сказано,

китайцы сталкивались именно с тюркютской знатью, и ясно, что духи эти – те самые духи предков, которым совершались жертвоприношения в VI веке. Но окончательно выясняют дело сведения более позднего времени, не относящиеся к тому же культу и сохранившиеся в рисале Абу-Дулафа, арабской компиляции начала X века. Источник сообщает, что у карлуков, еще не принявших ислам, "храм есть, на стенах которого изображены их прежние государи"[24]. Равным образом и древние дунху почитали "покойных старейшин, которые прославились своими подвигами"[25]. Связь карлуков с западными тюркютами устанавливается прямым показанием "Таншу", где "гэлолу", т.е. карлуки, названы тюркютским поколением. Итак, можно констатировать, на этот раз определенно, что тюркютская знать имела культ предков-героев, выросший из тотемного мировоззрения, в противоположность анимистическому обожанию природы у тюркютского народа.

В этой связи необходимо отметить наличие у тюркютов представлений о бессмертии души и загробном существовании. При похоронах Истеми-хана в 576 г. были казнены "четыре военнопленных гунна"[26], чтобы сопровождать покойного в загробный мир. В 649 г., на похоронах императора Тайцзуна, Ашина Шэни хотел заколоться, дабы не покинуть своего царственного друга[27]. Оба эти факта показывают, что тюркюты считали загробное существование продолжением земной жизни; такое представление распространено весьма широко, но относится к довольно ранней стадии развития религиозного сознания, отличаясь, однако, от анимизма тем, что предполагает в человеке не множественную, а индивидуальную душу.

Но где же тогда шаманизм – общение с духами – тосями, искони существовавшими и не связанными с природой, общение без почитания, с поклонением, носящим характер исключительно практический, и достигающееся путем психологической и сексуальной экзальтации?[28] Где шаманы, вызывающие ударами бубна духов извечных для борьбы с душами покойников? В обеих описанных системах нет места для духов-помощников, без которых не может быть шамана и нет камланий, составляющих основу шаманского культа. Правда, в разобранных нами текстах еще осталось упоминание о колдунах или волхвах, но, прежде чем приписывать им функции кама, нужно посмотреть, чем они занимались.

В "Шах-наме" Фирдоуси содержится рассказ о битве при Герате между тюркютами, которых автор называет "тюрками Китая", и персидским полководцем Бахрамом Чубином. Повествование Фирдоуси сверено со многими другими источниками: Табари, Саалиби, Балами, Мирхондом, Себеосом, сирийским анонимом VII в. и персидским ано-

нимом X в., благодаря чему установлено, что Фирдоуси воспроизводит те же первоисточники, что и названные авторы, и даже более точно, чем они. В рассказе Фирдоуси есть детали, упущенные другими авторами, но весьма для нас важные. Фирдоуси описывает тюркютское колдовство и колдуна. Начинается с того, что накануне решительной битвы Бахрам Чубин видит страшный сон. Ему снится, что тюрки превратились в льва, что войско его разбито и дорога на Ктезифон занята врагом, а он сам, прося пощады, идет пешим. Несмотря на дурное предзнаменование, Бахрам начал битву[29]. Тюрки, чтобы напугать персов, прибегли к колдовству. Колдуны бросали в небо огонь, чем вызвали ветер и черную тучу, осыпавшую персов стрелами. Но Бахрам закричал, что это только обман, что стрел на самом деле нет, и колдовство не достигло цели. После битвы, в которой персы остались победителями, им попался в плен колдун. Он признал, что сон на Бахрама был наслан им[30]. Рассказ Фирдоуси можно было бы истолковать как персидскую легенду, если бы тюркское происхождение этого рассказа не было удостоверено этнографическими параллелями.

В повествовании о Юебани говорится о колдунах, умевших вызывать холод и дождь. Во время войны с жужанями юебаньские колдуны вызвали снежную бурю и направили ее на жужаней; в среде последних оказалось так много обмороженных, что поход им пришлось прекратить и вернуться восвояси[31]. Подобную легенду сообщает Григорий Турский. Во время войны аваров с франками аварские колдуны вызвали грозовую бурю, причем молния ударяла во франкский лагерь, благодаря чему франки были побеждены[32]. Наконец, такие волшебные способности приписывались и найманам. Рашид-ад-Дин сообщает, что во время похода конфедерации племен с Чжамухой во главе против Чингисхана (1201) найманские колдуны вызвали бурю, но плохо рассчитали ее действие, и она обратилась против них же самих, что весьма способствовало победе Чингиса[33].

Все эти легенды восходят к верованию в возможность управления погодой путем магических манипуляций. Из всех авторов только один Фирдоуси пытается отыскать в легенде рациональное зерно, предполагая наличие массового гипноза. Каково бы ни было происхождение этого верования у тюрок и монголов VI-XII вв., все дело сводится к симпатической магии, а отнюдь не к вызыванию духов-помощников, т.е., употребляя тюркютскую терминологию, мы здесь видим не кама (шамана), а ядачи (колдуна).

Яда (колдовство) практиковалось до XX в. для вызывания дождя посредством чтения заклинаний над камнем, извлеченным из желудка коровы, лошади или кабана. Действия "яда" не связаны с вызыванием духов, и в помощи их ядачи не нуждаются. Тут мы наблюдаем

типичный пример симпатической магии, не имеющий генетической связи со спиритуализмом шаманства.

Древнейшие сведения о "яда" содержатся в хронике неизвестного сирийского монаха VII в., описывающего события, происходившие при патриархе Элиасе из Мерва[34], т.е. в эпоху, интересующую нас. Само слово "яду" заимствовано из персидского (колдун, ворожей). Фирдоуси называет тюркского колдуна именно так, хотя слово "шаман" было известно в Иране. Но мало того, Фирдоуси сообщает, что колдовство производилось путем бросания огня в небо, и эта особенность подтверждается параллельными сведениями. Менандр включил в повествование о посольстве Земарха к тюркютскому хану (568) заслуживающее нашего внимание описание очистительного превентивного колдовства. "Некоторые люди из этого племени, о которых уверяли, будто они имели способность отгонять несчастья, пришел к Земарху, взяли вещи, которые римляне везли с собой, склали их вместе, потом развели огонь сучьями дерева Ливана, шептали на скифском языке какие-то варварские слова и в то же время звонили в колокол и ударяли в тимпан над поклажею. Они несли вокруг ливановую ветвь, которая трещала от огня, между тем, приходя в исступление и произнося угрозы, казалось, они изгоняли лукавых духов. Им приписывали силу отгонять их и освобождать людей от зла. Отвратив, как они полагали, все несчастья, они провели самого Земарха через пламя и этим, казалось, они и самих себя очищали.

Лишь после огненного очищения Земарх был допущен к хану"[35].

На первый взгляд здесь мы наблюдаем элементы камлания: исступление, удары в бубен (тимпан), но при пристальном рассмотрении эта мысль отпадает. В самом деле, тут не призывание, но изгнание враждебных духов священной силой огня, т.е. магия, а не спиритуализм. Представление о том, что огонь отгоняет злых духов, распространено чрезвычайно широко, от Австралии до Баварии, и не является чем-либо исключительным и оригинальным[36]. Подобные верования мы находим и у монголов XIII в., заставлявших русских князей подвергаться огненному очищению, и у современных бурят, которые не бросают в огонь мусор, а только хорошо наколотые дрова, и т.д. Короче говоря, почитание огня противоположно вызыванию духов и по форме и по смыслу.

Невероятно и предположение Ф. Ратцеля[37] о связи центральноазиатского культа огня с зороастризмом, ибо и тут сходство чисто внешнее. В Персии модедан-мобед, приближаясь к священному огню, надевал вуаль, чтобы не оскорбить огонь дыханием, а тут огнем отпугивают злых духов, т.е. самое нечистое на свете. Дело в том, что в Иране огонь был объектом религиозного поклонения, а у тюркских племен

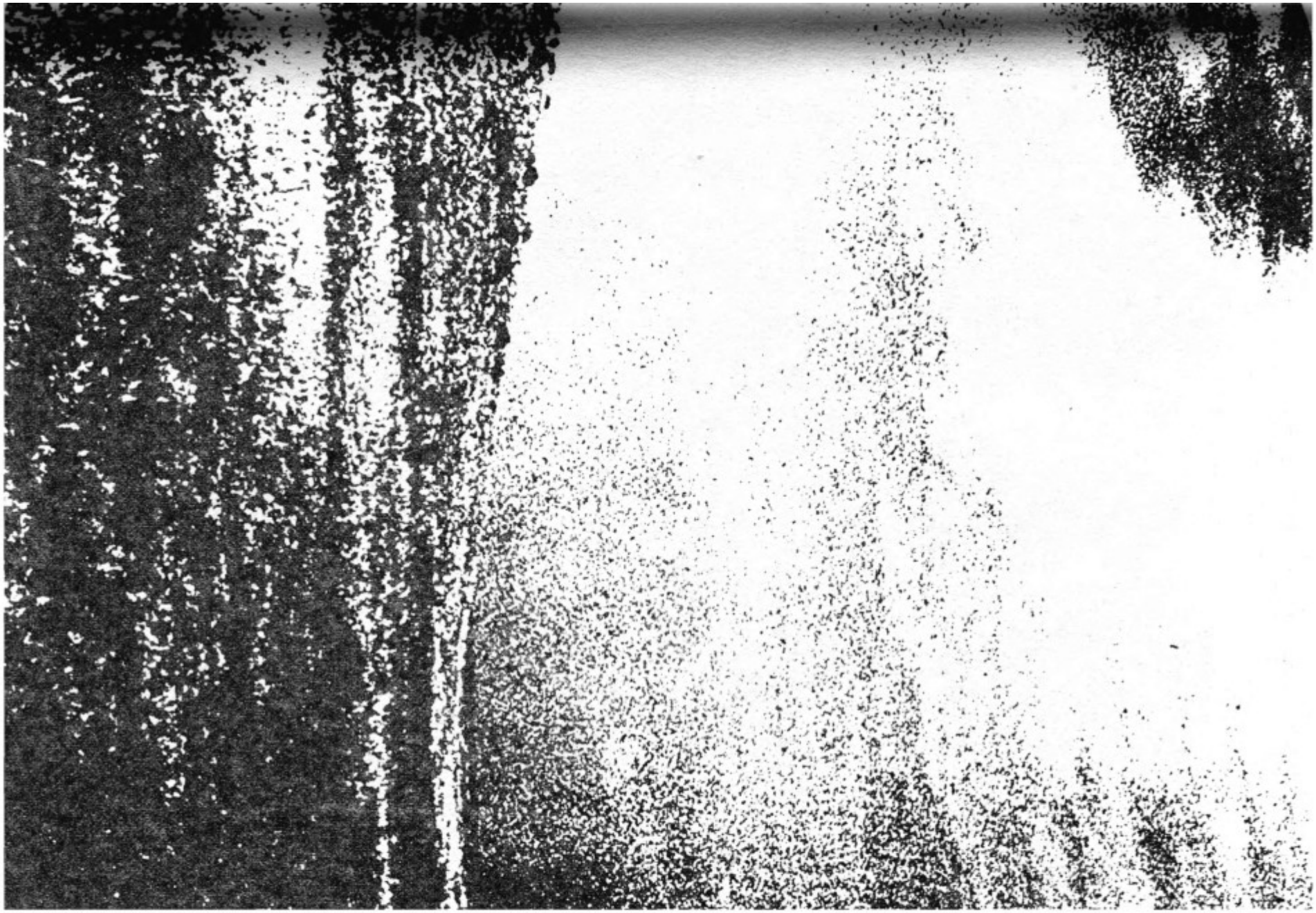
магическим инструментом, т.е. по существу никакого сходства между ними не наблюдалось. Теперь мы подошли вплотную к последнему вопросу: где же шаманская "черная вера", культ духов-помощников?

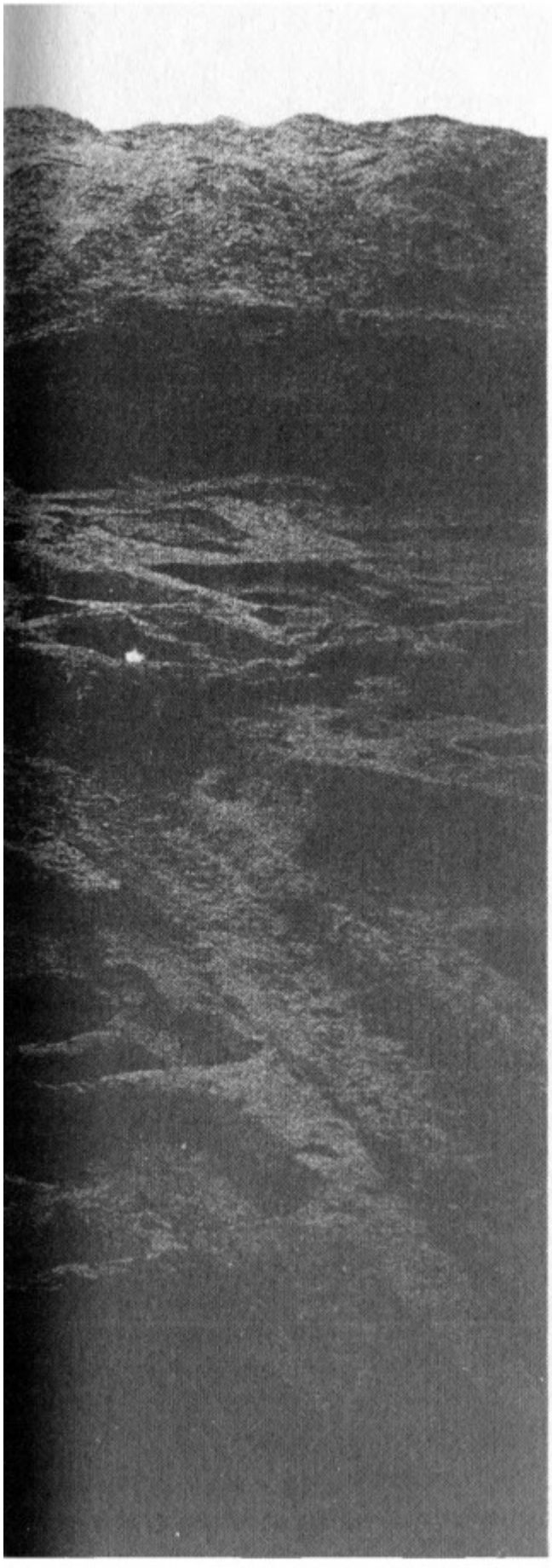
Разбор вышеприведенных сведений показывает, что этой системы в VI–VII вв. у тюркютов не было, а так как в XII в. зафиксированы и термин "кам" и самое камлание, то необходимо допустить, что камлания у тюрок Джунгарии и Алтая возникли в промежутке между VII и XII вв., и действительно, эпоха VI–IX вв. характеризуется огромными сдвигами в культуре народов Центральной и Средней Азии.

ПРИМЕЧАНИЯ

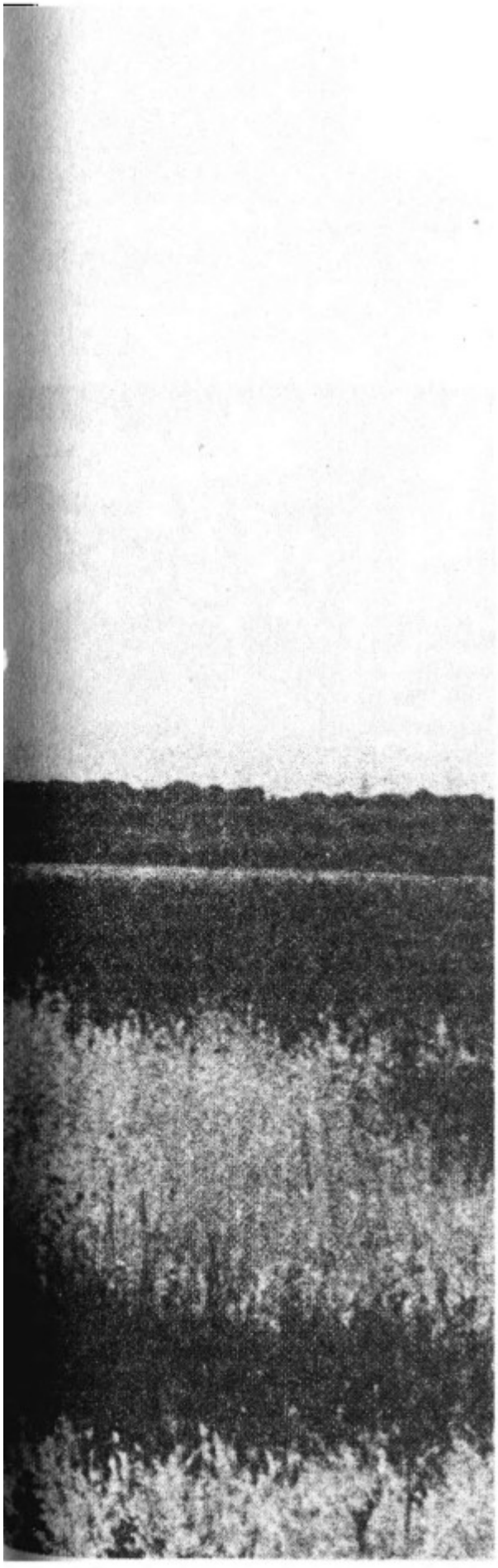
1 *Бичурин Н. Я.* Собрание сведений... Т. I. С. 230–231; *Julien S.* Documents... Vol. 3. P. 335.
2 *Julien S.* Documents... Vol. 3. P. 353; *Бичурин Н. Я.* Собрание сведений... Т. I. С. 230–231.
3 *Бичурин Н. Я.* Собрание сведений... Т. I. С. 270–271.
4 *Банзаров Д.* Черная вера. СПб., 1891.
5 *Яковлев Е. К.* Этнографический обзор инородческого населения долины Южного Енисея и объяснительный каталог этнографического отдела музея. Минусинск, 1900. С. 101–102.
6 Там же. С. 103.
7 *Попов А. А.* Тавгийцы. М.–Л., 1936. С. 48 и сл.
8 *Попов А. А.* Нганасаны. Л., 1948. С. II.
9 *Попов А. А.* Тавгийцы. С. 48–49.
10 *Штернберг Л. Я.* Первобытная религия в свете этнографии. Л., 1936. С. 533.
11 См: *Токарев С. А.* Пережитки родового культа у алтайцев//Труды Института этнографии АН СССР. М., 1947. Т. I. С. 154. Современные алтайские шаманисты делят духов на два разряда: *тос* – духи извечного существования и *яадан неме* (букв. нечто созданное) – души умерших. Религиозное почитание воздается лишь тосям, покойник считается чертом, а разве можно поклоняться черту? (алтаец Кулязин).
12 *Анохин А. В.* Материалы по шаманству у алтайцев, собранные во время путешествий по Алтаю в 1910–1912 гг. по поручению Русского Комитета для изучения Восточной Азии //Сборник Музея антропологии и этнографии при Российской Академии наук. 1924. Т. IV (б. м.). № 2. С. 18.
13 *Токарев С. А.* Пережитки родового культа... С. 158.
14 *Попов А. А.* Тавгийцы. С. 51.
15 *Токарев С. А.* Пережитки родового культа . С 149, 157.
16 *Потапов Л. П.* Культ гор на Алтае //СЭ. 1946 № 2.
17 *Токарев С. А.* Пережитки родового культа С. 151.
18 *Штернберг Л. Я.* Первобытная религия .. С. 268.
19 *Токарев С. А.* Пережитки родового культа .. С. 157.
20 *Бичурин Н Я.* Собрание сведений. . Т. I. С 221.
21 Там же.
22 Там же. С 214–215.
23 *Банзаров Д.* Черная вера. СПб., 1891. С. 37 и сл.; *Балдаев С. П.* Культ археологических находок у бурят //Доклады I/III в отделе Сибири МАЭ. 1949.

[24] *Григорьев В. В.* Восточный, или Китайский Туркестан. СПб., 1873. С. 243.
[25] *Бичурин Н. Я.* Собрание сведений .. Т. I. С. 144.
[26] *Менандр.* С. 422.
[27] *Chavannes E.* Documents... Vol. 3. P. 178.
[28] *Штернберг Л. Я.* Избранничество в религии //Первобытная религия в свете этнографии. Л., 1936.
[29] *Firdousi.* Le livre des rois. VI. P. 610.
[30] Ibid. VI. P. 614, 622; *Гумилев Л. Н.* Подвиг Бахрама Чубина. Л., 1962. С. 34–35.
[31] *Бичурин Н. Я.* Собрание сведений. . Т. II. С. 260.
[32] *Lebeau.* Histoire du Bas-Empire. Paris, 1828. T. X. P. 15.
[33] *Рашид Эддин.* История Чингис-хана. Пер. И. Н.Березина. СПб., 1868. С. 127, 293.
[34] *Малов С. В.* Шаманский камень «яда» у тюрков Западного Китая //СЭ. 1947. № 1. С. 151–154.
[35] *Менандр.* С. 376.
[36] *Штернберг Л. Я.* Первобытная религия в свете этнографии. Л., 1936. С. 371–372.
[37] *Ратцель Ф.* Народоведение. СПб., 1901. Т. II. С. 758–759.



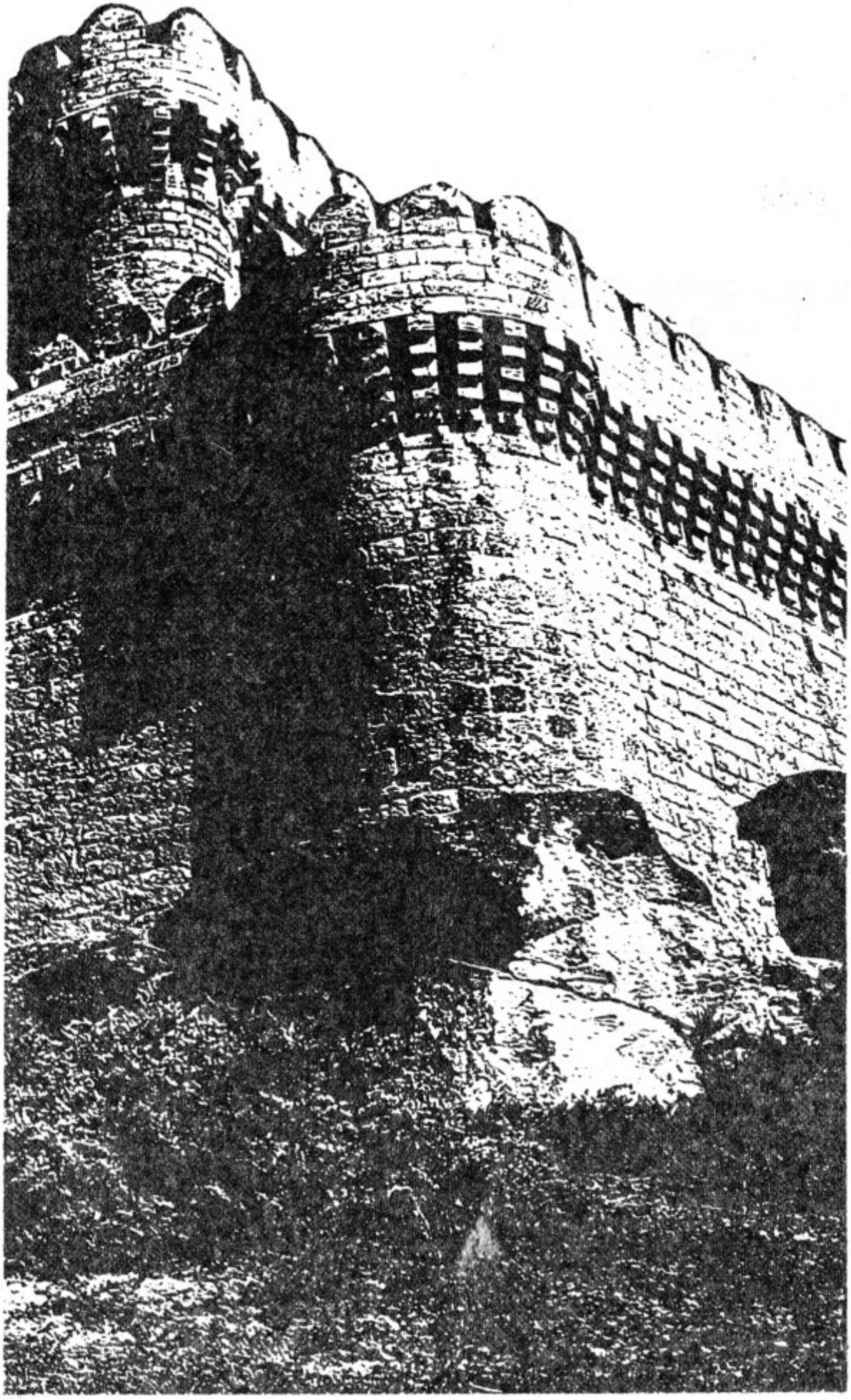


Отрар, один из узловых городов на Великом шелковом пути, погребенный монголами



Каменные или половецкие бабы — древнетюркские каменные изваяния, хорошо знакомые по поясу южнорусских степей, тюркские памятки от Черного моря до пустыни Гоби

Эмалевая роспись фаянсовой чаши XIII века из Хорасана уже почти не сохранила следов соседства двух великих культур, поочередно сменявших друг друга в этом "горячем" оазисе



VIII. Мнения и сомнения

ОПРАВДАНИЕ КНИГИ

После того как читатель ознакомился с историей возникновения каганата, с обстановкой, в которой он был вынужден бороться за существование, с теми возможностями, которыми он располагал, уместно обратиться к разбору методики исследования точек зрения, высказывавшихся различными учеными как по общим, так и по частным вопросам нашей темы.

В первую очередь автор обязан ответить на вопрос: для чего и для кого он написал свою книгу? Отвечаю.

Несмотря на обилие источников и специальной литературы, прочесть историю кочевников Срединной Азии так, как можно прочесть историю Греции, Рима, Византии, Франции, Англии, России или государств Ближнего Востока, невозможно, так как она не написана. Это бьет прежде всего по широкому читателю, затем по специалистам-историкам смежных областей и, наконец, по специалистам-кочевниковедам, тонущим в непомерно разросшейся библиографии.

Чтение источников без применения к ним методов исторической критики бессмысленно, а многочисленные статьи по частным вопросам противоречивы. Для того чтобы двигаться вперед, необходимо подводить время от времени итог. Вот первая задача, поставленная перед автором книги самим ходом развития науки.

Затем аспект. Пора прекратить рассматривать древние народы Сибири и Центральной Азии только как соседей Китая или Ирана. Надо наконец сделать практический вывод из того бесспорного положе-

ния, что их история и культура развивались самостоятельно. Только так можно понять, как они жили, чувствовали, торжествовали и погибали. Истоки настоящего и даже будущего таятся в недрах прошлого, а ведь древние тюрки – предки многих народов Советского Союза.

И наконец, общие закономерности истории человечества не могут быть изучены без учета вариантов.

Мы знаем, что развитие идет по спирали, но в ней имеются витки и зигзаги. Наряду с плавным, эволюционным развитием наблюдаются скачки и обрывы традиций. Общий в основном направлении исторический процесс в разных странах своеобразен, и, не учитывая разницы, а базируясь только на сходстве, мы обрекаем себя на непонимание наблюдаемых явлений.

Периодизация, т.е. квантование, исторического процесса возможна только при большом приближении, потому что иначе разрывы между эпохами становятся незаметны и история кажется калейдоскопом событий. Именно на этой недостаточной точности (или слишком большом допуске) построена европоцентристская концепция застойности Азии, и ее не опровергают короткие, а потому и невразумительные главы "Всемирной истории", посвященные нашей теме.

Предлагаемая работа является средним необходимым звеном между простым сбором фактов и философским осмыслением их. Это история в прямом смысле слова, т.е. изучение событий в их связи и последовательности.

ТЕХНИКА СБОРА МАТЕРИАЛА

Составление истории народов бесписьменных или с письменностью, не дошедшей до нас, всегда содержит специфические трудности, незнакомые историкам народов, имеющих собственное летописание. Исторические записи, которые были у тюрок, не сохранились, а надгробные надписи их не заменяют. Поэтому приходится базироваться на иноязычных нарративных источниках, используя их в переводах, введенных в научный оборот.

Однако сведения, сообщаемые различными источниками, неравноценны и часто не могут снискать доверия. Причины этого разнообразны: иногда малая осведомленность древнего автора, иногда манера, в которой он подает материал, иногда тенденциозность, так как современник почти всегда является заинтересованной стороной, а иногда наклонность к гипотезам, стоящим на уровне науки VII в. Поэтому более надежны сведения, проверенные исторической критикой и анализом ученых XIX–XX вв. и потому исключающие аберрацию

близости. Только эти сведения могут лечь в основу исторического синтеза.

История событий принципиально отличается от истории культуры. Если во втором случае нам дороги даже оттенки стиля подлинных документов, то в первом – самое интересное чтение – это хронологические таблицы и надписи на исторических картах.

К сожалению, свод событий, выверенных и датированных, являющийся костяком истории стран Европы, для стран Азии не составлен.

СПОСОБ ИССЛЕДОВАНИЯ ИСТОЧНИКОВ

Сложность и многосторонность темы заставляют отнестись с сугубой внимательностью к принципам исторической критики и анализа. Поскольку наиболее полным источником являются китайские династические хроники, Н. Я. Бичурин, Ст. Жюльен, Э. Шаванн и Лю Маоцзай основывались на них, изредка дополняя греческими и арабо-персидскими данными. Такой подход совершенно неизбежно вел к тому, что в трудах этих исследователей, независимо от их желания, красной нитью проходила тенденция средневековой китайской исторической традиции. Однако, будучи подвергнута исторической критике, эта тенденция оказывается ложной, да и вообще не следует изучать историю народа исключительно с точки зрения его противника.

Для того чтобы написать историю древних тюрок, исходя из реального хода событий, потребовалось критическое переосмысление всех приведенных в китайских хрониках факторов. Дело осложняется, кроме того, манерой выражаться, принятой китайскими хронистами: когда в хронике сказано: "не имел успеха", это почти всегда означает полный разгром китайской армии; слова "ограбил границу" означают либо длительный кавалерийский рейд противника, либо диверсию для поддержки какого-либо мятежника, причем о последнем нет ни слова и сведения о нем приходится искать в других текстах (к счастью, события китайской истории всегда точно датированы) и устанавливать ход событий путем сопоставлений. Эта запутанность, а подчас и фальсификация, не случайна: она вызвана тенденциозностью, заставлявшей хрониста подыскивать для описания поражения форму, наиболее приемлемую для самолюбия господствующих социальных слоев Китая.

Но еще более опасным является исторический метод китайских летописцев – элементарный волюнтаризм. С их точки зрения, победы над тюрками нечего было и объяснять: естественно, что китайцы должны всегда и везде побеждать. А как быть с поражениями? Тут ви-

новатыми оказывались иногда морозы и дожди, а чаще всего полководцы и императоры, о каждом из которых всегда можно было сказать что-либо компрометирующее. Спору нет, бездарность руководителя на пользу делу не идет, но классовые противоречия китайского общества средневековыми источниками подаются всегда в отрыве от внешних событий, чем нарушается связь явлений. Эта, пожалуй, наибольшая трудность может быть преодолена только путем значительно более углубленного изучения китайской истории, чем это было нужно непосредственно для нашей темы. Почти непреодолимую трудность представляла проблема исторической географии, ибо китайцы нередко меняли названия многих, даже уездных, городов. Но, к счастью, удалось обнаружить сводку переименований в китайской географии Да Цин И-тун-чжи в переводе Н. Я. Бичурина. Этот капитальный источник был издан как работа, предваряющая историю древних тюрок и других кочевников, а также самого Китая[1].

Вторая по значению группа источников – тюркские надгробные надписи – требует к себе совершенно иного подхода. Подавляющее большинство их относится к одной эпохе – второй четверти VIII в. – и представляет полемику двух течений политической и исторической мысли – Иоллыг-тегина и Тоньюкука. Надписи композиционно почти копируют друг друга, но комментируют события с диаметрально противоположной направленностью. Тут широкое поле для исторической критики, которая облегчается тем, что оба автора нам известны. Благодаря этому есть возможность в каждом случае внести коррективы и отслоить истину от полемических выпадов.

Из числа малых надписей, до сих пор не подвергавшихся интерпретации, особенно важна одна из хойто-тамирских: это стихи на тюркском языке, наиболее ранние из всех известных.

Несмотря на то, что надписи неоднократно привлекали внимание историков, в аспекте, предлагаемом в настоящей работе, они еще не рассматривались. Однако только он позволяет вскрыть в древнетюркском обществе наличие политических течений и установить их характер. Иными словами, мы старались, чтобы монологи превратились в диалог и до читателя дошли не только слова древних тюрок, но и интонации их политической полемики.

Сведения о тюрках у византийских, армянских и арабо-персидских историков либо крайне отрывочны, либо похожи на криптограммы. Тюркские имена в их передаче звучат неузнаваемо, причем часто титул выдается за собственное имя и наоборот. Но греко-армянские и арабо-персидские источники, будучи вмонтированы в общую канву, заполнили некоторые купюры и объяснили сомнительные места китайских источников.

В этой связи уместно привлечь проблему древнетюркской ономастики, трудности и возможности которой ранее недооценивались. Тюрки не носили одного и того же имени от рождения до смерти, как европейцы. Имя тюрка всегда указывало на его положение в обществе. Мальчиком он имел кличку, юношей – чин, мужем – титул, а если это был хан – то титул менялся согласно удельно-лествичной системе.

Кроме того, его имя звучало в устах китайца не так, как в устах грека, перса или араба. Нам удалось установить, кто и почему в разное время именовался по-разному. Но тут начинается наиболее интересная часть проблемы: китайцы подбирали иероглифы не случайно, и только часть их изображает тюркскую фонему. Многие иероглифы подобраны специально, чтобы отразить хорошее или дурное отношение к тюрку – носителю имени, и подчас здесь только можно уловить некоторые нюансы китайской политики.

Работа по восстановлению имен проводилась мной совместно с китаистом М. Ф. Хваном, который устанавливал истинное звучание иероглифа для VI–VII вв. и его значение. Сопоставление этих данных с тюркскими словами и деталями биографий носителей имен позволило с большой степенью вероятности восстановить некоторые тюркские имена. Например, ранее принятое "Иби Шаболо Шеху кэхань" должно читаться как "Ирбис Ышбара Джабгу-хаган", что в переводе означает "Снежный барс жестокий могучий старейшина-хан". Некоторые прежние чтения исправлены, например "Бугя-кэхань", переведенный Е. Шаванном как "Бильге", т.е. мудрый следует читать: "Боке" – могучий.

Многие из наших восстановлений гипотетичны, но я предпочел включить их в текст, нежели оставить заведомо неправильные иноязычные китайские звучания, которые для ориентировки читателя сохранены в примечаниях. Там же даны арабские, персидские и греческие начертания тюркских имен, потому что алфавитное письмо прекрасно корректирует иероглифическую запись.

Но мне не удалось одно, казалось бы, легкое дело – унифицировать транскрипцию имен. Для тюркских, китайских и тибетских имен международной транскрипции нет. Орфография на разных европейских языках разная, потому что фонетика за 1200 лет изменилась, а кроме того, она зависела от диалектов. При сносках приходилось воспроизводить имя так, как оно написано у цитируемого автора, и поэтому выдержать единую систему не представлялось возможным. По сути дела принятая в книге система отражает не лингвистическую сторону, а историю науки.

Чтение китайских имен соответствует тому, которое стало общепринятым в классических трудах русских авторов: Н. Я. Бичурина, В. В. Григорьева, В. В. Бартольда, Г. Е. Грумм-Гржимайло.

Очень близко к русскому стоит французское чтение у Э. Шаванна, П. Пелльо, Р. Груссе и немецкое в переводах Лю Мао-цзая. Эти авторы при передаче иероглифов алфавитным письмом воспроизводят фонетику VI–VIII вв., тогда как в современной советской китаеведческой литературе за основу берется фонетика XX в., в результате чего тюркские имена приобретают фантастические звучания и не поддаются интерпретации; например, ту-цзюе вместо ту-гю – тюрки.

В написании тюркских имен из надгробных надписей за эталон взяты чтения С. Е. Малова. Особенно сложны тибетские имена, которые каждый переводчик передает по-своему. Эти имена выверены Б. И. Кузнецовым, которому я приношу благодарность. Иранские имена даются с таджикскими огласовками, наиболее близкими к диалекту использованных в работе источников.

Хотя предполагаемое решение нельзя считать окончательным, но для работы исторического содержания, рассчитанной на широкого читателя-историка, а не только востоковеда, оно, пожалуй, единственно приемлемое, потому что дает возможность читателю проверить сноски и цитаты из пособий на европейских языках и избавляет от путаницы, связанной с той или иной орфографией, каждая из коих не является общепринятой. Feci quod potui, faciant meliora potentes*.

СПОСОБ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЛИТЕРАТУРЫ

История тюрок привлекала внимание многих ученых, и на протяжении 200 лет интерес к ней возникал несколько раз. В середине XVIII в. французские миссионеры перевели много китайских исторических сочинений, из которых для нашей темы наибольшее значение имеют публикации переводов Майя и Гобиля[2]. Эти труды сыграли для нас важную роль, так как в них история Китая VI–VIII вв. изложена наиболее подробно; мелкие детали событий, приведенные там и опускавшиеся позднейшими учеными, часто давали возможность разобраться в поставленной нами проблеме. На базе этих переводов профессор Сорбонны Дегинь в середине XVIII в. написал многотомную "Историю хуннов, тюрок и монголов"[3].

В начале XIX в. Вивьен де Сен-Мартен переиздал "Историю Византии" аббата Лебо со своими комментариями, представляющими и по сей день бóльшую ценность, чем сам текст[4].

В отличие от этих исследований, касающихся лишь периферийных областей Тюркского каганата, переводы Станислава Жюльена[5]

* Я сделал все, что мог; пусть кто может, сделает лучше (*лат.*).

посвящены непосредственно тюркам. Эта публикация долгое время была исходным пунктом изучения истории древних тюрок. В начале XX в. сюда добавился монументальный труд Е. Шаванна[6], посвященный исключительно Западному каганату. За ним последовали ювелирные по своей тщательности работы П. Пелльо[7], великолепные сводки Анри Кордье и Рене Груссе[8].

По стилю и методу работы к французской школе примыкает ныне работающий в ФРГ Лю Мао-цзай. Его двухтомная работа[9], посвященная Восточному каганату и снабженная чрезвычайно интересным детальным комментарием, перекрывает аналогичную работу Жюльена и дополняет книгу Шаванна.

Нельзя пройти мимо одной особенности французской школы, являющейся, пожалуй, крупным ее недостатком. Тюрки для французов явление столь экзотическое, что им удобнее рассматривать историю каганата глазами средневековых китайцев, т.е. извне. Поэтому связь событий от них иногда ускользает, а иногда события интерпретируются с китайской точки зрения. Это обстоятельство ограничивает возможности французской школы фактографией, но в этой области она занимает первое место.

Немецкая школа значительно уступает французской. Сочинения И. Маркварта, Ф. Хирта и в наше время монография Х. В. Хауссига[10] представляют причудливое сочетание научных прозрений и заблуждений, филологических догадок, часто недоказуемых, и просто ошибок. Скрупулезность проявляется в частностях и чередуется с безапелляционными гипотезами вроде отождествлений сеяньто с мифическими "сиртардушами", Ашидэ Юань-чженя с Тоньюкуком (Хирт) или Абруя с "эфталитским царем" (Маркварт). Такие гипотезы входили в науку, как "переходящие ошибки" и нанесли ей немало вреда.

По этим причинам я сознательно отказался от использования книги Рихарда Хеннига "Terrae incognitae"[11]. Не могу судить, насколько верны его комментарии по поводу путешествий норманнов и мавров, но его представления о Центральной Азии VI–VII вв., откровенно говоря, фантастичны. Так, восточную границу Тюркского каганата он видит "в районе современного Владивостока", а северную относит "за северные границы Байкала, до реки Витим" (с. 88). Именем основателя державы он считает слово "дизавул", что является греческим искажением титула "ябгу", который носил помощник хана (там же). Ни на секунду не задумавшись, Р. Хенниг помещает аваров сначала в Центральной Азии, а потом "между Волгой и Доном" (там же), игнорируя как разъяснение Феофилакта Симокатты о псевдоаварах, так и полную невозможность вклинить аваров в места, населенные местными народами: аланами и болгарами. Без каких-либо ссылок он со-

общает, что при императоре Вэнь-ди (581–604) граница Китая "простиралась до самого Каспийского моря" (с. 92), хотя в действительности она ограничивалась Великой стеной и Ордосом. С потрясающей развязностью Р. Хенниг называет "сущим вздором" установленный факт, что китайцы расплачивались с тюркютами за военную помощь шелком, воспринимая тюркютов как наемников, вербуемых в китайские войска (с. 90). И на основании этих беспочвенных домыслов он объявляет обилие шелка в Согдиане "только собственным производством" (с. 89). В предисловии (с. 18) автор признает, что вне поля его зрения остались важные труды, недоступные во время войны, но указанные погрешности произошли просто от невнимания к обязательной фактической основе всеобщей истории и географии, а главное из-за несерьезного отношения к принятой на себя задаче. Общее количество грубых ошибок значительно больше, нежели приведено здесь как примеры.

Спорить с автором, игнорирующим общеизвестные и точно установленные факты, – бессмысленно, и потому я оставил его книгу без внимания.

Полагаю, что ближе всех к решению задач кочевниковедения подошла научная традиция, которую можно назвать русской школой. Ее представители – Н. Я. Бичурин, В. В. Григорьев, Н. А. Аристов, Г. Е. Грумм-Гржимайло, К. А. Иностранцев, С. И. Руденко, М. И. Артамонов и ряд других ученых. Ученые русской школы настолько сроднились с Центральной Азией, что научились смотреть на ее историю "раскосыми и жадными" глазами степняков. Благодаря этому наши ученые уловили много нюансов, ускользавших от западных европейцев, и создали своеобразный аспект изучения кочевого мира.

Основоположником изучения истории и палеоэтнографии Срединной Азии в России был Н. Я. Бичурин (Иакинф)[12]. Сделанные им переводы китайских хроник до сих пор остаются надежным фундаментом для исследований. Ошибки и неточности перевода редки, несущественны и не искажают основного повествования, как показали текстологические работы Н. В. Кюнера[13], специально сличавшего труды Бичурина с подлинными текстами.

Базируясь на вкладе Бичурина, В. В. Григорьев[14] создал монументальную работу по исторической географии Восточного Туркестана. Путем сравнения греко-римских и арабо-персидских сведений с китайскими ему удалось установить преемственность культур и народов в этой области.

В небольшой, но исключительно сжатой и насыщенной фактами и мыслями книге Н. А. Аристов[15] дал сводку сведений о всех тюркских существующих племенах и подошел вплотную к исследованию пле-

мен исчезнувших. Эта тема получила свое развитие в работе К. А. Иностранцева, исследовавшего вопрос о соотношении восточных "хунну" и европейских "гуннов"[16]. Предложенное им решение нашло подтверждение в новых открытиях.

Русская наука первая поставила вопрос о корнях кочевой культуры.

Особенности социальных институтов последней, стиль произведений искусства и характерные черты военного дела, изученные с достаточной глубиной, показывают, что кочевая культура имеет самостоятельный путь становления, а не является периферийной, варварской, неполноценной. Действительно, археологические работы С. И. Руденко на Алтае[17], С. В. Киселева в Минусинской котловине[18], А. П. Окладникова на Дальнем Востоке[19] дали такие результаты, что ныне вопрос может быть поставлен лишь о взаимных влияниях между оседлыми и кочевыми народами, а никак не о заимствовании кочевниками культуры у китайцев, согдийцев или греков.

Большой удачей в смысле метода является книга М. И. Артамонова "История хазар"[20]. В этой работе история народов Прикаспия и Причерноморья освещена изнутри; хазары и другие обитатели южнорусских степей впервые изучаются не как враги Византийской империи или соперники Киевской Руси, а как самостоятельная этнокультурная целостность, судьбы которой обусловлены исторической закономерностью, определившей величие и гибель Хазарии.

В перечисление не попали многие, в том числе В. В. Бартольд, крупнейший специалист по истории мусульманского Востока. Работы В. В. Бартольда по истории тюрок[21] хотя и сыграли положительную роль в истории вопроса, но не внесли той ясности, которая смогла бы стать перспективой исследования. Очень уж разнились между собой в VI–VIII вв. кочевые тюрки от персов, в историю которых В. В. Бартольд вжился. Мало принесли пользы науке статьи и книги А. Н. Бернштама[22] из-за слишком вольного обращения с фактами и датами.

МЕТОДИКА ОБЩИХ РАБОТ

Особое место в истории кочевниковедения занял Г. Е. Грумм-Гржимайло, работавший в начале XX в., когда открытие и прочтение орхонских надписей значительно повысили научный интерес к тюркологии. Уже к концу XIX в. возникла огромная противоречивая литература на четырех языках, недоступная для начинающего исследователя. Нерешенные проблемы бросались, так как из-за притока новых материалов возникали новые вопросы и обширная библиография грозила подменить собой науку, предлагая вместо ответов на волную-

щие вопросы ссылки на разноречивые мнения многочисленных авторов. Так как начинающий историк, естественно, не мог прочесть всех написанных о тюрках книг, то для него был только один путь – сужение темы, а отсутствие общей перспективы давало, как правило, неблагоприятные результаты.

Г. Е. Грумм-Гржимайло, отчетливо сознавая, что его любимый предмет вот-вот будет похоронен под грудой названий книг, номеров журналов, ссылок и сносок, взялся за "кропотливый и неблагодарный труд" сведения всех существующих точек зрения и выяснения частных проблем этнологии, хронологии, исторической географии и истории Срединной Азии с древнейших времен до XX в. К счастью, было еще не поздно, и благодаря удивительной самоотверженности и таланту он за 25 лет создал сводную работу "Западная Монголия и Урянхайский край" (т.е. исторический очерк этих стран в связи с историей Средней Азии). Это сочинение стало настольной книгой для всех историков Азии, причем необходимо отметить оригинальный подход автора к материалу. До тех пор историей Востока занимались филологи-ориенталисты, переводившие восточных авторов. Заслуга их перед наукой велика, но это только один аспект изучения, и им не исчерпывается все многообразие наблюдаемых явлений. Г. Е. Грумм-Гржимайло взглянул на историю глазами географа. Используя свой личный опыт, накопленный в путешествиях, он нашел соответствия между сведениями, почерпнутыми из летописей, и природой Тянь-Шаня, Хангая, Гоби.

Трудности, пережитые Грумм-Гржимайло в горах и пустынях, дали ему возможность представить себе, как вписывались исторические события в ландшафт, и потому ему удалось сделать много блестящих историко-географических открытий, как, например, установить место крепости Бишбалык. Сам Г. Е. Грумм-Гржимайло по поводу этого открытия писал: "Открытие правильного местоположения Бишбалыка равносильно возвращению Парижа на берега Сены, скажем из Марселя, куда его в течение многих лет перемещали ученые всего света. Сколько темных мест в истории и географии разъяснилось"[23].

Казалось бы, современники должны были приветствовать столь грандиозный и жертвенный труд, но на самом деле он натолкнулся на нарочито недоброжелательное непонимание. В 1898 г. Грумм-Гржимайло опубликовал как предварительное исследование небольшую книгу: "Историческое прошлое Бэйшаня в связи с историей Средней Азии". В этой работе уже проявился тот своеобразный метод, который дал столь положительные результаты. Однако в ответ последовала резкая рецензия В. В. Бартольда, который отказал автору книги в "настоящей исторической и филологической подготовке" и заявил, что "от путешественников мы прежде всего ждем подробных геогра-

фических и этнографических, по возможности также археологических сведений... и мы не можем не пожалеть о том, что изучение исторической литературы Азии на время отвлекло нашего автора от гораздо более благодарной задачи", т.е. простого отчета об экспедиции.

Этот резкий и несправедливый отзыв был смягчен В. В. Бартольдом после ответной статьи Г. Е. Грумм-Гржимайло, но и тут за книгой последнего была признана лишь "некоторая польза". Вместе с тем В. В. Бартольд перенес острие критики на филологическую подготовку Г. Е. Грумм-Гржимайло, который решал проблемы ономастики как историк. Спор возник по поводу двух имен, встреченных в орхонских надписях, которые П. М. Мелиоранский, В. В. Радлов и сам В. В. Бартольд рассматривали как имя легендарного прародителя тюрок, а Н. А. Аристов и Г. Е. Грумм-Гржимайло – как имена двух братьев – ханов Первого каганата.

Спор был окончательно решен в пользу последнего предположениями, тем самым реабилитирован метод интерпретирования источников, против которого высказывался В. В. Бартольд, считавший в то время, что грамматически верно прочтенный текст страхует исследователя от ошибок. Слов нет, тексты нужно читать точно, но история одного этого диспута показывает, что грамматика и фонетика не могут заменить исторической критики.

Еще более опасна была рекомендация В. В. Бартольда ограничиться разработкой частных вопросов и отмечать отдельные промахи специалистов. К счастью, Г. Е. Грумм-Гржимайло не принял ее во внимание. Если бы он поступил иначе, то к существовавшему тогда морю библиографии прибавилось бы 200-300 названий полемических заметок, разбросанных по разным периодическим изданиям без следов системы. Тогда просто не хватило бы времени ни у одного ученого разобраться ни в одном вопросе, так как он тратил бы силы не на продумывание предмета, а на поиски тех или иных статей. Кроме того, за полвека, прошедшие со времени этой полемики, не нашлось специалиста, который взял бы на себя труд сводки мнений по широкой теме.

Книга Г. Е. Грумм-Гржимайло открывает в историографии Центральной Азии новый период, оказавшийся плодотворным именно благодаря ей. Это вынужден был позднее признать сам В. В. Бартольд в личном письме к Г. Е. Грумм-Гржимайло, где он отказался от прежнего предвзятого мнения[24]

Однако отрицательное отношение к труду Г. Е. Грумм-Гржимайло сохранило инерцию до наших дней. А. К. Якубовский повторяет ранние оценки В. В. Бартольда и ставит в вину Г. Е. Грумм-Гржимайло "незнание восточных языков" и "отсутствие специального исторического образования"[25].

Не останавливаясь на полемике по частным вопросам и оценкам, я позволю себе сопоставить с книгой Г. Е. Грумм-Гржимайло работу профессионального востоковеда Лю Мао-цзая "Тюрки и Китай"[26], приложенную к его солидному переводу китайских источников, о котором говорилось выше. При этом я считаю необходимым оговорить, что филологическая сторона работы Лю Мао-цзая выполнена безупречно, а фактический комментарий показывает великолепную эрудицию и добросовестность автора. Но как только наступает очередь анализа, а тем более синтеза, становится очевидно, что история требует специальных способностей, охвата явлений, особого видения и интуиции, к чему знание языков не имеет прямого отношения. Работа историка, устанавливающего связь между событиями, начинается там, где кончается работа филолога-востоковеда, задача которого – установить наличие самих событий. Совмещение того и другого было уместно на ранних ступенях науки, но теперь это шаг назад. Но это ни в коей мере не снижает заслуги Лю Мао-Цзая перед наукой. Он собрал и прокомментировал факты, а интерпретация их должна быть произведена на основе научного анализа и синтеза, причем прежде всего следует установить локальные черты развития кочевых народов, а также особенности, свойственные всем странам в VI–VIII вв., т.е. ритмы самодвижения, характеризующие эпоху.

ПОПЫТКИ ОСМЫСЛЕНИЯ

И по этому вопросу между историками не было единомыслия. Наиболее ожесточенные споры возникли после дешифровки орхонских надписей, содержание которых дало богатый материал для социологических построений.

В 1896 г. высказали свои точки зрения Л. Каэн и Н. А. Аристов. Каэн утверждал, что тюрки представляли собой "общество личностей и родов, число которых не ограничивалось этнической принадлежностью"[27].

Тюрки, по его мнению, были связаны между собой лишь политическим объединением и военной дисциплиной. Государственную систему каганата он называет "бюрократической", противопоставляя ее как аристократии, так и демократии[28]. Поскольку взгляды Л. Каэна исчерпывающе разобраны В. В. Бартольдом в рецензии на его книгу[29], останавливаться на них нецелесообразно.

Н. А. Аристов высказал обратную точку зрения, согласно которой создание государств у кочевников происходит "вследствие усиления одного из племен, во главе которого стояли храбрые, умные и

счастливые в своих предприятиях родоначальники, успевшие подчинить своему влиянию роды своего племени и покорить остальные племена". Падение же он относит за счет междоусобиц "под преобладающим влиянием стремлений родов и племен к самостоятельности..."[30]. Взгляд Н. А. Аристова в целом соответствует действительности, но нуждается в развитии, аргументации и некоторых коррективах.

В. В. Радлов стоял на точке зрения элементарного волюнтаризма. Он полагал, что только влияние вождей племен могло способствовать образованию в кратчайшее время мощных племенных комплексов. Вожди захватывали ханскую власть, и только крепкая рука хана могла удержать от гибели кочевое государство. Как только эта рука слабела – оно разваливалось[31]. По этому поводу можно заметить, что настроения народа и преданность дружины делают руку хана крепкой или слабой в значительно большей степени, чем его личные качества.

Весьма оригинальный взгляд высказал В. В. Бартольд, заявив, что "беги противопоставлялись "черному народу", причем верховная власть не всегда становилась на сторону первых"[32]. Эту точку зрения он развивал в полемике с В. Бангом, заметившим ему, что "стоявшие вокруг хана люди – это его родственники или дворянство, способствовавшие возвышению тюркского народа"[33]. В. В. Бартольд объяснил, что "в надписи высказываются некоторые демократические мысли", и сравнил тюркских ханов с обоими Наполеонами, которые, окружив престол военной аристократией, придерживались идеи демократической империи[34]. И много позднее Бартольд отмечал, что факт сословной борьбы не отмечен ни Радловым, наблюдавшим жизнь кочевников тогда, когда у них не было резкой социальной дифференциации, ни Томсеном, который, признавая борьбу между знатью и простым народом, не отметил значения этого факта[35]. Взгляды В. В. Бартольда, по нашему мнению, несмотря на кажущееся правдоподобие, не подтверждаются анализом истории тюркютов и голубых тюрок в целом.

Специальную работу этой теме посвятил А. Н. Бернштам[36]. Критика его взглядов приводится ниже. Наконец, новое освещение вопроса дано в работе Е. Прицака, который попытался в общем виде нарисовать картину создания "кочевых империй"[37]. Несмотря на огромное количество учтенных фактов и детальную разработку источников, его выводы вызывают возражения, мешающие принять их полностью. Причин к тому две: общие соображения Е. Прицака включают некоторые предвзятые мнения, не преодоленные исследователем, а частные замечания содержат "переходящие ошибки", т.е. гипотетические

предположения, впоследствии опровергнутые, но удержавшиеся, потому что опровержение потонуло в море мелких статей, разлившихся в библиографический океан. К счастью, в качестве корректива к труду Прицака мы имеем теперь значительно более точную и надежную сводку тюркологических сведений в труде А. П. Кононова[38] и можем сосредоточить внимание только на общих положениях Е. Прицака, сформулированных им в начале статьи "Как возникла степная империя?": "Когда в степи появлялся талантливый организатор, он собирал вокруг себя толпу сильных и преданных людей, чтобы подчинить с их помощью свой род, а потом племя и, наконец, тот племенной союз, о котором идет речь. Потом он предпринимал со своими людьми разбойничьи походы. Если они протекали успешно, то следствием их было присоединение соседних племен. Следующей задачей было, с одной стороны, уничтожение господствующих родов племенных федераций, с другой – размещение гарнизонов в степных укреплениях, сначала на Орхон-Ононе, потом на Чу.

Обладание священными местами в степи приобщило основателя новой федерации к благодати, придававшей его власти силу законности. Так как только принадлежащие к господствующему роду могли рассматриваться как господа, то созываемый на священном месте, вблизи от укрепления, курултай, в котором принимали участие старейшины племен, вошедших в эту федерацию, выбирал по старому обычаю кандидата в степные цари. Выбранный принимал обычно по предложению шамана царский титул. Этот титул выражал притязание на мировое господство. Кроме титула правителя устанавливалось название для нового государства или федерации"[39].

Основное наше несогласие с Е. Прицаком принципиально. По нашему мнению, степные объединения возникали не одним способом, а несколькими. Отмеченная Е. Прицаком выборность хана встречается реже, чем наследование власти. Уничтожение знатных родов было проведено только Чингисханом, но оно не характерно для тюрок, уйгуров и хуннов. Весьма преувеличена роль религии и "шаманов". (Очевидно, так Е. Прицак называет вообще всех колдунов и жрецов, что делает термин слишком широким и для пользования непригодным). Понятие "благодать" несовместимо с генотеистическими культами, так как помощь племенного божества "тось'я" распространялась лишь на членов данного племени, а именно этот культ господствовал в раннетюркскую эпоху[40]. Собственно говоря, Е. Прицак описал процесс установления военной демократии, но отмеченное им сочетание дружины и племени, живущего родовым строем, характерно для оседлых племен Европы, а у кочевников тот же процесс протекал иначе.

СПОР ОБ ЭЛЕ

Из частных вопросов, без разрешения которых понимание истории древних тюрок невозможно, следует отметить перевод термина "эль‖иль", как называли свою державу тюрки.

По поводу значения этого термина нет единого мнения. С. Е. Малов переводит эль как "племенной союз", но дает также значение: "государство, народ"[41]. Этого понимания придерживались Радлов, Мелиоранский, Бартольд, Томсен и Хирт.

Другое понимание термина выдвинул Бернштам. Он считал, что эль – "это объединение аристократии различных племен в организационно сплоченный заимствованными у того же родового строя традициями аристократический строй". "Al" – выражение государственной организации. Турецкий "äl" – олицетворение народа, известного нам в истории под самоназванием "türk"[42]. Обе точки зрения при проверке оказались несостоятельными. Разберем их.

Первый тюркский хан Бумын принял титул Иль-хан. Он это сделал не раньше, чем покорил жужаней, т.е. к своему племени присоединил другие племена. Однако называть группу завоеванных племен союзом – более чем неточно, скорее просто неправильно. Буквальное значение титула Иль-хан – "правитель народов"[43]. Это толкование подтверждается возникновением в персидском языке Рашид-ад-Дина нового глагола: *иль кардан* – завоевать, покорить. Глагол является варваризмом, но точно передает смысл термина. Для другого понятия – соглашения племен – есть другой термин: "кур-гур", однозначный на тюркском и монгольском языках. Соответственно этому есть термин "гурхан", т.е. хан конфедерации племен. Такой титул носил хан киданей, так как их держава была союзом из восьми равноправных племен. Наоборот, *иль* предполагает насильственное подчинение других племен. Поэтому наиболее адекватным переводом термина "il" будет латинское "imperium" или русское "держава". Самоуправляющееся племя илем быть не могло.

Вторая точка зрения опровергается текстами, на которые она должна опираться, например "türk budunälin törüsin", т.е. тюркский народ и эль (неверно, надо: "эля") узаконивая...Тут очевидно, что эль включает в себя будун, т.е. не ограничивается господствующим классом[44].

Таков же второй текст: Kämkä älig kas yan urmän – для кого я буду добывать *или – эли*. Но "выражение государственной организации" или "господствующие классы" добывать нельзя, поэтому перевод, предложенный Бернштамом, обессмысливает текст.

Иное значение термина "эль" предложил С. П. Толстов: "государство, в античном понимании этого слова, политическом, а отнюдь не

территориальном значении"[45]. Но даже при таком понимании необходимо учитывать наличие в эле покоренных племен. Установив это, мы не встретим никаких противоречий с данными источников.

Итак, эль был формой сосуществования орды и племен. Хотя в идее эта взаимосвязь должна была осуществляться мирно, но практически она была так тяжела для обеих сторон, что эль сразу же стал очень нестойкой формой. То, что страдали покоренные и что они старались при любом удобном случае отложиться, – понятно; но и в самой орде было немногим лучше. Необходимость сохранять державу лишала бегов и будун покоя, потому что только постоянная готовность к бою поддерживала существование эля. Военное поражение, дипломатический просчет, единичный случай измены и даже простое нерадение ставили существование эля под угрозу. Именно по этой причине были так недолговечны политические образования Срединной Азии в раннем Средневековье.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 *Бичурин Н. Я.* Собрание сведений по исторической географии...
2 *Mailla J. A. M.* Histoire generale...; *Gauil.* Abrege...
3 *Deguignes.* Histoire generale des Huns...
4 *Lebeau.* Histoire du Bas-Empire...
5 *Julien S.* Documents...
6 *Chavannes E.* Documents...
7 *Pelliot P.* La Haute Asie; L'origine des Tou-kiue, nom chinois des Turks //T'oung Pao. 1915. Vol. XVI; L'origine du nom de Chine //T'oung Pao. 1912. Vol. VIII.
8 *Cordier H.* Histoire generale...; *Grousset R.* Histoire de l'Extreme-Orient. I. Paris, 1929; L'Empire des Steppes. Paris, 1960.
9 *Liu Mau-tsai.* Die chinesischen Nachrichten...
10 *Marquart J.* Eransahr, nach der Geographie des Ps. Moses Xorenac'i //Abhandlungen der Königlichen Gesellschaft der Wissenschaften zu Göttingen. N.F. Bd.III. Berlin, 1901; Historische Glossen zu den alttürkischen Inschriften //Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes. Bd. XII. 1898; Wehrot und Arang...; Osteuropäische und ostasiatische Streifzüge. 1903; *Hirth F.* Nachworte zur Inschirift des Tonjukuk //ATYM. 1899; *Haussig J.* Theophylacts Exkurs über die skythischen Völker //Byzantiom. Bruxelles. T. 23. 1953.
11 *Хенниг Р.* Неведомые земли. М., 1961. Т. II.
12 *Бичурин Н. Я.* Собрание сведений...; История Тибета...; История Китая.
13 *Кюнер Н. В.* Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. М., 1961.
14 *Григорьев В. В.* Восточный, или Китайский Туркестан.
15 *Аристов Н. А.* Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности //Живая старина. X. Т. IV. 1896 (отдельный оттиск).
16 *Иностранцев К. А.* Хунну и гунны. Л., 1926.
17 *Руденко С. И.* Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.–Л., 1953; Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.–Л., 1960.
18 *Киселев С. В.* Древняя история Южной Сибири. М., 1951.

[19] *Окладников А. П.* История Якутской АССР. Якутия до присоединения к русскому государству. М.–Л., 1955; Далекое прошлое Приморья. Владивосток, 1959.
[20] *Артамонов М. И.* История хазар.
[21] *Бартольд В. В.* О христианстве в Туркестане в домонгольский период //ЗВОРАО. Т. 8. 1893; *Он же.* Туркестан в эпоху монгольского нашествия. СПб., 1900; *Barthold W.* Die alttürkischen Inschriften und die arabischen Quellen. SPb., 1899. 1–2; *Barthold W.* Die historische Bedeutung der alttürkischen Inschriften. SPb., 1897.
[22] *Бернштам А. Н.* Социально-экономический строй орхоно-енисейских тюрок в VI—VIII вв. Л. 1946.
[23] *Грумм-Гржимайло А. Г.* Дела и дни Григория Ефимовича Грумм-Гржимайло. М., 1947. С. 45.
[24] *Грумм-Гржимайло А. Г.* Дела и дни... С. 64.
[25] *Якубовский А. Ю.* Из истории изучения монголов периода XI–XIII вв. //Очерки по истории русского востоковедения. М., 1953. С. 78.
[26] *Liu Mau-tsai.* Die chinesischen Nachrichten... S. 392–472.
[27] *Cahun L.* Introduction a l'histoire de l'Asie. Paris, 1896. P. 79.
[28] Ibid. P. 75, 82.
[29] ЖМНП. 1896. Вып. 5–6. С. 373 и сл.
[30] *Аристов Н. А.* Заметки... С. 10.
[31] *Radloff W.* Alttürkischen Studien. IV. Einleitende Gedanken zur Untersuchung der alttürkischen Dialekte //Известия АН. Сер. IV. 1911. S. 310.
[32] *Barthold W.* Die historische Bedeutung der alttürkischen Inschriften. SPb., 1897. *Бартольд В. В.* Новые исследования об Орхонских памятниках //ЖМНП. 1889. Вып. 9–10. С. 237, 276.
[33] *Bang W.* Zu den Koektuerkischen Inschriften //T'oung Pao. IX. 1898. S. 121.
[34] *Barthold W.* Die alttürkischen Inschriften...
[35] *Бартольд В. В.* Томсен и история Средней Азии. Пг., 1926. С. 11–12.
[36] *Бернштам А. Н.* Социально-экономический строй...
[37] *Pritsak O.* Stammesnamen und Titulaturen der altaischen Völker//Ural-Altaische Jahrbucher. Bd. 24. 1952. H. 1–2. S. 49–104.
[38] *Кононов А. Н.* Родословная туркмен (примечание).
[39] *Pritsak O.* Stammesnamen... S. 51.
[40] *Кононов А. Н.* Опыт анализа...
[41] *Малов С. Е.* Памятники... 1951. Словарь.
[42] *Бернштам А. Н.* К вопросу о возникновении классов и государства у тюрок VI–VIII вв. н.э. //Сборник статей к 50–летию книги Энгельса "Происхождение семьи, частной собственности и государства". М.–Л., 1936.
[43] *Бичурин Н. Я.* Собрание сведений... Т. I. С. 277.
[44] *Бернштам А. Н.* Родовая структура ту-гю VIII в. (к исследованию памятника Кюль-тегина) //Известия ГАИМК. 1934. Вып. 103. С. 565–566; *Киселев С. В.* Древняя история... С. 503.
[45] *Толстов С. П.* Тирания Абруя С. 52.

IX. Великая распря (581–593)

УЧАСТНИКИ

Несмотря на увлечения буддийской мистикой и обрядностью, Арслан Тобо-хан продолжал укреплять свою власть. Князья, управлявшие восемью уделами от Хингана до Кубани, подчинялись его приказаниям. Но эти храбрые и честолюбивые воины, великолепно умевшие держать в подчинении покоренные ими племена, оказались не в состоянии наладить отношения между собой. Равным образом каждый из них был вынужден считаться с чаяниями своих бегов и даже рядовых воинов, от преданности которых зависела его судьба, а подчас и жизнь; каждый из них должен был иметь в виду настроения народа и дипломатию соседних государств, стремившихся использовать тюркютов в своих целях. В результате создалась чрезвычайно сложная ситуация, в которой индивидуальные черты характера ханов и шадов играли не последнюю роль.

Старший сын Тобо-хана, Амрак[1], был человеком тихим, безобидным и совершенно не подходил для той деятельности, к которой он был предназначен своим царственным происхождением по линии отца и благородным – по линии матери. Его любили и уважали, но он не мог возглавить никакую группировку в орде, предпочитая спокойную жизнь превратностям судьбы властителя. Этими качествами он обескураживал своих сторонников и развязывал руки своим двоюродным братьям, ничуть не походившим на него.

Менее счастливым характером обладал Торэмен, сын Мугань-хана. Судя по его поведению и характеристике, данной ему китайским

лазутчиком Чжан-сунь Шэном, этот царевич был властолюбивым, но нерешительным; храбрым в бою, но недальновидным в политике; уступчивым перед сильными и наглым по отношению к слабым[2]. Именно эти качества сделали Торэмена игрушкой в руках китайской разведки и воинственных бегов, сподвижников его отца. Фатальную роль в судьбе этого принца сыграла его мать, наложница Мугань-хана, не принадлежавшая к высшим слоям тюркютской знати. Оставаясь вдовой, она продолжала влиять на государственные дела и, по-видимому, возглавила партию, стоявшую за признание Ян Цзяня императором династии Суй. Поэтому тюркюты, высланные суйским правительством в 581 г. из Китая, где они были очень неплохо устроены, обратили свой гнев на вдовствующую хатун[3]. Эти настроения нашли отклик в орде и, естественно, отразились на популярности ее сына, что весьма повлияло на ход событий.

Наиболее смелыми и энергичными были сыновья безвременно погибшего Кара Иссык-хана – Шету[4] и Чулохоу[5]. Шету был настолько храбр и умен, настолько решителен и энергичен, что собственная жена считала его "по свойствам настоящим волком". Эти качества обеспечили ему уважение народа и знати, помогли взойти на престол, и они же чуть было не привели его к гибели.

Чулохоу ни в чем не уступал своему старшему брату. Он даже превосходил его хитростью, лукавством и обходительностью, благодаря чему стяжал не только уважение, но и любовь народа. Его удел располагался на восточной границе каганата, где кочевали кидани и татабы, ставшие надежной опорой толос-шада Чулохоу. Очевидно, в удел Чулохоу входила восточная часть Гоби, потому что его титульное имя означает буквально "второстепенный князь каменистой пустыни". По-видимому, именно "второстепенное" положение в сочетании с огромным честолюбием и энергией толкнуло его на сближение с китайцами еще в то время, когда каганат доминировал в Азии. В наше время такую позицию охарактеризовали бы как политическую беспринципность, в VI же веке Чулохоу не очень этим выделялся из числа прочих князей Тюркютского каганата.

Но самой значительной фигурой был двоюродный дядя всех перечисленных ханов, сын Истеми, Кара-Чурин Тюрк тардуш-хан. Биография его в китайских анналах отсутствует, но пробел восполняется византийскими и персидскими источниками[6]. Кара-Чурин начал военную карьеру под знаменами своего отца в 555 г. при первом столкновении тюркютов с эфталитами. Затем, в 556 г., он с разрешения Истеми-хана покорил Южную Джунгарию и на землях племени абаров основал свое удельное княжество. В 558 г. Кара-Чурин участвовал в походе на Урал и Волгу, но завоеванные земли были да-

ны в удел его младшему брату Турксанфу и двоюродному брату Бурихану.

В 576 г., после смерти Истеми-хана, Кара-Чурин унаследовал верховную власть на западе и титул тардуш-хана, после чего перестал ходить в далекие походы. Крымскую и кавказскую кампании против Византии и царства Эгриси (Лазики) вели его подчиненные, проигравшие войну. Поражение не повлияло на авторитет и славу Кара-Чурина, который тогда же получил прозвище Боке (герой) "за величие"[7]. Но счастлив этот хан не был: имя его – Кара-Чурин – означает "черная напасть" (может быть, имелась в виду проказа). Но так или иначе Кара-Чурин был самым сильным из князей, несмотря на то, что занимал по иерархии лествичной системы подчиненное положение. Он и Шету ненавидели друг друга, хотя и старались скрывать свои чувства.

ДИНАСТИЧЕСКИЙ СПОР[8]

Пролог надвигавшейся трагедии развернулся на берегах Орхона в конце 581 г., когда великий хан тюркютов Арслан Тобо-хан почувствовал приближение смерти. Обратясь к своему сыну Амраку, он потребовал, чтобы тот согласно принятому закону о лествичном престолонаследии признал право на престол Торэмена, сына Мугань-хана. При этом Тобо-хан отметил, что родство между отцом и сыном самое близкое, но оно не может иметь значения при наследовании престола. Обойденным оказался и Шету, опять-таки в согласии с законом о лествичном восхождении. Его отец умер до принятия закона, и поэтому Шету попал в положение князя-изгоя, исключающегося из очереди на престол. Но он сумел постоять за себя.

Учитывая непопулярность Торэмена среди тюркютской знати из-за "низкого происхождения" его матери, Шету высказался в пользу Амрака. Явившись на собрание вельмож позже всех, он пригрозил, что в случае утверждения завещания покойного хана он уйдет в свой удел и будет охранять его границы "острою саблей и длинным копьем"[9], т.е. начнет гражданскую войну. Это был сильный аргумент; противоречить ему никто не решился, и слабый, безобидный Амрак был поставлен ханом.

Но не смирился Торэмен. Его сторонники поносили и оскорбляли Амрака, и тот отказался от престола в пользу своего заступника Шету. Вновь обойденный Торэмен получил удел на северных окраинах государства и титул Або-хана (старейшего хана).

Шету принял титул Иль-кюлюг-шад Бага Ышбара-хана[10]. Китайцы, верные своей привычке подбирать для неугодных им персон

обидные иероглифы, изменили последний слог "ло" на "лио" (грабитель) и получили имя Шаболио[11]. Под этим неблаговидным именем сей хан и вошел в историю.

Ставка Шаболио, который являлся первым ханом, помещалась у гор Отукен, в центре его владений. Вторым ханом был Кара-Чурин Тюрк, названный китайцами Дяньгу (иероглиф не воспроизводил имя фонетически, а передавал его смысловое значение). Китайцы передавали его титул фонетически Дату-хан. Ставка Кара-Чурина располагалась у горы Актаг[12].

Третьим ханом считался Амрак. Этот пышный титул компенсировал потерю престола. Его ставка находилась у берега р. Толы среди привольных охотничьих угодий.

Кроме этих четырех крупных ханов были еще четыре мелких. Чулохоу по новому закону был наследником своего брата, Шаболио. Тегин-шад, двоюродный брат Шаболио, по-видимому сын Тобо-хана и брат Амрака, тоже имел удел в восточной половине каганата. На западе сидел князь, именуемый греками Турксанфом, а китайцами Таньханем. Он командовал войсками на Волге и Северном Кавказе, и под его началом находился Бури-хан, племянник Тобо-хана, тот самый, который начал войну против Византии, взяв в 576 г. Боспор[13].

ВОЙНА НА ЗАПАДЕ

Продолжение войны на западной окраине каганата историей почти не освещено. Византийские сведения отрывочны, персидские и грузинские не дошли до нас, а китайцы, по-видимому, настолько плохо представляли географию Причерноморья, что слухи, доходившие до них, интерпретировались ими фантастически. Поэтому крайне ценным является собственно тюркский источник – письмо кагана (Кара-Чурина) к императору Маврикию, сохранившееся фрагментарно в "Истории" Феофилакта Симокатты. Это письмо разобрано нами как исторический источник в специальной работе[14], на основании данных которой мы восстанавливаем ход событий.

Менандр сообщает только о взятии тюркютами Боспора в 576 г. и об их набеге на Крым в 580 году[15]. Из письма кагана тюркютов к императору Маврикию мы узнаем, что около 582–583 гг. тюркюты пытались проникнуть в Византию через Кавказ, но не имели успеха. Сам Тардуш-хан был на востоке, где шла война с Китаем. Участие в этой войне не принесло ему славы, и он отвел свои войска. Китайский император обнародовал эдикт о том, что Тардуш-хан отступил потому, что против него "возмутились персы, эфталиты и хотанцы"[16]. Об этой

странице ханской биографии в письме нет ни слова. Сведение китайского императорского эдикта о внезапно вспыхнувшей войне на западной границе каганата вызывает сомнение. Оно не вяжется с тем положением, которое имело место в 582 г. в Средней Азии и Иране. Хотан был маленьким княжеством. Его военные силы состояли из 4 тыс. воинов[17]. Эфталиты же в том году входили в состав персидской монархии, а последняя находилась в состоянии напряженной войны с Византией в Месопотамии[18]. Все перечисленные враги каганата были за границей, и слово "восстали" к ним неприменимо. Затем, если бы Тардуш-хан действительно одержал над ними победу, то ему незачем было бы об этом умалчивать. Наконец, поздние китайские хроники "Суйшу" и "Таншу", исключили этот рассказ из описания событий, по-видимому считая его недостоверным. С этим согласен и я. Надо думать, что император Вэнь-ди стал жертвой плохого знания географии. В 582 г. китайцы имели сведения о странах западнее Кашгара не более точные, чем византийцы о странах к востоку от него. Поэтому слух о войне с Византией на западной окраине каганата китайцы поняли как весть о войне с Персией, которой в это время и быть не могло. Зачем бы персы стали нападать на своего союзника?[19]

Предлагаемый корректив упомянутого китайского источника позволяет увязать данные Менандра, "Суйшу" и Симокатты. Тардуш-хан с 576 по 583 г. вел войну с Византией, но не лично, а доверив проведение кампании своему двоюродному брату Бури-хану, имевшему удел на западной окраине каганата. Рассказ о победах тюркютов над византийцами в письме, адресованном императору Маврикию, естественно, опущен. Акцент перенесен на лазов (колхов), хотя и бывших подданными Восточно-Римской империи, но сохранявших в VI в. автономию. Таким образом, была соблюдена дипломатическая деликатность с наибольшим приближением к истине.

Конец тюркюто-византийской войны датируется началом гражданской войны в каганате, т.е. началом 584 г. После неудачного вторжения в Крым тюркюты ограничились Кавказом. Северная граница Лазики, или царства Эгриси, проходила по Кавказскому хребту; Абхазия составляла часть этого царства[20]. Тут, видимо, и разворачивались военные действия тюркютских князей. Вряд ли они смогли проникнуть далеко на юг. О сопротивлении лазов не сказано ничего, а только сообщается об убийстве 300 тыс. человек, трупы которых лежали вдоль дороги длиной около 166 км (четыре дня пути). Это похоже на убийство пленных, которых отступающая армия не могла увести с собой. Значит, наступление тюркютов на Крым и Кавказ захлебнулось и война была ими проиграна. И в самом деле, в 558 г. Византия вернула Боспор, чем было восстановлено исходное положение.

ВОЙНА С КИТАЕМ

После переворота, происшедшего в Китае, тюркюты остались без шелка. Ян Цзянь прекратил дипломатические отношения с варварами, а в то время внешняя торговля шелком сводилась в основном к обмену подарками между посольствами кочевых ханов и двором императора. Сразу произошла политическая перегруппировка, и тогонский хан Куалюй стал другом тюркютского хана Шаболио. Женой Шаболио была царевна из дома Бэй-Чжоу. Она весьма сокрушалась, что все ее родственники казнены и жертвоприношения ее предкам прекратились[21]. Можно думать, что именно она была ниточкой, связывавшей сяньбийскую знать Северного Китая со ставкой тюркютского хана. Не случайно было и то, что правитель пограничного района Инчжоу[22] Гао Бао-нин, сторонник низвергнутой династии Ци, сумевший удержаться в Инчжоу на правах уже суверенного государя, летом 582 г. выступил против империи Суй. Одновременно его союзники тюркюты, перебросив все свои силы через Гоби, ворвались в застойный Китай.

Война оказалась совсем не такой легкой, как предполагали император и его советники. Тюркюты сразу взяли инициативу и лишили китайцев возможности использовать численный перевес. Суйская армия растянулась по всей линии Великой стены; ее левый фланг упирался в Наньшаньские горы (в совр. провинции Ганьсу), а правый располагался на равнинах Ючжоу (совр. Шаньси). Китайские пограничные войска были разбиты и укрылись за Великой стеной. Тюркюты форсировали ее через проходы Мухя и Шиминь, в Ганьсу[23], где она выстроена наиболее небрежно. В шести богатых областях Северо-Западного Китая не осталось ни одной головы домашнего скота. Но этим неудержимым грабежом тюркюты поставили в очень затруднительное положение самих себя. Как только захваченный скот был частью угнан на север, частью съеден, тюркютская армия оказалась обреченной на голод, так как напуганное население укрылось в горах и театр войны превратился в пустыню. Одновременно с тюркютами выступили тогоны, но их набег в 561 г. на Лянчжоу был отражен[24], и их дальнейшие действия свелись к пограничным стычкам.

Ян Цзянь объявил мобилизацию всех сил империи, но это было дело долгое, да и качество боевой подготовки войск не соответствовало тем задачам, которые поставило перед собой суйское правительство.

Китайская армия укомплектовывалась крестьянами, отрываемыми от своих полей и садов. Офицерский состав пополнялся конфуцианской интеллигенцией, тосковавшей по ученым диспутам и сборникам стихотворений. Воинские уставы составлялись философами в духе кон-

фуцианской морали. Несмотря на то что солдаты и офицеры иногда проявляли чудеса храбрости, пограничная служба или далекие походы казались им кошмаром[25]. Вместе с тем армия была малоподвижна, большая часть ее состояла из пехоты, на вооружении были боевые колесницы[26], а конница составляла ничтожное количество. Понятно, что с такой армией нечего было и думать о гегемонии в степи. Однако недостатки армии были с лихвой восполнены дипломатической службой. Судьба послала Ян Цзяню незаменимого помощника, несравненного лазутчика – Чжан-сунь Шэна. Находясь в 578 г. в посольстве, Чжан-сунь Ше подружился с Шаболио, тогда еще только удельным князем, пленив его ловкой стрельбой из лука[27]. Он сумел использовать свои связи с тюркютскими князьями, натравив их друг на друга.

В конце 582 г.[28] китайцам удалось отразить тюркютов, а Чжан-сунь Шэн сумел посеять зерно раздора между тюркютскими ханами. Кара-Чурин Тардуш-хан, сильнейший из удельных князей, заключил сепаратный мир и вывел войска из Китая[29].

Лето 583 г. принесло китайцам новое облегчение: тогоны, напавшие на Линтао, были наголову разбиты[30], а вслед за этим потерпел поражение Або-хан[31]. Победа Шаболио спасла от разгрома тюркютскую армию, однако китайский лазутчик Чжан-сунь Шэн сумел поссорить Шаболио и Або-хана.

Через доверенное лицо он обратился к Шаболио с такими словами: "Не странно ли, что когда во главе тюркютских войск стоите вы, их всегда ожидает победа, когда же руководство боем переходит в руки Або-хана, то их поражение неизбежно? А между тем численность войск, которыми располагаете вы и Або, в сущности одинакова,. Ведь этот позор покрывает стыдом и вашу особу. И что же, теперь, когда вы, нанося ежедневные поражения врагу, находитесь в ореоле славы, а Або, ведя дело к проигрышу кампании, покрывает тюркютов бесславием, вы по-прежнему полагаете возможным ограничиться одними лишь замечаниями? Когда-то вы мечтали уничтожить "северное ханство" [т.е. удел Торэмена]. Не дерзнете ли вы это сделать теперь?"[32].

В то же время Чжан-сунь Шэн внушал Або-хану: "Так как Датухан[33] заключил союз с домом Суй, то Шету не в состоянии будет удержать за собой верховную власть над тюркютским народом. Не лучше ли было бы вам поэтому своевременно примкнуть к этому союзу и стать под покровительство императора? Это дало бы вам большую силу и было бы благоразумнее избранного вами пути – терять свои войска, исполняя волю Шету, и, точно преступник, сносить его оскорбления"[34].

Слухи о возможной измене Торэмена достигли Шаболио, и он решился на шаг, повлекший за собой гибельные для тюркютской державы последствия.

УСОБИЦА

В феврале-марте 584 г., в отсутствие Торэмена, Шаболио напал на его ставку. Во время резни погибла мать Торэмена. Поскольку всем было ясно, что это произошло по китайским проискам, Торэмен оказался в кровной вражде с китайцами. Он бежал на запад к Кара-Чурину Тюркю-тардуш-хану. Необузданность и несправедливость Шаболио, видимо, вызвали возмущение в орде. Кара-Чурин дал Торэмену войско; сверх того, к нему присоединились 100 тыс. человек из его бывшего аймака[35], а также удельные ханы Турксанф (Таньхань-хан) и Тегиншад[36]. Торэмен имел под своим началом такие силы, что Шаболио не мог надеяться на успех. Даже брат его Чулохоу оказался на стороне повстанцев[37], а кидани в тылу подняли восстание[38]. Осенью 584 г. Шаболио предложил Китаю мир и союз.

С аналогичными предложениями пришли послы и от Тардуш-хана. Ян Цзянь оказался господином положения, но этот умный и хитрый политик видел, что спасла его только распря в каганате. Он писал, что китайским войскам не под силу вести активную борьбу с тюркютской конницей, и поэтому отверг предложение князя Гуана[39] воспользоваться несогласием ханов и перенести войну в степи. Было еще одно обстоятельство, весьма важное для Ян Цзяня и всего Китая. Окитаенные сяньбийцы в северных областях могли в любой момент найти общий язык с тюркютами, тем более, что царевна из дома Чжоу направляла мысли и чувства хана Шаболио. Очевидно, по предварительной договоренности царевна предложила императору признать ее дочерью, а ее мужа, хана, сыном. Ее просьба была немедленно удовлетворена.

Это событие означало, что новая династия признает традиции, которые уцелели от прежней. Иными словами, были подтверждены привилегии сяньбийских помещиков на северной границе и восстановлена меновая торговля с кочевниками, т.е. замаскированная дань[40].

Нота, которую Шаболио направил в Китай, выдержана в крайне независимых тонах. Содержащиеся в ней требования таковы, что предъявлять их мог бы скорее победитель, нежели просящий помощи. Ссылаясь на то, что император его усыновил, хан предлагал считать их имущество общим, как в патриархальной семье: "Все овцы и лошади моего царства суть скот императора, так как его шелковые ткани суть мои. Здесь нет взаимной разности"[41]. Хан не мог не понимать, что ценность его скота значительно ниже запасов шелка тридцатимиллионного населения Китая, но именно к такому обмену он стремился, диктуя цены на шелк и скот. Тут-то и разгневаться бы вспыльчивому Ян Цзяню, но он проявил совершенно необъ-

яснимую выдержку и послал посольство с дарами, как в доброе старое бэй-чжоуское время.

Посол требовал от хана только одного – назваться вассалом и принять императорскую грамоту на коленях. Хан покапризничал, поупрямился и согласился. Это номинальное подчинение было необходимо Ян Цзяню для престижа, но по существу не император, а хан получил все, что он хотел, т.е. шелковую валюту, разрешение временно откочевать со всем народом к китайской границе, так как на севере его прижимали кидани и сторонники Торэмена, одежду и пищу для своих воинов и даже военную помощь, причем экспедиционным корпусом командовал тот самый князь Гуан, который мечтал истребить тюркютов[42].

Примеру Шаболио последовал Кара-Чурин Тюрк, признавший себя в 584 г. вассалом суйской империи. Ему также был необходим шелк, и его друзья, согдийские купцы, настоятельно требовали, чтобы в степи был восстановлен мир и обеспечено безопасное передвижение караванов. Поскольку дары императора были вполне реальны, а вассальная зависимость неощутима, то оба ведущих хана охотно пошли на мир с Китаем, полагая, что они фактически выиграли войну. Этот союз остановил успехи Торэмена, начавшего было наступление на восток. Шаболио разбил его войска, а с тылу на него ударили абары, непосредственные подданные Кара-Чурина. Напав на незащищенную ставку Торэмена, они захватили в плен его жену и детей. Китайская армия, сопровождавшая войска Шаболио, отбила у абаров семью Торэмена[43]. Пленные были переданы Шаболио, который за столь ценный подарок расплатился тем, что очистил завоеванную в начале войны территорию и восстановил границу по великой пустыне Гоби.

Несчастный Торэмен потерял все: мать, жену, детей, родную землю[44]. Он был вынужден покинуть любимые просторы степей и отступить со своими последними сподвижниками на юг, где его пристанищем стал г. Пайкенд (около Бухары)[45].

ТОРЖЕСТВО ЛЕСТНИЧНОЙ СИСТЕМЫ

Победа, одержанная Шаболио, сохранила ему власть, но не восстановила мира среди тюркютов. Победивший хан чувствовал себя в степи настолько неспокойно, что в начале 587 г. обратился к китайскому императору с просьбой "разрешить поохотиться" в его владениях около Хуанхэ. Просьба была удовлетворена, и хану были посланы съестные припасы, но это не спасло положения. Ставка Шаболио внезапно сгорела, и сам он от "неприятного впечатления"[46] умер.

Сын хана Юн Йоллыг (*кит.* Юн Юйлюй) отказался сесть на престол, который по закону должен был достаться его дяде и врагу его отца Чулохоу. Однако тут дело не в личных качествах царевича, который к тому же впоследствии вел себя смело и энергично. Надо думать, что решающую роль в наступившем примирении сыграли массы тюркютских дружинников, которым междоусобица была ни к чему. Они вспомнили закон о лествичном престолонаследии и принудили своих ханов к соблюдению его и компромиссу.

Юн Йоллыг отправил посла к Чулохоу с предложением занять престол[47], но тот, вероятно, не доверяя искренности царевича, отказался и сам предложил ему свою покорность. Но царевич возразил категорически и убедительно: "Вы, Чулохоу, который был так долго врагом моего отца, вы подчинитесь его сыну, еще ребенку. Трон принадлежит вам согласно нашему закону и согласно приказу моего отца, который вас назначил своим преемником. Вы должны подчиниться"[48]. По сути дела подчиниться должны были оба хана: над ними обоими стояла воля их копьеносных дружинников. Они выбрали из числа претендентов того, кто "был храбр и одарен соображением"[49], т.е. Чулохоу.

Воцарение[50] его сразу разрядило напряжение. Многие из числа сторонников Або-хана, очевидно поддерживавшие его исключительно из вражды к Шаболио, перешли на сторону нового хана. Кара-Чурин тоже перестал активно действовать против центральной власти и поссорился с Або-ханом, который оказался в полной изоляции (585). Чулохоу вместе с престолом унаследовал и политику своего брата. Он подтвердил союз с империей Суй и повел открытую войну против своего бывшего друга Або-хана, положение которого тем временем стало еще хуже.

ПАЙКЕНДСКАЯ ТРАГЕДИЯ

Разбитые полчища Або-хана откатились на запад через Джунгарские ворота и Чуйскую долину, где не решились остаться из-за того, что Кара-Чурин порвал союз с их вождем. Они откочевали на южную окраину каганата, надеясь, что отдаленность даст им вожделенную безопасность.

О появлении тюркютов в пределах Бухарской области в "Истории Бухары" рассказано так: "Люди, приходившие сюда из Туркестана, селились здесь, потому что в этой области было много воды и деревьев, были прекрасные места для охоты; все это очень нравилось переселенцам. Сначала они жили в юртах и палатках, но потом стало собираться все больше людей, и переселенцы стали возводить построй-

ки. Собралось очень много народа, и они выбрали [из своей среды] одного и сделали его амиром. Имя его было Абруй"[51].

Легко догадаться, как вели себя воины Або-хана на беззащитной подвластной им земле. О состоянии дисциплины в тюркютской армии достаточно определенно сообщил Ян Цзянь, тогда еще генерал Чжоуского государства (563): "...тюркютские ратники пренебрегают и наградами и наказаниями, мало уважают своих начальников и по большей части не соблюдают порядка"". Но тюркютские ратники отнюдь не пренебрегали добычей и весьма уважали грабеж. Поэтому не удивительно, что "История Бухары" сообщает следующее: "По прошествии некоторого времени власть Абруя возросла, он стал жестоко править этой областью, так, что терпение жителей истощилось. Дихканы и богатые купцы ушли из этой области в сторону Туркестана и Тараза, где выстроили город и назвали его Хамукат... Оставшиеся в Бухаре послали к своим вельможам послов и просили защитить их от насилий Абруя. Вельможи и дихканы обратились за помощью к царю турок, Кара-Джурин Турку, которого за величие народ прозвал Биягу". Биягу тотчас послал своего сына Шири-Кишвара[54] с большим войском. Тот прибыл в Бухару, в Пайкенде схватил Абруя и приказал, чтобы большой мешок наполнили красными пчелами и опустили туда Абруя, отчего он и умер"[55].

Но победа над Торэменом Або-ханом на самом деле далась гораздо труднее. Первая попытка Кара-Чурина расправиться со своим бывшим союзником кончилась неудачей[56]. Тогда западный и восточный ханы заключили перемирие и временный союз против узурпатора. Войска восточных тюркютов повел на запад бывший друг Кара-Чурина и Торэмена – Чулохоу[57]. По дороге он распустил слух, что с ним вместе движется китайский вспомогательный корпус, и демонстративно выставлял знамена, подаренные ему суйским императором. Это повлияло на колебавшихся и наименее скомпрометированных. Многие из сторонников Торэмена перешли на сторону Чулохоу.

Войсками западного хана командовал его сын Янг Соухтегин, названный в персидском источнике Шири-Кишвар. Кроме того, прислали или обещали прислать подмогу еще два хана, очевидно Юн Йоллыг и старший сын Кара-Чурина – сибирский "Богатырь-князь". Весной 587 г. союзные войска заставили мятежников принять битву где-то около Бухары.

Торэмену и его сподвижникам отступать было некуда. Греческий источник сообщает, что "враги героически сражались, но, после того как узурпатор пал, его армия обратилась в бегство. После большого побоища хаган снова стал господином своей собственной террито-

рии. Хаган оповестил через посланника императора Маврикия об этих успехах..."[58]. "Покончив с гражданской войной, хаган заключил договор с таугастами, чтобы мочь, шествуя в глубоком покое, управлять государством мирно"[59], а китайский летописец по этому поводу просто приводит слова первого министра: "Когда родные истребляют друг друга подобно ядовитым насекомым, то надобно их щадить, чтобы показать великодушие"[60]. Здесь некоторую роль может играть ассоциация: "ядовитые насекомые" – "красные пчелы". Главное же здесь – совет демонстрировать свое великодушие, заботясь об авторитете Суйского дома среди кочевников: можно щадить врагов потому, что они сами истребляют друг друга (как будто милость или жестокость хоть в какой-то мере зависели от китайцев!)[61].

Однако прежде чем этот мир был заключен, еще один из участников великой распри потерял свою жизнь. После разгрома и умерщвления Торэмена, которое совершилось без внимания к ханжеским советам суйского правительства, восточные и западные тюркюты рассорились снова. Ссора была не случайной: восточные тюркюты претендовали на главенство, западные – на самостоятельность. Вооруженное столкновение не заставило себя ждать. Зимой 587/88 г. Чулохоу двинулся на запад против Тардуш-хана, с которым у него возобновилась вражда. Войска Чулохоу были разбиты, а сам он погиб[62].

Последствия этого события сказались не сразу, но они стали решающими для судьбы каганата. До сих пор война между восточными и западными тюркютами носила характер династической распри. Не было никаких экономических, политических, идеологических причин, которые бы стимулировали вражду между двумя разделами одного племени. Но в VII в. кровная месть была тем же, чем в XVI в. стала война за веру, а в XIX в. – борьба за прибыли. Родственники убитых дружинников Чулохоу не могли и не хотели помириться с западными тюркютами. Такая возможность просто не могла прийти им в голову. Поэтому война продолжалась до 593 г., когда мир с Кара-Чурином заключил Юн Йоллыг, сын Шаболио, ставший ханом после смерти своего дяди. Владея собственным улусом, Юн Йоллыг не принял участия в походе 587–588 гг., и его дружинники имели право прекратить распрю с западными тюркютами. Мир 593 г. восстановил единство каганата и стабилизовал границы между уделами.

Кара-Чурин, ставший самой крупной персоной империи, посадил в Пайкенд своего внука Нили-хана[63] или, может быть, его отца Янг Соухтегина, судьба которого будет изложена ниже.

За время распри тюркютами была утрачена часть западных владений, так как Византия вернула в 588 г. Боспор[64], но тюркюты вознаградили себя на востоке, разгромив и подчинив себе княжество Гао-чан[65].

ЗА КУЛИСАМИ

Греческий историк не случайно отметил "миролюбие" тюркютского хана, о котором последний оповестил двух императоров и которое привело к гибели его кузена.

Сопоставляя тексты и учитывая обстановку VI в., легко разгадать подоплеку происходивших событий.

Транзитная торговля, служившая основным источником дохода для тюркютских и в особенности западнотюркютских ханов, контролировавших участок караванного пути от Хами до границ Персии, была немыслима в условиях военного времени. Кара-Чурин поддержал Або-хана Торэмена для того, чтобы ослабить Шаболио, но, как только Торэмен оказался хозяином караванного пути и его голодные солдаты сделали невозможной торговлю, Кара-Чурин сообразил, что ошибся, и быстро переориентировался на союз с Китаем. В то время война питала войну. Воины Або-хана, не имея средств к существованию, кормились за счет подчиненной области, а когда эта область с осени 585 г. ограничилась южной частью Мавераннахра, то прокорм стотысячной орды стал для нее непосильным бременем. Кто имел средства, эмигрировал к Кара-Чурину Тюрку, впоследствии принявшему титул Боке-хана. Беглецы просили помощи для борьбы против отрядов Або-хана, которые при всем желании не могли вести себя иначе.

Дружба согдийских купцов с тюркютскими ханами, заведенная еще в 60-х годах VI в. Истеми и Маниахом, продолжалась и при их детях. Кара-Чурин Тюрк выдал свою дочь за согдийского князя[66]. Так как согдийские купцы были монополистами, то им ничего не стоило переложить расходы по содержанию тюркютского хана на потребителя и тем самым обеспечить свою безопасность за чужой счет. Поэтому согдийские аристократы одаривали тюркютских вельмож щедро. Когда же полчища Або-хана наводнили среднеазиатское Междуречье, то купцы и дихканы нашли приют у западнотюркютского хана. Не без их участия Кара-Чурин изменил курс своей политики и, вместо того, чтобы в союзе с Торэменом воевать против Китая, расправился с ним, заключил мир и союз с Китаем и в 589 г. послал на войну с Ираном своего сына. Бедное же население, привязанное к своим земельным участкам, принуждено было и в 587 г. оставаться на месте, кормя ветеранов Або-хана, хорошо усвоивших тюркютскую поговорку "нет тюрка без тата" (*тат* – земледелец, подчиненный кочевникам).

Противоречие, погубившее Або-хана – Абруя, определялось борьбой ограбляемых татов с голодными тюркютами. Наршахи с полной определенностью утверждает, что "все богачи и знатные дехканы выселились, а бедные и низшее сословие осталось в Бухаре" и что "они

послали к своим вельможам послов и просили защитить их от насилий Абруя"[67]. Новый режим, основанный на произволе и терроре, был куда более жестоким, чем старый, включавший в себя патриархальные отношения[68]. Поэтому вельможи и пришедший с ними тюркютский царевич были приняты как освободители. Однако от своего освобождения бедняки выиграли немного, так как "стали слугами вернувшихся из Хамуката"[69], т.е. купцов и дехкан. К концу тюркютского периода и к началу арабского завоевания политический строй Средней Азии можно определить как "неограниченное господство земельной аристократии[70], и надо полагать, что тюркюты в этом процессе сыграли роль катализатора.

Распря возникла в каганате не случайно. Само по себе наличие многочисленных почти самостоятельных ханов являлось достаточной причиной для того, чтобы личные отношения переросли в гражданскую войну. Вместе с этим мы не можем наметить никаких программ у борющихся сторон. Принадлежность к той или другой группировке объясняется личными симпатиями или антипатиями тюркютских воинов и бегов.

Предположение, что вокруг Торэмена сгруппировались демократические элементы тюркютского общества, стремящиеся к продолжению борьбы с Китаем, а вокруг Шаболио – китаефильские элементы[71], не подтверждается. На стороне Торэмена мы видим почти всех удельных князей, даже брата Шаболио – Чулохоу. Шаболио сам всеми средствами и силами боролся с Китаем и только в безвыходном положении обратился к помощи Суйского дома, Торэмен же против Китая отнюдь не выступал[72]. Скорее всего перед нами обычная династическая распря, движущими мотивами которой являлись честолюбие князей и алчность их дружинников, а после первой пролитой крови – жажда мести.

Борьба закончилась лишь тогда, когда из четырех ее участников трое умерли. Новый хан, Юн Йоллыг, был "слаб и боязлив"[73], и Кара-Чурин, лишенный возможности стать законным ханом, сделался фактически властителем империи.

Итак, принцип удельно-лествичной системы, с одной стороны, создал условия для династической распри, а с другой – для умиротворения, так как гибкость системы позволила борющимся сторонам найти компромиссное решение. Тюркютская держава в 90-х годах VI в. продолжала оставаться внутренне крепкой и грозной для соседей. С этим не мог примириться суйский Китай.

Тюркюты рассматривали Китай как источник своих доходов, китайцы видели в тюркютской державе вечную угрозу для своих границ. Польза от общения с кочевниками для китайцев была ничтожна, а

вред колоссален. Поэтому сильное китайское правительство не могло допустить консолидации кочевников, и борьба против державы Ашина стала насущной задачей Суйского дома.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 *Кит.* Ань-ло; у Бичурина Н. Я. – Янь-ло. Амрак (ср. *монг.* – спокойствие) – тюркское слово, встречающееся в рунических текстах (дружок).

2 *Julien S.* Documents... Vol. 3. P. 359; *Chavannes E.* Documents... P.49.

3 *Julien S.* Documents... Vol. 3. P. 347. Жюльен предполагает, что здесь имеется в виду китайская царевна, выданная замуж за Мугань-хана, но это маловероятно. Жена Мугань-хана была из династии Чжоу, все члены которой при перевороте были безжалостно убиты, и если бы упомянутая в источнике хатун сыгиня была она, то ей тюркюты, обиженные суйским императором, должны были бы только сочувствовать. Правильнее видеть здесь борьбу клик внутри орды. И, видимо, с этим связаны попытки Чжан-сунь Шэна переманить на сторону Китая Торэмена, которые хотя и не увенчались успехом, но повлекли за собой последствия, весьма выгодные для Китая.

4 Это начертание имени вошло в употребление. Тюркский эквивалент – Джетту Йетты – достигший [власти]. Значение иероглифов – замышляющий регентство. В Чжоу шу он назван Дитоу. Княжеский титул его Эр-бег (*кит.* Эрфу).

5 *Чулу* – каменистая пустыня; *хоу* – второй чин китайской чиновной иерархии.

6 *Гумилев Л. Н.* Биография тюркского хана в "Истории" Феофилакта Симокатты и в действительности //ВВ. 1961. Т. XX. С. 159–162.

7 *Наршахи.* История Бухары... Пер. Н. Лыкошина. Ташкент, 1897. С. 12–13.

8 Интерпретация событий, чтение имен и отождествление топонимов, упоминаемых в этой главе, оригинальны и базируются на специальных статьях автора, посвященных этой эпохе (*Гумилев Л. Н.* Великая распря...; Война 589 г. и Гератская битва //Известия отделения общественных наук Академии наук Таджикской ССР. 1960. № 2 (23); Удельно-лествичная система...; Биография тюркютского хана...; *Гумилев Л. Н., Маршак Б. И., Хван М. Ф.* Спор о древних тюрках //Доклады по этнографии ВГО. Л., 1965. № 1 (4). На эти работы ссылки не даются.

9 *Бичурин Н. Я.* Собрание сведений... Т. I. С. 235; *Liu Mau-tsai.* Die chinesischen Nachrichten... S. 44.

10 Державы [иля] славный шад, божественный [Бага] [а может быть, великий - мага], Ышбара [могучий, жестокий; *кит.* – Шаболо] хан.

11 Иероглиф разобран Хваном М. Ф.

12 *Актаг* – Белая гора (в северном Тянь-шане) (*Chavannes E.* Documents... P. 115, 234–237).

13 *Менандр.* С. 422.

14 *Гумилев Л. Н.* Биография тюркютского хана...

15 *Менандр.* С. 462.

16 *Chavannes E.* Documents... P. 49.

17 *Chavannes E.* Documents... P. 125; *Бичурин Н. Я.* Собрание сведений... Т. II. С. 301.

18 *Пигулевская Н. В.* Византия и Иран... С. 67–70.

19 Отсутствие второй версии описания войны 581–584 гг., кроме китайской, ввело в заблуждение Грумм-Гржимайло Г. Е. (Западная Монголия... С. 229, прим. 4) и меня (*Гумилев Л. Н.* Великая распря... С. 79), но, приняв на веру сообщение о войне

Персии против каганата в 582 г., оба автора не придали ему значения, и ошибка не повлияла на вывод. Это же сведение обмануло Хаусига Х., предположившего, что Турум – эфталитский князь, женатый на дочери Тардуш-хана (*Haussig J.* Theophylacts Exkurs über die skythischen Völker //Byzantion. Bruxelles. T. 23. 1953. S. 300, 379–383). Помимо изложенной здесь критики китайского сообщения против позиции Хаусига говорит то, что война была названа в тексте письма междоусобной и гражданской, а эфталиты в этой связи не упомянуты.

20 *Бердзенешвили Н., Джавахишвили И.* и *Джанашна А.* История Грузии. Тбилиси, 1946. О взаимозаменяемости терминов колхи и лазы – там же. А по поводу сближения Хаусигом терминов *колх* и *Халха* и отождествления упоминаемых в письме колхов с жужанями см.: *Артамонов М. И.* История хазар. С. 138, прим. 24.

21 *Бичурин Н. Я.* Собрание сведений... Т. I. С. 235; *Liu Mau-tsai.* Die chinesischen Nachrichten... S. 44–45.

22 Область на восточном краю Великой стены со столицей в г. Лючен, ныне там городище, называемое монголами Горбань-собарга-хото (*Бичурин Н. Я.* Собрание сведений... Т. III. С. 37).

23 *Бичурин Н. Я.* Собрание сведений... Т. I. С. 236; *Liu Mau-tsai.* Die chinesischen Nachrichten... Anm. 242. Разоренные области находились в современных провинциях Ганьсу и Шаньси.

24 *Бичурин (Иакинф).* История Тибета... С. 85.

25 См.: *Алексеев В. М.* Древние китайцы...

26 *Бичурин Н. Я.* Собрание сведений... Т. I. С. 231.

27 *Julien S.* Documents... Vol. 3. P. 357.

28 *Бичурин (Иакинф).* История Китая.

29 *Julien S.* Documents... P. 365; *Грумм-Гржимайло Г. Е.* Западная Монголия... С. 229.

30 *Бичурин (Иакинф).* История Китая.

31 Там же.

32 *Julien S.* Documents... P. 365.

33 Тардуш-хан, т.е. хан Западного крыла. Подразумевается Кара-Чурин Тюрк.

34 *Julien S.* Documents... P. 366; *Liu Mau-tsai.* Die chinesischen Nachrichten... S. 100–101.

35 *Бичурин Н. Я.* Собрание сведений... Т. I. С. 236. В цифру я не верю. Скорее, это общая численность орды, и, следовательно, войска было 15–20 тыс.

36 Он был двоюродным братом Шаболио (см.: *Liu Mau-tsai.* Die chinesischen Nachrichten... S.49).

37 *Julien S.* Documents... P. 357; *Грумм-Гржимайло Г. Е.* Западная Монголия... С. 230–231.

38 *Бичурин Н. Я.* Собрание сведений... Т. I. С. 238.

39 *Ян Гуан*, впоследствии император Ян-ди.

40 Грумм-Гржимайло Г. Е. излагает эти события иначе, следуя буквально династической хронике, воспринятой им некритично (см.: *Грумм-Гржимайло Г. Е.* Западная Монголия... С. 232).

41 *Бичурин Н. Я.* Собрание сведений... Т. I. С. 237.

42 Там же. С. 238.

43 *Julien S.* Documents... Vol. 3. P. 499. Ошибочность перевода этого места у Бичурина (Собрание сведений... Т. I. С. 238) отметил Грумм-Гржимайло (Западная Монголия... С. 232). Однако последний относит племя аба к телеской группе, что не находит подтверждения, так как.абары были самостоятельным племенем.

44 Согласно источнику, он был взят в плен. На описку или ошибку в Суй шу указывает Liu Mau-tsai (*Liu Mau-tsai.* Die chinesischen Nachrichten... S. 527).

45 Титул Торэмена – Або-хан в форме Абруй или Абаруй был известен Абуль Хасану Абд-ар-Рахману Мухаммеду ан-Нишабури, автору книги «Сокровищница знаний», отрывок из которой вошел в «Историю Бухары» Наршахи: с. 12 и сл. (ср.:

Толстов С. П. Тирания Абруя... С. 10–11). Реконструкция событий, сделанная Толстовым, не может быть принята, но приоритет отождествления Абруя с Абоханом принадлежит ему.

[46] *Бичурин Н. Я.* Собрание сведении... Т. I. С. 239.

[47] *Julien S.* Documents... Vol. 3. P. 504–505; *Гумилев Л. Н.* Удельно-лествичная система. С. 66.

[48] *Deguignes J.* Histoire générale des Huns, des Tures, des Mogols et des autres Tartares Occidentaux avant et depuis J. C. jusqu'à present. Paris, 1756. T. I–II. P. 405.

[49] *Бичурин Н. Я.* Собрание сведений... Т. I. С. 239.

[50] Здесь наши источники содержат весьма важное разногласие, ценное с точки зрения китайского понимания тюркютских порядков. В "Суйшу" Чулохоу назван Шехуханом (т.е. джабгу- или ябгу-хан), а в "Ганму" – Мохэ-ханом, что воспроизводит титул Бага-хана при обычном в тюркских языках переходе *б* в *м* (*Бичурин Н. Я.* Собрание сведений... Т. I. С. 239). На это разночтение обратил специальное внимание Лю Мао-цзай, предположивший наличие простой ошибки, ибо сын Шаболио также назван ябгу (*Liu Mau-tsai.* Die chinesischen Nachrichten... S. 54, 102, 529, 555). Однако при учете лествичного порядка и описанного препирательства между претендентами разночтение приобретает смысл. Значение термина ябгу – исполняющий обязанности, а бага – божественный, милостью божьей царствующий. Следовательно, пока Чулохоу не решался принять власть, оц был ябгу-ханом, т.е. заменяющий хана. После достижения договоренности он стал Бага(Мохэ)-ханом, т.е. ханом милостью божьей. Юн Йоллыг, сохранив власть над уделом своего отца и право на наследование престола, в результате достигнутого компромисса получил титул ябгу. Так как Чулохоу вскоре погиб, новый его титул не успел стать привычным и в китайских хрониках уцелели оба, но следует отметить, что составитель Ганму проявил больше исторической чуткости, чем авторский коллектив, обрабатывавший в середине VII в. записи эпохи династии Суй (см.: *Бичурин Н. Я.* Собрание сведений... Т. I. С. 20).

[51] *Наршахи.* История Бухары... С. 12. Слова "из своей среды в" тексте подлинника отсутствуют.

[52] *Бичурин Н. Я.* Собрание сведений... Т. I. С. 232.

[53] Биягу (в "Суйшу" – Бугя) Шаванн понимает как Бильге, т.е. "мудрый" (см.: *Chavannes E.* Documents... P. 355). Мы считаем, что здесь уместнее эквивалент Бокэ, т.е. герой (см.: *Гумилев Л. Н., Маршак Б. И., Хван М. Ф.* Спор о древних тюрках).

[54] Букв. лев племени, калька с тюркского Иль-Арслан.

[55] *Наршахи.* История Бухары... С. 12–13.

[56] *Феофилакт Симокатта.* История... С. 161.

[57] Имена великих каганов, пришедших на помощь автору письма к императору Маврикию, т.е. Кара-Чурину, мы толкуем как тюркскую фразу, не понятую переводчиком: Спарзебгун, Кунаксолан Тульдих Isbara jabgu qunaq qa sol(d)an toldy = Ышбара-Ябгу в гости [по приглашению] с левой стороны [с востока] наполнил... (наступил, наводнил войсками...] (подробнее см.: *Гумилев Л. Н.* Биография тюркютского хана... С. 73).

[58] Письмо было доставлено в Константинополь в 596 г. (*Grafenauer.* Nekai vprasani iz dobe naseljevania juznih Slovanov //Zgodovinski casopis. Liubliana. T. IV. 1959. P. 63–64).

[59] *Феофилакт Симокатта.* История... С. 161–162.

[60] *Бичурин Н. Я.* Собрание сведений... Т. I. С. 239.

[61] Разница между китайской, персидской и греческой версиями невелика и определяется различной степенью осведомленности Греки только констатируют гибель мятежника, персы описывают его ужасный конец, а китайцы уклоняются от дачи сведений. Согласно персидской версии, Турум-Далобянь-Абруй был взят в

плен сыном Кара-Чурина, Шири-Киш-варом. Толстов полагает, что это имя отражено в имени сына Дянь-гу, Янсу-тегина (*Marquart J.* Wehrot und Arang. Leiden, 1938. S. 151; *Толстов С. П.* Тирания Абруя... С. 10). Как мы видим, персидская версия не противоречит китайской, согласно которой не сам Чулохоу взял в плен Торэмена, но это событие произошло в его царствование.

62 *Гумилев Л. Н., Маршак Б. И., Хван М. Ф.* Спор о древних тюрках.

63 *Бичурин Н. Я.* Собрание сведений... Т. I. С. 279.

64 *Артамонов М. И.* Очерки... С. 40.

65 *Бичурин Н. Я.* Собрание сведений... Т. II. С. 279.

66 *Chavannes E.* Documents... P. 132.

67 *Наршахи.* История Бухары... С. 13.

68 *Толстов С. П.* Тирания Абруя. С. 28–29.

69 *Наршахи.* История Бухары... С. 13.

70 *Бартольд В. В.* Туркестан... С. 182.

71 *Толстов С. П.* Тирания Абруя. С. 22.

72 Слова Чжан-сун Шэна в императорском совете. Каковы бы ни были преступления Або, он не показал неблагодарности к империи (см.: *Julien S.* Documents... P. 507).

73 Ibid. P. 504.

X. Поход на Иран

НАКАНУНЕ ВОЙНЫ

Кара-Чурин Тюрк уничтожил своих соперников, прикончил племянника и расправился с его сподвижниками – своими единоплеменниками – только для того, чтобы беспрепятственно богатеть, продавая через согдийских купцов шелк, полученный им из Китая в награду за фиктивное подчинение. Однако этот путь обогащения стал еще менее возможен, чем десять лет тому назад, перед началом великой распри. Иран и Византия вели упорную и беспощадную войну, и нечего было и думать, что персидский шах пропустит в Константинополь хоть один лишний караван. Положение осложнилось еще тем, что официально тюркюты и греки находились в состоянии войны. Правда, эта война не велась уже семь лет, но отсутствие мирного договора мешало обмену посольствами и затрудняло координацию военных действий против Ирана. А союз был равно необходим и грекам, и тюркютам, так как у них были общие враги и общие интересы.

Если бы удалось сломать иранский барьер и шелк широкой струей потек бы в эргастерии византийских патрикеев, тогда было бы на что нанимать у германских конунгов их дружины и возможно, что Византия не утеряла бы гегемонии в Европе. Тогда бы наполнилась золотом Согдиана, у тюркютов ускорился бы процесс классообразования и эль превратился бы в феодальное государство, а от Ирана, по выражению Фирдоуси, остался бы кусочек воска. До тех пор, пока внутренняя война разрывала тело каганата, тюркютские ханы не могли вести активной внешней политики, но, как только наступило затишье, проб-

лема "шелкового пути" оказалась на первом месте, а равно и возникла необходимость договориться с Византией, так как несогласованные военные предприятия были заранее обречены.

Официального союза не было заключено, но нашелся посредник, грузинский царь Гуарам Багратид, при помощи которого в 589 г. была достигнута координация всех антииранских сил[1], благодаря чему "враги окружили Персию, как тетива концы лука"[2]. Задуманное предприятие было небезнадежным, но отнюдь не легким. За свою долгую историю Иран то достигал вершин могущества и славы, то низвергался с этих вершин и разбивался на части. Для того чтобы оценить по достоинству его силы и возможности в VI в., мы должны бросить хотя бы беглый взгляд на его историю.

СИЛА И СЛАБОСТЬ ИРАНА

Ахеменидская империя стала анахронизмом еще до рокового 330 г. Основанная на ассирийских традициях, она стремилась быть только военной деспотией и в этом отношении перещеголяла свою кровавую предшественницу. Вместе с тем необходимость укрепления власти заставила Ксеркса и его преемников начать религиозные гонения (Антидевовская надпись Ксеркса) как против иноверцев, так и против ортодоксальных последователей Заратуштры, не признававших религиозного главенства царя царей[3].

Политический, идеологический и экономический узлы затягивались туже с каждым годом, и неудивительно, что серебряный блеск аргироспидов[4] в первую минуту показался азиатским народам солнцем освобождения от векового гнета. Но вскоре стало ясно, что организованный деспотизм сменился анархическим произволом и что диадохи ничем не лучшие, а, может быть, даже хуже пасаргадских владык. Однако несмотря на это к старому никто не стремился. Сирийцы и египтяне сумели приспособиться к грекам, а восточные иранцы, нерастленные до конца деспотизмом, нашли в себе силы для борьбы и победили. Парфия создавалась копьеносными всадниками, и немудрено, что эти 240 семейств стали знатью наряду с семью древними родами. Но чтобы закрепить внезапную победу, парфянам пришлось пойти на выучку к грекам, и побежденный на поле битвы эллинизм пропитал собой мировоззрение своих победителей. Они любовались камеями и геммами, зачитывались Платоном, аплодировали трагедиям Эврипида и за крепкими стенами своих замков забывали, что народ готов перенести свою ненависть к былым поработителям на "освободителей и защитников". Парфянская

знать утеряла связь с народом, и это ее погубило в 224 г., когда народ сказал свое слово.

Однако Арташир Бабаган, зверски истребивший членов царствовавшего дома, пощадил 240 семейств, так как аристокра́тия была ему нужна. Молодое сасанидское государство уже на первых порах своего существования принуждено было вести жестокие войны, и Арташир понимал, что было бы крайне неразумно самому истребить свою конницу, т.е. наиболее боеспособную часть войска. Так шахская власть, опирающаяся на свободное крестьянство, вступила в союз с военной аристократией, отказавшейся от выродившегося за пять веков эллинизма и связавшей свою судьбу с иранской культурой.

Военная удача сопутствовала первым Сасанидам. В их руках оказались Иран до Бехруда[5] на востоке, Месопотамия до Евфрата на западе и Закавказье вплоть до Дербента на севере. Персидское царство превратилось в империю, но народы, включенные в ее состав, сохраняли присущее им общественное устройство: горцы Дейлема и арабы Ирака – своих родовых вождей; христианские, еврейские и гностические общины городов Месопотамии – свое самоуправление; а армяне – даже царскую власть под протекторатом шахиншаха.

Сасаниды оказались во главе целого культурного мира, и это обстоятельство было источником их силы и слабости в равной мере. С одной стороны, в сасанидской империи имелось все, что было необходимо крупному государству того времени: развитое земледелие и свободное крестьянство, из которого составлялась пехота; знать, из которой вербовался командный состав армии и администрация; остальная аристократия, представлявшая собой ударное конное войско. Кочевые племена Восточного Ирана и Ирака давали продукты скотоводства и вспомогательную легкую конницу, а храбрые горцы Дейлема охотно служили шахиншахам за одну военную добычу. Наконец, в городах Месопотамии процветали ремесла и торговля[6].

Интеллектуальная область была монополизирована собственно персами и делилась между духовенством-мобедами и писцами. Казалось бы, что все обстояло весьма благополучно, но на самом деле все было очень плохо, так как эта ситуация имела свою оборотную сторону. Все перечисленные группы, включая шахское правительство, имели весьма противоречивые, даже непримиримые интересы, не разрешимые мирным путем, и, к великой беде Ирана, все эти группы были достаточно сильны, чтобы отстаивать себя силой оружия.

Шахское правительство стремилось не только считаться, но и быть самодержавным, следовательно, оно должно было вступить в конфликт с аристократией, владевшей львиной долей богатств страны и стремившейся во что бы то ни стало иметь на престоле слабого шаха, неспособ-

ного обуздать своеволие знати. Затем, союз с зороастрийским духовенством означал политику религиозных гонений на христиан, на гностические секты и еврейскую общину, а именно эти категории населения были наиболее экономически сильны, так как в их руках была торговля.

Чтобы обеспечить себе союз с ними, важный как в смысле получения денег, так и в смысле использования их против главного внешнего врага – Византии, нужно было занять позицию религиозного индифферентизма и полной терпимости, а тогда начинало противиться зороастрийское духовенство. Горные и степные племена охотно подчинялись персидскому шаху на словах, но на деле хотели быть вполне независимы; следовательно, чтобы получать с них налоги, хотя бы самые минимальные, нужно было применить силу. Короче говоря, шахиншах, для того, чтобы удержаться на золотом престоле, должен был все время искать союзников и постоянно менять их, чтобы не дать ни одной группе усилиться. Это удавалось не всегда.

Вместе с тем перечисленные группы боролись не только с шахской властью, но и между собой. Христиане пытались разрушать храмы огня и проповедовать Евангелие среди персов, причем они требовали, чтобы шах разрешил им это. Свободные дехканы, составлявшие пехоту, ненавидели аристократию, племена горцев враждовали со степняками и персами и т.д. Для того чтобы править при таком столпотворении, шах должен был иметь собственные средства и силы, а так как их первое время было мало, то понятно, что на престол то и дело попадали марионетки вроде Бахрама Гура, Балаша и Джамаспа, выдвигаемые аристократией.

Самый замечательный из шахиншахов, Кавад, попробовал организовать борьбу с засильем знати, поддержав движение маздакитов, но чуть было не променял кукушку на ястреба, так как маздакиты, изрядно потрепав аристократию, сорганизовались в новую партию, готовую бороться за себя против всех.

Так в общих чертах обстояли дела при восшествии на престол Хосроя Ануширвана. Но все радикально изменилось к моменту его смерти. Если до Хосроя шел процесс не только механического включения, но и органического освоения разнообразных культурных типов общей иранской культурой, что и создало ее великолепное разнообразие в единстве, то с середины VI в. тот же самый диалектический процесс вызвал обратное явление: исчезновение доселе активных группировок и усиление уцелевших за счет исчезнувших.

Именно в середине VI в. наблюдается перелом, приведший к гибели сасанидскую монархию. Во-первых, победа маздакитов, хотя и временная, расшатала силы аристократии настолько, что последняя никогда уже не могла вернуть себе прежнего положения. Во-вторых,

разгром маздакитов в 531 г. полностью уничтожил самостоятельное значение азадов – свободных крестьян, так как наиболее активная их часть погибла во время разгула террора. В-третьих, неудача восстания Анушзада окончательно обескровила и обескуражила христианскую общину в Иране, и с этого времени христиане становятся верными слугами шахиншаха. Равным образом зороастрийское духовенство, испытав дважды смертельную угрозу (от Маздака и от Анушзада), убедилось, что лишь твердая власть спасет его от неминуемой гибели; занятая же правительством позиция, согласно которой в Иране воспрещалась перемена религии под страхом смертной казни, вполне устраивала мобедов, так как зороастрийской религиозной системе прозелитизм чужд, как, впрочем, и большинству примитивных религий.

Дейлемиты, армяне и арабы в царствование Хосроя и Хормизда были лишены большей части своей былой самостоятельности и перестали играть активную роль в государстве. Все это произошло не вследствие особой гениальности Хосроя Ануширвана, хотя ему нельзя отказать в таланте правителя, а лишь потому, что шахиншах наконец получил в свои руки средства и силы, т.е. войска, которых раньше в таком количестве и такого качества не имел ни один персидский царь.

Дело в том, что Хосрой разгромил маздакитов руками той аристократической молодежи, чьи отцы, как наиболее непримиримые, лишились жизни и имущества. Вознаградить своих сподвижников материально он не мог, так как хозяйство страны было подорвано взаимной резней и единственным источником доходов короны осталась торговля шелком, вернее, пошлины, взимаемые с караванов, проходивших через Иран. Этих доходов хватило на то, чтобы организовать и содержать новую армию, так как старая уничтожила самое себя. Хосрой поверстал в полки своих боевых товарищей и пополнил их ряды кочевниками-саками. Так была создана постоянная армия из 12 полков, получавшая от казны оружие и поденную плату[7].

Новое войско было уже не ополчением, а профессиональной армией. В те времена бой решали конные лучники, а умение метко стрелять давалось путем многолетней практики. Постоянная тренировка и частые походы превратили новобранцев в ветеранов, спаянных дисциплиной и духом товарищества. Опираясь на эту силу, шах Хормизд начал наступление на знать.

ВИЗАНТИЯ ПРОТИВ ИРАНА

Летом 589 г. положение Ирана было весьма напряженным. На западной границе шла нескончаемая война с Византией. Несмотря на час-

тичные успехи персов, которым незадолго перед этим удалось овладеть Мартирополем, дела их ухудшились вследствие поражения под Сисавраном, близ Низибии. Византийцы осадили Мартирополь и разрушили Окбу, крепость на берегу р. Нимфия, на восток от Мартирополя[8]. Тогда же из пустыни выступили два арабских шейха – Аббас Кривой и Амр Голубоглазый[9]. Они разграбили страну вплоть до Евфрата и, что особенно тяжело ударило по персам, уничтожили таможни, на которых собиралась пошлина с проходивших караванов[10].

Одновременно "по хазарской дороге"[11], т.е. через Дарьяльское ущелье, вторгались в Армению и Азербайджан тюрко-хазарские войска, а с востока выступил Савэ-шах, глава "тюрок Китая"[12], дядя иранского шаха Хормизда[13]. Союзники, видимо, учли, что в Иране назревал политический кризис. Шахиншах Хормизд большую часть своего царствования вел борьбу с аристократией; число казненных достигло огромной цифры – 13 тыс. человек[14]. Так как аристократия представляла в Иране военное сословие и командный состав армии комплектовался из родственников казненных, то понятно, что боеспособность войск весьма ослабела и границы государства оказались значительно хуже охраняемыми[15]. Чрезвычайно знаменательную картину рисует Фирдоуси, описывая совет, на котором Хормизд говорил о бедственном положении страны. Марзбаны, склонившись, сказали: "Мы все не стоим одного мобеда, а ты убил мобедов и писцов и отошел от закона и веры"[16]. Однако именно уцелевший мобед дал нужные советы. Он рекомендовал немедленно заключить мир с Византией, уступив спорные области, а отступление арабов купить посылкой им продовольствия[17]. Хазары же, обремененные добычей, побегут перед персами из страха потерять награбленное[18]. Единственная опасность – это Савэ-шах: "когда тюрк приходит из-за Джейхуна, то не следует медлить"[19].

ВОЙНА НА КАВКАЗЕ

Вступление тюркютов в войну весьма осложнило положение персов, но в Иране было еще достаточно потенциальных сил. Враги, вторгшиеся "по хазарской дороге" 5 мая 589 г., были разбиты персидскими войсками не позже июля и в панике бежали, стремясь унести добычу[20]. На их место пришло ополчение кавказских племен – осов, дзурдзуков и дидойцев, нанятое на греческие деньги Гуарамом Багратидом. Полудикими горцами руководили грузинские эриставы. Единственное, на что это войско было способно, оказалось опустошение Азербайджана, не до конца разграбленного хазарами[21].

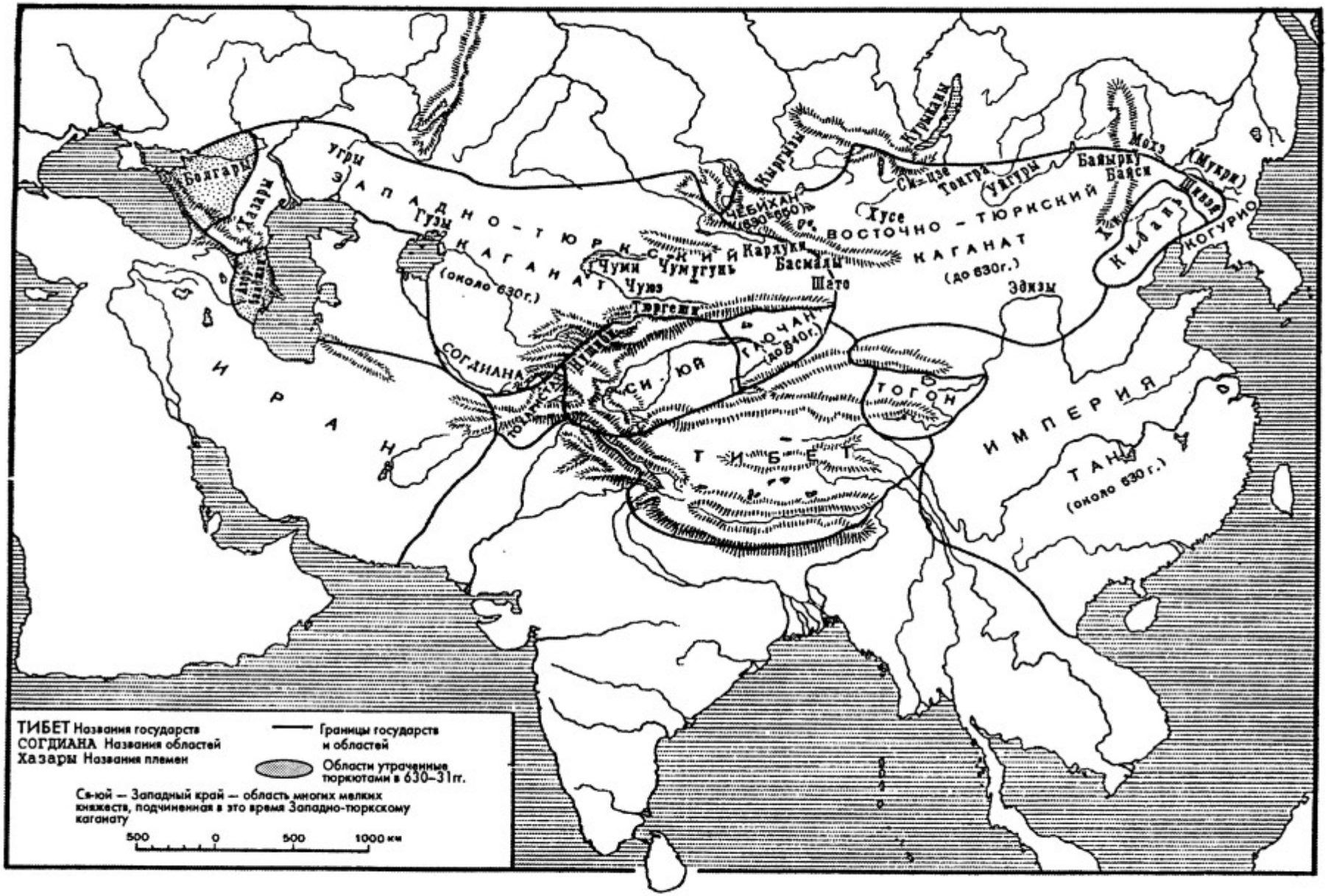
К наемникам Гуарама присоединился византийский отряд под командованием Романа[22], но и греки не стремились закрепиться на персидской территории. Скорее всего задачей их было оттянуть часть персидских войск с востока и облегчить тюркютам, наступавшим из Средней Азии, нанесение решающего удара. Уже в сентябре 589 г. эти войска очистили персидскую землю. Кавказцы без боя разошлись по домам, а грекам пришлось пробиваться через персидские войска, отрезавшие их от родины.

Еще легче справились персы с арабскими шейхами, которые за небольшие деньги отошли из Месопотамии. Но все это не решало судьбу войны.

НАСТУПЛЕНИЕ ТЮРКЮТОВ

В августе[23] 589 г. младший сын Кара-Чурина, Янг Соух, вторгся в Восточный Иран. Семидесятитысячная персидская армия, прикрывавшая границу, обратилась в бегство, открыв тюркютам дороги в Хорасан, Талекан и на территорию древней Бактрии, где опорными крепостями были Герат, Балх и Бадгис[24]. Тут сказались низкие боевые качества персидской линейной пехоты, отмечаемые всеми источниками. В Иране возникла паника. Согласно Табари, Савэ послал сказать Хормизду: "Исправьте мосты на ручьях и реках, чтобы я мог по ним войти в вашу страну, и постройте мосты на реках, которые их не имеют. То же самое сделайте с реками и ручьями, через которые ведет моя дорога из вашей страны к румийцам, так как я намереваюсь через вашу страну туда пройти"[25]. Текст ультиматума показывает как истинную цель похода, так и согласованность действий западных тюркютов и греков.

На совете в Ктезифоне было решено послать на отражение тюркютов Бахрама Чубина, марзбана Армении и Азербайджана, из знатного парфянского рода Михранов. Бахрам принял назначение и потребовал всего 12 тыс. воинов, но обязательно в возрасте от сорока до пятидесяти лет. По существу это были ветераны, по боевым качествам весьма превосходившие обычный уровень персидских войск. Легко объяснимо, почему Бахрам предпочел пожилых людей молодым. Основной силой того времени, как уже говорилось, были стрелки из лука, а для того, чтобы научиться достаточно хорошо стрелять, требовалось не менее 20 лет. Перестрелка, а не рукопашная схватка решала судьбу сражения. Персидские стрелки к VI в. достигли вершин мастерства и тетиву притягивали не к груди, а к уху[26]. Стрела летела на 700 м и, оснащенная хорошо закаленным наконечником, пробивала панцирь.



Завоевания тюрок (550–600)

Армия Савэ, согласно Табари, достигала 300 тыс. человек[27], а по Фирдоуси – 400 тыс.[28] На вооружении тюркютов состояли боевые слоны[29], а у персов – "львы", т.е. огнеметы, работавшие на нефти и употреблявшиеся против слонов[30]. После первой победы тюркюты, развивая успех, быстро двигались на запад, преследуя отступающую персидскую армию. Насущной задачей персов было удержать в своих руках Балх до тех пор, пока не вступят в дело войска Бахрама. Хормизд применил прием, действовавший против простодушных тюркютов безошибочно, – дезинформацию. Он направил к Савэ одного из своих придворных Хуррада Бурзина[31], "человека, полного хитрости, притворства и обмана"[32]. Хуррад, прибыв к Савэ, начал переговоры о мире и был столь уступчив, что вошел в доверие к Савэ. Хурраду удалось уговорить Савэ изменить направление наступления и заманить его в Гератскую долину[33]. Тем временем Бахрам форсированными переходами шел на восток. Вместо обычной дороги на Балх он прошел кружным путем через Кухистан[34] и оказался в тылу у тюркютов. Савэ шел на Герат с северо-запада, по единственной существующей там дороге по берегу Герируда.

Для понимания обстановки необходимо учесть, что Герат расположен в широкой долине, с севера и с юга замкнутой горами (с севера – горы Занджир-гох, с юга – Искальджа, или Аман-кух); на востоке горы смыкаются, зажимая Герируд в узкое ущелье. Северо-западный проход, называемый Бароpон, несколько шире, – настолько, что через него возможно движение конницы. Этот проход представляет собой дефиле протяженностью около 8 км. Долина на север от Герируда до гор Занджир-гох имеет 12 км ширины. Река Герируд не глубока и в осеннее время местами переходима вброд, но в большей части непроходима вследствие быстрого течения. Она отрезает второй выход из Гератской долины через невысокий перевал на юго-запад[35].

Тюркюты, миновав проход Бароpон, оказались в степи Баулигох, между рекой и северной цепью гор, имея в тылу узкое дефиле, а перед собой армию Бахрама, что явилось для них полной неожиданностью. Несомненно, что под Гератом стояла не вся армия тюркютов – узкий проход не мог пропустить 300 тыс. человек, да к тому же, как выясняется из хода битвы, фланги персов охватили тюркютскую армию. Очевидно, Савэ имел при себе небольшие силы, рассчитывая встретить только гарнизон Герата. Положение тюркютов оказалось крайне затруднительным. Хуррад Бурзин, выполнив свою задачу, ночью пробрался через цепь тюркютских дозоров и, "чтобы не приблизился к нему день Страшного суда"[36], убежал к Бахраму[37].

Помимо того, топография Гератской долины позволяет нам высчитать возможный максимум тюркютских воинов. Поле сражения –

равнина Баулигох – имеет в ширину 12 км[38]. Кавалеристы, чтобы быть в состоянии сражаться, должны иметь фронтальные интервалы около 20 м. Следовательно, одну линию не могло составлять более 2 тыс. воинов. Глубина строя кочевников также известна – 10 боевых линий. Таким образом, тюркютское войско под Гератом не могло превышать 20 тыс. человек. Если же учесть, что долина к западу сужается и что в центре тюркютской армии стояли слоны, то и это число надо значительно уменьшить. Надо полагать, что персы и тюркюты под Гератом были приблизительно в равном числе.

Савэ, выяснив, что перед ним новая и свежая персидская армия, понял, что он попал в ловушку. Его войска, а главное кони, были истощены длинным походом по выжженным солнцем сопкам Хорасана; позиция оказалась "узкой и неудобной"[39], недопускающей возможности маневрирования, тогда как позади Бахрама стоял Герат, важный не только как крепость, но и как источник снабжения. Левый фланг персидского войска опирался на реку, а правый – на горную цепь. Отступать в виду вражеской армии через узкий проход было бы безумием, так как персы моментально смяли бы тюркютов. Савэ сделал попытку договориться с Бахрамом. Он предложил ему деньги, свою дочь в жены, первое место при себе и, наконец, корону Ирана, но Бахрам отверг все предложения. Оставалось биться. Согласно Фирдоуси, персы единогласно одобряли решение Бахрама. Только Хуррад Бурзин и писец Бузург Дабир высказались за заключение мира, но Бахрам приказал им замолчать и расположил свое войско для боя[40].

БОЙ

Диспозицию персидской армии мы находим у Саалиби. Бахрам поставил в первую линию пехоту, сзади нее – слонов (?!), на флангах – отборные части[41]. Кроме того, из наиболее надежных воинов был составлен заградительный отряд, имевший задачу не допускать бегства своих собственных бойцов. Его правый фланг упирался в горы Занджиргох, левый – в р. Герируд. В тылу персидского войска был город с садами и возделанными полями, тюркюты же были принуждены довольствоваться степной и пустой частью долины. Эта диспозиция как нельзя более соответствовала принципам персидской военной теории[42].

Речь, произнесенная Бахрамом перед войском, была похожа на речи, произносимые полководцами во все времена и всегда поднимающие дух. Он сказал, что каждый должен выполнить свой долг, так как в случае бегства ни один не уйдет от меча неприятеля и не вернется к своей семье[43]. Битва началась.

Приготовления тюркютов к решительному бою и проявленная ими готовность к борьбе насмерть произвели на персов столь сильное впечатление, что в их первых рядах чуть было не возникла паника. Лишь своевременное вмешательство Бахрама, ободрившего своих соратников, предотвратило поражение[44]. Видя неуспех психического воздействия, Савэ бросил на персов кавалерию, которая потеснила их левый фланг, но на правом фланге и в центре была отбита. Ярость тюркютов была так страшна, что Бахрам стал думать о бегстве. Но Гератская долина была ловушкой не только для тюркютов, но и для персов. Горы загораживали пути к бегству, и Бахраму не оставалось ничего другого, как продолжать бой. Саалиби считает попытку к бегству военной хитростью Бахрама[45], но Фирдоуси верит в его искренность.

Бесплодность кавалерийской атаки побудила Савэ ввести в дело слонов, на что Бахрам ответил контратакой, использовав для этого все резервы, до сих пор тщательно сохраняемые. И тут-то сказались блестящие качества персидских лучников. Их стрелы вонзались в уязвимые места слонов – в хоботы и глаза. Наряду с простыми стрелами в слонов летели стрелы огненные[46], т.е. обмотанные паклей и подожженные. Взбесившиеся от боли слоны потоптали собственное войско. Спасаясь от слонов, тюркюты нарушили строй и не смогли оказать должного сопротивления персам, бросившимся врукопашную. Савэ бежал, но был настигнут и убит из лука самим Бахрамом Чубином. После гибели вождя бегство тюркютов стало паническим. Они пытались бежать через ущелье Бароpон, но узкий и длинный проход не мог пропустить сразу много людей. У его устья произошла давка, и персы беспрепятственно истребляли потерявших голову врагов. Спасся только один тюркют из десяти.

КОНЕЦ ВОЙНЫ

После битвы Бахрам на целый месяц задержался в Герате, распределяя добычу между шахиншахом и своими воинами. За это время сын Савэ, Пармуда, собрал остатки разбитых войск и попытался организовать сопротивление. Он применил кочевническую тактику внезапного набега и ночного нападения. Однажды ему чуть было не удалось захватить самого Бахрама[47], но остановить наступление регулярной армии партизанскими действиями было невозможно, и персы перешли Джейхун. В ночной битве тюркюты были снова разбиты, а Пармуда заперся в замке г. Пайкенда[48]. Осажденный Бахрамом, он вынужден был сдаться, но выговорил себе жизнь и отправку к Хормизду, своему родственнику по женской линии. Хормизд оказал ему пыш-

ный прием и по заключении мира отпустил с почетом[49]. Тюркютский царевич вернулся в свою страну и спокойно управлял уделом до самой смерти в 603 г. В хрониках он известен под именем Нили-хана[50].

Так закончилась война 589 г.

Иран был на краю гибели, но победа под Гератом отдалила ее на полстолетия. Двадцать лет тюркюты не решались нарушить границы Ирана, и история этих двух соседних стран текла раздельно. Восстание Бахрама Чубина всецело относится к истории Ирана, но после поражения Бахрам бежал к своим недавним противникам – тюркютам – и был гостеприимно принят ханом. Оказав ему несколько услуг, Бахрам стал его другом и советником[51]. Хан охотно прислушивался к его планам о возобновлении гражданской войны в Иране и даже дал ему несколько войска для начала[52]. Обеспокоенный Хосрой Парвиз потребовал выдачи Бахрама, но хан с негодованием отказал. Тогда второй, более искусный посол сумел подарками склонить тюркютскую царицу на заговор против жизни претендента, и наемный убийца заколол Бахрама отравленным кинжалом. Разгневанный хан наказал убийцу[53].

Этот эпизод показывает, что даже после тяжелого поражения тюркюты сохранили полную независимость и не подчинялись посторонним воздействиям. Дипломатические нажимы шахиншаха не производили никакого впечатления на тюркютского хана. Амударья попрежнему оставалась границей для политических влияний сасанидского Ирана.

ОПЛАТА

Мир 593 г. официально восстановил единство каганата[54], а в 598 г. был возобновлен традиционный союз западнотюркютского хана с византийским императором. Шахиншах Хосрой Парвиз, возведенный на престол византийскими войсками, тяготился невыгодным мирным договором, который ему пришлось заключить с императором Маврикием. Когда же этот последний был низложен и убит, Хосрой воспользовался случаем и выступил как мститель за своего приемного отца. В 602 г. возобновилась война Ирана с Византийской империей, но в наступление персидские войска пошли лишь весной 604 г. Эта оттяжка была вызвана обострением положения на восточной границе Ирана.

Население Тохаристана культурно и экономически было связано с Согдианой и Индией, а не с Персией, которой оно было вынуждено подчиняться. Кроме того, потомки кушанских царьков и гордых эфталитов определенно предпочитали тяжелой руке шахиншаха номи-

нальную зависимость от тюркютского хана. Поэтому, когда основные силы персидской армии были сконцентрированы на границе Месопотамии и Армении, т.е. в 603 г.[55], на востоке вспыхнуло восстание и "войска кушанские рассеялись для набегов по лицу всей земли"[56].

Хосрой поспешил прервать отдых своего лучшего марзбана Смбата Багратуни и поручил ему подавить мятеж. Несмотря на ничтожные силы (2 тыс. всадников), Смбату удалось разбить кушанов. Надо полагать, что главную роль тут сыграла внезапность нападения. Удовлетворенный успехом, Смбат разбил лагерь в Апршахре (город в Хорасане, возле Нишапура[57]), а сам с отрядом в 300 человек засел в городке Хрохте(?). Кушаны, видя, что им одним не справиться с персами, обратились за поддержкой к своим соседям, тюркютам. На помощь к кушанам пришло войско, во главе которого стоял Джембуху (армянское искажение титула ябгу‖джабгу); в это время такой титул носил внук великого хана Тун, известный под именем Тун-джабгу. Тюркюты захватили персов врасплох. Хрохт был осажден. Смбату удалось прорваться и бежать всего лишь с тремя спутниками, а его помощник, перс Датоян, был разбит наголову. Тюркюты опустошили Иран вплоть до Рея и Исфагана, но, получив "повеление от великого хагана", вернулись восвояси[58].

Мотивировка отступления тюркютов, данная Себеосом, явно неудовлетворительна. Осенью 603 г. у тюркютов "великого хагана" не было, так как именно в это время Кара-Чурин, разбитый и покинутый всеми, бежал в Тогон, ища спасения. Очевидно, как раз это обстоятельство заставило его внука вернуться домой для защиты своего удела. Таким образом, китайская победа в южном Хингане спасла Иран, а Византию поставила на край гибели.

После ухода тюркютов Смбат с новым войском бросился на кушанов. Несмотря на то что он проник до Балха, ему не удалось закрепиться в Тохаристане, и он вернулся на Мургаб, снова ставший восточной границей державы Сасанидов[59].

Зима 603/04 г. принесла персам облегчение: мощь тюркютов была сломлена китайцами, каганат разваливался на глазах, и, хотя снова покорить кушанов не удалось, за восточную границу можно было уже не беспокоиться. Только тогда двинулись персидские войска на Византию.

Надо полагать, что события на восточной границе Ирана определили срок выступления персов еще в большей мере, чем учет внутреннего положения империи[60], и до тех пор, пока тюркюты были бессильны, войска Хосроя Парвиза на западе шли от победы к победе.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 *Brossef M.* Histoire de la Georgie depuis l'antiquite jusqu'au XIX-e siéde. SPb., 1894. P. 220–221.
2 *Tabari, Nöldeke.* Geschichte der Perser und Araber zur Zeit der Sassaniden. Leiden, 1879. S. 270.
3 *Струве В. В.* Родина зороастризма //Труды ЮТАКЕ. М.–Л., 1948. Т. I.
4 Букв. "среброщитные" (ударный полк македонской фаланги с посеребренными щитами).
5 *Wehrot* — Амударья.
6 *Пигулевская Н. В.* К вопросу о городах Ирана в раннем Средневековье //СВ. 1955. № 6. С. 72–80.
7 *Christensen A.* L'Iran sous les Sassanides. Copenhague, 1936. P. 362.
8 *Пигулевская Н. В.* Византия и Иран... С. 80.
9 *Tabari, Nöldeke.* Geschichte der Perser und Araber zur Zeit der Sassaniden. Leiden, 1879. S. 270; *Tabari.* Chronique... II. P. 249.
10 *Firdousi.* Le livre des rois. VI. P. 566.
11 Ibid.
12 Ibid. P. 568.
13 *Tabari.* Chronique... II. P. 24; *Mirkhond.* Histoire des Sassanides (texte persan). Paris, 1843. P. 257.
14 Ibid.
15 *Tabari.* Chronique... II. P. 248.
16 *Firdousi.* Le livre des rois. VI. P. 568.
17 У Фирдоуси предлагается истребить арабов, но об исполнении этого он не говорит, тогда как Табари дает подробности договора с ними.
18 *Mirkhond.* Histoire des Sassanides. P. 258.
19 *Firdousi.* Le livre des rois. VI. P. 568; *Tabari.* Chronique... II. P. 249.
20 *Гумилев Л. Н.* Война 589 г. и Гератская битва //Известия отделения общественных наук Академии наук Таджикской ССР. 1960. № 2 (23). С. 67.
21 *Brosset M.* Histoire de la Geologie... *Осы* – осетины, *дзурдзуки* – племя на южном склоне Кавказского хребта, к северо-западу от Грузии; *дидойцы* – племя в южном Дагестане.
22 *Себеос.* История императора Иракла. С. 33
23 Солнце в день битвы стояло в доме льва, что соответствует 22 июля – 21 августа.
24 *Tabari.* Chronique... II. P. 248–249.
25 *Tabari, Nöldeke.* Geschichte der Perser und Araber zur Zeit der Sassaniden. Leiden, 1879. S. 268.
26 *Иностранцев К. А.* Сасанидские этюды. СПб., 1909. С. 66 и сл.; *Прокопий Кесарийский.* История войн римлян с персами. Пер. С. Дестуниса. СПб., 1896. Ч. I. С. 3.
27 *Tabari.* Chronique... II. P. 248; *Tabari, Nöldeke.* Geschichte der Perser und Araber... S. 269.
28 *Firdousi.* Le livre des rois. VI. P. 566.
29 Ibid. *Tabari.* Chronique... II. P. 262. Фирдоуси считает 1200 слонов, Табари – 200.
30 *Иностранцев К. А.* Сасанидские этюды. С. 80–81; *Балями.* Тарихи Табари. Готская рукопись (на перс. яз.) С. 227.
31 Чтение имени см.: *Justy F.* Iranisches Namenbuch. Maiburg, 1895. S. 178. 32. *Tabari.* Chronique... II. P. 259.
33 Балами указывает другое место битвы: между Хутгаляном и Балхом, но Табари и Фирдоуси считают, что битва произошла у Герата. Это подтверждается еще тем, что

топография Гератской долины до мелочей соответствует описанию подробностей хода битвы.

34 *Tabari.* Chronique... II. P. 259.

35 *Чарыков Н. В.* Описание поездки по берегам Теджена-Герируда //Сборник географических и статистических материалов по Азии. СПб., 1884. Вып. XIII. С. 138–170; *Лессар П. М.* Пути из Асхабада в Герат в 1882 г. //Сборник географических и статистических материалов по Азии. СПб., 1883. Вып. VI. С. 1–38.

36 *Firdousi.* Le livre des rois. VI. P. 589.

37 По Динавари, тюркюты Герат взяли, а лазутчик, по имени Ормуздгураб-зин, имел от шаха задание только удержать врагов от грабежей; царь тюркютов знал о приближении Бахрама и вышел к нему навстречу, предлагая полководцу корону Ирана; изложение последующих событий совпадает с остальными источниками (*Шмидт А. Э.* Материалы по истории... С. 480). По этой версии, неясно: 1) где была битва; 2) как тюркютский царь мог верить лазутчику, зная, что против него послано войско; 3) зачем тюркюты вступили в битву, имея возможность маневрировать. И наконец, победа персов объясняется только удачным выстрелом Бахрама. Расхождение со всеми прочими источниками налицо, но ясно, что версия Динавари родилась вследствие небрежного сокращенияи древнего текста либо самим Динавари, либо его предшественником.

38 *Беленицкий А. М.* Историческая топография Герата VI века. *Алишер Навои.* Сборник статей. М.–Л., 1946. С. 190.

39 *Firdousi.* Le livre des rois. VI. P. 602.

40 *Tabari.* Chronique... II. P. 259–261; *Tabari, Nöldeke.* Geschichte der Perser und Araber... S. 271; *Firdousi.* Le livre des rois. VI. P. 598, 610; *Mirkhond.* Histoire des Sassanides (texte persan). Paris, 1843. P. 261.

41 *Tha'alibl.* Histoire des rois des Perses... P. 646. В отношении слонов Саалиби, очевидно, спутал, так как, по его рассказу, они в битве не участвовали, что было бы невозможно. По другим источникам, слоны были не у персов, а у тюрок.

42 *Иностранцев К. А.* Сасанидские этюды. С. 49.

43 *Tabari.* Chronique... II. P. 261.

44 *Firdousi.* Le livre des rois. VI. P. 614.

45 *Tha'alibl.* Histoire des rois des Perses... P. 647.

46 *Tabari.* Chronique... II. P. 262; *Firdousi.* Le livre des rois. VI. P. 620; *Иностранцев К. А.* Сасанидские этюды. С. 80-81.

47 *Tha'alibl.* Histoire des rois des Perses... P. 651: *Firdousi.* Le livre des rois. VI. P. 632–634.

48 *Tha'alibl.* Histoire des rois des Perses... P. 653. Табари не дает название города. Фирдоуси называет замок Аваза, но это – название местности – около Пайкенда (см.: *Minorsky V.* Hudud al-'Alam. London, 1937. P. 56, 73, 185–186).

49 *Tabari.* Chronique... II. P. 265; *Tha'alibl.* Histoire des rois des Perses... P. 656; *Firdousi.* Le livre des rois. VI. P. 656–658.

50 Саалиби ошибочно считает его сыном Пармуда и внуком Савэ (Пармуда – перевод на персидский язык тюркского слова "буюрук" – приказывающий). Динавари сообщает, что царевич не был взят в плен, а добровольно, поехал к шаху для переговоров (*Шмидт А. Э.* Материалы по истории... С. 480–481). Этот царевич у Динавари назван [йаль]-тегин, а не [иль]-тегин. Слово "йаль" имеет второе значение: освобожденный, что подтверждает идентичность Нили-хана (Суйшу), Пармуды (Фирдоуси, Балями) и Яль-тегина (Динавари) (см.: ВВ. XX. С. 87). Был ли он взят в плен при штурме крепости Аваза или капитулировал – дела не меняет. Хормизд его освободил, и это отразилось у Динавари в написании его имени.

51 *Tabari.* Chronique... II. P. 302.

52 *Tha'alibl.* Histoire des rois des Perses... P. 678.

[53] Этот хан в персидских источниках не назван, но отмечено, что он не был родственником Парвиза (*Tabari*. Chronique... II. P. 298). Следовательно, это бьш хан восточных тюркютов Юн Йоллыг Дулань-хан, в это время воевавший со своими западными родичами и потому приютивший Бахрама.

[54] *Грумм-Гржимайло Г. Е.* Западная Монголия... С. 233; *Julien S.* Documents... P. 511.

[55] "На тринадцатом году Хосроя". В русском переводе ошибочно стоит "на восемнадцатом" (см.: *Себеос*. История императора Иракла. С. 70). Разбор ошибочных датировок этого события у Маркварта, Шаванна и Груссе (см.: *Артамонов М. И.* История хазар. С. 143).

[56] *Себеос*. История императора Иракла. С. 72.

[57] Там же. С. 182, прим. 52.

[58] Там же. С. 74.

[59] *Marquart J.* Eranšahr... S. 67.

[60] *Пигулевская Н. В.* Византия и Иран... С. 191.

XI. Ашина и Суй

ВОССОЕДИНЕНИЕ КАГАНАТА

Мир 593 г., восстановивший положение, предшествовавшее великой распре, лишил суйского императора плодов всех его усилий. Он хотел, раздѐлив тюркютских князей, поставить их на колени и поддерживать их рознь редкими подачками[1], а вместо этого перед ним снова встал единый и могучий каганат, настаивающий на строгом выполнении торгового договора, столь убыточного для Китая. Мало того, тюркюты прислали просьбу-требование об открытии на границе рынков для меновой торговли с китайским населением[2]. Этим они ставили свою экономику в независимое положение и в случае конфликта могли обойтись без услуг двора, а получать необходимые товары непосредственно от производителя. Надо думать, не случайно эта "просьба" совпала с походом на Иран, так как была послана в Китай в 589 г. Очевидно, тюркюты полагали, что шелк им в ближайшее время очень понадобится, так как вот-вот их западные собратья дорвутся до Византии и караваны повезут на запад пряжу, а на восток – золото. Ян Цзянь в этот год был занят покорением царства Чэнь в Южном Китае и потому счел за благо не обострять отношений в столь неудобный момент. Но все, что делалось в ханской ставке, ему не могло нравиться.

Душой всех антисуйских настроений была царевна из дома Чжоу, которая не могла простить императору предательского истребления всех своих родственников. Тот, желая убедить ее в бесполезности мечтаний о мщении, прислал ей в дар драгоценный дверной щит,

принадлежавший императору дома Чэнь. Этим он дал понять, что уже весь Китай принадлежит ему, но он только подлил масла в огонь. Царевна ответила на подарок элегией, содержавшей многозначительные намеки:

Предшествует слава и почесть беде.
Ведь мира законы – трава на воде.
Во времени блеск и величье умрут,
Сравняются, сгладившись, башня и пруд.
Пусть ныне богатство и роскошь у нас,
Недолог всегда безмятежности час.
Не век опьяняет нас чаша вина,
Звенит и смолкает на лютне струна.
Я царскою дочерью прежде была,
А ныне в орду кочевую зашла,
Скитаясь без крова, и ночью одной
Восторг и отчаянье были со мной.
Превратность царит на земле искони,
Примеры ты встретишь, куда ни взгляни.
И песня, что пелась в былые года,
Изгнанницы сердце тревожит всегда.[3]

Император усмотрел в этих стихах пожелание ему стать жертвой мирового закона превратности, а также твердую непримиримость царевны, но смог в отместку только уменьшить количество подарков, а затем, воспользовавшись тем, что у царевны оказался любовник, лишить ее титула, что отнюдь не уменьшило ни ее влияния в орде, ни ее недоброжелательности к китайскому императору. Император не без основания отнесся к элегии изгнанницы с полной серьезностью. В 593 г. в ханскую ставку пробрался из Китая некий Ян Хинь и рассказал о том, что сами китайцы не в восторге от режима Суй и готовят восстание. Дулань-хан сделал из этого немедленный вывод и перестал посылать в Китай дань, которую должен был выплачивать по договору 584 г. Царевна наладила союз с князем Бухары Нили-ханом (сыном Янг Соуха, внуком Кара-Чурина, который был убит Бахрамом Чубином в 589 г.) и тем самым укрепила антикитайскую партию в орде. Все это было для суйского правительства тем более грозно, что Ян Хинь не солгал: в Китае действительно развертывалась борьба против династии Суй. В 594 г. вследствие засухи возник голод, но император отказался выдать голодающим хлеб из казенных амбаров. В 597 и в 600 гг. на юге вспыхнули восстания такой силы, что на подавление была брошена армия в 50 тыс. человек[4]. По-видимому, Ян Хинь был посредником между мятежниками и тюркютами. Не исключена была возможность, что суйская империя окажется зажатой в клещи. Но тут снова выступил на сцену Чжан-сунь Шэн.

КЛИН ВБИТ

Чжан-сунь Шэн прибыл в 594 г. в ханскую ставку[5] как полномочный посол и столкнулся там с настоящим заговором, направленным против Суйского дома. Во главе заговорщиков стояли царевна и ее любовник, согдиец[6] Аньсуйкя, но наибольшую опасность представлял Ян Хинь, которого Чжан-сунь Шэн должен был изловить во что бы то ни стало. Хан отказался выдать эмигранта, заявив, что его в ставке нет. Лазутчик сумел подкупить одного из приставленных к нему тюркютов, с помощью его нашел заговорщика и открыл хану интриги царевны. Хан и вельможи были смущены и выдали Ян Хиня[7]. Но Чжан-сунь Шэн не остановился на этом. Цель его была в том, чтобы снова внести раскол в Тюркютский каганат, на этот раз он нашел нужного ему князя. Это был наследник престола, двоюродный брат хана, Жангар (*кит.* Жаньгань). Он имел удел на северо-востоке и титул хана толесов (Тули-хан); ему подчинялись вассальные племена киданей, хи (татабы) и шивей (татары). Как сын Чуло-князя, он имел много сторонников. Он был беспринципен, завистлив и труслив, т.е. имел все качества, присущие изменнику.

"Юн Юйлюй (Юн Йоллыг), – докладывал Чжан-сунь Шэн, – непостоянен и вероломен. Одна лишь вражда к Дяньгу (Кара-Чурину) заставляет его в настоящее время искать поддержки императора. Если согласиться на его просьбу, он, усилившись, возмутится. Получив в жены царевну, он воспользуется значением, которое придаст ему этот брак, чтобы победить Дяньгу и Жаньганя. Нужно опасаться, что тогда будет очень трудно обуздать его честолюбие. С другой стороны, Жаньгань доказал свою искренность, Он также просит в жены царевну, и эту просьбу было бы хорошо удовлетворить. Так как войск у него мало, то его можно переселить на юг и обратить в заслон против Юн Юйлюя"[8].

Этот план был принят и выполнен в 597 г.[9] Внутри Тюркютского каганата образовалась китаефильская партия. А китайцы готовились к новой войне, в неизбежности которой никто не сомневался.

Получение царевны и ежегодных даров под видом приданого было той приманкой, мимо которой не могли пройти тюркютские князья. Жангару невеста была обещана с условием уничтожить царевну из дома Чжоу. Жангар употребил прием, действовавший во все времена: он оклеветал царевну перед ханом. Провокация удалась. Хан поверил клевете и в гневе убил царевну. Жангар был достаточно сообразителен, чтобы сразу после убийства уехать в свой удел, и, когда клевета открылась, он был в относительной безопасности. В распрю вмешался суйский император и дал понять, что поддержит предателя всеми

силами. Хан был вынужден отступить. Но теперь он всецело поддался влиянию своего двоюродного деда Кара-Чурина Тюрка (Дяньгу), который стал фактическим правителем каганата, сохранив скромный титул хана тардушей (Дату-хан). Неизбежность войны стала очевидна не только китайцам, но и тюркютам.

НАЧАЛО ВОЙНЫ

В момент назревавшего конфликта обстоятельства начали складываться в пользу Китая. В Тогоне в 591 г. умер энергичный хан Куалюй, и, хотя его сын Шифу за попытку вступить в союз с Китаем заплатил жизнью, младший брат убитого Фуюнь в 597 г. занял нейтральную позицию[10] и тем освободил суйское правительство от забот по охране западной границы. Это позволило китайцам сосредоточить свои основные силы на берегах Желтой реки.

В 597 г. они переселили своего ставленника Жангара на юг, в приордосскую степь, и не жалели для него денег, которые он тратил на подкуп своих соплеменников[11]. Принял меры и Кара-Чурин. Он поспешил обеспечить свой тыл. Приволжские угуры, восставшие против тюрок, были усмирены. Десять тысяч угуров – племена тарниах, кочагир и забендер – бежали в Паннонию и присоединились к аварам[12].

В 598 г. Кара-Чурин направил посольство в Константинополь, к императору Маврикию, с целью возобновления прежних дружественных отношений. Он извещал, что успокоил внутренние раздоры в своей державе и покорил всех врагов[13]. Отказ от экспансии в сторону Кавказа должен был послужить платой за прекращение византийских интриг в прикаспийских районах. Среднюю Азию Кара-Чурин держал крепко: в Пайкенде (Бухаре), сидел его внук Нили-хан, а в Шаше (Ташкенте) – другой внук, Шегуй[14]. В 597 г. тюркюты произвели набег на границу, а в 598 г. китайская армия, предводительствуемая князем Сю, выступила из Линчжоу[15]. Война началась.

Но прошедшие пять лет мира были неплохо использованы китайцами. Один из пограничных офицеров, Ли Юань, будущий основатель династии Тан, сам полутюрк по происхождению, обнаружил крупный военный талант. Он последовательно и терпеливо приучал своих солдат к новому строю, заимствованному у тюркютов; солдаты должны были жить в юртах, питаться мясом и молоком, ездить верхом и участвовать в облавных охотах. Он добился того, что его солдаты по боевым качествам перестали уступать тюркютам[16]. Кроме этой вновь организованной конницы китайцы располагали отрядами Жангара, измена которого наконец выплыла наружу.

Первые столкновения зимой 598–599 г. были удачны для китайцев[17], но Кара-Чурин и Дулань-хан, используя маневренность тюркютской конницы, обошли китайские линейные войска и обрушились на ставку Жангара, которая была расположена к югу от Великой стены. Изменники были застигнуты врасплох, но сражались отчаянно, не надеясь на пощаду. И они были правы: братья, дети и все родственники Жангара были убиты, а сам он под покровом ночной темноты спасся в сопровождении лишь пяти всадников и Чжан-сунь Шэна.

Утром вокруг него собралось еще около сотни воинов, но Жангар пал духом и стал уговаривать своих сторонников переметнуться обратно, к Кара-Чурину Тюрку, бывшему другом его отцу. Рассчитывая на старые связи, он предполагал спасти свою жизнь, забывая, что жизнь его соратников не гарантируется ничем. Последние колебались, и Чжан-сунь Шэн использовал время для того, чтобы послать гонцов в гарнизон ближайшей крепости. По его приказу там зажгли сторожевые огни, и Чжан-сунь Шэн объяснил встревоженному Жангару, что большое количество факелов указывает на приближение сильного врага. Испуганный Жангар позволил увести себя в крепость, откуда был доставлен ко двору императора[18]. Ян Цзянь был достаточно умен и проницателен, чтобы понять, как важно и полезно для Китая посадить на тюркютский престол такое ничтожество. Надеяться на него было нельзя, но вертеть им было легко и просто. А ведь он был законным наследником хана у народа, привыкшего почитать закон и династию. Даже лишенный сил и средств, Жангар продолжал оставаться центром притяжения для тюркютов, не уживавшихся с Кара-Чурином. К нему переметнулся Тюзлюк (*кит.* Дусулу), младший брат Дулань-хана, а немного времени спустя китайское золото умножило число приверженцев Жангара.

Летом 599 г. китайские генералы Гао Фань и Ян Со столкнулись с Кара-Чурином[19]. В "Истории Китая" Бичурина имеется только одно описание битвы со всеми тактическими подробностями. Это описание битвы 599 г. Так как указанная работа Бичурина не издана, то имеет смысл привести соответствующий текст полностью.

"Прежде генералы, сражавшиеся с туцьзюесцами (тюркютами), видели, что конница их стремительно вторгается в линию; они так располагали фронт, чтобы колесницы, пехота и конница взаимно могли друг друга подкреплять. Из рогаток составляли батальон-каре, и конница находилась внутри оного. "Сей древний способ, – сказал Ян Со, – недостаточен к одержанию победы". Почему и поставил вперед конницу. Дату-хан (Тардуш-хан, Кара-Чурин Тюрк) с радостью сказал: "Это небо награждает меня". Он сошел с лошади, возвел глаза на небо и поклонился. Потом со 10 000(?) конницы прямо пошел вперед. Чжулохеу (китайский офицер) сказал: "Неприятели еще

не выстроились порядочно, надобно учинить нападение" – и с лучшей конницей выступил против них. Ян Со вслед за ним наступил с главною армией, и туцьзюесцы совершенно разбиты. Убитых и раненых было бесчисленное множество"[20].

Анализируя этот рассказ, можно констатировать, что тюркюты имели конный строй, похожий на казачью лаву. Целью атаки было прорвать линию противника и, вызвав замешательство, рубить бегущих. Преждевременная радость тюркютского хана была вызвана тем, что он, видя разделение сил противника, предполагал разбить его по частям. Но китайцы на этот раз вырвали из рук тюркютов инициативу. Контратака конницы смягчила удар и расстроила боевые порядки тюркютов. Пехота, введенная в схватку, решила дело численным перевесом. Кроме того, пехотинец в рукопашной схватке сильнее кавалериста, так как он более поворотлив и менее уязвим.

Другая армия, состоявшая из восточных тюркютов и предводительствуемая Дулань-ханом, действовала удачнее и так стеснила Жангара, что китайцы были вынуждены принять его в свои пределы. Под пастбища ему были выделены степи северного Ордоса и прилегающие к ним предгорья Алашаня[21]. На защиту его кочевий были выдвинуты китайские войска. Император приблизил к себе Жангара и не жалел дорогих вещей на подарки изменникам. Эта политика оправдала себя. Из среды сторонников Жангара Чжан-сунь Шэн вербовал лазутчиков. Посланные потом в ханскую орду, они, оставаясь нераскрытыми, вносили в ряды тюркских войск паническое настроение[22]. Сам хан, вероятно под влиянием искусных рассказчиков, подействовавших на его воображение, стал видеть по ночам страшные видения: кровавый дождь, падающий с созвездий, красную радугу и т.п. Суеверные кочевники были приведены этими рассказами в состояние крайнего нервного возбуждения. Наконец, Дулань-хан был убит в своей палатке, и деморализованная армия остановила наступление, сулившее ей верный успех (600).

Кара-Чурин Тюрк "сам объявил себя ханом"[23], но он был слишком стар и слишком непопулярен среди восточных тюркютов, с которыми перед этим воевал, чтобы успешно довести до конца еще далеко не выигранную войну.

БОГЮ-ХАН

Кара-Чурину Тюрк принял титул Богю-хан, т.е. герой[24], общего признания он не смог добиться, и в орде "открылись большие замешательства"[25]. Чжан-сунь Шэн продолжал свою подрывную деятель-

ность: его агенты проникли в степи и начали подбивать на восстание телеские племена. Расчет Чжан-сунь Шэна был правилен. Телесцы составляли большую часть населения, они были храбры, вольнолюбивы, и подчиненное положение не могло их не тяготить. Тюркюты "их силами геройствовали в пустынях севера"[26], т.е. заставляли проливать кровь ради величия каганата. Пока каганы были победоносны, телеские племена держались лояльно, но, как только узурпация Кара-Чурина возмутила умы и сердца, их верность начала колебаться.

Положение нового хана было чрезвычайно трудным. Он воцарился вопреки закону о престолонаследии и тем самым дал всем своим недругам мощное оружие – лозунг: "Борьба против узурпатора".

Главный враг его – изменник Жангар – оказался законным наследником престола, а так как за него говорило китайское золото, щедро рассыпаемое в степи, то права его становились с каждым часом все более реальными.

Вместе с этим положение на фронте становилось все более напряженным. По совету Чжан-сунь Шэна китайцы отравили источники в зоне военных действий[27], и тюркютам пришлось отступать. Отступление прошло в полном порядке, о чем свидетельствовало ничтожное число потерь – тысяча убитых, сотня пленных, несколько тысяч голов отбитого скота. Гораздо важнее для китайцев было другое – тюркютские старейшины начали перебегать к Жангану[28]. Но Кара-Чурин был еще силен.

В 601 г. он снова вторгся в Китай и разбил армию генерала Хань Хуна. Другой отряд тюркютов разгромил кочевья Жангара и увел людей и скот. Спешно снаряженная китайская армия отбила у тюркютов добычу, но не могла помешать новому набегу[29].

Однако агенты Жангара, посланные им по приказанию Чжань-сунь Шэна, возмутили телесцев против тюркютского хана. За оружие взялись десять племен, среди которых были не только телесцы, но и абары. Восстание охватило колоссальную территорию: от Селенги на северо-востоке до Тянь-Шаня на юго-западе[30]. Западные тюркюты были разбиты повстанцами. Нили-хан погиб[31], а его брат Тун-джабгу[32] бежал, но окраина каганата за Тарбагатаем осталась лояльной династии Ашина.

Еще хуже было на востоке. Кара-Чурин оказался отрезанным от своего наследственного удела, и восточные тюркюты, увидя его критическое положение, разбежались, покинув своего хана в беде[33], а татабы[34] предложили покорность Китаю. Кара-Чурин бежал в Тогон и там был убит тибетцами. Когда же Чжань-сунь Шэн торжественно привел в степь Жангара и как законного наследника объявил его ханом, то сопротивляться было некому.

Брат и наследник Нили-хана, Басы-тегин, попробовал покорностью отстоять свой удел – Бухару. Вместе со своей женой, китаянкой Сян-ши, которую он также унаследовал от погибшего брата, Басы (*кит.* Поши) – тегин приехал в Китай, но был там задержан (604)[35]. Ханом западных тюрок оказался Таман (*кит.* Дамань) – малолетний сын Нили-хана.

УНИЖЕНИЕ ХАНОВ

В расцвете могущества Суйского дома умер его основатель Ян Цзянь, император Вэнь-ди (июль 604 г.), причем внезапность его смерти вызывает подозрение, что он был убит[36]. Его сын Ян Гуан вступил на престол под именем Ян-ди. Он продолжил завоевательную политику отца.

В конце 604 г. империя Суй могла праздновать полную победу. Китайский ставленник – изменник Жангар стал признанным ханом Восточного каганата, который с этого времени навсегда отделился от Западного.

Восстание телесцев бассейна р. Селенги утихло, как только китайцы перестали его поддерживать, но Джунгария и бассейн Тарима не вернулись под скипетр восточнотюркютского хана. Номинально они вошли в состав Западного каганата. Однако телеские племена киби (на северных склонах восточного Тянь-Шаня) и сеяньто (на южных склонах хребта Алтаин-нуру) проявили значительно больше свободолюбия, чем их восточные соплеменники. Два года упорной войны с западными тюркютами (605–606) принесли им победу и свободу[37]. Подробности этой войны не сохранились, но в результате ее в Джунгарии возникло самостоятельное телеское государство, во главе которого встал князь племени киби – Гэлэн, принявший титул Мохэ-хан. Эта победа была обеспечена сочувственным отношением Китая[38] к образованию нового кочевого государства, вклинивавшегося во владения тюркютов и служившего мостом для китайского проникновения в степь. Дружба с Китаем обеспечила Гэлэну безопасность его северо-восточной границы, ибо Жангар, управлявший восточными тюркютами, действовал исключительно в интересах императора. Благодаря создавшемуся благоприятному положению телесцы приобрели необходимые для всякого кочевого общества территории с оседлым населением – оазисы Карашар, Турфан и Хами[39].

Несмотря на то, что Гэлэн принял титул хана, порядок, установленный в Джунгарии, не походил на строгую систему, принятую у тюркютов. Вождь сеяньтосцев Ишибо, подчинившийся Гэлэну, сохра-

нил власть над своим племенем. На месте осталась династия в княжестве Гаочан, и нет никаких сведений об усилении власти верховного правителя. По-видимому, телеское государство в Джунгарии можно рассматривать как племенной союз.

Положение тюркютов в Восточном каганате нельзя было назвать блестящим. Новый хан, Жангар, жил в Ордосе под защитой китайских копий и боялся показаться в степь, где одни подданные ненавидели его как тюркюта, а другие как изменника и китайского ставленника. Чувствуя, что благополучие его зиждется исключительно на поддержке Китая, Жангар шел на бóльшие уступки, чем от него требовали. Например, хан предложил императору Ян-ди, что он заставит своих подданных переменить одежду и законы на китайские[40]. Но Ян-ди воспротивился этому, так как такое нововведение должно было еще уменьшить популярность Жангара в степи и могло вызвать новые смуты, а Жангар был очень нужен китайцам.

В 605 г. восстание киданей было подарено при помощи 20 тыс. тюркютов[41]. Кроме того, орда Жангара могла быть использована против других северных кочевников.

Традиционный путь на запад преграждало Китаю царство Тогон. Отношения с Тогоном всегда были напряженными, а около 603 г. Тогон сделался центром притяжения антикитайских сил в степи. В 604 г. именно там пытался найти спасение враг Китая – Кара-Чурин Тюрк, и вместе с ним к берегам Кукунора бежали те татабы, которые не склонили голову перед "сыном Неба"[42]. Жангар, став ханом, разорвал союз тюркютов с Тогоном, что полностью изолировало Тогонское царство. Но хан Фуюнь успел подготовиться к неизбежному китайскому вторжению, а Ян-ди не решался на тяжелую войну. Он нашел способ унизить Тогон чужими руками.

Китайский посол явился к малолетнему западнотюркютскому хану и угрожал нападением на него совместно с восточными тюркютами. Он заявил также, что если западнотюркютский хан не согласится признать себя вассалом Китая, то его мать, содержащаяся как заложница, будет казнена. Подчинение Китаю хан должен был доказать. Ему было предложено послать войско для нападения на Тогон с тыла[43]. Условия были приняты, и в 608 г. тюркюты ударили на Тогон с запада[44], откуда тогонцы не ожидали нападения. Не встретив сопротивления, тюркюты ворвались в Цайдом, перебили тех, кто не успел скрыться в горы, и захватили огромную добычу.

Возникает вопрос: почему Чуло-хан, вернее, его опекуны согласились на столь невыгодную сделку и каким образом они провели свои войска через владения враждебного им Мохэ-хана Гэлэна? По-видимому, стараниями китайского посла западные тюркюты добились ми-

ра с телесцами. Это было наградой за покорность и помощь, а также компенсацией за унижение каганата. Только так можно объяснить факты истории в аспекте сложившейся ситуации[45]. Действительно, после 608 г. война западных телесцев с западными тюрками утихла.

Император Ян-ди счел момент удобным для броска. В 608 г. китайские войска без объяснения войны вступили в Тогон. Хан Фуюнь со своим кочевым народом бежал на юг, "в Снежные горы", а отставшие были пленены китайцами и отправлены на строительство павильонов для императорских наложниц. Завоеванные земли суйское правительство начало заселять ссыльными преступниками и ввело там китайскую администрацию.

В 609 г. выступил с огромным войском сам Ян-ди и попытался изловить хана Фуюня, засевшего в горах. Но полководцы, решившиеся проникнуть в горы, сложили там свои головы. Однако хан был принужден отступить в Амдо, к кочевым горцам, у которых он нашел приют и безопасность. Ян-ди, не задерживаясь у Кукунора, продвинулся с войском дальше на запад и там пожал лавры завоевателя, не встретив никакого сопротивления. К нему явились владетели Гаочана (Турфан), Иву (Хами) и 27 других мелких князьков с изъявлениями покорности[46]. Правда, там не было представителей Кашгара, Кучи, Хотана и Карашара, но земли до Лобнора и Черчендарьи вошли в состав Китайской империи.

Это было прямое покушение на территориальную целостность Западнотюркютского каганата и ханства джунгарских телесцев, но Чуло-хан Таман и Мохэ-хан Гэлэн не решились протестовать[47], и Ян-ди вернулся в Китай.

СУЙСКОЕ ВЕЛИЧИЕ

Князь Ян Гуан, вступая в 604 г. на престол, унаследовал не только богатую страну, но и лавры победы, одержанной его прозорливым отцом. В истории известно много случаев, когда удачливый правитель терял голову от своего успеха, но у Ян Гуана появилось головокружение от успеха чужого. Став самодержцем, он забыл о том, каких трудностей стоили победы и с каким риском они были сопряжены. Силы противников стали казаться ему ничтожными, а свои возможности беспредельными, поэтому его царствование представляло цепь ошибок, за которые он заплатил престолом и жизнью.

Как говорилось выше, Суйская династия вознеслась на гребне волны антитюркских настроений всего населения Северного Китая, за исключением, конечно, прямых потомков тобасцев. Однако число

последних было немалым, и Ян Цзянь считал нужным обходиться с ними предельно тактично, чтобы обеспечить их лояльность. Окитаенные потомки тобасцев жили вдоль Великой стены от Хэбэя до Чанъани. Среди них было много крупных землевладельцев и профессиональных вояк, оттесненных от власти китайскими помещиками группировки Гуаньлун[48]. Южный Китай, обескровленный безобразным управлением последних династий, стал легкой добычей Ян Цзяня, но по существу был покоренной страной, а не опорой трона. Верность тюркютских ханов, ставших вассалами Суйского дома, была эфемерна, а антипатия их подданных ко всему китайскому – несомненна. Чтобы управлять столь разнообразными и беспокойными подданными, нужен был весьма мудрый и, главное, тактичный государь, но не таким был наследник престола, принявший при воцарении титул Янди. Он был одним из наиболее жестоких деспотов Китая.

Гегемония Суйской династии в странах, расположенных к северу от Великой стены, покоилась, во-первых, на жестокой вражде, возникшей между западными и восточными тюркютами, и, во-вторых, на неослабевающей потребности в шелковых тканях.

В VI в. тюркюты ощущали себя единым народом. Во время распри 80-х годов ссорились царевичи, а их дружинники весьма легко переходили на сторону победителя[49]. Когда Кара-Чурин Тюрк объединил обе половины каганата, это не вызвало никакого сопротивления на востоке, но, как только он был разбит, восточные тюркюты покинули его в беде. Вместе с ханом погибла и его личная дружина, состоявшая несомненно из западных тюркютов; тем самым между родственниками погибших и предателями легла кровь. По понятиям того времени, этого было вполне достаточно, чтобы воссоединение стало невозможным. Теперь вражда между каганатами могла только усиливаться, причем новые потери усугубляли ожесточение[50].

Суйское правительство, сознавая, что для укрепления его позиций одних только раздоров в степи недостаточно, широко практиковало систему подкупов-подарков и роскошных угощений[51], стоивших не меньше, чем содержание целого войска. Так, например, в 607 г. Ян-ди устроил пир для хана Жангара и 3500 старейшин из его аймака. Хану были при этом подарены 2 тыс. кусков шелковых тканей, колесница, верховые лошади, литавры, музыкальные инструменты, знамена. 3500 старейшин также получили подарки. С 610 г. для "вассалов" стали устраиваться в Лояне ежегодные праздники продолжительностью по месяцу. Была сооружена огромная сцена для театральных представлений, беспрестанно играли 18 тыс. музыкантов. До утра ослепительно горели фонари. Лавки украшались, и даже вокруг овощных лотков расстилались циновки. "Вассалов" поили и кормили безвоз-

мездно, уверяя, что в Китае всего много и за вино и пищу платы не берут. Кочевники были особенно изумлены тем, что стволы деревьев обертывали шелковыми тканями. Они спрашивали: "Ведь в Китае есть и бедняки и одежды, по-видимому, не хватает, к чему же шелком обертывать деревья?". Но на этот вопрос они ответа не получали[52]. Более того, успех китайского оружия в бассейне Тарима был достигнут путем задаривания тамошних владетелей, а это стоило недешево[53]. Естественно, что даже баснословно богатый Китай не мог выдержать такого расточительства. Неизбежное увеличение налогов, связанное с возникшим финансовым кризисом, расшатало престол суйского императора. К тому же политика задаривания не достигала цели. Показная роскошь никого не могла обмануть, а купленные друзья всегда ненадежны, и Ян-ди вскоре убедился и в этом и в другом.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 В 593 г. был обезглавлен последний сторонник Китая Кинюй-шад, младший брат Юн Йоллыга. Труп казненного хан отправил в Китай в знак того, что в каганате императору не на кого больше рассчитывать (*Liu Mau-tsai.* Die chinesischen Nachrichten... S. 56, 530).

2 *Бичурин Н. Я.* Собрание сведений... Т. 1. С. 240.

3 Переложение прозаического перевода, приведенного Н. Я. Бичуриным (см.: Собрание сведений... Т. I. С. 240).

4 *Шан Юэ.* Очерки... С. 185.

5 *Liu Mau-tsai.* Die chinesischen Nachrichten... S. 103.

6 *Pulleyblank E. G.* A. Sogdian colony in Inner Mongolia //Toeung Pao. 1952. Vol. 41. № 4–5. P. 318; *Liu Mau-tsai.* Die chinesischen Nachrichten... S. 531.

7 *Julien S.* Documents... Vol. 3. P. 511–512.

8 Ibid.

9 *Liu Mau-tsai.* Die chinesischen Nachrichten... S. 104.

10 *Бичурин (Иакинф).* История Тибета... С. 87.

11 *Бичурин Н. Я.* Собрание сведений... Т. I. С. 241.

12 *Артамонов М. И.* Очерки... С. 41; *Chavannes E.* Documents... P. 248.

13 *Артамонов М. И.* Очерки... С. 39.

14 *Grousset R.* Histoire de l'Extreme-Orient. P. 233. Имя Шегуй по смысловому значению иероглифов значит колчан и могло бы быть сопоставлено с тюркским словом *сагдак*, но наличие того же имени у южных сяньбимуюнов в Ляодуне и Тогоне – дает основание предположить прямое заимствование имени еще во времена монголоязычия орды Ашина.

15 *Бичурин Н. Я.* Собрание сведений... Т. I. С. 241.

16 *Бичурин (Иакинф).* История Китая.

17 *Julien S.* Documents... Vol. 3. P. 515–516.

18 *Liu Mau-tsai.* Die chinesischen Nachrichten. . S. 104–105; *Julien S.* Documents... Vol. 3. P. 518–519; *Бичурин Н. Я.* Собрание сведений... Т. I. С. 241–242.

19 *Бичурин Н. Я.* Собрание сведений... Т. I. С. 242.

20 *Бичурин (Иакинф).* История Китая. VII.

[21] *Бичурин Н. Я.* Собрание сведений... Т. I. С. 242. Между Хя-чжеу и Шен-чжеу. Хя-Чжеу, т.е. Сячжоу в Ганьсу, а Шен-чжеу – город в северо-восточном углу Ордоса (см.: Там же. Т. III. С. 64, 75).

[22] *Julien S.* Documents... Vol. 3. P. 519–520.

[23] У Бичурина ошибочно переведено "без выбора".

[24] *Chavannes E.* (Documents... P. 155), *Liu Mau-tsai* (Die chinesischen Nachrichten... S. 59) пишут: Бильге – мудрый. Ср. с персидским написанием его "биягу", означающим величие. (*Наршахи.* История Бухары. Пер. Н. Лыкошина. Ташкент, 1897. С. 12–13). Китайцы слово "Бильге" транскрибируют как "Бигяи".

[25] *Бичурин Н. Я.* Собрание сведений... Т. I. С. 242.

[26] Там же. С. 301.

[27] *Бичурин (Иакинф).* История Китая; *Julien S.* Documents... Vol. 3. P. 524.

[28] *Бичурин Н. Я.* Собрание сведений... Т. I. С. 242; *Julien S.* Documents... Vol. 3. P. 526.

[29] *Бичурин Н.Я.* Собрание сведений... Т. I. С. 243.

[30] *Грумм-Гржимайло Г. Е.* Западная Монголия... С. 236-237; *Liu Mau-tsai.* Die chinesischen Nachrichten... S. 555.

[31] Прямого указания на это нет, но с этих пор он в источниках не упоминается (см.: *Chavannes E.* Documents... P. 51).

[32] Полагают, что это был именно Тун, хотя в источнике он упомянут только по титулу. Сомнения Лю Мао-цзая (*Liu Mau-tsai.* Die chinesischen Nachrichten... S. 537) неубедительны, так как он не учитывает семантику термина "ябгу".

[33] *Liu Mau-tsai.* Die chinesischen Nachrichten... S. 108.

[34] Ibid. S. 538.

[35] Дата приезда Поши-тегина в Китай: в "Суйшу" – 600 г. Однако Шаванн вполне убедительно доказал, что эта дата ошибочна. Басы (тюркское), как и Поши (китайское), означает "жертва, обиженный". Это не имя собственное и не титул, а прозвище, которым тюрки и китайцы стали называть обманутого и погубленного изменой князя, сменившего престол на тюрьму. Подлинное имя его осталось неизвестным.

[36] *Cordier H.* Histoire générale... P. 387.

[37] *Бичурин Н. Я.* Собрание сведений... Т. I. С. 280; *Liu Mau-tsai.* Die chinesischen Nachrichten... S. 350; *Chavannes E.* Documents... P. 89; *Грумм-Гржимайло Г. Е.* Западная Монголия... С. 238–239.

За исключением Н. Я. Бичурина, все перечисленные авторы восстанавливают ход событий, опираясь на текст повествования об уйгурах (*Таншу.* Гл. 217; *Цзю Таншу.* Гл. 195; *Бичурин Н. Я.* Собрание сведений... Т. I. С. 301), не замечая, что текст, воспринятый без критики, приводит к абсурду. Основанием для такого толкования является дата восстания, которую я считаю ошибочной.

Привожу текст по Лю Мао-цзаю. В первый год правления Да-йе (605) Чуло-хан (западных) тюркютов напал на телеские племена и обложил их тяжелой податью, но, опасаясь возмущения, он собрал несколько сот их предводителей (у Бичурина: старейшин) и убил их всех. Из-за этого телесцы восстали. Объединились телеские племена бугу, тонгра, уйгуров, байырку и аймак [бу] фуло. Верховный вождь их имел титул сыгинь. Позднее они сами назвали себя – уйгуры. Уйгуры живут к северу от сеяньто на р. Солин (Селенга).

Все упомянутые здесь племена обитали к северу от р. Толы и никак не могли соприкоснуться с западными тюркютами, заменявшими прежнюю усуньскую землю, т.е. Семиречье. Племена же, воевавшие с западными тюркютами в 605–606 гг. – киби и сеяньто, – не названы. Этого достаточно для заключения, что мы имеем два описания разных событий, и, учитывая титул хана, правильно отнести уйгурское восстание к царствованию восточнотюркютского Чуло-хана (619–620). Для этого

надо лишь допустить, что в источник вкралась описка переписчика и вместо "правление Да-йе" надо читать: правление Удэ. При этой поправке становятся реальными все прочие сведения и логичным сам ход событий, который до сих пор изобиловал натяжками.

38 В источнике сказано: Чуло-хан начал беззаконно управлять (*Бичурин Н. Я.* Собрание сведений... Т. I. С. 279–280). Здесь мы имеем не реальную оценку, ибо Чуло-хан Таман был еще младенцем, а выражение отрицательного отношения к Западнотюркютскому каганату.

39 *Chavannes E.* Documents... P. 89. № 3.

40 *Бичурии Н. Я.* Собрание сведений... Т. I. С. 244.

41 *Бичурин (Иакинф).* История Китая.

42 *Грумм-Гржимайло Г. Е.* Западная Монголия... С. 237.

43 *Бичурин Н. Я.* Собрание сведений... Т. I. С. 281.

44 *Бичурин (Иакинф).* История Тибета... С. 88.

45 *Грумм-Гржимайло Г. Е.* Западная Монголия... С. 240.

46 *Mailla J. A. M.* Histoire générale... P. 513–514.

47 Вряд ли мы имеем тут двойное подданство, как предполагал Г. Е. Грумм-Гржимайло. Скорее китайский император счел возможным обобрать своих союзников.

48 *Шан Юэ.* Очерки... С. 178.

49 *Бичурин Н. Я.* Собрание сведений... Т. I. С. 239.

50 Там же. С. 280.

51 Там же. С. 244; *Шан Юэ.* Очерки... С. 187.

52 *Шан Юэ.* Очерки... С. 187.

53 *Cordier H.* Histoire générale... P. 397.

XII. Западный каганат

СЕРДЦЕ ДЕРЖАВЫ

Несмотря на то что разделение каганата произошло вопреки воле и желанию тюркютского народа и явилось следствием постороннего, даже враждебного воздействия, пути обеих половин некогда единого целого оказались предельно различными.

На востоке ситуация изменилась мало, так как китайский протекторат не затрагивал ни тюркютских традиций, ни способа производства, ни системы ведения хозяйства. Тюркюты на востоке оставались этнически спаянной группой, и их потенциальные силы были значительно больше, чем у любого из соседних народов. В первый же благоприятный момент политическое преобладание тюркютов в степи не только могло, но и должно было восстановиться.

На западе мы видим совсем иную картину. Тюркюты там были в абсолютном меньшинстве. Сколько бы дружинников ни увел с собой Истеми-хан, они стали каплей в море покоренных областей. Казалось бы, они должны были либо раствориться без следа в местном населении, которое мы вправе называть тюркским, либо стать его жертвой после того, как основная масса их соплеменников оказалась под пятой суйского императора. Но произошло нечто третье: кочевники Семиречья, Чуйской долины, низовий Волги и Кубани, верховий Иртыша и Ишима выказали полную лояльность династии Ашина. Точно так же повели себя оседлые обитатели оазисов бассейнов Тарима и Амударьи и даже горцы склонов Гиндукуша и Кавказа. Таким образом, тюркюты и здесь сохранили господствующее положение.

Приходится признать, что Истеми и Кара-Чурин Тюрк были не только полководцами, но и выдающимися администраторами. Они создали modus vivendi для тех стран, в которые они пришли как завоеватели. Разобщенные доселе племена, истощавшие свои силы в постоянных мелких войнах, вкусили сладость мирной жизни и получили все возможности для развития своего кочевого скотоводческого хозяйства, что в свою очередь привело к возникновению сознания единства, которое с тех пор стало называться тюркским. Можно сделать вывод, что именно немногочисленность тюркютов, составлявших господствующий слой, обеспечила устойчивость вновь возникшей системы. Содержание ханской дружины было так необременительно, что не вызывало протеста в данниках, тем более что польза от наличия единой власти была очевидна. Внешнеполитическая задача, стоявшая перед державой, – борьба за великий караванный путь, – была жизненной потребностью для торговых городов южных областей каганата и сулила обогащение его северным подданным, так что и тут интересы страны и династии совпадали. Но поскольку реальная сила была не у правительства, а у народа, то мы наблюдаем постепенную эволюцию всех институтов и соотношения сил, которая и составила историю Западнотюркютского каганата вплоть до его падения в 659 г. Но не будем забегать вперед, а сосредоточим свое внимание на том положении, которое сложилось при малолетнем Чуло-хане в 609 г., предпослав описанию еще одно важное общее соображение.

Впоследствии мусульмане, сталкиваясь с тюрками, отметили их удивительное умение находить общий язык с окружающими народами. Эти качества тюрки проявляли вне зависимости от того, приходили ли они в новую страну как победители или как гости, как наемники или как военнопленные рабы; в любом случае они делали карьеру с большим успехом, чем представители других народов.

"Кто может спросить, – говорит Фахраддин, – что за причина славы и удачи, которая выпала на долю турок. Ответ: общеизвестно, что каждое племя и класс людей, пока они остаются среди своего собственного народа, среди своих родственников и в своем городе, пользуются уважением и почетом, но, когда они странствуют и попадают на чужбину, их презирают, они не пользуются вниманием. Но турки наоборот: пока они находятся среди своих сородичей и в своей стране, они представляют только одно племя из числа других турецких племен, они не пользуются достаточной мощью и к их помощи не прибегают. Когда же они из своей страны попадают к мусульманам – чем дальше они находятся от своих жилищ, родных и страны, тем больше растет их сила и они более высоко расцениваются, они становятся эмирами и сипехсаларами".

И ниже: "Среди изречений Афрасиаба, который был царем турок и был безгранично мудрым и умным, было изречение такое: "Турок подобен жемчужине в морской раковине, которая не имеет ценности, пока живет в своем жилище, но когда она выходит наружу из морской раковины, она приобретает ценность, служа украшением царских корон, шеи и ушей у невесты"[1].

Наблюдения вдумчивого историка XII в. вполне применимы и к тюркютам VII в. Этим можно объяснить устойчивость династии, на полвека пережившей свою мощь. Было бы неверно заключить, что скипетр тюркютских ханов мог обеспечить внутренний мир стране со столь разнообразным и воинственным населением. Ослабевшая династия Ашина была приемлема для всех своих подданных, но подлинные силы и страсти продолжали бороться между собой, оставаясь на позициях легитимизма. Ханы заплатили за сохранение престола тем, что стали марионетками в руках племенных бегов и согдийских дехканов, а те и другие при ослаблении власти разбились на ряд партий и начали между собой борьбу за преобладание.

Наиболее значительными претендентами на руководство оказались два племенных союза: дулу в Семиречье и западной Джунгарии и нушиби в западном Тянь-Шане вокруг оз. Иссык-Куль[2]. Каждый из этих союзов включал по пять племен, вследствие чего для Западного каганата иногда применяется название "десять племен", что оттеняет преимущественное значение этих племенных союзов для державы в целом. Наряду с этим названием встречается другое – "тюрки-джабгу", под которым подразумеваются жившие в Западном каганате тюркюты, в память того, что Истоми был ябгу[3] при Иль-хане Бумыне. Оба эти наименования подменяют друг друга, когда речь идет о державе как таковой, но наличие обоих свидетельствует, что различие между тюркютами и тюрками десяти племен в VII в. еще не было уничтожено.

ТЮРКЮТЫ И ТЮРКИ

Реконструкция положения в Западном каганате, представленная в данной работе, радикально отличается от концепции Э. Шаванна, принятой в мировой науке. Расхождения основаны на гипотетическом понимании нескольких терминов и одной общей предпосылке Шаванна, которые до́лжно отвергнуть, так как русские исследования XX в. обнаружили их несостоятельность.

Э. Шаванн строит свою концепцию на некритическом воспроизведении гипотетических отождествлений В. Радлова и Ф.Хирта:

теле – толос[4], сеяньто – сир-тардуш[5], огор – уйгур[6] – добавляет свое: абар – жужань[7]. На беспочвенность первой пары отождествлений указал В. В. Бартольд, вообще весьма низко оценивший работу Э. Шаванна[8]; по поводу "огоров" ясность внесла работа М. И. Артамонова[9], установившая, что это приуральские угры, а вопрос об абарах разобран выше. Исправление этих, ныне бесспорных, ошибок делает синтетическую часть работы Э. Шаванна устаревшей, что вынуждает пересмотреть заново весь материал. И тогда мы наталкиваемся на то, что постулат Э. Шаванна – "западные тюрки не составляли единого народа, но состояли из разных племен, образовавших федерацию"[10] – требует уточнения.

В понимании Шаванна тюркюты и тюркоязычные племена Семиречья – одно и то же, и для тюркютов как таковых, нет места в его реконструкции хода событий. Однако при проверке выясняется, что при этом понимании ход событий не может быть полностью объяснен, как будет показано в дальнейшем. Кроме того, этнографическими исследованиями Б. Х. Кармышевой открыты прямые потомки тюркютов в Средней Азии. Среди племенных названий среднеазиатских тюрок, ныне входящих в состав узбеков, есть группа племен, именуемых местным населением "тюрк", а внутри ее кроме карлуков, барласов, кальта-тай и муса-базари есть племенная единица с самоназванием "тюрк"[11]. Здесь в первом случае под тюрками понимаются старые тюркоязычные обитатели Мавераннахра XIV–XV вв., на что указывает наличие отюреченного монгольского рода барласов, причем они противопоставляются узбекам в узком смысле, под которыми понимаются племена, пришедшие с Шейбани-ханом из Дешти-кыпчака. Во втором случае "тюрки" в узком смысле противопоставляют себя не только узбекам – локаям, кесамирам и семизам, но и карлукам. Родовых подразделений они не имеют, но одна из их групп называет себя тюрки-тугьен[12]. Это слово, ныне понятное далеко не всем, знающие старину производят от монгольского "туг" – знамя, бунчук; это может означать "знаменосцы" или "мятежные тюрки"[13]. Легенда гласит: "Тугьен (правильно Тугон. – *Л. Г.*) – имя одного храброго воина, жившего 1200 лет назад. Родом он был из Татарстана. Род тюрк-кальтатай является потомством этого человека"[14].

Б. Х. Кармышева полагает, что эти "тюрки" относятся к потомкам тюркских пришельцев в Среднюю Азию, "возможно еще более ранних, чем предки карлуков"[15]. Вывод Б. Х. Кармышевой представляется вполне убедительным, а собранный ею материал – исключительно важным. Он вполне подтверждает наличие в Средней Азии VII–VIII вв. (1200 лет тому назад) того самого племени, которое мы называем "тюркют". В пользу нашего соображения говорят также этнографические особен-

ности этого племени. "Тюрки" держатся обособленно от узбеков и киргизов и с ними в браки не вступают. Вместе с тем они сохранили до последнего времени навыки кочевого скотоводства[16].

И. И. Умняков, аннотируя "Историю Фахрэддина Мубаракшаха", приводит перечень упомянутых там тюркских племен, первое место в этом перечне занимает племя "тюрк". Умняков предполагает, что слово "тюрк" помимо коллективного названия турок в XII–XIII вв., "вероятно, и раньше служило также названием особого турецкого племени"[17].

Это несомненно так. И условный термин "тюркют", предложенный нами, помогает избежать путаницы понятий и аберраций, жертвой которых стал даже такой гигант анализа, как Э. Шаванн. Должен прибавить, что, не принимая его синтетического построения, я отнюдь не разделяю отрицательного мнения В. В. Бартольда об аналитической части X исследования французского ориенталиста[18].

СОГДИАНА В СОСТАВЕ КАГАНАТА

Если силу ханы западной ветви Ашина черпали у степных племен Семиречья и Чуйской долины, то богатство притекало в их руки из оседлых владений Средней Азии и бассейна Тарима. Согдийские дехканы и купцы так много хорошего видели от западнотюркютских ханов, что сами стали крепкой опорой престола. В начале VII в. Средняя Азия была на гребне своего экономического и культурного расцвета; торговля, земледелие и ремесла развивались с предельной быстротой: религиозные культы мирно уживались друг с другом; шелк, переливаясь из Китая в Византию, по пути частично оседал в Бухаре, Самарканде, Чаче (Ташкент), Кашгаре, Куче и Турфане в виде тяжелых золотых слитков, из которых изготовлялись украшения для жен купцов и дехканов. Но все это благополучие был результатом подчинения Согдианы тюркютскому хану.

Как ни странно, но культурный подъем среднеазиатских владений уживался с чрезвычайно низким уровнем политического самосознания. Согдиана в VII в. была раздроблена на мельчайшие княжества и, несмотря на крайнюю необходимость, не имела сил для объединения. А ведь только политическое единство гарантировало безопасность торговых караванов, возделанных садов, мастерских в предместьях городов и т.д. Ханы Ашина обеспечили стране необходимый покой и не вмешивались во внутренние дела своих подданных. Согдийские города сохраняли полную автономию и только выплачивали ханам в виде дани часть доходов, получаемых с баснословно прибыльной торговли.

Согдийцы принимали весьма деятельное участие в политической жизни каганата. Заинтересованность в развитии караванной торговли определила их линию поведения. Северные кочевники дулу получали мало выгод от торговли шелком, так как были далеки и от рынков сбыта и от перевалочных пунктов. Иной раз им удавалось разграбить караван, шедший через Джунгарские ворота, но это не могло служить для них регулярным подспорьем, тем более что караваны часто обходили опасные места путем, шедшим от Кучи на Аулие-Ату[19]. Зато южные кочевники – нушиби, жившие неподалеку от Ферганы и Согдианы, регулярно пропускали через свои земли караваны, и им не было смысла нападать на них. Они взимали плату за пропуск, безопасность, за проводников, продовольствие и топливо и богатели вместе с согдийцами. Общие интересы сделали согдийских купцов сторонниками племен союза нушиби и ханов из династии Ашина, опиравшихся на них.

Это уравновесило силы боровшихся партий, и, несмотря на то что дулу имели за собой бескрайние равнины современного Казахстана с храбрым и воинственным населением, им не удавалось победить своих соперников – нушиби, получавших субсидии от мирных горожан. Нушиби занимали выгодное географическое положение: обладание склонами Тянь-Шаня в изучаемое время было насущной экономической необходимостью для тюркютов, так как эти лесистые и богатые водой районы были местами их летовок. Кроме того, Турфан снабжал кочевников наиболее необходимыми для них продуктами – хлебом и тканями. Этими товарами Турфан был столь богат, что они вывозились даже в Китай[20].

Вообще из всех восточнотуркестанских владений только два, Турфан и Хотан, играли заметную политическую роль. Но Хотан, лежавший в стороне от великого пути, за песками пустыни Такла-Макан, больше тяготел к Тибету и Индии, тогда как Турфанский оазис был связан с Китаем и северными кочевниками. При анализе политики западнотюркютских ханов весьма полезно взглянуть на историю Турфана в период, когда там существовало княжество Гаочан.

Турфанский оазис издавна был одним из крупнейших культурных центров Восточного Туркестана. Китайцы вели из-за него ожесточенную войну с хуннами и, одержав победу, основали там военную колонию Гаочан-лей[21]. В период смуты, после падения дома Хань, Китай потерял Восточный Туркестан, но большое количество китайцев осело на благодатных землях Турфана. Полной самостоятельностью Гаочан не пользовался, последовательно подчиняясь жужаням, гаогюйцам, и, наконец, в 590 г. был завоеван тюркютами. Однако это завоевание не означало прекращения местной династии. Тюркюты лишь заставили гаочанцев принять в знак покорности тюркютские

обычаи и одежду. Все это время в Гаочане боролись китаефильская и сепаратистская партии, причем последняя опиралась на кочевников. К концу VI в. значение Гаочана выросло настолько, что тюркютский хан счел возможным согласиться на брак своей дочери и гаочанского князя. Владетель Гаочана, бывший, кстати, сыном дочери тюркютского хана, пользуясь ослаблением тюркютов при ничтожном Жангаре Кимин-хане, ориентировался на Китай. В 609 г. он ездил к Ян-ди и получил от него в жены княжну из императорского дома.

Подводя итоги сказанному выше, можно заметить, что положение западной ветви Ашина было чрезвычайно трудным. Традиционный союз с согдийскими купцами неизбежно влек за собой вражду с Ираном. Гаочан оказался яблоком раздора между каганатом и Китаем. Хазары на западе были ненадежны, телесцы на востоке – явно враждебны. Наконец, главная опора династии – беги племенных союзов дулу и нушиби стремились к ослаблению ее власти, при которой они могли бы иметь максимум самостоятельности. Осуществление этой тенденции означало фактическую анархию, и только очень сильный и талантливый хан мог поддерживать авторитет нейтральной власти. А такие встречались не часто.

ГЕГЕМОНИЯ ДУЛУ. ЧУЛО-ХАН ТАМАН

604 год был годом полного распада Западнотюркютского каганата. Великий Кара-Чурин Богю-хан пропал без вести, сын его Нили-хан погиб, брат последнего, известный только под прозвищем Басы (Поши)-тегин, законный наследник престола, оказался задержанным в Китае. Вопреки законному порядку, в ущерб Шегую, правителю Чача, возведенным на престол оказался сын Нили-хана – Таман с титулом Нигю Чуло-хан. Новый хан при воцарении еще вряд ли умел ходить; он родился незадолго до гибели своего отца. Возникает вопрос: какая партия поставила его ханом? Географическое местоположение его ставки, "прежняя Усуньская земля"[22], т.е. долина р. Или[23], показывает, что власть оказалась в руках племен союза дулу. Они постарались ограничить власть хана путем рассредоточения ее, т.е. на западе и на востоке наместники получили титул "малых ханов", и в чиновную иерархию были введены дополнительно два чина: (сыфаян и хунда, которые управляли государственными делами[24]. Малолетний хан стал игрушкой в руках своих вассалов.

Не менее существенна была реформа культа. Тюркютский хан, как уже говорилось, был не только военным вождем, но и первосвящен-

ником и два раза в год приносил жертву предкам и духу неба[25]. В Западном каганате беги лишили хана этой важной обязанности, и теперь для принесения жертвы на святое место ездил один из высших сановников. Это принижало значение не только самого хана, но и всех его соплеменников – тюркютов, которые, таким образом, оказались в оппозиции к правительству, возглавляемому бегами дулу, и ориентировались на союз с бегами нушиби и владетелями согдийских оазисов. Последние были согласны финансировать любого претендента, который бы согласился поставлять шелк и обеспечить безопасность на великом караванном пути. Однако тюркюты готовы были служить лишь хану из рода Ашина, а нушиби хотели вручить власть лишь человеку, к ним расположенному. Претендент, удовлетворивший всем этим требованиям, нашелся: это был князь Шегуй, внук Кара-Чурина Тюрка[26], принужденный довольствоваться скромным уделом – княжеством Чач. Летовка его, Мин-булак[27] (тысяча ключей), находилась к югу от р. Талас, в землях нушиби, с которыми этот князь, очевидно, поддерживал добрососедские отношения.

ПОБЕДА НУШИБИ. ШЕГУЙ-ХАН

Правительство, состоявшее из старейшин родов союза дулу и управлявшее именем Чуло-хана Тамана, оказалось несостоятельным. Восточные области отпали, грабежи дулусцев и телесцев препятствовали караванной торговле, и жертвы, принесенные ради заключения мира с Китаем, оказались безрезультатными. Внутри страны положение также становилось угрожающим. Беспомощность правительства толкнула согдийские города на непосредственное сближение с Китаем. За Турфаном, предложившим союз Китаю в 608 г.[28], в 609 г. последовали среднеазиатские владения: Ань (Бухара), Бокань (Фергана), Ши, Ми (Маймург), Цао, Хэ, Унагэ, Му, Кан (Самарканд)[29]. За ними в 610 г. послали посольства с дарами Куча и Гибинь[30]. Наконец явилось посольство и от Шегуя. Он добивался брачного союза, и китайское правительство сочло этот момент благоприятным для воздействия на Чуло-хана. Вместо невесты Шегую было послано пожалование его великим ханом и бамбуковая стрела с белым оперением, чтобы "дело шло так же быстро, как летит стрела". Дулу перехватили посольство' и отняли стрелу, но самому послу удалось "обманом освободиться"[31] и известить Шегуя о результатах переговоров. Шегуй немедленно выступил в поход на Тамана и наголову разбил его. Таман бежал на восток и, будучи по дороге ограблен и преследуем, сдался китайцам. Его приверженцы были разделены на три малые орды (612)[32].

Конец Тамана был печален: в 618 г., уже после смены династии, восточные тюркюты потребовали у китайцев крови своего заклятого врага. Государственные советники сочли неблагоразумным из-за жизни одного тюркюта идти на конфликт и уговорили императора пожертвовать Таманом. Несчастного напоили допьяна и впустили тюркютского посла, который собственноручно его зарезал[33]. Убийство было совершено тайно, чтобы не ронять престижа новой династии в войсках и среди кочевников, ибо как те, так и другие не одобряли предательства.

Переворот 612 г. полностью разрядил напряженность политической обстановки, возникшей из-за неуживчивости старейшин дулу. Все княжества Согдианы и бассейна Тарима вернулись под скипетр западнотюркютского хана. Исключение составлял только Гаочан, потому что он по своему географическому положению был более связан с телескими племенами Джунгарии, которые получали из богатого оазиса необходимые кочевникам продукты земледелия и ремесла. Равно дорога, проходившая через Гаочан, вела в кочевья дулу, а она приносила гаочанцам огромные доходы от таможенных пошлин[34].

В результате князь Гаочана в 612 г. предпочел подчиниться дому Суй, нежели Шегуй-хану, покровителю карашарцев, кучасцев и согдийцев – его соперников по торговле. Шегуй-хан легко примирился с небольшой территориальной утратой, так как китайцы предоставили ему власть даже над теми оазисами, которые подчинились императору Ян-ди в 609 г.[35] Усиление Шегуй-хана было даже на руку императору, который успел потерять интерес к Западному краю и все свое внимание сосредоточил на завоевании Кореи. Последнее его безумство стоило обоим народам много крови, а деспоту – трона и жизни, но корейскую войну мы рассмотрим в другой связи, а пока вернемся к внутреннему положению Западного каганата.

ГЕГЕМОНИЯ НУШИБИ. ТУН-ДЖАБГУ-ХАН

Победа Шегуя означала восстановление положения, предшествовавшего гибели Кара-Чурина Тюрка в 604 г. Внутреннее положение каганата упрочилось, внешние затруднения рассеялись. Самая острая проблема – существование в Джунгарии независимой телеской конфедерации – разрешилась сама собой. В 619 г. оба телеских вождя, кибисский Мохэ-хан Гэлэн и сеяньтоский Ышбар (Ишибо), отреклись от титулов и добровольно подчинились Тун-джабгу-хану[36]. Этот факт лояльности свидетельствует, что действительной причиной войны были не телесцы и не ханы Ашина, а неукротимые племена дулу, не умевшие и не хотевшие ладить с соседями. Дулу унаследовали воин-

ственные навыки древних хуннов и, подобно им, "умели сражаться на коне". Но то, что в свое время дало хуннам "господство над народами", натолкнулось на мощное сопротивление теперь. В VII в. купец встал рядом с богатырем и сумел купить себе достаточно сторонников, чтобы загнать степных витязей в дебри и пустыни. Это своевременно поняли телеские старейшины и покорностью обеспечили себе покой. Они знали, что ханы Ашина не позарятся на их овец, так как ежегодно проходящие через степь караваны сыпали в ханские ладони золото и шелка.

Значение караванного пути для этого времени подчеркивается подбором городов, которые попали в географический раздел "Суйшу", и той последовательностью, в которой они там расположены. Основной путь лежал по северную сторону Тянь-Шаня, и потому первым пунктом поставлено княжество Гаочан в Турфанском оазисе, а вторым, также перевалочным пунктом, Кан, т.е. Самарканд, главный и самый богатый город Согда. Супругой владетеля Согда была тюркютская царевна, дочь Кара-Чурина Тюрка; законы и письменность там были тюркютские[37]. Самарканд был одним из тех городов, который много выиграл от подчинения ханам Ашина и долгое время был их опорой. Китайский географ специально отмечает, что жители Самарканда "искусны в торговле... многие иностранцы приезжают к ним для торга"[38].

Следующим пунктом названа Ань, т.е. Бухара. Здесь зависимость от тюркютского хана не отмечена. Но тем не менее Бухара входила в состав каганата и там располагался удел, в котором сидел шад, тогда как в Чаче (Ташкент) правил всего-навсего тудун. В отличие от прочих городов Согдианы Чач оказал сопротивление Шегуй-хану, но был покорен и подчинен непосредственно царевичу из рода Ашина[39].

Затем таким же образом намечена вторая дорога: Карашар, Куча, Кашгар и Хотан, затем Фергана, Тохаристан и Идань, т.е. страна эфталитов. Это путь по южной стороне Тянь-Шаня, соединявший Китай с Индией. Области, по которым он проходил, были подчинены западнотюркютскому хану, причем покорение остатка эфталитов к югу от Амударьи оговорено источником специально[40]. Княжества в центре Средней Азии: Ми – Маймург, Шы – Кеш, Цао – Усрушана, Хэ – Кушания (Катта-курган), расположены в тексте не цепочкой, а кучно, ибо они находились на единой культурной площади. За ними несколько особняком сгруппированы Унагэ – Мерв, Му – Амуль и Босы – Пе́рсия, тюркютскому хану не подчинявшиеся[41].

Но Амударья была границей Запа́днотюркютского каганата только в среднем и нижнем течении. В верховьях тюркюты перешагнули ее и проникли через Афганистан в Северо-Западную Индию[42]. Подробных сведений о покорении этих стран не сохранилось, но тюркю-

там пришлось потрудиться. Это видно из единственной, но многозначительной фразы: "Тун-джабгу-хаган был храбр и предусмотрителен. Когда он давал сражения, он всегда одерживал победу"[43]. Эти победы позволили ему окружить своими владениями всю восточную границу Ирана. Шахиншах Хосрой Парвиз, связанный на западе упорным сопротивлением Византии, не имел сил помешать усилению тюркютского хана. Более того, армянские нахарары, которым шах поручил охрану восточной границы, передались тюркютам и были ими переправлены вокруг Каспийского моря на Кавказ, где приняли участие в войне против персов[44]. Восточная граница Ирана с 620 по 630 г. была беззащитна, и тем не менее Тун-джабгу не вторгся в Иран с востока. Это отнюдь не свидетельствует о его миролюбии. В то же самое время он развернул активную деятельность на Кавказе, но в Средней Азии продолжал царить худой мир.

Это странное явление может быть объяснено тем соотношением социальных сил, которое сложилось в Западном каганате вследствие победы нушиби. Купцы хотели торговать. Их не смущало, что они снабжают шелком враждебных персов, ибо перспектива победы была сомнительна и далека, а доход от сделок шел прямо в руки. Кроме того, поход Бахрама Чубина и разгром Авазы в 589 г. наглядно показали согдийцам, что персы способны наносить контрудары и, чего доброго, вернув Балх, поставить под свой контроль пути в Индию. Поэтому, толкая хана на войну с Ираном, они сумели заставить его перебросить войска за Каспийское море и обречь на разорение Грузию и Армению, а сами сохранили в безопасности свои роскошные дворцы, сады и стада верблюдов.

Степи юго-восточной Европы в 20-х годах VII в. находились под властью тюркютов. Наместником хана был его младший брат, носивший титул "джабгу хаган" (джебухаган). Его сын был при нем полководцем с титулом "шад"[45], который в "Истории агван" назван племянником "царя севера"[46]. Значит, джебухаган был братом "царя севера".

Ханом Западнотюркютской державы был в это время Тун-Джабгу-хан, суверенный государь. Надо полагать, что именно он выступал как "царь севера", тем более что дата гибели Джабгу-хана и "царя севера" одна и та же (630). Старшие братья его к 626 г. умерли, но при нем был младший брат, Мохо-шад. В промежутке между 618 и 626 гг. Мохо-шад ездил в Китай с дипломатической миссией[47], и больше о нем китайские анналы не упоминают. Самое естественное предположить, что он, получив титул ябгу, оказался правителем западных областей и вторым лицом после хана, так как он действительно был его ближайшим родственником. Кто же из трех его сыновей выступает в "Истории агван" под наименованием "шад"? Старший из них, Нишу

Гяна-шад, был удельным князем в Бухаре[48]. Где был удел второго, Тонга-шада, неизвестно, но так как он был долгое время другом карашарского владетеля, то надо думать, что они жили неподалеку, т.е. удел Тонга-шада находился в Средней Азии. Более всех подходит третий брат – Бури-шад, так как этот титул носили западные удельные князья, например племянник Тобо-хана[49].

Китайские хроники не дают о нем никаких библиографических сведений, что опять-таки косвенно подтверждает предположение о том, что его удел был на западе, вне поля зрения их авторов.

Предкавказье в начале VII в. населяли два народа: болгары (включавшие племена утургур, унногундур, оногур и др.[50]), жившие на правом берегу Кубани вплоть до Дона, и хазары, обитавшие в низовьях Терека и Волги. В войнах 589 и 626–630 гг. хазары настолько тесно связали свою судьбу с ханами Ашина, что греческие и персидские авторы употребляли названия "турк" и "хазар" как синонимы. Однако эти народы были столь различны, что Шаванн специально предупреждает читателя о недопустимости их отождествления[51]. Хазар знали даже китайцы. В "Таншу" северным соседом Босы (Персия) и Фолинь (Рум – Византия) названо "дулгасское (тюркютское) поколение кэса"[52]. Такое название давалось китайцами только тем племенам, покорность которых была добровольной, а не вынужденной, как было, например, с телесцами и киданями. Будучи давними врагами Ирана, хазары всеми силами поддерживали политику нушибийских ханов, и, следовательно, возможными соперниками их могли быть не только болгары, что и подтверждается косвенными упоминаниями источников.

Чрезвычайно существенно, что в закавказских походах болгары не участвовали. Но это понятно, если учесть, что авары держали под своим контролем всю кутургурскую землю, т.е. область причерноморских степей до Дона. Тюркютский джабгухаган был бы крайне наивен, если бы оставил эту границу незащищенной. По-видимому, ее охрана была поручена именно болгарам, что находит подтверждение в дальнейшем ходе событий. Но эта тяжелая и опасная обязанность, как и отстранение от сулящих добычу походов, не могла расположить болгар к нушибийской группировке. Действительно, в последующих событиях мы видим, что они выступают как сторонники дулу[53].

Степи современного западного Казахстана, древняя страна сабиров, также входили в Западный каганат. Удельным князем там был дядя Тун-джабгу-хана, носивший прозвище "Богатырь" и имевший достоинство малого хагана. Эта страна уже в VII в. называлась Сибирью, так как впоследствии "Богатырь" принял титул "Кюйлюг Сибир-хан". По своим симпатиям сибирские племена, подобно болгарам, тяготели к группировке дулу.

ОРГАНИЗАЦИЯ ОРДЫ

Китайские и греко-армянские авторы, описывающие Западнотюркютский каганат, ограничились поверхностью явлений, сосредоточив внимание на племенах, входивших в эль, а не на самой тюркютской орде, господствовавшей в нем. К счастью, экспедицией П. Пельо был обнаружен географический трактат второй половины VIII в., составленный пятью хорами (тогонцами) и переведенный на тибетский язык[54]. Этот документ состоит из пяти докладов[55] "О царствах и племенах, обитающих на севере" (т.е. к северу от Тогона); в четырех описывается этнополитическая ситуация, современная им, а в одном (первом) – историческая, которую можно точно датировать концом царствования Тунджабгу, что видно из состава племен, перечисленных в документе.

Понимание этого документа встречает ряд неожиданных трудностей. Прежде всего язык, на котором он был впервые составлен, по-видимому южномонгольский, в отношении терминологии подвергся сильному влиянию китайского. Очевидно, авторы докладов были люди образованные и знали китайскую географическую литературу. Поэтому названия племен носят отпечаток традиционных фонетических искажений, свойственных китайскому языку. Затем, перевод на тибетский язык еще исказил названия племен, известных переводчику понаслышке, и тем не менее расшифровать документ можно при условии сопоставления его с суммой сведений, накопленных наукой, и при тщательной исторической критике. В четырех строках тибетского текста, подлежащих анализу, содержится двенадцать (на самом деле одиннадцать) племенных названий. Указано, что "эти племена не имеют царя и выставляют 6 тыс. воинов"[56]. Отсутствие царя (очевидно, для каждого племени в отдельности) можно понять только так, что они непосредственно подчинены верховному хану и в отличие от прочих племен, входящих в каганат, лишены самоуправления. Если это верно, то они должны входить в систему толис-тардуш, двух крыльев западнотюркютского эля. Так оно и есть, хотя с небольшой поправкой.

Племена в перечне распадаются на следующие группы: 1) "племя царя Азма Муганя" – это род Ашина; 2) "хали", сопоставляется со словом "фули", китайским искажением тюркского слова "бури" (волк), т.е. гвардии тюркютских ханов; 3) "А-са-стэ" – название знатного тюркского рода Аши-дэ[57]; 4) "Сар" – несомненно "сир", т.е. ведущий род племени сеяньто. Перечень заканчивается словом "дули", в котором легко усмотреть термин "толис"[58].

Дальше перечень идет с запада на восток: 5) "Ло-лад" – аланы с суффиксом монгольского множественного числа, что естественно, ибо доклад писал житель Тогона; 6) "Парсил" – болгарское племя

барсил, обитавшее по северо-западному берегу Каспийского моря[59]; 7) "Нги-ке", ср. титул Тамана – "Нигю Чуло-хан"; нигю – племенное название тюрок, обитавших "в древней усуньской земле"[60], т.е. на берегах оз. Балхаш; 8) суни – тюркское племя в Джунгарии, на границе Восточного и Западного каганатов[61]. Список заканчивается племенем джолто (9), эквивалента к которому нет. Думается, что здесь мы имеем искажение термина "тардуш", покрывающего все перечисленные племена, составляющие западное крыло каганата. В особое племя его выделил, как можно думать, тибетский переводчик, живший в то время, когда система "толис-тардуш" стала анахронизмом.

Следующие три племени: янь-ти, хе-бдал (эфталиты)[62] и гар-рга-пур, судя по среднему из них, помещались в Средней Азии, в той части ее, которая была присоединена Тун-джабгу-ханом к каганату в 20-х годах VII в. В это время там жили потомки кушанов, этническая принадлежность коих к сарматам может считаться установленной. Тут вспоминается древнекитайское название для сарматских племен – янь и яньцай, в которых китаисты видели передачу этнонима "сармат". Мы уже видели, что потомки кушанов в 603 г. выступили против Ирана в союзе с тюркютами и 20 лет спустя их земли без заметной борьбы оказались присоединены к Западному каганату. Потомками Дахака, т.е. степняков, считался знатный род Сури, правивший в VII-XI вв. в Гуре[63]. Учитывая наличие китайских литературных реминисценций у нашего автора, можно с большой долей вероятности предположить, что он назвал обитателей степного берега Пянджа древним именем, чем доказал свою эрудицию.

Название гар-рга-пур состоит из двух слов: "пур" – сын (*перс.*), и Гар-рга – карга (*тюрк.*) – ворона. Это калька с персидского слова "чубин" – ворона[64], кличка Бахрама Чубина на придворном жаргоне времени шаха Хормизда[65]. Потомки Бахрама после его гибели остались жить в Балхе, в VII в. находившемся в пределах Западнотюркютского каганата; их считают предками Саманидов[66]. Видимо, горсть персидских эмигрантов, живших среди тюркютов на привилегированном положении рассматривалась современниками как одно из племен, составлявших тюркютский эль[67].

То, что эти три племени, отличные от тюркютов по расе, языку и культуре и не входившие в систему "толис-тардуш", перечислены на равных основаниях с прочими, собственно тюркскими племенами, показывает, что они были инкорпорированы в орду как равноправные члены. Благодаря их лояльности тюркюты могли держаться у подножия Гиндукуша, так же как они держались у подножия Кавказа благодаря поддержке барсилов и части аланов, принятых в свою среду. Расовый принцип был чужд культуре древних тюрок.

В ХАНСКОЙ СТАВКЕ

Тун-джабгу-хан расположил свою ставку в благословенной зеленой степи к северу от оазиса Чача. Это был центр его обширных владений. Здесь он принимал посольства от императоров Восточного (китайского) и Западного (византийского). Но любопытно и существенно, что не дипломаты оставили для нас описание двора тюркютского владыки, а буддийские монахи, находившие у хана теплый прием и внимание. В 626 г. к хану прибыл индийский проповедник Прабхакарамитра с десятью спутниками и нашел в орде полный порядок и образцовую дисциплину[68]. Хан ласково беседовал с гостями, и они ни в чем не испытывали нужды. Им только не разрешили проехать в Китай, куда Прабхакарамитру приглашал китайский дипломат, познакомившийся с ним в ханской ставке.

Через несколько лет в ханские владения прибыл другой буддийский монах-китаец Сюань Цзан. Как только он добрался до оазиса Хами, его немедленно пригласили в Каган-ступу, т.е. в Бишбалык[69]. По дороге его заманили в Турфанский оазис, и владыка Гаочана тоже захотел оставить при себе "святого человека", но мужественный паломник объявил голодовку и этим принудил предоставить ему свободу передвижения. Сюань Цзан, уезжая, обещал на обратном пути прочесть в Гаочане курс лекций по буддийской философии, но этому не суждено было сбыться. В 644–645 гг., когда он возвращался в Китай, гаочанское княжество уже перестало существовать[70].

Около места, где ныне стоит г. Токмак, паломник встретил Тун-джабгу-хана, который развлекался охотой. Сюань Цзана поразило множество прекрасных лошадей. Хан был одет в халат из зеленого атласа; голова его была не покрыта, только узкая шелковая лента перехватывала лоб и удерживала волосы, ниспадавшие на плечи. Хана окружала свита из двухсот всадников, одетых в парчовые халаты. Их волосы были заплетены в косы. Прочие воины сидели на верблюдах или лошадях. Они были одеты в меховые или полотняные одежды и вооружены длинными копьями с флажками и прямыми луками. Их было так много, что конца войску не было видно[71].

Эта картина дает возможность представить себе внешний вид богатого и роскошного двора западнотюркютского хана. В колорите нет ничего серого: переливаются атлас и шелка, горит на солнце парча, мягко поблескивают меха; играют сытые заводные кони, важно качают головами верблюды. Все празднично и разнообразно, даже прически, которые строго определяются племенными обычаями. И вместе с тем трогательное уважение к интеллекту. Нищего монаха встречают, кормят, слушают со вниманием и, наконец, дают ему возможность

пробраться в Индию, откуда он обещает привезти крупицу мудрости. Но весь этот блеск и богатство едва пережили отъезд ученого гостя. Это было начало 630 г., а в конце его разразилась катастрофа.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 *Умняков И.* История Фахрэддина... С. 10.
2 Попытка А. Н. Бернштама связать тюркское население Тянь-Шаня VII в. с енисейскими кыргызами (*Бернштам А. Н.* Археологический очерк... С. 51–54, 61) удачно опровергнута А. Я. Шером, доказавшим наличие алтайских связей нушиби на археологическом материале (см.: *Шер А. Я.* Памятники алтайско-орхонских тюрок... С. 158–166).
3 Джабгу то же, что ябгу; разница за счет диалектов: йокающего и джокающего.
4 *Chavannes E.* Documents... P. 14.
5 Ibid. P. 87.
6 Ibid. P. 251.
7 Ibid. P. 232.
8 ЗВОРАО. Т. XV. 1904. С. 0171–0173, 1185.
9 *Артамонов М. И.* Очерки...
10 *Chavannes E.* Documents... P. 265.
11 *Кармышева Б. Х.* Этнографическая группа "тюрки"... С. 4
12 Там же. С. 11.
13 Там же. Прим. 3.
14 Там же.
15 Там же. С. 10.
16 Там же. С. 12.
17 *Умняков И.* История Фахрэддина.... С. 115.
18 ЗВОРАО. Т. XV. 1904. С. 185.
19 *Chavannes E.* Documents... P. 8–9.
20 Ibid. P. 107.
21 *Бичурин Н. Я.* Собрание сведений... Т. II. С. 249–255.
22 *Бичурин Н. Я.* Собрание сведений... Т. I. С. 279.
23 *Chavannes E.* Documents... P. 14.
24 *Бичурин Н. Я.* Собрание сведений... Т. I. С. 279.
25 Там же. С. 230–231.
26 Там же. С. 279, 281.
27 Пельо пишет Бинг-Юл (см. *Pelliot P.* Le nom turc... P. 189–190).
28 *Chavannes E.* Documents... P. 169.
29 *Бичурин Н. Я.* Собрание сведений... Т. II. С. 272–274.
30 Там же. С. 257, 276.
31 Там же. Т. I. С. 282.
32 *Бичурин (Иакинф).* История Китая.
33 У Н. Я. Бичурина (Собрание сведений... Т. I. С. 283) убийство Тамана приписано Тун-джабгу-хану. Однако см. *Chavannes E.* Documents... P. 22, 52, 263; *Liu Mau-tsai.* Die chinesischen Nachrichten... S. 358.
34 *Бичурин Н. Я.* Собрание сведений... Т. II. С. 280.
35 Там же. С. 283; *Chavannes E.* Documents... P. 24.
36 *Chavannes E.* Documents... P. 24, 52, 263. Уточнение даты см.: *Грумм-Гржимайло Г. Е.* Западная Монголия... С. 243.

[37] *Бичурин Н. Я.* Собрание сведений... Т. I. С. 281.
[38] *Chavannes E.* Documents... P. 263.
[39] *Бичурин Н. Я.* Собрание сведений... Т. II. С. 282.
[40] Там же. С. 286.
[41] Там же. С. 288; *Chavannes E.* Documenets... P. 264.
[42] *Chavannes E.* Documents... P. 130.
[43] Ibid. P. 52.
[44] *Себеос.* История императора Иракла. С. 76.
[45] История агван... С. 127.
[46] Там же. С. 110.
[47] *Chavannes E.* Documents... P. 55.
[48] *Наршахи.* История Бухары... С. 48; *Marquart J.* Wehrot und Arang. S. 151.
[49] *Chavannes E.* Documents... P. III. 227.
[50] *Артамонов М. И.* Очерки... С. 33 и 113; *Lebeau.* Histoire du Bas-Empire. P. 225.
[51] *Chavannes E.* Documents... P. 256.
[52] *Бичурин Н. Я.* Собрание сведений... Т. II. С. 326, 329.
[53] Подробную аргументацию см.: *Артамонов М. И.* История хазар. С. 154–155.
[54] *Bacot J.* Reconnaissance... P. 137–153. Бако ошибочно называет послов-докладчиков уйгурами, основываясь на мнимом совпадении звучаний: хор (тогонец) – хойхор (уйгур) и егур (шара-шарайголы) – уйгур. В IV–VIII вв. хорами именовались потомки белых сяньби, занявшие Цаидам и Амдо (*Грумм-Гржимайло Г. Е.* Западная Монголия... С. 144–152).
[55] *Clauson G.* A propos du manuscrit... P. 18.
[56] *Bacot J.* Reconnaissance... P. 145.
[57] *Clauson G.* A propos du manuscrit... P. 18.
[58] Бако пишет: Сар-ду-ли. Я считаю правильным разделить это слово на два и полагать дули//толис видовым названием, объединяющим всю группу племен. В противном случае надо было бы применить перечень к обоим каганатам, но в системе Восточного каганата сеяньто никогда не входили в раздел толис, тогда как в Западном они именно там и помещались.
[59] *Артамонов М. И.* История хазар. С. 312.
[60] *Бичурин Н. Я.* Собрание сведений... Т. I. С. 279.
[61] *Грумм-Гржимайло Г. Е.* Западная Монголия... С. 233.
[62] *Clauson G.* A propos du manuscrit... P. 18.
[63] *Бартольд В. В.* Историко-географический обзор... С. 36; *Justy F.* Iranisches Namenbuch. S. 317.
[64] *Wolff F.* Glossar zu Pirdousis Schahname. S. 301.
[65] Изад Гушасб, дабир Хормизда, намекает шаху по поводу его сомнения о поведении Бахрама Чубина: "Знай, что яства на празднике, где припев – слово ворона [Чубин], должны быть странными" (*Firdousi.* Le livre des rois. VI. P. 654–655).
[66] *Гумилев Л. Н.* Бахрам Чубин. С. 231.
[67] Предполагать, что азиатские историки VIII в. вкладывали в понятие племя тот же смысл, что и этнографы XX в., – значит совершать грубую модернизацию. В эпоху военной демократии в Азии принималось в расчет не происхождение, язык, способ ведения хозяйства, религия, а только субординация по отношению к центральной власти и к племенам приравнивались любые спаянные коллективы, входившие в систему эля.
[68] *Chavannes E.* Documents... P. 192.
[69] Ibid. P. 193.
[70] Оно было завоевано войсками империи Тан в 640 г.
[71] *Chavannes E.* Documents... P. 194.

XIII. Рождение империи Тан

СУЙСКИЙ ДОМ И ТЮРКЮТЫ

Власть Суйского дома над восточными тюркютами казалась окончательно утвержденной. Жангар Киминь-хан не только охранял границу, но и принимал все меры к тому, чтобы сделать свой народ похожим на китайцев. Он пытался заставить тюркютов носить китайскую одежду, строить дома и сеять хлеб. Сам он жил в городках Кинхо и Динсян, построенных для него китайцами[1], но его подданные предпочитали войлочные юрты. Хан, понимая, что единственная его опора – император, старался упрочить союз единственным известным ему способом – браком с китайской царевной. На беду первая его супруга умерла, но он немедленно выпросил замену. Новая царевна, Ичжен, была препровождена к нему с великой поспешностью, ибо, как выяснилось потом, она совмещала роль жены с функциями секретного агента[2]. Китайское правительство продолжало опасаться тюркютов. Оно не без оснований полагало, что воля хана далеко не отражает настроений народа.

В 607 г. Ян-ди подарил хану и царевне роскошные одежды, золотые кувшины и шелковые ткани. Подобные дары были вручены царевичам и вельможам. Когда же им показалось мало присланного, то они пригнали китайцам на продажу 3 тыс. коней и получили от казны 13 тыс. кусков шелка – непомерно высокую цену, являвшуюся по существу замаскированным подкупом.

Зато в том же 607 г. указом была запрещена непосредственная торговля китайского народа с тюркютами, вследствие чего последние ли-

шились тех товаров, к которым уже успели привыкнуть. Расчет китайского правительства был прост: хан и князья, на верность которых правительство рассчитывало, одаривались сверх своей потребности, и предполагалось, что простые воины получат из рук хана и знати эти излишки и оплатят их исправной службой. Пока же рядовые воины имели возможность удовлетворять свои потребности на свободном рынке, хану нечем было их привлечь. Примирить же их с Китаем помимо ханского посредничества даже не стоило пытаться. Более того, Ян-ди продолжал восстановление укреплений Великой стены, начатое еще империей Бэй-Ци, стремясь отгородиться от своих союзников.

Эта политика носила название "доброты и слабости"[3]. Она имела успех лишь до тех пор, пока на престоле каганата сидел правитель, парализующий усилия своего народа. Жангар вполне подходил для этой роли, но осенью 608 г. он умер, и Ян-ди назначил ханом его сына, шада Дуги. Это было прямое нарушение тюркютского закона о престолонаследии, но Ян-ди полагал, что с тюркютами уже можно не стесняться. Дуги принял титул "Шибир-хан" и взял в жены китайскую царевну, вдову своего отца, что должен был сделать согласно тюркютскому обычаю[4]. Уже этот первый шаг показал, что новый хан скорее похож не на своего слабого и робкого отца, а на хитрого и честолюбивого деда, Чулохоу.

Положение нового хана было крайне сложным. Во-первых, он не мог себе позволить продолжать приспособленческую политику своего отца. Против этого были настроены его подданные, да и сам он разделял их антипатию к Китаю. Но с другой стороны, каганат был лишен тыла. Западные тюркюты были крайне враждебны, причем смена хана Тамана на хана Шегуя не изменила характера взаимоотношений каганатов[5]. Кочевые подданные – уйгуры, бугу, тонгра, байырку, кидани и татабы – за время минувшей смуты успели показать, как легко ломается их лояльность. Наконец, сила Китая казалась необоримой, но именно там произошли события, которые зажгли новую зарю тюркютской свободы.

ЯН-ДИ

Все китайские историки от Вэй Чжэна (VII в.) до профессора Шан Юэ (XX в.) чрезвычайно отрицательно относятся к личности императора Ян-ди и в особенности к его деятельности. В значительной степени они правы, но надо принять во внимание, что и то и другое не случайно. Ян-ди был крайним представителем того класса, который выдвинул его на престол и поэтому сносил его бездарность и самодур-

ство. Помещики группировки Гуаньлун образовывали партию, которую, будь это в наше время, мы назвали бы националистской и антинародной. Все усилия эта группа направляла на восстановление померкшего блеска эпохи Хань. С этой точки зрения понятны и подкупы князьков "Западного края", и походы в Корею. Ведь и та и другая страна подчинялись ханьскому Китаю. Не было нужды в том, что в VII в. Корея была заселена новым народом, что Ляодун уже не имел китайского населения и не мог быть базой для наступления на восток, что удерживать бедные оазисы вокруг Лобнора было бессмысленно при союзе с тюркютскими каганатами и т.д. и т.п. Но "национальная гордость" требовала полного удовлетворения, и потому совершались эти нелепые предприятия, а тяжесть их ложилась на плечи податного и служилого сословия.

Трезвое сознание многомиллионного китайского народа не могло примириться с тем, что тысячи людей изнурялись и гибли ради утопических целей императора и придворной клики. Росло недовольство в массах. Оно не укрылось от глаз правительственных соглядатаев и заставило императора принять меры. В 609 г. был издан указ, запрещавший простым людям иметь железные вилы, серпы, шилья и ножи[6]. Но предосторожность не помогла. В начале 610 г. толпа, наэлектризованная буддийской проповедью о пришествии спасителя мира Майтрейи, ворвалась в императорский квартал Лояна, обезоружила стражу и начала восстание. Конечно, оно было тут же подавлено регулярными войсками, но жестокие репрессии не устрашили китайский народ. С этого времени можно говорить о разрыве между династией и страной, но Ян-ди считал, что это мелочь.

В 611 г. началась война с Северной Кореей (Когурё). Поводом к ней послужил отказ корейского царя лично прибыть ко двору императора для принесения покорности. Огромная армия, численность которой определяли в 1130 тыс. человек[7], весной 612 г. двинулась на восток. Император принял верховное командование и категорически запретил командирам отдельных частей проявлять инициативу. По каждому вопросу они должны были обращаться в ставку и ждать указаний, а так как гонцы не успевали обернуться своевременно, то войска бездействовали и давали возможность корейцам перестраиваться. Снабжение армии было налажено плохо, и в результате этого наступление захлебнулось. При отходе корейцы сильно потрепали китайский арьергард. Из 350 тыс., перешедших Ляошуй, вернулось только 2700 человек. Бездарность, приведшая к позорному поражению, вызвала возмущение не только в народе, но и в господствующем классе. Даже Ян-ди понял это и в следующем, 613 г., отправляя новую армию в Корею, разрешил командирам действовать по своему усмотрению[8]. Но было поздно: недо-

вольство правительством вылилось в мятеж. В Шаньдуне восстали дезертиры. Они пели песню: "Не пойдем умирать в Ляодун"[9]. Летом 613 г. крестьяне Шаньдуна, Хэбэя, Хэнани отказались идти на военную службу и организовали многочисленные повстанческие армии, но они не могли тягаться с регулярными войсками правительства и терпели поражения, после которых следовали жестокие казни. Поход на Корею, несмотря на сопротивление народа, начался.

Корейцы защищались отчаянно, хотя силы их в сравнении с китайскими были ничтожны. Уже казалось, что дни корейской независимости сочтены, и вдруг вся китайская армия покатилась назад. Оказалось, что князь Ян Сюань-гай, наместник Шу (Сычуани), пользуясь отсутствием императора, поднял мятеж и осадил Лоян. Ян-ди поспешно вернулся с войсками, и Ян Сюань-гай был вынужден бежать. Чтобы не попасть в руки врага, он просил своего верного друга заколоть его[10].

Ян-ди считал, что единственный способ упрочения власти – это казни. За восстание Ян Сюань-гая поплатились жизнью 30 тыс. совершенно непричастных людей, имущество которых поступило в казну[11]. Прибыв в Лоян и увидев на улице прохожих, император цинично заметил: "Похоже, что здесь еще много народу".

Еще уменьшить численность населения Ян-ди помогли корейцы, почти начисто уничтожившие арьергард брошенной императорской армии. Немало сделал и полководец Ван Ши-чун, посланный на усмирение Южного Китая. Перед возжженными благовониями он клятвенно обещал повстанцам прощение, а затем 300 тыс. сложивших оружие были заживо закопаны в землю.

В 614 г. Ян-ди снова двинул войска в Корею, но тут "мятежники, подобно пчелиным роям, поднялись"[12]. Однако корейцы не хотели войны и прислали посольство с предложением мира на прежних условиях номинальной покорности и предоставления небольшой дани. Ян-ди был вынужден согласиться, так как перед ним стояла задача сначала победить собственный народ.

В 615 г. императорским указом было предложено сельскому населению перейти в города; почтовые станции, дозорные вышки и деревни окружались стенами, за которыми бушевало море крестьянской партизанской войны[13]. Убежденный в действенности принятых мер, император решил отдохнуть от забот и от летней жары. Со своим пышным двором и гаремом он прибыл в северную Шаньси, чтобы поохотиться и попировать, пока его войска ловят и казнят его подданных. Тут-то наступил момент, которого долго и терпеливо ждал тюркютский хан.

ШИБИР-ХАН

Официальным поводом для поездки, которую предпринял Ян-ди, была проверка северной границы. Там действительно было очень неспокойно, так как обитатели пограничной полосы – потомки тобасцев – были в числе обиженных суйским режимом. Они давно уже перестали быть тобасцами, но в VII в. еще не стали китайцами, составляя особую этническую группу, равно удаленную от Китая и Великой степи и равно близкую им обеим. Тюрки называли эту народность "табгач", и я считаю полезным принять такой термин. В наступающей смуте табгачи не могли не принять непосредственного участия, так как былая воинственность была ими сохранена. Но действовали они бессистемно, так как успели утратить спаянность и организованность. Один из их вождей – полководец Ли Юань, князь древней области Тан, был лоялен династии; другие, как, например, некие Боюй-со, Ван Сю-ба и Вэй Дао-эр[14], крамольничали при поддержке тюркютов. Навести порядок было необходимо, но император вместо этого предавался развлечениям в замке Фынь-ян-гун[15]. Как только это узнал тюркютский хан, он поднял своих соплеменников, кочевавших в Ордосе, и бросился во главе их на ловлю императора. Но китайская разведка тоже не дремала. Царевна, ставшая супругой хана и добросовестно следившая за ним, успела донести Ян-ди об опасности[16]. Благодаря этому император успел скрыться в крепости Яймынь, расположенной в системе Великой стены. Тюркюты осадили крепость и одновременно разгромили всю область. Пало 39 укреплений. Устояли только крепость Го и сама Яймынь. В Яймыне укрылось до 150 тыс. солдат и гражданского населения. Кирпичами из разобранных домов заделывались пробоины в крепостных стенах. Припасов могло хватить лишь на 20 дней. Когда тюркюты бросались на приступ, их стрелы падали около императора, находившегося, естественно, в самом безопасном месте. Это значит, что простреливалась вся крепость. Доблестные солдаты и горожане отбивали атаки, а "великий" император, "обняв своего сына, от страха так плакал, что глаза у него распухли"[17].

Тюркютский набег был рассчитан исключительно на внезапность. Выдерживать бои с полевыми дивизиями и закаленными пограничниками Ли Юаня тюркюты не собирались. Поэтому, когда регулярные войска поспешили на выручку своего императора, Шибир-хан снял осаду и отступил в степи, сохраняя своих воинов для новых подвигов. Корпус Ли Юаня, ворвавшись в ордосские степи, обнаружил там около 2 тыс. стариков и больных, которые пали жертвой разъяренных китайских ветеранов. Для более решительного ведения войны Ян-ди нанял солдат за деньги, что для того времени было исключи-

тельным событием[18]. Очевидно, проводить мобилизацию в условиях смуты было невозможно, а он считал своим долгом отомстить кочевникам за перенесенный им испуг. Естественно, что после этого война между тюркютами и Китаем не прекратилась.

Повод к восстанию Шибир-хана, как оказывается, дали китайцы. Суйское правительство, встревоженное усилением Шибир-хана, попыталось применить к тюркютам свою обычную политику. По совету преемника Чжан-сунь Шэна, Фэй Гю, младшему брата хана, Чжигишаду, были предложены царевна и титул "южного хана"[19]. Этим путем китайцы хотели разделить силы тюркютов; однако Чжиги-шад наотрез отказался от такого предложения и сообщил о нем брату, что еще усилило вражду последнего к Суйскому дому. Не смущаясь неудачей, Фэй Гю предложил Ян-ди захватить обманом наиболее подозрительных тюркютских старейшин. Жертвой стал некто Хуси. Он был приглашен в г. Май якобы для получения подарков, схвачен и обезглавлен вместе со своими спутниками. Вероломство императора толкнуло Шибир-хана на войну[20].

Сначала, в 616 г., военные действия велись довольно вяло. Отряд Ли Юаня, обученный методам степной войны, с успехом отбивал тюркютские набеги на границу. Несмотря на это, смертельно напуганный Ян-ди уехал на юг, подальше от тюркютов. Он заперся с крепости Цзянду (Янчжоу), где предался разгулу, бросив страну на произвол судьбы[21]. Последствия не замедлили сказаться.

Легкого толчка Шибир-хана оказалось достаточно, чтобы опрокинуть гнилой режим. За 617 г. в Китае вспыхнуло пять восстаний. Восстали князья, генералы, атаманы разбойничьих шаек. Шибир-хан принял в смуте самое живое участие. Хотя все повстанцы заискивали перед ним, он выбрал союз с генералами Лян Ши-ду и Лю У-чжоу, послав им лошадей и знамя с золотой волчьей головой. Позднее он договорился и со своим главным противником Ли Юанем[22].

Настало время, когда тюркюты сполна отплатили китайцам за недавнее унижение. Шибир-хан стал фактическим хозяином Срединной империи. Грабительские набеги тюркютских латников простирались до стен Цзиньяна. Множество китайцев перебежало на сторону тюркютов и умножило их войска. Кидань, Шивей, Тогон и Гаочан подчинились Шибир-хану[23].

ЛИ ШИ-МИНЬ

Смута, постигшая Срединную империю, была не случайна. Китайские патриоты мечтали о воссоздании величия империи Хань, забы-

вая, что за ним следовала кровавая смута Троецарствия и нашествия хуннов. И теперь, только за предельно краткий срок, прошел тот же, но на этот раз искусственно воссозданный процесс. Так же сцепились между собой воеводы, а место южных хуннов могли занять табгачи, которым не хватало только настоящего вождя. Но и он нашелся: это был Ли Ши-минь, второй сын полководца Ли Юаня.

Фамилия Ли в древности принадлежала к китайской служилой знати. В 400 г. Ли Хао был правителем Аньси и Дунь-хуана, подданным княжества Бэй Лян (Хэси). Пользуясь смутами, он отделился и объявил себя государем княжества Си Лян с центром в Лянчжоу[24]. В 422 г. это княжество было покорено хуннами, и род Ли вернулся в свое первоначальное состояние, снова став служилой знатью. Таковым он оставался при династиях Тоба-Вэй и Бэй-Чжоу. Члены рода Ли были преданы тобасским владыкам и потому занимали важные посты в администрации[25] и, наконец, получили наследственный титул Танского гуна[26]. Деловые, личные и брачные связи на протяжении 200 лет превратили род Ли в ту полутобасскую, полукитайскую знать, которую мы выше охарактеризовали как особую народность – табгач.

Немалую роль тут сыграла и классовая принадлежность. Ли были богатыми землевладельцами, и быт связывал их больше с такими же табгачскими помещиками, чем с китайскими батраками и арендаторами, работавшими на их полях. Вершины процветания достиг Ли Ху, отец Ли Юаня, которому за участие в перевороте, приведшем к власти Юйвынь Цзю, была пожалована почетная фамилия Дае[27]. Ян Цзянь отобрал у Ли Юаня эту честь, но оставил его правителем Тайюани.

Вся история этого рода показывает, что его интересы совпадали с чаяниями табгачских помещиков Северного Китая, но Ли Юань не обладал качествами политика и вождя, а был просто хорошим генералом. Зато эти качества в высокой степени имелись у его второго сына, Ли Ши-миня, который побудил своего отца принять участие в развернувшейся гражданской войне.

Любое вооруженное выступление в условиях классового взрыва и гражданской войны должно иметь свой социальный смысл и программу. Только таким путем оно может приобрести сторонников и добиться успеха. Поскольку весь Китай был охвачен крестьянским движением, а уцелевшие помещики и чиновники прятались по городам, то Ли Ши-минь выступил с программой "умиротворения", восстановления власти династии Суй, почему начатая им война была названа "справедливой".

Кому была на руку эта программа?

Во-первых, табгачским помещикам Северного Китая, желавшим посадить на престол своего человека и прижать вельмож из "группировки Гуаньлу". Во-вторых, мелким китайским помещикам и чиновникам, которых крестьяне могли безнаказанно убивать, тогда как вельможи сидели в безопасности в своих укрепленных дворцах. В-третьих, восставшим крестьянам; как только их перестали закапывать заживо в землю, а стали кормить зерном из государственных амбаров, они бросили оружие и разошлись по деревням, чтобы вернуться к мирному труду, ибо с самого начала только этого им и не хватало. В-четвертых, тюркютам, которые вместо презиравших и ненавидевших их китайцев увидели рядом с собой человека, привыкшего к их быту и нравам. Конечно, Ли Юань наносил им сильные удары, пользуясь их же собственными методами войны, но за удаль в бою не судят, и тем более приятно подружиться с храбрецом.

Против начавшегося движения выступили сторонники династии Суй, не без основания увидавшие в танском войске стремление возродить ненавистные им традиции полукочевых империй Вэй и Бэй-Чжоу. Многие из противников Ян-ди готовы были положить жизнь за осуществление принципов империи Суй. Поэтому война оказалась крайне ожесточенной.

Но что же делал виновник кровопролития, "государь Победоносной империи, великий и неповторимый Ян-ди"? Запершись в своем роскошном замке, он делил свои досуги между вином и красавицами, очевидно не отдавая себе отчета в том, что он натворил. Своим бездействием он настолько парализовал энергию своих сторонников, что один из них придушил пьяного деспота и объявил себя императором. Этим поступком убийца только сыграл на руку Ли Юаню, превратив его из мятежника в защитника попранной законности.

Тем временем танская армии росла и побеждала. Зимой 617 г. Ли Юань взял Чанъань, где после казни нескольких вельмож, связанных со старым режимом, объявил амнистию, чем привлек на свою сторону симпатии широких масс народа. Сверх того, престарелым, заслуженным чиновникам он жаловал почетные звания. Государственные амбары были открыты для бедняков, а дворцовых наложниц отпустили к их семьям. Солдатам запрещалось грабить население; жестокие законы суйского времени были отменены, и вместо них принят новый кодекс, по которому "подлежали смерти: убийцы, грабители, предатели и мятежники"[28], т.е. противники нового правительства. Как только прилетела в Чанъань весть об убийстве Ян-ди, Ли Юань объявил себя императором Гаоцзу и назвал свою династию Тан. Это случилось 18 июня 618 г.

ИЗМЕННИКИ

Шибир-хан имел все основания рассматривать коронацию Ли Юаня в Чанъани как свою победу. Ли Юань был только одним из претендентов, которые искали поддержки у тюркютского хана, и шансы танского князя на победу зависели в значительной мере от помощи, которая приходила с севера. Для ремонта кавалерии тюркюты пригнали 2 тыс. коней, для подавления противника прислали 2 тыс. латников[29]. Больше Ли Юань не решился принять, чтобы не оказаться во власти слишком могущественного союзника[30]. Шибир-хан не считал, что танские войска в ближайшее время смогут завоевать огромный Китай, где несколько храбрых и талантливых полководцев защищали свои владения до последней капли крови. Однако военный талант Ли Ши-миня и стойкость табгачей, привыкших к непрерывной войне на границе, превозмогли упорство китайских традиционалистов, и к 624 г. страна лежала у ног танского императора. Эта война всецело относится к истории Китая, и поэтому мы не останавливаемся на ее перипетиях и драматических эпизодах. Для нашей темы важнее вторая, меньшая группа противников и Суйского и Танского домов, искавшая помощи у тюркютского хана.

К счастью, сохранился список их предводителей, и мы имеем возможность охарактеризовать то движение, которое поддерживал Шибир-хан: 1. Го Цзы-хэ – гвардейский офицер левого крыла легкой кавалерии. Во время голода он вместе с 18 другими заговорщиками захватил провинциальный город и убил правителя, которому изголодавшийся народ не оказал помощи. Затем Го Цзы-хэ объявил себя "царем вечной дружбы". Поддавшись тюркютскому хану, он назвал себя "Сын неба, уничтожающий дом Ян" и одновременно принял тюркютский титул "Бури шад" (волк-князь). 2. Лян Ши-ду – офицер гарнизона крепости Шофан (в западном Ордосе). Захватив город при помощи нанятых разбойников, он убил правителя и объявил себя императором династии Лян. Подчинившись тюркютам, он получил от них титул "Тарду Бильгехан". 3. Лю У-чжоу – кавалерийский офицер из крепости Ма-и (в восточном Ордосе), заручившись сочувствием десяти товарищей, вошел в приемный зал правителя, выволок его оттуда и убил. Никто не решался ему помешать, наоборот, вскоре под его знамена стеклось 10 тыс. воинов. Он скромно объявил себя правителем и послал к Шибир-хану просьбу о помощи. В ответ он получил знамя с золотой волчьей головой и титул: "Хаган, уничтожающий дом Ян и императора". Против суйских войск он действовал весьма удачно и захватил большую часть северной Шаньси, что позволило ему заявить претензию на императорский титул.

Прочие были того же пошиба – авантюристы без чести и совести. В истории они существенной роли не играли и перечислять их не стоит. Они были продуктом той деморализации, в которую ввергла Китай преступная тирания Ян-ди. По своему психическому облику они были контрастны китайским традиционалистам, боровшимся против танских войск внутри страны. Но среди многочисленных мятежников были и случайные люди. В 621 г. некоторые офицеры, отданные под суд за пьянство и буйство, возмутили свои отряды, выбрали начальником некоего ученого, по имени Лю Хэй-да, под страхом смерти предложили ему встать во главе их и добиваться трона. Несчастному Лю Хэй-да оставалось только согласиться.

Понятно, что тюркютский хан имел все основания относиться с презрением ко всем этим "императорам", которые сохраняли свои головы только благодаря его поддержке. Поэтому, вероятно, он помог Ли Юаню взойти на престол, полагая, что он не лучше других и воцарение его только ослабит Китай. Кроме того, Ли Юань действовал крайне дипломатично, обращаясь в письмах к хану как к равному государю, что шло вразрез с китайской традицией[31]. В 613 г. посол Шибир-хана во время пира сидел рядом с императором, но уже в 619 г. хан понял свою ошибку, и события потекли по иному руслу.

СМЕНА ВЕХ

От осведомителей тюркютского хана не укрылось, что танское правительство проводит огромную созидательную и оздоровительную работу. Хан ясно понимал, что ему выгоден Китай слабый и раздробленный, а не благоденствующий и богатый. Особенно должна была его обеспокоить военная реформа. По вступлении на престол Ли Юань вместе с Ли Ши-минем реорганизовали всю армию: "Династия Гхан учредила в столице восемь дивизий. Каждая дивизия делилась на восточную и западную, и посему всего считалось 16 дивизий. Сих-то 16-ти дивизий военными чинами дом Тхан жаловал иностранных владетелей и заграничных своих вассалов"[32].

Рядовой состав этих дивизий комплектовался также из наемников, которых называли "илохэ", т.е. "молодцы, отборные, крепкие люди". Оценку новой армии дал Ли Ши-минь, сказав: "В древности, при Ханьской династии, хунну были сильны, а Китай слаб. Ныне Китай силен и северные варвары слабы. Китайских солдат тысяча может разбить несколько десятков тысяч их"[33]. Эти слова оказались правдивыми.

В 619 г. Шибир-хан с небольшим войском вступил в Ордос и соединился с Лян Ши-ду. Вскоре к ним примкнул Лю У-чжоу, и со-

юзники готовы были вторгнуться во Внутренний Китай[34]. Испуганный появлением нового врага, Ли Юань приказал восстанавливать укрепления Великой стены и строить земляные валы на горных перевалах, но Ли Ши-минь отговорил его, сказав, что следует полагаться на изобретательность и находчивость боевых командиров, а не на камни[35]. Однако вторжения не произошло, так как хан заболел и умер. В Чанъани сделали вид, что потеряли лучшего друга. Император лично "изъявил сожаление" и отправил "для похорон" 30 тыс. кусков шелковых тканей. Этим была отсрочена на год неотвратимая война. За этот год империя Тан успела укрепиться, а в Тюркютском каганате произошли события, значительно уменьшившие его мощь.

ТАНСКИЙ КИТАЙ И СТЕПЬ

В сознании древнего китайца эпохи окрашены в символические цвета. Белой представлялась эпоха раннего Цинь, которая в известной легенде о сне Лю Бана персонифицировалась белой змеей, пожранной красной змеей, т.е. Хань. Красный цвет был для Китая национальным, голубой символизировал степных кочевников, черный – тибетцев; желтый цвет, олицетворяющий стихию земли и верность, принял основатель династии Вэй – Тоба Гуй[36], а Тан?.. Тан для цветового восприятия представлялась пестрой. Действительно, 618 г. стал переломной датой не только для Китая, но и для всей Азии. Великий полководец, администратор и политик Ли Ши-минь, подобно Александру Македонскому, хотел не просто завоевать страны с разными культурами, но и сроднить эти культуры, заменив тесным общением исконное противопоставление "цивилизованного" Китая кочевым варварам. До сих пор культурный обмен шел стихийно; с 618 г. его начали поощрять сознательно. Бурное время благоприятствовало начавшемуся процессу: множество китайцев, бежавших от суйской тирании, осело в тюркютских кочевьях и породнилось со своими гостеприимными хозяевами.

Немало степных удальцов стекалось под знамя отважного воина Ли Юаня. Их принимали на службу, не задаваясь праздным вопросом: кто они, китайцы или тюрки? Они женились на изнеженных китайских девушках и, довольные новой судьбой, видели смысл жизни в военной службе или придворной карьере. Так создавалась империя, так умножалась народность "табгач", и таким образом оказалась проломанной Великая стена как в прямом, так и в переносном смысле.

В Китае возник большой интерес ко всему иноземному. Был составлен китайско-тюркский словарь, который, к сожалению, не сохранился. Музыка разных народов, в том числе и тюркская, исполнялась императорским оркестром еще со времени Бэй-Чжоу, исторической предшественницы Тан, а в интересующую нас эпоху получила полное признание. Шел постоянный обмен людьми: в Чанъани уже в 20-х г. VII века жило 10 тыс. семей тюркютов[37]. Их одежда и нравы импонировали китайской знати, и возникла мода на все тюркское[38], как в Риме II века подражали германским вкусам, а в Византии VIII века – хазарским[39]. С каждым годом мода на кочевнические обычаи делала успехи, пока не вошла в быт придворных кругов и знати. На пирах подавались "заграничные блюда" под иноземную музыку. Тюркская одежда – зеленый или коричневый халат с воротником, запахнутый налево и подпоясанный ремнем, стал в Танскую эпоху обычной одеждой[40]. Но еще больше понравилась китайцам юрта, которая в зимнее время была жилищем несравненно более совершенным, нежели китайские дома VII века.

Преимущества юрты весьма подробно описал поэт Бо Цзюй-и (772-846). Китайские вельможи ставили юрту у себя во дворе и переселялись в нее на зимнее время. Бо Цзюй-и называет юрту "голубой", очевидно подчеркивая цвет, который символизировал тюрок. Поскольку этот источник лишь недавно введен в научный оборот, я полагаю уместным привести его полностью.

Прощание с юртой и очагом

Я помню, я помню дыханье зимы
И посвист летящего снега.
Я стар, мне несносно дыхание тьмы
И мертвенный холод ночлега.

Но юрта, по счастью, была у меня,
Как северный день, голубая.
В ней весело прыгали блики огня,
От ветра меня сберегая.

Как рыба, что прянула в волны реки,
Как заяц в норе отдаленной,
Я жил, и целили меня огоньки
От холода ночью бездонной.

Проходит тоска оснеженных ночей,
Природа в весеннем угаре.
Меняется время, но юрте моей
По-прежнему я благодарен.

Пусть полог приподнят, на углях зола,
Весною печально прощанье,
Но коль не спалит меня лето дотла,
То скоро наступит свиданье.

Лишь стало бы тело чуть-чуть здоровей,
И встречусь я осенью с юртой моей[41].

Это стихотворение, подобно многим средневековым стихам, имеет двойной смысл: прямой и аллегорический. Под весенним угаром и меняющимся временем понимается не только смена времен года, но и осложнения отношений с кочевниками. Бо Цзюй-и, бывший крупным чиновником, всегда лояльным к имперской политике, надеется, что все уладится и мир с соседними варварами будет восстановлен. Здесь он выражает в поэтических образах основное направление имперской политики.

Итак, райская империя претендовала на мировое значение. Это определило ее дальнейшую политику, ее небывалый расцвет и кровавый конец. Объединение Китая и степи, как и всякое начинание, имело свою оборотную сторону: танские монархи хотели опираться на всех, а в критический момент их не поддержал никто. Благодаря мужеству своих командиров и стойкости воинов, танские монархи шли от победы к победе, но их государство от этого только слабело. По существу все земли, которыми они владели, были покорены оружием, и Китай был их первой добычей. Однако их умение миловать побежденных, ценить прекрасное и любить далекое стяжало культуре этого времени заслуженную славу в веках.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 *Liu Mau-tsai.* Die chinesischen Nachrichten... S. 398.
2 Ibid. S. 393, 431.
3 Ibid. S. 446.
4 *Julien S.* Documents... Vol. 3. P. 539; *Бичурин Н. Я.* Собрание сведений... Т. I. С. 245; *Liu Mau-tsai.* Die chinesischen Nachrichten... S. 393.
5 *Бичурин Н. Я.* собрание сведений... Т. I. С. 283; *Chavannes E.* Documents... P. 24
6 *Шан Юэ.* Очерки... С. 192.
7 Там же. С. 191.
8 *Бичурин Н. Я.* Собрание сведений... Т. II. С. 61.
9 *Шан Юэ.* Очерки... С. 193.
10 *Cordier H.* Histoire générale... P. 401.
11 *Шан Юэ.* Очерки... С. 194.
12 *Бичурин Н. Я.* Собрание сведений... Т. II. С. 87.
13 *Шан Юэ.* Очерки... С. 194.

[14] *Бичурин (Иакинф).* История Китая (годы 613, 615); *Liu Mau-tsai.* Die chinesischen Nachrichten... S. 71.
[15] Замок был расположен в 160 ли к северо-западу от Цзин-э-сяня – на горе Гуаньчень, на берегу р. Фыншуй (*Liu Mau-tsai.* Die chinesischen Nachrichten... S. 541.)
[16] *Julien S.* Documents... Vol. 3. P. 540.
[17] *Liu Mau-tsai.* Die chinesischen Nachrichten... S. 545.
[18] Ibid. S. 445.
[19] *Julien S.* Documents... Vol. 3. P. 541.
[20] Ibid. P. 542. Фей Гю считал, что тюркюты простые и наивные, поэтому между ними легко сеять раздоры (*Liu Mau-tsai.* Die chinesischen Nachrichten... S. 397).
[21] *Cordier H.* Histoire générale... P. 402.
[22] *Бичурин (Иакинф).* История Китая.
[23] *Julien S.* Documents... Vol. 4. P. 202.
[24] *Грумм-Гржимайло Г. Е.* Западная Монголия... С. 184.
[25] *Gaubil.* Abrégé... P. 411.
[26] Третья степень китайской чиновной иерархии.
[27] *Шан Юэ.* Очерки... С. 197.
[28] Там же. С. 198.
[29] *Liu Mau-tsai.* Die chinesischen Nachrichten... S. 450, 454.
[30] Ibid. Император в 618 г. сказал: "Мы хотим только использовать их могущество, чтобы привлечь на свою сторону иноземцев".
[31] *Liu Mau-tsai.* Die chinesischen Nachrichten... S. 464.
[32] *Бичурин Н. Я.* Собрание сведений... Т. I. С. 248.
[33] Вэнсян-тункао XVI, цз. 341. 17а, 176. Перевод проф. Н. В. Кюнера. См.: *Гумилев Л.Н.* Статуэтки... С. 243.
[34] *Бичурин Н. Я.* Собрание сведений... Т. I. С. 248.
[35] *Liu Mau-tsai.* Die chinesischen Nachrichten... S. 464.
[36] *Бичурин Н. Я.* Собрание сведений... Т. I. С. 248.
[37] *Liu Mau-tsai.* Die chinesischen Nachrichten... S. 466, 467.
[38] Когда принц Ли Чжэн-князь был мал, он любил язык и одежду тюркютов. Он выбирал товарищей, похожих на варваров. Он велел принести себе шкуры баранов, чтобы играть с юртами, знаменами, украшенными волчьими головами, овцами и лошадьми, подражая жизни тюркютов. Он хотел стать шадом тюркютского хана! (Ibid. S. 467).
[39] *Артамонов М. И.* История хазар. С. 233.
[40] *Liu Mau-tsai.* Die chinesischen Nachrichten... S. 469–470.
[41] Стихи переведены с немецкого подстрочника.

XIV. Восточный каганат

ЧУЛО-ХАН

619 год был и для Китая и для Восточнотюркютского каганата годом кризиса и перелома. Именно тогда определилась расстановка сил и неизбежность столкновения между табгачами и тюркютами. По существу политика Шибир-хана по отношению к Китаю была крайне недальновидна. Табгачские пограничные помещики, воинственные и выносливые, как сами тюркюты, оказались гораздо более опасным противником, чем природные китайцы, и брат Шибир-хана, вступивший на престол с титулом Чуло-хана, понял это и поспешил исправить просчет своего предшественника. Продолжая поддерживать ставленников своего брата, авантюристов Лян Ши-ду и Лю У-чжоу, он одновременно объявил себя защитником дома Суй и вступил в сношения с китайскими "патриотами" Ван Ши-чуном[1], правителем Цзинчэнгуана (к северу от Лояна), и Доу Гянь-дэ[2] державшим в своих руках Хэбэй и пограничный район Шаньдун-Хэнань. Стремясь выбить из-под ног танского императора основу законности, Чуло-хан объявил себя сторонником восстановления династии Суй, предоставил убежище имцератрице и признал за претендентом, князем Ян Чжен-дао, титул "ван". Сторонники династии Суй, а их нашлось немало, бежали к тюркютскому хану и вскоре организовали эмигрантское правительство с резиденцией в г. Динсян, около Датунфу в Шаньси. Одновременно при поддержке 2 тыс. тюркютов двинулся в поход Лю У-чжоу. Танская империя была зажата в клещи.

Переориентация Чуло-хана на поддержку свергнутой династии не могла не обеспокоить пограничных претендентов, которым победа Суй, равно как и победа Тан, сулила плаху. Поэтому они сочли за благо просто признать над собой власть тюркютского хана и сохранить жизнь. Военачальник Лян Ши-ду, забыв о своем пышном титуле, в начале 620 г. обратился к Чуло-хану со следующим предложением: "В Чанъюани происходят смятения, и страна разбилась на несколько царств. Положение равно, силы слабы, и потому все покоряются туцзуевцам (тюркютам). Ныне Танский покорил всю империю. Я не страшусь собственной погибели, но боюсь, чтобы не дошла очередь до вас. Лучше, пока он не утвердил престола, овладеть на юге Чжунъюанью, а я обещаюсь служить вожатым". Чуло-хан принял его мнение и собрал "великую армию"[3], состоявшую, впрочем, всего из 2 тыс. всадников. Эта армия была послана под командой Бури-шада, младшего брата Чуло-хана, на поддержку Лю У-чжоу, который вторгся в северную Шаньси.

Первое время союзники имели успех, и танский правитель области "не мог остановить их"[4]. Но тут выступили на сцену табгачская доблесть и военный талант принца Ли Ши-миня. Лю У-чжоу успел при помощи тюркютов захватить Бинчжоу[5], но на этом кончились его успехи. Тюркюты в г. Цзиньян забрали в плен всех молодых и отступили с добычей в степи.

Покинутый союзниками, Лю У-чжоу в 620 г. был разбит табгачами Ли Ши-миня и бежал к тюркютам, но те убили его, по-видимому, сочтя его сотрудничество для себя компрометантным. Ведь теперь они стали "защитниками законного правительства", и им не следовало связываться с преступником.

Затем Ли Ши-минь обратился против Ван Ши-чуна и разбил его. На помощь Ван Ши-чуну пришел Доу Гянь-дэ, и в 621 г. вокруг Лояна развернулись упорные бои, в результате которых оба полководца были разбиты и взяты в плен. Но Чуло-хан не дожил до краха своих надежд. Он умер в 620 г. при очень странных обстоятельствах. Как только хан вопреки гаданиям, предсказывавшим неудачу, декларировал помощь дому Суй, пошел "кровавый дождь"[6], по ночам раздавались какие-то "таинственные крики" и хан внезапно заболел и умер, несмотря на то что его лечила суйская царевна.

Что тут произошло? Отравление исключено, так как для сторонников Суй-хан был лучшим другом. По-видимому, причиной болезни и смерти послужило сильное нервное потрясение, и для него были основания: неожиданные и грозные осложнения возникли на севере и западе.

УЙГУРЫ

Телеские племена, кочевавшие к северу от великой пустыни Гоби, составляли большую часть подданных восточнотюркютского хана. Общую численность их китайцы определяли, разумеется условно, в 100 тыс. человек и 15 тыс. отборного войска[7]. Последняя цифра вполне реальна, а по масштабам VII века и велика.

Тюркюты, используя раздробленность телесцев, облагали их тяжелыми податями и насильно забирали в свои войска. Шибир-хану это удавалось, но при Чуло-хане[8] племена уйгуров, буту, тонгра и байырку объединились и восстали под руководством рода Яглакар (Йологэ), впоследствии ставшего во главе Уйгурского каганата. Для тюркютов это была непоправимая беда. Их нажим на Китай ослабел, и новорожденная империя Тан получила передышку. Неизвестно, участвовала ли китайская дипломатия в подготовке восстания. Очень может быть, что в этом она неповинна. Но так или иначе, а у тюркютов оказались связаны руки, и наследник Чуло-хана, его брат Кат Иль-хан Тугбир[9] был вынужден перенести свою ставку в Хангай[10], так как восточные степи оказались во власти повстанцев[11]. Восставшие племена не основали орды, а составили союз племен, более похожий на республику, чем на монархию. Параллельно с главенствующим родом Яглакар "народ еще Шигянь-сыгиня объявил своим государем", а потом таким же образом была вручена власть его сыну Пусе, которого отец не любил и удалил от себя. Но Пуса "был храбр и умен"[12], умел травить зверей и побеждать врагов, и "родовичи, уважавшие Пусу, поставили его государем"[13]. Как это далеко от наследственного принципа тюркютов, воплощенного в лествичной системе! Более того, термин "государь" в контексте источника звучит как условное обозначение лица, облеченного властью, а не соответствует термину "хаган". Ниже преемник Пусы назван просто "хойхуский глава", что, очевидно, отражало реальное положение.

Итак, мы должны рассматривать уйгурское объединение не как подобие тюркютского эля, а как племенной союз и дальнейшую борьбу тюркютов и уйгуров интерпретировать как столкновение двух систем, имеющих диаметрально противоположные направления развития.

Тюркюты и уйгуры говорили на одном языке и одинаково кочевали вместе со своим скотом, "смотря по достатку в траве и воде"[14], но этим сходство их между собой и ограничивалось. Во всем остальном они чуть-чуть отличались друг от друга, но это "чуть-чуть" мешало им слиться в один народ. Начать с того, что телеские племе-

на, подобно тюркютам, имели миф о предке-волке, но у тюркютов считалось, что они происходят от волчицы, оплодотворенной мальчиком, а у телесцев от девушки, отдавшейся волку[15]. Отношений начал мужского и женского в двух параллельных мифах диаметрально противоположны, и это не может быть случайно, потому что в дуалистическом миропонимании VI–VIII вв. символика пола была определяющим принципом. Небо считалось отцом, Земля – матерью, и было не все равно – считать Небо человеком, как тюркюты, или зверем, как уйгуры[16]. В самом параллелизме мифов есть нарочитое противоречие, несмотря на внешнее сходство. Вероятно, это не случайно, так как палеоантропология подтверждает разность их происхождения.

Тюркюты были наиболее монголоидными из всех тюркских племен VI–VII вв. Грузины, издеваясь над тюркютским полководцем, осаждавшим Тбилиси, "принесли огромную тыкву, нарисовали на ней изображение царя гуннов – аршин в ширину и аршин в длину; вместо ресниц нарисовали несколько отрезанных ветвей, которых никто не мог видеть; место бороды оставили безобразно голым; место ноздрей шириной в один локоть, редкие волосы на усах..."[17]. Это, несомненно, не индивидуальные, а шаржированные расовые черты[18], которые, впрочем, находят подтверждение в типе тюркютских каменных изваяний[19] и статуэток[20].

Зато уйгуры были народом европеоидным, подобно своим предкам – рыжеволосым ди[21]. На китайском рисунке уйгур изображен человеком с толстым носом, большими глазами и с бородой, начинавшейся под нижней губой, с пышными усами и густыми бровями[22]. Раскопки уйгурских погребений окончательно подтвердили европеоидность этой этнической группы[23].

Несходным был и психический склад обоих народов. Оба они были весьма воинственны, но тюркюты умели дисциплинированно идти за своими ханами и тарханами, а телесцы и в том числе уйгуры могли мужественно отстаивать свою свободу, но не проявляли способностей к организации управления и после победы разбредались по своим кочевьям, давая врагу возможность оправиться и перестроиться. Именно это обстоятельство позволило Кат Иль-хану долгое время игнорировать их отпадение и продолжать войну против династии Тан.

ДВЕ КОАЛИЦИИ

Гораздо более угрожающим казалось положение на западной границе каганата. Тун-джабгу-хан был заклятым врагом восточных тюркютов.

Его владения на востоке охватывали всю Джунгарию, и, следовательно, только хребет Монгольского Алтая разделял ставки восточного и западного ханов. Но, к счастью для Кат Иль-хана, руки его врага были связаны на западе и юге, ибо уже к 620 г. окончательно определилась расстановка сил в войне, охватившей континент от Желтого моря до Средиземного, и роль тюркютов в ней стала ясной не только для позднейшего исследования, но и для них самих.

Для западнотюркютских ханов оставались неразрешенными две внешнеполитические проблемы: нужно было покорить аваров и пробить сквозь Иран дорогу для караванов с шелком. Собственных сил им для этого не хватало, но их естественным союзником в обоих случаях была Византия, которую в это время громили персы.

Хотя в 610 г. смена правительства в Константинополе привела к власти талантливого полководца Ираклия, положение Византийской империи продолжало оставаться критическим. Ее европейские провинции были наводнены аварами, которые заключили союз с Ираном, а потеря Египта в 616 г. оставила столицу без хлеба.

Персы и авары зажали Византийскую империю в клещи. Однако император Ираклий, подобно своему восточному союзнику Ли Ши-миню, оказался незаурядным политиком и полководцем. Его эмиссары сумели возбудить среди кутургуров недовольство аварским господством, а коль скоро авары об этом узнали, они согласились за деньги снять осаду с Константинополя и в 620 г. отступили за Дунай. Это позволило Ираклию оставить спасенную им столицу и выехать к малоазиатской армии, которую он повел против персов.

План Ираклия заключался в том, чтобы, оставив персидским войскам захваченные ими земли, разгромить их тылы и тем лишить персов возможности продолжать войну. Эта война рассматривалась современниками как "крестовый поход" за христианскую религию, ибо персы осквернили святыни Иерусалима. Однако первый поход, начатый в апреле 623 г.[24] через Армению к Атропатенскому Гандзаку, нельзя было назвать удачным. Несмотря на то, что греки разорили Двин, Нахичеван и Гандзак, где помещался храм огня, при отступлении они были так стеснены персами, что потеряли всех пленных и только в горах Каралага[25] оторвались от преследующих их персов.

В поисках союзников Ираклий письменно предложил князьям агванским, иверским и армянским "добровольно выйти к нему навстречу и служить ему с войском своим во время зимы; в случае же отказа он обойдется с ними как с язычниками и войска его возьмут крепости их и опустошат пределы страны их"[26]. Но армяне и грузи-

ны отнюдь не стремились менять персидское иго на греческое, а агванские друзья разошлись по укрепленным замкам и предоставили наемникам Ираклия опустошать прекрасные поля и сады, которые они не могли защитить.

Весной 624 г. три персидские армии окружили Ираклия, но он пробился и отступил "в страны непроходимые, по дорогам трудным и шероховатым"[27] на равнину Нахичевана. Персы преследовали отступавших греков по пятам, и тогда лазы и абазги покинули византийское войско. Несмотря на это, Ираклий нанес еще одно поражение персам и отошел в Киликию, а оттуда в Севастию.

Кампания окончилась. По существу, это был беспрерывный ряд побед отходящей армии. Маневрирование без тыловой базы и снабжения характеризует Ираклия как великого полководца и политика[28]. Справедливую и глубокую оценку результатов этого похода дает Моисей Каланкатуйский в своей прекрасной "Истории агван": "Хотя войска персидские претерпели сильные поражения, однако отразили преследователя и загнали его в страну его, завладев городами, которые насильно отняли у него"[29].

Действительно, наступление Ираклия захлебнулось, но самым грозным было то, что он оказался одинок перед лицом врага. Закавказские христиане, причем не одни лишь монофизиты, но и халкедониты, примирились с персидским господством и не только не оказали никакой поддержки православному императору, но и прямо выступали против него, как, например, Стефан, царь Картли[30].

А тем временем опять оправились авары и готовились совместно с персами к наступлению на Константинополь. Византийский монарх не мог дольше медлить; он должен был найти союзника, и он его нашел.

В 625 г.[31] Ираклий направил некоего Андрея, "мужа умного изобретательного, с обещаниями несметных сокровищ" к хазарам, и наместник "северного царя именем Джебу-хаган[32], второй в царстве его... с большой готовностью дал ответ, говоря: "Я выйду на мщение против врагов его [Ираклия]; приду сам с храбрыми войсками моими на помощь ему, совершу угодное ему делами воинскими, мечом моим и луком, как он этого желает"[33]. Ответное посольство в сопровождении тысячи всадников, прорвавшись сквозь персидские заставы, достигло ставки Ираклия и утвердило союзный договор. На следующий год обещанное войско произвело диверсию в Агвании и Атрпатакане.

С этого момента византийские историки отождествляют тюркютов и хазар, надо полагать, потому, что хазары стали главной опорой каганата в Прикаспийских степях[34].

Таким образом, Западнотюркютский каганат втянулся в борьбу Византии и Ирана, продолжая вместе с тем дружественные отношения с Китаем и, следовательно, враждебные с Восточнотюркютским каганатом[35]. Цепь вражды замкнулась; создались две грандиозные коалиции: с одной стороны Китай, Западнотюркютский каганат и Византийская империя, а с другой – Восточнотюркютский каганат, Иран и держава аваров.

Возникает вопрос: были ли эти коалиции действительно плодом дипломатических переговоров или здесь имеют место военные выступления государств, просто совпадающие во времени? Подобно ситуации 589 г., тут наблюдается определенная связь между всеми членами обеих коалиций. Персы и авары были связаны военным союзом. Византия заключила союзный договор с наместником западнотюркютского хана.

Союз западнотюркютских ханов Шегуя и Тун-джабгу с Китаем, сначала суйским, а после танским, официально зафиксирован в китайских хрониках[36]. Остается открытым вопрос о связи Византии с Китаем и Ирана с восточными тюркютами. Документов, удостоверяющих такую связь, нет, но это reductio ad silentium, в логике недопустимое. Иран сносился с Дальним Востоком и до этого[37] и после. Поэтому гораздо правдоподобнее предположить наличие дипломатических связей между Восточнотюркютским каганатом и Ираном в 20-е гг. VII века, чем их отсутствие. К сожалению, арабское завоевание уничтожило сасанидские архивы, а китайцы могли не знать о секретной дипломатии их врагов.

Что же касается связи между Византией и Китаем, то только ее наличие объясняет сепаратный мир Ираклия с наследником Хосроя Парвиза, Кавадом Широе, – мир, странным образом совпадающий с последней активизацией восточных тюркютов. В случае успеха восточные тюркюты ударили бы на западных и лишили бы Ираклия единственного союзника в борьбе с Ираном. Вместе с тем победоносные действия западных тюркютов в Азербайджане были известны китайцам[38]. Вероятно, согдийские купцы, постоянно передвигавшиеся между Востоком и Западом, своевременно оповещали своих союзников о всех перипетиях войны.

Переходя к вопросу о причинах и движущих силах этой войны, необходимо отметить, что все члены первой коалиции – Византия, Китай и Западнотюркютский каганат – были заинтересованы в развитии караванной торговли. Что касается Византии и Китая, то это ясно и без дополнительных доказательств. В отношении Западнотюркютского каганата вопрос сложнее. Как было показано выше, в нем боролись две партии, или два союза племен: северо-восточные

кочевники – дулу, экономически связанные с северными тюркютами и Турфаном, на территории которого в это время укрепились сторонники свергнутой династии Суй[39], и юго-западные кочевники – нушиби, тяготеющие к согдийским торговым городам. Так как интересы этих городов были связаны с Китаем и Византией, то и нушиби придерживались прокитайской ориентации. Ханы Шегуй (611-618) и Тун-джабгу (618–630) были ставленниками нушиби; отсюда их тесный союз с Китаем против восточных тюркютов и с Византией против Ирана.

Итак, не будет ошибкой предположить, что помимо частных, местных целей у членов первой коалиции было общее стремление установить свободную и безопасную торговлю между Европой и Китаем.

Цели членов второй коалиции были различны. Аваров интересовал больше всего грабеж; у Ирана с Византией были давние счеты[40]. Установление в Китае сильной власти грозило восточным тюркютам гибелью их самостоятельности как политической, так и экономической. Это отчетливо показала история предыдущего периода, когда усилилась династия Суй. Поэтому тюркютские ханы всеми силами поддерживали все восстания и беспорядки, возникавшие в Китае, и давали прибежище тысячам политических эмигрантов[41]. Кроме китайских повстанцев Кат Иль-хан имел еще двух союзников.

На востоке племена киданей и татабов (хи) не пошли по пути уйгуров, а сохранили верность каганату. Они составляли в 20-х годах VII в. раздел толос и находились под личным управлением наследника престола Шибоби[42], сына Шибир-хана. Отношение киданей к династии Тан было определенно враждебным, а татабы, сверх того, вступили в союз с одним из претендентов Гао Кай-дао и совместно с ним вторгались в пределы Китая[43].

Вторым союзником восточных тюркютов стал Тогон, освободившийся во время падения династии Суй, в 615 г. Сначала тогонский царь Фуюнь оказывал помощь танскому претенденту. Но как только тот возвратил ему заложников, Фуюнь переметнулся в стан его врагов[44]. Надо думать, что здесь сыграли роль не тонкие политические расчеты, а настроение масс тогонского народа, пострадавшего и от китайцев и от их союзников – западных тюркютов – и поэтому стремившегося к мести. Силы тогонцев были невелики, но удлинение линии фронта на запад распыляло табгачские силы и ослабляло северную границу, открытую ударам тюркютов. Поэтому Тогон был ценным союзником для тюркютского хана.

НАСТУПЛЕНИЕ

Кат Иль-хан понял, что борьба, затеянная его братьями, переросла обычную пограничную ссору и ограничиваться только поддержкой китайских повстанцев гибельно для него самого. Единственное, что могло принести ему победу, это был решительный удар всеми силами. А силы у него были: "Он опирался на стяжание, собранное его отцом и старшим братом, и имел многочисленную и отличную конницу"[45].

Момент для начала войны был благоприятным для тюркютов. Ли Ши-минь в 621 г. с лучшими войсками был занят под Лояном боями с Ван Ши-чуном и Доу Гянь-дэ.

Император Гаоцзу (Ли Юань) больше всего на свете боялся конфликта с тюркютами в такой момент, но выбрал совершенно неправильный путь. Он послал Кат Иль-хану 100 тыс. кусков шелка, чтобы завязать дружбу. Хан же усмотрел в этом слабость и трусость и заключил в узилище танских послов. В ответ на это в Чанъани арестовали и бросили в тюрьму двух знатных тюркютов – Жехая и Ашидэ-тегина[46], чем дали повод к началу войны.

Тюркюты ворвались в Шаньси и взяли крепость Май. Табгачские войска были разбиты, а полководцы пленены. Победа танских войск под Лояном, казалось, выправила положение, но офицеры разбитых войск выбрали нового вождя – Лю Хэй-да, о котором говорилось выше, и продолжали борьбу. Тюркютская поддержка дала повстанцам возможность вторгнуться в Шаньдун в 622 г., а в это время главные силы тюркютов вступили в Биньчжоу и связали большое количество войск, благодаря чему Лю Хэй-да развивал успех на востоке. Попытка правительственных войск перейти в контрнаступление и выбить тюркютов из Май окончилась неудачей, после чего тюркюты взяли Яймынь, разорили области Фынчжоу и Лучжоу и увели в степь 50 тыс. пленных обоего пола.

Только полная мобилизация сил позволила танским войскам остановить наступление тюркютов. Ли Ши-минь и его старший брат Ли Гянь-чэн разбили несколько зарвавшихся тюркютских отрядов и вынудили к отступлению главные силы. Одновременно тюркютский хан получил богатые подарки, что склонило его к заключению перемирия47. Это была роковая ошибка: тюркюты потеряли темп наступления.

Используя передышку, наследный принц Гянь-чэн обратился против Лю Хэй-да и деньгами, обещаниями, интригами сумел разложить его армию. Лю Хэй-да и оглянуться не успел, как его покинули самые, казалось бы, надежные сподвижники, а оставшиеся схватили его и

выдали танскому принцу. Лю Хэй-да был казнен 7 февраля 623 г., а восстание на востоке подавлено[48].

На западе в это же время потерпели поражение тогонцы, вторгшиеся в Шэньси. Танский полководец применил во время боя с ними небывалый тактический прием: на пригорок, недалеко от поля битвы, вышли музыканты, танцовщицы и начали представление. Тогонцы заинтересовались и стали смотреть на прекрасных китаянок, а в это время китайские войска зашли им в тыл и бросились в атаку. Пленных не брали. Спаслись только те тогонцы, которых вынесли степные кони[49].

Осенью 623 г. тюркюты возобновили набеги, но время было упущено, и военные действия протекали с переменным успехом[50]. Только в 624 г. оба тюркютских хана – Кат Иль-хан и его племянник Шибоби, хан тӧлӧсов, продвинувшись по всему фронту, "привели всех в трепет"[51]. Против них стояли два корпуса, которыми командовали Ли Ши-минь и его младший брат Ли Лун-ки. Не надеясь обычными приемами остановить противника, Ли Ши-минь выехал перед строем и вызвал Кат Иль-хана на поединок. Тот, улыбнувшись, не ответил ничего. Тогда Ли Ши-минь подскакал вплотную к Шибоби и, схватив его коня за поводья, громко сказал ему: "Некогда мы заключили союз, и, если ты в беде, я могу тебе помочь. Разве ты забыл клятвы? Можешь ли решите победу в кровавом бою?"[52] Хан толосов ничего не ответил, и остается неясным, были ли действительно у него тайные сношения с Ли Ши-минем или это был блестяще рассчитанный ход танского принца, которому нужно было поссорить тюркютских ханов. Так или иначе это ему удалось.

Кат Иль-хан заподозрил своего племянника в измене и отвел войска, не приняв боя. Было заключено перемирие, и начались переговоры, которые, разумеется, не дали результатов. Тем временем пошли дожди, от которых размокли и ослабели тюркютские луки, и ханам пришлось отступить. Император и его приближенные до того натерпелись страху, что хотели было перенести столицу на юг, но Ли Ши-минь сумел помешать этому самоубийственному намерению. Были приняты меры к укреплению границы, и на Хуанхэ заведен гребной флот, чтобы препятствовать тюркютам переправиться через реку[53]. Затем императорское посольство проникло в западные степи и склонило Тун-джабгу-хана к заключению военного союза против восточных тюркютов[54].

Кат Иль-хан, видимо, был склонен рассматривать свое отступление как повод к заключению прочного мира. Дальнейшая война не была для него желательна, так как к концу 624 г. табгачи овладели всем Китаем и внутри страны не осталось никаких сил, сопротивляв-

шихся дому Тан. Хан предложил заключить торговый союз, на что последовало согласие императора[55], но, так как последний деятельно готовился к войне, иллюзии хана рассеялись быстро.

В 625 г. тюркюты снова вторглись в Шаньси. Один из их отрядов был разбит, зато другой одержал блестящую победу. Набеги тюркютов были, как правило, удачны, а осады крепостей безрезультатны. Судьба войны могла быть решена только в открытом бою, но события внутри Китая отсрочили развязку.

ПЕРЕВОРОТ В КИТАЕ

Будучи кавалерийским генералом, Ли Юань показал незаурядную энергию, находчивость и решительность. Но, превратившись в императора Гаоцзу, он растерялся от нахлынувших на него забот. Китай в VII в. бурлил. Мало было его завоевать, надо было его замирить, а этого Ли Юань не умел. Хороший полководец, он отнюдь не был дальновидным политиком и после победы пошел по пути наименьшего сопротивления, тем более что на этот путь его толкали и обстоятельства, и собственная накопившаяся усталость.

Далеко не все помещики группировки Гуаньлун погибли, защищая династию Суй. Большая часть их получила амнистию и явилась ко двору засвидетельствовать свою благодарность[56]. Они сумели создать в Чанъани такую обстановку, что Гаоцзу сблизился с ними и принял их поддержку. Чаяния их сводились к тому, чтобы восстановить порядки эпохи Суй, т.е. создать для императорской фамилии беспечальное существование во дворце, управление доверить чиновникам-конфуцианцам, в лояльности которых не было сомнений, а широкие массы служилого и податного населения вернуть в прежнее положение и заставить безропотно служить и платить налоги. Вождями этого направления оказались наследник престола Ли Гянь-чэн и третий сын императора – принц Ли Лун-ки[57].

Согласно этой программе в Чанъани была учреждена академия[58], где конфуцианские профессора готовили сыновей знати к занятию государственных должностей, а 24 мая 626 г. был издан указ об ограничении буддизма и даосизма, по которому многие монахи зачислялись в податное сословие, а монастырские имущества отходили в казну[59]. Это была попытка повернуть ход истории назад.

Жертвами нового порядка должны были стать народные массы, которым на шею опять пытались вскарабкаться титулованные богачи; нетитулованное служилое дворянство, тратившее свои силы на обо-

рону границ и потому не имевшее ни времени, ни средств для подготовки к экзаменам на чин, и его вождь Ли Ши-минь, которого братья ненавидели из зависти к его военным заслугам; широкие слои, симпатизировавшие буддизму и даосизму, а также грамотные люди, по складу характера или по отсутствию связей не попавшие в число профессиональных ученых. Для Китая в целом новая программа означала капитуляцию перед тюркютами, и в Чанъани уже поговаривали о том, чтобы перенести столицу на юг и уступками добиться мира[60]. Но решающей силой в стране был не двор, а армия, которой командовал принц Ли Ши-минь.

Придворная клика прежде всего попыталась лишить своих противников вождя. Ли Ши-миню на пиру подсыпали отраву, однако он не умер и после тяжелой болезни встал на ноги. После этого он стал осторожен и жил в своей ставке среди обожавших его воинов. Тогда братья уговорили отца вызвать Ли Ши-миня во дворец, рассчитывая расправиться с ним. Хотя Ли Ши-минь был предупрежден о их намерениях, но как истый китаец он не мог ослушаться отца и императора. 2 июля 626 г. он явился по вызову, но с многочисленной и хорошо вооруженной свитой, составленной из самых храбрых воинов. Во дворец он вошел с оружием в руках бок о бок со своим другом, воеводой Чин-дэ, и увидел в приемном зале своих братьев. Ли Гянь-чэн, не говоря ни слова, пустил стрелу в Ли Ши-миня, но промахнулся. Зато Ли Ши-минь ответной стрелой поразил его насмерть, а Чин-дэ застрелил Ли Лун-ки. После этого дворец оказался во власти Ли Ши-миня, и старик император, выслушав доклад сына о преступном заговоре братьев, простил ему совершенное кровопролитие, назначил наследником престола и, что особенно интересно, отменил указ о запрещении буддизма и даосизма[61]. Не поставить эти события в тесную связь невозможно.

4 сентября 626 г. Ли Юань отрекся от престола в пользу своего сына, принявшего титул Тайцзун. Такой оборот дела был наибольшей из неудач, постигших восточнотюркютского Кат Иль-хана.

Новый император добился внутреннего мира путем внешних войн. Прежде всего он поразил подданных, помиловав большую часть пособников своих братьев. Затем он отпустил домой 3 тыс. девушек, взятых на службу во дворец[62], и, резко уменьшив пышность двора, снизил налоги. В угоду служилому дворянству, которое было его опорой, он "загнал героев Поднебесной в ловушку"[63] тем, что пересмотрел родословные списки и этим нанес удар "сильным домам" – богатым помещикам, выдвинувшимся при династии Суй. От этого выиграли захудалые роды обедневшего дворянства, получившие доступ к военной и гражданской карьере. Армия быстро втянула в себя весь

авантюристический элемент, и хозяйство империи стало развиваться без помех, а положение на фронте изменилось к лучшему. Китай вступил в полосу своего расцвета, и первые, кто это почувствовал, были восточные тюркюты.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ МИРА

Тайцзун получил тяжелое наследство. Низложение династии Суй стоило Китаю около $^2/_3$ населения[64]. Множество крестьян было убито или умерло от голода, немало их разбежалось, покинув свои поля. Один из чиновников докладывал императору: "К востоку от области Ло и области И вплоть до Хай и Дай в Шаньдуне лишь изредка встречаются следы человека; повсюду, куда хватает глаз, густые кустарники и травы"[65]. А тюркюты продолжали нападать. Они "вымели китайскую землю набегами"[66]. В те месяцы, когда принцы боролись за власть, тюркюты перенесли военные действия из разоренной Шаньси в Ганьсу и опустошили эту область[67]. Целью их, очевидно, было, во-первых, вести войну за счет местного населения; во-вторых, снова поднять своих союзников тогонцев на войну, что им удалось[68]; в-третьих, прорваться к столице и заставить правительство запереться в крепости, чтобы гибнущие подданные возроптали против власти[69]. Этот натиск мог оказаться последним, но император и полководец Тайцзун Ли Шиминь с присущими ему твердостью и талантом нашел выход из положения, казавшегося безнадежным.

23 сентября Кат Иль-хан во главе стотысячной армии подступил к Чанъани. Император решил принять бой, и, когда его войска выступили из города и выстроились в боевом порядке, он в сопровождении всего лишь нескольких человек подъехал к р. Вэй и громко стал упрекать хана в вероломстве; затем приблизился вплотную к хану, взял его лошадь за повод и приказал готовиться к битве[70]. Смелость императора и выправка подходивших китайских войск произвели впечатление на хана и тюркютских старшин. В тот же день был заключен мир, в ознаменование чего на мосту была заколота белая лошадь, и тюркюты возвратились обратно в степь, вернув по просьбе императора всех захваченных ими пленных.

Надо полагать, что такому обороту дел весьма способствовало подготавливаемое выступление западных тюркютов, союзников Китая. Кат Иль-хан не рискнул оставить незащищенными свои кочевья.

Мир, заключенный на р. Вэй, сорвал поход Тун-джабгу-хана на восток, но этот хан вполне компенсировал себя на западе, где ирано-византийская война достигла своего кульминационного пункта.

Оценку заключенному миру дал сам император Тайцзун. На вопрос своего приближенного, почему он не вступил в бой и не уничтожил неприятеля, тот ответил, что это было возможно и даже легко, но не привело бы к цели. Враг был бы разбит, но не побежден, и озлобление придало бы ему силы. Теперь же, получив дорогие вещи и шелк, он возгордится, "а высокомерие поведет их к гибели"[71]. Тайцзун был прав. За последующие три года мира его империя отдохнула и набралась сил, а тюркютский хан уже не смог вернуть потерянную инициативу. Захлебнувшееся наступление часто бывает тяжелее поражения, и тюркюты это вскоре испытали.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Тем самым, который, нарушив клятву, живыми закапывал в землю сдавшихся ему повстанцев.

2 Один из вождей повстанцев, принявший титул князя Ся и боровшийся против династии Тан.

3 *Бичурин (Иакинф).* История Китая.

4 *Бичурин Н. Я.* Собрание сведений... Т. I. С. 246.

5 Округ Тайюань в Шаньси получил с 607 г. название Бинчжоуское генерал-губернаторство (см. *Бичурин Н. Я.* Собрание сведений по исторической географии... С. 52–53).

6 *Liu Mau-tsai.* Die chinesischen Nachrichten... S. 183. У Н. Я. Бичурина – снег. (Собрание сведений... Т. I. С. 247).

7 *Chavannes E.* Documents... P. 89.

8 Датировка восстания в источнике отсутствует. Я полагаю, что наиболее вероятная дата – 620 г., так как телеские племена еще подчинялись Ши-бирхану и уже враждовали с Кат Иль-ханом. О приурочении восстания к мероприятиям Чуло-хана см. выше – внутреннюю критику источника.

9 Новое китайское чтение имени Цзели принято Грумм-Гржимайло. У Бичурина – Хйели, в Шаванна – Hie-li, у Жюльена – Kie-li; восстанавливается, по Кальгрену, как iet-lji, по Радлову – Катли, от слова kat – очень. М. Ф. Хван предлагает читать Кат Иль-хан. Китайские иероглифы, передающие это имя, имеют оскорбительный смысл: ищущий выгоды, выгадывающий, что отражает враждебное ему отношение (расшифровка М. Ф. Хвана).

10 *Бичурин Н. Я.* Собрание сведений... Т. I. С. 247.

11 Тонгра и бугу кочевали между Селенгой и Орхоном; уйгуры – между Орхоном и Толой; байырку – к северу от р. Керулен, между Хэнтеем и Хинганом. Кроме того, в Забайкалье и на верхней Ангаре жили курыканы, которые тюркютам не подчинялись (*Грумм-Гржимайло Г. Е.* Западная Монголия... С. 275–276).

12 *Бичурин Н. Я.* Собрание сведений... Т. I. С. 302.

13 *Chavannes E.* Documents... P. 89.

14 *Бичурин Н. Я.* Собрание сведений... Т. I. С. 302; *Chavannes E.* Documents... P. 90.

15 *Бичурин Н. Я.* Собрание сведений... Т. I. С. 220–221, 229, 301.

16 Там же. С. 214–215. Волк, оплодотворивший девушку, ею считался воплощением Неба.

17 История агван... С. 108; ср. *Патканов К.* Ванские надписи... С. 263.

[18] *Артамонов М. И.* Очерки... С. 78.
[19] *Гумилев Л. Н.* Алтайская ветвь... С. 113–114.
[20] *Гумилев Л. Н.* Статуэтки...
[21] *Гумилев Л. Н.* Динлинская проблема. С. 21.
[22] *Грумм-Гржимайло Г. Е.* Западная Монголия... Т. II. С. 18.
[23] М. К. Археологические экспедиции 1959 г. С. 69.
[24] *Манандян Я. А.* Маршруты... С. 134.
[25] Горы северо-восточной части персидского Азербайджана (см.: *Манандян Я. А.* Маршруты... С. 138).
[26] История агван... С. 102–103.
[27] *Феофан Византиец.* Летопись... С. 250.
[28] *Nöldeke.* Aufsätze zur persischen... S. 126.
[29] История агван... С. 103.
[30] *Такайшвили Е.* Источники грузинских летописей. С. 124. Прим. 3.
[31] История агван... С. 110.
[32] См.: *Артамонов М. И.* История хазар... С. 155.
[33] Хронология в "История агван" перепутана (см. *Артамонов М. И.* История хазар... С. 54).
[34] *Артамонов М. И.* История хазар... С. 155.
[35] *Бичурин Н. Я.* Собрание сведений... Т. I. С. 284; *Chavannes E.* Documents... P. 24.
[36] *Бичурин Н. Я.* Собрание сведений... Т. I. С. 283; История Китая. VIII. Тетр. 39.
[37] *Бичурин Н. Я.* Собрание сведений... Т. II. С. 263.
[38] *Chavannes E.* Documents... P. 24, 171, 172.
[39] *Бичурин Н. Я.* Собрание сведений... Т. II. С. 291.
[40] О заградительных мероприятиях иранского правительства говорилось выше. Что они продолжались до 628 г., видно из слов персидских вельмож при низвержении Хосроя Парвиза: "Доколе проходы дорог будут заперты и будут препятствовать выгодам разных стран нашего отечества" (История агван... С. 113). Понятно, что политика запретов и стеснений торговли не могла не вызвать ненависти купцов всего мира против Сасанидов. О других причинах войны читатель узнает из истории Византии.
[41] *Liu Mau-tsai.* Die chinesischen Nachrichten... S. 134, 182–183.
[42] В китайских источниках он называется Тули-хан, т.е. хан тёлёсов.
[43] *Бичурин Н. Я.* Собрание сведений... Т. I. С. 362, 371.
[44] *Бичурин (Иакинф).* История Тибета... С. 89.
[45] *Бичурин Н. Я.* Собрание сведений... Т. I. С. 247.
[46] *Liu Mau-tsai.* Die chinesischen Nachrichten... S. 395, 420.
[47] *Julien S.* Documents... Vol. 4. P. 210, 211.
[48] *Gaubil.* Abrégé... P. 429.
[49] *Mailla.* Histoire générale... VI. P. 23; *Бичурин (Иакинф).* История Тибета... I. С. 89–90.
[50] *Julien S.* Documents... Vol. 4. P. 212.
[51] Ibid. P. 214.
[52] Ibid.
[53] *Liu Mau-tsai.* Die chinesischen Nachrichten... S. 447.
[54] *Бичурин (Иакинф).* История Китая. Под 624 г.
[55] *Julien S.* Documents... P. 216; *Liu Mau-tsai.* Die chinesischen Nachrichten... S. 454.
[56] *Шан Юэ.* Очерки... С. 199.
[57] Предлагаемая трактовка хода событий принадлежит автору настоящей работы. Другими исследователями столкновение принцев рассматривается как личная борьба за власть.

[58] *Cordier H.* Histoire générale... P. 408.
[59] *Gaubil.* Abrégé... P. 432.
[60] *Грумм-Гржимайло Г. Е.* Западная Монголия... С. 245; *Chavannes E.* Documents... P. 262; *Cordier H.* Histoire générale... P. 409.
[61] *Gaubil.* Abrégé... P. 435.
[62] Требование предоставлять красивых девушек для придворной службы было очень тяжелой повинностью. Девушки занимали там положение горничных и наложниц вместе, без надежд на устройство личной судьбы.
[63] *Шан Юэ.* Очерки... С. 200.
[64] Там же. С. 205. В 606 г. в стране было 8900 тыс. хозяйств, к 627 г. – менее 3 млн.
[65] Там же.
[66] *Бичурин Н. Я.* Собрание сведений... Т. I. С. 253.
[67] Там же С. 252.
[68] *Бичурин (Иакинф).* История Тибета... I. С. 90.
[69] *Бичурин Н. Я.* Собрание сведений... Т. I. С. 253.
[70] *Julien S.* Documents... Vol. 4. P. 220.
[71] *Бичурин Н. Я.* Собрание сведений... Т. I. С. 253–254. Первая часть цитаты переведена неточно – в изъявительном наклонении, тогда как нужно сослагательное (ср. *Julien S.* Documents... Vol. 4. P. 221).

XV. Мировая война VII века

ВТОРЖЕНИЕ НА КАВКАЗ

Летом 626 г. авары и персы возобновили наступление на Константинополь. Это было именно в то самое время, когда Кат Иль-хан во главе восточнотюркютских всадников вторгся в Китай, и вряд ли такое совпадение могло оказаться случайным. В июне аварская конница достигла Длинных стен, защищавших столицу империи с суши, а персы подошли к лазоревым водам Босфора. Но греки не допустили персов переправиться на европейскую сторону, и авары пошли на приступ одни. 7 августа они потерпели полное поражение и бежали на север, а персидский корпус отступил в Сирию. Ираклий снова получил возможность перейти в наступление и на этот раз обрел долгожданную помощь.

Мир на р. Вэй развязал руки Тун-джабгу-хану. Успокоившись за свою восточную границу, он перекинул часть войск на запад, чтобы поддержать византийцев. Персы не придавали тюркютам большого значения, так как надеялись на неприступность укреплений Дербента, прикрывавших дорогу в Закавказье. Мощная стена, построенная еще Хосроем Ануширваном, тянулась на 40 км от гор до Каспийского моря[1] и казалась надежным барьером против конного противника.

Персидские регулярные части были заняты на западе, и агванцам пришлось защищаться от нового врага самостоятельно. Агванское ополчение было вооружено довольно примитивно: луками и дротиками, при далеко не достаточном количестве панцирей и даже щитов[2]. Пехотные щитоносцы составляли особый вид войска – фалангу, воо-

руженную копьями[3], и только военачальники были экипированы по последнему слову тогдашней военной техники: на кольчугу надевали войлочный кафтан, и тогда стрелы и копья "отскакивали" от нее[4]. Так же были вооружены армяне и грузины, и, разумеется, не эти ополченцы могли остановить натиск тюркютской латной конницы.

Дербентская стена была построена из больших отесанных плит и достигала 18–20 м высоты. Ее укрепляли еще 30 башен, обращенных на север. Трое ворот были железными, а восточный конец стены уходил в Каспийское море на глубину, достаточную, чтобы предотвратить обход. Но любая крепость сильна лишь тогда, когда ее хотят и умеют оборонять[5].

Штурм Дербента чрезвычайно красочно описан Моисеем Каганкатваци: "...Гайшах [персидский наместник из агванских князей] видел, что произошло с защитниками великого города Чора[6] и с войсками, находившимися на дивных стенах, для построения которых цари персидские изнурили страну нашу, собирая архитекторов и изыскивая разные материалы для построения великого здания, которое соорудили между горой Кавказом и великим морем восточным... Видя страшную опасность со стороны безобразной, гнусной, широколицой, безресничной толпы, которая в образе женщин с распущенными волосами устремилась на них, содрогание овладело жителями; особенно при виде метких и сильных стрелков, которые как бы сильным градом одождили их и, как хищные волки, потерявшие стыд, бросились на них и беспощадно перерезали их на улицах и площадях города. Глаз их не щадил ни прекрасных, ни милых, ни молодых из мужчин и женщин; не оставлял в покое даже негодных, безвредных, изувеченных и старых; они не жалобились, и сердце их не сжималось при виде мальчиков, обнимавших зарезанных матерей; напротив, они доили из грудей их кровь, как молоко. Как огонь проникает в горящий тростник, так входили они в одни двери и выходили в другие, оставив там деяния хищных зверей и птиц"[7].

Падение крепости, считавшейся неприступной, вызвало панику во всей Агвании. Агванцы сначала сбежались в свою столицу – Партав, но, не надеясь отстоять город, покинули его и пытались убежать в горы. Тюркюты и хазары настигли беглецов у селения Каганкатуйк и частью перебили, а частью захватили их в плен.

Затем наступила очередь Грузии. Тюркюты и хазары "окружили и осадили изнеженный, торговый, славный и великий город Тифлис"[8]. Вскоре к ним присоединился император Ираклий со своим войском.

Встреча вождей была обставлена весьма торжественно: джабгу, подъехав к императору, поцеловал его в плечо и поклонился, а тот обнял его, назвал своим сыном и возложил на него свою корону. Затем для хазарских вождей был устроен пир, и все они получили роскош-

ные подарки – одежду и серьги, а самому джабгу император обещал, что выдаст за него замуж свою дочь Евдокию[9].

Но, несмотря на взаимную нежность предводителей, осада шла плохо. Персидский гарнизон держался в Тбилиси стойко. Храбрый царь Стефан делал ежедневно вылазки и хотя сложил свою голову[10], но его сподвижники не собирались сдаваться. Ни то, ни другое войско не шло на приступ. Ираклий берег своих людей, джабгу жалел своих, и после двухмесячной осады хазарское войско ушло, обещая вернуться будущей осенью[11].

С Ираклием остался отряд в 40 тыс. человек, во главе которого джабгу поставил своего юного сына Бури-шада. Но и эти "начали мало-помалу утекать, и, наконец, все, оставя его, возвратились"[12].

В Тбилиси ликовали и издевались над императором, называя его козлом[13]. Ираклий усмотрел в этом доброе предзнаменование, ибо в книге Даниила сказано, что козел с Запада сокрушит рога овна Востока. Осенью 627 г.[14] он снял осаду и двинул свои отдохнувшие войска в головокружительный рейд по тылам противника. Отступив на запад до Ахалцыха, он повернул на юг и пересек Аракс выше Двина. Оттуда в обход оз. Урмия он вышел к Тигру около развалин Ниневин, где 12 декабря разбил персидское войско полководца Рахзада[15]. В начале января 628 г. греки уже громили и жгли шахские дворцы около Ктезифона, и у персов не было сил их остановить.

Внутренние ресурсы Ирана были исчерпаны, и ничто уже не препятствовало победоносному движению Ираклия. Персидские вельможи, видя безнадежность дальнейшей борьбы, 29 февраля 628 г. произвели переворот. Они низвергли и казнили Хосроя, возвели на престол его сына Кавада Широе и просили мира, на который Ираклий неожиданно согласился быстро и легко. По сути дела это был сепаратный мир, так как тюрко-хазары продолжали войну.

Анализируя этот странный поступок Ираклия, следует обратить внимание на то, что он целых пять лет не мог нанести смертельного удара врагу главным образом из-за отсутствия надежного тыла. Сирия и часть Малой Азии были оккупированы персами, закавказские христиане были либо монофизитами и уже по одному этому легко мирились с веротерпимым правительством Хосроя Парвиза, либо из политических соображений заключили союз с Ираном, как, например, Стефан Иверский. Только хазарская помощь развязала руки Ираклию; без тюрко-хазар, подавивших проперсидскую ориентацию в Закавказье, поход на Ктезифон вряд ли был бы удачным.

Что же заставило Ираклия покинуть таких ценных союзников и отказаться от окончательного разгрома исконного врага именно тогда, когда этот враг был уже разбит?

В самом деле, единственная реальная сила персов – армия Шахрвараза, осаждавшая Халкидон, – в начале 628 г. возмутилась против Хосроя и, заключив мир с сыном Ираклия, Константином, двинулась обратно на родину для борьбы против шахиншаха. Причиной этому послужило приказание Хосроя казнить Шахрвараза за неповиновение. Письмо это попало в руки греков, которые передали его Шахрваразу, а последний, добавив к приказу еще 400 имен своих офицеров, огласил письмо и вызвал восстание, которое впоследствии поставило его во главе государства[16]. Второй талантливый персидский полководец, падгоспан запада Шахин, был также в немилости. Хосрой отозвал его из армии и собирался предать суду; лишь гибель шаха спасла Шахина[17].

Итак, можно сказать вполне определенно, что не западные события обусловили поспешность Ираклия при заключении мира. Следовательно, ответ может быть только один. Ираклий испугался возможности оказаться покинутым союзниками и потерять плоды своей победы. Это опасение, по всей вероятности, основывалось на восточных событиях 627 г., последствия которых было невозможно предугадать.

БЕСПОКОЙНОЕ ПЕРЕМИРИЕ

После заключения мира на р. Вэй на первых порах все обстояло благополучно. "Длинное ухо" разнесло по всей степи весть о подвиге тюркютского хана, и племя сеяньто в конце 627 г. сочло за благо отколоться от Западного каганата и подчиниться Восточному[18]. С одной стороны, для последнего это был большой успех, потому что Кат Иль-хану подчинилась вся северная Джунгария и опасность с запада была устранена. С другой стороны, это присоединение усилило телеский элемент в Восточнотюркютской державе. Сеяньтосцы снеслись с уйгурами, и уже к началу 628 г. они стали союзниками, а их князья – сеяньтоский Инань и уйгурский Пуса – взаимно поддерживали друг друга.

Наиболее угрожающим для тюркютов в создавшемся положении была численность недовольных подданных. Численность уйгуров, по китайским сведениям, достигала 100 тыс. человек, из которых воинов было 50 тыс.(?!), а сеяньтосцев насчитывалось 70 тыс. шатров[19], т.е. еще больше. Управлять столь многочисленными и весьма воинственными подданными можно было только с их согласия, но политическая обстановка не давала таких возможностей тюркютскому владыке.

Мир на р. Вэй оставил Кат Иль-хана неудовлетворенным: сила Танской империи еще не выросла настолько, чтобы казаться непреодолимой, а опасность от вторжения западных тюркютов миновала, так как они втянулись в серьезную войну с Ираном и силы их оказа-

лись связанными в Закавказье. Уже в 627 г. Кат Иль-хан начал подумывать о новой войне и первым делом воспрепятствовал браку Тун-джабгу с царевной из дома Тан, предупредив, что он не преминет ее задержать, когда она будет проезжать через его земли. Тун-джабгу скорбел, но ничего не мог сделать[20]. Но счастье оставило тюркютского хана. Зима 627 г. была многоснежной; скот и лошади пали в огромном числе; это вызвало голод. Ханские налоги были тяжелы, и племена сеяньто, уйгуров и байырку восстали.

Кат Иль-хан решил для начала расправиться с уйгурами. Он повелел Тёлёс-хану напасть на них с востока, а с запада большую армию повел сын его Юкук-шад[21]. Энергичный и талантливый уйгурский вождь Пуса, имея всего 5 тыс. всадников, вышел навстречу Юкук-шаду и у горы Малишань[22] разбил его наголову. Во время преследования у Тянь-Шаня, несмотря на помощь, оказанную Юкук-шаду его двоюродным братом Ашиной Шэни, уйгуры захватили в плен много раненых и отставших[23].

Еще более неудачно было наступление Тёлёс-хана с востока. Сопровождаемый отрядом легкой конницы, он едва спасся от уйгуров[24]. Кат Иль-хан, очевидно, заподозрил, что полководец виноват в поражении больше, чем неприятель. Переговоры и интимные связи Тёлёс-хана с императором Тайцзуном не были тайной. Раздраженный неискренним поведением своего племянника, Кат Иль-хан приказал, чтобы наследник престола был взят под стражу и побит палкой[25]. Трудно осуждать Кат Иль-хана за эту вспышку гнева. Его племянник давно уже вел двойную игру, заискивая перед китайским императором. Ведь именно он дважды срывал удачное наступление на Китай, да и теперь его поражение, по-видимому, было следствием нежелания укрепить мощь верховного хана. Но тем не менее нанесенное оскорбление сыграло решающую роль в развитии событий. Освободившись из-под стражи, Тёлёс-хан поднял восстание и обратился за помощью в Китай[26]. Подчиненные ему кидани поддержали своего князя и также перешли под протекторат императора[27]. Это случилось зимой 628 г., а весной 629 г. сеяньтоский князь Инань[28] объявил себя ханом и также послал в Чанъань посла с просьбой признать за ним этот титул[29]. Престол Кат Иль-хана закачался.

И тут, перед надвигающейся неизбежностью, промелькнула тень удачи. Полководец Кат Иль-хана – Ашина Шэни захватил западнотюркютскую крепость Бишбалык, ключ к южной Джунгарии, и поднял против Тун-джабгу карлуков, живших на берегах Иртыша[30]. Но развить успех он уже не успел.

Что из этого могло быть известно Ираклию весной 628 г.? Только то, что старый грозный враг его тюрко-хазарских союзников высту-

пил в поход. Естественно было предположить, что тюрко-хазары вернутся защищать свои родные кочевья, и так, вероятно, и было бы, если бы удача телеского восстания и измена Тölöс-хана не толкнули к гибели и Восточнотюркютское ханство, и самого Кат Иль-хана. Предвидеть этого Ираклий, разумеется, не мог; заключая мир, он руководствовался только существующей ситуацией, и нельзя сказать, чтобы он сильно заблуждался. Кроме того, вероятно, ему не хотелось, чтобы по соседству с его границами вместо обескровленной Персии появилась грозная сила тюркютов. Поэтому, с. его точки зрения, мир был как нельзя более своевременным.

Но тюркюты лучше разбирались в событиях и не хотели упустить победу над старым врагом. Они продолжали войну с Ираном один на один[31].

ОДИН НА ОДИН

Зимой 628 г., когда на трон Ирана воссел бездарный Кавад Широе, а Ираклий диктовал ему условия мира, джабгу снова вступил в Закавказье и подошел к стенам Тбилиси. На этот раз он не медлил, а после короткой осады пустил свои войска на приступ. "Подняв мечи свои, они все устремились на стены, и все это множество, нагромоздясь друг на друга, поднялось выше стен, и мрачная тень пала на бедственных жителей города; они были побеждены, отступили от стен"[32] и началась резня. Победители никого не щадили, несмотря на то, что сопротивления уже не было. Взятые в плен иверский князь и персидский воевода были замучены перед лицом джабгу[33]. Город был разграблен дочиста[34].

Любопытно, что крепость, устоявшая перед стенобитными машинами византийских инженеров, пала под напором тюркютов, вооруженных лишь оружием для рукопашной схватки. Также были несколько ранее взяты укрепления Чора (Дербента)[35]. Однако надо думать, что это заслуга скорее хазарских, чем собственно тюркютских частей, так как тюркюты ни в Китае, ни в Средней Азии при осадах городов хороших боевых качеств не показали.

Разграбив Тбилиси, Джабгу-хаган вернулся восвояси[36], а сыну своему, Бури-шаду, повелел завоевать Атванию, дав ему "в руководители мужей храбрых"[37].

На этот раз целью джабгу было не простое ограбление страны, а присоединение ее к своим владениям. "Если правители и вельможи страны той выйдут навстречу сыну моему, дадут ему страну свою в подданство, уступят города, крепости и торговлю войскам моим, то

вы тоже позволите им жить и служить мне"[38]. В этом заявлении отчетливо звучит та программа, ради которой тюркюты ввязались в войну: торговля шелком, который можно было провозить в Константинополь не только через Хорасан, но и через Каспийское море и Кавказ[39].

Разумеется, персидский наместник Агвании отверг ультиматум, мотивируя это тем, что Агвания не стоит того, чтобы ради нее подчиняться какому-то тюрку. Однако, учтя опыт своего тбилисского коллеги, он забрал свое имущество и удрал в Персию.

Бури-шад, выполняя приказ отца, предложил агванцам добровольно подчиниться, но католикос Виро, несмотря на то что персидский марзбан бежал в Персию, боялся равно и тюркютов и персов. Поэтому, не зная, на что решиться, он затягивал переговоры, и терпение тюркютов лопнуло. По заранее разработанному плану они приступили к систематическому разорению Агвании. "В домах и на улицах уста всех взывали: "вай, вай!". Крики варваров не утихали, и не было никого, кто бы не слышал убийственных возгласов злого неприятеля – и все это в тот же день и в тот же час. Потому что хищники заранее по жребию разделили наши области и села... и все в одно назначенное время простерли свои разрушительные набеги"[40]. Католикос бежал в горную местность Арцах; тюркютские послы отыскали его там и снова предложили капитуляцию. Католикос собрал всех должностных лиц страны и предложил им решить, что делать: сопротивляться или покориться? Все единодушно высказались за покорность, и католикос лично повез дань к шаду, лагерь которого находился неподалеку от Партава. Шад принял католикоса ласково и сказал ему: "Что же ты медлил прийти ко мне; тогда бедствие это не было бы нанесено стране твоей войсками моими"[41]. По просьбе католикоса шад приказал освободить всех пленных агван; его тиуны искали пленных в палатках и шатрах; "вытаскивали молодых людей, скрытых под утварью или между скотом, и никто не смел противиться им"[42].

Режим, установленный тюркютами в Агвании, оказался нелегким. Несмотря на то что после погрома страну постиг голод[43], "князь севера навел страх и ужас по всей земле. Он отправил смотрителей за разного рода ремесленниками, имеющими познания в золотопромывании, добывании серебра, железа и в выделке меди. Он требовал также пошлины с товаров и ловцов на рыбных промыслах великих рек Куры и Аракса, вместе с тем и дидрахму по обыкновенной переписи царства персидского"[44]. В этом памятнике единственный раз в истории тюркютов показана система налогового обложения покоренного народа. Как видно из документа, оно было значительно тяжелее персидского обложения, и теперь становится вполне понятным, почему в тюркютской державе центробежные силы никогда не угасали.

Но одной Агвании тюркютам было мало. В апреле 630 г.[45] они напали на Армению, чтобы привести ее в покорность. Войско, посланное в Армению, было весьма немногочисленно; оно состояло всего из 3 тыс. человек "под предводительством некоего Чорпан-тархана, мужа гнусного и "кровожадного"[46]. Шахвараз, фактически военный диктатор Ирана, "выслал против Чорпан-тархана своего полководца Гонагна, начальника "турецкой конницы", с 10 000 храбрых мужей"[47].

Чорпан-тархан применил обычный прием кочевников: часть войска притворным бегством заманила персов в засаду, где они были поголовно уничтожены. Тогда "всякий воитель и тот, кто носит меч на бедре своем, узнали, что для них ничего не значит власть царей и сила военачальников"[48].

Характеристика тюркютского государства как примитивной военной деспотии у армянского автора вполне совпадает как с вышеприведенными высказываниями Ян Цзяня[49] и Ли Ши-миня[50], так и с ходом истории. Держава была основана копьем и держалась на копье; "солью земли" были воины, и только очень энергичные ханы умели держать в руках эту силу, грозную не только для врагов, но и для них самих. Всякое ослабление центральной власти вызывало смуты, подобные тем, которые погубили Западнотюркютскую державу. Победоносное войско Джабгу-хагана не было монолитным, как и сам каганат. Соперничество племенных группировок не могло не отразиться на настроениях воинов, и обострение противоречий внутри страны повлекло за собой события, которые спасли Иран и уничтожили все достижения Бури-шада.

КАТАСТРОФА

Воинственный хан Тун-джабгу всю свою жизнь последовательно выполнял волю племен нушиби, добывших для него престол. Охраняя их интересы, он дружил с Китаем и Византией, ссорился с восточнотюркютскими ханами и ввязался в кровавую войну с Ираном. Но для войны всегда и везде нужны деньги и люди. Людей приходилось брать с севера, у племен дулу, которые в этой войне не видели для себя ни пользы, ни смысла. Явное предпочтение, которое ханская семья оказывала их соперникам – нушибийцам, также не располагало дулу к лояльности. Когда же хан, нуждавшийся в средствах, стал взыскивать с них большие штрафы[51], то они вспомнили, что меч на бедре значит больше, чем власть царей и военачальников[52]. Тун-джабгу не придал значения росту их недовольства, и это было непоправимой ошибкой. Как только восточные тюркюты отняли у него Бишбалык, карлуки,

жившие на Черном Иртыше, восстали, а вслед за тем поднялись и другие племена союза дулу. Их возглавил дядя хана[53], носивший прозвище Богатырь-князь (Моходу-хоу). Ему удалось убить Тун-джабгу, после чего он принял титул Кюлюг Сибир-хан (Кюйли Сыби-хан).

На западной окраине каганата дулуской ориентации держались болгары-унногундуры, вождь которых Кубрат, посетив в 610 г. Константинополь[54] и получив там сан патрикия, от крещения воздержался[55]. Болгар толкало в партию дулу соперничество с хазарами. До 630 г. они охраняли западную границу каганата от возможного нападения аваров, но восстание кутургуров против аварского хана отодвинуло эту границу с Дона до Карпат. В новом положении держать в тылу прекрасные войска не имело смысла, и болгар перебросили в Закавказье для пополнения действующей армии.

По-видимому, Тун-джабгу, не доверяя своему дяде, хотел передать его удел своему брату Джабгу-хагану, но тот потерпел поражение и погиб[56]. Во всяком случае после переворота в орде дулу, находившиеся в армии, тоже восстали и жизнь Бури-шада была в опасности[57]. Однако он спасся и впоследствии оказался в Средней Азии, в стране нушибийцев[58]. Происшедшие потрясения заставили тюркютов уйти из Закавказья, которым немедленно овладели персы[59].

Нушиби были застигнуты врасплох, но сдаваться и покоряться они не собирались. Переворот вызвал внутреннюю войну, и она наполнила собой всю дальнейшую историю Западнотюркютского каганата. Новое правительство сразу растеряло завоевания, сделанные Тун-джабгу-ханом. Вслед за Закавказьем отпали Гибинь и Тохаристан, а телеские племена Джунгарии восстали и начали войну против тюркютов. Но самым тяжелым для Сибир-хана было резко отрицательное отношение к нему императора Тайцзуна, который направил специальное посольство с дорогими подарками для торжественных похорон Тун-джабгу-хана[60]. Этот сам по себе незначительный шаг показал, что наиболее могущественная держава Азии высказалась против переворота.

Выиграл от распри только один болгарский вождь Кубрат. Сначала он избавился от тюркютов и хазар, поддерживая своего дядю Сибир-хана. Затем, используя отдаленность от центра каганата, он превратился в самостоятельного владетеля, занятые внутренней войной тюркюты оставили его в покое. Около 635 г. Кубрат нанес поражение аварам и одновременно снарядил посольство в Константинополь. Ираклий отправил ему дары и наградил саном патрикия[61]. Восстание кутургуров против аваров отдало Кубрату причерноморские степи, так как в летописи Феофана он выступает как "обладатель Болгарии и котрагов", т.е. кутургуров[62].

Несмотря на то что кутургуры деятельно помогали аварам во всех войнах, авары относились к ним как к покоренным, т.е. весьма плохо. В 630 г. кутургуры восстали, но были побеждены. Те, которые находились в Европе, бежали в Баварию, но были там предательски перерезаны по приказу франкского короля Дагобера. Восточным повезло, и они присоединились к единоплеменным утургурам, образовав вместе с ними болгарский народ. Новая Болгария была враждебна на востоке хазарам, продолжавшим держаться за тюркютов, на западе – аварам и на юге – Византии; сил ее хватало на все. Могущество же Аварского каганата начало с этого времени падать, пока сам аварский народ не обрел гибель под мечами латников Карла Великого.

Болгарская держава, основанная Кубратом, просуществовала до 679 г., но дальнейшая ее судьба не имеет никакого отношения к Тюркютскому каганату. Поэтому, оставив в стороне Европу, вернемся в Центральную Азию.

ПОСЛЕДНЯЯ ВОЙНА С КИТАЕМ

Самым досадным для танского правительства было то, что тюркютский хан продолжал оказывать покровительство суйским эмигрантам, не оставившим надежд на реставрацию. Трудности, которые принуждена была преодолевать новая власть при восстановлении нормальной жизни страны, в любой момент могли быть использованы эмигрантами. Только что потушенная внутренняя война могла вспыхнуть снова, если бы тюркютский хан сумел, сокрушив императорскую гвардию, привести в Китай "законного" монарха. Поэтому не использовать кризис Восточного каганата для Тайцзуна было бы непростительным легкомыслием, на которое он был не способен. С 628 г. в Китае начались приготовления к войне[63], и первой жертвой оказался Лян Ши-ду, до тех пор державшийся в крепости Шофан[64].

Когда беспорядки охватили тюркютскую державу, Тайцзун попытался вступить в переговоры с Лян Ши-ду, но последний от них отказался. Тогда император направил против него пограничные полевые войска. Захваченные в плен сторонники Лян Ши-ду были освобождены и направлены в Ордос, чтобы восстановить народ против мятежника. Легкая конница табгачей уничтожила посевы вокруг Шофана. Там начался голод, и подданные Лян Ши-ду стали переходить в Китай, где встречали хороший прием. В среде соратников Лян Ши-ду возникла атмосфера взаимного недоверия, и некоторые полководцы составили заговор, чтобы схватить своего вождя, но успеха не имели и были казнены.

В 628 г. Тайцзун приказал начать наступление на Шо-фан. Тюркюты выступили на его защиту, но были отброшены табгачами. После этого императорские войска осадили Шофан. Потеряв надежду на спасение, соратники Лян Ши-ду принесли осаждающим голову своего вождя и покорность. Они были помилованы и награждены. Объединение Китая под властью династии Тан закончилось. Вслед за тем в 629 г. тюркюты были выбиты из крепости Маи, весь Ордос перешел в руки китайского императора.

Первая же неудача оказалась для Кат Иль-хана роковой. Подданные, его родственники и даже соратники начали перебегать к "Табгачскому хану", с их точки зрения бывшему китайским императором "по совместительству"[65]. Сначала передались девять командиров (сыгиней) со своими отрядами. Затем в Чанъань приехали с изъявлениями покорности вожди племен[66] байырку, бугу, тонгра, си и татабов (хи)[67]. Когда же табгачская армия разбила тюркютские войска у Линчжоу (в Ганьсу), то в Китай прискакали Тölöс-хан Шибоби, племянник Кат Иль-хана Юйше-шад и Иннай-тегин[68], назначенный наследником после измены Шибоби, но также потерявший веру в возможность успеха.

Да и было отчего. Шесть китайских армий наступали фронтом от р. Луаньхэ до Биньчжоу[69]. В ночном бою у гор Оянлин (в Шаньси) Кат Иль-хан снова потерпел поражение и в начале 630 г. отступил через пустыню на север. Тогда его приближенные изменили[70] и выдали победителю императрицу из дома Суй и принца-претендента. Однако Кат Иль-хан еще имел "несколько десятков тысяч войска"[71], на верность которого можно было надеяться, и попытался начать переговоры о почетном мире.

Император хотел было принять предложение хана, но главнокомандующий решил дело сам и нечаянным нападением разгромил остатки тюркютских войск. Кат Иль-хан успел ускакать, но был пойман и доставлен в Чанъань. Вслед за тем сдался последний верный ему князь – Ышбара Шуниши-шад[72], и Восточнотюркютская держава перестала существовать.

Крушение было быстрым и полным. За какие-нибудь полтора года тюркюты превратились из господ степных просторов в беглецов, стремившихся как можно скорее сдаться китайцам, пока их не поймали восставшие телесцы. Власть Тайцзуна распространилась до оазиса Хами на западе и до границ сибирской тайги на севере, но нельзя не заметить, что решающим моментом победы была не сила оружия, а добровольное признание кочевниками своим ханом императора. По сути дела Китай оказал табгачам гораздо более упорное сопротивление, чем Великая степь, и теперь объединение их под одной державой

было началом создания восточноазиатской империи, включившей в себя народы разных культур и разного психического склада. Во главе этой империи стояли соратники полководцев Ли Юаня и Ли Ши-миня, а среди них были не только китайцы, но и уйгуры, тюрки, согдийцы, корейцы. С этого 630 г. мы будем называть их имперцами до тех пор, пока империя Тан не превратится снова в китайское царство.

РИТМЫ ЭПОХИ

Рассматривая падение Восточнотюркютского каганата и создание на его обломках империи Тан, мы не можем не задать себе вопроса: было ли это явление вызвано исторической закономерностью или тут проявилась роль случайности, обусловленной лишь обстоятельствами момента?

Этот вопрос чрезвычайно мало освещен в исторической литературе. Только Йоллыг-тегин, автор орхонских надписей, дает объяснение, для его времени вполне основательное. Он осуждает ханов за то, что они были "неразумны и трусливы", бегов и народ – за неверность ханам, табгачей – за обман и подстрекательство младших братьев против старших, и, что самое существенное, он винит китайскую роскошь, изнеживающую тюркский народ. Но Йоллыг-тегин не считал, что поражение было неизбежно. Наоборот, вся надпись составлена как предостережение на будущее. Йоллыг-тегин вполне уверен, что если жить на изрядном расстоянии от Китая и не слишком тесно общаться с табгачами, то все может быть благополучно[73]. Итак, по мнению Йоллыг-тегина, поражение 630 г. было результатом ошибочной политики, т.е. исторической случайностью. Посмотрим, прав ли он.

Китайские историки, составители старой и новой хроник династии Тан[74], держатся диаметрально противоположной точки зрения. Для них победа над варварами – естественное явление, не требующее объяснений. Вот если бы победили тюркюты – это надо было бы объяснить повреждением обычаев или бездарностью императора. Исходя отсюда, они спокойно перечисляют события, не пытаясь их осмыслить. Поэтому в аспекте научного подхода они стоят ниже даже Йоллыг-тегина.

Теперь попробуем подойти к разрешению вопроса на базе современных достижений науки. В VII в. и китайцы и кочевники имели простое товарное хозяйство и обмен между ними был относительно невелик. В самом Китае вместо денег использовали шелк и зерно, и отнюдь не китайские крестьяне были заинтересованы в том, чтобы плоды их трудов уплывали за границу. Точно так же рядовой кочев-

ник обходился молоком и мясом, шкурами для одежд и войлоком для юрт, и тесное общение с иноплеменными китайцами было ему не нужно.

Но ханы и ваны, беги и гуны смотрели на это по-другому. Для тюркютских ханов шелк, предмет роскоши, был богатством, дающим власть. Для китайских императоров кони и наемные стрелки были орудиями насилия, средством удержания власти. В обоих случаях интересы правящей верхушки предпочитались желаниям народных масс. А народы Китая и Великой степи в VII в., как мы видели выше, желали жить в мире и порознь. Поэтому объединение двух чуждых по культуре и экономике народов путем прямого насилия правильнее рассматривать как временное нарушение хода исторического процесса, т.е. как проявление исторической случайности. С этой точки зрения становятся понятными и те постоянные сверхусилия, которые поддерживали целостность империи Тан, и ее страшный конец. Исходя из принятой посылки, мы сможем объяснить причины постоянных мятежей и заговоров, убийств и предательств, недовольства китайского народа, жившего несравненно лучше, чем при старой династии, а также кочевых племен, ублажаемых богатыми подарками. Подобно тому как Александр Македонский пытался слить воедино Элладу и Восток, Тайцзун Ли Шиминь хотел примирить Китай и кочевой мир. Хотя оба замысла потерпели неудачу, они оставили после себя в первом случае эллинизм, а во втором – блестящую культуру Тан, подарившую человечеству шедевры искусства, литературы и мысли.

Но вернемся к ходу событий и посмотрим, какими средствами Ли Ши-минь закрепил свой успех и упрочил свою империю.

СИЛА МИЛОСЕРДИЯ

Побежденные тюркюты ожидали жестокой расправы, но ее не последовало. Пленный Кат Иль-хан был приведен к императору, который, укорив его в нескольких, на его взгляд аморальных, поступках: неблагодарности по отношению к дому Суй, ради которого надо было бы драться до конца; нарушении договоров; войне вопреки желанию народа, грабеже китайских крестьян; бегстве во время переговоров, простил Кат Иль-хана и вернул ему всех его домочадцев, захваченных вместе с ним. Впоследствии император зачислил своего пленника в гвардию и пожаловал ему земли, но тот "был задумчив и печален; пел заунывные песни и проливал слезы"[75]. В 634 г. Кат Иль-хан умер от тоски и был похоронен по тюркютскому обычаю.

Обласкан был и Шибоби, хан толосов. "Он был удостоен царского стола, получил военный чин, княжеское достоинство и 700 семейств для содержания"[76]. Прочие тюркютские царевичи и вожди были зачислены в императорскую гвардию[77].

Как только "длинное ухо" разнесло по степи весть об обращении императора с побежденными и сдающимися, сразу погасли последние очаги сопротивления. Подчинился Ышбара, шад племени суни-тов[78], в то время обитавших к западу от Ордоса. Сдался Юкук-шад, сын Кат Иль-хана, кочевавший со своим уделом между Турфаном и Хами[79]. Предоставив племенам и оазисам самоуправление и подарки, Тайцзун приобрел в степи такой авторитет, который помог его империи справиться со всеми затруднениями, возникшими как сразу после падения Восточного каганата, так и в последующие полвека. Чрезвычайно важной задачей для победителей было выловить попрятавшихся в тюркютских кочевьях китайцев, сторонников реставрации династии Суй. Тайцзун и тут нашел выход: он объявил награду золотом и шелком за каждого выданного ему китайца, и тюркюты быстро доставили ему 80 тыс. человек обоего пола. Их ожидала тоже милость: по возвращении домой они были амнистированы за уход из Китая и только зачислены в податное сословие[80].

Победа поставила перед императорским правительством еще один крайне важный и неотложный вопрос: что делать с покорившимися тюркютами? Одни предлагали по китайскому закону обратить их в рабство и использовать внутри Китая на земледельческих работах. Другие советовали отправить их обратно в степи и разделить на множество мелких, независимых друг от друга владений. Третьи считали целесообразным поселить их вдоль границы в степях Ордоса и Алашаня и использовать их как вспомогательные войска для дальних походов, а в мирное время поручить им охрану границы[81]. Император принял последнее мнение и учредил два новых военных губернаторства: на востоке Динсян, а на западе Юньчжун, оба под управлением одного наместника.

Снова границей империи стала пустыня Гоби, а земли к северу от нее, от хребта Алтаин-нуру до Байкала и Большого Хингана, захватил без сопротивления сеяньтоский князь Инань. Многие тюркюты примкнули к сеяньтосцам.

Количество тюркютов, подчинившихся императору Тайцзуну, достигало 190 тысяч.[82] Никто не препятствовал им сохранять свой быт и нравы, но близость Китая не могла не оказать на тюркютов влияния, силу которого отметили они сами: "У народа табгач, дающего без ограничения столько золота, серебра, спирта и шелка, была речь сладкая, а драгоценности мягкие (изнеживающие); прель-

щая сладкой речью и роскошными драгоценностями, они столь сильно привлекали к себе далеко жившие народы. Те же, поселяясь вплотную, затем усвоили себе там дурное мудрование"[83]. "Тюркские правители сложили с себя свои тюркские имена и, приняв титулы табгачские, подчинились кагану народа табгач. Пятьдесят лет они отдавали ему труды и силы"[84].

За 50 лет, с 630 по 679 г., с кочевниками, поселившимися в Ордосе, произошли такие изменения, что они из тюркютов превратились в голубых тюрок, мало похожих как на своих северных собратьев – телесов, так и на своих предков – тюркютов. Но об этом речь впереди.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 *Артамонов М. И.* Древний Дербент. С. 129; *Тревер К. В.* Очерки... С. 267 и сл.
2 *Тревер К. В.* Очерки... С. 287.
3 *Струве В.В.* Рец. на: *Тревер К. В.* Очерки... С. 177.
4 *Тревер К. В.* Очерки... С. 288.
5 Балазури сообщает, что охрану у стены нес отряд в сто персидских всадников (*Тревер К. В.* Очерки... С. 283). Очевидно, остальной гарнизон состоял из местного ополчения.
6 *Чор* — армянское название Дербента.
7 История агван... С. 105.
8 Там же. С. 107.
9 *Артамонов М. И.* Очерки... С. 57.
10 *Brossel M.* Histoire de la Georgie... P. 225–229.
11 История агван... С. 108.
12 *Феофан Византиец.* Летопись. С. 236.
13 Намек на кровосмесительный брак императора.
14 *Кулаковский Ю.* История Византии. С. 93–94; *Vernadsky G. V.* Ancient Russia. P. 202.
15 *Манандян М. Я.* Маршруты... С. 148–152.
16 *Пигулевская Н. В.* Византия и Иран. С. 268; *Lebeau.* Histoire du Bas-Empire. P. 141–143.
17 *Tabari, Nöldeke.* S. 294.
18 Дата этого события предположительно указана Грумм-Гржимайло Г. Е. (Западная Монголия... С. 247) и подтверждена Liu Mau-tsai. (Die chinesischen Nachrichten... S. 722).
19 *Бичурин Н. Я.* Собрание сведений... Т. I. С. 302, 339; *Chavannes E.* Documents... P. 95.
20 *Бичурин Н. Я.* Собрание сведений... Т. I. С. 284; *Chavannes E.* Documents... P. 53.
21 См. *Liu Mau-tsai.* Die chinesischen Nachrichten... S. 578 (Юкук – сова; *кит.* Юйгу).
22 *Малишань* – самая высокая гора в Бэйшане (*Грумм-Гржимайло Г. Е.* Западная Монголия... С. 252).
23 *Бичурин Н. Я.* Собрание сведений... Т. I. С. 254; *Chavannes E.* Documents... P. 175. *Шэни* – китайская передача слова *шоно* – волк (*монг.*).
24 *Liu Mau-tsai.* Die chinesischen Nachrichten... S. 141.
25 *Бичурин Н. Я.* Собрание сведений... Т. I. С. 254, 259.
26 Как позже выяснилось, он заключил с Тайцзуном братский союз.
27 *Бичурин Н. Я.* Собрание сведений... Т. I. С. 363.

[28] *Инань* не имя, а прозвище – муж, но, поскольку имени этого вождя не сохранилось, придется называть его так.
[29] *Бичурин Н. Я.* Собрание сведений... Т. I. С. 254, 340.
[30] *Chavannes E.* Documents... P. 265.
[31] События закавказской войны излагаются в данной работе суммарно. Более подробное описание их см.: *Артамонов М. И.* История хазар. С. 142–156.
[32] История агван... С. 119–120.
[33] Поводом к столь жестокому обращению было оскорбление, нанесенное этими военачальниками Джабгу-хагану во время первой осады, когда на стене тбилисской цитадели была выставлена карикатура (см. гл. XIV настоящей работы).
[34] По грузинским летописям, Тбилиси взят хазарами через несколько дней после ухода войска Ираклия. Преимущества агванской версии, согласно которой ведется изложение, разобраны М. И. Артамоновым (Очерки... С. 59–61).
[35] История агван... С. 105.
[36] Дата разгрома Тбилиси спорна. Принятую в мировой науке дату – 628 г. – оспаривают современные грузинские историки, считающие, что Тбилиси пал в 627 г. За первую дату из новых авторов высказались М. Я. Манандян (Маршруты... С. 147) и К. В. Тревер (Очерки... С. 241), за вторую – И. А. Джавахишвили (История грузинского народа. С. 265–267) и Ш. А. Месхиа, Д. В. Гвритишвили, М. К. Думбадзе, А. Н. Сургуладзе (История Тбилиси. С. 117), но их труды на грузинском языке мне недоступны. Цитирую по Н. Ю. Ломоури (ВДИ. 1960. 3. С. 190).
[37] История агван... С. 121.
[38] Там же.
[39] Ср. *Тревер К. В.* Очерки... С. 241.
[40] История агван... С. 122.
[41] Там же. С. 126.
[42] Там же. С. 128.
[43] Там же. С. 129—130.
[44] Там же. С. 131.
[45] На втором году Ардашира и летом; Ардашир III умер 27 апреля 630 г. (*Tabari, Nöldeke.* 4. S. 388).
[46] История агван... С. 132.
[47] Там же. С. 133.
[48] Там же. С. 134.
[49] Тюркютские ратники пренебрегают наградами и наказаниями, мало уважают начальников и по большей части не соблюдают порядка (*Бичурин Н. Я.* Собрание сведений... Т. I. С. 232).
[50] Тюркюты многочисленны, но у них нет порядка. И государь и чины смотрят только на выгоду (там же. С. 253).
[51] За одно [преступление] он брал пеню – тысячи, за два – десятки тысяч (овец] (История агван... С. 134).
[52] Там же.
[53] *Бичурин Н. Я.* Собрание сведений... Т. I. С. 284; *Chavannes E.* Documents... P. 25, 53.
[54] *Vernadsky G. V.* Ancient Russia. P. 198.
[55] Крещение в 610 г. принял некий гуннский князь, но самостоятельных князей в это время ни у болгар, ни у аваров не было; следовательно, крестился тюркютский удельный князь самой западной области каганата. Так как все князья рола Ашина известны, то можно быть уверенным, что это был вышеупомянутый Богатырь. Маркварт считал, что здесь имеется в виду вождь унногундуров Органа, дядя Кубрата, основатель болгарской суверенной династии Дуло (*Marquart J.* Die altbulgarischen Ausdrücke... S. 21). Но если это так, то тут в наличии родство по женской линии,

так как Кубрат был не Ашина, а Дуло. Слово Органа сопоставимо с монгольским словом Ураг – родственник по женской линии. Предлагаемое отождествление позволяет понять, кто погубил джабгу и от кого должен был бежать Бури-шад. Кубрат в 631–635 гг. действовал как враг нушиби (ср. *Артамонов М. И.* История хазар. С. 162).

56 В Истории агван (С. 134) Джабгу-хагану приписываются следующие слова; "Постигли меня хищники, и ты не увидишь больше лица моего, потому что я не остался в безопасном месте и устремился в чужое царство, что не следовало мне". И далее: "Я погиб и лишился детей". Царевна Евдокия, дочь Ираклия, обещанная в жену Тун-джабгу, была в 630 г. возвращена с дороги, так как пришла весть, что жених ее умер.

57 Джабгу советовал своему сыну истребить народ, находящийся при нем, прежде чем "те услышат о происшедшем и поспешат приготовить тебе гибель" (История агван... С. 134). Совет этот никак нельзя отнести к агванцам, во-первых, потому, что они были столь запуганы, что их не стоило бояться, а во-вторых, потому, что их не касались внутренние дела тюркютских ханов. Речь идет о тюрках-дулу и о примыкавших к ним болгарах, что и подтверждается дальнейшим ходом событий (см. ниже; ср.: *Тревер К. В.* Очерки... С. 244).

58 См. *Chavannes E.* Documents... P. 28.

59 *Артамонов М. И.* Очерки... С. 65; *Тревер К. В.* Очерки... С. 244–245.

60 *Chavannes E.* Documents... P. 26, 54.

61 *Lebeau.* Histoire du Bas-Empire. XI. P. 225.

62 *Феофан Византиец.* Летопись. С. 262; *Артамонов М. И.* Очерки... С. 40.

63 *Бичурин Н. Я.* Собрание сведений... Т. I. С. 254; *Julien S.* Documents... Vol. 4. P. 223; *Liu Mau-tsai.* Die chinesischen Nachrichten... S. 239.

64 Ibid. S. 289–290.

65 См.: *Малов С. Е.* Памятники... 1951. С. 28–29. Текст в переводе: император народа табгач (С. 35) и каган народа табгач (С. 37).

66 В тексте Цзютаншу стоит ху – варвары. Pulleyblank полагает, что это согдийцы (*Sogdian.* Colony P. 323). но приведенное в Таншу перечисление не допускает такого толкования текста.

67 *Liu Mau-tsai.* Die chinesischen Nachrichten... S. 194. Перевод Н. Я. Бичурина (Собрание сведений... Т. I. С. 254) и С. Жюльена (Documents... Vol. 4. P. 226) неточен (см.: *Liu Mau-tsai.* Die chinesischen Nachrichten... S. 640).

68 Генеалогия этого царевича не установлена.

69 *Грумм-Гржимайло Г. Е.* Западная Монголия... С. 252.

70 Из них известен Кан Суми, ближайший советник Кат Иль-хана, по происхождению согдиец (см.: *Liu Mau-tsai.* Die chinesischen Nachrichten... S. 580).

71 *Бичурин Н. Я.* Собрание сведений... Т. I. С. 255. Возможно, только 10 тыс. войска (см.: *Liu Mau-tsai.* Die chinesischen Nachrichten... S. 143).

72 Младший брат жангара, дядя Кат Иль-хана (см.: *Liu Mau-tsai.* Die chinesischen Nachrichten... S. 641). У Н. Я. Бичурина он назван Шаболо-Суни-ши.

73 *Малов С. Е.* Памятники... 1951. С. 34–37.

74 Старую хронику династии Тан написал Лю Хэй между 927 и 930 гг. Новую составил Юн Шу при династии Сун.

75 *Бичурин Н. Я.* Собрание сведений.... Т. I. С. 256.

76 Там же. С. 259.

77 Князь Ашина Чжун получил даже царевну в жены за участие в поимке Кат Иль-хана (*Liu Mau-tsai.* Die chinesischen Nachrichten... S. 394).

78 *Грумм-Гржимайло Г. Е.* Западная Монголия... С. 233.

79 *Gaubil.* Abrégé... P. 441.

80 Совершенно неправильно рассматривать эти 80 тыс. китайцев как тюркютских

рабов (см.: *Кызласов Л. Р.* Тува... С. 73). В 630 г. китайские (табгачские) войска оккупировали каганат и им незачем было платить побежденным за освобождение пленных. Затем в источнике специально отмечено, что освобожденные подверглись минимальному наказанию, что было бы нелепо, если бы освобождали своих товарищей, захваченных врагом. Этот текст не имеет никакого отношения к вопросу о рабовладельчестве тюркютов.

[81] *Бичурин Н. Я.* Собрание сведений... Т. I. С. 256–258; *Liu Mau-tsai.* Die chinesischen Nachrichten...S. 398–399.

[82] *Грумм-Гржимайло Г. Е.* Западная Монголия... С. 253.

[83] *Малов С.Е.* Памятники... 1951. С. 34.

[84] Там же. С. 37.

XVI. Десять стрел

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА

Государственный переворот, совершенный союзом племен дулу, и узурпация Сибир-хана имели успех лишь потому, что явились для всего Западного каганата полной неожиданностью. Убийство Тун-джабгу-хана настроило против новой власти не только племена нушиби, но и самих тюркютов. Сибир-хан, чувствуя непрочность своего положения, признал отложение Болгарии[1], чтобы иметь хотя бы одного союзника, но это его не спасло.

Восстание племен нушиби возглавил Нишу Кана-шад, сын погибшего Бага-джабгу-хана (Мохэ). Удел Нишу был в г. Пайкенде, и ему подчинялась богатая Бухара.

Для ведения войны всегда нужны деньги, а их не было у Сибир-хана. Зато Нишу имел достаточно золота и серебра. Бухарские мастера отлили ему нужное количество монет[2], перед блеском и звоном которых таяли доблесть и верность соратников Сибир-хана. К тому же в стан нушибийцев бежал сын Тун-джабгу[3], законный наследник престола[4]. Его участие в восстании придало движению силу законности. Нишу возвел его на престол под именем Ирбис Болун джабгу-хан[5]. После этого дело Сибир-хана было проиграно, так как народ подчинился его сопернику, за которого стояли закон и деньги. Сибир-хан бежал к Алтайским горам, но в 631 г. был настигнут нушибийцами и убит.

Восшествие на престол Ирбис Болун джабгу-хана носило характер реставрации тюркютского господства над племенными союзами, но

новый хан не оправдал возлагавшихся на него надежд. Он оказался недоверчивым, упрямым, высокомерным и подозрительным[6]. Вероятно, за эти качества он заслужил свое малопочтенное прозвище Сыджабгу[7], т.е. "вероломный". Его попытка привести к покорности сеяньто и восстановить былые границы каганата окончилась полным поражением. Казни по наветам возмутили народ. Нишу был принужден бежать в Карашар, спасаясь от подозрительности хана. Но нушибийские вожди не для того возводили хана, чтобы сносить его гнет. Некий Муби Тархан составил заговор, и Ирбис бежал из своей ставки с отрядом легкой конницы. Всадники, последовавшие за изгнанным ханом, надо думать, принадлежали к потомкам тюркютских завоевателей, которым победа аборигенов не сулила ничего доброго. Единственный путь к спасению лежал на юг. На левом берегу Амударьи в долине Кундуза правил племянник Ирбиса, и он мог оказать помощь своему дяде и его соратникам[8]. Последнее сведение об Ирбисе сообщает Сюань Цзан. По его словам, этот хан осадил Балх, чтобы разграбить находившийся там буддийский монастырь, но умер в первую же ночь осады[9], а его воины рассеялись.

Это событие было важной переломной датой в истории Западного каганата. До сих пор тюркюты занимали в нем главенствующее положение; теперь же инициатива перешла в руки вождей местных племен. Создалась новая расстановка сил, определившая развитие дальнейших событий. Власть оказалась в руках нушиби, которые не стремились менять династию. Они вызвали из Карашара Нишу и возвели его на престол. Нишу принял титул Дулу-хана[10], очевидно для того, чтобы расположить к себе и северные племена. Те также его признали, и гражданская война утихла.

Новый хан понимал, что он сможет усидеть на престоле лишь при полной поддержке своих подданных, и, будучи крепко связан с торговым центром Согдианы – Пайкендом, знал, что им нужно. Поэтому в переговорах с Китаем он довел свою уступчивость до того, что она походила на добровольное подчинение. Но цели своей он достиг и спокойно скончался на троне в 634 г., передав престол по тюркютскому закону своему младшему брату Тонг-шаду, который воцарился под именем Ышбара Толис-шад[11].

ДЕСЯТЬ СТРЕЛ

Покой, к которому стремились нушибийские ханы, был достигнут за счет отказа от широких политических задач. Война с Ираном не возобновлялась. Болгар и угорские племена не пытались вернуть к по-

корности. Все силы были обращены на обратное покорение Джунгарии, и это осуществилось. В 632 г. мятежное племя киби под натиском западных тюрок (называть их тюркютами уже нельзя) покинуло привольную долину Юлдуза и откочевало в Хэси, во владения империи Тан[12].

Затем наступила очередь Бишбалыка. Там сидел храбрый и благородный Ашина Шэни[13], сын Чуло-хана. Храня верность традициям Восточного каганата, он поднял свои войска против сеяньто, нанесших тюркютам удар в спину. Напрасно соратники указывали ему на необходимость сначала укрепить свое положение, так как, если двинуть войска в дальний поход на восток, "сыновья и внуки джабгу захватят наше царство"[14].

Но Ашина Шэни возразил им, что отказаться от продолжения борьбы – значит забыть сыновнее уважение и что если его постигнет неудача, то он согласен умереть.

В 634 г. он перебросил все свои силы, около 50 тыс. всадников, на северную сторону каменистой джунгарской пустыни, но после четырехмесячных боев потерпел полное поражение. С отрядом в 10 тыс. всадников он отступил к Гаочану, где правил его двоюродный брат Юкук-шад, подчинившийся императору Тайцзуну.

Тем временем посол танского императора намекнул западнотюркютскому хану, что настало время вернуть отторгнутые земли. Ышбара-хан не преминул этим воспользоваться и занял Бишбалык. Для Шэни остался только один выход – в Китай. В 636 г. он прибыл с остатком своих войск в Чанъань и предложил свои услуги. Ему были оказаны великие почести: он получил чин гвардии генерала, земли для размещения своей орды, невесту-царевну и должность при дворе[15]. Но за это Тайцзун приобрел надежного друга.

Воссоединение Джунгарии укрепило международное положение Западного каганата, но это укрепление повлекло за собой обострение внутренних противоречий, вызвавших новые потрясения. По существу победы над Сы-джабгу и Шэни были торжеством местных племен над тюркютами. Сохранение династии еще цементировало державу, но Ышбара Толис-шад-хан уже не имел реальной силы и опирался лишь на добровольное подчинение бегов, что было крайне ненадежно. Как только беги дулу и нушиби почувствовали, что им извне ничто не угрожает, они продиктовали хану свою волю. Ему пришлось провести реформу, еще более ослабившую верховную власть; в 635 г. племена дулу и нушиби добились самоуправления; пять племен дулу и пять племен нушиби получили по начальнику не из рода Ашина, а, по-видимому, из местной племенной знати. Каждый из этих начальников был по достоинству приравнен к шаду, т.е. принцу крови. Каж-

дому из них была вручена стрела как символ власти, и отсюда возникло название "тюрки десяти стрел". Границей, между двумя союзами, дулу и нушиби, стала река Чу[16].

Уступка сепаратистским тенденциям, естественно, не могла спасти разваливавшееся государство.

НЕДОВОЛЬНЫЕ

Новый порядок удовлетворил многих, но не всех. Разумеется, от него пострадали жившие в Западном каганате тюркюты. Они лишились своего преимущественного положения, и уменьшилась их доля власти. Но помимо них недовольны оказались также и те племенные вожди, которые не получили стрелы, а их было немало, особенно среди северных и джунгарских. В число избранных не попали карлуки, ягма[17], кипчаки[18], басмалы[19], а также потомки хуннов – чуюе, чуми и шато[20]. Этим последним было особенно обидно, потому что родственные им чумугунь и чубань вошли в число привилегированных. Когда же Ышбара Толис-шад-хан задумал в 633 г. отнять власть у их вождя, то эти племена откочевали на восток, стали лагерем в степи Шато, около оз. Баркуль, и предложили императору Тайцзуну принять их в подданство. Однако сложная политическая обстановка, сложившаяся в это время Восточном Тянь-Шане, повлекла эти племена и их вождя[21] по иному пути.

В это время политическое положение в Восточном Туркестане было крайне острым и напряженным. Еще в 20-х годах китайцы, сторонники свергнутой династии Суй, бежали к тюркютам, надеясь с их помощью продолжать борьбу с династией Тан. Выше говорилось, что когда Кат Иль-хан был разбит, то по требованию Тайцзуна 80 тыс. китайских эмигрантов было возвращено в Китай[22], но самые отъявленные враги танского правительства бежали в Гаочан (Турфан) и были приняты его правителем Кюй Вэнь-таем[23].

Гаочанская династия была китайского происхождения, но издавна породнилась с тюркютскими ханами. Гаочанские правители были вынуждены заигрывать и с Китаем и с Западным каганатом, чтобы сохранить от разграбления свое маленькое государство. Они были в прекрасных отношениях с Суйской и Танской династиями до 630 г., но, как только Тайцзун приступил к созданию своей империи, традиционная дружба нарушилась.

Кюй Вэнь-тай имел все основания быть недовольным новым китайским правительством. Княжество Иву (Хами), находившееся в подчинении Гаочана, в 630 г. стало союзником Китая[24]. Кюй Вэнь-тай

обратился за помощью в Западный каганат, и в 631 г. Сы-джабгу[25] пришел ему на помощь. Союзники разгромили Хами, и император был вынужден ограничиться дипломатическими упреками, на которые гаочанский князь не обратил внимания.

Дружба Кюй Вэнь-тая с Сы-джабгу вызвала обострение отношений Гаочана с Карашаром, на который опирались опальные князья Нишу и Ышбара Толис-шад. В 632 г. карашарский лун[26] Тукичжи[27] и хотаньский царь Уми[28], также соперники Гаочана, вступили в союз с Китаем. Одним из наиболее важных источников дохода для Гаочана был караванный путь, проходивший через него. Подобно Пайкенду на западе, Гаочан был перевалочным пунктом на востоке. Желая ослабить Гаочан, Тукичжи предложил Тайцзуну провести новую трассу через Карашар, в обход Гаочана. Тайцзун согласился. Выполнение этого плана грозило Гаочану потерей экономического и политического преобладания в Восточном Туркестане, и Вэнь-тай вместе с тюркютами в 632 г. разграбил Карашарскую область. Тукичжи обратился с жалобой в Китай.

Тайцзун вызвал Кюй Вэнь-тая для объяснений, но тот отказался приехать. Он полагал, что многочисленное войско не сможет пройти через пустыню, отделявшую Гаочан от Китая, из-за невозможности снабжения, а с небольшой армией до 30 тыс. человек он рассчитывал справиться[29]. Кара-шарский владетель, не видя помощи от Китая, заключил союз с Ышбара Толис-шад-ханом. Этого оказалось достаточно, чтобы племена чуюе и чуми вступили в союз с Гаочаном и сообща разгромили Карашарскую область[30] (638 г.). Окрыленные этим успехом, чуюе и чуми двинулись на родину для возобновления борьбы с нушиби, причем во главе их стоял Юкук-шад[31], за значительное вознаграждение вступивший с Вэнь-таем в тесный союз[32].

ПЕРЕВОРОТ

Ышбара Толис-шад хотел быть хорошим для всех[33], но не стал таковым ни для кого. Своеволие бегов оказалось не легче твердой руки тюркютов. Народ обвинял во всем хана и тем самым лишал его своей поддержки[34]. Тогда подняли голову обделенные западные тюркюты. Зимой 638 г. Тун-тудун[35], глава заговора, организовал неожиданное нападение на ханскую ставку. Военачальники, составлявшие окружение хана, покинув его, разбежались. По-видимому, они сочувствовали мятежникам. Ышбара Толис-шад с сотней верных воинов отбился, но, не видя нигде поддержки, бежал к своему другу, карашарскому владетелю, сопровождаемый младшим братом Бури-шадом, бывшим командующим закавказской армией.

Тун-тудун созвал старейшин[36] и предложил им пригласить на опустевший престол Юкук-шада. Западные тюркюты хотели восстановить свое господство, поставив ханом энергичного царевича из рода Ашина, но это отнюдь не устраивало местных вождей. Ассык Кюльсыгинь – глава союза нушиби, – видимо, возглавил оппозицию и предложил компромисс: поставить Юкука верховным ханом, а Ышбара – малым. Но во время этого спора Тун-тудун был убит, а Юкук-шад, уже двинувшийся на запад, чтобы воссесть на трон, был остановлен военной силой и отброшен назад. Он отплатил за это разгромом Карашара[37]. Ышбара Толис-шад вернулся в свою страну, где нушиби приняли его с радостью, но "западные племена" тюркютов[38] снова призвали Юкук-шада. Они поднесли ему почетное имя "Ирбис Дулу-хан", очевидно, стремясь привлечь на свою сторону племена дулу.

Война между претендентами была весьма кровопролитной, но силы были равны, и на р. Или соперники заключили мир, согласно которому Или становилась границей их владений. Однако мир был непрочен. В том же году против Ыш-бары в пользу Юкук-шада был составлен заговор. Титулы заговорщиков были "тудуны" и "силефа"[39], т.е. титулы тюркютской чиновной аристократии. Совершенно терроризированный Ышбара Толис-шад бежал в Фергану, где умер в декабре 639 года[40]. Нушибийские вожди поставили ханом сына покойного, Иль-кюлюг-шада Ирбис-хана[41], а когда он год спустя умер, то ханом стал его двоюродный брат Багадур, с титулом Ирбис Ышбара джабгу-хан[42].

Новый хан навел некоторый порядок. Ему подчинились Куча, Шань-шань (к югу от Лобнора), Гюймо (к востоку от Хотана), Тохаристан, Карашар, Шаш (Ташкент), Кеш, Хэ (в долине Зеравшана), Амуль и Кан (Самарканд)[43]. Таким образом, на борьбу с тюркютской реакцией выступили все оседлые княжества и все купцы, связанные с караванной торговлей. В их числе оказались многие люди из племен дулу, а именно обитатели междуречья Чу и Или. В их землях поставил свою кочевую столицу Ирбис Ышбара джабгу-хан и назвал ее "южной ордой". Тайцзун признал его законным ханом и попробовал оказать на Юкука дипломатический нажим, чтобы склонить его к миру и разделу территории, но безуспешно. Мира быть не могло, ибо вокруг Юкука скопились все антикитайские и антиимперские силы степи. Они еще не верили в свое поражение, и им казалось, что после нескольких побед они смогут восстановить грозный Тюркютский каганат и "сравниться с Сыном Неба и прочими"[44]. И действительно, удача сопутствовала им. Южный хан попал в плен и был казнен в мае 641 года.[45]

ПОПЫТКА РЕСТАВРАЦИИ

Юкук был достойным потомком ханов-объединителей. К 641 г. его власть распространялась от р. Или до сибирской тайги. Ему подчинились басмалы[46] в Джунгарии, кипчаки на Алтае[47], кыргызы в Минусинской котловине, бома[48] на Енисее и чумугань в южном Тарбагатае. Невозможно представить, что эти сильные, многочисленные и воинственные народы могли быть завоеваны за три года, наполненные ожесточенной войной на юге Семиречья, которая связывала небольшие силы Юкука, состоявшие из чуюе и чуми. Очевидно, мы видим здесь процесс консолидации кочевых племен перед непосредственной угрозой роста империи Тан и перехода ее к политике завоеваний. За исключением чумугань, все эти племена не только не входили в состав десятистрельных тюрок, но, за исключением бома, они были некогда подданными тюркютских ханов. И вот они снова стеклись под знамя с волчьей головой, влекомые отчасти силой традиции, отчасти перспективой грабежа богатых городов Согдианы. Но там прекрасно понимали, какая судьба им приуготована. Племена нушиби, утратив хана, не потеряли голову. Они продолжали упорно сражаться. Юкук со своими войсками прошел всю страну насквозь и подчинил себе Тохаристан[49], но Согдиана на западе и горы вокруг Иссык-Куля на востоке были вне его власти.

В 642 г.[50] Юкук послал свои войска, состоявшие из чуюе и чуми, в набег на Хами, но двухтысячный отряд имперской регулярной конницы не только разбил их, но и преследовал до их собственной территории, причем особенно сильно пострадали чуми[51]. Сам Юкук, видимо, в этом походе не участвовал. Он "соединенными силами"[52] ударил на Самарканд и Маймург[53] и разгромил эти богатые города. Но в момент наивысшего торжества счастье покинуло Юкука. Произвол и жадность поссорили его с вождями племен дулу, которые нашли, что Юкук берет больше добычи, чем ему положено.

Юкук решил разом прекратить беспорядки и казнил для острастки зачинщика – Нишу-чура (чур – титул вождя раздела дулу). В ответ на это вспыхнуло военное восстание дулусцев, с которым Юкук не сумел справиться, потому что его соратники, обделенные добычей, разбежались. Западные вельможи, ранее пригласившие его, видя, что дело проиграно, советовали ему вернуться на восток в свои исконные владения, но для Юкука это было невозможно, так как его главная опора – Гаочан – был взят китайскими войсками в 640 г. Юкук решил пробиться на запад, в только что покоренный Тохаристан, который он считал для себя безопасным прибежищем. Однако даже последние его сторонники отказались последовать за ним.

Юкук остался со своей тюркютской дружиной[54]. Он попробовал уговорить отпавших вернуться, но подвергся внезапному нападению своих врагов – нушиби, был разбит и укрылся в г. Байшунху (Исфиджаб, несколько восточнее Чимкента[55]).

Нушиби, заручившись поддержкой Китая, немедленно поставили своего хана, внука Ышбара Толис-шада – Ирбис Шегуй-хана[56]. Все ранее задержанные китайцы получили разрешение вернуться домой. В Китай была послана дань и просьба о браке. Традиционный союз Согдианы и Китая не пресекся. Нушибийские войска обложили Юкука в Байшунху, но из тюркютов еще не выветрилась военная доблесть. Латники Юкука под музыку литавр и труб бросились в атаку, и нушибийцы побежали. Множество из них было изрублено и взято в плен.

Юкук обратился к своим старым союзникам – дулусцам – с приглашением вернуться к нему, но те заявили весьма решительно: "Пусть убьют тысячу человек на войне, а останется один, то и тогда не пойдем к нему"[57]. Видя невозможность удержаться в стране, народ которой высказался против него, Юкук с остатками своей дружины ушел на левый берег Амударьи, в Тохаристан. Там он нашел поддержку у тюркютов, осевших в Кундузе еще со времен Тун-джабгу-хана[58]. Их глава носил титул Ышбара-джабгу, и, очевидно, он гостеприимно приютил своего родственника. Юкук умер в 653 г.[59], оставив орду своему сыну Чженчу[60], последнему князю из рода Ашина, которого мы имеем право называть тюркютским ханом.

УМИРОТВОРЕНИЕ

Как только западные тюрки покончили с тюркютской опасностью, сразу же вспыхнула старая вражда между нушиби и дулу. Нушиби заняли первое место по праву: в непрестанных боях они отстояли свободу десяти племен, тогда как дулу постоянно связывали свою судьбу с узурпатором и только в последний момент покинули его. Но дулу вовсе не собирались нести кару за свои прегрешения. До тех пор, пока император Тайцзун поддерживал нушибийского хана, им приходилось мириться с создавшимся положением, но, как только в этой дружбе появилась трещина, они немедленно воспользовались случаем.

В 646 г. Ирбис Шегуй-хан отправил посольство в Чанъань, чтобы браком с принцессой из дома Тан скрепить союз. Но император потребовал за принцессу пять городов: Кучу, Хотан, Кашгар, Чжукюбо (к югу от Яркенда) и Цунлин (там же). Эти города уже подпадали под власть империи: Куча в 630-м, Хотан в 632-м, Кашгар и Яркенд в 635 г., но за-

тем отложились и вернулись под покровительство западного хана. Требование было наглое, и хан прервал переговоры, но вместе с ними был порван и союз. Тут-то опять выступили на сцену дулу. Характер этого движения ярче всего вырисовывается в личных качествах выбранного дулусцами вождя. Это был царевич из рода западных Ашина, сын Бури-шада и потомок Истеми-хана[61]. Во время узурпации он примкнул к Юкуку и получил от него чин джабгу и должность надзирателя над всеми восточными территориями. Личное имя его не сохранилось; он остался в истории под прозвищем Халлыг[62]. Карьеру ему помогли сделать его двоюродные братья Мише и Бучжень[63]. Они ненавидели друг друга, и Бучжень интригами заставил Мише, главу племени чуюе, бежать в Китай. Затем, сочтя положение Юкука безнадежным, Бучжень изменил ему и тоже передался империи. Но он просчитался: Юкук еще побеждал своих противников, и на "вакантную должность" вождя дулу был приглашен царевич Халлыг.

После бегства Юкука Ашина Халлыг оказался в отчаянном положении. Ирбис Шегуй-хан послал войска, рассеявшие его орду, и сам он скрывался в степи[64]. Но тут за него вступились три дулуских вождя и просили хана его помиловать. Разъяренный хан хотел казнить непрошеных заступников, и, надо сказать, не без основания. В самом деле, Ашина Халлыг был по всем данным наиболее подходящим человеком для того, чтобы возглавить недовольных дулу. Его принадлежность к местной вести Ашина гарантировала ему популярность; вместе с тем он сам был достаточно скомпрометирован связями с Юкуком, и можно было не опасаться, что он будет ставить подобные связи на вид подчиненным. Его личные качества – мужество, энергия, предприимчивость – делали его опасным соперником для хана и желанным вождем для племен дулу. Три вождя, видя неуспех своего ходатайства, предпочли мятеж ханской немилости и вместе с опальным царевичем перекочевали на восток, где в 648 г. поддались империи Тан[65]. Это было зерно новой смуты, погубившей Западный каганат. Но прежде чем говорить о пятом акте тюркютской трагедии, обратимся на восток, где за истекшие двадцать лет произошли события, изменившие на сто лет политическую карту Азии.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Только так можно истолковать текст: "В самом начале он отделил от государства малое ханство, а себя объявил верховным ханом, чем вельможи недовольны были" (*Бичурин Н. Я.* Собрание сведений... Т. I. С. 284).

[2] *Наршахи.* История Бухары... С. 48; *Marquart J.* Wehrot und Arang. S. 151.

[3] Имя его Шили-дэлэ неправильно (Н. Я. Бичурин); надо: Тели-тегин (Шаванн); титул – Тӧлӧс-тегин.

[4] Он титуловался тегином потому, что его старший брат, Кюль, шад тардушей, имевший ставку в долине Кундуза, был отравлен одной из своих жен еще в 630 г. (*Chavannes E.* Documents... P. 196).

[5] *Иби Бололюй Шеху-хан* (Н. Я. Бичурин) или *Иби (Ша) боло сы-шеху-каган* (Шаванн). Подбор иероглифов: самовольно провозгласивший себя ханом.

[6] *Бичурин Н. Я.* Собрание сведений... Т. I. С. 285.

[7] Сы (*тюрк.*) – разрушать, ломать, не исполнять. Значение китайского иероглифа Сы – не знающий предела, своевольный, применять силу. Смысл совпадает.

[8] В "Таншу" сказано, что Сы-джабгу бежал в Канпой и умер от печали [*Бичурин Н. Я.* Собрание сведений... Т. I. С. 285; *Chavannes E.* Documents... P. 54; однако см. поправку Шаванна (P. 196–197)].

[9] Набожный паломник приписывает смерть хана вмешательству Вайшраманы, который явился к святотатцу во сне и пронзил его копьем. Шаванн датирует смерть Сыджабгу 632 или 633 г.

[10] Этот титул пожаловал ему император Тайцзун. В передаче Бичурина полный титул звучит как Тунь-алэу Билиби Дулу-хан (*Бичурин Н. Я.* Собрание сведений... Т. I. С. 285). Удачнее у Шаванна: Тунь-а-лоу си-ли-би Дулу-каган, и тогда восстанавливается титул Тонг алып Силигбир Дулу-хан (Великий герой светлый Дулухан).

[11] *Кит.* Шаболо Телиши, до вступления на престол носивший имя Тонг-шад. По-тюркски *тонг* – сильный, герой, но смысл подобранного иероглифа отражает его действительное поведение: одинаково хороший для всех – именно это стремление стало основой политической платформы Тонг-шада.

[12] *Грумм-Гржимайло Г. Е.* Западная Монголия... С. 256.

[13] У Шаванна он назван Cho-eul (Documents... P. 173–178), у Лю Мао-цзая – Sche-or (Die chinesischen Nachrichten... S. 263-265). Однако я предпочитаю чтение Бичурина: Шэни (Собрание сведений... Т. II. С. 296–298), ибо это соответствует имени Шоно – волк (*монг.*).

[14] *Chavannes E.* Documents... P. 175.

[15] Ibid. P. 176; *Liu Mau-tsai.* Die chinesischen Nachrichten... S. 264, 394.

[16] *Бичурин Н. Я.* Собрание сведений... Т. I. С. 286; *Бичурин (Иакинф).* История Тибета. I. С. 138; *Chavannes E.* Documents... P. 56.

[17] Телеское племя яньнянь (*кит.*).

[18] Кюи-юе-шэ.

[19] *Басмал* значит помесь. Эта небольшая народность состояла из сорока родов (*Грумм-Гржимайло Г. Е.* Западная Монголия... С. 256).

[20] Жили в центральной Джунгарии до оз.Баркуль.

[21] Китайцы звали его Мише, он был из рода Ашина.

[22] *Бичурин (Иакинф).* История Китая, 631 г.

[23] *Бичурин Н. Я.* Собрание сведений... Т. II. С. 210.

[24] *Бичурин (Иакинф).* История Китая; *Chavannes E.* Documents... P. 104.

[25] Э. Шаванн пишет, что не может указать дату разгрома Хами и установить личность джабгу, участвовавшего в походе (Documents... P. 104, n. 1). Однако это произошло между 630 и 632 гг., ибо в 632 г. гаочанцы совместно с западными тюркютами уже воевали против Карашара. В 631 г. на престол вступил Сы-джабгу; следовательно, это был он. В 632 г., когда хан был занят на западе борьбой с вельможами, его сменил в командовании Ирбис-шад (Иби-шад), очевидно один из его приближенных, так как после падения Сы-джабгу он больше в летописях не упоминается.

[26] Титул владетеля Карашара.
[27] *Бичурин Н. Я.* Собрание сведений... Т. II. С. 294.
[28] *Chavannes E.* Documents... P. 126.
[29] *Бичурин Н. Я.* Собрание сведений... Т. II. С. 292.
[30] Там же. С. 295.
[31] Э. Шаванн считает, что это другой Юйгу (Юкук)-шад (*Chavannes E.* Documents... P. 28. n. 3), но не приводит к тому оснований. Наоборот, все факты говорят за то, что это был восточнотюркютский царевич (*Бичурин (Иакинф).* История Китая).
[32] *Chavannes E.* Documents... P. 109.
[33] *Тунго* – прозвище этого хана; смысл подобранных иероглифов – хороший для всех.
[34] *Chavannes E.* Documents... P. 28, 56. У Бичурина ошибочно сказано: Дулу-хан не был любим народом (Собрание сведений... Т. I. С. 286).
[35] Титул обличает его принадлежность к тюркютам.
[36] У Бичурина вельможи (ср. *Chavannes E.* Documents... P. 28, 56.).
[37] *Бичурин Н. Я.* Собрание сведений... Т. II.С. 295.
[38] Под этим названием можно подразумевать только тюркютов, так как прочие все были против Юкук-шада.
[39] *Chavannes E.* Documents... P. 57.
[40] *Бичурин (Иакинф).* История Китая.
[41] *Кит.* Икюйлиши-Ибн-кэхань.
[42] *Кит.* Иби Шаболо Шеху-кэхань.
[43] *Chavannes E.* Documents... P. 30.
[44] *Бичурин Н. Я.* Собрание сведений... Т. I. С. 287; *Chavannes E.* Documents... P. 30.
[45] Он был взят в плен тудуном Чача (Ташкент), но выше сказано, что Чан добровольно подчинился южному хану. Полагаю, что наряду с местным князем в Чаче, а возможно, и других городах держались тюркютские полководцы, опираясь на свои дружины и какие-то слои местного населения, что парализовало действия южного хана (*Бичурин (Иакинф).* История Китая).
[46] О басмалах см.: *Грумм-Гржимайло Г. Е.* Западная Монголия... С. 256.
[47] Хотя кипчаки в расовом отношении сильно отличались от тюркютов (см.: *Грумм-Гржимайло Г. Е.* Западная Монголия... С. 57–59), политически они были объединены (см.: *Рамстедт Г.* Перевод надписи селенгинского камня. С. 40; *Малов С. Е.* Памятники .. 1959. С. 38).
[48] *Гумилев Л. Н.* Хунну. С. 40–41.
[49] Очевидно, он использовал тюркютов, осевших там раньше и отложившихся от нушибийских ханов.
[50] По Цзю Тан шу, в 641 г. Нами принята дата по Ганму (см. *Chavannes E.* Documents... P. 58. n. 2).
[51] Имперская конница дошла до гор Катун Богдо-ола (см. *Chavannes E.* Documents... P. 31, n. 3).
[52] *Бичурин Н. Я.* Собрание сведений... Т. I. С. 287.
[53] Кангюй и Даоми (Ми), там же (*Chavannes E.* Documents... P. 31).
[54] У Юкука после бегства всех подчиненных оставалась еще крепкая военная сила. Поэтому надо полагать, что все относится к дулусцам, которые были им недовольны, а не к его личным тюркютским войскам, которым, как и самому Юкуку, было некуда деться.
[55] *Chavannes E.* Documents... P. 195; *Грумм-Гржимайло Г. Е.* Западная Монголия... С. 260; *Бартольд В. В.* Туркестан... С. 176–177.
[56] Иби Шегуй-хан. Иероглифы, подобранные для передачи слова Шегуй, означают колчан (по-тюркски сагдак).
[57] *Бичурин Н. Я* Собрание сведений .. Т. I. С.288; *Chavannes E.* Documents .. P. 59.

[58] *Chavannes E.* Documents... P. 155. n. 6.
[59] Ibid. P. 35.
[60] *Кит.* Чженьчжу-шеху. Аргументацию отождествления см. ниже.
[61] *Бичурин Н. Я.* Собрание сведений... Т. I. С. 288; *Chavannes E.* Documents... P. 3.
[62] Совр. кит. Хэлу; фонетический подбор иероглифов. Тюркская аналогия: Халлыг высоко поднявшийся. Полагаю, что это не личное имя, а прозвище.
[63] Прозвище – идущий к истине, т.е. доносчик (расшифровка М. Ф. Хвана).
[64] Шушеди, Чумугунь и Поби (см.: *Бичурин Н. Я.* Собрание сведений... Т. I. С. 289; *Chavannes E.* Documents... P. 59).
[65] *Бичурин Н. Я.* Собрание сведений... Т. I. С. 89. Прим. 2.

XVII. Табгачский хан

ШАГ НАЗАД

В 631 г. император Тайцзун был хозяином всей Великой степи, и если бы он захотел, то, используя смуту в Западном каганате, мог бы тогда же стать гегемоном всей Азии. Но этот прекрасный полководец был мудрым политиком и счел за благо не завоевывать стран, которые ему было бы трудно удержать.

Степь населяли помимо разбитых тюркютов многочисленные воинственные народы: на западе 70 тыс. кибиток сеяньто[1], на северо-востоке 100 тыс. душ уйгуров[2]. Оценив положение, Тайцзун заявил: "Если мы не можем истребить их, то нам ничего не остается, кроме политики брака"[3], и он оттянул свои войска на южную сторону пустыни Гоби, предоставив кочевникам самим решать свою судьбу. И они немедленно схватились между собой. Уйгурский вождь Тумиду, наследник Пусы, разбил сеяньтосцев и овладел их кочевьями. Сеяньтоские "старейшины от страха рассеялись подобно птицам – неизвестно куда"[4], а вожди одиннадцати телеских племен явились в Китай просить о признании своего ханства. Император одарил их халатами и саблями, пожаловал чины и допьяна напоил вином, но одновременно отправил посла к сеяньтоскому вождю Инаню с грамотой, литаврами и знаменем, что означало признание его в достоинстве хана[5]. Очевидно, усиление уйгуров его устраивало еще меньше, чем возвышение сеяньто.

Положение в степи сразу изменилось: уйгуры прекратили войну и подчинились новому хану. Сеяньтоская держава простиралась от Ал-

тая до Хингана и от пустыни Гоби до Байкала[6]. Она была организована по тюркютскому образцу. Сыновья Инаня получили достоинство "шад" и встали во главе разделов тёлёс и тардуш, с той лишь разницей, что теперь тёлёсы расположились на севере, а тардуши на юге. Численность войска китайцы определяли в 200 тыс. копий; у тюркютов при Шибир-хане указан миллион[7]. Но хотя сеяньтоское ханство было значительно слабее тюркютского, оно успешно справлялось со всеми тюркютскими князьями, пытавшимися с ним тягаться. Исключение составляли лишь те тюркюты, которые, храня верность Кат Иль-хану, в 630 г. сдались Китаю и были поселены в Ордосе. В 639 г. ханом над ними был назначен Ашина Сымо, человек замечательный не по своей политической роли, а по великолепным личным качествам. Он был "от природы остр, искренен, верен и, несмотря на то, что его подозревали в незаконном происхождении, так как он лицом был похож на уроженца Западного края, вследствие чего ему был закрыт доступ к высшим чинам"[8], его любили оба великих хана – Шибир и Чуло. Когда Кат Иль-хан был покинут всеми друзьями и соратниками, Сымо оставался верен ему до конца и вместе с ним попал в плен.

Тайцзун умел ценить верность: Сымо пользовался всегда его полным доверием и не обманул его.

Но если можно было приобрести верность хана, то далеко не так просто купить расположение народа. Сымо прожил в Ордосе три года и не мог привлечь народ к себе. Наоборот, многие из его подданных ушли на север[9]. Даже на зачисленных в гвардию тюркютов было невозможно надеяться. Младший брат тёлёс-хана, Гешешуай[10], в 639 г. устроил заговор, целью которого было выкрасть у китайцев наследника тюркютского престола, сына тёлёс-хана, Хелоху, уйти на север и возобновить борьбу. Но неожиданное нападение на китайский лагерь не удалось. Хелоху был убит при попытке к бегству, а Гешешуай бежал в горы[11].

Этот инцидент дал основание китайским чиновникам снова сделать императору представление о необходимости выслать из пределов Китая всех тюркютов как неблагонадежных. Возразить на это было нечего, и император вынужден был согласиться. Однако он нашел способ не только не обидеть своих кочевых подданных, но еще более привязать их к себе. Он вызвал к себе хана Сымо и, как по великой милости, позволил ему переправиться со своим народом на северный берег Хуанхэ, чтобы занять под кочевья степи к югу от Гоби. Этим он достиг трех целей: привязал к себе народ, подарив ему страну, где "паствы обширны, почва наилучшая"[12]; создал барьер против сеяньто, которые рассматривали тюркютов как природных врагов; получил в свое распоряжение великолепное конное войско, необходимое ему

для заграничных походов. Переселение совершилось в 641 г., и хотя многие тюркюты, не желая служить своим победителям, откочевали на север, но остальные своими подвигами снискали танскому оружию еще невиданную в Азии славу.

ТАБГАЧСКИЙ ХАН

Низвержение династии Суй и "справедливая война" так дорого стоили китайскому народу, что извлечь из него средства для внешних завоеваний было невозможно. Отказаться же от активной политики за границами страны было губительно, так как это означало, что враги династии возьмут в свои руки инициативу и при удобном случае ворвутся в Китай. Войну в степи могли вести успешно только степняки, и их симпатии были для танского императора залогом жизни и благополучия. Благодаря таланту полководца и государственного деятеля он нашел общий язык с варварскими вождями и князьями, искренность и непосредственность которых поддавались обаянию его справедливости и великодушия. Ранее они чувствовали себя в Китае пришельцами, наемниками, которых только терпят, теперь же они становились друзьями и близкими императора, принимавшего самое живое участие в их делах и бедах; он даже лично высасывал кровь хану Сымо, раненному стрелой во время похода на Корею[13].

Кат Иль-хан, разоривший пол-Китая, был помилован; больше того, ему вернули всех домашних и позволили жить на свободе, а когда выяснилось, что он тоскует и худеет, то ему был предложен чин правителя области Хучжоу, где была хорошая охота на лосей и оленей, чтобы он развлекся и поправился[14]. Тайцзун пресек систему доносов и наветов, сказав: "Царствующий не должен никого подозревать"[15]. Характерным примером привязанности к нему кочевых союзников может служить попытка Ашина Шэни лишить себя жизни на могиле императора, которого он не хотел пережить[16].

Однако дружественная политика императора встретила серьезное противодействие в некоторых членах государственного совета, настойчиво предлагавших воспользоваться ослаблением кочевников для полного их истребления, но Тайцзун принял противоположную точку зрения, сформулированную сановником Вэнь Ян-бо: "Длинные повода есть мера к прочному обузданию"[17].

Принятая при Тайцзуне система постепенного инкорпорирования чужих территорий сводилась к следующему. Иностранный владетель склонялся "ласкою" принять имперский протекторат, после чего его владение переименовывалось в "привлеченную" область, а ему давал-

ся китайский чин, сначала номинально, а затем с подчинением чиновнику высшего ранга. Эта должность, вначале наследственная, становилась постепенно назначением с преимущественным правом на нее местной аристократии. В следующей стадии и эта видимость у самоуправления исчезала, и "привлеченная" область входила в состав империи на общих основаниях[18]. Пока Тайцзун был жив, эта система давала блестящие результаты.

СУДЬБА ТОГОНА

Первой жертвой вновь созданной военной машины оказался маленький неукротимый Тогон. В жестокое время последней борьбы с тюркютами тогонцы не переставали тревожить набегами западную границу империи. Китайские войска ограничивались обороной, но, как только появились в их рядах быстрые киби и жестокие дансяны, они ответили контрнабегами и угнали у тогонцев много скота[19].

В 634 г. дансяны и кочевые тибетцы-кяны восстали против китайцев и объединились с тогонцами. Против них была брошена конница, состоявшая из тюркютов и киби, которая в 635 г. нанесла тогонцам полное поражение. Тогонский царь, семидесятилетний Фуюнь, бежал в Хотан. Преследуемый, он предпочел самоубийство плену. Его наследник Муюн Шунь, долго проживший как заложник в Чанъани, был убит своими подданными по подозрению в симпатиях к Китаю. Специально посланная имперская армия возвела на престол его малолетнего сына Нохэбо, который стал марионеткой империи, за что в 640 г. получил в жены китайскую княжну, пышно наименованную царевной.

Наступивший мир и обилие китайских товаров, видимо, понравились тогонцам, и когда в 641 г. один из вельмож составил заговор, намереваясь войти в союз с Тибетом, то он встретил решительное сопротивление князей[20], которые выступили на защиту союза с империей. Это дало Тогону двадцать лет мирной жизни.

Опасность для Тогона и для самой империи Тан возникла на западе. Южнотибетские племена-боты, заселившие среднее и верхнее течения великой реки Брахмапутры, к VII в. объединились и создали мощную военную державу. В 634 г. глава тибетского государства, носивший титул цэнпо, Сронцангамбо послал посольство в Китай, чтобы войти в сношения с империей. Посольство было принято холодно, и тибетцы, приписав это интригам тогонцев, обрушились войной на Тогон, находившийся в то время в состоянии внутреннего разлада. Тибетцы без особого труда разбили Нохэбо у верховьев

Хуанхэ[21]. Нохэбо с женой и несколькими тысячами сторонников в 663 г. бежал в область Лянчжоу. На этом закончилось независимое существование Тогона.

Нохэбо умер в 688 г., и его потомки еще сто лет числились ханами[22], но уже не имели ни реальной власти, ни территории, а служили в имперских войсках, подобно тюркютам и другим кочевым подданным империи Тан.

КОНЕЦ ГАОЧАНА

Как уже было сказано, центром притяжения для всех врагов династии Тан стал Гаочан. Туда стекались политические эмигранты из Китая, сторонники династии Суй[23]. На него опирались племена кочевников, отвергавшие любую форму подчинения Китаю[24], смешавшиеся с тюрками. Местные жители[25], производившие те же товары, что и китайцы, и потому их естественные конкуренты, не учитывая происшедших изменений, полагали, что пустыни спасут их независимость[26]. Их надежда укреплялась еще тем, что внешнее положение империи продолжало оставаться напряженным как на востоке, где в Корее назревал государственный переворот, грозивший серьезными осложнениями и впоследствии действительно вызвавший войну в 645 г., так и на западе, где не прекращалась война с тибетским государством. Однако гаочанский князь и его советники не учли новых обстоятельств. Посылать на запад китайскую пехоту действительно было предприятием, обреченным на неудачу, но с 636 г. на службу империи вступил тюркютский царевич Шэни со своим отрядом, и с 632 г. в Хэси прикочевало воинственное телеское племя киби, вождь которого Киби Хэли тоже оказался среди избранных друзей императора Тайцзуна. Этой коннице степные переходы были не страшны.

Ориентация на Юкука принесла гаочанцам только вред, потому что сеяньтоский хан, враг тюркютов, узнав о приготовлениях к походу против Гаочана, предложил союз и отряд проводников через степи[27]. Тайцзун в 639 г. еще раз предложил гаочанскому князю Вэнь-таю явиться к нему для объяснений, но тот отказался приехать, и поход был решен.

В 640 г. отряд из нескольких десятков тысяч тюркютской и кибиской конницы под объединенным командованием китайских и кочевнических офицеров перебросился через степь и вступил в цветущую Люкчунскую котловину. Вэнь-тай от переживаний заболел и скончался, но гаочанцы возвели на престол его сына и приготовились к сопротивлению. Первым делом имперцы осадили городок, где жи-

ли китайские эмигранты. Киби Хэли после жаркого штурма ворвался в крепость, и 7 тыс. жителей сдались на милость победителя. Затем имперские войска подошли к столице, засыпали крепостной ров и забросали город камнями из осадных орудий. Юный князь явился в имперский лагерь, умоляя принять капитуляцию, но главнокомандующий дал сигнал к приступу, и с Гаочаном было покончено.

Быстрота, с которой имперская армия взяла гаочанскую крепость, произвела на местных жителей огромное впечатление. Двадцать два города сдались без боя; джабгу, стоявший в южной Джунгарии с конницей, чтобы ударить в тыл осаждающим, передался на сторону имперцев. Это был тот самый Бучжень – "стремящийся к истине", который сначала интригами заставил бежать своего брата, а затем, не задумываясь, изменил Юкуку. Он передал имперцам крепость Бишбалык, где они немедленно организовали военный округ Тинчжоу, ставший их опорой в Западном крае.

Гаочанские жители получили пощаду и прощение; только "сильные дома" были переселены во внутренний Китай. Города, захваченные гаочанцами у Карашара, были возвращены, карашарские пленники освобождены[28]. Тайцзун вопреки советам своих китайских приближенных[29], учредил на завоеванных землях военный округ Сичжоу, назначил туда наместника и поместил гарнизон, состоявший из тысячи преступников, которым тюремное заключение заменялось военной службой.

РАСПРАВА С СЕЯНЬТО

Дружба сеяньтоского хана Инаня с императором Тайцзуном нарушилась в тот момент, когда степное "длинное ухо" донесло до хана весть о восстановлении тюркютского ханства к северу от Хуанхэ. Инаню больше всего хотелось изрубить тюркютов, но для их охраны был назначен специальный военный чиновник, а конфликт с империей был делом серьезным. Но в 641 г. Инаню показалось, что время для набега наступило. Император отправился совершать традиционное жертвоприношение на горе Тайшань, и ему сопутствовало согласно этикету все войско. Инань, решив, что имперские войска не успеют прийти на помощь тюркютам, мобилизовал все подчиненные ему племена – тонгра, бугу, уйгуров, мохэсцев (чжурчжени), татабов[30] – и перебросил всю эту армию через Гоби, чтобы покончить с врагами своего народа. Командовал войском его сын, шад тардушей.

Чтобы обеспечить внезапность нападения, каждый воин имел четырех лошадей и, меняя их, шел без остановок. Но Ашина Сымо ус-

пел, не приняв боя, отойти за Хуанхэ, в Ордос, и сообщить о набеге в Чанъань, откуда на помощь ему немедленно выступил отряд ударной конницы[31]. Объединившись с тюркютами, имперцы пошли прямо на противника и вынудили его принять бой на р. Ночжень (641)[32]. Несмотря на то что сеяньтосцы в походе имели по четыре лошади на каждого воина, они сражались в пешем строю. Лошадей во время битвы держали специальные коноводы; на четырех воинов полагался один коновод. В начале битвы сеяньтосцы, следуя своей тактике, стреляли по тюркютским лошадям, которые не имели брони. Тюркюты, не будучи способны сражаться пешими, пришли в замешательство и начали отступать. Сеяньтосцы преследовали их и расстроили свой строй, чем воспользовался табгачский полководец Ли Цзи. Он выстроил китайскую пехоту в сотенные колонны и, ударив в образовавшиеся интервалы, остановил неприятеля. Тем временем тюркютская конница, спешно перестроившись, ударила на коноводов и отбила 15 тыс. лошадей. Это вызвало панику, и сеяньтосцы побежали, преследуемые тюркютами. Так как дело было в декабре, то спасшиеся от меча погибали от мороза при обратном переходе через пустыню. Потери сеяньтосцев достигали 80% личного состава. Такое страшное поражение заставило Инаня просить мира, который он хотел укрепить браком с китайской царевной. Тайцзун потребовал, чтобы хан явился лично и пригнал достаточно скота в виде брачного подарка. Налоги, возложенные ханом на народ при сборе этих даров, вызвали возмущение. Скот оказалось невозможным перегнать через пустыню, так как открылся падеж. Это окончательно подорвало силы Инаня, и Тайцзун, решив более не считаться с ним, отказал ему в браке.

Инань попробовал было произвести набег, но, встретив имперские войска, ретировался без боя. Корея, в 645 г. готовившаяся к борьбе с Китаем, тщетно пыталась уговорить Инаня сделать диверсию. В октябре 645 г. Инань умер, видя полное крушение всех своих замыслов. Сеяньтоские вельможи поставили ханом его побочного сына Имана, но Бачжо, законный сын, со своими сторонниками напал на Имана во время похорон отца и, убив его, объявил себя ханом[33]. Воспользовавшись тем, что Тайцзун с главной армией воевал в Корее, Бачжо произвел набег на Китай, но был разбит одними пограничными войсками. Вместе с тем казни среди вельмож противной ему партии вызвали возмущение в орде, и при подходе имперских войск его орда разбежалась и покинула его. Вскоре Бачжо был убит уйгурами, а вслед за тем осенью 646 г. остатки сеяньтоской орды, настигнутые имперскими войсками, были частью изрублены, частью захвачены в плен, частью рассеялись, чтобы никогда больше не соединиться[34].

Такая сравнительная легкость победы над воинственным и многочисленным племенем объясняется одним тонко рассчитанным шагом имперской дипломатии. Когда Тайцзун отказал Инаню в браке с китайской царевной, он этим дал всем подчиненным сеяньтоскому хану племенам сигнал к восстанию[35]. Затем он послал им "тюркютского богатыря"[36] в вожди, но для того не нашлось поприща. Восставших возглавил уйгурский старейшина Тумиду. Он разбил сеяньтосцев, но после победы вместе со всеми другими вождями подчинился танскому императору. Для телеских племен это был лучший выход: они ничего не теряли, сохраняя свой образ жизни, и очень много приобретали, получив возможность торговать с китайцами и поступать в императорскую армию, что сулило им добычу и почести. Правда, некоторая оппозиция возникла, и Тумиду был убит заговорщиками, но последние были заманены имперским наместником в ловушку и казнены. Сын Тумиду был утвержден главой племени и получил военный чин, после чего уйгуры стали лояльными подданными империи и участвовали во всех войнах, которые она вела[37].

ЧЕБИ-ХАН

Разгром сеяньто настолько укрепил авторитет райской империи, что все телеские племена, даже такие отдаленные, как байырку (баегу) и курыканы (гулигань), в 647 г. направили послов с данью и добровольно подчинились императору. В конце того же года посольство пришло и от тюркютского Чеби-хана[38].

Судьба этого царевича весьма примечательна. При Кат Иль-хане он был одним из удельных князей и носил титул "малый" хан. После разгрома 630 г. Чеби-хан бежал со своей ордой на север и, отбившись от сеяньтосцев, преследовавших его по пятам, укрылся в горных долинах восточного Алтая. В "Таншу" написано: "Чеби ушел на северную сторону Золотых гор (Алтая). Золотые горы с трех сторон состоят из отвесных утесов, только с четвертой стороны есть проход, по которому можно проехать конному и на телеге. Земли ровные, и Чеби занял их... Он покорил на западе Гэлолу (карлуки), на севере Гегу (кыргызы)"[39]. Выражение "на северную сторону Золотых гор" нельзя понимать буквально, вернее, в нашем смысле. Северные склоны Алтая покрыты лесом (чернь), и там нет возможности жить скотоводам, какими были тюркюты. Кыргызы жили на верхнем Енисее, и если бы Чеби-хан в самом деле перевалил Алтай, то они были бы от него не к северу, а к востоку. Карлуки занимали верхнее течение Иртыша и были бы от него не к западу, а к югу. То, что местность была окружена со

всех сторон горами, а внутри "земли ровные", т.е. степные, показывает, что Чеби-хан занял долины внутреннего Алтая, а единственный проход туда – это Сайлюгем. Значит, основная часть владений Чеби-хана была расположена между Телецким озером и р. Катунь, но на востоке он, вероятно, владел частью бассейна Кобдо[40].

Войско его исчислялось в 30 тыс. человек. Ему удалось подчинить себе кыргызов на севере и карлуков на западе. На востоке он вел неустанную борьбу с сеяньто.

Тайцзун отправил ему ответное посольство с предложением лично явиться в Чанъань для выражения покорности, но Чеби-хан не имел никакого желания рассматривать установление дипломатических отношений как безоговорочную капитуляцию. Китайские послы, видя неуступчивость хана, пошли в сношения с карлуками, чтобы захватить его. Интрига открылась, и китайское посольство было перерезано. Разгневанный Тайцзун в 649 г. направил генерала Гао Каня с войском из уйгуров и бугусцев против Чеби, который был взят в плен и представлен в Чанъань, где, однако, был помилован и пожалован высшим военным чином. Народ его был переведен на жительство в Утукенскую чернь, в восточном Хангае, так как эта область после уничтожения сеяньто оказалась пустой[41].

Таков общий ход событий, но сообщение о переводе народа с Алтая в Хангай содержит несомненное преувеличение. Я далек оттого, чтобы заподозрить в недобросовестности составителей "Таншу" и "Ганму"; по-видимому, они просто воспроизвели в своих сочинениях рапорт Гао Каня. Но этот генерал писал рапорт с такой же точностью, как и многие другие генералы, учитывая при этом слабые географические познания китайских придворных, Достаточно сказать, что, согласно этому рапорту, вся кампания, включая переход от Чанъани через Гоби и Западную Монголию до Алтая, уложилась в один 650 год.

Что за это время было преодолено сопротивление 30 тыс. тюркютов, принята покорность двух изменивших Чеби-хану старейшин, захвачен врасплох один аймак и пойман сам Чеби-хан, – этому можно поверить, но что Гао Кань за это же короткое время сумел выловить весь многотысячный народ, поверить могли лишь китайские придворные, никогда не видавшие Алтая. Горные долины, отделенные друг от друга высокими перевалами, представляют собой естественные тайники, где можно отсидеться от любого врага, так как к услугам осажденного и кусочек степи (северный склон Алтайской долины, высушенный палящими лучами солнца, всегда степной), и кусочек тенистого душистого леса (на южном склоне, по которому солнечные лучи только скользят), и речка, полная чистой горной воды, и дополнительные укрытия в виде глубоких падей, по дну которых текут ру-

чейки. В зимнее время высокие перевалы непроходимы, а летом враг, даже добравшись до такой долины, не достиг бы никаких результатов, так как летовки располагаются на водоразделах, пробраться на которые можно только по еле заметным тропам, известным лишь местным жителям. Естественные же пути вверх по руслу ручьев отсутствуют, так как ручьи в своем нижнем течении прорезают скалы и текут в таких ущельях, где не только лошадь, но даже пеший человек не пройдет. Но кочевое скотоводство на Алтае возможно лишь по степным склонам долин, а их не так уж много. Поэтому при увеличении поголовья скота и народонаселения Чеби-хан должен был искать выхода в степь. Он его нашел, и это его погубило, так как в степи конница императора не имела себе равных.

Возвращаясь к тексту, мы видим, что Чеби-хан был разбит на равнине и пойман в предгорьях Алтая прежде, чем успел укрыться в горах[42]. Очевидно, тогда Гао Кань и, считая свою задачу выполненной, перевел захваченных пленников в Хангай и послал соответствующее донесение в Чанъань. В результате оказалось, что тюркюты, жившие в горах, уцелели и даже сохранили название своего раздела – тölöс[43].

КОРЕЙСКОЕ МУЖЕСТВО

Еще до того как было уничтожено Сеяньтоское ханство, перед танским правительством снова встал корейский вопрос. В середине VII в. Корея была разделена на три государства: на юго-западе полуострова – царство Пэкче, ориентировавшееся на союз с Японией; на юго-востоке – царство Силла, страдавшее от нападений японских пиратов и потому искавшее союза с Китаем; на севере – царство Когурё, или Корея, враждовавшее с обоими южными царствами и дружившее с лесными маньчжурскими племенами (мукри мохэ). Это крепкое и воинственное государство сумело отбиться от четырех нападений суйского Китая. С династией Тан оно укрепило дружбу, но в 642 г. в Когурё произошел переворот: некто Гай Су-вынь, опираясь на войска, вырезал вельмож и убил царя, после чего возвел на престол ребенка, племянника погибшего, а всю власть сосредоточил в своих руках.

Имперское правительство не собиралось вмешиваться во внутренние дела соседа, но Гай Су-вынь, заключив союз с Пэкче, начал в 643 г. войну против Силлы. Тайцзун послал в Корею дипломатического представителя, чтобы предотвратить разорение своего союзника, но посла приняли столь презрительно, что это послужило поводом к войне[44]. Тайцзун полагал, что жестокость корейского узурпатора восстановит народ против него[45] и это даст империи возможность при поддержке

Силлы одержать победу над киданьскими, татабийскими и мукрийскими войсками[46]. Однако он жестоко ошибался: корейцы героически выступили на защиту родины, а мукрийцы (маньчжуры) пришли им на помощь. Имперская армия состояла более из кочевников, чем из китайцев, хотя и последние участвовали в походе. Телеским корпусом командовал однорукий силач Киби Хэли, тюркютами – Ашина Шэни, а хан Ашина Сымо находился при штабе императора. Высшее командование было поручено родственнику императора, победителю сеяньтосцев табгачу Ли Цзи и китайскому полководцу Чжан Ляну. Китайские и тюркские полководцы смешивались между собой в равных соотношениях, но во флоте служили только китайцы.

Весной 645 г. имперская армия переправилась через пограничную реку Ляошуй, приступом взяла крепость Гайму-чен и осадила г. Ляодун. 40 тыс. корейцев пришли на выручку и потеснили китайскую пехоту, но были отбиты. После этого камнеметные машины разбили стены городка, и, пользуясь ветром, имперцы подожгли город. Корейцы, стоявшие на стенах, не сдавались, но их поражали длинными копьями. Город пал.

Затем после упорной обороны сдалась сильная крепость Байяйчен, расположенная к северу от Ляодуна. Перед приступом, когда штурмовая колонна уже стояла у бреши, полководец Ли Цзи сказал: "Ратники охотно подвергаются стрелам и каменьям, не думая о жизни, единственно для получения добычи. Теперь город почти взят; для чего же соглашаться на принятие сдачи и охлаждать ревность в сражающихся войсках?" Государь сошел с лошади и, извиняясь, сказал: "Твоя правда; но позволить войскам убийство и брать в плен жен с семействами – я не могу перенести это; а отличившихся из твоего корпуса я награжу вещами из государственного казначейства и таким образом выкуплю у тебя один город". Ли Цзи отвел войска[47], и государь принял капитуляцию.

Корейцы мобилизовали все силы и призвали на помощь мукрийскую конницу. Ашина Шэни с тюркютами искусным маневрированием вызвал корейские войска на наступление и навел их на свои главные силы. Корейцы вынуждены были принять бой и потеряли много людей. Прижатые к горам и окруженные имперцами, они сдались на милость победителя. Тайцзун оставил в плену только 2500 командиров, с тем чтобы переселить их в Китай. 30 тыс. ратников были отпущены по домам, а 3 тыс. мукрийцев казнены.

Но все усилия имперской армии разбились о стены г. Аньши (к северо-востоку от Кайпина). Несмотря на тараны, пробивавшие в стенах бреши, и баллисты, забрасывавшие город камнями, несмотря на семь приступов, дневных и ночных, и тяжелые потери осажденных, город не

сдался. Наступила зима, и истощились припасы. Император вызвал корейских военачальников на городскую стену, похвалил их за твердость в обороне и приказал своим войскам отступить. Наступление захлебнулось, кампания была проиграна, во время отхода много воинов умерло от холода и переутомления, но как эта война была не похожа на те, которые вел с Кореей Ян-ди! Земли, захваченные в 645 г., остались за империей, корейцы не смели преследовать отступавших, и уже в 647 г. война возобновилась, но окончательная победа была достигнута только к 668 году.

Но мы не будем следить за перипетиями этой войны. Для нашей темы важно установить лишь долю участия в ней тюрок и других кочевников, а она была не мала[48].

ПОХОД ШЭНИ В "ЗАПАДНЫЙ КРАЙ"

После возвращения из Кореи Тайцзун снова обратил свое внимание на запад. Там после изгнания Юкука и Халлыга наступило некоторое успокоение. Мелкие владетели Восточного Туркестана, переоценив силы тюркютов и будучи напуганы покорением Гаочана, во имя сохранения хотя бы относительной независимости подчинились Ирбис Шегуй-хану, надеясь найти в нем опору против имперской агрессии. Добровольное подчинение Кучи империи в 630 г. было делом рук царя Сварнатепа (тохарская переделка санскритского имени Суварнадева), но сменивший его Харипушпа (*кит.* Али Бушиби)[49] порвал отношения с империей и переориентировался на Западный каганат.

В 640 г.[50] карашарский лун (владетель) Тукичжи выдал свою дочь за некоего западнотюркского вельможу Кули-чура[51] и, решив, что заручился достаточной поддержкой, прекратил выплату дани. Сначала китайцы стерпели это, но когда в 644 г. к ним перешел брат карашарского владетеля, то наместник Западного края Го Сяо-кэ решил, использовав перебежчика как проводника, наказать непокорного вассала. Напав неожиданно, он взял Карашар, пленил Тукичжи и отправил его в Китай, а на опустевший престол посадил его младшего брата. Куличур со своими тюркютами пришел мстить за тестя через три дня после ухода китайских войск. Он арестовал новоиспеченного владетеля и посадил на престол его родственника Сепо Аначжи. Последний отправил изменника в Кучу, где его казнил владетель Харипушпа[52].

Тайцзун нашел, что это достаточный повод к войне, и в 648 г. отправил туда своего лучшего генерала Ашину Шэни с огромным войском (100 тыс. человек?), состоявшим из тюркютской и телеской конницы.

Ашина Шэни, желая напасть внезапно, прошел от Хами по северным склонам Тянь-Шаня до Юлдуза, разгромив по дороге племена чуюе и чуми, затем, проведя армию через перевалы, оказался в пределах Кучаского княжества[53]. Враги совершенно растерялись: карашарский князь Сепо Аначжи бежал, бросив свою столицу, но был пойман и обезглавлен[54]. Кучасцы выставили 50 тыс. человек, но были разбиты, и Шэни взял Кучу. Владетель бежал с легкой конницей к тюркютам, но был преследуем, окружен и захвачен в плен. Один из кучаских вельмож, по имени Нали, спасся, пользуясь темнотой ночи. Он добрался до Западного каганата и оттуда привел 10 тыс. тюркских всадников. Тюрки ударили на один из имперских отрядов и разбили его наголову. В войсках Шэни возникла паника, но, столкнувшись с главными силами, Нали потерпел поражение и попал в плен[55].

После этого 70 малых городов добровольно покорились Шэни. В 649 г. одной военной демонстрации оказалось достаточно, чтобы принудить к повиновению Хотан[56]. Бухара и племя басмал также выразили полную покорность[57], которая, впрочем, их ни к чему не обязывала. Ирбис Шегуй-хан показал абсолютную неспособность отстоять целостность своей державы. Былое преобладание тюркютских латников в степях кончилось, так как имперская конница состояла из таких же степняков, руководимых полководцами не менее опытными в полевой войне, чем остатки западных тюркютов. Было очевидно, что часы их независимости сочтены. Но 10 июля 649 г. умер Тайцзун, и агония Западного каганата затянулась.

СМЕРТЬ ТАЙЦЗУНА

К началу 649 г. дело создания централизованной империи было завершено. Хотя в Корее еще шло упорное сопротивление, в алтайских долинах укрывались непокорные тюркюты и Западный каганат господствовал над согдийскими городами и степями вплоть до Кубани, для всех стало очевидно, что реальная военная сила империи не имеет соперников.

После победы над западными тюрками у Кучи (648 г.) Тайцзун сказал: "Я некогда говорил, что разные предметы служат нам забавою. Земляной городок и бамбуковый конек суть забавы мальчиков; украшаться золотом и шелком есть забава женщин; высокие чины и хорошее жалованье есть забава чиновников; в сражениях не иметь соперника есть забава полководцев; тишина и единство в мире есть забава государей. Я теперь весел"[58].

Это единство и тишина для покорных, отказавшихся от независимости племен и народов были той программой, ради которой совершались тяжелые походы и гибли бойцы как чужие, так и свои. Выше говорилось, насколько эта программа была реальна, но остается фактом, что в 649 г. она осуществлялась, и кроме уже одержанных побед инерция войны толкала имперские войска к грядущим боям. И многое здесь было связано с личностью основателя империи.

Когда говорят о людях, достигших в силу своих личных качеств высокой власти, то обыкновенно вспоминают Наполеона. Следует заметить, что между ним и Тайцзуном Ли Ши-минем много общего. И тот и другой начали армейскими лейтенантами, выдвинулись талантами, и оба умели привязывать к себе своих соратников. Оба были храбры и умны, и оба сыграли огромную роль в жизни своих народов.

Но дело Наполеона рухнуло при его жизни, а дело Тайцзуна пережило его на сто лет. У Наполеона был Фуше, а Тайцзун заявил: "Царствующий не должен никого подозревать". При Наполеоне царило grande silence de l'Empire, при Тайцзуне расцвела культура. Наполеоновская Франция нуждалась в самых необходимых продуктах: кофе, сахаре и т.п., а Тайцзун дал китайскому народу такое изобилие, какого не знали до него. Будировали только конфуцианские интеллигенты, которые упрекали императора в склонности к женскому полу, в привязанности к буддизму и в любви к войнам[59]. Конфуцианцы особенно осуждали его дружбу с кочевниками, но здесь они открыли свои карты: идея Империи для них была неприемлема, они не хотели дружбы с тюрками и монголами и сочувствовали старой политике дома Суй, несмотря на то, что знали ее последствия.

Престолу династии Тан было не страшно брюзжание нескольких грамотеев, так как за него стояла верность кочевых войск и популярность среди широких масс народа. Династия Тан могла себе позволить милосердие и терпимость.

Весной 649 г. император почувствовал себя плохо, призвал к себе вельмож и приказал им помогать в делах правления его сыну. Во время болезни он наставлял наследника, пока не умер 16 июля 649 г. Все, кто был при дворе, плакали так, как будто они потеряли отца или мать[60]. Ашина Шэни хотел, чтобы его похоронили вместе с трупом своего хана и друга, чтобы сопровождать его в загробном мире, но скептический наследник престола запретил ему это[61].

Новый император принял титул Гаоцзун и на первых порах объявил о прекращении войны в Корее и освобождении всех пленных, захваченных в Куче[62], но вскоре ему пришлось продолжить дело своего отца.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 *Бичурин Н. Я.* Собрание сведений... Т. I. С. 339; *Chavannes E.* Documents... P. 95; *Liu Mau-tsai.* Die chinesischen Nachrichten... S. 354.
2 *Бичурин Н. Я.* Собрание сведений... Т. I. С. 302; *Chavannes E.* Documents . P. 89; *Liu Mau-tsai.* Die chinesischen Nachrichten... S. 350.
3 *Liu Mau-tsai.* Die chinesischen Nachrichten... S. 392.
4 *Бичурин Н. Я.* Собрание сведений... Т. I. С. 302.
5 С титулом Чжень-чжу Бильге-хан (*Chavannes E.* Documents... P. 59; *Liu Mau-tsai.* Die chinesischen Nachrichten... S. 392).
6 *Бичурин Н. Я.* Собрание сведений... Т. I. С.340; *Liu Mau-tsai* Die chinesischen Nachrichten... S. 723.
7 В условном исчислении (см.: *Гумилев Л. Н.* Хунну. С. 60–61).
8 *Бичурин Н. Я.* Собрание сведений... Т. I. С. 260.
9 Там же. С. 262; *Liu Mau-tsai.* Die chinesischen Nachrichten... S. 198.
10 По-видимому, единоутробный или двоюродный брат, так как он не был претендентом на престол.
11 *Бичурин Н. Я.* Собрание сведений... Т. I. С. 260; *Liu Mau-tsai.* Die chinesischen Nachrichten... S. 203; *Julien S.* Documents... Vol. 4. P. 240–241.
12 *Бичурин Н. Я.* Собрание сведений... Т. I. С. 262.
13 Там же.
14 Там же. С. 256.
15 Там же. С. 263.
16 *Chavannes E.* Documents... P. 178.
17 *Бичурин Н. Я.* Собрание сведений... Т. I. С. 258.
18 *Грумм-Гржимайло Г. Е.* Западная Монголия... С. 263.
19 *Бичурин (Иакинф).* История Тибета... С. 90–92.
20 Там же.
21 Там же. С. 95, 135.
21 Там же. С. 96–97.
23 *Бичурин Н. Я.* Собрание сведений... Т. II. С. 291. Среди находок А. Стейна в Астане имеется очень интересный некролог знатной китайской дамы Ся, вдовы некоего Фань Юнь-луна, имевшего чин гвардии генерала при гаочанском правителе. Эта дама была ревностной сторонницей старого режима, т.е. Суй, почему и жила в Гаочане. Умерла она в 667 г. (*Stein A.* Innermost Asia. Oxford, 1928. II. P. 659).
24 Это были те, кто поддерживал Юкук-шада.
25 *Гумилев Л. Н.* Статуэтки воинов из Туюк-мазара //Сборник Музея антропологии и этнографии. Л., 1949. Т. 12. С. 243–244.
26 Князь Вэнь-тай говорил своим приближенным: "В прошлый приезд мой ко Двору города от Цинь и Лун на север лежали пустыни. Не то было при I династии Суй. Ныне, если пошлют на нас много войск, то не в состоянии будут доставлять им съестные припасы, а ежели войск будет не более 30000 чел., то я могу управиться с ними. При переходе через Песчаную степь они утомятся и изнемогут, и я с бодрыми войсками воспользуюсь их худым положением" (*Бичурин Н. Я.* Собрание сведений... Т. II. С. 292; *Chavannes E.* Documents... P. 105–106).
27 *Бичурин Н. Я.* Собрание сведений... Т. I С. 291; *Liu Mau-tsai.* Die chinesischen Nachrichten.. S. 723.
28 *Бичурин Н. Я.* Собрание сведений... Т. II. С. 294–295.
29 Ему говорили, что содержание гарнизона обойдется слишком дорого и не следует расточать нужное на ненужное (Там же. С. 293).
30 *Liu Mau-tsai.* Die chinesischen Nachrichten... S. 242.

[31] *Тху-ки* – врубающаяся конница (*Бичурин Н. Я.* Собрание сведений... Т. I. С. 341).
[32] В совр. провинции Сюйюань (*Liu Mau-tsai.* Die chinesischen Nachrichten... S. 668).
[33] *Бичурин Н. Я.* Собрание сведений... Т. I. С. 342. Титул законного сына Инаня – Гели-Гюили-Шисе-Ша-Дони-хан.
[34] *Бичурин (Иакинф).* История Китая.
[35] Тайцзун сказал своим советникам: "Сеяньто покорствуют и бьют челом на наши гневные действия, не смеют высокоумничать и пренебрегать вследствие того, что недавно поставили правителя и разные племена, смешанно живущие, не подчиняются его управлению. Непрестанно опираясь на великое государство, они заставляют покориться эти народы. У тунло, пугу и прочих десяти племен у каждого войска несколько десятков тысяч. Если они не смеют выступить, то потому, что боятся Китая, смотря, что Сеяньто поддерживаются нами. Если теперь женить его на царевне, то зять великого государства увеличит и возвысит свое достоинство, крепко привяжет своих единомышленников. Разные семьи и племена еще более почтут его и покорятся ему... Ныне если не дать за него [хана] царевну, это сделает его жизнь очень ограниченной. Все семьи и племена сразу узнают, что мы покинули его. То, что они поспешат напасть на него, будет непременно (Вэньсян тункао. Т. XVI. Цз. 344).
[36] *Liu Mau-tsai.* Die chinesischen Nachrichten... S. 351. Ср.: С. 719, где он трактует Моходу как имя собственное и, не будучи в состоянии определить, кто это, предполагает описку в тексте. Полагаю, что здесь имя нарицательное.
[37] Тогда же, в 647 г., для связи с союзниками имперское правительство учредило постоянные почтовые станции для послов от тюркютов (Чахар) до уйгуров (Халха) (*Liu Mau-tsai.* Die chinesischen Nachrichten... S. 418).
[38] *Бичурин (Иакинф).* История Китая.
[39] *Бичурин Н. Я.* Собрание сведений... Т. I. С. 263.
[40] *Грумм-Гржимайло Г. Е.* Западная Монголия... С. 277.
[41] Там же. С. 284.
[42] *Бичурин Н. Я.* Собрание сведений... Т. I. С. 264; *Julien S.* Documents... Vol. 4. P. 399. [Гао-Кхань преследовал его (Чеби) до Алтайских гор, взял в плен и привел в столицу].
[43] *Гумилев Л. Н.* Алтайская ветвь... С. 105-114.
[44] *Gibert L.* Dictionnaire historique et geographique de la Mandchourie. Hongkong, 1934. P. 413.
[45] *Бичурин Н. Я.* Собрание сведений... Т. II. С. 106.
[46] Там же. С. 105.
[47] *Бичурин Н. Я.* Собрание сведений... Т. II. С. 110.
[48] Описание подвигов Киби Хэли (см.: *Бичурин Н. Я.* Собрание сведений... Т. II. С. 110, 119, 122).
[49] *Grousset R.* Histoire de L'Extrême-Orient. I. Paris, 1929. I. P. 271.
[50] *Chavannes E.* Documents... P. 112, n. 1.
[51] Ibid. У Бичурина – Кюйлиду (см.: Собрание сведений... Т. II. С. 295).
[52] *Chavannes E.* Documents... P. 113; *Бичурин Н. Я.* Собрание сведений... Т. II. С. 296.
[53] *Chavannes E.* Documents... P. 176, n. 1.
[54] Ibid. P. 177, n. 1.
[55] *Бичурин Н. Я.* Собрание сведений... Т. II. С. 298.
[56] *Chavannes E.* Documents... P. 126.
[57] *Chavannes E.* Notes additionelles sur les Tou-kiue (Turcs) occidentaux /T'oung Pao. Ser. II. Vol. V. 1904. P. 19.
[58] *Бичурин Н. Я.* Собрание сведений... Т. II. С. 298.
[59] *Gaubil.* Abrégé... P. 462.
[60] *Mailla J. A. M.* Histoire générale... Vol. 1–3. P. 123.
[61] *Chavannes E.* Documents... P. 178.
[62] *Gaubil.* Abrégé... P. 462.

XVIII. Конец тюркютов

ПЕРЕВОРОТ В ЗАПАДНОМ КАГАНАТЕ

Ирбис Шегуй-хан не оправдал надежд десятистрельных тюрок, посадивших его на престол. Оседлые владения уплывали из его рук, и имперские войска подошли к границам каганата. Для всех племенных вождей было очевидно, что это соседство не несет ничего доброго.

Положение на южной окраине каганата, которое двадцать лет было спокойным, грозило измениться к худшему. Арабы громили иранский барьер с запада гораздо более успешно, чем это могли сделать греки. В 637 г., при Кадесии, полегла регулярная армия шахиншаха Йездегерда III и вслед за тем пал Ктезифон. В 642 г., при Негавенде, арабы разбили персидское ополчение, и участь Персии была решена. Персы сопротивлялись как могли, но город за городом переходил в руки арабов. Шах со своей свитой отступал на восток и всюду находил блестящий прием. Но как только он требовал денег и людей для войны, наместники от него отворачивались; так в 651 г. он дошел до окраины своих владений – Мерва.

Восстание в Персиде и отчаянное сопротивление горцев Дейлема, Табаристана и Джурджана задержали продвижение арабов, но слухи о их победах несомненно проникли в Среднюю Азию и усиливали беспокойство десятистрельных тюрок.

Волновалась и Джунгария. Племена чуюе и чуми, бежавшие от преследований Ирбис Шегуй-хана во владения империи, стремились вернуть родные земли и независимость. Их естественным вождем был Халлыг.

После бегства из пределов каганата Халлыг поступил на службу к Тайцзуну, быстро выслужился и получил в управление военный округ Тинчжоу (Бишбалык)[1]. Но этот честолюбивый полководец не был доволен положением имперского пограничного офицера и после смерти Тайцзуна оказался замешанным в заговоре, имевшем целью освободить не только Бишбалык, но и Турфан. Заговор был своевременно раскрыт, но поскольку преступление не было совершено, то Халлыг отделался тем, что отослал своего сына Тьеиня[2] в Чанъань "для службы в гвардии", т.е. в качестве заложника. Тьеинь недолго пробыл в Китае. Он отпросился к отцу и посоветовал ему оставить в покое восток, а устремиться на Западный каганат.

Было ли это нападение инспирировано в Китае, или было вызвано стремлением к освобождению, или тем и другим вместе – сказать невозможно. Трудно допустить, что уход целой орды прошел без ведома имперских наместников, но так или иначе, очутившись вне сферы их наблюдений, Халлыг объявил себя Ышбара-ханом (*кит.* Шаболо-хан хэлу) и летом 651 г.[3] "овладел бывшими землями Дулу-хана"[4] (Юкука). Ни о каком сопротивлении десятистрельных тюрок источник не упоминает. Данные слишком скупы, чтобы на основании их восстановить картину происшедшего переворота. Можно только догадываться, что подданные Ирбис Шегуй-хана отступились от него и добровольно признали ханом человека, доказавшего свою энергию и волю к борьбе. Судьба самого Ирбис Шегуй-хана была печальна. Узурпатор убил его "самолично"[5]. Наследники погибшего хана должны были бежать.

Но в 651 г. дороги на юг были закрыты арабами, на восток – имперцами. В Тохаристане правил Юкук, с севера наступал Ышбара-хан; значит, оставался один путь – на запад, ибо хазары на Волге и Тереке еще признавали над собой власть тюркютов. И действительно, с середины VII в. на берегах Каспийского моря возник самостоятельный Хазарский каганат, во главе которого стояла династия Ашина[6]. Так как все члены этого ханского рода, жившие в середине VII в., известны, то, пользуясь методом исключения, приходится признать, что в Хазарии воцарился наследник Ирбис Шегуй-хана. В это же время Хазария откололась от Западного каганата. Впрочем, Ышбара-хану и десятистрельным тюркам было не до хазар.

ЫШБАРА-ХАН

Ышбара-хан принес десятистрельным тюркам то, что они хотели, – внутренний мир и внешнюю войну. Во-первых, он подтвердил права вождей десяти племен, пожаловав дулусцам титул "чур", а нушибий-

цам титул "йегин"[7]. Для себя и своей дружины[8] он построил укрепленный город в долине "Тысяча ключей"[9], а своему сыну дал титул "багадур-джабгу"[10], т.е. сделал его вторым правителем Западного каганата.

Можно думать, что Ышбара-хан достиг долгожданного компромисса тюркютов с десятистрельными тюрками, потому что даже нушиби без сопротивления признали его ханом. Этот компромисс шел вразрез с чаяниями чуюе, чуми и чумгунь, которые мечтали об установлении своей гегемонии. Чтобы удовлетворить эти племена не за счет основной массы своего народа, хан решил вернуть им их исконные земли, подпавшие под власть империи, и внезапным набегом разгромил крепость Тинчжоу. После этого чуйские племена, прельщенные добычей, снова стали опорой Ышбара-хана, но, набег вызвал войну с империей.

В начале 652 г. в Джунгарию была двинута армия, состоявшая из 20 тыс. китайцев под командованием Лан Гян-фана и 50 тыс. телесцев с Киби Хэли во главе[11]. План войны был весьма тщательно разработан. Предполагалось быстрыми движениями союзных телеских войск стеснить Ышбара-хана, не имевшего продовольствия в количестве, необходимом для долгой войны. К кочевым племенам, в том числе к чуюе и чуми, рекомендовалось снисхождение; главным врагом был признан сам Ышбара-хан. Было предписано "гнать кочевых и нападать на волков"[12], т.е. на тюркютов, которых китайцы считали "корнем", а прочие племена "ветвями с листьями".

Но, несмотря на такие решительные директивы, военные действия велись поначалу вяло. В 652 г. последовал разгром чуюе и чуми[13], но, видимо, поражение было не серьезным, так как воля к борьбе у них не пропала. В 653 г. имперцы вновь заняли Бишбалык, а в 654 г. был совершен набег на карлуков, однако дело ограничилось угоном 10 тыс. лошадей[14]. В том же году разгромили племя чумугунь, причем китайский военачальник отослал в Китай 30 тыс. ушей, срезанных у убитых. Однако набеги приносили мало пользы китайцам и удавались лишь потому, что сам Ышбара-хан оказался вынужденным отстаивать свою юго-западную границу.

ГИБЕЛЬ МАХУЯ СУРИ

Марзбан Мерва Махуй Сури раскрыл ворота своего города перед Йездегердом III. С шахом прибыл небольшой отряд его личной стражи и караван с сокровищами короны. Махуй, как подобало верноподданому, склонился перед шахом, но когда Йездегерд потребовал денег на мобилизацию сил для борьбы с арабами, то Махуй Сури по

тупости решил, что арабы до него не дойдут, что царские сокровища неплохо бы присвоить и что он сам может быть государем. Не решаясь самостоятельно напасть на стражу шаха, он обратился за помощью к тюркам[15].

На призыв мервского марзбана отозвался некий Бижан-тархан[16], очевидно, один из нушибийских старейшин, прижившихся в Согде. Он явился со своей дружиной и, пользуясь изменнической поддержкой Махуя, разбил шахский отряд, захватив его врасплох. Йездегерд спасся, но был зарезан мельником, у которого пытался найти убежище[17], а Махуй стал обладателем шахских сокровищ и суверенным государем.

Однако его положение было очень трудным, так как весть о событии разнеслась по Хорасану и вызвала возмущение против гостеубийцы. Махуй свалил вину на тюркютов и заявил, что шах завещал ему символы власти – корону и перстень. Чувствуя слабость и неубедительность этих аргументов, предатель постарался благоустроить и увеличить свое войско. Согласно Фирдоуси, он присоединил к своим владениям Балх и Герат[18] и начал экспансию в сторону Согда для захвата Бухары, Самарканда и Шаша. Поводом для нападения послужила месть за Йездегерда, так как Бижан "затемнил счастье царя земяи"[19].

Это сообщение может быть принято нами за основу, так как ситуация в Западнотюркютском каганате вполне соответствует рассказу Фирдоуси. Слабое правительство Ирбиса Шегуй-хана отнеслось безразлично или даже сочувственно к убийству последнего шаха враждебной династии, но не успела засохнуть кровь Йездегерда, как Ирбис Шегуй-хан был свергнут и дулусцы снова взяли власть в свои руки. Сложившуюся обстановку, очевидно, решил использовать Махуй Сури, чтобы объединить Хорасан, Тохаристан и Согд. Это казалось нетрудным, так как Согд был уже давно враждебен дулусцам, и Махуй надеялся встретить там широкую поддержку, потому что купцы не могли радоваться войне с Китаем, сулившей им лишь прекращение караванной торговли.

Но Ышбара-хан был человеком решительным и, узнав о перевороте в Иране, организовал контрнаступление под тем же лозунгом, что и Махуй – месть за шаха. Фирдоуси тоже называет его "Бижан", и приводимые им географические названия при описании маршрута тюркютского похода не оставляют места для сомнений. Хан выступил из Качарбаши[20], достиг Бухары и, форсированными маршами подтягивая тылы, переправился через Джейхун. Махуй двинулся ему навстречу, но в первой же стычке попал в плен и был предан мучительной казни.

Взаимоистребление персов расчистило путь Абдаллаху ибн Амиру, который в 651 г. завоевал Абрашахр (Нишапур), Туе, Абиверд, Несу и заключил договор с новым марзбаном Мерва Абразом, который согласился выплачивать арабам дань[21]. Вслед за Хорасаном та же участь постигла Джуздан и Тохаристан, но набег на Хорезм в 655 г. был неудачен, и в 656 г. тюркюты перенесли войну снова в Хорасан, хотя без больших успехов[22]. Их неудача объясняется обострением положения на восточной границе каганата.

ПОСЛЕДНЯЯ БОРЬБА

Имперское правительство совершенно правильно приписало бесплодность кампании бездарности командования и дезорганизации, достигшей своего предела. Примером последней служил поступок помощника главнокомандующего, который, вместо того чтобы сражаться с неприятелем, вырезал и разграбил добровольно подчинившийся империи город, названный Бичуриным Хыньду[23].

Так же неудачно окончилась попытка Чженчу-джабгу, сына Юкука, ударить в тыл Ышбара-хану. Чженчу унаследовал от своего отца маленький удел в Тохаристане и непомерно большие претензии. Ему казалось, что он может стать властителем Западного каганата. Для этой цели Чженчу попытался поднять восстание племен нушиби, и действительно, некоторые недовольные вожди примкнули к нему[24]. Тогда он сменил свое скромное звание "джабгу" на пышный титул "Сибир-тардуш-шад"[25] и обратился в Китай за признанием и поддержкой. Имперский чиновник не смог добраться до ставки мятежного князя, но, пользуясь слухами, установил, что собранные им силы ничтожны, и рекомендовал правительству не обращать внимания на этого претендента[26].

Оказавшись без союзников, Чженчу был так стеснен войсками Ышбара-хана, что убрался в свой удел, признал себя подчиненным, отказался от пышного титула и в дальнейшем держал себя вполне лояльно[27]. Тогда Ышбара-хан, успокоившись за свой тыл, перекинул лучшие войска с Амударьи в долину Или и в 655 г. окончательно остановил продвижение имперцев.

Это заставило императора Гаоцзуна сменить командование, выслать значительные подкрепления и организовать отряды из западных тюрок, сохранивших верность Китаю. Главнокомандующим был назначен Су Дин-фан, к силам которого были приданы уйгурские вспомогательные войска. В 656 г. он возглавлял первую ударную колонну, направлявшуюся в долину Или. Отряды покорившихся тюр-

кютских царевичей Мише и Бучженя двинулись к Алтаю через сыпучие пески центральной Джунгарии.

На этот раз все преимущества были на стороне имперской армии. Она состояла из ветеранов, разбивших сеяньто и штурмовавших неприступные крепости Кореи. Здесь соединились стойкость китайской пехоты, привыкшей отбивать в Шэньси тибетские, а в Хэбэе киданьские набеги, выносливость уйгуров, боевой задор восточных тюркютов и неукротимость пограничников-табгачей. Армия была невелика и не связана громоздким обозом. Эти воины издавна научились кормиться за счет врага. Первой их жертвой стали джунгарские племена. Одни из них спешили сдаться, другие, как, например, чумугунь, были безжалостно изрублены.

Ышбара-хан собрал все свои силы, чтобы остановить наступление противника. Китайцы считали, что у него было 100 тыс. всадников, но это – явное преувеличение. У реки Или[28] он окружил десятитысячный отряд Су Дин-фана, состоявший из китайской пехоты и уйгурской конницы. Су Дин-фан выставил вперед сомкнутые ряды пехоты. Трижды тюркютская конница повисала на китайских копьях и откатывалась назад. Тогда из-за спин копейщиков вылетели уйгурские всадники на неутомленных конях и пошли в атаку. Тюрки не выдержали и побежали. Уйгуры гнали их и рубили отстающих; одних старшин и тарханов попало в плен 200 человек.

Имперцы, развивая успех, настигли отступавших нушиби, и те сдались без боя. Дулу наткнулись на колонну Бучженя и сразу признали его своим повелителем. Су Дин-фан послал отряд легкой конницы в Таласскую долину, очевидно, чтобы охватить тюркютов с юга. Ышбара-хан со своей дружиной успел отступить и начал стягивать подкрепления. Имперские войска преследовали его, несмотря на мороз и вьюгу. В начале 657 г. вражеские войска подошли к ханской ставке, которая в этот момент располагалась на склонах Тарбагатая[29].

Теперь имперцы стали намного сильнее тюркютов, так как все сдавшиеся им дулу и нушиби составили вспомогательные отряды[30]. Можно думать, что и оставшиеся дома отказали хану в повиновении, потому что у тюркютов не было провианта и им пришлось заниматься облавной охотой. Имперцы напали на тюркютов врасплох и нанесли им большой урон.

С остатками своих войск Ышбара-хан отступил за реку Или. Он оказался одиноким: враги были и на юге и на севере, а десятистрельные тюрки не хотели сражаться. Лишенный возможности маневрировать, он принял бой, укрепив свой лагерь палисадом, но снова был разбит. Имперцы преследовали тюркютов до реки Чу и там принудили их к сдаче.

Но Ышбара-хан с сыном и с немногими верными всадниками снова ускользнул от преследования. Он бежал на юг. Около Чача (Ташкентский оазис) утомленные лошади не смогли больше идти. Владетель Чача, носивший тюркютский титул "тархан", принял беглецов и, связав их, выдал преследователям[31]. Последний тюркютский хан в оковах был приведен в Чанъань, Гаоцзун пощадил его, но тот умер в плену в 659 г. от тоски, что, как заметил читатель, среди вольнолюбивых тюркютов не было редкостью.

Дальнейшее покорение страны пошло быстро. Драться стало некому. Согдийские княжества Кан (Самарканд), Хэ (владение в долине Зеравшана), Давань (Фергана), Ми (Май-мург), и Кеш (Шахризябз) отпали от тюркютов еще до падения Ышбара-хана. В 659 г. за ними последовали восточнотуркестанские владения: Сулэ (Кашгар). Чжуцюй (Кокьяр, к юго-западу от Каргалыка) и Бохань (Яка-арык)[32]. Остатки сторонников Ышбара-хана были добиты в 659 г. у оз. Эбинор и подле Кучи[33].

Чженчу попытался в 659 г. поднять восстание, но, потерпев в долине Боротолы поражение от Мише, верой и правдой служившего новым господам, был схвачен и казнен. Наконец, какой-то нушибийский князек, пожелавший сохранить самостоятельность, был пойман Су Дин-фаном в 660 году.

Западнотюркютская держава как независимое государство погибла и больше никогда не воскресала.

Земли Западного каганата были разделены на округа и уезды, из которых образовались два губернаторства. Одно соответствовало территории дулу, во главе его был поставлен Ашина Мише; другое – территории нушиби, его получил Ашина Бучжень. Оба эти хана не были самостоятельны.

Для наблюдения за вновь приобретенными владениями резиденция наместника "Западного края"[34] была перенесена из Турфана, где она существовала с 640 г., в Кучу, поближе к кочевьям. Местные владетели Согдианы остались на своих местах, и на некоторое время здесь установился относительный мир.

ПЛОДЫ ПОБЕДЫ

Больше побеждать было некого; но этот успех был призрачным. Империя пыталась включить в свой состав слишком различные народы, чтобы можно было надеяться на их слияние.

Тайцзун благодаря своему такту и обаянию умел привязать к себе всех подчиненных, в том числе и кочевников, но Гаоцзун сменил но-

вые отношения с кочевниками на прежние, полные традиционного высокомерия[35]. Кочевники снова почувствовали себя чужими, и последствия этого сказались немедленно.

В 656 г. восстали уйгуры, т.е. телеские племена – юань-гэ, баегу, сиге, пугу и туило. Во главе их оказалась сестра покойного вождя, ханша Бисуду[36]. В начале 662 г. восстание было подавлено. Бисуду бежала, но китайская армия понесла огромные потери от зимних морозов[37].

Проблема удержания покоренных территорий приобрела небывалую остроту. Даже огромные материальные и людские ресурсы Китая были недостаточны для того, чтобы содержать гарнизоны во всех вновь захваченных странах). Самое большее, что могло себе позволить правительство Гаоцзуна, было укрепление четырех городов и снабжение их постоянными гарнизонами. Эти "четыре гарнизона" размещались в Куче, Кашгаре, Хотане и Токмаке[38] и должны были, по мысли китайского двора, обеспечить гегемонию во всем "Западном крае".

Все покоренные области были разделены на четыре наместничества – два на востоке и два на западе. Земли западных тюркютов вошли в северо-западное наместничество[39]. Не имея возможности непосредственно управлять этими районами, китайское правительство прибегло к помощи тюркютских князей, доказавших свою преданность. Земли племен дулу были вверены Мише, а земли нушиби – Бучженю. Но эти бездарные правители не пользовались популярностью среди своих подданных[40] и, несмотря на все усилия, не могли заслужить доверия. Правда, отдельные бунты кочевых князьков и оседлых владетелей подавлялись легко[41], но сами ханы, интригуя друг против друга, создали коллизию, которая в конечном счете стоила Китаю всех с таким трудом достигнутых успехов. Бучжень во время карательного похода на Кучу в 664 г. оклеветал Мише в умысле на восстание. Китайский полководец Су Хай-чжен, не разобравшись, казнил Мише и "всех его подчиненных до пастуха"[42]. Это вызвало возмущение среди дулу, которые, зная, что сами они бессильны против Китая, снеслись с Тибетом, и это коренным образом изменило расстановку сил в "Западном крае".

Мстителем за Мише выступило племя гун-юэ, населявшее Центральный Тянь-Шань. Оно заключило союз с телеским племенем яньмянь и с тибетцами[43] и попробовало напасть на имперские войска, но было отбито[44]. Вслед за тем весной 663 г. гун-юэ атаковали китайские гарнизоны в Хотане и Турфане, но также не имели успеха[45]. Наконец, в 664 г. гун-юэ были окончательно побеждены имперцами. Степи к северу от Тянь-Шаня и города-оазисы на юге и западе механически

вошли в состав империи, не посягавшей на их обычаи и образ жизни. Надежды на помощь из-за границы оказались тщетными: арабы, покорив Хорасан, обратили оружие на юг. В 662 г. они взяли Кабул, а в 664 г. вторглись в Пенджаб, отложив завоевание Средней Азии на будущее время. Тяньшаньские племена оказались в клещах, а их вождь Ашина Бучжень верно служил империи Тан.

Положение казалось незыблемым, но в 667 г. Бучжень умер и замены ему имперцы не могли найти, хотя потребность в заместителе возрастала день ото дня. Лучшие имперские войска дрались в Корее, героически отстаивавшей свою независимость. В этот момент в игру вмешался новый партнер, решительно изменив всю расстановку сил. Тибет выступил как соперник империи Тан. Новая война запылала по всей западной границе Китая и быстро перекинулась в бассейн Тарима, но, прежде чем говорить об этом, рассмотрим что представлял собой Тибет в середине VII века.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 *Грумм-Гржимайло Г. Е.* Западная Монголия... С. 262–263.

2 У Бичурина – Хиюнь. У Шаванна – Tie-yn. Очевидно, Тье – верблюд+инь=аффикс принадлежности, т.е. мой верблюд с оттенком ласки.

3 *Бичурин (Иакинф).* История Китая.

4 *Бичурин Н. Я.* Собрание сведений... Т. I. С. 289; *Chavannes E.* Documents... P. 33, 60.

5 *Weger L.* Textes historiques... P. 1608–1609.

6 *Артамонов М. И.* История хазар... С. 171

7 Сведения Таншу крайне скупы, но композиция этого раздела говорит больше, чем цитаты. Перечисление племенных вождей с титулами дано только в этом месте, хотя вожди получили свои права пятнадцать лет тому назад, в 635 г. Очевидно, только теперь тюркютский хан признал их и оформил это пожалованием беглам титулов чур и йегин (*кит.* сыгинь).

8 Наличие собственной тюркютской дружины устанавливается из текста Таншу в переводе Шаванна: qu'on extremine uniquement Ho-lou et les siens (Documents... P. 61). У Бичурина иначе: наказать одного Хэлу (Собрание сведений... Т. I. С. 290).

9 К югу от р. Талас (см.: *Pelliot P.* Le nom turc de "Mille sources" chez Hiuen-tsang //T'oung Pao. 1930. P. 189–190).

10 *Кит.* Моходу Шеху (*Бичурин Н. Я.* Собрание сведений. . Т. I. С. 289).

11 *Chavannes E.* Documents... P. 92.

12 *Бичурин Н. Я.* Собрание сведений... Т. I. С. 290.

13 *Бичурин (Иакинф).* История Китая.

14 *Бичурин Н. Я.* Собрание сведений... Т. I. С. 291.

15 Рассказы об этих событиях приводятся Белазури (см.: Материалы по истории туркмен... Т. I. С. 62), Табари (там же. С. 92 и сл.) и Балями (*Tabari.* Chronique... P. 502 sq.), но ход событий был несомненно неясен им самим. Последние дни Йездегерда III опутаны сетью противоречивых рассказов, которые невозможно согласовать между собой. Табари просто приводит пять версий без всякой критики, со ссылками на осведомителей. Балями несколько проясняет дело, выделяя из этих

рассказов персидскую версию, которую он сам считает наиболее достоверной; с ней совпадает версия Фирдоуси, близкая к версии Белазури. По-видимому, последняя наиболее точно отражает действительный ход событий, и, если исключить из нее анекдотические подробности, она может быть положена в основу изложения.

16 Тут возникает весьма важный для нашей темы вопрос: к какому князю обратился Махуй? Белазури называет Низак-тархана, владетеля Бадгиса, убитого Кутейбой в 709 г. То же имя приводит Табари, но Фирдоуси утверждает, что тюркского князя звали Бижан-тархан, а уделом его был Самарканд. До лета 651 г. Самарканд и Согд подчинялись Ирбис Шегуй-хану, а в Бадгисе доживал свой последний год Юкук Ирбис Дулу-хан, который умер в 653 г. Сын Юкука, Чженчу (жемчуг, *кит.* Чжанчжу; значение иероглифов – истинный жемчуг), был убит в 659 г., и Низак-тархан, погибший в 709 г., был его наследником, Следовательно, можно с уверенностью сказать, что истинное имя тюркютского князя было не Низак, а Бижан; надо думать, что Низак, более известный арабам, заслонил собой фигуру Бижана, с которым сами арабы не сталкивались. Ошибку, возможно, усугубила арабская графика: نیزک ← بیژن тем более что арабский алфавит не имеет буквы *ж* (ژ).

17 Это случилось в 31 г. х. (651/52 г.). Судя по ситуации в Западном каганате, убийство Йездегерда произошло до окончательной победы Ышбара-хана, т.е. осенью или в начале зимы 651 г. Валями сообщает иную версию, по которой Йездегерд ушел в Фергану, получил помощь от китайцев и тюркютов, снова вторгся в Иран и умер в Тохаристане. Эти сведения перенесены на Йездегерда с его сына Пероза, прошедшего примерно такой же путь.

18 *Фирдоуси.* Шах-наме. С. 329. (Тегеран. Изд. М. Бехара. На перс. яз.).

19 Там же.

20 قاچار باشی Кашгар, или Каджгар-баши, см.: *Птицын Г. В.* К вопросу о географии "Шах-наме"//Труды отдела Востока Государственного Эрмитажа. 1947. Т. IV. С. 303, хотя там и другое написание: قجغار باشی قنجاز باشی قنجار باسی

21 Материалы по истории туркмен .. Т. I. С. 67, 98.

22 Там же. С. 69.

23 *Бичурин Н. Я.* Собрание сведений. . Т. I. С. 291.

24 *Chavannes E.* Documents... P. 35, 266.

25 *Кит.* Hie-pi ta-tou (Ibid.). Принятие тохаристанским князьком такого титула отражало его стремление подчеркнуть традицию, которая возвела на престол его отца, Юкука, и продолжателем которой он себя объявил.

26 *Chavannes E.* Documents... P. 35.

27 Это видно из того, что в 659 г. он оказался активным врагом империи.

28 *Бичурин Н. Я.* Собрание сведений... Т. I. С. 291. У Шаванна эта река названа Ye-tie (P. 64), и он отказывается ее отождествить с какой-либо известной рекой (*Chavannes E.* Documents... P. 36. № 4). В заметке об уйгурах сказано, что битва произошла на горе Инь[?] (Ibid. P. 92) и снова повторилась на горе Гинья (Ibid. P. 93). По-видимому, второй вариант отражает действия уйгурских вспомогательных отрядов, а не общий ход войны.

29 Горы Гинь (*Бичурин Н. Я.* Собрание сведений... Т. III. С. 20).

30 *Бичурин Н. Я.* Собрание сведений... Т I. С. 292.

31 Там же.

32 *Chavannes E.* Docurnents... P. 8.

33 Ibid. P. 268.

34 *Weger L.* Textes historiques . 3. P. 1609.

35 *Грумм-Гржимайло Г. Е.* Западная Монголия... С. 278.

36 *Chavannes E.* Documents... P. 93.

37 Ibid. P. 113. № 2

[38] Ibid.
[39] См.: *Грумм-Гржимайло Г. Е.* Западная Монголия... С. 268 и сл.
[40] *Бичурин Н. Я.* Собрание сведений... Т. I. С. 393.
[41] Например, восстание Сыге-Думаня в Кашгаре в 660 г. и восстание Кучи в 662 г.
[42] *Бичурин Н. Я.* Собрание сведений... Т. I. С. 393; *Chavannes E.* Documents... P. 73, 280.
[43] *Chavannes E.* Documents... P. 280; *Бичурин (Иакинф).* История Тибета.
[44] *Бичурин (Иакинф).* История Китая; *Chavannes E.* Documents... P. 280.
[45] *Remusat J. P.* Histoire de la ville Khotan. Paris, 1820. P. 69–70.

Фонд "МИР Л.Н.ГУМИЛЕВА"
Серия I. *Сочинения Л.Н.Гумилева*
Bibliotheca Gumilevica

Том 12. ДРЕВНИЕ ТЮРКИ
Кн. 1

Издатель
А.И.Куркчи

Руководитель программ
И.В.Мамаладзе

Редактор
В.Л.Акопян

Обложка
Ю.К.Курбатов

Художник
И.К.Борисова

Технический редактор
З.С.Теплякова

Корректоры
А.В.Яковлев
Л.С.Зубченко

Верстка
ООО "Полиграфикс"

Компьютерное редактирование
Е.В.Мартынова

Фонд «МИР Л.Н.ГУМИЛЕВА»

Лев Николаевич Гумилев

ДРЕВНИЕ ТЮРКИ
Книга 1

Составитель А.И.Куркчи

Издательство "Институт "ДИ-ДИК"
Изд. лиц. № 065404 от 16.09.1997 г.
103009 Москва, ул. Тверская, 9
Телефон: 229-19-10

Формат 60×90$^{1}/_{16}$. Бумага офсетная.
Гарнитура Ньютон. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 30. Тираж 12 000 экз. (1 завод — 2000)
Заказ № 3449.

Отпечатано с готовых диапозитивов
на Книжной фабрике № 1 Госкомпечати России
144003, г. Электросталь Московской обл., ул. Тевосяна, 25.

Сканирование - *Беспалов, Николаева*
DjVu-кодирование - *Беспалов*